ВОСПОМИНАНИЯ ПАРФЕНТЬЕВА ИВАНА ФЁДОРОВИЧА

(1777-1898)

Рукопись из фондов
Красноярского краевого
краеведческого музея

УДК 63.3(2)5-8 Парфентьев И.Ф.
ББК 9(571.51-21) "17"

В77 Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777–1898) : рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ о/ф 7886/231) / под ред. Комаровой Т.С. : предисл. Федоровой В.И., д.ист.н., профессор – Красноярск : ООО «Издательство Поликор», 2016. – 360 с. : ил.

ISBN 978-5-91502-098-5

«Воспоминания» Парфентьева Ивана Фёдоровича являются историческим памятником, своеобразной городской летописью Красноярска. Хронологические рамки охватывают период с 1777 по 1898 годы, самые ранние сведения воспроизводятся мемуаристом по рассказам старших членов семьи Парфентьевых. Автор «Воспоминаний» — красноярский мещанин, чиновник городского управления, частный поверенный енисейских предпринимателей. Страницы его летописи заполняют сотни персонажей: губернаторы, городские головы, чиновники, купцы, золотопромышленники, члены семьи, местные обыватели; приводятся уникальные свидетельства об известных не только в Сибири, но и в России людях,таких как декабристы, Н. П. Резанов, М. К. Сидоров и др. Весьма обширна информация историко-этнографического характера — это бытоописание жизни красноярских жителей: времяпровождение, досуг, увлечения. Для изучения столь злободневной в настоящее время социальной истории и истории повседневности человека его записки бесценны.

В «Воспоминаниях» сохраняется авторская самобытная стилистика, авторское варьирование в написании отдельных слов. Пояснения архаичных русских слов, неточности, описки, ошибки выделены в тексте курсивом. В соответствии с современными правилами публикации, основная религиозная терминология приводится с прописной буквы. Недописанные части слов заключены в скобки. Многочисленные, наиболее существенные, авторские дополнения на полях листов обозначаются «звёздочкой» под строкой. В авторском тексте и текстах переписанных другими лицами (мемуарист не отличался каллиграфией) имеются разночтения в написании некоторых слов. Соблюдается современная пунктуация. В рукопись автора входят тетради под номерами 1, 2, 3, 4, 9, 12, 14, 15, 16; сохранилось упоминание, что в текст вошли не все материалы написанные в разные годы И.Ф. Парфентьевым. В конце приводится краткий комментарий, обусловленный ограниченным объёмом книги.

«Воспоминания» И. Ф. Парфентьева использовались разными исследователями лишь фрагментарно. С выходом этой книги читатель сможет ознакомиться с полным текстом самобытных, увлекательных, непринуждённых очерков незаурядного сибиряка, прожившего достойную жизнь, и оставившего потомкам свои записи, которые никогда не утратят своего значения.
ISBN 978-5-91502-098-5

УДК 63.3(2)5-8 Парфентьев И.Ф.
ББК 9(571.51-21) "17"

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЕВОЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя представляются воспоминания И. Ф. Парфентьева — красноярского старожила, жившего в XIX веке. Воспоминания нашего земляка занимают почетное место в обширном корпусе сибирской мемуаристики, находясь в одном ряду с произведениями таких известных сибирских бытописателей XIX века, как И. Т. Калашников, Е. А. Авдеева, Т. П. Баснин, Н. М. Чукмалдин. Однако долгое время они были доступны лишь узкому кругу историков и краеведов, так как хранились в рукописном виде в фондах Красноярского музея. Лишь небольшой фрагмент из более чем семисотстраничной рукописи Парфентьева был опубликован в 1900 г. в красноярской газете «Енисей» в виде небольшой заметки о жизни декабристов. А спустя много лет в сборнике документов «Город у Красного яра. Документы и материалы. Первая половина XIX века» (Красноярск, 1986) увидел свет более пространный вариант, включавший наряду с воспоминаниями о декабристах ещё и воспоминания о первом губернаторе Енисейской губернии А. П. Степанове*.

Таким образом, из всей рукописи воспоминаний Парфентьева до широкого читателя дошла лишь её ничтожно малая часть. Между тем историки не обделяли вниманием наследие Парфентьева, постоянно черпая из рукописи факты, свидетельства, детали, необходимые для воссоздания исторической картины Красноярска. Можно сказать, что рукопись Парфентьева растащили на цитаты. Однако очень часто они вырывались из контекста, что нарушало первозданность и целостность воспоминаний как исторического источника. Поэтому пришла пора познакомить читателя с полной версией воспоминаний Парфентьева. Хотя сам Иван Федорович не рассчитывал на их публикацию, предназначив записи для своих детей в качестве своего рода наказа, как прожить жизнь, чтобы избежать разочарований и горьких сожалений. Он строго-настрого

* Позднее оба отрывка вошли во второе издание сборника с новым названием «История Красноярска. Документы и материалы XVII – первой половины XIX вв.» (Красноярск, 2000), изданного под редакцией Г.Ф. Быкони.

напутствовал детей: «В особенности же прошу наследников эту книгу никому из посторонних любопытствующих мою жизнь под страхом нарушения благословения моего не давать, несмотря ни на каких лиц»[*]. Но, думается, настало время, когда то, о чем он в них сообщал, перестало быть только личным и сокровенным, а приобрело уже историческую ценность.

Свои воспоминания Парфентьев начал писать в июле 1890 года и продолжал записи до 1899 года. Весь текст рукописи можно условно разделить на несколько частей. Рукопись начинается воспоминаниями о декабристах, датируемыми июлем 1890 года, которые стоят несколько обособленно от основной части, представляющей своеобразную семейную хронику. Она писалась автором по годам, не случайно ее первое черновое название — «Хронография».

Год за годом перед читателем проходит панорама жизни Парфентьева, где главными действующими лицами, кроме него самого, являются его почившие предки и здравствующие родственники, многочисленные дядья, тётки, братья, сёстры, дети, кумовья, крёстные и крестники, сослуживцы, соседи, друзья и недруги. Среди них нет ни высокопоставленных чиновников, ни общественных деятелей, ни видных мастеров культуры (даже великого своего земляка В. И. Сурикова Парфентьев обошел вниманием). Мы не найдем на страницах воспоминаний Ивана Федоровича даже глухих отголосков событий, которыми жила вся страна: войны, реформы 1860–1870-х годов, кардинально изменившие жизнь общества, новые идеи, будоражившие умы. Парфентьев их как бы не замечает, а пишет о том, чем каждодневно живет простой горожанин: заботами о хлебе насущном, домашними буднями, семейными радостями и неурядицами. Он печется о здоровье и благополучии своих близких, думает, как устроить судьбу своих детей, расстраивается от несправедливого гнева начальства, возмущается нерадивостью городских властей, дороговизной продуктов, плохим благоустройством улиц.

Возможно, это даже кого-то разочарует: не чувствуется исторического масштаба, нет судьбоносных событий. Где же, собственно, здесь история? Но это только на поверхностный взгляд. Если следовать рассуждениям одного из основоположников школы Анналов — Марка Блока, то предметом исторического исследования являются «люди во времени», а историк подобен сказочному людоеду, что питается «человечинкой». Так вот, воспоминания Парфентьева дают в этом отношении обильную пищу, позволяя проследить динамику человеческой личности, её сложный внутренний мир, в становлении и развитии которого повседневность играет ничуть не меньшую роль, чем какие-либо эпохальные события.

Публикуемый памятник имеет сложную структуру. В нем сочетается несколько жанровых пластов: воспоминания о декабристах, красноярских губернаторах и градоначальниках, известном исследователе Енисейского Севера — купце М. К. Сидорове, хроника семейных событий, заметка об открытии движения по Красноярскому железнодорожному мосту. Большая часть текста представляет ретроспективу прошедших событий, то есть относится к мемуарной традиции, другая часть писалась, что называется, по горячим следам и может классифицироваться как дневниковые записи. А фрагмент о железной дороге вообще по своему характеру представляет некие публицистические заметки. Парфентьев трижды пытался закончить хронику: в 1894, 1896 и 1897 годах, каждый раз сопровождая это наставлением к детям, запрещающим публиковать рукопись. Но каждый раз вновь и вновь брался за перо, так как в памяти под воздействием каких-то событий в общественной жизни или семейных обстоятельств всплывали всё новые факты, детали. Поток его памяти то устремлялся в прошлое, то прерывался размышлениями о сегодняшнем дне. Всё это делает его записи несколько сумбурными и сложными для источниковедческого анализа и восприятия читателем.

Итак, обратимся к мемуарной части наследия Парфентьева. В ней он разворачивает хронику жизни своей семьи. Он родился в 1823 году в Красноярске, в семье секретаря Красноярского городского суда Фёдора Фёдоровича Парфентьева, пользовавшегося уважением как своих земляков, так и властей за доскональное знание законов. Его отец не боялся отстаивать букву и дух закона перед сильными мира сего. За свое «доброхотство» и «беспристрастие» в 1830 году он был награжден по ходатайству губернатора А. П. Степанова серебряной медалью на Анненской ленте для ношения на шее, с надписью «За усердную службу», а в 1844 году — медалью на Владимирской ленте для ношения на шее. За добросовестную службу Фёдор Фёдорович получил звание степенного гражданина Красноярска с правом ношения после отставки мундира чиновника VIII класса. По тем временам для выходца из податного сословия мещан это вполне успешная карьера.

По линии матери Парфентьев принадлежал к не менее славному роду казаков Нашивошниковых, основателю которого, казаку Илье Нашивошникову, в 1711 году самим Петром I был дарован в вечное владение остров Татышев. Род Нашивошниковых относился к категории состоятельных горожан; их благосостояние из поколения в поколение умножалось благодаря торговле скотом с инородцами Минусинского округа. Этим занимался и дедушка Парфентьева, в доме которого он воспитывался с пяти лет.

От дедушки и бабушки маленький Ваня унаследовал глубокую религиозность. Знал наизусть рождественские и пасхальные ирмосы, тропари, молитвы, истово исполнял обряды, посты. Однако его религиозность носила отнюдь не формально-догматический характер. Вера являлась для него главной жизненной доминантой, путеводной нитью, которая, как он глубоко был убежден, не раз вызволяла его из бед. В воспоминаниях приводится немало случаев, когда, как он считал, только молит-

[*] ККММ, о/ф. № 7886/231. Воспоминания И.Ф. Парфентьева. Л. 218 об.

ва спасала его от неминуемой гибели. Во всех драматических поворотах своей судьбы он готов видеть Промысел Божий, и с христианским смирением принимает любые испытания. «Одна Религия, и притом откровенная, примиряет ум со зрелищем бедствий, которое его возмущает. Религия приносит полное утешение бедствующим»*, — утверждал он.

Этот мистический фатализм превращает Парфентьева из заурядного обывателя в философа. В тексте рукописи буквально на каждом шагу встречаются моралистические сентенции, рассуждения о смысле жизни, добре и зле, счастье и несчастье. Некоторые из них настолько поражают своей глубиной, что трудно поверить, что это пишет полуобразованный красноярский мещанин, а не какой-нибудь древний философ-стоик. «Течение жизни есть лабиринт, в который мы из утробы матери входим, и из которого выходим через врата смерти. ... настоящую жизнь невозможно переплыть без искушений, а кто не умеет страдать, тот не умеет и жить, между тем как истинная-то доблесть и проявляется в несчастиях». «Жизнь — комедия для того, кто мыслит, и трагедия для того, кто чувствует»**, — так мог сказать лишь человек, прошедший суровую жизненную школу.

Действительно, на долю Парфентьева выпало немало испытаний. Беззаботное детство в семье боготворивших его дедушки и бабушки закончилось в 1830 году, когда его отдали в Красноярское уездное училище. Первое время он никак не мог войти в колею учебных занятий и числился в неуспевающих учениках. Только уязвлённое самолюбие заставило его взяться за учёбу и с отличием закончить училище. Как способного ученика его рекомендовали для поступления в Иркутскую гимназию, однако отец его решил пристроить Ваню на службу в городской суд. Так в 1838 году началась его служба в городском суде, продолжавшаяся до 1865 года. Поначалу он занимался переписыванием бумаг, получая за это жалование 5 руб. в месяц. А уже в 1842 году был утвержден в должности столоначальника городского суда, в 1847 году — секретарем.

Однако в 1849 году его успешная карьера была прервана досадным происшествием, которое поставило под удар его профессиональную и моральную репутацию. Оно было связано с пропажей из суда дела о подложном завещании мещанина Токарева. Как выяснилось позднее, дело выкрал секретарь суда Бурундуков с намерением свалить вину на Парфентьева. В этом он позднее ему сам и признался. И хотя невиновность Ивана Федоровича была для многих очевидна, и он продолжал службу, тем не менее следствие продолжалось почти десять лет. Парфентьев, всегда щепетильно относившийся к вопросам чести, болезненно переживал легшее на него подозрение, называя это «нравственной пыткой».

После полного оправдания Парфентьева его служба шла успешно. Усердие и опытность Ивана Федоровича ценили не только городские

* Там же. Л. 212.

** Там же. Л. 224 об., 235 об.

власти, но и чиновники из администрации генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. В 1862 году чиновник по особым поручениям М. Н. Мысловский дал в высшей степени похвальную аттестацию Ивану Федоровичу и пригласил его на службу в аппарат генерал-губернатора. Это открывало перед ним блестящие перспективы получения высоких чинов. Но Парфентьев не польстился на такое предложение, дав важному чиновнику достойный ответ, что «родился де мужиком и умру таковым же»*. Это вполне укладывалось в систему его ценностей. Карьера, возвышение личного статуса, почести, богатство — это всё суета, отвлекающая человека от главного. А главное — прожить жизнь в ладу с собой, не поддаваясь соблазну страстей, чтобы достойно нести доброе имя своих предков и передать эту эстафету детям.

Репутация Парфентьева как опытного юриста, способного обернуть закон в свою пользу, принесла ему вскоре известность в деловых кругах. Его стали приглашать в качестве юридического консультанта енисейские купцы и золотопромышленники. В 1863 году он поступил на службу к известному енисейскому купцу А. С. Баландину, но одновременно состоял доверенным по делам городского общества, в должности которого он прослужил 18 лет. Парфентьев также вел дела купцов И. И. Токарева, А. Матонина, а с 1880 года стал доверенным по делам крупного золотопромышленника, генерала А. Л. Шанявского.

Большие гонорары на частной службе позволили достичь ему материального благополучия и войти в ряды состоятельных горожан. Однако истинный смысл своего существования он видел не в обогащении, а в сохранении репутации добропорядочного и честного человека, это для него было главным капиталом. И вот по ней был вновь нанесен удар с совершенно неожиданной стороны — его сыновьями Александром и Иваном. Александр с 1878 года стал заниматься золотопромышленностью. Первые пять лет дело шло успешно, но вскоре сын запутался в делах, задолжав десятки тысяч рублей. Парфентьев был расстроен не столько потерей денег, сколько тем, что по городу поползли слухи, что будто бы он использовал капитал кредиторов сына в своих интересах. Эти подозрения были оскорбительны для Ивана Федоровича и бросали тень на его деловую репутацию. «Из-за сына своего я в общественном мнении стал другим, зачерненным и замаранным человеком»**, — сокрушался он. Парфентьев очень болезненно переживал свалившееся на него испытание. Но не успел затухнуть скандал с Александром, как в 1889 году случилась беда с сыном Иваном, служившим нотариусом. Он оказался замешанным в какую-то финансовую авантюру, в результате которой должен был выплатить своему кредитору 2300 руб. Но так как сам оплатить долг был не в состоянии, то обратился к отцу, чтобы тот взял на себя поручительство по векселям на три года. Парфентьев отказался это сделать, потому что, во-первых, был глубоко уязвлён

* Там же. Л. 112 об.

** Там же. Л. 182 об.

неискренностью сына, его нежеланием честно признаться во всей истории, а во-вторых, после пожара 1881 года он потерял почти всё своё имущество. Полностью сгорел дом, приусадебные постройки, домашние пожитки. И он под старость лет должен был начинать всё с нуля.

Началось уголовное следствие, сыну угрожало заключение в тюрьму, но удалось добиться, чтобы его передали на поруки отцу. Парфентьев пишет, что «сожжен своею совестью из-за сынов своих» и страдает нравственно. В исступлении он то обвиняет себя в том, что недостаточно уделял внимания детям, то недоумевает, за что такой позор на его седую голову. Страшно было осознавать, что к своему жизненному финалу он подошел с полным крушением надежд на спокойную безбедную старость, а главное, что сыновья оказались не способны достойно блюсти честь рода Парфентьевых, к чему он всегда так трепетно относился. Его ужасает будущее. «Страшусь и ужасаюсь за будущее, — пишет он. — Век нынче — век завоевания, произвола, семейной вражды — этих рассадников зла. Но, да сохранит Господь близких моих от этих пагубных страстей мира сего. Ах, как бы да у меня не обрезаны были орлиные мои крылья! ... Верно, что на свете ничего постоянного нет. Разлетелись все мои заветные золотые мечты, и, пожалуй, не возвратятся»*.

Видимо, именно эта семейная драма заставила Парфентьева взяться за написание родовой хроники. По времени начало работы над рукописью и судебное расследование по делу Ивана совпадают. На это также указывает и тот факт, что частью рукописи является его «Увещание детям», смысл которого резонирует с моралистической риторикой текста воспоминаний. «Слушайте, дети мои! И будьте мудры и направляйте сердце ваше на прямой путь... Купите истину и не продавайте мудрости, и учения, и разума: да веселится отец ваш о вас, да торжествует мать ваша, родившая вас, дети мои»**. В подкрепление нравоучений, взятых им из библейских текстов, Иван Федорович обращается к истории своего рода, в которой жизненный опыт предков должен был стать убедительным аргументом, подтверждающим истинность христианских заветов.

Одновременно и для самого Парфентьева обращение к далеким временам его детства и юности являлось хоть каким-то утешением от свалившихся на него бед. Он с ностальгическим чувством вспоминает безвозвратно ушедшие времена, когда и нравы были чище, и люди добрее, и городское начальство не чета нынешнему. «Какая была чистота нравов и богобоязненность, — восторгается он, — а теперь страдают в один год несколько десятков человек, а ещё умные люди говорят, что в старину преступлений было более, а народ якобы был безнравственный, — нет! Мы, старики, ни за что не решимся променять прежнюю жизнь на настоящую»***.

* Л. 170.

** Л. 204 об.

*** Л.194 об.

Воспоминания Парфентьева — это энциклопедия по истории Красноярска XIX века. В ней читатель найдет массу интересных сведений: о занятиях, увлечениях, круге чтения, домашнем быте и семейном укладе разных социальных групп населения, буднях и праздниках горожан. Кого-то заинтересуют сведения о природно-климатических явлениях: засухах, наводнениях, землетрясениях. Довольно подробно Парфентьев описывает стихийные бедствия: пожары, неурожайные годы и голод. Многие красноярцы встретят на страницах воспоминаний Парфентьева имена своих предков и, возможно, узнают о них то, что никогда не рассказывали им ни родители, ни деды, потому что автор стремился дать такие черты своих современников, какие лично ему казались важными как во внешнем, так и во внутреннем облике человека.

Настоящей радостью для краеведов послужат сведения, сообщаемые Парфентьевым об улицах и зданиях Красноярска того времени. Ведь за годы бурного индустриального роста города в 1960–1980-е годы его исторический центр радикально преобразился, многие здания XIX — начала XX веков исчезли с карты города, изменилась конфигурация городского пространства. Историки спорят о том, где находились исторические здания, места памятных событий и куда ставить памятники и вешать мемориальные доски. Ответ на многие вопросы можно найти у Парфентьева.

Однако кроме сведений, имеющих сугубо краеведческий интерес, у Парфентьева историк может найти немало материала для размышлений над более сложными исследовательскими проблемами. Например, сведения о социальной динамике сибирского общества или характеристику отдельных социальных групп городского населения того времени.

Так, хорошо известно, что в Сибири не было крепостного права, хотя у отдельных дворян и были дворовые из крепостных. Однако рабство в Сибири приобрело такую специфическую форму, как купля-продажа в услужение инородческого населения. Это практиковалось на ранних этапах освоения Сибири и сохранилось вплоть до отмены крепостного права. Парфентьев сообщает, что в Красноярске «в то старое время на мене продавали маленьких киргизят по дешёвой цене, кажется, по 10 рублей ассигнациями за мальчика, а девочки были ещё дешевле»*. Но это не было крепостным рабством в классическом виде. Обычно эта практика распространялась среди купцов и состоятельных мещан.

Судьбы купленных инородцев складывались по-разному. Обычно они принимали крещение и служили своим хозяевам, но некоторым из них к зрелым годам удавалось овладеть грамотой, профессией и даже опытом ведения предпринимательской деятельности. Это говорит о том, что рабство в Сибири не носило институционального характера, а скорее было бытовым явлением.

* Л. 325.

Особенно интересный материал мы находим у Парфентьева для социокультурной характеристики купечества. Он очень хорошо знал эту среду, поскольку по роду своей деятельности в городском суде разбирал их имущественные тяжбы, исковые заявления, был поверенным в их делах. У Парфентьева можно найти истории зарождения и падения отдельных купеческих династий, он раскрывает источники формирования купеческих капиталов.

Его повествование о красноярских купцах начинается с первого в Красноярске купца 1-й гильдии — И. К. Кузнецова. Парфентьев сообщает, что основатель этой династии — Иван Кириллович Кузнецов, происходил из тобольских мещан, в малолетстве был отдан отцом в услужение проживавшему в Красноярске откупщику Шестакову. Так что будущий красноярский магнат начинал свой «трудовой» путь мальчиком на побегушках. Хозяин, видя его исполнительность и сметливость, обучил его грамоте и стал приобщать к «купецкому» делу. Скопив первоначальный капитал в должности поверенного Шестакова, Иван Кириллович вскоре сам начал заниматься откупами, затем вложил капитал в прибыльную торговлю чаем и пушниной, а в 1830-е годы, когда в Енисейской губернии были открыты запасы золота, основал свои первые прииски. На паях с другим богатым купцом И. С. Щеголевым он открыл Крестовоздвиженский прииск, ежегодная добыча золота на котором исчислялась сотнями пудов. Так он стал миллионером. Как видим, «гарвардов» Кузнецов не кончал, а искусству «менеджмента» учился у таких же, как он, полуграмотных купцов. И секрет его успехов Парфентьев видел в том, что «Иван Кириллович был «неусыпен в делах».

Природный ум, предприимчивость, хватка, инициатива, готовность идти на риск, сочетавшаяся с трезвым расчетом, и, конечно, удачливость — вот те качества, которые были присущи не только Кузнецову, но и многим основателям купеческих династий в Сибири. Они поднимались из простых мещан, крестьян, казаков, разночинцев, и в культурном отношении мало чем отличались от трудовых слоев сибирского населения. Это подтверждается многочисленными примерами из воспоминаний Парфентьева. Тот же Иван Кириллович, хотя и стал миллионером, городским головой Красноярска, но по манере общения оставался вполне демократичным. Никаких сословно-культурных барьеров между ним и служащими городской управы, в основном состоявших из мещан, рядовыми горожанами не было. Он по-отечески заботился о молодежи, прощая им некоторые шалости, подчеркнуто уважительно относился к разного рода просителям, не чурался участвовать в городских праздниках, которые сам же и устраивал.

Сын Ивана Кирилловича, Петр Иванович, был полной противоположностью отцу, он уже не был таким щеголем, уступал отцу и по части предприимчивости. Отношение к капиталу у него было сугубо философское. Как пишет Парфентьев, «о капитале сильно и не заботился. «Бог, — говорил, — дал, Бог и взял». При нем состояние дел Кузнецовых пошатнулось

настолько, что нечем было даже платить приисковым рабочим. И только с открытием богатейшего прииска по реке Кызласу в Минусинском округе удалось поправить дела.

Образованием Петр Иванович тоже не блистал: по свидетельству Парфентьева, его сил с трудом хватило на то, чтобы окончить уездное училище. Однако по своим человеческим качествам Петр Иванович «был «редким человеком». По своему внешнему облику и по привычкам он больше был похож на обычного мещанина. Обладал огромной физической силой, так что мог на скаку остановить дикую лошадь, питался простой грубой пищей, привычка к ней у него сложилась благодаря его частым разъездам по приискам, мог обходиться в быту самым необходимым.

Очень любил Кузнецов попросту пообщаться с народом, потолковать о жизни, старине, зайти к своему подчиненному на праздник, под угощение с рюмочкой. Но особо Парфентьева умилял филантропизм Кузнецова. Кому он только не помогал: погорельцам, коих всегда было немало и в городе, и в окрестностях, студентам, учащимся школ и гимназий, своим воспитанникам, да и просто случайным людям. Парфентьев пишет: «Петр Иванович был доверчив, и кого полюбит, того готов, что называется, озолотить»[*].

Воспоминания Парфентьева дают историкам неоценимый материал по характеристике социальной мобильности среди купеческого сословия, являясь яркой иллюстрацией того, насколько медленно и трудно шел процесс первоначального накопления на сибирской окраине. Узость рынка, аграрный характер экономики края, неразвитость хозяйственной инфраструктуры, жесткая бюрократическая регламентация торгово-промышленной деятельности, высокие риски — всё это делало положение купечества крайне неустойчивым. Ежегодно купеческого статуса лишались сотни фамилий, опускаясь на более низкие ступени в сословной иерархии. Парфентьев приводит данные по 20 купеческим семьям Красноярска. Из них на протяжении XIX века сохранили свой сословный статус только пятеро, тринадцать — разорились, в двух купеческих семьях не осталось наследников.

Переменчивая фортуна была безжалостна не только к тем, кто занимался мелкой торговлей, но и к крупным откупщикам, золотопромышленникам, имевшим миллионные состояния, перед которыми склонялась даже губернская власть. Парфентьев приводит историю купца 2-й гильдии В. Н. Власьевского.

Выходец из верхотурских мещан, он занимался оптовыми поставками хлеба из Минусинского округа на прииски Енисейского округа, а также вёл оптовую торговлю пушниной, скотом на Ирбитской ярмарке. Избирался городовым судьёй в 1826, 1827, 1828 годах, а в 1832–1834 годах — городским головою. Это был истинный самородок, обладал редким музыкальным слухом, звонил в церковные коло-

[*] Л. 266.

кола «как по нотам», пел в церковном хоре, без всяких архитектурных проектов мог построить любое здание. Именно он указал на ошибку архитектора при строительстве Кафедрального собора, заложившего фундамент недостаточной глубины, из-за чего и рухнул собор. Однако в 1850 году дела Власьевского пошатнулись, ему пришлось переписаться в купцы 3-й гильдии, его торговые обороты резко сократились. А его наследница, дочь Анна Васильевна, была разорена и «осталась в нищете на одной ограниченной пенсии», да и та была отнята кредиторами. Так бесследно угас могучий купеческий род.

Большой интерес для исследователей представляет пласт материалов, несущий информацию об отношении Парфентьева к власти. Ведь Иван Федорович долгое время служил в городском суде, тесно общался с гласными из городской думы, градоначальниками, хорошо знал механизмы работы органов городского самоуправления. Довольно часто ему приходилось отстаивать городские интересы перед губернской властью, он был в курсе многих интриг в коридорах местной власти, на его глазах менялась система городского самоуправления в связи с принятием нового Городового положения 1870 года. Казалось бы, это должно было сформировать у него активную позицию в оценке эффективности и качества работы властного аппарата хотя бы с чисто профессиональной точки зрения. Однако Парфентьев остается абсолютно индифферентен к «политическим материям». Ему даже в голову не приходит, что можно усомниться в правильности устройства власти.

У него сугубо персонифицированный подход к оценке власти. Власть как таковая не может быть плохой или хорошей. Эти характеристики он применяет только к её персональным представителям: губернатору, градоначальнику, полицмейстеру и т. д. И в этом плане его отношение к власти довольно типичное для подавляющего большинства. Но именно этим оно и интересно для характеристики политической культуры сибирского общества.

Так какую же власть он считал правильной? Прежде всего ту, которая обеспечивает порядок в обществе. Для поддержания порядка она должна опираться на закон, который ограничивает греховную природу человека. Поэтому власть должна быть сильной, а человек должен её уважать и бояться. Такое понимание природы закона и власти категорически расходится с либерально-просветительской идеологией, согласно которой закон должен защищать права и свободу личности, а не подавлять её.

Идеальным губернским или городским начальником должен быть человек требовательный, но справедливый. И совсем было бы идеально, если бы он и своей внешностью внушал страх и почтение к власти: величественной осанкой, силой, звучным голосом. Абсолютно соответствовал такому «политическому идеалу» Ивана Федоровича первый губернатор Енисейской губернии — А. П. Степанов. Парфентьев его рисует этаким богатырем, с орлиным взором и зычным голосом. «Генерала Степанова я помню как сейчас: он был выше среднего

роста, сложения крепкого, ходил скоро, говорил громко, глаза орлиные, быстрые; брюнет, волосы замечательно курчавые». На проштрафившихся чиновников и горожан он «ругался и ревел … с таким ожесточением, что крик слышен был в гостином дворе»*.

Однако при всей грозности Степанов был по-отечески заботливым и человечным. Парфентьев с умилением вспоминал, как он приехал к ним в дом, чтобы лично вручить его отцу серебряную медаль с надписью «За усердную службу». Это так впечатлило маленького Ваню: сам губернатор, государственный человек, не пожалел своего времени, чтобы поздравить какого-то рядового чиновника. По распоряжению отца он подал губернатору на подносе рюмку водки, а Степанов, выпив ее, обратился к мальчику с напутствием учиться прилежно и быть таким же, как отец. Можно не сомневаться, что этот эпизод стал судьбоносным в гражданском воспитании Парфентьева.

Степанов в глазах Парфентьева — строгий, но заботливый отец своих подчиненных, а что может быть крепче и святей сыновьей любви. Поэтому формула «православие — самодержавие — народность» вполне отражала реалии политической культуры того времени, а не являлась надуманной официальной идеологемой.

Однако «горизонт событий» для Ивана Федоровича был ограничен изменениями, видимыми глазу городского обывателя. Он совершенно не касается роли Степанова в осуществлении реформы М. М. Сперанского по управлению Сибири. Между тем Степанов участвовал в разработке проекта «Степных законов», касавшегося управления кочевыми народами. Он активно боролся против обременения граждан податями, выступал против купцов-монополистов, но об этом Парфентьев не говорит ни слова. О широкой культурно-просветительской деятельности губернатора Парфентьев говорит лишь мимоходом. В таком формате, что, мол, Степанов любил повеселиться, поэтому окружал себя литераторами, певчими, музыкантами. Он совершенно оставляет без внимания деятельность литературного кружка Степанова, издание в Красноярске одного из первых в Сибири литературных альманахов. Судя по всему, он ничего не знал о литературных и научных сочинениях Степанова, которые получили у современников высокую оценку. Таким образом, Парфентьев оказался не в состоянии понять масштаб этой личности и её роль для развития края.

Конечно, можно сказать, что во времена правления Степанова Парфентьев был слишком юн, чтобы разбираться в таких сложных вопросах. Однако и оценка деятельности представителей губернской власти того периода, когда он уже был вполне зрелым человеком, мало чем отличалась от приведенных примеров. Последующих губернаторов — И. Г. Ковалева и В. И. Копылова — он характеризует исключительно по их личным качествам. Ковалев был «вполне гуманный, ни с кем не спорящий, соглашавшийся со всеми докладами». Сменив-

* Л. 11.

ший его В. И. Копылов, по наблюдению Парфентьева, «человек вообще тихого и кроткого нрава и вдобавок скупой». Правда, по причине этой «кротости» Копылов настолько запустил дела, что «распущенность во всех распоряжениях» привела к сенатской проверке губернии и отставке Копылова.

В 1844 году губернатором был назначен В. К. Падалка. Он, по мнению Ивана Федоровича, стал вторым после Степанова управителем, достойным памяти потомков. Падалка вполне соответствовал типу идеального губернатора, о котором говорилось ранее. Спал 6 часов в сутки, всё остальное время находился в трудах. Вникал во все мелочи, вплоть до качества пищи тюремных арестантов, соответствия мундиров чиновников и их трезвости. При Ковалеве и Копылове благоустройство Красноярска оказалось в катастрофическом состоянии. «Топь в городе была непролазная — одним словом, по всем улицам болото, хоть плавай в лодке», — вспоминал Парфентьев*. При Падалке вновь, как при Степанове, были восстановлены тротуары, прорыты сточные канавы, проведено уличное освещение, обустроен городской парк.

Парфентьев, сравнивая Падалку и Степанова, совершенно не вникает в то, что они принадлежали к разным направлениям в политической элите. Степанов был ближе к либерально-реформаторскому окружению М. М. Сперанского, а Падалка — к генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту, придерживавшемуся консервативных позиций. Для него это не суть важно, пусть у них будут хоть какие политические взгляды, главное, чтобы был порядок, так, как его понимал Парфентьев. Это, конечно, можно квалифицировать как обывательскую аполитичность, а можно и как определённый тип политической культуры, присущий массовому сознанию. Для него власть, опирающаяся на силу закона, — это то, что должно противостоять хаосу, анархии. И неважно, каких политических взглядов придерживаются губернатор или градоначальник, лишь бы дороги были хорошие, безопасно было ходить по улицам, торговцы на рынке не наглели бы. Это такой фундаментальный политический архетип, в котором порядок и власть сливаются воедино.

Интересно в связи с этим отношение Парфентьева к деятелям, представлявшим политическую оппозицию самодержавию. Парфентьеву довелось знать почти всех декабристов, проживавших в Красноярске в 1830–1850 годах, но наиболее близко он был знаком с братьями Н.С. и П. С. Бобрищевыми-Пушкиными. Они первое время после приезда в Красноярск были поселены в доме его бабушки — Ф. И. Нашивошниковой. Казалось бы, читатель вправе был ждать увлекательное повествование о жизни декабристов, их деятельности, влиянии на красноярское общество, какие-то характеристики, рисующие их внешность и внутренний душевный мир. Однако ничего такого мы не находим у Парфентьева.

* Л. 18.

Познавательная ценность сведений, приводимых мемуаристом, не высока. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в то время сам он был слишком юн, чтобы осознавать историческую значимость событий, связанных с декабристами. Но с другой — он писал свои мемуары в зрелом возрасте. И как человек, имевший определенный культурный кругозор, он, конечно, знал, кто такие декабристы. Однако дело в том, что его понимание общественного блага, прямо скажем, было далеко от тех возвышенных социальных и гуманистических идеалов, которые владели умами российской культурной элиты от декабристов до народников 1860–1890-х годов. Сам Парфентьев просто не воспринимал людей этого типа, у него, если можно так выразиться, был иной частотный диапазон, который не позволял ему улавливать духовные сигналы, излучавшиеся представителями либеральной интеллигенции.

Ему не дано было понять её сложных духовных исканий. Чего искать-то? Когда перед каждым человеком — вот государев закон, а вот — божья заповедь. А всё остальное — от лукавого. Поэтому он, говоря о декабристах, искренне недоумевает: «как только решились задумать такое злодеяние!». Но по-человечески ему их даже жаль, и он готов их оправдать вполне понятными житейскими причинами: «Правду сказано, что молодость — «глупость»*.

Больше других ему импонировал П. С. Бобрищев-Пушкин своей религиозностью и смирением. Он с умилением повествует о том, каким набожным был декабрист, как ревностно соблюдал все посты и церковные службы. Павел Сергеевич запомнился Парфентьеву ярче, чем другие, потому что тот жил не какими-то умозрительными идеями о правах и свободах, благе всего человечества и т. п., а сочувствием и состраданием к конкретному человеку. Так, Парфентьев был глубоко тронут тем, с какой самоотверженностью декабрист ухаживал за его больным дедушкой, а потом, после его смерти, целые сутки читал над телом покойного псалтырь. Тогда как другие — М. А. Фонвизин, В. Л. Давыдов, М. М. Спиридов, М. Ф. Митьков — для Парфентьева остались проходными фигурами.

Так, Фонвизин Парфентьеву запомнился лишь тем, что своим громким голосом напугал его бабушку. И та от испуга захворала. Он показался ему человеком «грубым и угрюмым». Это совершенно диссонирует с характеристикой Фонвизина, оставленной М. Д. Францевой, дочерью красноярского чиновника. «Радушная внимательность и сердечная признательность за малейшую услугу были отличительными чертами его *(Фонвизина. — В.Ф.)* характера», — писала она. «Отличительным свойством М. А. Фонвизина было необыкновенное добродушие; любящее сердце его никогда не помнило зла, и он всегда старался смягчить ласковым непритворным обхождением даже тех, кто к нему относится недоброжелательно»**.

* Л. 4 об.

** Францева М.Д. Исторический вестник. 1888. № 5. С. 398-399.

Парфентьев даже не запомнил его имени и несколько раз неправильно называет его Василием Дмитриевичем.

Декабрист Давыдов, в совершенстве владевший иностранными языками, обладавший ярким литературным талантом, острым умом, блестящим воспитанием и европейским шармом, от которого в восхищении был великий А. С. Пушкин, Парфентьеву тоже не показался чем-либо примечательным. «Давыдов вообще был грубого характера», — категорически заключает он. И другой декабрист — Митьков, также остался в его памяти «вечно грубым».

Такой взгляд на декабристов поразительно контрастирует с воспоминаниями о них других сибиряков. Например, та же Францева писала: «Вежливость во всех так называемых декабристах была как бы врожденным качеством. Высоко уважая в людях человеческое достоинство, они были очень ласковы со всеми низшими, и даже с личностями, находившимися у них в услужении, которым никогда не позволяли говорить себе «ты»[*].

Что же тогда Парфентьев понимал под грубостью? Скорее всего, он видел в них людей иного культурного круга, который был ему непонятен и чужд, потому что точкой отсчета для его представителей была человеческая личность с её интересами, стремлениями, а не освященный традицией и религией миропорядок, которому каждый человек должен смиренно подчиняться. Декабристы не просто восстали против власти, они восстали против этого порядка, без которого жизнь общества, как был уверен Иван Федорович, превратилась бы в хаос. Поэтому Парфентьеву не интересно, что Фонвизин пишет философские трактаты, Давыдов занимается литературным творчеством, Спиридов — агрономическими опытами, а Митьков ведет метеорологические наблюдения. Главное для него то, что декабристы игнорируют принятый для всех порядок: в церковь ходят редко, посты держат не строго, в соборных мероприятиях не участвуют, живут обособленно, своими мирскими интересами. В общем, не как все. Так что под грубостью, он, скорее, понимает гордыню, нежелание подчинять себя традиции.

Декабристы для него хоть и не злодеи, но и не светочи разума, жертвы произвола и тем более не образцы для подражания. В их описаниях читатель не найдет привычного пиетета, восторженного преклонения перед их гражданским и человеческим подвигом. Это для А. И. Герцена и его единомышленников декабристы — «чудо-богатыри, кованные из чистой стали». А для Парфентьева это несчастные люди, сбившиеся с истинного пути, указанного законом и христианским заветом. Они лишены для него того ореола святости, который возвела вокруг них интеллигенция, потому что для Парфентьева святость проявляется в ином — в смирении человеческой гордыни.

Его неприятие деятелей политической оппозиции — декабристов, петрашевцев, народнических революционеров, — это не только демонстративное подчеркивание своей благонамеренности и лояльности к власти. К слову сказать, в воспоминаниях Парфентьева мы находим немало мест, в которых он достаточно критически высказывается в адрес губернаторов, градоначальников, полицмейстеров и даже в отношении церковных иерархов. Так, в 1874 году он выступил против передачи городских земель под постройку монастыря, а церковники стали добиваться этого, действуя далеко не праведными средствами — подкупом, давлением, шантажом. Против самого Парфентьева была организована настоящая травля: «Боже мой, — восклицает он, — каким я тогда пересудам не подвергался: и безбожник-то я, и развратник, и т. п., но все это со стоическим самоотвержением перенес»[*]. Можно представить себе, как тяжело это противостояние далось такому набожному человеку, каким был Иван Федорович.

С болью в сердце он говорит, что отцы церкви, вместо того, чтобы духовно окормлять «стадо» свое, занимаются сутяжничеством и стяжательством. Парфентьев утверждает, что не только он лично, но и многие горожане не имели доверия и уважения к некоторым церковным деятелям. К примеру, отец Зосима. С паствой груб, живет в роскошной квартире, обставленной дорогой мебелью, на стенах вместо духовных картин — изображения женщин, употребляет дорогие заграничные вина, тайно занимается ростовщическими операциями — словом, очень далёк от аскетизма, подобающего слугам божьим.

Однако, как уже говорилось, Парфентьев был убежден, что ни духовная, ни светская власть как таковая плохой быть не может, плохими могут быть люди, ее представляющие, в силу греховной слабости человека. А поэтому как ни меняй форму власти, а всегда найдутся такие люди, которые будут использовать её не на общее благо, а себе на пользу. Вот потому он абсолютно индифферентен ко всяким реформам, политическим теориям и движениям, видя в них один корыстный людской интерес и гордыню.

Итак, по своему мировоззрению Парфентьев — человек уходящей в историю патриархальной старины, на смену ей шла новая эпоха, её грозовое влияние уже всё более явственно стало ощущаться на далекой сибирской окраине. Парфентьев предчувствует её наступление как угрозу тому миропорядку, который был ему так дорог. Его не радует технический прогресс: железная дорога как символ наступающего «железного века» воспринимается им как вызов, который человек бросает природе, а он должен её не покорять, а жить в ладу с ней. Под напором прогресса вырубаются сибирские леса и вывозятся за границу, туда же идет хлеб. А из России в Сибирь хлынул поток переселенцев. «Большая половина снуёт взад и вперед, чего-то ищут, но не обрящут. Нищенство тысячами»[**], — сокрушается он. В городах

[*] Там же.

[*] КККМ, о/ф. № 7886/231. Воспоминания И.Ф. Парфентьева. Л. 137 об.

[**] Л. 351.

растет преступность, пьянство, в семьях разлад между детьми и родителями. «Если бы воскресли теперь наши родители, деды и прадеды, то ужаснулись бы», — восклицает Иван Федорович[*]. Конечно, этот пессимизм можно было бы объяснить преклонным возрастом. Но в то же время в этом есть нечто экзистенциальное. Такие переживания всегда сопутствуют переходу из одной исторической эпохи в другую. Каждый раз людям кажется, что они исчерпали на этом рубеже предел, данный им природой и Богом, и общество приближается к своему судьбоносному финалу. Иван Федорович — не исключение в этом ряду.

Особо следует сказать о лексико-стилистических особенностях текста мемуаров Парфентьева. Язык воспоминаний производит двойственное впечатление. С одной стороны кажется, что он беден, невыразителен, изобилует всевозможными архаизмами, канцелярскими оборотами, что неудивительно, так как Парфентьев — чиновник, и это для него профессиональный язык. Ему явно недостает речевого запаса для анализа сложных событий общественной жизни и характеристики таких выдающихся современников, как декабристы, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, первый губернатор Енисейской губернии Степанов. Уже говорилось, что он не находит иного определения для характеристики большинства декабристов, которых знал, кроме единственного — «грубый». Но когда он начинает рассказывать о своих душевных переживаниях, то есть вступает в описание более важной для себя жизненной сферы, то вдруг находятся такие сочные образы, яркие краски, что его речь временами приобретает характер философско-морализаторской проповеди. Вот он, переживая семейные неурядицы, вызванные недостойным поведением его сына Иннокентия, страдавшего алкоголизмом, неожиданно переходит на философскую волну и начинает рассуждать о бренности бытия и необходимости закалять свой дух перед грядущим великим событием — смертью, как освобождением человека от этой бренности. И в его речи появляется философское звучание, эмоциональная экспрессия, свойственные библейским текстам. «Борьба души с духами злобы перед смертью велика. Чтобы брань смертная не застигла нас неготовыми, необходимо бороться мужественно во время данной нам Богом жизни. Проведший свою жизнь в мужественной борьбе по навыку и опытности в духовной брани легко одерживает победу и в последний час смерти»[**]. «При этом постарайся простирать сердце устремленным к распятому за нас и взывай к нему: «Боже мой, Творче и Небеси, учитель мой, помоги мне в час сей и не попусти удалиться от истины Св.(ятой) веры или поколебаться в ней, но благоволи мне в истине сей благодатью Твоею, рожденному и наставленному окончить жизнь мою к славе Пресвятого Твоего имени. Не переставай взывать: «По истине, Боже мой, я достоин того, чтобы Ты отверг меня за грехи мои, но все-таки дерзаю уповать на Твое благоутробье и надеяться, что Ты простишь меня»[***].

[*] Л.232.

[**] ?

[***] Там же.

Надо сказать, что он очень часто обращается к прямым цитатам из Священного Писания, псалмам, поэтому становится понятным, откуда у этого косноязычного полуобразованного мещанина появляется дар проповедника. Вообще в тексте довольно часто встречаются церковнославянизмы, которые придают ему некоторую пафосность. Но в то же время речь Парфентьева изобилует оборотами, характерными для простонародной лексики. Например: дать чувствительную волосянку — то есть наказать, выдрать за волосы; батюшка отемнел — ослаб перед смертью; молодяжник — молодежь; выфуркал — выбросил; исперепугал — перепугал; скапризился — капризничал; шуточно — в шутку; лакомить — угощать; читал бормотовато — читал невнятно; куплялись вещи — покупались вещи. Это настоящая стихия народной речи, и Парфентьев в ней чувствует себя абсолютно свободно и органично. Он хоть и чиновник, но его естественная среда — народная. Недаром он сам говорил, что мужиком родился, мужиком и умрёт. Однако всё же он «человек письменный», то есть не просто грамотный, а уже почувствовавший вкус к изящной литературе. И его порой тянет щегольнуть своими познаниями в этой области, как он в юности любил щеголять модным платьем, чтобы, как он сам выражался, «высматривать аристократом». Парфентьев не только цитирует в тексте стихи Пушкина, Майкова и других поэтов, но и сам пробует свои силы в этом жанре. Однако эти стихотворные опусы больше напоминают народный лубок, в котором попытки автора выражаться высоким «поэтическим штилем» приводят только к пародии на него. Но в этом особый шарм лубочной культуры. Так и у Парфентьева, когда он пишет или, точнее, пытается писать, подражая литературному языку, заимствованному из другой культурной среды, получается литературно-лубочное пародирование. Однако и такая пародия сама по себе представляет интерес как феномен масс культуры того времени.

В.И. Федорова,
д.ист.н., профессор

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕКАБРИСТАХ*

В 1833–34 г. возвращены декабристы и поставлены в Красноярск на квартиру по отводу на Гостинскую улицу в д(оме) бабушки моей Ф. И. Нашивошниковой. К ней были поставлены 4 человека. Я помню двоих — Павла и Николая Сергеевичей Пушкиных[1]. При них было два жандарма. Павел же до сих пор врезался в памяти, по его ласковому со мной обращению; высокий с бледным лицом, худощавый, с впалыми глазами, вёл самую религиозную жизнь. Курили ли они табак, не помню. Я прислужничал им при столе. Один раз, накрывая скатерть на столе, я был внезапно отуманен следующим случаем. В комнате, где помещались Пушкины, на стене был ряд портретов царской фамилии и внизу их наследник, т. е. Александр II в казачьем мундире. Николай Пушкин берёт со стола вилку и, в присутствии всех, выколол один глаз на портрете наследника. Все окружающие были в большом недоумении. Один из жандармов, не говоря ни слова, скрылся и, через каких-нибудь четверть часа, прибыли жандармский офицер и городничий, взяли его и увезли, и, как после слышно было, посадили в сумасшедший дом. Долго ли остальные трое проквартировали у бабушки, я не помню. Но, приласканный Павлом Сергеевичем, я ходил к нему на квартиру подле Благовещенской церкви во флигель в доме мещанина Сафона Николаевича Худоногова[2], теперь это место принадлежит наследникам Кузнецова[3]. Комната, занимаемая им, была небольшая, обставлена шкафами с книгами его библиотеки; я прашивал у него книг для чтения, хотя божественных, но он мне не давал, говоря, что ещё рано читать всякие книги, а словесно вразумлял меня постоянно о христианской // здешней и загробной жизни; вообще Павел Сергеевич был человек религиозный, в великие посты, как я от бабушки слыхал, он питался только просфорой и св(ятой) водой. Приобщался к Св. Тайне, чему я сам был очевидец, в Вел(икую) Субботу и большею частью в Св. Христово Воскресенье, подходя к Таинству, слёзно рыдал, после чего я подходил к нему христосоваться, и поздравлял его, и он мне уделял часть просфоры. Л. 1

Платье присылалось к нему из Петербурга, но фрак и всё прочее сидело на нём, как на скелете, ибо он был сильно истощён. А так как в то время, т. е., в (18)35 или (18)36 г., переведён был

* «Воспоминания о декабристах» и ряд очерков из воспоминаний И. Ф. Парфентьева переписаны набело разными лицами. Вероятные причины: малоразборчивый почерк и слабая рука автора в преклонном возрасте, о чём свидетельствуют его многочисленные правки, с трудом читаемые. «Воспоминания о декабристах» переписаны сыном Ивана Фёдоровича Парфентьева — Иннокентием.

сюда, в Благовещенскую церковь, священником служивший в Нерчинских заводах отец Пётр Попов, впоследствии преосвящённый Павел, человек в высшей степени религиозный, кроткий и добродетельный, то Павел Сергеевич после ранней обедни, в первый день Пасхи отправился к отцу Петру, и с ним вместе уезжали в тюремный замок; там о. Пётр служил канон (час) Св. Пасхи; христосовались и приносили с Пав(лом) Сер(геевичем) яиц, чаю, сахару, белья и раздавали всё это арестантам. Отец Пётр заведовал в то время острогом. Арестанты не могли нарадоваться такому об них христианскому попечению и заботливости, а Пав(ел) Серг(еевич) говаривал им про себя, что он сам ссыльный, каторжный, испытавший много горя. Один раз помню, он бабушке при мне сказал, что мы — де узнали Бога только в каторге, а ранее не имели и понятия об нём. Точно так же он ей проговорился, что он никакого злодейского умысла не имел и ничего не знал, а только лишь хранил замкнутый портфель с бумагами своего командира, будучи в чине капитана, кажется, артил(лерийской) бригады, и с этим портфелем взят и впредь до допросов ничего не знал.

Теперь возвратимся к Николаю Пушкину. *Л. 1 об.* В сумасшедшем доме // он содержался, должно быть, около года и потом был выпущен. Бывало, в (18)36 или (18)37 г. идёшь из училища часов 11-ть утра домой обедать, Ник(олай) Серг(еевич) имел в это время обыкновение прогуливаться; часто, повстречавшись с ним, поклонишься ему, он дружелюбно потреплет по щеке, как сейчас это помню.

Ходил он, сложивши руки назади, и держа в них большой красный шёлковый платок, волочившийся по земле, и постоянно бормотал что-то себе под нос. «Милый Ваничка, не связывайся с баловными мальчишками», — говорил он мне, которые его доводили до исступления, дёргая его за конец платка, и за полы его длиннаго сюртука. Я на эти проделки мальчиков с Ник(олаем) Серг(еевичем), жаловался учителю, и только эта мера удержала их от дальнейших насмешек над больным Николаем Серг(еевиче)м. Он обыкновенно провожал меня до дома Коновалова[4], что на Большой (Воскресенской ул.) В церковь он ходил постоянно во все воскресные и праздничные дни, и крестился одним указательным перстом, и постоянно бормотал непонятное что-то тихо про себя. В церкви он стоял зимой у левого теплой церкви клироса на месте регента для певчих, и его никто не стеснял, летом же не помню, где он стоял. Недалеко от него всегда стоял губернатор. В церковь Ник(олай) Серг(еевич) приходил поздно и, если заставал кого-либо на своем месте, то тихонько рукою отстранял; а Пав(ел) Серг(еевич) приходил всегда раньше, стоял на клиросе, читал часы и вообще всю службу относил как псаломщик. После обедни Павел Серг(еевич) уходил в алтарь и читал там молитвы до разоблачения духовенства. Павел Серг(еевич) был в величайшем уважении не только у своих товарищей-декабристов, но и у всех граждан гор(ода) Красноярска. Когда помер мой дедушка в 1836 году в мае м(еся)це, Павел Серг(еевич) находился у его постели неотлучно 3-е суток, подавал ему лекарства. // Наконец, *Л. 2* видя его безнадёжность, распорядился послать за мною в училище для получения последняго благословения. Я сильно плакал; Пав(ел) Сер(геевич) читал уже отходные молитвы на коленях, что было сделано всеми присутствующими, и были затеплены свечи, и пред последним исходом души (как сейчас помню) провозглашал громко за умирающаго следующие слова: «Господи Иисусе, Иисусе, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного!» По кончине же дедушки обмывал тело его, одевал и первые сутки читал по усопшем псалтырь. Перед отъездом в Тобольск, Павел Серг(еевич) был у нас и прощался, (в (18)40-х годах уехали оба из Кр(асноярс)ка[5].

Когда декабристы проезжали в каторгу, то несколько человек их были поставлены в доме красноярского купца Михаила Петровича Кабакова, человека честных правил, самостоятельнаго; он, проникнутый чувством человеколюбия, просил конвойных жандармов и полицию разрешить несчастным вымыться в бане и угостить их чем Бог послал. На всё это и, в особенности, на снятие оков согласия не последовало; тогда Кабаков, будучи от природы энергичным, обегал все здешния административныя власти, и, всё-таки, упросил о том, чего он желал. Баня, бельё были готовы, чай с ромом тоже, и в заключение — ужин и тёплые постели. Оковы на ночь были сняты, но под строжайшей ответственностью Кабакова, за всё могущее произойти, как противозаконное, и во всём этом он дал подписку. Конечно, за все эти сочувствия от несчастных узников последовали благодарности. Наутро, в известные часы, они отправились далее. И что же в возмездие этого Кабаков получил? Так как Кабаков занимался для Туруханского и отдалённаго за ним края поставкой сплавом по Енисею хлеба, соли, пороху, свинцу, в конце ли (18)20-х *Л. 2 об.* или начале (18)40-х годов его // постигло несчастие. Плоты или барку его разбило, конечно, всё погибло, и он в полузамерзшем состоянии был выкинут на берег в Дудинке, и, не помня ничего, очутился в тёплой уютной комнате, в постели и, когда очнулся, то спросил, где он? «А это, — последовал ответ, — ты у того русского человека, который помнит добро, оказанное ему в 1826 году»[6]. Оказался один из декабристов, занимавшийся там копчением сельдей, которая и ныне по её копчению в большом употреблении. Облобызались, много проплакали и, конечно, выпили, ибо старик Кабаков любил выпить. Рассказ этот слышан мною от сына М(ихаила) П(етровича) Алексея Михайловича.

Помниться мне, что Пав(ел) Серг(еевич) писал письмо из Тобольска родителю моему, но, к несчастию, письмо это затерялось, извещал, что они прощены с возвращением дворянства. Так как бабушка моя была начитана (она была дочь свящ(енника), то через Пушкиных её полюбили все наличныя декабристы, и мы хаживали с нею в квартиру Фон-Визиных[7], занимаемую в 20 саженях от нашего дому. Обстановка была чисто аристократическая. Фон-Визин от природы был груб и угрюм, голос имел грубый и громкий; носил коротенький казакин со шнурами, широкие шаровары, лицо было загорелое (и у него или у кого другого не помню — изрубленное саблями лицо), все это приводило меня в страх — при его колоссальной осанке.

Однажды, это было в Великий пост, мы были с бабушкой у Ф-Визиных, пили чай, беседуя с Натальей Дмитриевной (супругой Ф(он)-В(изина), которая говорила бабушке, и я прислушивался, каких она натерпелась в каторге страстей и лишений; желая дать сколько-нибудь отдохнуть мужу, она заменяла его, переодеваясь в // арестантское платье, *Л. 3* работала наравне с другими каторжными в дыму и огне; тут уже её начальствующие лица не называ-

ли В(аше) пр(авосходительст)во, а распоряжались, как обыкновенно в таких случаях бывает — неумолимо, говаривала она, было начальство; все строгости испытывались над нею, но когда она кончила урочные часы и на смену приходил муж, тогда, говорила она — я опять была В(аше) пр(евосходительст)во; да и без сомнения эта женщина была по своей осанке, красоте и величию способна к перенесению всяких трудностей. Она была похожа на Елену Вильгельмовну Падалко[8]. Но вот, напившись чаю и прощаясь с генеральшей, мы только что хотели выйти на крыльцо, как внезапно появился он сам, т. е. Вас(илий) Дмитр(иевич) *(Михаил Александрович)* Ф(он)-Визин[9] поздоровался с нами, хотя и грубо, но как крикнет: «Кучер! Подавай лошадей», то бабушка моя от испуга так и присела. Генеральша её успокоила, а мужа пожурила. Нас отвезли в пролётках домой, и бабушка захворала от испугу, и генеральша навещала её несколько раз. Знакомств в городе Ф(он)-Визины не заводили, и у них никто не бывал. Вас(илий) Дмитр(иевич) в Великий пост кушал постное на 1–4 и 7 неделях, как он сказывал бабушке, и то, говорил он, научила нас сему каторга, а прежде мы 2-е не знали ни постов, ни праздников. Генеральша в пост кушала постное.

Здешняя молодежь называла Василия Львовича Давыдова короб(ом) просвещения, так как он образованный и начитанный[10]. Жил он здесь с семейством, нигде не бывал, хотя семейство выходило гулять, но знакомств не заводило. Он сам постоянно сидел у окна с книгой или газетой и, обязательно, *Л. 3 об.* с трубкой в зубах. Управляющий // Казённой палатой д(ействительный) с(статский) сов(етник) Высоцкий, проходя мимо его, останавливался у окна, стоял по часу и разговаривал, но в комнату Давыдова никогда не входил, говорили обыкновенно по-французски. Давыдов вообще был грубаго характера. К богослужению ходил редко и стоял только до великого выхода, должно быть по тяжести его, брюхо было большое. В 1880 годах, сын его, проезжая в Китай посланником, отыскал его могилу и памятник, и служил панихиду протоиерей отец Василий Касьянов[11].

Спиридов, помнится мне, был небольшого росту, коренастый, с большими усами; жил в деревне Дрокиной своим домом и хозяйством[12]. По воскресеньям привозил Ф-Визиным огурцы, салат и т. п. Ездил обыкновенно без кучера на одноколке. Более об нём ничего не знаю.

Митьков[13] был высокого роста, худощавый, рыжеватый, вечно грубый. Жил в своем доме замкнуто, ворота всегда были на запоре, и днём и ночью были спущены собаки. Дом его был на Благовещенской улице, в улицу в 3 окна, во двор же — длинный[14]. При отъезде Митьков продал дом А. Ф. Кузнецовой, а она продала купцу Кузьминых, который 17 июля 1862 сгорел в большой пожар[15].

Общая жизнь всех наших декабристов, насколько я помню, была вообще замкнутая, они ни у кого не бывали и у них никто, только лишь они собирались в свой тесный кружок.

Ив. Ф. Парфентьев
Град Красноярск
7 июля 1890 года. // *Л. 4*

Вспомнил ещё декабриста Василья Львовича Давыдова, о котором говорил выше, что на памятнике мраморном, восстановленном на кладбище по правой руке со входу в ограду недалеко от церкви, имеется надпись, что он родился в марте 1793 г., а помер в январе 1855 г.; я, когда бываю на кладбище летом, почти каждую неделю, и долго думаю, как только решились задумать такое злодеяние! Правду сказано, что молодость «глупость». Ему было тогда 33 году, а он уже состоял в чине полковника гвардии. Значит, был хороший воин. В [душе] с моей стороны благодарность и сыну его, что он не забыл память родителя своего и отслужил панихиду.

Исторический очерк «Каменка 1821–1825 г.», отрывок о деяниях Василья Львовича Давыдова, напечатан в сочинениях Д(анилевского) Г(игория) П(етровича), Данилевского (1847–1881), т(ом) 2, изд(ание) 3, дополненное в типографии Стасюлевича. С. — П(етер)бург 1882[16], тут же о вымыслах Бестужева-Рюмина, Рылеева, Муравьёва-Апостола, Орлова, Волконского и друг(их). И слова поэта Пушкина: «Увижу ль я, друзья, народ неугнетён- *Л. 4 об.* ный и рабство, падшее по волию Царя»*. //

* Дополнение о В. Л. Давыдове вписано автором «Воспоминаний».

Тетрадь 1

Хронография** 1890 года. Июль.

Предка нашего Ивана Парфентьева, отчество котораго неизвестно, как видно из домашних бумаг, уцелевших частью от пожара 1881 г., имя его стало ещё известно в 1777 году и, по всей вероятности, это тот самый Иван Парфентьев, который описывался в записках Гавриила Романовича Державина (1743–1812 гг. Изд(ание)«Русск(ая) Бесед(а)». 1860 г.)***, который прислал в С/Петербург на сибирскаго генерал-губернатора Якобия, назначеннаго на эту должность в 1783 г.[17]. Донос, котораго важнейшим обвинением было то, что Якобий хочет поднять войну с Китаем, чтобы получить через неё более важности, по поводу чего Якобий и был вытребован в Петербург, об нём назначено было следствие и дело тянулось 7 (семь) лет. При представлении императрице этого следствия ея величество вспыхнула и с гневом спросила: «Кто приказал Державину и как он смел выводить невинности Якобия?» На что Державин твердо отвечал: «Справедливость и Ваша слава, государыня, чтоб не погрешила, чтим в правосудии». Она закраснелась и выслала его вон, как и нередко то в продолжение сего дела случалось.

У вышеозначеннаго Ивана Парфентьева были два сына Феодор и Пётр, отданные по распоряжению Енисейскаго провинциальнаго магистрата в заработки за долг отца на Боготольский виноку-

** Заголовок вписан на верхнем поле листа простым карандашом рукой автора, далее текст переписан другой рукой

*** Название издания вписано на левом поле листа

ренный завод. Долг был мещанину Стадырнову в количестве 225 руб(лей). Сколько лет они были в заработках, неизвестно, но фактически доказывается, что долг этот принял на себя отставной казак Никита Петухов, славившийся в это время (1777 г.) зажиточностью, // *Л. 5* потому что держал постоялый двор для проезжих купцов и, впоследствии, выдавший дочь свою, Парасковью Никитишну, за Петра Парфентьева, у которого было два сына: Павел и Андрей Петровичи. Когда же старик Петухов помер, то, вероятно, всё достояние его перешло к дочери. И эти Парфентьевы все назывались по дедушке Петуховыми до 1840-го года.

У Фёдора же Парфентьева было два сына и одна дочь: Фёдор и Степан Фёдоровичи и Мария Фёдоровна, проживавшие тоже в доме Петра Парфентьева. Когда же в этом доме случился пожар, потому что один проезжающий купец заронил огонь в повозке при перекладке, а в ней был порох, от взрыва которого с дома сняло крышу, а остатки купца найдены на острову против города за Енисеем, тогда благосостояние Петуховых или Парфентьевых упало.

Братья Фёдор и Пётр разошлись, и второй в надел перваго выбросил с азартом только одну ковригу хлеба. Долго ли, коротко ли и где находился Фёдор с семьёй неизвестно, но 28 марта 1786 года купил уже землю с небольшим домом, заплатив за это по крепостному акту 10 рублей ассигнациями. (На этом месте и поныне стоит дом Парфентьевых). Старик Фёдор был здоровый, работящий, богатырскаго сложения, грубаго характера, любивший только одну дочь Марью, с сыновьями же обращался деспотически. Степана пристроил к хлебопашеству и звероловству, а Фёдора мать, Федосья Лаврентьевна, после усиленных просьб у отца и, конечно, не без колотушек, пристроила в магистрат под руководство секретаря Свешникова. // *Л. 5 об.* Мальчик вышел скромный и в письменных делах способный. Это было в 1813 году, об проезде через Сибирь графа Сперанского[18], он первый обратил на себя особенное внимание, когда граф спросил его, ревизируя магистрат, что значит, слово «приказали»[*], он ответил, что «сущность резолюции», граф остался доволен, и приказал более и более вникать в законоведение.

Фёдор Иванович Парфентьев до того был груб и самостоятелен, что, однажды, поехал козовать и, когда подкрался к козам, поставил за верховой лошадью сошки, и только надо было пустить выстрел, лошадь фыркнула; понятно, козы мгновенно разбежались, а дедушка в азарте кобылицу топором изрубил и пришёл домой пешком, без коз и кобылицы, и на вопрос дочери Марии (моей крёстной матери): «Батюшка, да где же кобылица-то?», он, замахнувшись на неё топором, ответил с непечатанным словом: «Молчать, тебе то же будет!» Что же касается до жены его, Федосьи Лаврентьевны, то она никогда ни в чём не смогла сказать ему ни слова.

Или вот ещё случай, свидетельствующий характер Фёд(ора) Ив(ановича). Собралась вся семья по его приказанию метать сено в зароды 6 августа, и хотя Мария упрашивала отца, чтобы остановиться до завтра, но воля его была непреклонна, и должны были покориться. День был жаркий, сено сметали, под вечер стала находить чёрная туча с громом и молнией, поднялась ужасная буря, и сена как не бывало, всё разнесло по деревьям. Дедушка только сказал: «Да будут воля Божья!», и впредь всем детям заказал потомственно в два на десятые праздники, какая бы не была нужда, не работать. Или ещё один случай: Фёдор Иванович состоял сборщиком податей. Собранные медные деньги в мешках хранились у него в подклети. Один раз воришки в тёмную ночь вздумали попользоваться, разломав ставень у волокового окна. Дедушка, услыхавши это, выскочил один, двух воров сгрёб за волосы и мешками с медью так оттузил их, что они пали на колени и стали // *Л. 6* просить пощады; он, вынув по горсти денег, и выдав им, сказал, чтобы они впредь не осмеливались воровать царскую казну. Однажды младший сын, Фёдор (мой отец), будучи ещё мальчиком, с сестрой Марией ходили за водой на Енисей, и Фёдор, как мальчик, выстегнул прутиком брюшинное окно у кого-то из соседей. На него принесена была отцу жалоба, который хотел его за это запороть до смерти, но только, благодаря укрывательству мальчика сестрой Марией и слёзным просьбам у отца о прощении, она же и отделалась несколькими ударами бича. Когда же Фёд(ор) Ив(анович) отемнел и лежал уже дома на печи, то всем хозяйством стали орудовать безраздельно братья Фёдор и Степан, последний был в чёрном теле, а Фёдор состоял повытчиком в магистрате и высматривал по тогдашнему времени аристократом. Имел беговые дрожки, рысаков, вообще был любитель лошадей. Но пашню, по бесхарактерности брата Степана, должен был оставить, (едучи в деревню стар(ую) Заледееву, место это мне памятно и теперь). Брат Степан поэтому и остался при доме Фёдора. Заправившись средствами через трудолюбие и услуги, отец мой, Фёдор, (род(ился) в 1793 г.), в 1812 году за себя и за брата нанял рекрута за пятьсот рублей. После того с Большой улицы купил у мещан Старцевых на снос дом, кажется, в 1813 году, за сколько — не знаю, который существовал до 1881 г. Брат мой Степан с женою Дарьей Андреевною проживал во флигеле, имел одну дочь, выданную в замужество за причётника Коновалова (впоследствии дьякон Воскресенского собора), умершего в 1844 году, его младшая дочь Евдокия Арсеньевна в замужестве за А. Н. Окошниковым[*].

С 1826 по 1830 г. отец мой воздвигал надворныя постройки и все хозяйственныя принадлежности, а за хорошее поведение, прилежание и отличные успехи по магистрату с 1811 году получал аттестаты 30 декабря 1816 № 763; 23 января 1823 г. № 95, 14 января 1826 г. № 30. За усердную службу в должности секретаря Красноярскаго // *Л. 6 об.* городоваго суда, всемилостивейше пожалован 21 октября (18)30 г. серебряною медалью на Аннинской ленте. Медаль сия доставлена лично и возложена на Фёдора Фёдоровича г(осподином) енисейским гражданским губернатором д(ействительным) с(татским) с(оветником) Александром Петровичем Степановым, при чём произошёл, не забытый мною, следующий случай. Родитель мой из канцелярии губернатора был уже предупреждён о полученной для него награде и что губернатор, нося её в кармане жилета, вероятно, намерен посетить сам Ф(ёдора) Фёд(оровича) Пар(фентье)ва, к чему сей, последний, к встрече такого высокаго гостя не один день и приготовлялся, надевая празднич-

* Слово подчёркнуто; со слов «это было» и до конца абзаца — авторская вставка на левом поле.

* Со слов «Брат мой» — авторское дополнение на левом поле.

ный, синяго сукна, сюртук на голубом гранитуровом подкладе, белый пиковый жилет и белый галстух. И, наконец, в одно прекрасное утро в ноябре (18)30 года, отец мне в училище ходить не приказал; вижу: в 12 часов этого дня к дому нашему подъезжают парные белые дубовые сани с натянутой на них медвежьей шкурой с лапами и головой, позади два конных жандарма в касках. Один жандарм слез с коня, и передав его другому и, получив от сидящего в санях губернатора какое-то приказание, гремя по крыльцу саблею и шпорами, спросил в передней: «У себя ли г(осподин) Парф(енть) ев?» и, получив утвердительный ответ, возвратился с докладом к губернатору, который, выйдя из саней, направился в переднюю, где тот же жандарм, сняв с него носильную медвежью шубу, вышел на крыльцо, а я, между тем, не видавши такой обстановки и испугавшись такой важной особы, хотел было спрятаться, но отец мой, дав мне чувствительную волосянку, приказал стоять в комнате у дверей. Губернатор первым долгом объявил отцу моему цель своего прихода, вынув из кармана медаль с лентой, повязал отцу моему Л. 7 её на шею, который предварительно // поцеловал её, затем обратился с вопросом, указывая на меня: «Это Ваш сын?», — дал мне наставление учиться прилежно и быть таким же, как отец мой. Затем, по приказанию отца, я вынес на подносе рюмку вина или водки, не помню (прежде графинов и бутылок на стол не ставилось, а стояла одна закуска. Угощение же производилось на руках, по количеству гостей рюмками).

Не помню, какая была закуска на столе, и подавал ли я вторую рюмку, но губернатор, поздравив, выпил с удовольствием, сказав: «Расти и учи сына своего, а я, буду, жив, не замедлю представить тебя к чину». Желание это к несчастию не осуществилось, потому что г(убернатор) Степанов в том же (18)30 или вначале (18)31 г. переведён был губернатором в Саратов. Забыл я ещё сказать, что родитель мой, Фёдор Парфентьев, женился 21 апреля 1822 г. на Анне Ивановне из роду Нашивошниковых, свадьба была в день ея ангела, и здесь достойно памяти то, что бывший на свадьбе их шафером купеческий сын Пётр Иванович Матвеев и доныне жив, но пользуется мирским подаянием, в(18)22 году ему было 25 лет, значит, ему ныне, т. е. в (18)91 г. по крайней мере, 94 года. А мне уже теперь милости Божией 76 лет — это в 1896 году[*] Губернатор в то время, т. е., когда был у отца[**], был со звездою и белым орлом на шее, в мундире мальтийского ордена. Белого сукна отвороты и плечевые погоны золотые толстыми витушками, потому что, как я слышал, служил Суворовским адъютантом, переходил через Альпы и из полковников гвардии переименован в д(ействительные) статские) советники[19]. При этом, кстати заметить, что с приездом сюда (губернатора) Степанова он город привёл в лучшее состояние: напр(имер), дома на Большой улице все были обшиты тёсом и выкрашены, построены тротуары, фонарные столбы, всё это было окрашено аракчеевской краской, т. е. в три цвета, устроены будки для ночнаго караула; шлагбаумы с иркутскаго и московскаго трактов, поставлены часовые, а где теперь казармы, // тут Л. 7 об. был вырыт ров, так что помимо шлагбаума никто

[*] Со слов «Забыл я ещё» авторская вставка на правом поле л. 7об и левом поле л. 8.

[**] В тексте много мелких авторских правок; далее «звёздочками» будут отмечаться наиболее значительные дополнения, пометы и примечания И. Ф. Парфентьева.

не мог никуда проехать. На набережной в косогоре, что теперь против дома г(оспо)жи Матвеевой [20] посажены деревья.Московский тракт устроен был прямо с Большой улицы в гору, там была каменная будка и построена поскотина, но впоследствии, когда при спуске с горы лошади разбили какого-то пассажира, тракт отнесён вправо, где и теперь существует. Генерал Степанов любил подчас повеселиться, в царские дни у него всегда бывал обед и бал с хором певчих из казаков и баталионных музыкантов, но ни однаго обеда не проходило, чтобы генерал не пригласил на обед родителя моего. Помню я, как отец рассказывал, что он явился на обед без медали; губернатор сейчас обратил внимание: «...что Вы-де как будто пренебрегаете монаршей милостью». Отец на это объяснил, что он стесняется бывать на обедах с лентою, губернатор сказал: «Без разговоров возвратитесь домой, наденьте медаль и приходите на обед». Удивительно показалось для отца, что на столе, между прочим, подавалось жаренное в масле из воробьёв. Волей — неволей пришлось поесть, так как отец воробьёв никогда в пищу не употреблял.

1828 или 1829 году, помнится мне ещё один случай, что я, будучи маленьким, с отцом говел, и, когда приобщились уже к Св. тайне, то явился от губернатора жандарм, требуя к его превосходи-Л. 8 тельству. Отец на это // ответил, что он явится тотчас же по окончании литургии и по выслушании после обедни благодарственных причастных молитв; по окончании же всего этого, меня отправил домой, а сам отправился к губернатору, квартировавшему в то время в д(оме) Родюкова [21], что ныне Можарова, около гор(одской) думы. По возвращению в скором времени от губернатора, отец рассказывал, что губерн(атор), встретив его в передней с распростёртыми объятиями и обычными любезностями, поздравил его, извиняясь в требовании, и что после таких великих и страшных тайн ему нужно отдохновение. «А в понедельник, — говорит, — ко мне явитесь, и что нужно переговорим».

Вообще у губернатора обстановка была чисто воинственная; в прихожей было всегда шесть челов(ек) казаков, два жандарма, у входа в крыльцо военный караул. Из жизни г(убернатора) Степанова помнятся мне следующия случаи. Взяток он не терпел; при отце моём он ругал ветеринарнаго врача за послабление его, при бывшем в то время скотском падеже, узнав, что этот врач с какого-то скотопромышленника взял деньги, ругался и ревел на него с таким ожесточением, что крик слышен был в гостином дворе и, наконец, прогнал вон из службы.

Трое купцов, кредитовавших губернатора, Коротанов *(Каратанов)*, Сытин[22] и третьяго не помню, несколько раз, при получении Степановым жалованья, а он получал его вперёд за треть // Л. 8 об. и, конечно, всё его спустит, заявились к нему в одно прекрасное утро; камердинер Степанова Мартын не допускал их, говоря, что генерал не в духе, но когда они при этом спорили, усиливаясь видеть губернатора, последний, вероятно, подслушав этот разговор, вдруг открыл двери, выбежал к ним и спросил громовым голосом: «Что вам надо?» Те, конечно, объяснили причину, как могли, но как крикнет губ(ернато)р: «Жандармы, плетей!», — то эти купцы внезапно побежали, как сумасшедшие, и очутились под горой, не помня, как тут попали. А так как на губерн(аторе) Степ(ано)ве было много

долгов и, поэтому над его имением во Владимирской[23] губернии была учреждена посредническая комиссия и деньги по частям высылались в Городовой суд, для удовлетворения здешних кредиторов-купцов, то по поводу этого купец Сытин и заявил в суд претензию, чтобы по соразмерности удовлетворять и его; и сколько не уговаривали его члены суда, чтобы оставить это дело страха ради от губернатора, но Сытин был непреклонен. Составили совет, конечно, не без участия секретаря, моего родителя. Как предъявить претензию к губернатору, домой ли идти к нему с докладом или приглашать повесткою в суд, как частное лицо. Послушались совета отца, послали повестку в полицию, и в назначенный час со страхом и трепетом ожидали. Вдруг вахмистр докладывает // присутствию, что впрашивается его прев(осходительст)во. Впустили, он объявил цель своего посещения; судья, прежде всего, предлагает ему кресло, так как он был Владимирский кавалер. Все это было предусмотрено, когда он сел, то и члены сели. Секретарь подал ему бумагу, губернатор отозвался, что всё это законно и на просьбе написал, что претензия Сытина справедлива и подлежит удовлетворению наравне с протчими из доходов его Владимирскаго имения; раскланялся и вышел; а после этого судили и рядили, а кабы — де явился судья и секретарь к губернатору в квартиру с докладом о вступившей на него просьбе, что чего добраго, он мог бы приказать тем же жандармам выпроводить их и нагайками. Вот за все те подобныя законныя постановления отец мой и пользовался особой от губернатора благосклонностию; так что ни один раз по приказанию его бывали к отцу требовательныя записки от начальника отд(еления) Дмитриева указать указ Сената или министерскаго распоряжения, ибо отец мой на все эти указы имел памятную и один только он знал. Свода законов тогда не было. Он издан был только в 1832 г. Многие из советников Губернск(ого) суда, напр(имер), Ив(ан) Михайл(ович) Соболев, посылали подобные записки и получали удовлетворение. Понятно, что после всего этого, отец мой пользовался всеобщим уважением. Л. 9

Степанов хотел украсить город даже и садами, приказав около каждаго дома // делать палисадники, но попытка эта не удалась, стали в них укрываться мошеники, но быстрым распоряжением он и это уничтожил. Выписал откуда-то городничаго Алексеева, который положительно день и ночь разъезжал по городу, тем уничтожил всякую попытку, забирая бродяг и отдавая под конвоем в работу; напр(имер, взрывать взвоза на Енисейский и Моск(овский) тракты и по берегу Енисея. После всего этого в летнее время мы и на ночь окон не запирали, всё было хорошо и спокойно. Жаль было такого губернатора, и грустный факт свидетельствует о его беспристрастности тоже; рассказывал находившийся постоянно при Степанове полковой казачий урядник, а впоследствии офицер Иван Степан(ович) Кузьмин, что Степанов, устроив благосостояние города и организовав пожарную команду из сосланных ремесленников состроенными для них по Большой улице четырьмя корпусами, стал собираться к отъезду из Красноярска, и когда собрались граждане и чиноначалие его провожать, губернатор потребовал: «Нет ли чего-нибудь у нас выпить и закусить на прощание?» Кузьмин отозвался, что ничего нет-с, В(аше) п(ревосходительст)во. Но как-то раздобылся графин водки и на тарелке чёрный хлеб с солью. Степанов первый, выпив рюмку и закусив хлебом, горько заплакал как ребёнок, сказав, что «Вот это чисто по-суворовски». После этого губернатор сел в экипаж и уехал, нагромоздив сделанных им // чучел птиц и зверей и разных древностей азиатской культуры, приобретённых из раскопок курганов[24*]. Л. 9 об. Л. 10

По плану Степанова был устроен общественный сад, в нём вокзал, который сохраняется и сейчас, аллеи, ворота в том же виде; и, кажется, только отец мой в одном погрешил перед Степановым, если это только можно назвать грехопадением, именно то, что когда Степанов приказал архитектору Зубакину составить на город Красн(оярск) и его участки план для представления высшему начальству, то вместе с тем, поставил в непременную обязанность лежащие около Кр(асноярска) острова Татышев, Телячий и Конный[**] отвести в пользование казачьего полка. Сколько не упрашивали губерн(атора) выбранные депутаты от города Ив(ан) Кирилл(ович) Кузнецов, Василий Никифор(ович) Власьевский и мой отец, что городу без островов существовать нельзя, как главного источника доходов, но Степанов оставался непреклонен, приказывая отвести городу одну степь на 8-ми — вёрстное расстояние. Догадывались, что это неудовольствие Степанова вызвано было тем, что не любил ни Кузнецова, ни Власьевского или даже ненавидел за их резкия и справедливыя в защиту города[***] выражения. Тогда они обратились к архитектору, который сказал, что ведь меня Ст(епанов) прогонит из службы за непослушание, но как Влас(ьевский) и Кузн(ецов) были в то время своего рода магнаты, то сказали: «Пусть прогонит, мы тебя до смерти обеспечим», что и исполнили, до самой смерти платили ему жалованье, а когда помер, то // и похоронили на свой счёт. Л. 10 об.

[*] Со слов «и разных древностей» — авторское добавление на правом поле.

[**] Название островов вписано на правом поле.

[***] «В защиту города» — авторское дополнение над строкой.

Воспоминания о бывшем первом енисейском губернаторе д(ействительн)ом с(татском) с(оветнике) Александре Петровиче Степанове*.

Когда отец мой, Фёдор Фёдорович Парфентьев, служил сперва в магистрате поветчиком, а после того, в учреждённом в (18)20-х годах Городовом суде секретарём, будучи с тем вместе с разрешения нач(альника) губ(ернии) и городовым судьёю, то Александр Петрович при проницательном своём уме, видя в Пар(фентье)ве хорошее поведение, познание в законах и отличныя успехи в делах, предоставил его к высочайшей награде, и когда 21 октября 1830 г. отцу моему всемилостивейше пожалована была серебряная на Аннинской ленте для ношения на шее, медаль с надписью «За усердную службу», тогда его пр(евосходительст)во медаль эту доставил Ф(ёдору) Ф(ёдоровичу) лично и возложил на него сам. Помниться мне при этом следующий случай (начать с того, что родитель мой, и писать до деревяннаго дома на 9 странице).

Конец**.

Не только в Красноярске, но во всей Енис(кой) губ(ернии) Александр Петрович оставил о себе весьма отрадное воспоминание; отец

Л. 11 мой, // прослуживший и после отъезда А(лександра) П(етрови)ча, при губернаторах: д(ействительном) с(татском) с(оветни)ке Ковалёве, д(ействительном) с(татском) с(оветнике) Копылове и д(ействительном) с(татском) с(оветнике) Падалко, постоянно (в приличных разговорах) говаривал, в особенности молодым чиновникам; «Вот бы вы послужили при г(убернаторе) Степанове, так знали бы службу и поучились уму-разуму» (Впрочем, и Падалко не менее отличался распоряжениями по губернии).

Оставляя Красноярск, А(лександр) П(етрови)ч, целуясь, прощался со всеми (как мне передавал отец) и плакал, говоря «…что я-де Сибирь до своей смерти не забуду», но Провидению неугодно было продлить драгоценныя дни добраго начальника, он отсюда переведён был, кажется, в Саратов[25], послужив там немного, при отъезде в С(анкт)-П(етербург); дорогою якобы скончался. Мир праху твоему, честный гражданин. Да, будет тебе, добрый человек, любовь Божия на небесах наградой!

Отец мой всегда при разговорах называл А(лександра) П(етровича) своим благодетелем, драгоценный портрет А(лександра) П(етрови)ча и другого благодетеля г(енерал) — г(убернатора) В(осточной) С(ибири) Александра Степановича Лавинского, к несчастию, сгорели[26].

В память г(убернатора) Степанова существует и теперь «Степановская улица»[27] // или переулок. Заботами и неустанной деятельностью его пр(евосходительст)ва в Красноярске в скором времени были воздвигнуты: каменныя здания для больницы, богадельни, дома умалишённых, воспитательнаго дома, баталионные и жандармския казармы, народное училище, Городская дума, городской публичный сад, рабочие дома, 3 корпуса для отделения кантонистов, словом, что требовалось по закону для губернского города, всё это устроено было скоро и в приличном виде. Л. 11 об.

* По верхнему краю листа помета: перенос на 7 лист. Текст «Воспоминания» об А. П. Степанове написан рукой И. Ф. Парфентьева.

** Так у автора.

Выше сказано, что А(лександр) П(етрови)ч любил инородцев и дарил их кафтанами, то богатому татарину в Минус(инском) окр(уге), по прозванию Чирке — Каркину, подарил белаго сукна сюртук на голубом гранитуровом подкладе. Этот сюртук татарин подарил моему дедушке, как имевшему с ним торговыя дела, а после смерти дедушки, сюртук как драгоценность перешёл ко мне, но к несчастию, так же в числе дорогих вещей сгорел со всем имуществом в апрельский пожар 1881 г.

Почерк руки А(лександра) П(етрови)ча можно и теперь отыскать в архивных делах бывшей

Л. 12 Городской думы, уцелевших // от пожара. Почерк был вроде такого, … толстая, претолстая черта под всей фамилией*.

Не осталось ли каких воспоминаний об А(лександре) П(етрови)че после смерти сотника Енис(ейского) гор(одского) каз(ачьего) полка Михаила Афанасьевича Ванькова. Это был любимый генералом офицер, умерший в глубокой старости в конце 70-х годов, у него осталась наследницей вдова сына его Афонасия Фроловна, жительствующая и теперь, дом рядом с полковой *(квартирой?)*. А равно, нет ли каких сведений у наследников казачьего офицера Ивана Степановича Козьмина, котораго так же любил генерал и который, бывши ещё урядником, постоянно находился при особе его пр(евосходительс)ва.

Все эти воспоминания о генерале Степанове сообщены мною чрез одного приезшаго офицера сыну его в С(анкт)-П(етер)бург старому генералу (это известный карикатурист) Степанову в апреле 1891 года[28] **;// похоронили на свой счёт. Вот как Л. 12 об. в то время заботились граждане о благосостоянии города и всё-таки острова и в настоящее время принадлежат городу; Кузнецова еще ненавидел Ст(епано)в за то, что когда провозили через Красноярск серебрянку[29], а в январе существовали сильныя морозы, то губернатор приказал разложить костёр на площади, у бывшаго Коноваловскаго дома, что ныне Антона Смирнова, для согревания конвойных солдат. К(узнецо)в, как представитель города против этого распоряжения восстал и, когда Ст(епано)в вошёл в такой азарт, что начал засучивать рукава, то подобно ему и К(узнецо)в начал делать то же (оба были здоровые мужики), что, если — де, он меня хватит, то и я его по-сибирски отхватаю. Обошлось без кровопролития. Сильный крик обоих был слышен в Совете, занимавшемся в д(оме) Терскаго, что ныне дом Гусева, а Ст(епано)в квартировал в д(оме) Толкочёва[30], что теперь принадлежит женской гимназии и после пожара отстраивается. К(узнецо)в убежал домой и послал свою пожарную машину, чтобы огонь залить, а для согревания солдат нанял у Коновалова на свой счёт кухню со своим содержанием: чай, сахар, водка и стол***.

В 1828 или (18)29 г., не помню, в зимний Николин день, я, воспитываясь у дедушки, вышел за ворота посидеть, и увидал такого рода сцену: ниже

* После слова «такого» автор пытался скопировать почерк Степанова.

** Продолжение текста с листа 10 об. Написан другим почерком, с многочисленными авторскими правками.

*** Авторская помета внизу текста: назад см.; лист 6 на обороте.

дома за три, у дома Корченкина, на закате солнца *Л. 13* остановился Степанов // на паре лошадей с 2-мя жандармами, и посадил с собой, в сани вышедшаго из дому Мажора, почти не стоявшаго на ногах, во всей форме его, так как бывал в этот день табель[31], и увёз, должно быть, для сдачи его в баталион. Значит, свои слабости он соизмерял и с чужими, и оказал начальническое сострадание солдату.

Он ездил в Минусинский край, разрывал там древния курганы и много увёз с собой редкостей[32]. Татары считали его за высшаго государственнаго сановника и возили на своих плечах; плавал Ст(епано)в также и в Туруханский край с хором певчих и музыкантами, и в то время сочинили песни «Злые люди пусть смеются», «Страны востока оставляю», и «Между гор и Енисеем». На ноты переводили бывший с ним в то время музыкант, наш мещанин Илья Семенович Скорняков и Андрей Прохорович Попов. С этими грустными мотивами эти песни (романсы) остались и до сего времени. Вообще Ст(епано)в был окружён людьми умными: литераторами и поэтами, из коих выдающимися личностями были Варлаков (большая тетрадь Варлаковых сочинений на синей бумаге была у Кабакова, но в пожаре в (18)81 г., к несчастию, сгорела)*, Расторгуев, Соколовский, и, кроме их, служащия лица, напр(имер), Пестов Иван Семён(ович) — председ(седатель) Енисейск(ой) казён(ной) пал(аты), Коновалов — нач(альник) I отд(еления) Губ(ернского) сов(ета), Родюков Ив(ан) Григ(орьевич) — сов(етник) Енис(ейского) губ(ернского) суда, коими печатались еженедельные бюллетени, высылавшиеся всем служащим каждую субботу[33]. Варлаков был замечательная // личность, кутила беспросыпный *Л. 13 об.* и, когда губернатору требовалось, к какому-нибудь торжественному празднику сочинять стихи или оду какую-нибудь или редактировать его собственныя сочинения, то он его, что называется, выхаживал у себя в квартире.

Один раз был такой случай: неизвестно каким путем, Варлаков пробрался под железную крышу дома губернатора, а там же находилась сушильня для белья, обмотанная верёвками. Когда же Варлаков под крышей проснулся и, не зная, где он, запутался в веревках, стал бить кулаками и ногами в крышу и кричать: «Караул»; как раз это было над спальной Ст(епано)ва; он, хотя и суворовский ветеран, но сильно испугался, тотчас поднял на ноги всех жандармов, казаков и всю прислугу, а часовой у ворот уже хотел стрелять. На вышку никто не идёт, как нижние чины люди были все из простых, будучи убеждены, что там «кикимора» и, наконец-то, кое-как вытащили оттуда виновника события Варлакова. Степанов оставил его под строгим караулом, велел вытрезвлять, а лишить Варлакова вовсе водки значило бы от его никакого толку не добиться.

Так как Степанов был человек одинокий, говаривали, что у него остались в России жена и дочь, но всё-таки он здесь нашёл себе, в качестве экономки, // некую Анну Петровну; женщина была *Л. 14* замечательной красоты, брюнетка. Она была поселенческая жена, и что-то у отца моего хлопотала о каком-то деле, проговаривая, что просил — де вас Александр Петрович; я не один раз подносил ей чай и, конечно, отец, по занимаемому им посту судьи, принимал её с величайшими любезностями

* Текст в скобках вписан на правом поле.

и почестями. Однажды (это рассказывал часовой, бывший у крыльца, Антон Лукиянов Чушляк, ветеран (18)12 года, служивший впоследствии в Городов(ом) суде вахмистром): «Стою, — говорит, — на часах, задремал, около полуночи поднимается на лестницу женщина, сейчас же остановил её, та закричала, что она имеет входить к губернатору в какое угодно ей время». Шум этот услыхали в прихожей жандармы и казаки, отпёрли и вышли; узнав, что это к А(лександру) П(етровичу), хотели впустить её, но Чушляк не отпускает. Довелось будить губернатора, который, выйдя на крыльцо, приказал впустить, что эта женщина мне лично известна, однако, спросил фамилию часового. «Вот, — продолжал Чушляк, — я и думаю сутки, другие, третьи, что мне будет за это, или вовсе ничего не будет, так как губ(ернато)р, может быть, уже и забыл; но через несколько уже времени баталионный командир майор Александр Яковлевич Францов (тоже ветеран (18)12 г.) тре-*Л. 14 об.* бует Чушляка к себе и спрашивает: «Как // ты смел, задержать проходившую к губернатору женщину?» Ответ был: «По долгу службы и присяги, В(аше) в(ысокоблагоро)дие, я — де 4-х крестов кавалер, не хотел ни за какие деньги нарушать данной мною присяги». После чего Чушляка отправили с двумя унтер-офицерами в квартиру Ст(епано)ва, и тот так же громким голосом спросил, как — де я смел, но хохол, будучи неустрашим от грома, как он говорил, 1,5 т(ысяч) орудий, отвечал смело то же губернатору, что и баталионному. Губернатор, приказав исполнять на следующий раз также, выдал в награду 10 — рублёвую бумажку, которую, хотя Чушляков и не брал, но уже по настоятельному требованию взял, хранил её и даже показывал мне. Генерала Степанова я помню как сейчас: он был выше средняго роста, сложения крепкаго, ходил скоро, говорил громко, глаза орлиныя, быстрыя; брунет, волоса замечательно курчавыя, годов, должно быть, был 50 с лишком, гостеприимный и сострадательный, но характера вспыльчиваго. Инородцев любил и одарял кафтанами; при приезде генерала, как я слышал, был при нём и сын его, но наверно не знаю, а заключаю из того: когда горела больница (по Бере(говой) улице, где теперь около дома Матвеева), то я слышал от дедушки моего, что — де на пожаре сильно хорошо распоряжался — де губернаторский сынок, и только его энергическими распоряжениями пожар был вскоре потушен, сгорел только один верхний этаж большого деревянного дома*.

За 3-х — летие, с 1829 по (18)32 г. служения в Город(овом) суде городовым судьёй, и вообще за отнесение этой должности, о доброхотстве, беспристрастии и должном усердии, отец мой награждён похвальным листом 10 октября 1832 г. После того, за таковое же усердие к службе с (18)35 по (18) 38 г. он награждён был похвальным листом, а равно и за усердие и ревность к службе с (18)38 по (18)41 г. получил похвальный лист 12 декабря 1840 г. И, наконец, за те же отличия с (18)41 по (18)44 г. получил похвальный лист 29 ноября 1843 г. В 1844 г. с утверждения ис(полняющего) д(олжность) енисейского губернатора дейст(вительного) ст(атского) советника Высоцкого, получил звание степеннаго гражданина г. Красноярска, и в том же (18)44 году, по засвидетельствованию г(осподина) сенатора, // ревизо- *Л. 15* вавшего Восточную Сибирь Ив(ана) Никол(аевича)

* Со слов «Генерала Степанова» и до конца абзац вписан на левом поле.

Толстого[34], о приметно-усердной службе отца моего, он 9 сентября (18)44 г. всемилостивейше пожалован за усердную службу серебряною медалью на Владимирской ленте для ношения на шее, и с (18)44 г. по (18)47 г., вновь избран был отец мой городовым судьёй, но, не дослужив 3-х месяцев, заболел от геморроя, в ноябре 21 числа 1846 г. по христианском напутствовании волею Божею, скончался. В благодарность за всю его 15-летнюю городовым судьёй службу, граждане гор(ода) Красноярска несли его попеременно до церкви и, после отпевания, от церкви до кладбища на своих руках. После похорон его (25 ноября), назавтра, несколько из граждан заявились ко мне, из сочувствия к моему одиночеству и с искреннейшим памятованием о заслугах отца моего, пожелали мне продолжать службу так же по стопам родителя моего. Да, когда помер отец мой, меня насилу оттащили от груди его, так мне было тяжело с ним расставаться. Он меня горячо любил, вспомоществовал мне, хотел меня женить, вот только, говорил, пристроимся. Забыл я выше сказать, что отцу моему разрешено было и по отставке носить мундир 8 класса, поэтому, с прискорбием, я выдал мундир, чтобы положить в нём отца, а мне-то хотелось оставить этот мундир на память. Но окружавшие тогда меня граждане присоветовали похоронить его со всевозможными почестями. Отец мне ещё при жизни говаривал, чтобы я жалование скапливал, понапрасну не тратил никуда, за содержание он с меня ничего не требовал, поэтому // в жизнь его (Л. 15 об.) мне и доведось подкопить 1,5 т(ысячи) руб(лей) серебром, которые, как предвещал отец мой, и пригодились мне на чёрные впоследствии дни, о чём будет сказано ниже.

В щегольстве моём отец меня не стеснял, но чтобы не выходить из границ, например, в 1844 г. я сшил себе модное летнее пальто-сак как по примеру жившаго здесь француза Алибера[35] (а нас было в то время в Красноярске щеголей не более 5 человек)*; всё это происходило тихонько от отца. В праздник с товарищем пошли в сад, куда отец никогда не хаживал, идучи по аллее, как вдруг нам навстречу попались губернатор Василий Иван(ович) Копылов и Ив(ан) Кирилл(ович) Кузнецов; мы, поклонившись им, прошли и слышали, что губернатор, оглянувшись назад, сказал Ку(знецо)ву: «Какой странный на Пар(фенть)ве сюртук, я такого и не видывал». Назавтра же отца моего требует к себе Кузнецов и передал ему об этом разговор, а отец мой, придя домой, потребовал этот сюртук налицо, велел надеть, осмотрел и сказал: «Ну, что же ты, планида (это слово «планида», отец, когда был в неудовольствии, всегда выражал; более никакими бранными словами в жизнь свою не ругивался, как только словом «планида», будучи вообще кроткаго и человеколюбиваго характера), — на кого ты похож?» Сюртук этот я уже стал носить после смерти его. Один раз, помню, вызвал справедливый гнев его; это было в 1837 г., с соседом, товарищем моим А. М. Кабаковым, мы стали уже крадча покуривать трубочку, Кабакову дома нельзя было курить, отец его был чрезвычайно строгий, то Кабаков и похаживал ко мне, пополам курили 1/4 ф(унта) табаку Жукова, трубочку и чубучок; хранили и курили в сеновале, но стряпка подкараулила и сказала об этом // отцу. (Л. 16) Сена было в то время 60 возов и, конечно, всё это легко было воспламенить; отец приказал вахмистру приготовить розги и в кабинете меня легонько три раза стегнул, дав наставление об опасности, каким я подвергал весь дом, разрешил курить свободно; Кабакову же от отца, как я слышал, дана была сильная порка.

После отъезда г(убернатора) Степанова, прибыл в 1832 г. губернатор, д(ействительный) с(татский) с(оветник) Иван Гаврилович Ковалёв, тоже из военных, переименованный из полковников гвардии, человек холостой, у него были две сестры, девицы-старушки. Этот человек был вполне гуманный, ни с кем не спорящий, соглашавшийся со всеми докладами. Ездил, щегольски, четвернёй в карете, и вот у него-то известный томский богач Цибульский, будучи тогда годов 16-ти, со старшим лакеем, стоял на запятках кареты. Мальчик он был приглядный, брюнет, черноглазый и губернаторския сёстры в праздничные дни угощали его с собою чаем. Замечательнаго по службе Ковалёв ничего не оставил, и в (18)34 г. отсюда переведен был в Тобольск[36], вместо же его, назначен был в 1835 г. д(ействительный) с(татский) с(оветник) Василий Иванович Копылов, человек вообще тихаго и кроткаго нрава и, вдобавок, скупой. Я замечал это сам, будучи столоначальником, в Городовом суде и в (18)43 году, бывши у него с докладом по одному делу. Он молодых людей с хорошими познаниями любил и словами поощрял к деятельности. (Л. 16 об.) Принял он меня в халате, починенном // во всевозможных местах, и вообще от угощения и от увеселений всегда уклонялся, то больным, то по случаю отъезда из губернии. Женился он здесь на своей, привезённой из Вятки, экономке, Александре Ивановне, сестра же её была в замужестве, не помню за кем, приехала также сюда, и муж ея определён был исправником Краснояр(ского) окр(уг)а. До такой степени был кроток характер Василия Ивановича, что полицмейстер Попов[37], стараго времени полицейский крючок, вообще человек безнравственный, при распоряжениях губернатора что-то о городе, колотя себя в грудь, кричал, «что не Вы — де, Ваше п(ревосходительст)во, начальник города, а я» и, после всего этого, Попов продолжал служить полицмейстером до приезда Падалки. Распущенность во всех распоряжениях, а в особенности, пятилетняя голодовка и недобросовестные распоряжения денежными суммами, пожертвованными государем императором, вызвало сенатскую ревизию. Грабежи и убийства были невероятные, так что сам полиц(мейсте)р при разграблении магазина Логинова[38] участвовал в делении с мошейниками краденых вещей. Когда же была назначена сенаторская ревизия, то Василий Иванович посылал за мной, я явился в совет, он указал из свода законов[39] формы, по каким должны быть составлены ведомости о делах; с приездом же сенатора Вас(илий) Ив(анович) попал под следствие, и вместо него исправлял должность председателя Губернского правления // Николай Степанович Турчанинов. (Л. 17) Когда мне довелось быть в совете, вскоре после увольнения Вас(илия) Ив(ановича), я его встретил в 1-м отделении и, поклонившись, приветствовал: «Ваше пр(евосходительство)во!», то он мне возразил сквозь слезы, что я, «любезненький» (это была его поговорка), теперь не Ваше пр(евосходительст)во и, что — де нужно Вам, то обращайтесь теперь к Никол(аю) Степ(анови)чу; жаль мне было добрага старика, я и сам заплакал*. Когда сенаторская ревизия перенеслась из Красн(оярска) в Иркутск,

* Предложение в скобках вписано на левом поле.

* Со слов «жаль мне было» до конца предложения вписано на правом поле.

то в сентябре 1845 г. получил от сенатора какую-то бумагу, требовавшую серьёзных объяснений, то долго ходил по комнате взад и вперед в квартире Ванькова, около полковой, и вдруг внезапно померъ. Хоронили его с музыкой, он похоронен был здесь, на Троицком кладбище, но памятника я не видал. Денежных средств у него никаких не осталось, а похороны были за счёт Ивана Кирилловича Кузнецова; вдова же Алекс(андра) Ив(ановна) с 5-тилетним сыном, служившим в России впоследствии мировым посредником, выехала к родным в Вятку. Мне сказывал покойный отец мой, что Вас(илий) Ив(анович), состоя прокурором на службе в Тобольске и протестуя по одному делу о духовном завещании, вызвал тем новый закон, но в каком смысле — не знаю, напечатанный в изд(ании) 1842 года. Запрещение, наложенное на имение Вас(илия) Ив(ановича) по хлебной операции и других членов совета, сложено лишь в 1875 году по безнадёжности взыскания.

Теперь начинается воспоминание достопамятных событий незабвеннаго Василия Кирилловича Падалко; ещё за год до его назначения стали получаться из Иркутска сведения, // что этот человек достоин звания лучшаго администратора, но мы, как уже привыкшия к неурядицам и беспорядкам минувших лет, признаться не верили, чтобы на долю нашу выпало управление лучшаго чиновника. Вас(илий) Кирилл(ович) приехал в 1844 г[40]. Он был зять генерал — губ(ернатора) Вильг(ельма) Яковл(евича) Руперта, в чине статскаго советника со 2-й степенью Станислава на шее*. Сначала не предпринимал никаких улучшений, во всё всматривался, всех расспрашивал и, только, лишь с самого начала выбрал себе полицмейстером казённых дел стряпчаго Максимовича[41]. Рады были и этому, что спокойствие города стало улучшаться. Меся-ца через два по приезде, Вас(илий) Кир(иллович) заявился внезапно в Окружной суд[42]; заметив там весь состав пьяными, помещение не соответствующее волости; представьте себе одноэтажный дом в три окна в улицу, в котором помещался окружной суд и дворянская опека. Первее всего членов, если не отдал под суд, то приказал подать в отставку. После этого принялся за благоустройство города. Топь в городе была непролазная, одним словом, по всем улицам болото, хоть плавай в лодке; он распорядился рыть канавы через срочных арестантов; по выходе из совету, пообедавши, не отдыхал, а отправлялся лично обозревать работы, при нём частный пристав и смотритель ремесленнаго дома Ив(ан) Ст(епанович) Кузьмин, о коем сказано выше, бывший при Степанове урядником. Приказал устраивать тротуары, а бедным жителям на счёт экстраординарных сумм**; фонарные столбы, уничтоженные по отъезде Степанова; // возобновив сад, обнёс кругом окрашенною решёткою; устраивал в саду фантастическия горки, китайския беседки; устроил и обеспечил приют для бедных детей и дом дворянскаго собрания. Без его наблюдения не обходились и казённыя постройки, так что не один случай был: постукает, бывало, Вас(илий) Кир(иллович) в половицу палочкой, прикажет отбить плинтус, и плахи оказываются гнилыми, ну и подрядчику делал строгий выговор с обязательством исполнения на счёт виновнаго. Супруга же его, Елена Вильгельмовна (память которой 21 мая, умерла в 70-х годах

Л. 17 об. *Л. 18*

* Со слов «он был зять» до «Станислава на шее» вписано на левом поле.

** Со слов «а бедным жителям» до слова «сумм» вписано на левом поле.

в Москве в бедном положении)* не менее сопутствовала его трудам, из саду на берег Енисея была проложена аллея, везде рисовались крашеныя беседки и скамейки, одним словом, было всё устроено очаровательно; предполагали даже на Пасадный, против саду остров, перекинуть мост, но это почему-то не осуществилось. Василий Кириллович, как из формулярного списка его видно было, происходил из обер-офицерских детей Полтавской[43] губернии, воспитывался в Императорском лицее, по окончании курса наук определён столоначальником в Глав(ное) упр(авление) Зап(адной) Сибири в Тобольске при ген(ерал)-губ(ернаторе) Петре Дмитр(иевиче) Горчакове. Оттуда был назначен председат(телем) в Иркутский губ(ернский) суд, а отсюда переведен председ(ателем) в Иркут(ское) Губ(ернское) правление [44]. Посватался у Руперта, тот отложил сватовство на год, по окончании сего года Падалка возобновил своё сватовство, и //

Л. 18 об.

Тетрадь 2

ударили по рукам. В день свадьбы, когда невесту уже приготовили к венцу, известили об этом Падалку; он, просматривая и исправляя доклады, сказал: «Нет времени» и, наконец, после двукратнаго засим ещё извещения как — будто бы нехотя отправился в церковь; так дорожил он временем и работаю. Назавтра аристократия обратились с поздравлениями, но, не принимая это на себя, Вас(илий) Кириллович каждому чиновнику нашёлся сказать или заметить упущения или по службе, или по делам и, конечно, все остались недовольными. Вообще В(асилий) Кириллови)ч был характера грубаго и неприветливаго.

Приют во всё время пребывания здесь г(убернатора) Падалко был в цветущем состоянии[45], посещался в каждое воскресение и праздники всей аристократией и вообще пользовался хорошей репутацией и положением довольно обеспеченнаго учреждения, как основанного в память посещения Зап(адной) Сиб(ири) вел(иким) кн(язем) Влад(имиром) Александрович(ем)[46].

Каждодневно, осмотрев лично постройки и улицы, Пад(алко) отправлялся в летнее время в сад, располагая там работами, чтобы было во вкусе публики и без излишних расходов. Прогуляв до 11 часов, возвращался в квартиру, принимал доклады и на вступивших бумагах делал тотчас же резолюции. Спал он 6 ч(асов) в сутки. Однажды исправлялась городская трактовая дорога по Московс(кому) // тракту, Падалко успевал и тут навестить два-три раза в неделю. Один раз арестанты принесли жалобу, что мясо отпускается не того качества, как ранее было, он тут же при всех, разгорячась, ругал квартальнаго надзирателя, заведовавшего хозяйством. Досталось и Хилкову[47], у котораго покупалось мясо и, кроме того, на улучшенную пищу арестантам Хилков по требованию губернатора пожертвовал 50 пуд(ов) хорошаго мяса. Ещё один раз с работы бежали двое арестантов. По приезде на дорогу губернатора арестанты жаловались на побег их товарищей и прося их разыскать и управиться с беглецами своим судом. Падалко под страхом ихней ответственности за самовольство поручил их разыскать, и они были найдены

Л. 19

* Текст в скобках вписан на правом поле.

на Сопке. Губ(ернато)р тут же пощунял их, и все единогласно сказали, что впредь этого не будет, уверяя своею совестию; побегов действительно более не было. В 1848 г(оду) выписал из Тобольска полицмейстера, отставного надвор(ного) сов(етника) Ростисл(ава) Захар(овича) Столбовскаго, служившего здесь в этой должности 8 лет, и вот при нём-то уже всё усовершенствовалось. Ни одна, как бы незначительна была покража, не пропадёт. Он обставил себя полицейскими чиновниками честными и опытными и, когда бы что не случилось, а в особенности в важных происшествиях, тогда губерна-
Л. 19 об. тор назначал более или // менее продолжительный срок на открытие преступников. Когда Столбовский рапортовал, что всё в городе благополучно, тогда Вас(илий) Кир(иллович) предлагал ему идти в будуар к Елене Вильгельмовне и, как гостю, пить чай и играть в карты, но когда какое-либо происшествие, тогда уж он не Рост(ислав) Зах(арович) и не гость, а как полиц(мейсте)р, долженствующий исполнять приказания своего начальника. Вообще Вас(илий) Кир(иллович) по происхождению был характера вспыльчиваго и не стеснялся и при семействе своём проговаривать непечатныя слова, отчего он впоследствии советами благоразумной жены своей уже отвык.

Через 1/2 года по приезде Вас(илий) Кир(иллович) внезапно заявился в Город(овой) суд, и так как канцелярия и прислуга суда его ещё не знали почти, думали, что прибежал маленький невзрачный чиновничек, но вахмистр[48] его без доклада не пустил. Он сказал, что губернатор, доложи. Но губернатор в канцелярии был приостановлен подачею ему какою-то Петуховою жалобы. Он с нею занялся, а вахмистр между тем не смел докладывать о такой особе, губернатор в присутствие вышел сам, а вечной блаженной памяти, родитель мой, бывши судьёй, углубился в чтение какого-то дела и в книги законов, разложенныя на столе, не обратил внимания, кто похаживает по присутствию, полагая, // что кто-нибудь из канцелярских Л. 20
пришёл в присутствие за настольными реестрами или приходно-расходными книгами, получавшимися на столе же присутствия. Губернатор же, видя его такое положение, не говоря ни слова, обратил внимание на журналы, лежавшие на секретарском столе (секретаря в то время не было, а исправлял эту должность он же, отец мой, получая жалованья в год 342 р(ублей) сер(ебром)). Но когда отец мой вздумал понюхать табаку, то увидал, что губернатор в присутствии, тотчас же соскочил с кресел, губ(ернато)р же в ответ на его поклон сказал: «Занимайтесь, занимайтесь. Я приехал так себе». Внимательно прочитал, что сочинял в то время отец мой, посмотрел настольныя денежные книги, текущия журналы, одним словом, хотя коротко, но понял всё производство суда и, оставшись доволен прилежностью судьи, о чём и сказывал после гу(бернато)р Ив(ану) Кир(илловичу) Куз(нецо)ву, но заметил только два случая: 1) то, что отец был не в виц-мундире, а в сюртуке. Судья на это возразил, что как-то в сюртуке свободнее заниматься, а губернатор как вообще, как говорится, за словом в карман не лазивши, нахмурясь ответил, что после этого — де легче заниматься ещё и в халате, // Л. 20 об.
и с тем вместе приказал присутствовать постоянно в мундирах или, по крайней мере, в мундирных фраках; да спросил ещё: «Где же у вас остальные два члена?» Судья на это отвечал, что один в командировке в округе, за описью в Сиротский суд имения (члены Гор(одового) суда были вместе с тем же и членами Сиротск(ого) суда), другой член командирован в полицию депутатом по следственным делам (впоследствии уже, по приказанию Пад(ал)ко, избирались следственные депутаты особо); и второе: так как в присутствии суда и в канцелярии было десятка полтора икон в окладах и без окладов, описанных с магистратскаго ещё времени у неоплатных должников, и вместо лампад перед ними, для постановки в праздники свечей, были сделаны ещё в (18)20-х годах бруски деревянныя, то Пад(ал)ко заметил, что здесь не часовня, велел иконы сдать в церковь, оставя одну, да и что можно весьма легко произвести пожар, ибо свечи теплятся только в праздники, когда в суде никого не бывает, кроме сторожей. По пути П(адал)ко заглянул в Словесный суд[49], обратил внимание, что перед портретом императора Николая так же поставлена обгорелая свечка. «Ну, это, — говорит, — уже чистое кощунство», и словесному судье[50] дал
Л. 21 // нагоняй; судья был человек простой мужичок, а сторож, поступивший недавно, думал, что это икона, и привесил к портрету свечку.

После этого всё было приведено в должный порядок. В другой раз П(адал)ко, в марте (18)46 года, посетил суд по следующему случаю: утром посылает жандарма за мною, я пришёл в большое изумление, отчего за мною, а не за отцом; тотчас же явился в квартиру, занимаемую им в доме бывшем Лопатина[51], на месте котораго теперь дом доктора Сысоева[52]. П(адал)ко с грубостию пихнул мне бумагу, сказав: «Прочтите и доложите». Прочитавши эту жалобу и имея все дела в памяти, я тотчас же ответил, что такого дела в суде не было и нет, и что, вероятно, оно производится не в Окружном ли суде. П(адал)ко уже крикнул на меня, сказав: «Без объяснений, идите!» Я вместо того, чтобы возвратиться в суд, пошёл домой и обсказал об этом отцу, который в этот день быть в присутствии не располагал, потому что он накануне с каким-то откупным бухгалтером или ревизором порядочно погуляли, что случалось нередко, потому как отец был спокоен, что у меня порядок производства в делах, так относился об этом и стряпчий Александр Андр(еевич) Усольцев, в наилучшем состоянии, о чём он докладывал П(адал)ко. // После этого так чего же отцу было иногда Л. 21 об.
и не погулять. У меня как было предчувствие, звал отца хотя на час прийти в суд. Он в 10 утра, выпив две рюмочки и закусив яичком, приехал в суд, стал допрашивать присланного из острога арестанта мещанина Ивана Агапитова, а я в канцелярии прибывшим к счастию одновременно заседателям из купцов Никол(ем) Никол(аевичем) Иноземцевым и Ив(аном) Дм(итриевичем) Поповым[53], смеясь, рассказывал, как я был у П(адал)ко. Вдруг вахмистр бежит и сказывает, что губернатор приехал, и только заседатели успели вскочить в присутствие, П(адал)ко, как бегавший очень скоро, теперь уже без доклада, в отворённые вахмистром обе половинки двери, вбежал в присутствие и, несмотря на предложенное ему судьёй кресло, стал бегать по присутствию, кусая губы; все члены на ногах. Вдруг губернатор остановился перед отцом моим: «Вы, — говорит, — пьяны. Я сейчас прикажу отправить на гауптвахту». Отец, как всегда бывавший в спокойном состоянии, на этот раз, хотя солгав, ответил, что «я каждодневно имею обыкновение употреблять две рюмки водки и закусывать»; губ(ернато)р, встревожась спокойствием и откровенностию // ответа, возразил гром- Л. 22
ко, что я именем его высочества сейчас прикажу

Вас арестовать, и тот час же стоявшего тут же жандарма послал за полицмейстером и инсп(ектором) Врач(ебной) управы Поповым[54] и стряпчим, которые вскоре явились. Попову П(адал)ко приказал освидетельствовать судью, который между тем объяснял П(адал)ко, что для этого здесь не место, да и он не считает себя больным. Попов требовал от его руку для узнания пульса, но отец руки не дал, говоря губернатору, что «Вы наперёд потрудитесь обревизировать всё производство и, если — де найдёте, Ваше п(ревосходительст)во, хотя малейшее упущение по делам, тогда я отвечаю и нравственно и имущественно; спросите г(осподи)на стряпчаго, он наблюдает каждый день». П(адал)ко, все бегая по пр(исутст)вию, спросил стряпчаго, который тут же при всех засвидетельствовал об отличном от Окружнаго суда порядке и правильности воспроизводства дел. П(адал)ко, несмотря на это, приказал полицмейстеру судью взять и сдать в больницу. Отец мой сказал на это, что если так, Ваше п(ревосходительст)во, то впредь Вы будете сами непосредственно отвечать за нарушение порядка в присутствии, указаннаго в статье I ч(асти) II т(ома) общ(егубернских) учр(еждений). И всё-таки я из присутствия себя арестованным не дам, и сейчас же на свой счёт посылаю эстафету // *Л. 22 об.* на имя его высокопр(евосходительст)ва сенатора Ивана Никол(аевича) Толстого. П(адал)ко на это сказал: «А я, — говорит, — донесу государю императору».

Наступило глубокое молчание, и в этот момент отец мой садится в судейское кресло, приглашая заседателей также сесть на свои места, требует из канцелярии какое-то приготовленное к слушанию дело, а П(адал)ко все бегает и бегает по присутствию. Когда все члены уселись, отец, встав с кресел, обращается ко всем, т. е. к П(адал)ко, инспектору, полиц(мейсте)ру и стряпчему, просит пожаловать из присутствия обратно, ибо по прежним законам ни губернатор, ни стряпчий, а тем паче посторонния лица при докладе дел присутствовать не могли. Все поняли, в чём дело и спокойно обратились вспять. Тотчас же по городу распространился слух о бывшей перепалке. Я между тем, в свою очередь, стоя в канцелярии у дверей присутствия, решился, как только полиц(мейсте)р возьмёт отца моего, пасть на колени и из сыновней преданности слёзно умолять оставить отца, как заслуженного человека, а вместо его под арест взять меня, но это не сбылось.

После такой катастрофы отец стал в силах ослабевать, отчаяние запало в его душу, на 6-й неделе Великого поста 1846 г. он говел, но в пятницу вечером с ним последовал // *Л. 23* удар. Я был в суде, когда за мной прибежал кучер. Я мгновенно по пути домой забежал к молодому доктору Егору Ивановичу Беттихеру[55], который и успел к счастию с отцом отводиться, а священник о. Александр Иноземцов[56] приобщил его к Св. тайне. Отец стал поправляться, но подписывать бумаги был слаб, я дни и ночи просиживал в суде, ожидая ревизии, с тем, чтобы привести всё производство в наилучшее состояние; в особенности, меня сильно затрудняло и мучило подписывать под руку отца ежедневные журналы через стекло. Всё сошло благополучно, даже и стряпчий ни малейшаго подозрения не намекал, но часто навещал отца дома, как догадывались, по приказанию губернатора. Да, вероятно, впоследствии ему объяснил о хорошем поведении отца и Иван Кир(иллович) Куз(не)цов. Всё-таки, отец стал о чём-то тосковать и ослабевать, бывая всё-таки в неделю раз или два в присутствии; а в последний раз был он 2 окт(ября) (18)46 г. и уже в сюртуке, посидел в канцелярии с 1/4 часа, поговорил с молодяжником, не входя в присутствие, уехал обратно домой, сильное кровотечение из носу его истощило. Три доктора помочь // *Л. 23 об.* не могли, и в ноябре (18)46 г., как выше сказано, мы лишились добраго нашего отца и, что называется, главы городскаго общества. После его уже смерти генерал-губернатор Муравьёв *(Н. Н. Муравьёв)*, по приказанию правительствующаго Сената, требовал от судьи какия-то сведения, но я, быв приглашён в полицию, с душевною скорбию, на той же бумаге ответил, что отец мой волею Божиею помер. И в самом деле, Падалко, вероятно, в то время доносил Сенату, что доказывается тем, что в 1848 г. января 13 № 21891, вышел указ, что когда начальник губернии ревизирует делопроизводство присутственнаго места, то в часы его присутствия доклада, слушания дел и решения бумаг быть не должно (ст(атья) 37, II т(ом) I ч(асть) изд(ание) (18)57 года).

П(адал)ко, о своём намерении ревизировать какое-либо место предварительно знать не давал, и, бывало, в 12 ч(асов) дня всегда ожидай его внезапнаго приезда. Так и случилось в 1847 г. Вскоре после Пасхи П(адал)ко приехал внезапно в Городовой суд. Судьёй был в то время 1 г(ильдии) купец Порфирий Михал(ович) Орешников[57], человек письмянный, почтенных лет, седовласый, являвшийся в присутствие в 11 часов, занимавшийся до 3-х час(ов). // *Л. 24* Мне служить при нём было очень легко, да и лестно, потому что он к Рождеству и Пасхе за моё усердие и прилежание награждал сотенными ассигнациями. П(адал)ко принялся за подробнейшую ревизию, при нём находился стряпчий Усольцев, не то что производства дел, от доски до доски настольные книги, входящия и исходящия, но даже разносную карту, всё проверял до 5-ти часов вечера, найдя везде чистоту, порядок и правильное решение дел, а при рассмотрении разносной карты, в которой всё было под линейку, улыбаясь, заметил мне: «Когда Вы как будто бы вчера всё приготовили». Я говорю, что, Ваше пр(евосходительст)во, этого вчера приготовить было нельзя, что доказывается замусленными углами листов карты. Не ограничась этим, посетил архив, тут же при суде состоящий, все наружныя оболочки дел нашёл в порядке; и, возвратясь опять в присутствие, из каждаго года за три года приказал вынуть реестры, настольныя и также разносныя карты, удостоверяясь во всём отличном порядке и, говоря, что «порядок — есть душа службы», встал, поблагодарил судью; а сей, последний, ответил, что он служит // *Л. 24 об.* всего 4-месяца и что этот порядок заведён Пар(фентьев)вым. П(адал)ко обратился ко мне с вопросом: «Давно Вы здесь служите?» Я ответил, что столоначальником с (18)43 г. Кивнув мне головой, вышел и уехал, а после стряпчий мне сказывал, что П(адал)ко желал вывести меня в государственную службу, а как на основании, известнаго на то, дозволительнаго циркуляра Мин(истерства) юстиции мне это можно было сделать беспрепятственно, то Городовой суд с моего рапорту и доносил Енис(ейскому) губ(ернскому) правлению, что было в династии советника Б(ажено)ва[58], а этот просил с меня 300 руб(лей), которых у меня не было. Так этот рапорт и застрял в Губ(ернском) правлении.

А о том, что дальнейшее ходатайство о производстве меня в классный чин было остановлено

по причинам совершенно от меня зависившим, я не любил признаться чиновничества, то о сём будет сказано ниже.

В 1848 году губернатор П(адал)ко посетил Городскую думу, а по пути завернул и в Городовой суд по такому случаю: городской голова куп(ец) 1 г(ильдии) Савел(ий) Фёдоров(ич) Белов был из офеней — коробочников, человек простой, без всякаго образования; распорядился вахмистру Гор(одск)ой думы, занимавшемуся продажей щеглов, поместить на окнах думы несколько // *Л. 25* клеток. П(адал)ко, узнав об этом, приехал в думу и разгромил городскаго голову, а сей последний, со свойственной ему наивностью, отвечал, что: «не замай их, Ваше п(ревосходительст)во, птички — те поют, а ребятишки — то пишут, оно и вольготно, и побольше напишуть и бумаг — те» При всей сурьёзности губернатор улыбнулся, и птичек приказал убрать тотчас же, за что Белов и за другие, якобы, нападки губернатора по делам думы, хотел ему отомстить. Нашёл к тому такой случай, когда поехал в (18)48 г. в Нижегородскую ярмарку и, узнав о предстоящем приезде государя императора, выпивши между москвичами, проговорился, что «я — де этому мальчишке, губернатору, докажу, как трунить над стариками». Москвичи дело смекнули, что от Белова это станется, и предупредили доверен(ного) его Никол(ая) Фёдор(овича) Водовозова, чтобы приглашения на бал Белова, сколько наивозможно, отстранить. Был придуман следующий способ: накануне бала праздничный сюртук Б(ело)ва, в котором он располагал быть, был замаран салом, о чём Белову приказчик его назавтра утром и доложил. Белов изумился, где мог он так замарать сюртук, но, однако ж, послал за лучшим портным, чтобы приготовиться к вечеру; а Водовозов // *Л. 25 об.* между тем предупредил и этаго портного запросить за сюртук неслыханную цену, зная, что Белов её не даст. Явился портной и заломил за сюртук 500 рублей, а меньше 450 никак невозможно. Белов разгорячился, обругал его и прогнал. Принявшись за прежний сюртук, сам взял каких-то способов, и с помощью Во(довозо)ва стал пятна очищать; действительно, пятна сюртука при огнях могли бы быть не замечены, и Белов стал приготовляться к балу, но пришли москвичи и стали с ним играть в короли, любимая игра Белова, оставляя его всё королём, что он любил, а, между тем, обманывая питьём, сами его подпаивали, что на бал — де успеем. Выпивши порядочно, Б(ело)в потребовал ужин и лёг спать, приказав себя разбудить в 10 ч(асов), и проспал до утра, поругав Вод(овозо)ва. Если бы он забрался на бал, то, зная характер Белова, все богатые москвичи утверждали, что он прямо бы объяснил государю все, вымышляемые злыми людьми на Падалко, сплетни. Белов, как бывший золотопромышленник, попал под суд за держание в работе по фальшивому виду беглого каторжного Сенторова(?). Дело это стоило ему 30-ти тыс(яч) (не бей — де мужика дубьём, а бей ружьём)[*] и тогда только он, бросив приииска, не стал публично ругать Падалко. // *Л. 26* Наивность Белова пределов не имела. Один раз губернаторша в магазине потребовала у него сарпинки и, оценивая её по её добротности, Белов же тут бывший, «не замай, — говорит, — Ваше п(ревосходительст)во, сарпинка отличнейшая, я сам ношу из неё рубахи», и, вынув при ней конец рубахи из брюк, показал губернаторше, а она, расхохотавшись, не показывая вида оскорбления, приказала сарпинку послать к ней домой, записав в счёт.

* Текст в скобках вписан на левом поле.

Падалко, получив здесь две ленты: Станиславскую и Аннинскую и крест Владимира 3-й ст(епени), вообще, как заметно было, был в большом уважении у графа Амурского[59], но при одном случае, как называется, пробежала между ними кошка. Граф как-то, будучи здесь, потребовал к себе окружнаго судью (из университетских) Пашкевича, чиновника, не знавшаго и понятия о взятках, и просил его по какому-то делу объяснить его; сидят в кабинете графа, куда был подан чай; между тем, приехал П(адал)ко и по докладу о сём графу, он некоторое время его не принимал, а после сего вышел сам в приёмную и, извиняясь, попросил П(адал)ко в кабинет. П(адал)ко увидал Пашкевича сидящим и пьющим чай, сильно встревожился, а когда Пашкевич, по представлению *Л. 26 об.* Амурского, получил // Св. Анны 3-ей степени, то Пад(ал)ко, сильно не удовольствуясь, что представление это было помимо его, стал на Пашкевича по делам напирать; размолвка с графом продолжалась долго, даже в (18)56 г. Пад(ал)ко просился в отпуск и, кажется, был на коронации, возвратился опять сюда; в (18)58 г. отправил отсюда семейство в Москву, но он, возвратившись сюда, был совершенно другаго характера: не настолько уже груб и капризен, как бывало ранее сего.

Кажется, в 1851 году золотопромышленники задумали устроить овацию Василию Кирилловичу с его предварительного согласия. Был приготовлен обед на плотбище, где теперь монастырь; множество было приглашено интеллигенции, музыка и певчие; часов в 5 утра возвратились с обеда уже на карбасах[60], и П(адал)ко был довольно в весёлом расположении духа, чего с ним никогда не бывало. Все думали, что мы — де задобрили теперь губернатора, но что из этого вышло. П(адал)ко спать не ложился, и в 6 ч(асов) утра требует: то секретарей, то советников из разных присутственных мест, а о полиции уже и говорить нечего, не дал никому спокою и, продержав чиновников в совете до 5 ч(асов) веч(ера), уехал обедать; а после обеда, по обыкновению, побежал по работам и в сад; и с тех пор не стали уже добиваться, чтобы // угостить губернатора, *Л. 27* который однажды, 8 февраля, вечером, проезжая мимо собрания, увидал полное освещение, также разгромил и политически выгнал из собрания всех картёжников, приказав погасить свечи, напомнив о величии завтрашняго праздника (день сибирскаго Св(ятого) Иннокентия).

Во время служения моего в 1858 году словесным судьёй, было два случая свидания с губернатором. 8 сентября, в день табельный, я только собрался к обедне, прибегает жандарм и требует к губернатору. Тотчас я явился. Вижу: у него стоят два крестьянина, обозные ямщики. П(адал)ко приказал разобрать тотчас же их дело с купцом Недобреевым, что-то вроде того о подмочении или недоставке товаров. Я с мужиками отправился в суд, и вытребовал из церкви повесткой Недобреева и, упросив его, по разбирательству дела, додать крестьянам что-то около 37 руб(лей); при всём упорстве Недобреева, он ради, однако же, меня согласился и зная, что П(адал)ко шутить не любит. Я тотчас же записал это в книгу, взял её и мужиков с собою, сел на извозчика, торопясь застать губернатора дома, в чём и успел. На губернатора надевали шинель, как только я вошёл. Его п(ревосходительст)

во остался доволен, и впредь приказал, сколько Л. 27 об. возможно, // стараться мирить, не допуская дело до суда, при чём спросил, на каком я основании открывал присутствие в праздничный день; я объяснил, что на основании известнаго закона, по которому и доныне председателю суда дозволяется открывать присутствие хотя бы в первый день Пасхи; а в ноябре того же года посетил думу и Городовой суд, П(адал)ко завернул и ко мне в Словесный суд, сел и стал рассматривать книгу и, увидав последнюю статью разбирательства 2-х братьев Парамоновых[61] по компанейскому их между собою делу о чаях в сумме 3 т(ысяч) с чем-то рублей, спросил, отчего эта статья не закончена. Я ответил, что за немиролюбивым окончанием отложено до сего дня и что обе тяжущиеся стороны уже явились и находятся в приёмной. Губернатор позвонил, братья вошли и на вопросы его объяснили, что они между собою рассчитались и дело прекращают. П(адал)ко, остался очень доволен, говоря, что судебные процессы возникают более всего из честолюбия, одна сторона не хочет покориться другой; судья должен быть миротворцем, огонь надо потушить в его начале, «запустите такое дело в суд, и вы не кончили его в 6–7 лет». Одним словом, объяснил всю пагубу для
Л. 28 // сторон, поклонился и ушёл.

Вконце(18)59или(18)60-мгодуПадалковыехал отсюда совсем в Москву в чине тайнаго советн(ика), будучи причислен членом Государствен(ного) совета[62]. Прощальный обед здесь не принял, но многие из граждан и из чиновников упросили его в первой отсюда станции Заледеевской приготовить запросто обед. Приехавши на станцию, П(адал)ко был в весёлом расположении духа, и как вдруг от Муравьёва прилетел тут же курьер с пакетом на имя его пр(евосходительст)ва, П(адал)ко, разорвав пакет и прочтя бумагу, горько заплакал, от обеда отказался, поблагодарив всех за верную службу и за сочувствие, сел в экипаж и выехал. Это сказывал мне служивший при нём 10 лет начальником 2 отд(еления) Михаил Игнатьв(ич) Кандауров. После слухи были, что П(адал)ко получил чистую отставку. Жена его купила в Москве дом за 12 т(ысяч), а он открыл табачную лавочку. Все бывавшие в России граждане, как напр(имер), енисейские Фунтусов и Баландин, а из Красноярска П(ётр) Ив(анович) Куз(нец)ов, а из чиновников Савицкий, секр(етарь) Губ(ернского) суда, бывали у Падалко, принимал он их любезно и душевно скорбил, что он, по причинам от него не зависевшим, рано оставил, как будто родную, его Сибирь. После сего был некоторое время слепым от сильных в молодости занятий. В 1-й день Пасхи 1865 г. Василий Кириллович отошёл в вечность. // Л. 28 об.

После него, в марте (18)62 г. прибыл в Крас(ноярс)к губернатором генерал — майор Павел Николаевич Замятин *(Замятнин)* (брат министра юстиции Дмитрия Николаевича).

Вот ещё некоторые случаи из жизни Василия Кирилловича, рассказанные конторщиком одного крупного золотопромышленника. По приказанию хозяина своего, он по заднему крыльцу привёз к ея п(ревосходительст)ву два чёрнобурых лисьих меха и весь серебряный сервиз: самовар и все принадлежности. Елена Вильг(ельмовна), приняв всё это с благодарностию, сказала, что мы — де с вашим хозяином за всё это рассчитаемся в непродолжительном времени. «А спустя два — три месяца, — рассказывала экономка, — Вас(илий) Кирилл(ович) потребовал же от её ключи от кладовой и, увидав в ней означенные вещи, с грубостию спросил, призвав самоё губернаторшу: «Откуда эти вещи?» Она сказала, что от такого то; вещи эти, как принятые без его разрешения, он из амбара выфуркал, что стало с ними после, рассказчица не знает. Или вот ещё случай: на заднем крыльце, как раз в отсутствие ея пр(евосходительст)ва, повстречался с губернатором со счётом приказчик из какого-то галантерейнаго магазина; на спрос Вас(илия) Кирилл(овича): «От кого и зачем?», он вырвал у приказчика из рук счёт и, рассмотрев в нём между протчими вещами
Л. 29 // серебряныя офицерския принадлежности: шпоры, аксельбанты, эполеты и, как раз во время обеда спросил губернаторшу: «Для кого это?». Вопрошаемая смешалась, заплакала, вышла из-за стола, и трое суток плакала, не просушая глаз, и не выходя к столу; но Вас(илий) Кир(иллович) зайдя в её спальню проведать, постоянно напоминал: «А для кого эти вещи, шпоры и т. п.?»

Бывший здесь адъютант штаб-офицера корпуса жандармов кавказский герой поручик Дубенский, по ходатайству Падалки и распоряжению шефа был переведён в какую-то отдалённую губернию; я знал этого офицера: высокий, красивой наружности, хромой с костылем, с Георгием в петлице. Вот этот-то Дубенский был в хороших отношениях с семейством П(адал)ко и какой-то дальний родственник. Для него — то, оказались, и куплены вещи*.

Однажды, весною (18)59 г., я служил в то время заседателем в Городов(ом) суде и был казначеем денежных сумм. Поручил приходно-расходчику по особому журналу выписать в расход 4000 руб(лей), следовавшие по неотступным просьбам и по предписанию начальника губернии бр(атьям) Шипилиным[63]. Секретарь[64], как бывший в неудовольствии на них и в субботу, бывавший уже постоянно с похмелья, без // моего разрешения, Л. 29 об.
выписанную статью приказал вычистить перочинным ножом, что и исполнено было. Шипилины явились за получением, а я сбегал в кладовую казначейства, принёс деньги, предлагаю расписаться в получении, и сейчас только увидали, что статьи этой нет. Мы с секретарём пошумели, он меня обругал, опасаясь ужасных последствий за статью, я сейчас же побежал к губ(ернато)ру, взяв с собою книгу, предварительно зайдя в цирюльню, сбрил усы, по пословице Вас(илия) Кирилл(овича) что «форма — это, — говаривал он, — жизнь закона»; это было в субботу. Застав его дома в большом волнении, вероятно, Шипилины уже успели ему пожаловаться. Он громко спросил: «зачем?», посмотрел книгу, покачал головой, сказал: «Я сейчас буду в суде», но в субботу не был; зная, что он не забудет, я в понедельник облёкся в мундир, секретарь уже ко мне стал ласковее, сметил, что должен быть губернатор, но рука его была обвязана платком, потому что он, как мне сказывал, накануне дрался со своей любовницей; и хотя ещё в воскресенье предупреждал кандидата судьи Макарова и другого заседателя Соловьёва, // что губернатор в понедель- Л. 30
ник должен заехать в суд**, но они, к несчастию, по запойному, не тем помянуты, состоянию, быть в присутствии не могли. Будь всё это в первые года

* Последнее предложение вписано в текст самим автором.

** Со слов «что губернатор» до «заехать в суд» вписано в текст на верхнем поле.

губернаторства Падалки, неминуемая всем беда, но так как выше видно, последние годы он был гораздо уступчивее. На секретаря покричал, обратив внимание на завязанную руку, тот объяснил, что укусила собака; на спрос о членах и при ответе, что они больны, послал за полицей(ски)м и приказал, если они пьянствуют, то отправить в больницу; но у тех уже были приглашены доктора, и затем всё обошлось без неприятностей. Книгу же губернатор взял с собою и пригрозив секретарю назначением строжайшаго следствия. Через неделю возвращена книга была при предписании, что — де на подчищенную статью должно обратить контрольное отделение Казённой палаты при ревизии книги за сей год. Я же и хлопотал, заплатив кому следует 10 руб(лей), и, угостив, так всё обошлось без следствия: «зато не поссорившись, друзьями не будешь», говорит пословица; я у секретаря стал
Л. 30 об. в величайшем уважении. Бывало //

Тетрадь 3

ни одна бумага и ни одно дело не обойдётся без моего совета или редактирования.

Как-то губернаторша, нуждаясь на бал в цветах и не найдя их нигде, поручила начальни(ку) I отд(еления) совета Вас(илию) Ив(ановичу) Вавилову попросить у секретаря Чепорноусова, так как он был любитель цветов и ботаник, попросить букет. Он, по обыкновению, в праздник был пьян, а пьяный дерзкий; возразил на то, что цветов у него подходящих нет и что, «если бы Ея пр(евосходительст) вздумала потребовать и меня, то и я ни для какого употребления теперь не гож, потому что пьян». Губернаторша на это только расхохоталась и сказала, что с пьяным — де с ним «не нужно было Вам и связываться».

Однажды проезжавший через Кр(асноярск), полковник гвардии, остановившийся в гостинице, распорядился, чтобы обеда ему в этот день не готовили, потому что он — де будет обедать у губернатора, заявился к последнему с визитом, но не в застёгнутом наглухо сюртуке, а что называется нараспашку. Губернатор с первого разу его озадачил, спросив: «Что Вам угодно? Почему Вы не в застёгнутом сюртуке, я донесу на Вас графу» и, таким образом, // не то что пообедать, но даже Л. 31
полковнику пришлось воротиться, не солоно хлебавши, оставшись в тот день без обеда.

Однажды Вас(илий) Кир(иллович), по обыкновению прогуливаясь в 5 ч(асов) дня, шёл в сад, но на пути пошёл сильный дождь с грозой; ему вернуться было некуда, и он в силу необходимости должен был забежать в архив, бывший по Большой ул(ице) в казённом здании (на этом месте теперь стоит дом М. Я. Ростовых) Вбежа весь перемокший в коридор, и тут встретил на полу играющего мальчика, сына архивариуса[65] и, так как «от великаго до смешнаго один шаг», то и Вас(илий) Кир(иллович) от нечего делать стал заниматься с мальчиком, помогая ему впрягать в тележку бумажных конников и выстраивая ему из находившихся тут карт домики. Оглянувшись, увидал навытяжку стоявшаго архивариуса, грубо спросил: «Что Вам угодно?», а тот, желая выслужиться: «не прикажите ли, — говорит, — В(аше) п(ревосходительст)во, послать за извозчиком». Губернатор ему на это: «Как Вы смеете подчинять меня Вашим распоряжениям, пошёл, карауль за ворота мой экипаж». И, действительно, вскоре архивариус прибежал, доложив, что экипаж подъ-
Л. 31 об. ехал. Не обращая на него внимания, // Вас(илий) Кир(иллович) обратился к малышке: «Ну, прощай, — говорит, — и будь знаком». Немного спустя времени Ел(ена) Вильг(ельмовна) привезла этому малютке игрушек и гостинцев.

Однажды, это было весною 1853 г., я служил в Г(ородовом) с(уде) заседателем, и как был день субботний, вздумали с чиновниками суда — молодяжником — посмотреть наказание какого-то важнаго преступника; вижу, впереди идёт навстречу губернатор; я, как постарше всех, отделился от них, пошёл вперёд и завернул в переулок, оглянулся: жандарм скачет и воротил чиновников и, стоя пред экипажем его превосходительства, выслушали от него такую натацию, угрожающую арестом на гауптвахту, что впредь заказались ходить на такия безнравственныя зрелища, по словам губернатора, которые свойственно смотреть только людям порочнаго поведения и развития; этаго мало, губернатор послал за секретарём Тютрюмовым и чуть было не арестовал его за слабый надзор за канцелярией*.

Василий Кир(иллович) до того был проницателен и дальновиден, что все, и пьяные, в его присутствие мгновенно отрезвлялись. Был такой случай, рассказанный купцом Водовозовым. Из совету Вас(илий) Кир(иллович) заехал в магазин, Водовозов был один и еле движущийся на ногах, а молодцы его ушли пить чай. Потребовалась обивочная мебельная материя для дому дворянскаго собрания; Водовозов немедленно отрезвился и, нисколько не пошатываясь, стал показывать штуки материй, назначая цену безошибочно. Губ(ернато)р, отобрав две штуки, приказал вечером привезти их домой и приготовить счёт, что им в своё время было исполнено. И как только губ(ернато)р уехал, Вод(овозо)в сделался опять пьян, а, проспавшись, поехал к губ(ернато)ру.

Однажды, это было в (18)50-х г(одах), известный откупщик и богач С(идоро)в с купцом Ш(ипилины)м сделали на Больш(ой) ул(ице) пьяный скандал, выворотили калитку у дома какого-то семейнаго немца и, насильно вторгнувшись в двери комнат спавшаго немца, потребовали его жену. Видя такое насилие, // обиженный, выбив Л. 32
окно, закричал «караул». С гауптвахты, находившейся близ Покровской церкви, отряжено было несколько солдат, но и те, получив сильные удары, с бунтующими ничего не могли сделать, оставалось только вязать; но по счастию, проезжавший ночью полиц(мейсте)р Столбовский, услыхав скандал, и, как хорошо им знакомый, успел уговорить их, сказав, что они не в тот дом заехали, куда им было нужно, а здесь — де живёт почтенное семейство, лично известное губ(ернато)ру.

Наутро было о том происшествии доложено губ(ернато)ру, он приказал С(идоров)ву[66] явиться к себе, и дал ему такой нагоняй, котораго он от роду не слыхивал. В результате вышло то, что С(идоро)в на собрание [67] и приют пожертвовал 5 т(ысяч) руб(лей) да не менее того отделался и от военнаго начальства. С немцем была мировая на 3 т(ысячи) руб(лей).

* Весь абзац вписан на левом поле

До какой степени Вас(илий) Кир(иллови)ч не любил пьяных, видно из следующаго: в первый день Пасхи, не помню, котораго года, после ранней обедни все военныя и гражданския чины являлись с поздравлением. Вас(илий) Кир(иллович) только в утро этого дня и бывал весел и любезен, похристосовшись, приглашал всех выпить и разговеться. Я служил в то время заседателем, // и был как раз у него. Но как подходит к нему христосоваться полковой сотник Артемьев (а казачье войско тогда находилось в распоряжении губернатора), то, похристосовавшись с Артемьевым и сказав ему, что «Вы пьяны», отправил его с жандармом тотчас на гауптвахту на один день. Л. 32 об.

Не пройдёт без внимания его пр(евосходительст)ва никакое, по-видимому простое обстоятельство; наприм(ер), получив из Город(ового) суда донесение за скрепою секретаря Тют(рюмова) и заметив неразборчивость его подписи, он предписывает суду объявить г(осподину) Тют(рюмо)ву, «чтобы он фамилию свою подписывал как следует». Но при всей прозорливости этаго строгаго начальника и его обманывали. Один раз подсунуты были к его подписке пред самым закрытием присутствия одно другому противоречащие бумаги; вследствие чего енисейской полицией были опечатаны у купца Фунтусова анбары с хлебом; Фунтусов (сам мне рассказывавший) пожаловался об этом гос(подину) губернатору, и только, когда потребовались по этой жалобе объяснения, губернатор понял, что он обманут. Просит приехать сюда Фунтусова и требует от полиции подлинное предписание, извиняясь пред Фунтусовым и считая себя виноватым в принесении ему убытков. Они добровольно примирились, его превосходительство заплатил Фунтусову 2 т(ысячи) рублей, и тем дело закончено*.

В Енисейском приказе Общ(ественного) призр(ения) на вечные времена вложен неизвестным жертвователем (догадывались, что Падалко) капитал в 2000 руб(лей) с коего% 80 р(ублей) каждогодно раздаются беднейшим семействам чиновников, о чём и публикуется ежегодно в ведом(остя)х[68], а что Вас(илий) Кир(иллович) после смерти не оставил большаго капитала, то доказывается тем, что 1885 г(оду) дочь его обращалась в Красн(оярс)к к кому-то и, кажется, не к наследникам ли П(етра) И(вановича) Кузнецова о помощи, а сии последние, конечно, отозвались, что семейство Вас(илия) Кир(илловича) не знали, да и самих-то ещё нас в то время не существовало, ничем и не помогли[69].

После Вас(илия) Кир(илловича) в марте (18)62 года[70], приехал в Кр(асноярс)к губернатором генерал-майор Павел Николаевич Замятин[71], брат министра юстиции Дмитрия Никол(аевича), человек, мало знакомый с гражданским законами, но при всём том самостоятельный и добрый. // Выдающияся по служебной его деятельности случаи мне известны только следующия: неустанными трудами он заботился о просвещении. По его ходатайству учреждены здесь мужская и женская гимназии и несколько народных школ и училищ по деревням. Зайдёт, бывало, на чаёк к богатому купцу, а в сёлах к богатому крестьянину, и тарыбары за водочкой, смотришь — сколет несколько сот рублей, собрав, таким образом, на мужскую гимназию до 40 т(ысяч) рублей. А под женскую, томскаго купца Толкачёва, убедил пожертвовать каменный дом. Л. 33

* Весь абзац вписан на левом поле л. 33 и на правом поле л. 33 об.

И в служебной моей, при этом генерале, деятельности, памятны мне два случая: один — во время ревизии губ(ернато)ра, в 1863 г. Он дал знать за несколько дней о своём посещении; конечно, всё приготовили, но казначей, заведовавший денежными суммами, забыл взять у себя ключи от денежной шкатулки. Губ(ернато)р, будучи со всеми любезен, «...потрудитесь, — говорит, — сходить за ключами» и, когда тот ушёл, губ(ернато)р, встав с кресел, стали ходить по присутствию, вполголоса запев, «ключи девы невредимы в рождестве своём и отверзи еси ими райския двери» (это пасхальный канон). Конечно, все с трудом удерживались от хохоту. Губ(ернато)р был человек простой и сострадательный; расплачется, бывало, при нём // какая-нибудь сирота, падёт в ноги, и он готов оказывать всевозможныя сочувствия, чего, впрочем, при невозможности исполнить, в особенности судебныя места, не всегда исполняли его предписания, приобщая их только к делу. Бывало это и со мною; после смерти купчихи Шипилиной, губ(ернато)р требует меня к себе в качестве члена Сиротск(ого) суда, лично приказывая описать всё движимое и недвижимое имение. Я докладываю, что мне хорошо известно: Шипилина недвижимаго своего имения не имела. «Всё, всё, — настаивает губ(ернато)р, — и мужнино и женино описать»; я возражаю, что Шипилин до этого не допустит, «знать ничего не хочу, вот в Ваше распоряжение полицмейстер», обращаясь к последнему, приказал сейчас же обоим отправляться. Я убедил его, что я принимаю всю ответственность на себя; по прибытии в дом, пригласив понятых, мы составили протокол, и за подписью моей один экземпляр полиц(мейсте)р должен был представить губ(ернато)ру. Так и сделали. Описав одно движимое, мы возвратились. Губернатор требует меня к себе: «Как Вы смеете не исполнять моих приказаний»; я объяснил, что мог, то и исполнил; «впрочем, — говорит, — я сделаю своё распоряжение», // таковое и прошло без последствий. Тот же Шипилин вскоре попал под суд за растрату опекунскаго капитала. Дело поступило в Город(овой) суд. Губ(ернато)р приказывает Шипилина отправить в острог, а как этаго по ходу дела сделать нельзя или, по крайней мере, преждевременно, секретарь же Жуков боялся, что если согласится с членами, то губ(ернато)р выгонит его из службы. Я устроил это дело так: секретаря научил подать мнение, чтобы Ш(ипили)на взять и отправить, другого заседателя научил подать мнение, что дело это, прежде всего, должно было производиться в гражданском порядке. Судью настроил, чтобы он отозвался — по родству присутствовать не может. Оказались различныя мнения. Доносим губ(ернато)ру, а он назначил для соглашения голосов какого-то пьянаго члена Земскаго суда и, сей, последний, согласился со мною и другим заседателем. Губернатор требует сперва Жукова, чтобы он убедил нас; тот отвечает, что «это не такие члены, Ваше пр(евосходительст)во, сами — де знают лучше меня»; требует меня. Я объясняю, что дело пойдёт на ревизию Губ(ернского) суда, там всё рассмотрят и, если мы виновны, то по голове и нас не погладят. Губ(ернато)р с улыбкой // мне ответил: «Знаю-знаю, Вы старый крюк». При этом разговоре я не мог утаить, чтобы не доложить Павлу Николаевичу, что Шипи- Л. 33 об. Л. 34 Л. 34 об.

лин в 1853 году стеснял меня по данному мною ему векселю и просил даже описать моё движимое и недвижимое, и я бы, пользуясь таким распоряжением нач(альника) губ(ернии), мог бы отомстить ему и согласиться отправить Шипилина в острог, но природное чувство справедливости ограждало меня от всякаго мщения, да и Шипилин знал мою справедливость, не ожидал мщения от присутствования по его делу. Губернатору это очень понравилось и он сказал: «Господь, — говорит, — велел любить врагов. Вы защищаете врага своего, тем исполнили слова Господни, так поступайте впредь»[*].

К приезду этого добраго начальника, отставной флотский капитан-лейтенант Бутаков (золотопромышленник)[**], приготовил стихи, начало их, насколько теперь могу припомнить, было так:

Дождались мы давножданнаго
Генерала красноштаннаго.
Он оратор, неприветливый
Губернатор, зато сметливый.
И т. д.

После этаго, понятно, что с самаго первого начала красноярское общество поставило против себя губернатора как бы в оборонительное положение. Или вот ещё случай: в публичном саду в какой-то праздник Пав(ел) Н(иколаевич), гуляя, встретил какого-то заседателя Окр(ужного) суда, идущего навстречу с сигарой. Считая для себя это неприличным, генерал сигару у него вырвал и бросил. Конечно, пошли жалобы, ведь «капля камень долбит», на П(авла) Н(иколаевича) министр обратил сурьёзное внимание; а до какой степени он был своего рода патриот, видно из следующаго: когда, в 1865 г., удостоверено было, что отец Комисарова, старый поселенец, причислен в селе Назаровское Ачинск(ого) окр(уга), то П(авел) Н(иколаевич) сам отправился в это село с исправником и почётными крестьянами[72] Идя к домишку Комисарова, так исперепугал сего // последняго, наказаннаго накану- *Л. 35*
не розгами за конокрадство (так, по крайней мере, тогда говорили), что Комисаров не знал, что делать, но когда П(авел) Н(иколаевич), будучи в полном генеральском мундире, объявил ему о царской милости и просил его сопутствовать в Красноярск для отправки в Петербург. Вымывши в бане и одевши грязнаго старичишка в приличное поселянину платье. В Кр(асноярс)ке наше интеллегентное общество с колокольным звоном встретило их с хлебом-солью и в лучшей гостинице, где отведена была Комисарову квартира, на счёт город(ского) головы Дм(итрия) Сид(оровича) Щеголева[73]; пили шампанское и кричали: «Ура!»

Я, хотя и необразованный человек, но в этом не участвовал и приглашение городск(ого) головы оставил без уважения, на что он на меня долго, а может быть и по смерть свою, сердился. Через несколько дней был в собрании официальный обед для Ком(иссаро)ва, по правую его сторону сидел губернатор, а по левую — гор(одской) голова. Преосвящен(ный) Никодим[74] от этого участия под предлогом болезни отказался. На дворе была выкачена бочка вина, с многими простолюдинами отваживались и один, кажется, пожертвовал жиз- *Л. 35 об.*
нию. С великими // почестями губ(ернато)р отправил Ком(иссаро)ва при своём чиновнике в Россию, и на этот раз была писана Бутаковым[75] острая сатира, но я её не упомню.

В Томске же не видя таких почестей ни от губ(ернато)ра, ни от общества, Ком(иссаро)в скапризился и проговорился, что он обо всём этом донесёт гос(ударю) имп(ератору), поэтому томский губ(ернато)р, приказав обыскать Ком(иссаро)ва и найдя почти полон чемодан прозеб поселенцев, отобрав их, донёс об этом, как были слухи, министру. Ком(иссаро)ва же из Томска провожал один полиц(мейсте)р.

В 1869 г.[76] П(авел) Н(иколаевич) получил отставку, уехав в Пет(ербу)рг, а в конце (18)69 г. приехал новый губ(ернато)р, д(ействительный) с(татский) с(оветник) Апол(лон) Давыдов(ич) Лохвицкий, а на другой или на третий день его приезда вспыхнул пожар, сгорел сеновал в доме, теперь принадлежащем купцу Данилову[77].

Несчастный приключениями этот губ(ернато)р, любимым занятием котораго были только карты и охоты, в августе в 1870 г. отправился на ревизию в Енисейск, но 27 числа, в присутствии его, этот город почти весь выгорел [78]. Когда же Ап(оллон) Д(авыдови)ч вызван был в Ирк(утск), в отсутствие ген(ерал)-губ(ернато)ра, то в июне м(еся)це 22–24 выгорел и Иркутск[79], своей лучшею частию около половины, а в 1881 г. та же участь постигла и наш богоспасаемый Красн(оярс)к. // Сгорело более 400 домов. В жизни моей было с Ап(оллоном) *Л. 36*
Д(авыдович)ем одно столкновение. Я служил уже поверенным купца Токарева, и когда у последняго в Великую суб(боту) запечатан был склад по распоряжению город(ской) полиции, то я, на втор(ой) день праздника, явился в квартиру губернатора с жалобой, и когда он мне с неудовольствием ответил, что просьба моя по случаю табельнаго дня принята быть не может, я ему объяснил, что административныя места никогда не закрываются, а одни только судебныя места. Он мне на это сказал хладнокровно: «Я дома просьбы не приму, приезжайте в совет, я сейчас буду», что действительно к великому изумлению советских *(от слова совет)* чиновников и исполнил.

После отъезда в Россию губернатора Л(охвицко)го, назначен был губ(ернатор)ом ген(ерал)-лейт(енант) Ив(ан) Конст(антинович) Педашенко[80]. Бывать мне у него по служебным моим хозяйским делам не случалось, и хотя он один раз меня запросто пригласил вечером побеседовать по известному мне делу, но как в морозное время тогда хворал и должен был поневоле послать вместо себя другаго поверенняго. Всё-таки, как бы что ни было, но Ив(ан) Конст(антинович) между // *Л. 36 об.*
разговорами купчихи Токаревой обо мне отозвался так: «что я этаго господ(ина) хотя лично и не знаю, но советую Вам всегда пользоваться практическими советами Пар(фенье)ва».

[*] Со слов «При этом разговоре» и до конца абзаца текст вписан на правом поле.

[**] Бутаков (золотопромышленник) вписано над строкой.

Теперь следует биография моей личности[*].

Бабушка моя, родная мать моей матери, Федосия Ивановна, была дочь священника Ладейской церкви Иоанна Матвеевича Рачковскаго, у котораго был еще сын Матвей Ив(анович), служивший где-то причётником, и от этого-то отца родился знаменитый впоследствии протоиерей и кавалер разных орденов Иоанн Матвеевич, так что я с его детьми прихожусь троюродным братом. Дед же мой по матери, Иван Фёдоров(ич) Нашивошников, происходивший от древняго рода Нашивошниковых *(В более позднее время фамилия стала писаться — Нашивочников — Т.К.)*, ибо в 1711 г(оду) ещё был казак Илья Иванович Наш(ивошник)ов, коему жалован был Петром Велик(им) Татышев остров в вечное владение, на что был акт с приложением печати Сибирскаго царства, который я по недостатку своих средств в 1864 г. продал П(етру) И(вановичу) Кузнецову, как любителю редкостей, за 130 рублей, а, может быть, П(ётр) Ив(анович) убедил меня к продаже
Л. 37 и в тех видах, // чтобы я не мог начать с городом тяжбы об этом острове, а он тяжеб сильно боялся. У Петра же Ивановича застряли и два суконные верблюжьяго сукна прапрадедовския сюртука, изделия первой Петровской фабрики, даваемые мною в Святки, и мундир стряпчего (18)20-х годов, но за всеми требованиями остались и до сих пор невозвращаемы[**].

О роде Нашив(ошников)ых у меня был памятник, писанный дедом моим, но по несчастию сгорел, и теперь твердо помню, что родоначальники были следующия: у деда моего отец — был Фёдор Иванович, у него был отец Иван Фёдорович, а у последняго был отец — Фёдор Лукич, а Лука уже происходил от Ильи, т.е. того самого, коему в 1711 году был жалован остров Татышев.

За две недели до моего рождения, в мае 1823 года, как сказывала мне бабушка, видела она сон, что у Сашеньки — де (т.е. моей матери) родился сын, и послала старика своего назавтра утром поздравлять отца моего с новорожденным сыном, который, придя и не видя ничего особеннаго, рассказал отцу моему о виденном сне. Посмеялись. Надобно заметить, что матушка моя была единственная дочь у родителей, хотя у них было 18 челов(ек) детей. И, действительно, Бог даровал через две недели меня, а ранее меня, в (18)22 г. родилась дочь Евдокия. Будучи 3-х лет по рождению, нянька Александра, как я слыхал от матери, уронила меня с верхняго крыльца. У меня, по этой причине, стали расти спереди и сзади горбы, но благодаря // познаниям знаменитаго доктора, поляка *Л. 37 об.*
из поселенцев, Семёна Ивановича Лущинского, горбы эти были излечены и я, как и теперь, стал ровный, но только одна половина левой груди немного повыше правой, и боли никакой не чувствую. Должно полагать, что он меня лечил долго, ибо будучи на 4 или 5-м году, я уже помню, что он меня садил в полубочке в бане, делал какия-то травяныя ванны и растирал ладонью спину и грудь, накрыв и себя и меня простыней. И спереди, и на спине я

[*] Текст набело переписан тем же лицом, что и предшествующий текст. Есть расхождения в написании некоторых слов.

[**] Со слов «У Петра же Ивановича» и до конца абзац вписан автором воспоминаний на левом поле.

носил долго жестяныя пластинки[*]. Ароматический запах ванн до того был приятен и усыпляющий, что я в ванне засыпал, и приятность запаха теперь даже помню. По вылечении меня отдали на воспитание к дедушке и бабушке, которые были люди религиозныя, меня любили и ухаживали за мной. От смертельнаго кроваваго поноса на 5-м году моей жизни излечил тот же Семён Иванович, одною яичною смяткою, всыпая в стакан какой-то приятный порошок[**]. На 6-м году я отдан был учиться грамоте, азбуке и Псалтырю к уважаемой старушке, звали её Федосья Семёновна, а чья — не помню; жила она недалеко от Благовещенской церкви в своём доме, и у ней было много мальчиков и девочек для обучения; приготовивши таким образом детей, родители отдавали их в училище для дальнейшаго обучения. При помощи дедушки я твёрдо стал уже читать книги Свящ(енного)
Л. 38 писания, и так как, бывало, дедушко // не пропустит ни одной заутрени или всенощной, то и меня с малых лет стали водить в церковь. Каждогодно то с дедушкой, то с моим отцом, мы говели и приобщались к Св. тайне в Великий Четверток, с каким умилением я молился и с верою принимал Св. тайны. Детская невинная молитва пригодилась мне и в старости[***]. Бывало, за заутренней, я засну, и дед меня уложит — между аналоем и иконами было пустое место. Проснусь, ещё читают и поют, спрашиваю: «Дедушко, да скоро ли отойдёт заутреня?»; а служба была продолжительнее нынешней, ибо пели всё нараспев, по монастырски; «Скоро, скоро» — отвечает он. И рад не рад, как только запоют «Благочестивейшаго». 6 или 7 лет я уже знал наизусть все рождественския и пасхальныя ирмосы и тропари и утренние молитвы, потому что память у меня была превосходная[****], а в (18)60-х только годах, я, рассматривая иконы в Воскресенском соборе, узнал, по указанию одного 90 –л(етнего) старца С.Ф. Каратанова, что место, где дедушка укладывал меня для отдохновения, было как раз под иконою Св(ятого) анг(ела) хранителя моего, Иоанна Христа Ради Юродиваго Устюжанаго Чудотворца, память коего совершается 29 мая; и тогда-то только я уразумел, что я во всю жизнь под покровом и во всех напастях со мною случавшихся, того же ангела — хранителя, и с тех пор по сие время, в память хранения его, я каждогодно прошу совершать перед этою святою иконою всенощную и молебствие, а 29 число и самую литургию. // *Л. 38 об.*

Так как у дедушки моего было, кроме его, 5 ещё братьев, и именно: Михаил, Степан, Андрей, Василий, Николай; трое из них были женаты. Все они жили при отце нераздельно, занимавшись торговыми оборотами в Минусинском окр(уге) с татарами. Дом их был против Благовещения, и в 1881 г. сгорел; то невестки, живя между собой недружно, стали свёкору Фёдору Ива(нови)чу жаловаться на дедушку и бабушку, которая была так же характера бойкаго, неуступчивая. Свёкор стал их гнать, наконец, дошло до того, что он жаловался на дедушка полиции, якобы за неповиновение и хотел его пороть розгами по распоряжению пристава (часть была в то время на углу против дома Власьевскаго, а ныне Волковой), но, по слёзной просьбе бабушки, старик простил,

[*] Предложение вписано на левом поле.

[**] Предложение вписано на левом поле.

[***] Со слова «Каждогодно» оба предложения вписаны на правом поле.

[****] Со слова «память у меня» вписано на правом поле.

а из дому выгнал, выбросив им в наследство ковригу хлеба и горсть медных денег, принятые дедушком с благоговением. Надобно заметить, что старик был богатый, от него сыновьям досталось много серебра и иконы в серебряных окладах под золотом; впоследствии отец благословил дедушку иконою («не рыдай мене, Мати»), празднество её в Великодённую субботу, пред иконою этою я служу молебны в этот день вот уже с 1870 года; икона эта переходит в наследство к старшему в роде; по
Л. 39 // смерти дедушки, так же служившаго молебны в память избавления от пожара в 1834 г., о чём будет сказано ниже, эта икона перешла к его дочери, а моей матери, по смерти ея — к первородной сестре моей Евдокии, умершей в девицах, от нея она уже перешла к первенцу моему, сыну Александру; кроме того, у меня в настоящее время хранится три стакана серебряных 1700-х годов под литерами Ф и Н. (Фёдор Нашивошников).

Дедушка же, при средствах тестя своего, священника, купил домишко, по этой же улице, бывший против каменнаго дома ныне существующаго Комарова (а после купца А. Н. Егорова), стал помаленьку поправляться, покупая здесь товары и меняя их на скот у татар, а здесь торговал мясом. Дедушка всегда отъезжал к татарам после Пасхи на Фоминой и возвращался ко дню своих именин 30 августа. Я, как воспитывавшийся у них, с каким нетерпением ожидал его возвращения и привоза гостинцев, подарков, которые он всегда мне привозил; они состояли из коробки кедровых ядер или пимиков (детские валенки) и рукавичек, вышитых шелками работы татарок*; и каких усилий стоило меня оторвать от повозки со слезами, когда он уезжал из города. И раз, возвратившись в 1829 году, дедушка рассказывал следующий случай, бывший при встрече с разбойником Светловым: «Возвращаясь, — рассказывал дедушка // *Л. 39 об.*
в августе от татар домой с гуртом рогатаго и мелкаго скота, в чаянии, чтобы вечером остановиться в Кемчугах, верстах в 60 от Кр(асноярс)ка; вдруг слышит свист, слыхал, что это дело неладно, и тот час же начал читать псалом «Господь пасёт мя» и проч(ее); вдруг двое верховых останавливают его повозку, спрашивая: «Кто едет?». Отвечал, что Нашивошников; опять голос: «Который Наш(ивошник)ов?»; ответ: «Иван». Один из разбойников говорит: «А я думал, Мишка, котораго живым бы сжёг на костре за то, что он меня раз обманул, а ты, почтеннейший, последуй за нами, не бойся, твоего ничего не пропадёт», и, оставив однаго верховаго на карауле, а с другим дедушка пошёл в дремучий лес, творя шёпотом молитву и, думая, что идёт на смерть. С 1/2 версты от дороги была большая землянка с разложенным около входа костром, и тут-то дедушка убедился, с кем он имеет дело. Светлов, усадив его, стал угощать вином и жареной бараниной, расспрашивая о богатых татарах, «Ты, — говорит, — добрый человек, не бойся, я об тебе слыхал, а Мишке, брату скажи, чтобы он лучше и не ездил». // Кроме Светлова *Л. 40*
было человек десять его товарищей, вооружённых винтовками, пистолетами и ножами. Все они одеты были в парчовые куртки, бархатные шаровары и в шёлковых разноцветных кушаках**. Дедушка подвыпил и стал посмелее. «Ваше, — говорит, — почтение, чем могу я Вам послужить? Не угодно ли Вам самаго лучшаго барашка выбрать», — за что Светлов и остался благодарен, сказав, что «смело езди в следующий раз, никто тебя не потронет; только скажи, что был в гостях у Светлова», и отправил дедушку проводить до Кемчугов двух вооружённых верховых. Поэтому дедушка мне завещевал потомственно и во всех предстоящих бедах и напастях, выучить и читать этот псалом, что и исполняется мною до сей час, т. е. до 25 декабря 1876 года и до 27 июня 1893 г. Светлов, говорит, хотя небольшаго роста, но крепкаго сложения; так, что до разбоев своих, когда он жил в работниках у однаго крестьянина, то с мельницы унашивал домой по 4 мешка муки, положивши их на плечи; слава о зверских поступках Светлова и о грабежах, и ужас по селениям распространился всюду, а когда он ограбил ехавшаго на ярмарку купца Суханова[81] и, обратив его с тем же ямщиком, облекя его в бабью дабовую шубу, и когда Светлов (выбивал деньги у жившей на заимке куп-
Л. 40 об. чихи Дарьи Максимовны // Чуриновой, жарил её горящими вениками, и она всё-таки денег не открыла; женщина была здоровая и сильная, и чегото разбойники испугались и вдруг бежали, тогда уже, по распоряжению губ(ернатора) Степанова в (18)29 или (18)30 г. послан был отряд казаков; и против Коноваловскаго заводу (что ныне женский Знаменский монастырь)* был устроен пикет, и хотя Светлова видели и стреляли в него, но пули он отбрасывал им, стрелявшим, обратно, исчезая с товарищами в один миг. Приняли другия меры: узнав, что Светл(ов) ездит в какую-то деревню к любовнице, принуждены были подкупить её, дав 100 руб(лей) ассиг(нациями) и, караулив приезд Светл(ова) в одну осеннюю ночь; когда приехал Св(етлов) с товарищами, то казаки с офицером и 50-ю человеками крестьян, когда разбойники напились и уснули, их всех перевязали живьём, а потом заковали в ручныя и ножныя и доставили в город, тогда только водворилось спокойствие. Светлова запороли до смерти, а его товарищей разослали по каторгам.

В (18)29 или (18)30 году мы с батюшкой ездили в Коноваловский завод[82] в летнее время на тройке вороных (он был большой любитель лошадей); кажется, отец мой заказывал в то время рессорныя дрожки, которыя в пожаре (18)81 г. сгорели.
// А я хранил их как старину, на них было одного *Л. 41*
железа и меди несколько пудов, все было делано прочно и крепко, а сесть было место только одному, да кучеру особое место**; подъезжая к заводу, я удивился такой продолжительно устроенной дамбе, тут я нарвал букет цветов и, по научению отца, поднёс их супруге Ив(ана) Ив(ановича) Коновалова Аграф(ене) Петровне. Помнится, как в то время любовался закатом солнца и всем окружающим в природе, потому что в полях до того времени не бывал. Гостя у Коноваловых, я теперь припоминаю всю читанную мною доныне помещичкую обстановку: напр(имер), множество лакеев, горничных, сновавших то и дело из комнаты в комнату, и две громадных, так называемых меделянских, собаки[83]. Назавтра, к вечеру в лунную ночь, мы поехали с батюшкой в город и, как сейчас помню, ямщик наш, работник — крестьянин деревни Коркиной Иван Скрыпальщиков, запел унылую песню, звучавшую у меня и сейчас в ушах, вот ея начало:

* Со слов «они состояли» вписано на правом поле.

** Предложение вписано на правом поле.

* Текст в скобках вписан на левом поле.

** Со слов «а сесть» до «особое место» вписано на правом поле.

Уж ты молодость моя, молодость,
Ты когда прошла, прокатилася…
Ты не днём прошла и не вечером,
Ты прошла во глуху полночь…

Л. 41 об. Дальше // не помню. Подъезжая к Заледеевой и, заметив, что из будки вышел человек отпирать ворота, я испугался, думал, что уже Св(етло)в, но отец меня успокоил, спросив будочника: «не слыхать ли что про Светлова?», тот перекрестился и ответил отрицательно, и мы поехали далее. Я заснул, и как домой приехали не помню. В другой раз мы ездили в завод с батюшкой и матушкой в (18)37 году к 27 ноября к храмовому празднику Знамения Божия Матери. В тот раз, я помню, поднялась вьюга, мы с дороги сбились, но увидав, вывешенный на каланче дома Конов(ало)ва фонарь, направились и приехали благополучно. Господа были в то время у всеношной, а назавтра, не пивши чаю, отправились к обедне, ибо в то время была уже выстроена
Л. 42 в заводе каменная церковь. Ив(ан) Ив(анович) // Коновалов в форменном сюртуке со стоячим военным воротником, и в орденах на шее и в петлицах читал Апостол. Священнодействовал отец Платон с дьяконом здешней Покровской церкви Ив(аном) Фёдоровичем Плотниковым. После обедни пили чай, а дети Коновалова Ив(ан) Ив(анович) и Яков Ив(анович), мои сверстники, давно уже умершия, повели меня по заводу гулять и играть, надарив мне много игрушек из стеклянная изделия. После сего, обедали и вечером отправились домой на своей же тройке вороных лошадей. И так как в деревне Дрокиной съезжий праздник, то по убеждению дьякона Плотникова, мы приехали в дом зажиточнаго старика Филиппа Филипповича Клепикова, отец подвыпил, и все они пошли гулять по гостям, по заведённому порядку. Я же остался с кучером и сильно плакал, потому что до крайности не любил пьяных, и по возвращении их, насилу уговорил ехать домой; а тут ещё на грех невестка Клепикова, по обычаю, давай одаривать всех большими луковицами, мне в карман напехала штук пять; причём, я позабыл упомянуть, что утром 27 ноября (18)37 года Иван(ом) Ив(ановичем) Кон(оваловы)м мне подарена была книга из его большой библиотеки под названием «Русский Жиль-Блаз, похождения Александра Сибирякова или школа жизни», с надписью «В знак памяти Ив(ану) Фёд(оровичу) Парфентьеву». Книга эта в (18)40-х годах потерялась. // Л. 42 об.

Тетрадь 4

Возвращаясь несколько назад, я не лишним считаю сказать, до какой степени были просты и богобоязненны дедушка и бабушка. Случилось один раз так: дедушки не было дома — уехал вверх; в отсутствие его бабушка всегда приглашала свою родственницу старушку Дарью Прокопьевну Нашивошникову для веселья; я был в это время годов пяти; слышим барабан, выбегаем за ворота, идёт рота солдат, которых квартирмейстер ставит по дворам; и только мы ушли в дом, является к нам один бойкий солдатик, сапоги со скрипом; старухи иcперепугались и спрашивают: «Куда, голубчики, идёте?», а он, садясь на лавку, отвечает им: «Да идём, бабушки, старых баб драть, да брюхана-барабана натягивать»; старухи тошнее того онемели, и гостья из них успела уже убежать в подполье. «Да, бабушка, — говорит солдат, — ты не бойся, ты стара, тебя не возьмём, а к доброте и мы добры: нет ли, чего выпить и закусить?», а я сижу в углу на лавке, и рассмеялся; я был в одной рубашонке и без штанов; «Ты, — говорит солдат, — мальчишка,
Л. 43 что смеёшься? И тебе то же // будет». Между тем бабушка несёт солдату рюмочку винца, вскоре — другую и третью; тогда подносили на маленьких подносиках; достала из печи щи и жаркое; «Кушай, — говорит, — батюшка, на здоровье». Солдат уже повеселел и, вдруг, является другой такой же, только без скрыпу. «Прикажите, — говорит, — записать», а прежний солдат, подмигнув ему, отвечает: «Нет, говорит, не надо, они люди добрыя, да и стары, не по летам»; и другому солдату сошлась та же пропорция. Пообедали, отдохнули, напились чаю с пирогами и, услышав, что бьют сбор, забрав с собою калачи и выпросив на дорогу яиц, тот час же ушли и выступили в Иркутск.

Вот ещё случай: дедушка с бабушкой оба меня в бане мыли; бабушка всегда приговаривала, растирая мне грудь и спину ладонями: «Сенатор ты мой, губернатор ты мой», а дедушка легонько припаривал веничком и, однажды, что же случилось, я, конечно, не помню; внезапно, они схватили меня с полка, набросив на себя кое-как верхния одежды и выбежали из бани стремглав, чуть не по-адамовски, и дома я уже узнал, что им в бане представился в полном облачении священник с крестом в руках и будто бы сказал, что место это свято есть. Дедушка, опомнившись, вечером того же дня побежал к престарелому священнику, живше-
Л. 43 об. му // в соседях, отцу Иоанну Словцову, бывшему уже на покое, а сей последний ему рассказал, что на месте, где стояла баня наша, в старину бывала церковь, впоследствии перенесённая, где теперь Воскресенск(ий) собор, тут было кладбище и похоронен священник; по этому совету, дедушка, наняв плотников, на той же неделе баню перенёс в другое отдалённое место, и больше уже ничего подобнаго не встречалось. Действительно, по продаже дома в 1848 г., когда новой владелец стал строиться, вынул множество гробов или колод, всех их хоронил на кладбище, а у одного, вероятно, офицера, уцелел только галун на воротнике мундира[*].

До такой степени дедушка боялся полиции, и как напуганный ею ещё смолоду; однажды, осенью он колол на заднем дворе скота с рабочими мещанами, как сейчас помню: Петр(ом) Никол(аевичем) Жаровым, Васил(ием) Ив(ановичем) Черкасовым и Ив(аном Кобяковым); вдруг, в ворота увидали: идет квартальный из казаков Андрей Степ(анович) Затрутин, впоследствии квартировавший у бабушки по отводу и не раз упоминавший мне об этом случае. Дедушка, увидав его, исперепугался; «Фенька, — говорит, — дай ему барана, и угости, и подчивай, а меня, скажи, дома нет» и успел скрыться в подполье. Бабушка, конечно, принялась за обычное угощение; полтуши, кажется, он увёз; «ладно, — говорит, — скотинку добивайте, не бойтесь»

В 1834 г. в соседях был большой пожар, угрожавший опасностью дому дедушки, потому что был не далее 3-х саж(ен) от этого дому. Я спал с дед(уш)кой и сквозь сон слышал, как в нашу стену // били стягами; не пробуждаясь, продолжал Л. 44
спать и утром уже, очутившись в соседях, у купцов Комаровых. Когда из дому всё было вытаще-

[*] Со слова «Действительно» абзац вписан на левом поле.

но, а меня, как дорогое сокровище ихнее, забыли совсем спящим. Губ(ернато)р Ковалёв, когда загорелась крыша на доме, вбежал в дом с городничим осмотреть, всё ли спасено, наткнулся на меня спящаго, закричал о помощи, и тут только меня спохватились и спасли. Дом остался целым, а надворное всё сгорело; после дедушка рассказывал, что в этом случае сохранил меня ангел-хранитель и читавшийся им псалом «Господь пасёт мя».

В августе (18)39 году меня отдали в народное училище, отслуживши предварительно молебен ангелу-хранителю; с какими слезами и рыданиями провожали меня из дому: матушка, крёстная, бабушки и тётушки, то этого описать невозможно; и через слёзы эти привели меня в самое трогательное состояние, говоря, что меня там будут бить, драть и с голоду морить; и, действительно, когда я с отцом вошли в класс, тогда мне представилось ужасное зрелище: лежащаго на полу мальчика дерут с обеих сторон розгами, крик и повеление учителя готовы разорвать были мое сердце; однако ж, увидавши нас, по приказанию учителя, всё стихло. Нас приняли благосклонно, меня отвели к семейству учителя-смотрителя Вас(илия) Алексеев(ича) Л. 44 об. Климовского, // чтобы меня ребятишки не обидели, где я до вступления в приходской класс и обучался года два за особую плату смотрителю В(асилию) А(лексеевичу) Климовскому*.

Бабушка же моя, когда я гостил у ней, и матушка, когда я ночевал дома, по выходе моём утром в школу, всегда провожали меня за ворота, напутствуя благословением Господним до тех пор, пока я не завернусь в переулок, всегда благословляли меня крестнознамением, и я до настоящаго времени крепко верую, что эти-то благословения мне сопутствуют и по настоящее время, во дни моей старости. В каких бы я напастях не бывал, уповаю, что благословение родительницы всегда со мною и сохраняет, хотя бы я был в бездне морской, что будет доказано следующими обстоятельствами.

В 1832 году матушка с домашнею прислугою в летнее жаркое время отправились на Качу мыть пшеницу, я был с ними же, и когда они отправились домой обедать, а я остался с работником караулить, то во время сна последняго, подойдя к близ стоящей толчее и, заинтересовавшись стоящим в воде необыкновенным колесом со ступенями, пошёл по этим ступенькам и, когда перешагнув его верх, колесо завертелось, смяло меня вниз; тут // Л. 45 я от испугу ничего уже не помню, и, по всей вероятности, погиб бы, если бы не увидал это происшествие случившийся невдалеке, тоже за мытьём пшеницы, почтеннейший старец Прокопий Иван(ович) Нашивошников, дядя моему дедушке, Ивану Фёдоров(ичу). Он сейчас закричал, с разбудившимся работником один мгновенно остановил колесо, а другой вытащил меня из воды в бесчувственном состоянии. Тревога была ужасная, отец и все домашние прибежали с доктором, меня качали и отводились; я неделю был в лихорадочном состоянии и не ходил в училище, но зато, по выздоровлении, отец ремянною плёткою, висевшею постоянно для острожки на печке, меня постегал легонько, дав плёток пяток или десяток и только страха ради, и в этом положении, я в зрелости уже рассуждал, что псалом «Господь пасёт меня» спас от погибели.

* Предложение вписано под строкой.

Нечто подобное же сему было в 1838 г., когда мы с батюшкой и с соседом Высоковым отправились на покос, находившийся на острову против дерев(ни) Базаихи (батюшке покос давался из думы по званию от городоваго судьи). И думские же рабочие его убирали, и хотя таракановския жители (где теперь заводы Кузнецова и Гадалова; тут в то время была деревня Таракановская) упрашивали не плаЛ. 45 об. вать, но всё-таки их // не послушались; гребцы были лихие ребята, лодка — большая, казённая, но как стало нас качать, буря больше усиливалась, тогда и родитель мой и сосед его Высоков, наблюдав, исперепугались, а я окунулся лицом ко дну лодки, в уме своем читал псалом и, действительно, Бог услыхал мою невинную молитву, буря стала стихать, переехали благополучно, тут-то стали говорить и гребцы, что мы — де отчаивались, но надеялись на свою силу. На острову батюшка подгулял, и затем возвратились домой.

Был ещё такой случай в 1830 г. Я поехал с матушкой на базар. Она пошла с работником покупать ягоды и огурцы, а меня оставили в телеге посидеть; лошадь была дикая, татарская, не дававшая дотронуть до себя; я сидел на передке, баловал и как вдруг свалился, как раз под задния ноги к лошади, она не шевельнулась, мужики тот час же меня вытащили, и я остался невредим.

Не помню уж, в котором году, а кажется, что я ещё не учился, была у нас большая серая собака на цепи, злая; ей налили простокваши, а я прутиком давай её дразнить, мне было слышно, как она ворчит и скалит зубы, но, вдруг, озлилась, схватила меня за ногу и утащила в конуру, а сама легла поперёк, никого не пуская, хотя на крик мой и сбежались все домашния; догадались цепь снять // с крюка, меня вытащили без памяти и тот- Л. 46 час же, сняв несколько шерсти с собаки, приложили к ране. Белый большой шрам и сейчас заметен на икре ноги.

У меня память была острая, и я бы мог учиться довольно хорошо, но будучи избалован дедушкой и бабушкой и, вероятно, пользуясь высоким званием отца, к наукам относился небрежно; положим, читать и писать, занимаясь в комнате смотрителя по указаниям его жены Федосьи Яковлевны и дочери Елизаветы Васильевны, они тоже меня лакомили, я научился хорошо, но с переходом от них в 1-й класс, закон Божий наизусть и арифметика, в особенности последняя, нисколько в понятие моё не уяснялась и теперь, уже в старости признаться сказать, кроме счёт, мне никакой задачи не сделать; а перейдя по просьбе отца, через два года во второй класс, я уже вовсе ничего не мог понимать, так что вынудил учителей посадить меня на задний стол в число неспособных. Задело моё самолюбие и я, по наущению бабушки, когда пойду в училище утром рано, стал заходить в Покровскую церковь. Икона Знамения Божией Матери, теперь стоящая на паперти, а тогда по наружности церкви, на южную сторону на хорах, перед коей тогда висел большой фонарь, с неугасаемой день и ночь свечою; я и обратился к этой // Св. иконе с просьбой о помощи в учении, даже Л. 46 об. плакал, слезно рыдая, чтобы она меня вразумила, да не буду посрамлён перед прочими сверстниками. Заходил я на эти хоры каждое утро во весь круглый год и просил об одном и том же, и доныне не пройду, не проеду в жар или в мороз, обнажая голову, всегда перекрещусь. И что же, (18)36,

(18)37, (18)38 годы я сделался отличным учеником и старшим на первом столе, так что мне учителя поручали до прихода своего репетировать других, думая, что я ранее сего нарочито скрывал свои способности*. Аттестациям моим не было пределов по российской всеобщей истории, по географии, грамматике, закону Божию, были похвалы: отлично, хорошо, превосходно и т. п., но по арифметике слабо, так что на последнем экзамене 29 июня (18)38 г., когда очередь дошла до меня по арифметике, то в подходящую мне фамилию вызван был будто бы по ошибке Артемьев; я же между тем, заученное наизусть ранее сложное тройное правило сделал на доске отлично; губ(ернато)р Вас(илий) Ив(анович) Копылов похвалил, но минуты две-три спустя г(убернатор) говорит: «Пар(фенть)ев, сделайте мне правило товарищества»; вот тут и был вызван Артемьев будто бы по ошибке, а я успел скрыться за доску. По окончании акта, в присутствии всего торжественнаго собрания, Вас(илий) Ив(анович) убеждал родителя моего, в ввиду моих отличных способностей и прилежнаго поведения, отправить меня в Иркутскую гимназию, говоря, что это будет стоить только 300 р(ублей) асс(игнациями) в год. Родитель мой изъявил было
Л. 47 тогда согласие, // но в этом его разговорил Ив(ан) Кир(иллович) Кузнецов, говоря, что «мы — де с тобою не учёны, да век проживаем, а лучше всего пристрой его при себе в суде». К прискобию моему в гимназию меня родитель не отправил, и я в июле м(еся)це 1838 года поступил в Городовой суд из 5 руб(лей) асс(игнациями) жалования в м(ес)яц, а до этаго времени, с (18)35 году, я занимался в суде вечерами в вакантное время, но без жалования и только лишь привыкал к делу; и продолжал службу свою в суде постоянно до 1865 году. Товарищи же моего детства Дмитрий Михайлович Гаврилов и Иван Петрович Делеткевич научившие: первый — покуривать табачок из трубки, а последний, сбивавший меня к поступлению в Иркутскую гимназию, померли: первый в марте, а последний в мае 1898 года. Теперь только я один престарелый остаюсь и ожидаю смертнаго часа ежедённо и еженочно, но да будет воля Божия**.

Бабушка моя Фед(осья) Ив(ановна) Нашивошникова, как начитанная псалтыри, можно сказать, была предвестница откровений Божиих. На Пасхе, ещё 1835 года, она дедушке предвещала, что «я, — говорит, — тебя, седанко, ныне торговать не упущу, потому что ты — де скоро должен помереть». Дедушка, конечно, её за это поругал и, кредитуясь постоянно у вязниковца, купца Боббкова, закупил для татар краснаго товару, стал собираться в путь, а бабушка всё ему одно трастит, и действительно, в мае того же года простудился,
получил рожистое воспаление; // а старушки давай лечить его по — своему; наконец, батюшка мой, видя, что дело плохо, пригласил военнаго доктора, который обещал помочь, но в присутствии его, бабушка утверждает, что ей Св. Иннокентий взором своим сказал о смерти дедушки, а окружавшия больнаго старушки Агафья Фёдор(овна) Коростелёва, Елена Мих(айловна) Каратанова, Дарья Прокопьев(на) Нашивошникова и Матр(ёна) Григорьев(на) Рачковская так все и завопияли и противодействовали доктору, что последний, разорвав приготовленный рецепт, сейчас же уехал. Л. 47 об.

* Со слова «думая» вписано на правом поле.

** Слов «Товарищи же моего» и до конца абзаца вписано на правом поле.

Дедушка на третий день, т.е 27 мая, будучи напутствован и соборован, помер, а в мои именины, т. е. 29 мая, его похоронили.

И сколько я не скорбел после смерти дедушки, столько, наконец, в утешение моё Господь послал в 1836 году к бабушке на квартиру священника отца Петра Попова (впоследствии преосвящённаго Павла, епископа Енисейскаго и Красноярскаго), смирение котораго и послушание во священстве было так высоко, что бабушка по немощи своей, когда он бывал дома, приказывала ему ставить
Л. 48 самовар, рубить и носить // дрова, подмести двор, в чём и я ему помогал, но он безропотно, с улыбкой всегда исполнял ея приказания, а однажды, помогая рубить капусту, и пропустил вечерню.

Бабушка частенько за это его укоряла, а отец Пётр на это отвечал, что первее всего нужно угодить добрым людям. Мы с ним коротко познакомились; не пройдёт, бывало, ни одно свободное время, чтобы он не посвящал меня во знание закона Божия. Однажды, с товарищем Алексеем Фёдоровичем Комаровым, пуская 4-х — листных змеек (отец Пётр участвовал с нами же), но и тут, по-видимому, простая детская забава не обошлась без наставлений; полёт змейки о. Пётр сравнивал с душою по выходе ея из тела, что она так же стремиться к высоте и представлению к Божьему Престолу. Один раз был такой умоswitch уморительный случай: в летнее время мы с бабушкой спали в амбаре, ночью слышится у ворот стук, на который мы вышли, спрашивая: «Кто тут?», ответ: «Отец Пётр здесь живет? Я, —
Л. 48 об. отвечает, — Светлов»; как только // бабушка услыхала это имя и полагая, что разбойник Светлов, закричала «Караул!» О. Пётр, как сейчас помню, выскочил в одном белье, босой, сбежались бекетчики *(пикетчики)*, а приехавший испугался; о. Пётр, отворив ворота, успокоил бабушку, что это его однокашник священн(ик) Светлов. Сколько было смеху тут, свящ(енник) же Светлов назавтра утром уехал из Красноярска. Помнится мне ещё такой случай, что мы с товарищами А(лексем) Ф(ёдоровичем) Комаровым и Мих(аилом) Петр(овичем) Жаровым в Святках замаскированные, постукавшись в переднее крыльцо, пришли и к отцу Петру в часу десятом вечера; он принял нас любезно, мы не раскрывались, узнать будто не может: «чьи же, чьи же это?»; между тем, попадье Раиде Харлампиевне велел поставить самовар, и поневоле должны были открыться. Вот при сём — то случае он нам и дал короткую нотацию, вопросив первее всего меня: «Какая, — говорит, — братец, 1-я Божья заповедь?» Я ответил. «Но вот видишь, ты, — говорит, — а вы переменяете образ Божий» и много он подобнаго наговорил, отпустив и благословив нас,
// и продержал нас до полуночи; с тех пор я никогда не маскировался и, когда о. Пётр был уже в сане архиерея, я обо всём ему рассказывал по приезде его в Красноярск. Мы с ним целый час беседовали, и в это время он не велел ни о ком себе докладывать, кроме секретаря Консистории. Я был в это время в катанках, это было в апреле (18)71 г., потому что на ногах были мозоли; на входе секретарь спрашивает, почему я в пимах, а владыко, тотчас же ответил, что «отплясал», припомнив из басни Крылова «Стре(коза) и муравей» "так поди же и попляши» и, присовокупив, что за это мне доведётся лёжа отдохнуть долгонько, так и случилось. С апр(еля) (18)74 по октябрь, я был совершенно без ног, и только последния два месяца стал пображивать с помощью костылей. Л. 49

Отец Пётр приказал мне ко всенощной и к обедне бывать постоянно у Благовещенской церкви, где он был священником, а если я не бывал почему-либо, то не замедлит прийти навестить Л. 49 об. // и спросить о причинах.

Однажды, кажется, (18)58 г., я, пользуясь его душеспасительными наставлениями, спросил о. Петра: «Не лучше ли будет употреблять виноградное вино, а водки не пить»; О. Пётр не задумавшись ответил: «Всё равно, — говорит, — братец, кандалы-то носить серебряныя ли они, или же железныя», присовокупил: «Да сохранит тебя, братец, Господь Бог, от ношения их навсегда, несмотря на достоинство их»*.

Помнится мне, 29 августа 1858 г. я пришёл к обедне, когда уже началась литургия, а о. Пётр, начинал службу постоянно в 11 часов, при входе стал у двери храма и вопрошаю стоящих около меня, какой — де это служит архиерей. «Что вы, — говорят, — да это о. Пётр, он вчера получил камилавку» *(головной убор священнослужителя, жалованный за хорошую службу)*; ну вот, мне чисто представился архиереем, о чём я по окончании литургии, как и всегда, бывало, подхожу к о. Петру и объяснил, он же мне на это ответил улыбаясь: «Да будет по глаголу твоему». И действительно, в генваре 1860 г. получается распоряжение, что о. Пётр назначен архиереем[84], и будет хиротонисоваться в Иркутске; как только об этом здесь разгласилось, почти весь город стали приглашать его служить молебны, в чём удостоился и я, грешный, приглашая о. Петра с его ведому, он сказал: «Хорошо, братец, ожидай меня вечером», да напомнил о виденном мною архиерее 29 августа (18)58 года.

Ждали, ждали о. Петра, и он посетил нас уже во 2-м часу ночи в 23 число, января (18)60 г. Выкушав 2 стакана чаю, на вопрос мой: «Как // я оста- Л. 50
нусь без его помощи?», — ответил, что помощь Божия всегда со мною, только веруй; благословив меня, всё семейство, мы пали ему в ноги, а над сыном Александром, умершим в марте (18)61 г., над головою его, долго держал руку, но ничего не сказал. На вопрос же наш, что мы видимся в последний раз, ответил, что Бог милостив, может, ещё увидимся. От нас пошёл ещё куда-то служить молебен с причётником, а назавтра, в сильный мороз, отпевал в последний раз умершаго казака Благовещенскаго приходу и провожал до кладбища; вечером уехал скрытно без всяких проводин. Точно так же и приехал в Красноярск на новый (18)71 год, а 2 числа утром мы с сыном Иваном были у него для благословения; он сейчас же узнал, усадил и угощал чаем; «вот, — говорит, Господь и привёл ещё нам видеться», я в ответ только заплакал.

1 августа (18)71 г. он служил в Воскресенском соборе, а по окончании, когда я в числе множества народу стал подходить под благословение, он приостановился, полез в боковой карман полукафтана
// и, вынув оттуда заздравную просфору, полага- Л. 50 об.
ли, что он за этим её и взял с собою, чтобы после обедни заехать к нам; передавая мне просфору и благословив меня, он сказал вслух: «Вот, тебе, братец, просвирку, за твою старую квартирку». Весь народ изумился, что он приостановился меня благословлять, и многие вопрошали меня: за какую это квартирку, я отвечал, что мы с о. Петр(ом) жили года четыре на одной квартире.

Помниться мне, зимою, в Крещение (18)72 г., епископ Павел из Воскресенского собора ходил на Иордан при 30 гр(адусном) морозе и, когда ему предлагали тёплые перчатки, покрытые атласом, он отвечал, что в Якутске при 50 гр(адусном) морозе и тогда он не облекал руки перчатками, сказав, что Св. Константин и Елена воздвизали крест Спасителя без перчаток. Когда же с водосвятия возвратились опять в церковь, владыко, познобив немного уши, тёр ещё на воде их снегом, но руки его остались невредимы. Все приложились ко Св. Кресту и испив св(ятой) воды, и тогда только владыко уехал из церкви.

После этого, понятно, что всё высшее красноярское духовенство, не то что не любили, даже
Л. 51 пренебрегали // владыкою и порицали, что он человек не светский, называли его «старушьим архиереем», потому что он, с приезду в Красноярск, не замедлил посетить всех его старых знакомых и богатых, и бедных. В то же Крещенье, когда приехал владыко в храм, и в предверии храма он, ожидая подачи ему мантии, которую как будто бы в насмешку позабыли взять, но преосвящённый, не подав никакого поводу неудовольствия и тут нашёлся сказать: «Подайте, — говорит, — епитрахиль», возложив его на себя и идя к Св. Алтарю, тогда только певчие запели «Достойно есть». При назначении преосвящённаго Павла в Благовещенск, он также отдал прощальный визит всем, и богатым и бедным, был и у меня, от чаю отказался; я решился предложить ему надписать на Акафисте Божией Матери о времени его посещения, но он отклонил мое предложение, сказав и благословив книгу: «блаженни не видевшие, верующие». Вообще владыко не любил делать какиелибо надписи или снимать с себя фотографию, так
что портрета // его во всём Красноярске нет. Л. 51 об.

Когда ещё он был свящ(енником) в (18)57 г., помирал один мой хороший знакомый Влад(имир) Федоров(ич) Плотников от чахотки, и уговаривавший меня, чтобы много не пить вина: «я, — говорит, — вследствие его и умираю» и, как я вообще не люблю ходить по поминкам, то о. Пётр трижды посылал за мною к обеду. Волей-неволей я пошёл и тут — то он весь обед проповедовал о вредном влиянии вина на здоровье и о пагубном распространении его на потомство, а мне на прощание сказал вполголоса: «имеющий уши слышати, да слышит».

Ещё в 1869 году по просьбе протоиерея Воскресенскаго собора Иоанна Рачковскаго об исходатайствовании служить в соборе на воскресенье и праздничные дни во весь год всеношную, я и другой депутат А. А. Яковлев прихожанами были избраны по сему делу, вследствие чего и подавали преосвящен(ному) Никодиму об этом разрешении просьбу; он передал её в Консисторию, а последняя нам отказала на том основании, что эти всенощные разрешены только в кафедральных соборах. Мы
подали жалобу в Синод, // которым наше ходатай- Л. 52
ство и уважено с тем, чтобы независимо всенощных были всегда и утренния. Во ожидании указа, я с покойным отц(ом) Иоанном говаривал, чем — то разрешится наша просьба, и получал ответ, что Царица Небесная нам поможет; и, действительно, накануне праздника Казанской Божией Мате-

* Абзац вписан на левом поле.

ри получается ожидавшийся указ, и прихожане впервые известившись благовестом ко всенощной, все были в восторге и радости, а приехавший преосвящен(ный) Павел меня лично благодарил за ходатайство, но отцы Кафедрального собора и по сиё время, как видно, на меня присерживаются, да это видно было и ранее, потому что при объяснении на нашу жалобу св(ятому) Синоду они нас обрисовали чуть ли не богоотступниками, мотивируя тем, что для истинных православных христиан не стоило бы никакого затруднения в бурю и мороз, и в ненастную погоду из краю на край посещать храм Кафедрального собора.

Благоразумным распоряжением своим Павел устроил правильный порядок ношения из дому
Л. 52 об. в дом // икон Св. Троицы и Знамения Божией Матери, приносимых в Красноярск ежегодно с Коноваловского заводу и села Заледеевскаго. Прежде бывало, кто богатый и знатный, те и пользовались преимущественным поднятием икон, хотя бы это было и с краю на край, а люди средственнаго и беднаго состояния через эту неурядицу добивались Св. икон, ходя за ними дня по три. Павел устроил такой порядок, чтобы Св. иконы носились в приходския церкви, смотря по приходу от однаго до 4-х дней. Прихожане каждой церкви, по порядку домов и улиц, принимали их из дому в дом, чем и устранились споры и ссоры и оправдались слова Павла: «Мир всем». Точно так же им же устранён был беспорядок в родительский день после Пасхи поминовать усопших. Прежде, бывало, ходили по кладбищу одни священники Кафедрального собора, а о. Павлом установлено, чтобы всякий священник от своего прихода обходил могилы усопших и служил понихиды, чем же, конечно, устранилась цель наживы одних в ущерб других священников*.

Когда в последний раз, перед отъездом в Иркутск, он 23 января служил у меня ночью молебен, то рассказывал, что предвестниками его назначения в архиереи были в жизни его два случая, а именно: когда матушка его тяжко мучилась родами, то в ночное время постучался кто-то в окно, бабушка сейчас выскочила за ворота, спрашивая: кто тут; последовал ответ: «Отопри, — говорит, — приехал преосвященный». // Старушка изумилась, что в такую глухую полночь, да и в село, где Л. 53
никогда не бывали от роду архиереи, мог приехать внезапно преосвященный, перекрестясь, отперла ворота, но никого не было. Второй же случай такого роду, когда отец Пётр, квартируя у бабушки, купил небольшой домик у полкового сотника М. А. Ванькова, что по Благовещенской улице, подле приюта, в пожар сгоревший и, как заведено было, старый хозяин всегда оставляет в дому икону и стол. О. Пётр первее всего обратил внимание на Св. икону и, увидав в лике своего ангела Петра митрополита Московскаго, празднество которому совершается церковью 22 декабря; « вот, — продолжает о. Пётр, — Господь вся примудростию сотворил еси и судьбы Божии неисповедими», кто мог, да и он сам мог ли думать, чтобы он по высокому смирению своему, с семинарским курсом мог быть иерархом церкви.

За простоту его и смирение, все, как высшие и низшие знатные и не знатные, богатые и бедные, относились к нему благоговейно, даже мне один

* Со слов «Точно так же» вписано на левом поле.

Л. 53 об. закоренелый еврей, старик Мордух Шмулевич, // говаривал, что это у вас единственный священник и, я говорит, не пройду мимо него, чтобы не поклониться.

Не один раз, мы, бывало, по выходе из суда с судьёю М(ихаилом) И(вановичем) Нацваловым[85] в зимнее морозное время, видели ночью в алтаре Александро — Невского храма, у Благовещания, огонёк. Нацвалов всегда замечал: «вот, — говорит, — за нас молитвенник и труженик о. Пётр молится». Он у Нацв(алова) принимал и крестил детей.

«Однажды, — сказывал отец Пётр, — приезжают за ним из кирпичных сараев, приглашают напутствовать больную». Экипаж был — простые дровни с наложенными на них дощечками и клочком сена; лошадь не обвозжена, мужичок сел верхом, правил лошадью поводьями. Была сильная снежная буря, и он помчал о. Петра, но на какомто бугорке дощечки с сеном скатились, а с ними и отец Пётр. Мужичок, не оглядываясь, всё бежит вперёд да вперёд; что же, о. Пётр и тут не поставил себе во труд продолжать путь пешим и, дойдя до кирпичных сараев за городом и подходя от избушки к избушке, добился-таки, где больная, напутствовал её и, отчитав ей отходную, она при
Л. 54 нём же и скончалась. // А другой удивительный случай был таков. Стукаются также ночью, на вопрос о. Петра: «Куда ехать?», — «В Теребиловку». «Я, — говорит, — сейчас оденусь, подожди». Выходит, никого нет; пошёл в Теребиловку пешком, и чуть ни каждый дом опрошая, нет ли тут больных, наконец-таки, нашёл, и тут ответили ему, что есть тяжко больной, и мы хотели посылать за тобой, а тебя, батюшка, сам Бог послал, но мы ранее никого не посылали.

Вообще усердие отца Петра было так велико, что он дома очень редко обедал или чай пил, потому что весь город, со всеми требами — и богатые и бедные обращались к нему, так как в то время не всякий священник был доступен к непременному исполнению духовных треб, а, в особенности, в ночное время.

Однажды, пристав Гутовский, по приезде о. Петра в Красноярск, и по назначению его исполнять требования полиции и служить в остроге, зная, что священник кроткий, добрый, обратился к нему с присяжным листом подписать; «А где же, — говорит о. Пётр, — свидетели?» «А мы, — говорит Гутовский, — по заведённому порядку, батюшка, спрашиваем их, не приводя к присяге, священник только подпишет листик и делу конец». Но тут о. Пётр дал ему такую нотацию, что пристав чуть не заплакал, после чего подобнаго уже не бывало; мало того, что о. Пётр приведёт к присяге, но и преподаст каждому наставление о важности присяги.

В исповедании приходивших к нему или больных он был до крайности медлителен, он меня, больнаго, исповедывал дважды, и несмотря на мою тяжко болезненную слабость и запамятование, давал время, чтобы вспомнить хотя приблизительно: вообще, по меньшей мере, каждая исповедь его и больных, и здоровых, обходилась не менее получаса, а то и более.

После смерти письмоводителя духовнаго правления В. Ф. Плотникова, о. Пётр пригласил меня,

между делами, как член Дух(овного) правл(ения), заниматься, что и сопровождалось более полугода. О. Пётр писал так мелко, что его письма — лист, а моей переписи — 3–5 листов. Однажды, на какой-то двунадесятый пр(аздни)к, поручил мне переписать несколько бумаг: говорю, что мне не успеть к назначенному времени, потому что завтра праздник. *Л. 55* «А ты, — говорит, — братец, // сходи к обедне и после сего накушайся чайку, а потом примись за дело и успеешь. Господь, — говорит, — добрыя дела не только не запрещал в праздник, но даже сам исцелял больных, воскрешал мёртвых и, при негодовании фарисеев, терпел ихния порицания; точно так и ты, братец, на пути своей жизни встретишь много неприятнаго, но терпи ради Христа», что и случилось, о чём будет сказано ниже.

О. Пётр по приглашению бывал и на свадьбах, вообще весел и любезен; мне случалось на таких празднествах бывать при нём дважды и, рассказывая притчу в Кане Галилейском всех празднующих, поощрял даже к выпивке, а когда молодые поднесут ему бокальчик, он возьмёт в руки, благословит и поставит. «Нечего, — говорит, — отродясь, не пивал» и сидит на пиру до тех пор, пока за ним откуда-либо не пошлют, приглашая с требой.

Когда мне приходилось прихворнуть, и порядочно, о. Пётр уже заявится проведать; я, бывало, серчаю на матушку и на жену — зачем — де вы его беспокоите приглашением ко мне, божатся, что никто за ним не посылал, а он, бывало, найдёт *Л. 55 об.* // предлог посоветоваться со мною о какой-нибудь ст(атье) закона или спросить книги Св. писания для справки, оставшиеся у меня от дедушки; беседует также до тех пор, пока за ним не пошлют, а мне без того тошно, не знаю куда бы делся; посетив меня таким образом часа два и, намереваясь к отходу, скажет шуточно: «Что же ты, хозяюшка, и не поподчуешь нас винцом», а та, обрадуясь, думая, что для него, подносит две рюмочки, он их благословит и, конечно, откажется от выпивки, но, указывая на меня, скажет: «Призрей сего ближняго». Вообще, отец Пётр говаривал аллегорически, догадывайся сам, и потом уйдёт, сказав, что я на днях побываю ещё справиться. После таких посещений поневоле исправишься, а тут работа у него в городов(ом) Сир(отском) и Словесн(ом) судах; у отца Петра занимался я также не безвозмездно, труды мои поощрял: когда 5-ку, когда и 10-ку даст.

Да один раз я ему сказывал, что я, ещё будучи годов 6-ти, по заведённому обыкновению, на именинах дедушки, 30 августа, сродственников и купцов ездил приглашать накануне, т.е. 29 ч(исла) августа, вечером, покончив эти приглашения, стряпка, готовившая к завтрему пирожки на скоромном масле, сушки, вафли и т.д., лакомила меня, я однажды покушал маслянаго, // что называется досыта, *Л. 56* со мною началась вскоре ужасная рвота, даже и назавтра лежал в постели; о. Пётр, дав мне наставление, чтобы впредь во вся дни живота моего этот великий день почитать и мясной пищи не употреблять, что исполняется мною до настоящего времени.

Забыл я сказать, что когда последовало в Синоде представление об о. Петре, он по списку был 7-м и последним кандидатом, в том числе, как я слыхал, был помещён и протоиерей о. Василий Касьянов[86], а первым поставлен был какой-то свящ(енник) Павел, но государь император, при представлении ему этого списка, как мне передавали, изволил надписать резолюцию: «последний, да будет первым», т.е. протоиерей Пётр Попов да будет преосвященным Павлом. Очевидно после этого, что перст Божий начертал быть ему архиереем и, понятно, с каким удовольствием относился к этому о. Василий, будучи в подчинении владыки.

Во время засухи в 1854 и (18)57 годах о. Петра просили хлебопашцы служить на пашнях молебны перед иконою Иверской Божией Матери. О. Петра это нисколько не затрудняло, с вечера же благовесть ко всенощной, и утром в 5 часов с собравшимся *Л. 56 об.* // народом и Св. иконами путешествовали по всем пашням за 10 вёрст от города, служили молебны, и как только, утомившись, располагались попить чайку и закусить, о. Пётр всегда увещевал народ не отчаиваться в милосердии Божием, рассказывая из Св. писания поучения о чудесном ниспослании дождя, и не проходило ни одного такого путешествия, чтобы Господь Бог не услышал слёзную молитву молящихся, всегда происходили проливныя дожди, и тем замечательно, что орошали только поля, а в городе было сухо; возвращались в 5 ч(асов) вечера. При разговорах об этом с о. Петром, он говаривал мне: о дожде просить Царицу Небесную и Св. пророка Илию, как вещанием его установившага водоточныя облаки.

При всем этом о. Пётр был сострадателен к бедной братии. Мне хорошо известно, что он перед Рождеством и Св. Пасхой в ночное время, переодевшись в шубу и простую шапку, раздавал тайно кому 3, кому 5 руб(лей), хотя лица его не могли заметить, но догадывались, что это он.

Вообще о. Пётр в зимнее время никогда не носил тёплой меховой рясы, таковая у него была на вате, // а калош и во время его архиерейства *Л. 57* никогда не носил, постоянно бывал в кунгурских тямсаевых (?) сапогах.

В Красноярске был очень замечательный ростовщик, и если должник час просрочился, заложенная вещь оставалась у него, как не умоляли его на коленях слёзно должники его, он был, неумолим. Вот этот ростовщик сильно заболел, и когда пришёл час кончины, не мог кончиться, тяжко было ему, о. Пётр целую неделю увещевал умирающаго, читал над ним Евангелие, наконец-то, по его святым молитвам душа от тела разлучилась.

Выше видно, что я в (18)45 году был тяжело болен свирепствовавшей в то время тифозной горячкой, унесшей множество жертв; к этой участи близок был и я: будучи в страшном бреду, как мне рассказывали, я ругался скверными словами, а о. Пётр, приглашённый для напутствования, заперся в другой комнате, что он делал — никто не смел взглянуть, догадывались, что он молится, и когда я несколько успокоился и пришёл в память, он меня исповедал, но Св. тайны по сквернословию моему не удостоил. Исповедь была // продолжительная *Л. 57 об.* и утомительная до тех пор, пока я опять не впал в безумие. Приглашённый ко мне молодой доктор Егор Ив(анович) Беттихер *(Беттигер)*, принимавший энергичные меры, так что в бреду, заметив из моих слов, что я говорил с какою-то барышнею-невестой, спрашивает матушку мою: «Вы знаете, — говорит, — эту девушку, то пригласите её». И, действительно, по приглашении, я тотчас очнулся, и говорил с нею как здоровый, но ког-

да последовал кризис, о. Пётр вновь исповедовал меня и приобщил Св. тайне, а доктор, не отходивший от постели моей и, рассчитывая минуты, вдруг встаёт со стула, поздравляет матушку мою с сыном: «теперь, — говорит, — будет жив», но и сам доктор заразился тою же болезнию и слёг, а я стал поправляться, а выезжать уже с сентября м(еся)ца.

Во время пароксизма матушку мою чуть не убил из ружья, которое, к счастию, успел выхватить у меня работник Андрей Тюменцев. Навещая меня во время болезни, о. Пётр, приказывал не забывать, что сила Божия в немощах является, чему я и поныне непреложно верую.

Л. 58 Второй смертный случай был со // мною в начале (18)59 года; дело было так: я водку стал пить периодически, это с (18)56 году, то 1/2 года, то м(еся)ца 4 — ре не пью, а потом опять.

На новый, (18)59 год, встретился я, сидя в гостях с одним моим хорошим знакомым, не видавшись с ним годов 15 и так как было уже 9 ч(асов) вечера, то мы оба стали прощаться. Хозяева, добрые люди и тоже трезвыя, меня с целию останавливали, зная, что сопутник мой, парень забулдыга, но я был непреклонен; вышли мы за ворота, а была страшная снежная буря, как раз попадается извозчик, мы сели. «Куда, — говорит, — прикажите?» Я говорю: «Ко мне», а товарищ говорит: «В гостиницу Краузе», располагая в себе, что я не пью водки, а только напьюсь чаю, согласился поехать в гостиницу; там, что называется, разливное море, музыка, маскированные, мне все знакомые, товарищ мой потребовал чаю и я только и помню, что выпил два стакана и очнулся уже 23 генваря. Товарищ мой просил принести портвейну, я его сроду не пивал, выпил стакан — показалось приятно, ароматично; попросил другой, он уверяет, что лучший, ханский чай[87], а потом уже ничего не помню[*]. Рассказывали мне впоследствии уже, что я гостей челов(ек) 15 из гостиницы припёр домой с музыкой, домашние все исперепугались; гостей продержал до утра, утром послал дворника Саватея за штофом виноградного вина, // выпив несколько *Л. 58 об.* рюмок, взял извозчика, так как был день воскресный, и отправился к хорошо знакомому мне и честному чиновнику Роману Ильичу Лицкевичу, его разбудил, он ужаснулся и давай меня ругать, привёз меня во время обедни домой и сдал. Дома я уже принялся за водку, но 3-го генваря опять скрылся, был, говорят, в суде и в думе не пьяный, у старосты просил паспорт ехать в Петербург к царю жаловаться на Нацвалова; там сметили во мне какое-то умопомешательство, и под каким-то предлогом отправили со мною служащаго, чтобы доставить домой. Поверставшись против дома Комарова, я соскочил с саней и, выпросив у Комаровых рюмку мадеры, разругался с ними и уехал домой. 5 числа, в Сочельник, меня опять прокараулили, и я на извозчике отправился в гостиницу «Краузе», там нашёл двух мне знакомых, постоянных посетителей, стариков Гиждеу[**] и майора Францева, они удивились. Я потребовал водки и лучшую закуску, сам ничего не пил, а им все расподчивал. Краузе смекнул, что дело неладно, что я куралешу всё, привёз сам меня домой. Ни сну, ни пищи нет, я совсем одичал. Предлагали // доктора — не надо. *Л. 59* Наконец, какими-то судьбами Бог послал ко мне

* Со слов «Товарищ мой» вписано на правом поле.

** Так в тексте, возможно переписчик не разобрал слово.

7 числа Мих(аила) Ив(ановича) Нацвалова, он осмотрел язык: «Что вы, — говорит, — если не пригласите доктора, он через три дня помрёт», и указал на вновь приехавшаго, квартирующаго в гостинице у Шлау Фёд(ора) Фёд(оровича) Клейн (немец), за которым и ездил свояк мой Гус(тав) Ник(олаевич) Туркин. Приехавший доктор показался очень грубым и сомнительно обо мне отозвавшийся домашним; стал лечить, но с условием, чтобы водки не давать ни капли; между тем, о. Пётр вечером 7 числа меня исповедовал долго и приобщал Св. тайне, навещая каждый день и принося вынутую за здравие просфору. Видя мои тяжкие страдания, старушки присоветовали А(гафье) И(вановне) подать мне рюмочку, разведённую с водой, вот тут-то и пошла история, открылась страшная кровавая рвота и икота, как предвестник смерти, я очнулся, видя, что дело худо, сказал на словах, как меня похоронить, и опять ничего не помню; принуждены были в полночь послать за доктором, он прибежал наскоро, в халате подпоясавшись и накинув сверху только енотовую шинель; только вошёл в комнату и спрашивает: «Наверно, дали водки?»; *Л. 59 об.* призналась: «Ну, // теперь, — говорит, — сами и водитесь с ним», поворотился и назад, но матушка и жена пали в ноги и, ухватив за полы шинели, стащили её, он воротился, видя разбудившихся плачущихся ребят и сам чуть не заплакал, прописал капли, через 15 минут, и потом приезжал в 5 утра наблюсти, какое действие капель. «Теперь, — говорит, — лучше»; но всё-таки прописал новое лекарство и, только хотели послать в аптеку, доктор сказал: «Я сам поеду». Отчаявшись, наши думали, что обманет; возвращается, сам подал сколько-то капель на воде и сказал, чтоб муха мимо не пролетела, приказал караулить; я через два часа заснул и спал с чем-то 20 часов; в это время доктор был раз 5. Сны я видел как сейчас помню, самые восхитительные, напр(имер), Петербург, царские парады и только хочу проснуться, так нежелательно лишиться снов, так они мне были приятны; между тем доктор наказал домашним, когда проснусь, чтобы приготовить чай и немного белаго хлеба, потому что 20 су(ток) был голодом, и о причине болезни мне не рассказывать. 23 числа просыпаюсь в 10 ч(асов) утра, слышу, у Высоковых музыка гремит, а, в сущности, ничего не было; мне отвечают, что у него-де // свадьба, какой-то приезжий женится; *Л. 60* только сел пить чай и спрашиваю, что это такое со мною, как вдруг является доктор, увидав меня, весёлый сам и проговорился: «А рюмочка хошь?»; тут у нас и пошёл разговор, что и как происходило. Давал я ему за лечение 15 руб(лей), он не взял, говорит, что я ещё буду у вас бывать, и, действительно, дня через три заехал, вот тут он уже и посидел больше часу, всё давал наставления, как жить, как детей воспитывать и как водку пить. «Если, — говорит, — водку пить, так надо и есть, а в противном случае, вовсе ничего не пить, и тогда Вы проживете до старости. Однако ж, — советовал, — годов пять не то что вина употреблять, но и уксусу в пище не есть»; я думал, что 15 р(ублей) ему мало, прибавил ещё 10, доктор развернул, отобрав из них 5 руб(лей), и кое-как я упросил его принять ещё хоть 5: «У Вас, — говорит, — малые дети, надо их учить, семья большая, дом старый, требует поправки, и я всегда к Вашим услугам». 27 января был у меня в последний раз, мы с ним простились, он уехал на промысла, и в том же, (18)59 г., там и помер. Царство ему небесное и вечный покой, этому истинному // другу человечества. Дня через три *Л. 60 об.* после его отъезда, мне ужасно захотелось пирож-

ка из осетринки, поел в аппетите, и часа через три, меня чуть не задавило; благодаря помощи о. Петра, на этот раз случившагося меня навестить, он вынул из кармана какой-то порошок, и меня вскоре прослабило, так что на осетринку я и то сейчас смотрю с пренебрежением. По наставлению добраго врача, я целых 5 л(ет) не знал, какая и водка или вино, и разрешил её по рюмке только вследствие тяжких со мною случайностей, да и опытныя питухи советовали вновь познакомиться с водкой, а то — де впоследствии может быть запой и уже никак непоправимый[*].

В Петров день (18)59 года о. Пётр говорил разительную проповедь о пьянстве, в ней выражалось то, что люди, подвергшиеся этой слабости горят и помирают заживо, так, напр(имер), он рассказывал, где-то в отдалённом краю России несчастные супруги, сидя у горящяго камина, внутренне воспламенились, горели синим огнем, никакая медицинская помощь была неуспешна, несчастные сгорели, оставив на месте зловонный пепел. *Л. 61* К дому же и к окружающим // их пламень не прикасался. Мне дана была с этой проповеди копия, писанная о. Петром, но во время пожара сгорела.

Многое бы можно было посказать о жизни о. Петра, потому что все замечательныя его слова от начала нашего знакомства до конца, были вписываемы в особую тетрадь, также уничтоженную. Сказывал мне в феврале 1889 года один казачок, что он когда стоял на часах у арестантов острога, пришёл о. Пётр служить часы и принёс разнаго белья для несчастных, всё раздал им, но одному арестанту не достало рубашки. О. Пётр ему сказал: »Подожди, — говорит, — братец, я сейчас тебе её доставлю». Пошёл за ограды, снял с себя рубашку и отдал арестанту и не велел говорить никому, но казак видел это[**].

О. Пётр представился 25 мая (18)77 г. В память чудеснаго исцеления меня от болезни я продолжаю и по настоящее время пред иконою Божией Матери «Утоли моя печали» 24 числа января служить всенощную с Акафистом похвалу Богородице и молебен о здравии и спасении здесь предстоящих и молящихся, потому что исцеление моё последовало как раз накануне празднества этой благословенной иконы, а в 25 число говеем и слушаем Божественную литургию[***].

До какой степени меня пугало воображение о погибели подобных несчастных внезапно, видно из следующаго: однажды летом поехал на полянку с семьёй и, возвращаясь уже домой, я почувствовал сильное головокружение и слабость, точь-в-точь как будто бы с так называемого похмелья. Это было уже в (18)60 г(оду), когда я уже ничего // не *Л. 61 об.* пил, но вот скоро смерть, да и только; наскоро приехали домой, на крыльцо я по слабости уже не мог взойти; подали мне в рюмке вина, весь тресясь, я призвал на помощь Царицу Небесную, ни капли не выпил, но только из рюмки нюхал и мочил голову. Через полчаса всё прошло.

В другой раз, помнится мне, накануне Рождества, по заведённому порядку, я пошёл гулять

* Рядом помечена дата 17.VIII.1890 г.

** Со слов «Сказывал мне в феврале» вписано на правом поле.

*** Со слов «а в 25 число» вписано на провом поле.

по улице и, возвращаясь уже домой от почтовой конторы, почувствовал тоже: слабеть, слабеть, едва-едва доплёлся до дому, где ныне банк, сел на тротуар, ночь была лунная; давай прикладывать к голове снег, что бы было со мной, если б, по счастию моему, не ехал знакомый мне полицейский чиновник Ник(олай) Дм(итриевич) Шабанов. Воображая, что сидит пьяный человек, и услыхав от меня, что мне очень дурно, он привёз меня в дом и сдал семейству, подняв меня на крыльцо; опять тоже вино меня исцелило; или ещё один случай: в Петров день, котораго года не помню, вечером, уже мы легли на крыльце спать; на заре, часу в 3-м утра, я вдруг проснулся, и та же история, вина в доме и у постояльцев ни капли, принуждены *Л. 62* были // домашние посылать в кабак глухую бабушку, что ей там в окошко отвечали — не слышит, хотя она и давала за косушку рубль, но опять, по счастию, шли мимо со смены солдаты, она их упросила; за косушку — взяли полтину, а другую отдала солдатам. Тотчас мне намочили голову, и, нанюхавшись досыта из блюдечка, я вскоре заснул. С тех пор, куда бы я не поехал или не пошёл, вино в маленьком пузырьке всегда в кармане. Вот до какой степени преодолевал меня враг, желая совратить с пути, направленнаго мне о. Петром.

В последний раз, когда я был у отца Петра перед его отъездом прощаться, а у него на столе уже приготовлена была водка и закуска, он мне предложил выпить, я, конечно, отказался. «Умеренно, — говорит, — братец, разрешаю и благословляю, а на неумеренное — нет»; я выпил стакан чаю, а он ушёл в почивальню и вынес мне веточку с изюмом, как раз количество ягодок по моему семейству, которую я сейчас храню, как святыню.

Всегда на Новый год о. Пётр у М(ихаила) И(вановича) Нацв(ало)ва, в 12 часов ночи, служивал, бывало, благодарственный молебен Господу Вседержителю (а так как мы очень далеко ушли от повествования)[*]. // *Л. 62 об.*

Помнится мне, в 1835 г. такой необыкновенный случай, котораго в Красноярске не бывало: летом этого года, должно быть, в июле, слышали мы в соборе *(Воскресенском)* в большой колокол тихой заунывный благовест: колокол был накрыт чёрным сукном, народ стекается со всего городу; вижу — ведут офицера баталиона в полной форме, только без шпаги, окружённаго всеми офицерами тоже в форме, с обнажёнными шпагами, ведут с военной гауптвахты в собор и поставили перед аналоем, облечённым также в чёрный покров; отворяются царские врата, выходит со Св. Крестом протоиерей отец Александр Нарциссов и стал увещевать офицера, а близ его стояла молодая красивая девушка — брюнетка, умершая только недавно. Офицер, будучи женатый, имел детей, обвинялся в насильственном целомудрии. Как я теперь помню, была страшная обстановка: девушка оправдывается, а офицер, Душаков (так была его фамилия), говорит: «Клевещет». И только хочет приложиться ко Св. Кресту и Евангелию, протоиерей всё это накроет епитрахилью, говоря: «Недостоин»; церемония эта продолжалась по три дня и, в последний раз, когда обвиняемый приложился ко Св. Кресту и Евангелию, то внезапно повалился на пол. // Его *Л. 63* сейчас вынесли солдаты в близ находившуюся тут малую гауптвахту; наехали доктора, пустили умирающему кровь, и он ожил; случай этот приписы-

* Предложение в скобках не закончено.

вали к полнокровию Душакова, непомерному употреблению вина и затянутой форме в жаркий день. Впоследствии я слыхал, что этот офицер всё-таки помер внезапно.

До этого мне помнится ещё следующий случай: я был годов пяти*. Мы пошли с бабушкой хоронить Мажора, и только хотели гроб его выносить из баталионной квартиры, как он вдруг из гроба встаёт, перекрестясь, требует жену Аннушку; народ и свящ(енник) о. Сергий Рачковский бросились бежать, давя друг друга, но обмиравший говорит: «Я не еретик, христианин»; читает молитвы, крестится, только требует к себе Аннушку: «потому что скоро, — говорит, — умру». Священник с Аннушкою подошли к обмиравшему, он только ей сказал: «Аннушка, замуж не выходи, прощай!», скрестив руки, лёг и помер. Аннушка всё-таки вышла замуж и много натерпела горя, а в конце-концов была забита мужем**.

В 1836 году у Щеголева[88] на Большой улице в пятницу на Пасхе был сильный пожар, всё дотла сгорело, была такая же страшная буря, как и 17 апреля 1881 г., но Господь город сохранил, шёлковые материи несло на Песочную улицу; *Л. 63 об.* сгорел прикованный // на цепи медведь, кричавший жалобно.

Вскоре после этого Шеголев приходил к отцу моему, и так как он был всегда в спокойном расположении духа, напевал и посвистывал, то отец мой спрашивает его: «Что, погорели?», «А что, — говорит, — о пустяках говорить; Бог дал, Бог взял, будем — ка говорить об деле». В 1830-(18)33, покойный родитель мой, по какому-то предчувствию, стал закупать хлеб; урожаи были сильные, так как Кра(сноярс)кий окр(уг) в это время славился «житницей Сибири», покупал зерном ярицу 6–8 коп; пшеницу 10–15–18 коп, таким образом, хлеба накуплено было до 10 т(ысяч) *(пудов)*; бывало, мужики приедут с возами, просят на коленях купить, но так как помещать было некуда, то отец и говаривал: «Что же мне, — говорит, — сыпать среди двора доводится» и натакал их к Ив(ану) Кирилл(овичу) Кузнецову и председ(ателю) Губ(ернского) прав(ления) Ив(ану) Ив(ановичу) Галкину, а эти лица, как капитальныя, накупили по несколько десят(ков) тыс(яч) пуд(ов), устроив на особо отведённых местах амбары; когда же, во время голодовки, с (18)38 по (18)43 г. хлеб поднялся в цене до 4 р(ублей) ассигн(ациями), то известный зол(отопромышленни)к Николай Фёдор(ович) Мясников обращался к отцу о продаже, давая баснословную цену, кажется два рубля сер(ебром) за пуд, но отец не поинтересовался // этим. *Л. 64* «Мне, — говорит, — богатства и не нужно, а дети, будут живы, сами наживут да, и кроме того, у меня большая семья и сирот много»

Бывало, прихаживали каждый день сироты и бедные мещане, он им продавал, но не по базарной цене, а по той, почём он покупал, да прибавлял к сему за помол в Торгашиной, так что вместо 4 р(ублей) за пуд, хлеб обходился до 25 к(опеек) за пуд ассигн(ациями).

Сколько было за это благодарных слёз и искренних пожеланий, всего лучшего как ему, так и его потомству. И в самом деле, хлеба нам едва-едва достало на прокормление. Добрый был отец и не неинтересан*. Царство ему небесное и вечный покой.

* На полях карандашом: 1828 год.

** Передложение вписано на правом поле.

А так как мы очень далеко отдалились от цели нашего повествования, то обращаемся теперь к (18)38 году, в котором особенно замечательнаго ничего не происходило. Я писал копии, потом посадили меня на переписку журналов, и как- то я ушёл покурить, отец в отсутствие моё надписал на подкладке: «дело есть — работай, дела — нет, так законы читай, Господи благослови!» Я и принялся за законы. В 1839 г. помню ссору отца со стряпчим Александр(ом) Никол(аевичем) Лопатиным[89]. *Л. 64 об.* Дело было так: стряпчий приходит // в присутствие и требует дело о взыскании с мещ(анина) Александра Тропина штабс-кап(итаном) Филипповым с чем-то 160 р(ублей) асс(игнациями). Отец говорит, что я домой вам дела не дам, а можете здесь читать сколько угодно; стряпчий вспылил, а так как он был в это время в виц-мундире, то сбегал в квартиру, облёкся в мундир и шпагу и возвратился опять в присутствие. Отец, как бывши в то время, в сюртуке, смекнул в чём дело; стряпчий требует записать в журнал, что ему не доверили в камеру его дело и о том, что члены суда все в простых сюртуках, показывая закон из III т(ома) Устава «О службе по выборам», что члены должны присутствовать постоянно в мундирах. Отец отвечает: «Да и Вы, Ал(ександр) Ник(олаевич), не в полной форме; «У Вас, — говорит, — чёрный жилет и галстук, нет белых перчаток, нет и трёхугольной шляпы». Стряпчий осердился и побежал жаловаться прокурору Ивану Григор(ьевичу) Родюкову. Стряпчий, надобно сказать, был не из дюжинных, своего дела знаток. На той же неделе Ив(ан) Григор(ьевич) приглашает их к себе; объяснено было ему также, как выше видно, и, не оправдывая стряпчаго, что он был не во всей // форме, но и судье поставил *Л. 65* в обязанность, чтобы он немедленно сшил мундир и присутствовал, по крайней мере, в виц-мундирном фраке; насчёт же требования дела стряпчим, сказал, что требование его незаконно и чтобы они жили мирно. Отец послушался этого, в тот же день послал за лучшим портным Соколовым, чтобы он приготовил всё, требуемое законом, к Пасхе. Замечательно ещё то, что отец не мог найти во всём городе по рукам перчаток, заказывал уже после в Ирбит, человек был богатырскаго сложения, руки и ноги имел громадныя. В первый день Пасхи отец, оформировавшись, ездил с визитом к стряпчему, а последний назавтра приехал на санях и паре вороных, потому что в ночь выпал большой снег.

Беседовали долго, выпивали, а между тем, снег таял, оставляя одни холодныя лужи. Сколько смеху было, что, приехав зимою, должен возвращаться летом, и поплыл на санях по воде; тогда канав не было, вода так и оставалась, пока не высохнет. Впоследствии времени, именно в конце (18)70-х годов, я, встретившись с Лопатиным на плотбище, пригласив его к себе в палатку; он искал место для табачной плантации, напился у меня чаю и вот, // *Л. 65 об.* я надпоминал ему о вышеизложенном случае; он удивился памяти моей и любознательности, говоря, что я был в то время мальчиком, так как мал был ростом.

Так как отцу моему общество благоволило, и в кандидаты ему на 3-х-летие избирало всегда за-

* Так в тексте, вероятно, слово не разобрано переписчиком.

житочнаго гражданина, а отец за три года, чтобы не беспокоить службою кандидата, получал с него по 1000, а иногда, и 1200 р(ублей) асс(игнациями;) за все три года, то и выбран был на это 3-х -летие кандидатом красноярский мещанин Андр(ей) Фёдоров(ич) Нашивошников, сын того Фёд(ора) Н(ащивошнико)ва, о котором выше говорилось. Проклятый трижды на соборе отцом за непослушание и век свой трясущийся всеми членами, человек он был богатый, жил в Аскизе Минус(инского) окр(уга) у татар; он имел единственную дочь Глафиру, много табунов лошадей, рогатаго и мелкаго скота, и тем упрочивавший своё состояние. Эту дочь он выдал замуж за бывшаго приказчика у купцов Сколковых Прокопия Ивановича Корнилова[90]. а когда отец — старик, по предсказанию отца его Фёдора, помер внезапно, то всё богатство перешло к означенной Глафире, Корнилов же, как коммерческий человек, понятно, зажил, как его обзывали «минусинским королём». Глафира, не тем помянута, стала попивать, и годов через пять, по выходе *Л. 66* в замужество, померла бездетною. // Все состояние без завещания перешло к мужу, и хотя матушка моя, приходившаяся ей как двоюродная сестра, имела ближайшее право на наследство и её сбивали многие начать процесс, который по способностям своим я вести уже мог, но всячески убедил её, что наследство это нам впрок не пойдёт, а что «твой — де век не долог, буду жив, так прокормлю тебя»; и после, когда я стал чуть не беден, покойная матушка меня всегда укоряла, что я отклонил её от такого, в несколько десятков тысяч, наследства; но я и тут не скорбел, а между тем тихонько сказал Корнилову о собиравшейся на него грозе, чтобы он уехал в Москву или на родину в Россию, распродав всё; что он вскоре и исполнил, но так как русский человек добро помнит, то годов через 10 после этого, по протекции Корнилова, я получил гонорар 500 р(ублей) за вексельное взыскание по переданным ему векселям.

В том же 1839 году мы с вахмистром суда Евстратом Михалёвым отправились в лодке на плотбище за груздями, набрали почти полную лодку, и так как нам приказано было возвратиться вечером 30 августа, то, несмотря на заходившую вечером чёрную тучу, ни на убеждение хозяев заимки Ядрихинских, // что плыть опасно, я был реши- *Л. 66 об.* телен. Отвалили, вдруг поднялась сильная буря с громом и молнией; я был спокоен, только читал молитву, завещанную мне дедушк(ой), «Господь пасёт мя». Стало темно, что называется, «зги Божией не видно», только осветит молния, но понять нельзя, где мы плывем — у берегу ли, или посредине реки; лопашное весло у меня изломалась, а Евстрат, будучи парень здоровый, правил кормой. Вдруг такая хватила сильная буря, что нас выбросило на так называемую «серебряную» косу; буря была до того сильна, что по камешнику побежал наш медный чайник; мы, сев под лодку, покурили, а об разведении огня только подумали, и хотя Евстрат упрашивал меня погостить под лодкой до свету, но я не послушался. Грузди все выбросили, берегли одно ружьё, бывшее с нами, отправились с Божией помощью вперёд. И так показалось нам медленным в темноте плавание, стало зариться, и нас с лодкой вместе выбросило на плот как раз у Парфентьевского взвоза. Пришли домой, отогрелись чаем и получив от отца хорошую нотацию, а матушка говорила, что она всё это время о спасении нашем за нас молилась, благословляя меня ежеминутно. Наутро отправился я в суд и, после этаго меня без крёстной на плотбище *Л. 67* не отпускали. //

Усердное и неусыпное мое занятие по Городов(ому) и Сиротск(ому) суду и в Город(ской) думе, да в добавок у секретаря думы Высокова, в (18)40-м году вызвало такую страшную болезнь в глазах, что я при лечении старухой солдаткой Донихой, она, заворачивая веки на крест, натирала веки зеленым купоросом перед печью, что я чуть не погиб, наконец, пригласили военного доктора Фон-Глен[91]; он запер меня в тёмную, давал какие-то примочки и, постепенно освещая комнату, выпустил на Божий свет. В продолжении 8-ми месяцев я не читал и не писал, а потом всё забыл и опять увлёкся занятиями. В 1842 г. я утверждён уже был столонач(альник)ом, начал уже рассматривать и решать дела, так что во время сенаторской ревизии, получил личную благодарность от ревизовавшаго сенатора Ив(ана) Н(иколаевича) Толстаго. Когда, по поручению последняго, князь Голицын[92] потребовал меня к себе в квартиру в Коноваловском доме, а у меня, как на грех, на левой руке разросся веред, рука опухла и, надевая фрак, я должен был рукав разрезать и обмотать его чёрным платком; сострадательный князь тотчас обратил на это внимание и сказал, чтобы я был спокоен, и, когда понадоблюсь, он известит; между тем, по совету *Л. 67 об.* знакомых я залепил веред варом и тут-то, // положительно, стало руку рвать, отлепить его уже было нельзя, рука стала как бревно, а к доктору не обращаюсь. Но приходит ко мне мой знакомый товарищ из совету навестить меня, Пётр Степанович Назаров; советские *(члены совета)*, как и служившие напротив меня в доме Попова, почти каждый день ходили ко мне курить. Видя мои страдания, как хватит изо всей силы по вереду, что у меня посыпались искры из глаз, я мгновенно схватил пистолет, а он так же мгновенно убежал. Две — три минуты, повалила материя, и вечером я был совершенно здоров. Приходит Назаров, спрашивает во дворе, можно ли войти, я с радостию поблагодарил его, а назавтра утром отправился к князю, и в течение 2-х недель носил по выметке его дела производственныя и архивныя. Порядок, чистота и правильность производства ему понравились. В думе же вышел казус, когда по поручению сенатора ревизировал думу старший чиновник II-го отделения канцелярии его величества Безобразов[93], то городской голова Ст(епан) Яковл(евич) Кузнецов[94], человек простой, не пустил его на своё председательское место, а указал кресло направо, поигрывая между тем серебряной кисточкой у шпаги, Безобразов, хотя и нахмурился, но извинился, но по ревизии ничего противозаконнаго не открыл, кроме маловажных // и удобоисправленых упущений по канцелярии. *Л. 68*

В 1844 году прислано было в Городовой суд дело о найденных у мещанина Амвросимова 2-х фальшивых 25-ти рублё(вых) ассигнаций; я положил эти две ассигнации в бумажке в присутственный шкаф, ключ от котораго хранился в зерцальном[95] ящике, и через несколько дней этих ассигнаций в шкафу не нашёл; заявил присутствию; сильно испугался; началось следствие; я же в зимний Николин день после заутрени, пригласив в присутствие протоиерея Александра Иноземцева[96], отслужил Св. Николаю молебен, как покровителю невинных; услышана грешная моя молитва; вскоре после этого вахмистр мещ(анин) Яковлев, уличаемый следствием, сознался; я же его убеждал, что дело об нём, как о мещанине, поступит

к нам же в суд, я его отстою, между тем покойный родитель мой, как не трусоватаго десятка, уговаривал меня ничего не бояться, видя, что я ночи не сплю и не ем ничего; на данные ему следователем вопросы, между прочим, показал, что Яковлев своё признание учинил в пьяном виде, и что не ближае ли заподозрить в похищении ассигнаций мышей, так как в шкапу была большая щель, а замасленныя бумажки мыши любят, в чём и сослался на двух именитых граждан: Ив(ана) Артем(ьевича) Потылицына[97] и Илью Семенов(ича) Скорнякова, которые за присягою удостоверили, что подобныя *Л. 68 об.* происшествия // у них в лавке бывали, и что ассигнации находились в подполе в мышином гнезде. Конечно, суд Яковлева оправдал, свалив вину свою на мышей, и сколько было в совете хохоту, но и губернатор Падалко это решение утвердил.

Замечательное событие 1845 года 15 июля — закладка Кафедрального Богородице-Рождественского собора. На том самом месте, где в начале 30-х годов мы с товарищами Камбалиным, Черемновым и Лалетиным, сбирали в лесу грузди, и как только дойдём, бывало, до находившагося тут еврейскаго кладбища, то начнём друг друга пугать покойниками и побежим стремглав до дому, ныне Ляпунова, а прежде бывшаго чинов(ника) Амвросова и впоследствии Николая Мясникова[98*]. Для этаго торжества и приглашён был из Томска преосвящ(енный) еписк(оп) Афанасий, и как будто нарочито, съехавшиеся к этому событию ген(ерал)-губ(ернатор) Руперт, бригадный командир, не помню чей, и генералы: жандармский и артиллерийский. Во весь день проливной дождь. По окончании торжественной процессии, обед, не помню где, на множество персон, шампанское лилось; по подписке на сооружение храма золотопр(омышленника)ми пожертвовано было, если не ошибаюсь, до 250000 р(ублей). Родитель мой был также на обеде, по окончании котораго преосвящённый выехал в карете за город, чтобы прогуляться, пошёл пешком с одним келейником на Сопку[99], это вёрст 10; это я слышал, но, наверное, передавать не могу и возвратившись оттуда в квартиру довольно поздно вечером. Весьма сожалею и теперь, что лишён был удовольствия, при всём моём любопытстве, // лично видеть это торже- *Л. 69* ство, так как я, выше видно, в это время находился в тифозной горячке, и помню только в это число одно ненастье, как тяжело отзывающееся на больных. Вскоре после закладки начались и приготовления для работ, и когда колокольня храма и главнаго купола были воздвигнуты, то осенью 1849 г, кажется, в сентябре, я пошёл по лесам посмотреть постройку, встречаюсь тут, наверху, с техником, не учёным человеком, но природным самородком, как его называли, Васил(ием) Никифор(овичем) Власьевским[100], который в то время мне заметил, что я был в ватном пальто: «Ох, вы, — говорит, — молодые люди как слабы, а я, вот видишь, с Благовещенья и до Покрова какие бы холода не были, хожу в одном суконном сюртуке». Обозрев верх, мы с ним спустились вниз; он с 1/4 часа что-то задумался, как будто бы вычислял что-то, я не смел его, как известнаго магната, беспокоить разговорами, но спустя это время, он обращается ко мне: «Послушай, — говорит, — Ив(ан) Фёдор(ович), и помяни мое слово, что этот несчастный храм скоро упадёт, потому что связи чрезвычайно тонки, а фундамент мелок»; // и, действительно, в октя- *Л. 69 об.* бре того же (18)49 г. в один несчастный день, когда рабочие ушли обедать, храм рухнул, ни причинив никому никаких несчастий, и стоял долго с уцелевшей, однако ж, колокольней, так что наверху начали расти маленькия берёзки. Гром от падения был так силён и страшен, что мы его слышали в думе и думали, что мы проваливаемся сквозь землю[*]; но силою энергии и капитала воздвигнут усердием Сидора Григорьев(ича) Щеголева[101]; не знаю уж, вспомоществовал ли тут прежде собранный по подписке с золот(опромышленнико)в капитал, или же Щеголев устраивал всё на свои собственныя средства. Вновь воздвигнутый храм освящён в сентябре (18)58 года[102] вызванным также из Томска архиереем Порфирием; Щеголев же за это усердие получил на шею Анны с короною, а самостоятельная епархия открыта здесь в 1861 году[103], и первым епископом был назначен сюда Никодим[104], помнится мне, назначение котораго последовало 6-го декабря, году не помню (все памятки сгорели), но замечательно то, что вечером в это число я, прогуливаясь по улицам, повстречался с чиновником Жуковым, но между разговорами взглянули на горизонт, ночь была лунная, и увидели с обеих сторон луны знамение такого рода (+), причём Жуков, будучи не настолько религиозен, как подобало бы семьянину, с усмешкой заметил, что, вероятно, в этот день утверждены или архиерей или губернатор, а при *Л. 70* святых их молитвах будем и мы с вами // таковыми же. Конечно, я промолчал на это и размышлял в душе по-своему.

Выше сказано, что в июле (18)45 года я смертельно хворал, но когда во время горячки произошло сильное кровотечение из носу, и хотя доктор убеждал, что это верный признак выздоровления, однако ж, остановить его не мог. Собраны были ещё два доктора, прикладывали льду, кровь усиливается, чего не делали и подкуривали чем — то, ничего не помогло, а я слабел до последней степени. Волей — неволей, батюшка, хотя и не веривший в предрассудки, но распорядились послать за знахаркой солдаткой Донихой, которая раньше лечила у меня глаза. При всём этом горестном положении, расхохотались почти до исступления, когда работник Андрей Тюменцев для скорости времени посылавшийся за Донихой на верховой лошади, спросил: «Что, бабушку прикажите верхом привезти?» Дониха тотчас же приехала на извозчике, выпросила с водою чайную чашку, читала про себя какия — то молитвы, подала мне выпить. Кровь стала стихать, и с тех пор до настоящаго времени из носу течения нет. И вот посему как не поверить, что были люди с какими то таинственными созерцаниями и при помощи Божией // успевали во вра- *Л. 70 об.* чевании. Вообще Дониха у нас бывала домашним доктором, лечила удачно. Однажды, когда я ещё учился в училище, утром проснулся и не могу слова вымолвить, язык распух, как кулак. Дониха и тут помогла, также прочитав молитвы над чашкою воды, посыпав язык каким –то белым порошком, я заснул и встал как ни в чём не бывало. Точно так же она лечила и матушку мою, поя её летом дорогою травой (сассапарель) в продолжении 6 недель, но не велела никогда кушать жирнаго; один раз матушка вдолги после этого была на обеде у Сколковых и поела жареного гуся, привезли её домой полумёртвою, Дониха и тут при помощи Божией отводилась. А когда я после горячки обезножил и ходил на костылях, и никакие пособия уже не помогали, то пришедший навестить меня чи-

[*] Со слов «На том самом месте» вписано переписчиком на левом поле.

[*] Со слов «Гром от падения» вписано на левом поле.

новник Алексей Ив(анович) Вавилов[105], присоветывал ноги обкладывать свежей капустой и утром натощак её есть. Помогло, и я через неделю стал ходить*.

1845 г. был замечателен ещё следующим. В Городовом суде возникло громадное дело о несостоятельности купца Комарова[106]. Оно замечательно тем, что как в (18)45 г. при мне началось, так в 1865 г. я его и закончил. Оно состояло из семи томов; до 6 тыс(яч) листов, и было ростом больше меня, так что, когда его в Сенате рассматривали и видели, что все постановления или, так называемые ремарки, были писаны и скреплены одной моей рукой, то сенатские чиновники, как видно из карандашных на полях заметках в деле, предполагали требовать для объяснений лично меня. Кредиторы на меня сильно злились, ругали почти в глаза // Л. 71 за какое-то оказываемое должнику и его сотрудникам покровительство; я же, по смирению своему, только за это, откланивался кредиторам, которые, видя, что все жалобы их на меня и на суд были, что называется, как горох в стенку. Жалобы доходили до Главного управления. Наконец, они до того дописались, что некоторых из них (а их было до 20 челов(ек) наличных), отдали под суд; я жалобы не подавал, дело так и умерло, а кредиторы в (18)50-х годах пригласили заниматься в конкурс меня же. Я хотел выбыть из суда и ранее (18)65 году, но члены убеждали меня служить, единственно только в тех видах, что какую нужно взять из дела справку — без меня не обойдётся; секретари, канцелярия затруднялись до невозможности, я же по этому делу писал решения, которые оправданы Губ(ернским) судом и правит(ельствующим) Сенатом.

В 1846 году особенных приключений не припомню, как только то скорбное обстоятельство, что я лишился в ноябре (18)46 г. незабвеннаго моего родителя, остался один безо всякой помощи и покровительства; вскоре, после похорон его, прихожу однажды к благодетелю своему И(вану) Кирилл(овичу) Кузнецову, умершему 25 сентября 1847 года. Он меня обласкал, велел подать о замечательных делах суда ему записку, которую я и составил; и он сказал мне, чтобы я и не думал ни о какой ответственности, // Л. 71 об. хотел поговорить с губернатором В(асилием) К(ирилловичем) Падалкой; и в самом деле, я во главе один, члены — люди коммерческия, три секретаря перебывало горемычных, только их и дело — получить жалованье, да и опять до жалованья. В 1847 году, для воспомоществования мне, выбрали судьёй Порфирия Михайловича Орешникова[107], человека вполне разумнаго, и мне с ним было служить легко и хорошо.

В 1848 году в жизни моей достопамятен такой случай. 17 июля по выходе моём из суда, не знаю, с какого повода, зашли ко мне купцы, соседи, Егор Мих(айлович) Высоков и Ив(ан) Дмитр(иевич) Попов, и мещанин Ив(ан) Матв(еевич) Воротников; я был тогда, как сейчас помню, в новенькой летней парочке, так как был так называемый, «адмиралтейский час», то поставлена была водка и закуска. Подвыпивши, они склоняли меня жениться. Невесту посмотреть можно было какую-то приезжую в д(оме) Попова; пробалагурив часов до 7 вечера, мы все отправились в д(ом) Попова. Невесты, подходящей мне, я не замечал и там вре-

* Со слов «А, когда я после горячки» вписано переписчиком на левом поле.

мя провожалось так же, как и у меня, до 9 вечера; вдруг, слышим, бьют в набат, и видим громадное пламя на Благовещенской улице, горит дом купца Прейна[108], я, не простившись, побежал домой; тотчас распорядился запрячь лошадь в водовозку, лошадь была вороная, дикая, татарская; побежали с кучером Матвеем стремглав на пожар. // Л. 72 Я это обыкновение имел помогать на пожарах, чем и как мог. Кучер подвозил воду, а я помогал на машине и таскал воду или выносил из дому, что попало под руку, только увидав, что лихие рабочие ремесленнаго дому разворачивают ломами в слуховых окнах железныя решетки; человек 10 по маленькой лестнице спустились с улицы в подвальный этаж, а за ними, желая показать свою храбрость, и я, потому что желающих лезть в такую опасность было очень мало. Там в кочму завертывали бочонок пороху, и только его подали в окошечко наверх, жандармам, куда его скрыли, уже и не знаю; а мы стали поспешно вылезать из подвала, я, на грех, оступился и упал, но меня выхватил какой-то дюжий рабочий и выпихнул в окно на улицу, причём полу новенькаго моего сюртука оборвали и часы золотые эмалированные, подаренные мне томским магнатом Ст(епаном) Ив(ановичем) Поповым; и всё- таки, я с пожару не ушёл, заткнув остальную полу за брюки, стал продолжать помогать; захотелось мне страшно пить, мне присоветовали выпить водки, налитой от откупов в полубочье, я хотя выпил немного, но меня вырвало, стал пить воду, какую уж ни попало из бочки; в это же время соседа моего Попова // Л. 72 об. и другаго мещ(ина) Григор(ия) Красикова, за какия-то их сопротивления против жандармскаго полковника Каверина[109]; он на месте пожарища тут же хотел их пороть, но узнав, что Попов есть купец, а Красикова, как мещ(ани)на, всё-таки отодрали. Красиков начал процесс, но вскоре прекратил его за миролюбивой сделкой, получив от полковника 500 рублей, но, удивительно, как не подвергся этой участи я, будучи до такой степени отважным, что криком своим постановил губ(ернато)ра Падалку, настоятельно требуя его распоряжения дать особую машину для спасения соседняго дома достойнейшаго гражданина Алексея Ив(ановича) Бардохоева[110]. Падалка послушал меня, и это распоряжение сделал, и приказал народу двинуться к этому дому, начинавшему уже загорать. Прейнский дом сгорел до фундамента весь; причина пожара: в этом доме была какая-то весёлая свадьба, и во время танцев, при полном оркестре военной музыки, сперва загорелась кухня; от гостей всё скрывали, и тогда только сказали, когда огонь вышел наружу; на месте пожарища назавтра находили пятеро часов: золотые и сереб(ря)ные, но моих не найдено, вероятно, как маленькие были раздавлены. На свету уже солнышко взошло, мы с соседом Поповым сели в телегу ехавшаго с пожара И(вана) Я(ковлевича) Ростовых. Ив(ан) Дм(итриевич) Попов утром пригласил меня к себе выпить и закусить, но только лишь выпили по рюмке, // Л. 73 вышел старик, его отец Дм(итрий) Прокоп(ьевич) Попов, как бывший враг вина, сказал: «Ванюшка, — говорит, — фарисеи с самарянами не имеют никаких сообщений, то дело в том выходит, ты иди к семье спать, а ты, соседушка, любезный, возвратись вспять». Принуждены были расстаться. Я ушёл домой к себе во флигель, мною в 1847 г выстроенный и меблированный и обитый шпалерами, в четырёх комнатах. Уснувши часа три, в глазах своих почувствовал сильный прилив крови и боль, потому что были обожжены одна бровь и ресницы, должно быть, в то время,

как я стоял у парадного крыльца, дверь котораго от внутренняго пламени вдруг распахнулась. Связывали большую лестницу, приставили к мезонину, услышав крик и увидав хорошенькую головку девушки-горничной; мезонину уже половина пластала; двое отчаянных ремесленников выхватили из окна девушку, и она путешествовала, держа в руках банку с цветком.

Когда я проснулся, то первым долгом счёл по пути зайти к доктору Беттихеру *(Беттигеру)*, он прописал мне примочку, я пошёл к своему занятию, но на пути слышу в доме купца Як(ова) Сем(ёновича) Ошарова музыку, а меня накануне приглашали на эту свадьбу, он выдавал, не помню за кого, дочь свою; но не успев пройти к дому их, как слышу в растворённое окно сильное приглашение зайти на перепутье; между тем, в ворота // выскочили двое приказчиков, взяли меня под руки, несмотря ни на какие убеждения мои, что мне надо идти в суд, насильственно увлекли к пирующим. Я в то время исправлял должность секретаря Город(ового) суда, и назначен был день подписания протокола 18 июля по делу о взыскании с еврея Василия (Вульфа) Рябцева кем-то денег. Меня найти не могут, а судья Орешников был человек аккуратный, принуждены были заставить подписать за секретаря писца Потылицына. Пропировав с родственником моим, поруч(иком) Семёном Яковл(евичем) Скварским (ныне полковник в отставке), живущим в г. Омске, до 7 час(ов) вечера, мы с музыкой отправились пешеходом ко мне и ещё с какими — то гостями, я надел его воен(ную) фуражку с кокардой, а он в моей и в хозяйском халате; что у меня происходило, не помню; но вскоре слышал, что Скварский, за нарушение дисциплины, отделался 3-х дневным арестом на гауб(твах)те, а военные музыканты таким же арестом с содержанием на хлебе и воде. Впоследствии времени, когда Скв(арс)кий пировал у меня, в мае 1 числа 1848 г. на свадьбе, когда я выдавал сестру свою, Елизав(ету) замуж за мещан(ина) Чебакова, я надпоминал ему об этом попировать так же, как у Ошарова: «Нет, — говорит, — теперь и во сне снится эта свадьба». Впоследствии Ск(варск)ий в чине майора, взявши богатую невесту у Жулябина, возгордился и меня вовсе забыл.

Л. 73 об.

В этом же (18)48 году 10 июля была свадьба // соседа моего А(лексея) М(ихайловича) Кабакова, так как он тогда зажил уже богато, то к несчастию его, засватал родственницу свою, приходившуюся к нему какою-то сестрою и все говорили, что счастия не будет, что и было впоследствии. Кабаков разорился, и помер в 1884 г. в бедности. Свадьбу мы пировали всю ночь, гостей было множество, когда сели ужинать на особом столе в гостиной — я, старик Кабаков, отец жениха, секретарь Чепорноусов и молодой приказчик Прокопий Худоногов. Чепор(ноусо)в, как чудак пьяный, кричит в окно собравшейся толпе народа, потому что бросали ей серебряныя деньги. «Ребята, — говорит, — Марфе Семён(овне) Ошаровой — вечная память», что и откликнулось хором многих голосов; между тем, старик Каб(ако)в за такую выходку как хватит обеими руками за волосья Че(порноусо)ва, и вытряхнул две горсти волос. «Вот, — говорит, — тебе, впредь таких шуток не делай» и тот не посмел молвить ни слова. Гости просидели всю ночь, когда уже и молодые скрылись, старик никого не отпускает, спустил во дворе злых собак, мы с Худоноговым вылезли из окна уже в нижнем

Л. 74

этаже; уснув немного, я поспешил на похороны протоиерея о. Александра Нарцисова и, как сейчас помню, настоящий протоиерей // о. Иннокентий был в то время маленький, с подвязанными белым платком ушами. В церкви я при отпеве не был, занимался в суде, но когда послышали перезвон (отец Александр похоронен при Воскресенск(ом) соборе), то из думы бросились все отдать последнее целование доброму пастырю, и случись же тут, вместо слёз и рыданий, такой непомерный хохот, неподобающий печальной процессии: собор тогда ремонтировали, в полубочье была разведена извёстка; служивший в думе чиновник Мержевич (мы называли его попросту батюшка Мержевич), опершись о полубочье и, как был выпивши, потерял баланс и окунулся в полубочье во всём своём мундирном фраке; пока его вытаскивали, а знакомые смеялись: одни говорят: «Батюшка, Мержевич, выплывай!», а другие в публике говорили: «Батюшка Мержевич, выдыбай». Вытащили оттуда и повели в думу, но он был скромный и хороший чиновник, никогда грубо не отвечал и не сердился, но постоянно улыбался. Впоследствии, как ниже видно будет, этот же батюшка и был спасением моей жизни. Его любил сперва и губернатор Падалко, но вот за рюмочку — то и изгнал из строительной комиссии, он служил там секретарем. //

Л. 74 об.

Л. 75

Обращаюсь немного ещё к 1847 году: служивший в думе бухгалтером Григор(ий) Вас(ильевич) Васильев пригласил меня быть тысяцким на его свадьбе 19 апреля 1847 года. Свадьбу пировали весело; тёща его вздумала от себя подать по бокалу во время ужина; подаёт, все приняли бокалы, но только отведали: никто из гостей больше не пьёт: оказалось то, что она, по слабости зрения, вместо вина наполнила бокалы уксусом — столько было хохоту; уложив молодых, мы с молодыми свахами отправились по гостям к ним на заре уже; помню, что мы с одной молодой свахой плясали в канаве, прорытой против Покровской церкви, потом зашли к ней в дом, но не помню, как мы с этой свахой очутились на сеновале, где была дыра для спускания в ясли сена, мы провалились: она сбороздила себе нос, а я лоб; имени этой женщины, теперь уже покойной, я не скажу, и хотя при жизни её говаривал с ней не один раз, какая причина заставила нас быть в сеновале, но она только отнекивалась смехом, положим, что она была величайшая кокетка, будучи годов 30-ти и за ней много ухаживало молодых людей, но я со своей стороны не допускаю никакой мысли, чтобы я мог против неё предпринимать что-либо противозаконное; // положим, что я любил угощать молодых женщин, но за целомудренность-то мою они меня уважали.

Л. 75 об.

Как бы то ни было, но 21 апреля мне обязательно было поздравить трёх именинниц, борозда на лбу не заживает, я решился идти к живописцу, который так мне закрасил, что не осталось никакого признаку. И так как мертвые сраму не имут, то я не желаю писать и о судьбе впоследствии несчастных погибших Васильевых.

Возвращаюсь опять к (18)48 году. В Троицын день этаго года я с молодыми Васильевыми, батюшка Мержевич с женою, ихний родственник поехали погулять в Гремячие [111]. Мы с Вас(ильевы)м выпивали, а батюшка выпил только одну рюмку, это нас до крайности удивило, потому что при таком полевом случае и раньше, и позже он не отказывался от вина, а тут не пью, да и только; мы

с Ва(сильевы)м подгуляли порядочно, я уселся в свою телегу, ко мне складено было: самовар и всё в узлу, а они вчетвером уселись на свою тележку. Я только лёг в телегу, так и заснул, езда косогором, вода сильно прибыла, стала в берегах; кучер думал, что мелко проехать берегом; лошадь и телега моя всплыла и нас понесло на отурку от берега, кучер, хотя и трезвый, но сробел; вместо левой вожжи держать к берегу, он вправо, // в реку, к счастию, что телега была окована листовым железом, кучер и с берегу закричали, я проснулся, вижу — погибель; первее всего, выбросил узел в воду, чтобы облегчить телегу, нас отнесло сажень на 15, с базайскаго берега послали уже лодки, и тут-то мне пришёл на память псалом «Господь пасёт мя», пою его вслух и пою ещё «По морю яко по суху путешествова Израиль» и проч(ие) (стих в Великодённую субботу); между тем, батюшка тотчас разделся и, как отличный пловец, подплывши к телеге и взявши за узду лошадь, поворотил к берегу, и благополучно достигли плота. Между тем, толпа народу уже собралась, меня раздели, потому что я был весь мокрый, и кто-то дал мне сухое платье; за это я отделался только недельной лихорадкой, а после мы и судили: никто как Бог, будь батюшка во всяком разе уже больше нас пьян, мы бы погибли. *Л. 76*

(18)48 год был обилен подобными происшествиями. В марте месяце того году, один заседатель Город(ового) суда и попечитель несостоятельнаго должника С., вытребовал у меня из дела опись имения этого должника, но я вскоре одумался, по наущению Божию во взятии этой описи для перевозки товаров из магазина Коновалова в кладовую гостинаго двора, вытребовал от него расписку. Товары перевезены, кажись бы, и дело можно считать конченым; получаю // обратно от заседателя опись месяца через два, я не обратил на неё внимания и подшил к делу, а когда в (18)50-м году новые члены стали принимать дела и имения должников, то оказалось, что в описи почти на каждой странице были подчистки и поправки, не оговоренные в конце; напр(имер), вроде того: было описано 5 цепочек золотых, подправлено –2, так равно и в ложках, часах, сукнах, полотнах и шелковье; имения было описано, помню, на 20 тыс(яч); назначили следствие, заседатель во взятии описи отпёрся, а когда я представил расписку, он совсем смешался. Поправки у описи рукою одного из полицейских чиновников мне были известны, а когда он запёрся и когда сличили подчерк руки его, оказалось ему обличением. И, хотя Губернский суд подвёл это дело под всемилостивейший манифест (18)55 г., я же в свою очередь, как невинный, от прикрытия манифестом отказался, дело перенёс в Сенат, отзыв мой исправлял правовед Сем(ён) Ив(анович) Розинг, и Сенат меня признал суду вовсе не подлежащим, это решение последовало уже в 1862 году. Эта нравственная пытка меня мучила, но я, как, можно сказать, закалившийся уже в бедах и напастях, относился ко всему окружающему спокойно и только надеялся на помощь Божию. *Л. 76 об.*

В 1848 году посетил наш суд ген(ерал)-губ(ернатор) Муравьёв, как сейчас помню, которая-то рука его была на перевязи чёрного шарфа и Георгий в петлице. // Обозрев кратко делопроизводство, по рекомендации Падалки, остался доволен, а в (18)50-м году Муравьёв был в Крас(ноярс)ке. 6 августа был для него бал в саду, граждане приглашены были по билетам; я был с Агаф(ьей) Ив(ановной) и с сёстрами, ну вот уж тут-то все и знатные, и незнатные, что называется, перепились, и когда был пущен фейерверк в честь Муравьёва, то нас собралось человек около сотни, окружили его и кричали «ура», он как не был крепок, но пошатывался и всех благодарил за приветствие; увидав меня тут гор(одской) голова Ник(олай) Петр(ович) Токарев сказал, чтобы я утром пораньше отправился в суд и распорядился там подмыть и, где нужно, подбелить, и я, не спавши всю ночь, и из саду утром часу в 5-м зашли ещё к зятю своему П(етру) Егор(овичу) Чебакову, напились чаю, я отправился в суд, распорядился, как мне было приказано. В 6 утра является голова Токарев, тоже заметно было, что не спавши, осмотрел все комнаты, остался доволен и, прождав Муравьёва до 5 ч(асов) вечера, но его не было. Вот тут — так выскочило у нас всё похмелье, отпивались только водой. *Л. 77*

Теперь наступил для меня несчастный (18)49-й год. До августа всё шло благополучно, я по совету родных и хорошо знакомых собирался уже жениться. Прадед мой Мих(аил) Ив(анович) // Нашивошников предлагал мне сватать у богачей Щеголева и Белова[112], об чём он с ними уже прежде моего согласия и говаривал, но я всё это отвергнул, говоря, что мне богатства не нужно, я на него смотрю, как на испытание, а какую Бог судьбу пошлёт, той и буду доволен, по взаимному сердечному согласию, будь она богата, и при несогласии на брак ея родителей, я украду. Прадед остался этим недоволен и осерчал на меня, а я говорю, что при моей голове, если богат не буду, то и бедность не презираю; однако ж, по настоятельному требованию нахвалили мне невесту — сироту, дочь священника Ольг(у) Ив(ановну) Потылицину; мы с капит(аном) Молчановым ездили её смотреть на вечер у священ(ника) Всех Святых церкви; я разговаривал, танцевал с нею; вскоре послал сватов, предчувствуя, что я всё-таки на этой невесте не женюсь. Отложили до Масляной; в этом сватовстве помогал и судья П(орфирий) М(ихайлович) Орешников. На Масляной отложили до после Пасхи; посылаю в последний раз, частно известно было: домашние невесты согласны; приготовивши здесь музыкантов и пару бут(ылок) шампанскаго и купив на рукобитьё шёлковой материи на платье. И только лишь сваха возвратилась, вижу, что опечаленная; я сейчас смекнул, что отказ, и обрадовался. «Да, — говорит, — отложили до лета». Я шёлковую материю и бутылку шампанскаго отправил обратно, а музыкантов оставил, и только разъехались мои сватьи и гости, // я тотчас же вечером с радости с музыкантами отправился на свадьбу за Качу, к женившемуся накануне и пригласившему меня, занимавшемуся в думе мещ(анину) Ив(ану) Ив(ановичу) Простоквашину; приняли меня с восторгом, как люди были простые, и я пировал там до утра. Забыл и думать о невестах. *Л. 77 об.* *Л. 78*

Забыл я отметить те печальныя и прискорбныя события, которые совершились в декабре (18)47 года и в ноябре (18)48 г. В первом году я лишился 14-летняго брата своего, разумнаго мальчика, занимавшагося у меня под рукою в суде; он простудился; приглашён был знакомый мне и опытный фершал Авериан Фефелов и поправил его, так что велел выйти только после праздника Рожд(ества) Хри(стова); но перед праздником, накануне Сочельника, видя, что он здоров, не воспрепятствовали ему поесть холодных огурцов и редьки; он тотчас же слёг. От меня домашние и матушка всё это скрывали, пригласили доктора Беттихера *(Бетти-*

гера): «Надежды, — сказал, — нет», и на второй день Рожд(ества), утром, по надлежащем напутствовании любимый и послушный брат мой Федя скончался. Перед кончиной говорил здраво и наказывал сёстрам и матушке, зная их легкомысленность, меня уважать и ходить за мною, «А я, — говорит, — отхожу к отцу моему и отцу вашему и Богу моему и Богу вашему», и тихо скончался. Я питал
Л. 78 об. на него // хорошия надежды, хотел женить, а сам остаться всегда холостяком, но судьбы Божии неисповедимы, похоронил брата, я в горячке пролежал две недели, и тот же Авериан мне помог.

А (18)48 год был прискорбен тем, что скончалась сестра моя, Анисья, она ещё в (18)44 году была испугана закричавшим ночью летом у окна хорьком, которого приструнили собаки, и с тех пор у ней открылась падучая болезнь, корчи и судороги, и хотя помог ей несчастный сосланный врач-поляк, не помню чей, который вычислил и час своей кончины, и так он по этому вычислению и помер в назначенный им час и число. Высоко учёный был доктор*. Болезнь у Нисы прекратилась, но доктор не велел ей чего-то употреблять, а её накормили, болезнь возобновилась, и она кончилась на 21 ноября (18)48 г. На похороны помог мне квартировавший у меня в то время добрый друг мой и по сей час Алекс(андр) Фад(еевич) Станкеев[113], только сказавший об этом хозяину своему Никол(аю) Петров(ичу), Токареву, он и послал мне 50 руб(лей). Сестра скончалась на 13-м году.

16 августа (18)48 года, мы с матушкой вздумали съездить в Базаиху, где был съезжий праздник, прогуляться, и тем более, что там было много хороших знакомых, приглашавших // к себе уже не- *Л. 79*
сколько лет. Кучер Матвей запрёг пару лошадей в тележку, и мы покатили; приехали, остановились у бр(атьев) Анисимовых, хорошо известных ещё и моему покойному батюшке; посидевши у них, мы с ними пошли к их родственнику Ив(ану) Андр(еевичу) Белянину, я ещё спрашивал у их: «Что вы не заведёте нас к такому, который бы не мог быть нам укором»; «Что вы, — говорит, — да это первые люди по деревне». Приняли нас так радушно и просто, что мы такого гостеприимства, кроме лести, от роду не видывали; как сейчас помню: солнце было на закате, значит, около 7 ч(асов) вечера. Хорошенькая девушка, брюнетка, в розовом ситцев(ом) платье подносит чай, я взглянул на неё, а сердце сейчас уже подсказало: вот, мол, невеста, да опять думаю, какой я жених уж; чаю напились, пошли со стариками гулять, с нами и зять Ив(ана) Андр(еевича) Ив(ан) Яков(левич) Ростовых с Ан(ной) Иван(овной). Переночевали, назавтра, т.е. 17 авг(уста), Ив(ан) Андр(еевич) приходит утром в нашу квартиру и приглашает к себе закусить свеженькаго из рыбки пирожка. Мы отправились, походив ещё до мельниц, и прошлись порядочно, зашли к Ив(ану) Андр(еевичу); действительно, пирог был великолепный; выпили по три рюмки водки, отправились вместе // с Ив(аном) *Л. 79 об.*
Яков(левичем) домой, но при сём случае сказанной девицы в розовеньк(ом) платьице я в тот день уже не видал, а угощали нас старушка Татьяна Семён(овна) и старшая их дочь Парасковья; а как бы мне ещё хотелось взглянуть на розовенькое платьице; так всё и забылось; вечером 17 ч(исла) приходит ко мне, как друг, батюшка Мержевич, рассказывает, что вновь вступивший секретарь Тютрюмов остался недоволен, что меня в суде нет. Наутро я рано отправляюсь в суд и, так как «нет худа без добра, так и нет добра без худа», вошёл в присутствие, на окне у секретарского стола месяца с три лежало ещё не рассмотренное секретарем Бурундуковым дело о фальшивом завещании мещан(ина) Матвея Токарева, я как взглянул на окно, меня и кольнуло в сердце, — дела нет, осталась одна около него накопившаяся пыль. Сейчас спрашиваю вахмистра и сторожа: «Когда была опись в последний раз Ст(епана) Александр(овича) и не уносил ли он с собой дела?» Они ответили, что был в Успеньев день в обедню и унёс толстую трубку, которую ниточкой завязывал ему один из сторожей. Назавтра докладываю присутствию, поискали-поискали в шкафах
Л. 80 и в архиве — дела нет. // Волей-неволей донесли губернатору, а последний — полицмейстеру Столбовскому поручил произвести строжайшее следствие. Первее всего меня потянули к допросу, я объяснил всё, как было, и о том, что секретарь должен быть заинтересован в этом деле, так как за ним находилась в замужестве племянница завещателя, которой по завещанию ничего не значилось. Между тем, когда ещё до начала следствия, я писал к секретарю записку, он мне ответил карандашом на лоскутке бумаги: «Дело, — говорит, — у меня, а ремарку по делу о безымянке при сём возвращаю» Что же лучше этого факта, который я показывал и следователю, он присоветовал представить к делу, но я отклонил, полагая, что записку в полиции могут уничтожить; я намеревался её впоследствии представить в Губернский суд, а следователю сказал, что я по человеколюбию и смирению своему, может быть, секретарь и не виновен, я считаю преждевременным представлять как факт, он ответил: «Делай, как знаешь». Бурундуков на допросе показал, как я теперь помню, что виноват во всём этом я, про записку свою, вероятно, забыл; доклад по нему возвращен якобы мне, доклад записан якобы в журнал ещё 7 августа; я отрицаю, наконец, при увещании священ(ника) о. Петра нам был общий допрос, я в свидетельство // невинности своей ставил порука- *Л. 80 об.*
ми Царицу Небесную и Св. Николая. Столбовский, как неверующий, сказал, что эти религиозныя убеждения здесь не причём; о. Пётр в защиту мою говорил, что у меня последняя надежда, и от меня нельзя отнять этого слова, так и остались всякий при своём показании; между тем, в которое-то число сентября следователь является со стряпчим в присутствие суда, требуя журналы за август; посмотрел на 7 августа журнал, ни особаго, ни генеральскаго вовсе нет, я испепугался — опять новая беда, умоляя ради всего священнаго, сделать сию же минуту обыск как у меня, так и у Бурундукова; он оставил меня в суде под присмотром казака и, сказав присутствующим, чтобы меня ни под каким видом никуда не увольнять до его распоряжения; тотчас же для этого наблюдения послал пристава Гудовского, а казак спросил, куда ему ехать, Гудовский, как мне приятель, сказал вслух при всех, что: «Поезжай в дом Бурундукова, полиц(мейстер)р со стряпчим там. Я, — говорит, — сейчас отыскивал понятых». Секретаря Бурундукова нашли в нетрезвом виде, как после сказывал мне Гудовский же, и в хламу его бумаг отыскали и подлинной, но измятый журнал на 7 августа; в нём статьи о деле Токарева не было и нет и помину. После того, Бурун(дуков)в опять стал доказывать, // что журнал был записан особой статьей *Л. 81*
на 2-х листах; ничего этого не бывало, я опровергнул разносной картой, в которую вписывались генеральные и особые журналы; да и стряпчий под-

* Предложение вписано на левом поле.

твердил, что у него такого журнала на просмотр не бывало; при очных же ставках с вахмистром и сторожем, спрошенных под присягой и увещании отца Петра, подсудимый отпёрся, что он 15 числа и в суде вовсе не был. Меня тянут и тянут к допросам; вот тут-то я и научился водку пить; как пойду, бывало, на допрос, две троеножки хвачу, а в них шесть рюмок. Эта серебряная 100-летняя чарка у меня и теперь в сохранности*. Да вплотную наемся чего попало, хотя бы хлеба с квасом, и откуль возьмётся смелость и разум; а крёстная покойная, Царство небесное, как начитанная псалтыри: «Ванюшка, — учит, — говори и стой в одном, что не повинен руками и чист сердцем»; но Столбовский никакого опьянения во мне не замечал, а я идя до полиции, по нескольку раз прочитывал чудотворный псалом «Господь пасёт мя» и «Помяни царя Давыда и всю кротость его». То и дело думал, что меня скоро посадят, но следователь — это для других медведь, а для меня стал кроток, в особенности как-то раз, в думе, Ник(олай) Петр(ович) Токарев, будучи головой, лично при мне засвидетельствовал, указывая на меня: «Нет, — говорит, — Ростислав Захарович, // *Л. 81 об.* я в чувстве готов присягнуть за этого человека, что он не вор, хоть здорово выпивает. Не ближе ли ему было украсть дело о приисках по Безымянке *(золотоносная речка)*, за которое и за планы мог бы взять несколько тысяч». Когда же как-то на перекрёстные даже допросы Столбовскаго помню только в том, «что, отчего дело не было записано в настольный регистр более полугода?», я говорю, что про это должен знать секретарь: «пожалуйте мне законы I ч(асти) II т(ома), где в известной ст(атье) сказано, что настольные ведутся под надзором секретаря, а он мне не велел его записывать»; тогда только Ст(олбовс)кий мне с грубостию сказал: «Да так ты знаешь ещё и закон»; «к стыду бы моему, — ответил я, — ещё относилось, как служащему 10 л(ет) столонач(альник)ом, чтобы не знать законы». Велел секретарю Дурееву подать мне книгу, ст(атью) эту я нашёл: «Ну, так, — говорит, — и пиши». Перед разговором Ст(олбовско)го с Ток(арёвы)м я видел сон, что, будучи окружён каким-то высоким тыном, в котором было множество лошадей, бросившихся на меня, но большая белая собака, ниоткуль взявшаяся, схватив меня за полу зубами, впихнула в какую-то, вдруг отворившуюся калитку, где я свободно вздохнул; действительно, сон как в руку; были ещё перекрестные допросы и мне, и Бур(ундуко)ву при священническом также // *Л. 82* увещании; я клялся теми же убеждениями и, наконец, сказал заплакав: «Бог Вас, Степан Александрович, накажет и Св. Николай за мою добродетель, усердие к службе и моё к Вам гостеприимство». Бывало, от меня не уйдёт без того, чтобы не выпить бут(ылку) рому. Когда же мы в последний в жизни его раз вышли из присутствия полиции, он мне как-то сердобольно на пути сказал: «Да ведь это я и сделал из мести, потому что ты от членов получал жалование, а я — де ничего». Больше мы с ним и не видались, назавтра он, волею Божиею, скончался, на сарае и около него найден был штоф с вином. Я этому не поверил, пришёл к покойному в дом и, действительно, 22 VIII увидал бездыханный труп уже на столе; много я пролил слёз о судьбе несчастнаго покойника. Следствие всё своим чередом продолжалось, но во всё продолжение оного замечательно то, что Столб(овск)ий не задавал мне ни одного вопроса о том, «не я ли похитил дела?». Может, он в душе и сознавал мою

* Предложение вписано на правом поле.

невиновность и, таким образом, страдая под гнётом суда и следствия, в течение почти 10 лет, и, будучи обязан о неотлучке из городу подпискою, я волей-неволей пробивался в том же суде, будучи много обязан, и поминаю, в грешных молитвах своих, начальника отделения совета, Михаилу Игнатьевичу Кандаурову; он, // *Л. 82 об.* рассматривая в совете дело и даже как будто бы предрешил его, изложив в журнале весьма удобопонятно все мои оправдательные способы. Благодарить мне его было нечем, а впоследствии и, именно в (18)68 году, когда я уже служил у Баландина, открылся по одному делу случай, побывать у Канд(ауро)ва и поблагодарить его; он, помня моё дело, сказал: «Да, Ваше положение было действительно опасно, но я, — говорит, — был тронут человеколюбием к особе ближняго, и сделал так, как мне внушала моя совесть», но от всякой моей благодарности отказался. За доброе его дело я всегда помню 8 ч(исло) ноября. Дело поступило в Городовой суд в феврале (18)58 года и, тоже достойный памяти Григор(ий) Роман(ович) Чеп(орноус)ов, по доброте его души и так как много я для него работал, поручил по этому делу написать проект решения мне же. Дело было объёмистое, до 500 листов, мне не стоило большаго затруднения себя оправдывать, всю тему эту я извлёк из журнала совета; дело пошло в Губ(ернский) суд, потому что судья, не будь тем помянут, Мих(аил) Ив(анович) Нац(вало)в, усиливался оставить меня всё-таки в подозрении, каковое предположение по предложению составлявшаго проект в суде столонач(альни)ка Бугаевского и состоялось бы, но мне пришла мысль, просить лично председат(еля) Губ(ернского) суда Никол(ая) Каспаров(ича) Эрн, человека вполне гуманнаго и непритязательнаго, который // *Л. 83* меня тотчас узнал, что я был в (18)30-х годах его учеником. Принял и обласкал, сказав, что действительно проэкт этот он читал, но хочет, не решая дела по существу, кончить его по манифесту (18)54 г., я доложил его пр(евосходительст)ву, что если бы суд и оставил меня в подозрении, что для меня, по невинности моей, не страшно, то я, на основании известнаго закона, для очищения себя от подозрения, буду просить дать мне торжественную очистительную с колокольным звоном присягу. Манифестом тоже не желаю прикрываться, а прошу решить дело по существу. Ник(олай) Кас(парович) так и сделал. Суд вынес для меня оправдательный приговор, с тем, чтобы такая долговременная моя подсудность не была мне никакой помехою в отношении служб по городским выборам. Этот взгляд мой, хотя вполне и необоснованный, но он, как вы видите, говорит своё, тут представляется действительная жизнь, а не выдуманная или ложная, и хотя такой взгляд и несимпатичен, но зато свой, и, поверьте, такая прямота гораздо больше нравится, чем какая-нибудь безразличная слезливость, которой в жизни не проявляется никакою активностию. По этим чувствам, надеюсь, что пойдёт по моим следам и впечатлениям моё потомство*.

Обращаемся опять к (18)49 году; весь этот год, по случаю объяснённаго события, я провёл в тревожном состоянии; наступил (18)50-й год, а с ним и новый состав членов городскаго управления; новый город(ской) голова Николай Петр(ович) Токарев на Новый год служил в думе всенощную, пригласив всех к себе встречать Новый год; всё чиноначалие, начиная от губернатора, помести-

* Со слов «Этот взгляд мой» вписано на правом поле.

лось в гостиной, а канцелярия и члены — в зале; нас было человек до 15-ти, причём памятен такой *Л. 83 об.* случай. // Токарев предоставил нам полную свободу действий: курить трубки из длинных чубуков, разговаривать, а одному из членов Дм(итрию) Фед(оровичу) Колегову «ты, — говорит, — как куришь простой табак, то вместо его вот тебе несколько крепких сигар», а Колегов стар, не то что никогда не куривал, но и отроду никогда не видывал, затрудняясь, как её курить, а молодяжник его и настроили: вложить сигару в трубку и из чубука закуривать со свечи; конечно, поднялся всеобщий хохот, а Ник(олай) Петр(ович) выбежал из гостиной узнать о причине, а за ним и всё чиноначалие, последовал всеобщий хохот, а Никол(ай) Петр(ович) между тем, научил Колегова, как курить сигару, всё успокоилось. В 12 часов ночи выпили по бокалу шампанскаго, отблагодарили хозяина и начальника нашего и ушли. Н(иколай) Петр(ович) тогда же, сочувствуя моему горькому положению, сказал мне, что ты, Пар(фентье)в, будешь получать от меня за службу в суде по 300 р(ублей) в год, что во время своего служения и исполнял, и тем поддерживал мое семейное существование, но догадываюсь, что виновником этого мне благодеяния был Алексей Фад(еевич) Станкеев, знавший меня ближе Токарева и объяснивший ему о моём бедствии. Наступил Великий пост, крёстная моя, как старушка религиозная, а равно и матушка предлагают мне на первой неделе говеть, а после сего, и жениться, я отклонил до следующей; наступает *Л. 84* // вторая — опять надпоминание, и более уже внушительное. «Я, — говорит крёстная, — крёстная должна отдать за тебя ответ Богу»; Какая — то неопреодолимая сила при всём моём желании поговеть и эту неделю отклонила. Наступила и третья. Крёстная, видимо, стала уж на меня серчать, иду с радостию в церковь во вторник, а в среду за вечерней, увидал ту же девушку, которая в (18)49 г. подносила на Базаихе чай, и в ту же минуту во мне закралась отрадная мысль, что это моя невеста. Со мною в это время говел квартировавший у меня думский служака Филипп Щепетунин и, по выходе из церкви, ни с того, ни с сего предлагает мне: «Вот, — говорит, — Вам невеста-то»; а я как будто забыл и спрашиваю его: «Да, это, чья?». «Да как Вам забыть — это Ив(ана) Андр(еевича) дочь». Придя домой и усевшись со старушками пить чай, я их этим обрадовал, а они сейчас с таким набожным усердием, оставив чай, пошли к иконам и положили три поклона, а крёстная и говорит: «Смотри же, не обмани, мы ведь за тебя поручились Богу»; и в воскресенье же, на 3-й неделе, торопливо матушка с родственником Ник(олаем) Васил(ьевичем) Лысковым отправились свататься. Просватывание отложили до среды 4-й недели; много было голосов и за, и против меня, но Ив(ан) Андр(еевич), Царство ему небесное: «Я, — говорит, — благословляю, иди с Богом, переноси и терпи, парень мне понравился». // Много сваталось *Л. 84 об.* за Аг(афью) Ив(ановну) женихов, людей зажиточных из города и из деревень, но Ив(ан) Андр(еевич) отказывал всем, в среду — просватали; я был в суде вечером, кучер Матвей прибежал, поздравляет; уже навеселе, а он пил запоем раз в год, я не верю; еду домой, вижу — все предстоящие в весёлом расположении духа; в воскресенье назначили так называемое «смотренье»; всё я ещё колебался: а как невеста, да не та, которую я видел в Успеньев день, придумывал, грешный человек, даже притвориться в продолжительной болезни; но вот вижу — невеста та самая; время шло в беседах и совещаниях, свадьбу уговорили после Пасхи, кажется, через две недели, хотя Енисей был и плох, но я, как отчаянный ездок, посещал невесту и был даже в Вербное воскресение, боясь, чтобы кто невесту мою не пересватал. Два раза лошадь с тележкой проступалась: лед стал рыхлеть; Енисей пошёл вечером, в первый день Пасхи, а я назавтра, взяв с собою Шептунина и Вас(илия) Як(овлевича) Ростовых, вздумали съездить на Гремячие и посмотреть хотя на дом невестин; выпили, лёд шёл густой, смотрим — с той стороны двое отчаянных гребцов, с величайшими усилиями пробиваясь через лёд, подают сюда лодку, они меня узнали, думая, что мне их нужно; *Л. 85* что же, мы решились плыть к невесте. // На половине дороги — буря и сплошной почти лёд, я стал отчаиваться и пел известный уже спасительный псалом, особенно охраняющий верующих; добрались благополучно; вся деревня исперепугалась, но не без усердных молитв было и здесь, дома, и там. Назавтра, когда лёд стал реже, дедушка переплавил меня на карбазе[114] с обозом, и он здесь матушку, крёстную и тетушку убедил, что никакой опасности не было. Ив(ан) Як(овлевич), зять его, в четверг на Пасхе был у меня, осмотрел моё житьё-бытьё, ему очень понравилось, но от всякого угощения, кроме чаю, отказался.

3-го, т.е. в среду, мая, был так называемый девишник; остановились мы сперва на квартире у Анисимовых, и там один из моих поезжан, не пивший никогда вина, стал кощунствовать над одной Св. иконой, за что, вероятно, впоследствии и был жестоко наказан сумасшествием в продолжение 23-х лет. Я гостей оставил, и часов в 11 вечера в лодке отправился домой, и что это была за ночь — удивительно. Вода, как зеркало, луна — в полном объёме; назавтра пошли приготовления к такому радостному для меня торжеству. 4 мая привезено было приданое невесты, сопутствуемое Св. иконою Скорбящей Божией Матери, на которую я впоследствии возложил вызолоченную ризу. Икона эта, к несчастию, в пожар сгорела. 5 мая день моего торжества был тёплый, тихий // и ясный; перед *Л. 85 об.* вечерней приходит дьякон соборной церкви Гаврил, впоследствии иеромонах Герман, с обыскной книгой, и он как любил выпить, то я предложил ему рому; он 1/2 бутылки осушил глотком, заставив меня для смелости выпить с ним 1/2 рюмки, что мне и помогло; в церковь снарядились часов в 7 вечера, в пятницу, народу по улицам, в церкви и ограде — множество, я куда ни взгляну, везде всё знакомые лица; этот ромок меня ободрил, обвенчались благополучно, дома встречены с музыкой и хором певчих. И вот, по милости Господней и молитвам Царицы Небесной, мы проживаем 49 год (это дополняю 14 августа 1898 года), только просим и молим себе тихой и христианской кончины и ожидания, не сподобит ли нас Господь отпраздновать 50-летний юбилей, даны разные обещания перед Господом, а если помрём, то наследники их исполнят; в чём да благословит их Господь*.

Таинство бракосочетания совершал протоиерей отец Антоний Словцов; дьякона Гавриила утром насилу и выжили, он оставил свою ряску, а утром свахи и стряпуха ее надевали попеременно и плясали. 6-го мая мы ездили с визитами, и решился же один господин мне выразить лично: «Да, за Вас бы могли в городе дать лучшую невесту и с хорошим приданным»; слова эти я отношу

* Со слов «И вот, по милости Гоподней» вписано на левом поле.

ближе не к коварству, а к простоте и легкомыслию. Объяснять мне подробно о причинах было неуместно; отпировав свадьбу, я опять начал грустить о своей подсудности и обнаружил уже это откровенно в присутствии всех родных: «Что, если меня сошлют, то согласна ли ты, милая, идти со мною», жена с кротостию отвечала, что «хоть на край света и какие бы нас не повстречали несчастия, буду переносить с твердым христианским // *Л. 86* терпением». Кажись бы, семейная моя жизнь и должна быть спокойною, но судьба преследовала меня иначе. С первого же дня брака молодую мою жену стали ненавидеть домашние, подстрекаемые младшею моею сестрою Феоктистою; стали жену мою в глаза корить, что она меня присушила, что она бесприданная голытьба и т. п. Самыя дерзкия, невыносимыя выражения молодуха с кротостию и терпением, уливаясь слезами, молчаливо переносила и мне ничего о том не говорила, во избежании домашняго скандала; заметишь, бывало, у ней слёзы на глазах и спросишь о причине: «Так, — говорит, — по родной матушке моей взгрустилось». Наконец, стали проявляться и домашния семейныя драмы: родная матушка моя по научению дочери от меня отвернулась, проговаривая, что «ведь ты её купил» и т. п. Я примусь за чарку, но, боясь проклятия матери, уступал молчаливо; сестру же свою ни один раз выгонял в шею; желал даже, грешный человек, хотя бы скорее меня сослали или поднять на себя руки. Это горькое испытание продолжалось почти до (18)72 году, а тут стали каждогодно рождаться дети, так что в (18)54 году (вероятно, описка — (18)74), я лишился, по милости Божией, лошадей, из коих одна, подаренная мне тестем — вороной жеребец, вырвавшись из ворот, изломала себе ногу, другой конь наткнулся // *Л. 86 об.* на полисад, две коровы пали от бывшаго тогда поветрия, собаки, курицы и кошки, — все пропало. Оставались я и незлобливая голубица только с одним чистым нашим сердцем, возверзая печаль свою на Господа.

В (18)68 году я решался уже выйти на квартиру, но уговорил меня Ив(ан) Як(овлевич) Ростовых, убеждая, что без меня весь дом разрушат, а поправлять впоследствии доведётся никому иному, как мне же. Исправив флигель и перейдя в него, матушка благословила меня хлебом-солью; солоночка из помадной крышки глиняная, и сейчас храню я, как святыню; дом старый я отдал в распоряжение матушки, претерпевая все неудобства, так как они держали на квартире и жидов, и разный сброд; всё бы это ещё ничего не значило, но в (18)66 году, сестра моя, Феок(тиста), по собственному желанию вышла замуж за поляка Ив(ана) Герасим(овича) Залогу, он, полагая, что я скрыл богатство, стал угрожать процессом; я ему ответил только: «Начинайте, на начинающего Бог». От этих приключений нервы мои совершенно расстроились, головные припадки усилились так, что я опасался скорой смерти, но, по счастию моему, вольнопрактикующий врач, 90-летний старец из сосланных, кажется, Павловских // *Л. 87* ещё событий, Пав(вел) Алексеев(ич) Харламов, помог мне, обрив голову и прикладывая приготовляемый им с камфорою пластырь, запахом похожий на ныне имеющийся у меня, так называемый «розовый», получаемый мною из Москвы из старой аптеки, но не велев мне ни водки пить, ни табаку курить.

Первую положим, я уже с 1859 года оставил, а табак покуривал кратча, и один раз попался на него; он меня с убеждением упросил хотя дня три не курить, что я и исполнил, припадки стали прекращаться. Этим пластырем он в (18)65 году вылечил мою ногу, на которой была коростка, сдёрнутая мною при натягивании сапога накануне Троицына дня; я по прежнему щегольству своему, любил сапоги носить узкие, и что же? В одну ночь ногу мою раздуло, как бревно, я только мог надеть кочёмный калош, и стали от образовавшагося Антонова огня *(гангрена)* чернеть уже ногти. В Троицын день, против обыкновения своего, к обедни не пошёл, ходил на костылях, этот день говел до обедни, болезнь была до того тяжёлая, что я не дозволял мимо себя никому пройти скоро; Аг(афью) Ив(ановну) отправил к обедне, а сам стал читать Акафист Бож(ией) Матери «Утоли моя печаль»; и так как обедня с вечерней // *Л. 87 об.* продолжается до часу, то я все эти часы сидя молился со слезами Царице Небесной, и что же, когда Аг(афья) Ив(ановна) приехала от обедни, я встал со стула и боли не чувствую в ноге ни малейшей, пробую — не отсидел ли я её; искусив антидору[115], я напился чаю и, отобедав, лёг отдохнуть; просыпаюсь, о, чудо! — боли нет, но нога пухнет; ночь провел спокойно, размышляю утром, кого бы мне пригласить доктором и вижу: Па(вел) Алекс(еевич) *(Харламов)* идёт мимо моего дому; на приглашение моё тотчас же явился. «Пошлите, — говорит, — сударь, за лайкой, а я сбегаю домой за пластырём». Через три дня опухоль опала, но я в катанке ходил более месяца. Предлагаю П(авлу) Ал(ексеевичу) за труды его 15 руб(лей), не берёт, ну и 10 руб(ей) — тоже, согласился по убеждению моему взять 3 руб(ля); я завернул 10 — рубл(ёвую) бумажку, а он, не посмотрев её, пошел к Кабакову в лавку купить чаю и сахару; а там, ему отпустив, дают сдачи, кажется семь рублей; он не берёт, говоря, что я вам дал сейчас полученную 3-х рубл(ёвую) бумажку; приказчик уверяет, что 10-ти — рублёвую. П(авел) А(лексеевич), не взяв ни того, ни другаго, возвращается ко мне, я с трудом удерживаясь от смеху, утверждаю, что дал ему три рубля; он развёл руками: «Что же мне, — говорит, — теперь делать» И я, чтобы не мучить старика, сознался; а после того, когда доведётся кого-нибудь дома полечить и дать ему гонорар, // *Л. 88* он всегда уже стал проверять. Вот при этих-то скорбях и болезнях моих, я вспомнил, что вскоре после свадьбы, ходя по комнате и всматриваясь в благословенные иконы жены моей, я разобрал, что одна из них, как выше сказано, была «Скорбящая Божия Матерь», а другая — «Утоли моя печали»; вразумил себе, что Царица Небесная, всегда и везде была и будет нам покровительница, до самыя смерти нашея.

Подстрекательство Залоги дошло до того, что он сбил матушку мою подать на меня в Словесный суд просьбу о захвате отцовскаго имения и капитала; это ещё более поразило меня, зная, что характер мой не удержит выразить какие бы не было грубости; требуют в суд, как раз дня за три до Рождества Христова. Я и тут не утерпел, чтобы не благословиться у матушки, она говорит: «Ваня, и меня требовали же»; и мы поехали вместе; в суде смеются: «Что Вы — де на свою голову и старуху везёте?»; «Помилуйте, куда она пойдет пешком? Старуха — слишком 70 лет, по пути ведь, и привёз с собою», «Да, ведь она Вас хочет посадить в острог». Я говорю: «Что же, я не преступник, возьму икону Бож(ией) Мат(ери) и спокойно пойду»; приезжаем, Залога уже там; я говорю председ(ателю) Ефимову[116], что доверенных в таких делах не допускается, но все там; во время личных моих объяснений

Л. 88 об. Залога матушку // мою подстрекал, но я говорил всё обстоятельно, боялся, чтобы мне каких грубостей не сделать и, вдруг, в присутствии же упал в обморок на пол; меня сторожа вынесли на крыльцо, я очувствовался тогда, когда мне голову поливали холодной водой, отложили разбирательство до после Крещения. Решили дело так, чтобы я матушке платил каждомесячно на содержание по 5 руб(лей); я говорю, что этого мало, у ней — две дочери: «Дочерей, — говорит Ефимов, — Вы не обязаны кормить». Наконец условились, чтобы я платил ей по 10 рублей, что я аккуратно исполнял до дня ея смерти, а недвижимое имение разделить полюбовно в течение 2-х лет, которое и описали, оценив, кажется, в 700 рублей. Несмотря на то, что в течение 20 л(ет), после смерти родителя моего, я имение это поддерживал собственными трудами; только, единственно, сестра моя, Елизавета, сколько её не сбивали, не поддавалась ни на какие убеждения, чтобы на брата своего поднять руку, за что ей и отдаётся искреннейшая моя благодарность, которую я не оставляю пособием и не оставлю, пока жив. Выделив матушке и двум сёстрам, следую-
Л. 89 щия им части, кажется, до 900 рублей, я думал, // что я и буду спокоен, нет, чаша моей горести оказалась недопитой; при разделе я предоставил расписку Феоктисты в получении от меня в счёт наследства из лавки Стахеева товаром, кажется, до 170 руб(ей); она говорит, что эта расписка фальшивая, я — де таковой по неграмотности своей никогда не давала; опять началось следствие как по подлогу в акте, меня опять тянут; я говорю, что наперёд должно рассмотреть в гражданском порядке, указывая на закон и желая тем прикрыть несчастную глупую свою сестру; я доказал грамотность её фактически: она, при выходе в замужество за Залогу, сама подписывала брачный обыск, она расписывалась в нотариальной книге в получении от протеста векселя на крест(ьянина) Соколова в 400 руб(лей), и другими свидетелями, отперлась и от этого, подводя тем под суд причт Воскресенскаго собора и нотариуса. Наконец, сказала, что расписку мою подписала фальшиво дочь моя Мария. Марию тянут к допросу; я говорю, что 7-летняя моя дочь, обучавшаяся в то время в приюте[117], едва ли писала и азбуку; но дочь свою, как природный ея попечитель, я к допросу полиции не дам; приехал пристав // *Л. 89 об.*
домой и спросил; Маша показала тоже, что она была неграмотна, что подтвердила и смотр(итель) приюта Елиз(авета) Вавилов(на) Ловягина; положение сестры было худо, она, по наущению мужа, подала в Губ(ернский) суд новую жалобу, что эту расписку подписал подложно адвокат Васил(ий) Афон(асьевич) Петров, но и это не подтвердилось. Петров оказался умершим за три года ещё до дачи расписки. Губ(ернский) суд хотел присудить её в тюрьму на выселку, но я же упросил советника Петра Сергеевича Копылова[118], для оправдания сестры своей, дело обратить в исковой порядок, как единственный исход к ея спасению. Пётр Сер(геевич), как выразился тогда, «по великодушию врага», будет сделано и это; хотя в гражд(анском) порядке сестра дела не возобновляла, но с мужем своим хотели меня и жену мою добивать другими способами. Залога, обобрав у жены, тёщи и сестры Евдокии все деньги, поехал в Томск за покупкой товаров и там, не тем будь помянут, всё промотал; пишет жене «Попроси, — говорит, — брата послать мне в Томск, хотя 50 руб(лей), выехать нечем, деньги употребил все в товар». Та приходит со слезами ко мне и просит, я по сердоболию своему и по непамятозлобию, дал 25 рублей, говорю, что «с попут-

Л. 90 чиком можно приехать и на эти // деньги, а когда приедет товар, помогу и более». Она просит, говорит, что, Ваня, пошли сам от себя, муж — де мне не поверит; я хотел было и это сделать, но какая-то невидимая сила, от писания письма меня удержала, да и в это время, кажется, послал за мною Ив(ан) И(ванович) Токарев и сестра, видя, что мне некогда писать, взяв деньги, ушла. Между тем Залога возвратился, открыл две лавочки: одну питейную, а другую мелочную; незадолго до зимняго Николина дня сестра Евдокия ходила к Залоге и просила у него 3 руб(ля) на катанки, в уплату следующаго с него долга, а он её с руганью прогнал чуть не в шею, сестра приходит и жалуется Аг(афье) Ив(анов)не; я, признаться, не вмешивался в разбирательство их пакостных дел, и слёзно говорит: «Накажи его, злодея, батюшка, Св. Николай, что он меня обобрал, несчастную сироту». Катанки ей купил я, между тем, гнев праведный Святителя не замедлил. 7 декабря сестра Евдокия рано приходит, меня разбудили, и говорит, что «Ваньку-то, зятя, и Феоктисту взяли в острог, а за что — не знаю. За мной, — говорит, — ночью посылал полицмейстер, жандарм(ский) полков(ник) Банин»; опечатав всё их имение, сдали на попечение ей, Евдокии; а утром, я иду в полицию и узнаю, что Залога зани-
Л. 90 об. мался сбытом фальшивых денег. Банин, // как специалист своего дела, сделал ему ночью, через еврея, подсыл, тот купил несколько бумажек — тотчас обыск с понятыми, полицией. Не помню, на сколько сот было найдено у него в квартире, поленнице и у сестры в поясе. Началось следствие, которое производил особых поручений чиновник Лаврентьев[119]; я боялся, чтобы ко мне не подбросили злые люди, просил об этом Царицу Небесную, читая постоянно Акафист. Лаврентьев же, как весьма хорошо знающий своё дело и закон, по которому жена может и не доносить на своего мужа, посылал за мною и советовал мне подать ему заявление об освобождении сестры из — под стражи на основании этого закона и о взятии её на поруки; я объяснил ему все враждебныя их действия против меня, отказался об этом ходатайствовании, потому что они могли извлекчи вновь какие-нибудь против меня ухищрения. Будь бы найдено у них при обыске письмо моё с посылкою денег, как просила о том сестра меня, я бы тоже попал, да и в самом деле, как и удостоверил следователь, никоим образом нельзя бы было меня и считать неприкосновенным к делу. Залоге было бы письмо это некой клад, он прямо сказал бы, фальшивыя деньги сбывал мне, там по суду оправдывайся, а в тюрьме — то бы насиделся, вот поэтому-то небесная // сила удер- *Л. 91*
жала руку мою от писания письма. Ранее сего, когда ещё Залога был на свободе, он в какой-то праздник приходил ко мне довольно выпивши, сидели внизу, во флигеле, пили чай, он и говорит: «Брат, давай мириться». Я говорю: «Это зависит от вас, вы клеветали на меня, следовательно, я невиновен» и, напившись чаю, я ушёл вверх заниматься, а вскоре и он наскоро последовал за мной; Аг(афья) Ив(ановна) смекнула что-то неладное, и ту же минуту послала вверх кучера и старшаго сына Александра, и сколько меня не раздражал Залога, но я вооружился терпением — молчал; приходит сестра Евдокия и увела его к себе вниз в передний дом, он за это давай её ругать и, вынимая из-за голяшки складной большой нож, сказал и матушке и сестре, что они помешали ему сделать своё дело; конечно, всё это оставлено было без последствий, «аще бо и пойду по среде сени смертныя, не убоюся зла» — вот моё правило. Около того же времени сестра

Фе(октис)та встретила Аг(афью) Ив(ановну) в кухне, она приготовляла калачики, и на все ругательства сестры жена молчала, а та, схватив кухонную лопату, так хватила её по пояснице, что та, закричав, упала, а была беременна и ходила последнее время; я хотел бежать в полицию об этом заявить, но жена по кротости своей и от этого меня удержала, а через неделю, // *Л. 91 об.* действительно, разрешилась преждевременно мёртвым младенцем, без опасных, однако ж, последствий.

Все ябеды на меня как по делу о наследстве, так и по расписке, писали облагодетельствованные мною ранее чиновники Платон Аф(анасьевич) Арбеков и Федор Федор(ович) Лебединов; первого как-то увидал поверенный Стахеева, Ник(олай) Иппол(итович) Ворожцов, и из-за меня почти рассорился с ним. Я от Ворожцова не скрывал никаких семейных тайн, а последняго увидал я как-то в полиции и с кротостию заметив ему, он отвечал, что заставляет писать бедность; я ему дал 2 руб(ля): «Пишите, я — говорю, — не стесняйтесь»; оба они теперь покойныя, прости Господи их согрешения!

Когда о Залоге состоялся уголовный приговор, то он, желая остановить исполнение его, подал прокурору Алекс(ею) Порф(ирьевичу) Юрьеву вновь донос о том, что обыск у него сделан был и фальшивыя деньги подброшены ему по научению, якобы моему, помощником пристава Худяковым, моим родственником, а приговор постановлен об нём пристрастно по ходатайству секретаря Алексея Петров(ича) Шарова, тоже якобы, моего родственника; и действительно, исполнение приговора по распоряжению губ(ернато)ра было остановлено. Я же, в свою очередь, узнав об этом из совета, подал прокурору в ограждение // *Л. 92* себя заявление о том, что оговор подсудимым по истечении 6-ти месяцев содержания под стражей, хотя он был и справедливый, считается по закону недействительным; на этом основании губ(ернато)р, по донесению прокурора, приговор приказал исполнить тот час же, несмотря на мнимую болезнь подсудимаго, похвалявшагося при всём этом всё-таки меня и моё семейство уничтожить, чего, однако ж, не удалось по очевидному покровительству нас и заступничествам Царицы Небесной.

Между тем, до постановления ещё приговора сего, сестра моя Ф(еоктис)та была из тюрьмы освобождена на поруки; и так как она была больна в тифе, но не совсем ещё оправившаяся, то занесла заразу и в наш дом. На последней неделе Великаго поста сперва заболела матушка, а потом и сестра Евдокия, за коими ходила Аг(афья) Ив(ановна), но и та чуть было не слегла, а я и дети мои отделались только головной болью; хотя доктор и строго воспретил нам посещать больных, но мы подумали, что не оставить же нам их на произвол судьбы. «Твори, Бог, волю свою!» Матушка скончалась 18 апр(еля) 1870 г., а Дуняшка — вслед за нею, 3 мая. Похороны мне обошлись слишком 200 рублей, да я же заплатил за них небольшия лавочныя должишки, а Ф(еоктис)та и тут распустила слух, что мы подкупили доктора отравить их // *Л. 92 об.* и воспользоваться ихним имением, которое она вынесла сама же в глазах жившей ещё опасно больной сестры Евдокии. С матушкой и Дунюшкой по надлежащем их напутствовании, мы искренно слёзно простились, стоя на коленях перед ложем умирающих; они нас нисколько не обвиняли и благодарили за терпение наше, просили похоронить и поминать за упокой, говоря, что виновником всего этого был сбивший их зять Залога и жена его; я успокаивал больных чтением Акафиста Св. Иннокентию и, принимая на себя всю мнимую вину, матушка за всё это меня трижды благословила и через несколько часов отошла в вечность на Пасхе, в субботу.

Когда же Залога и жена его собрались в назначенный путь, то Залога, хотя и отпрашивался как ко мне, так и ранее к умершим матери и сестре, проститься, но его и под конвоем не отпустили, а сестра пришла ко мне; искренно пред иконою со слезами мы все с нею простились, и она нас простила, сознавая свою вину, а я, из сострадания своего, дал ей на дорогу 25 руб(ей), чаю, сахару и сухарей.

Казалось бы засим, злобу на меня и надобно считать окончившуюся, но коварство и злоба пределов не имеют, а человеческий враг старается всегда искать себе жертву, аки лев, желая поглотить её; пожалуй, и все мы грешные, но верующие по пословице, хотя грешные, да Божии, // *Л. 93* а Залога при всём своем невежестве, не тем будь помянут, ни во что не веровал, за что и получил справедливое возмездие; но придя в Иркутск, они настрочили на меня такую ябеду и подали ген(ерал)-губ(ернатору) Синельникову[120], а сей последний, через Губ(ернское) правление требовал надлежащее, по содержанию ея, сведение. Это значит, на мои же деньги, так что прочитав эту жалобу, у меня, что называется, волос стал дыбом. Посылает за мною из Губ(ернского) правл(ения) добрейший и беспристрастнейший чиновник Осип Викент(ьевич) Скржидлевский, ныне покойный, Царство ему небесное, и показывает жалобу; у меня с нея сейчас есть копия, уцелевшая от пожару, в которой изложены обстоятельства, клонившиеся к обвинению меня в ограблении покойных матери и сестры. Скржидл(евский) успокоил меня, что всё написанное чистейшая ложь, потому что после смерти матери и сестры, по приглашению моему, полиция тотчас же всё опечатала и описала. Губ(ернское) пр(авление) объяснило всё это с должною обстоятельностью, и ген(ерал) — губ(ернатор) оставил жалобу обвинителей как ябедническую, без уважения, так дело и кончилось. Впоследствии из частных слухов известно было, что зять мой помер в (18)84 году, а сестра в том же году писала мне письмо, только не своею рукою, и просила о помощи, я через сына Ивана, и послал ей 3 руб(ля).

Выше видно, что я поступил в // *Л. 93 об.* школу начально к смотрителю В(асилию) А(лексеевичу) Климовскому в 1830 г; чистил ему платье и сапоги, подавал гостям чай, а что не ладно, то получал в голову колотушки, со словами: «Ах, ты варвар». Может быть, это и способствовало моим болезням головы, так что один раз, когда уже я был старшим на первом столе в 1837 году и на моей сохранности была библиотека и все учебныя принадлежности, то кто-то из учеников на крыльце разлил чернила, за это В(асилий) А(лексеевич) цапнул меня ключами по голове до крови, но в 1850, 1851, 1852 годах, когда Климовский из училища выбыл и поступил в Губ(ернский) суд советником, то из учителя превратился в моего ученика; каждый праздник придёт, бывало, ко мне с делами и с ремарками: то ему укажи закон, то поправь, а то и «сам, — говорит, — напиши решение»; где бы в праздник погулять, а я занимаюсь с ним; бывало, поставишь водочки — рюмки две выпьет, а я ему надпоминал при этом прежния, его со мною, обращения;

«Да, — говорит, — подчас и согласен бы, чтобы ты дал мне волосянку, дело совершенно новое, котором и верю, что практиковаться нужно смолоду». Но зато уж как он расхваливал меня молодой Л. 94 моей жене, говоря, что я не только был первым // учеником, но даже и казначеем, потому что, когда понадобятся ему в классе деньги, он посылал меня в квартиру с ключами от шкатулки: вынуть и принести их к нему вместе с ключами. Однажды с маскированной семьей мы зашли к Вас(илию) Алек(сеевичу), он меня занял делами до того, что мы с семьей ушли от него прямо домой уже во 2-м часу ночи, причём В(асилий) А(лексеевич) напоминал, что даже моими отличными познаниями при разговоре с ним и покойный отец мой гордился, называя меня министром; но после смерти его, как выше видно, я от стечения несчастных обстоятельств пошатнулся.

На 1 июля (18)52 года, как табельный день, мы с думскими мужиками вздумали погулять: местом избрали для этого у служащаго Ильи Петр(овича) Балкина дом, котораго под горою, под собором; сестра у него — прекраснейшая старушка Елена Петр(овна), и теперь ещё живущая, умевшая приготовлять хорошую закуску, квас, солонину. Направились мы, в количестве 5 ч(еловек), к ней; пропировав часу до 2-го ночи, мы пошли по домам, но проходя мимо малой гауп(твах)ты, находившейся тут же, близ собору, встретили караульнаго унт(ер)-офиц(ера); нам хорошо знакомаго Кокуш- Л. 94 об. кина, // он шуточно приглашает к себе на перепутье, а мы и в самом деле зашли; «Угощение, — говорит, — ушат воды»; караульные солдаты сейчас все встали, а мы, сделав складчину, посылали несколько раз из тех же солдат в гостинский питейный дом за водкой, и конвой так перепоили, что они едва стояли на часах.

Часу в 4-м, перед утром, приезжает дежурный по караулам офицер, осматривавший посты, но и тот, сколько не отнекивался завтрашним парадом, однако ж, и тот вполне подчинился нашему угощенью; всё прошло благополучно, а впоследствии, когда 1-го же июля (18)68 г. случилась катастрофа отравления часовых ядом, мы вспомнили и о своей глупой шалости, которая, при всей невинности нашей, могла бы нравственно отозваться на нас всею позорной своею тяжестью. Да и в самом деле, не случись в то время объезжавший ночами постоянно все посты помощник пристава знаменитый Худяков, кладовую бы преступники подломили; Худ(як)ов, как сказывал он, подъезжая, опрашивает часового, а тот только мычит, едва стоя на ногах; идёт Х(удяко)в в караулку и там видит ту же историю; смекнул всю важность дела и ту же минуту послал к доктору Можарову, требуя // молока; другаго верхового казака послал Л. 95 за начальством и докторами; успели отводиться с 4-мя солдатами, а двое так и померли; виновных никого не открыто, солдаты показали, что принёс от Шипилина мальчик пирожки с вареньем, они их покушали, но ни мальчика, никого не нашли. Худякова, вместо представления к награде орденом, вскоре уволили от службы, может быть, по проискам тех же злоумышленников*.

В (18)51-м году женился Петр Ив(анович) Белянин, брат Аг(афьи) Ив(ановны), в генваре м(еся)це; я был тысяцким, а жена, будучи беременной,

* Предложение вписано на правом поле

на свадьбе не была. Пропировали, по обыкновению, всю ночь, наутро били горшки и прочую посуду; пошли гулять по гостям, а так как в передней избе дома были брюшинные окна, то я со своей стороны, желая сделать залп изо всей силы, хватил горшком в окно, но в то мгновение успел отскочить сидевший тут станичный начальник Чуринов, впоследствии офицер казачьяго полка. Случай же спас, что горшок вылетел в горницу, не повредив никого.

В (18)53 году, накануне Покрова, был у нас в суде именинник Григ(орий) Иван(ович) Попов; по осанке его и по грамотности называвшийся «прокурором»; по выходе из суда, я и весь штат отправились к нему на имянины; ему от откупа пожертвовано было 1 ведро вина, которое он стал Л. 95 об. разливать в графины, // а жена его приготовляла закуску; ведровую бутыль эту он нечаянно разбил и, конечно, вино всё пропало; мне, как постарше всех бывшему, сейчас вразумилось, что Господь через этот изъян желает нас отвратить от какого-нибудь зла, и я хотел было отправиться домой, но куда, вцапались все, имянинник за ведром вина послал вновь, и мы пропировали до Благовесту, у Покрова ко всенощной; я и тут было хотел вырваться, памятуя, что праздник большой, а мы что делаем, но бывшие тут трое чиновников из поляков упросили, что у них сегодня вечер, будет музыка и гости, втащили меня насильственно в телегу и увезли; заснув в телеге и, проезжая от имянинника из-за Качинской слободы мимо Покровской церкви и услыхав колокола, я проснулся; увидав храм, освещённый плошками, я забыл о величии завтрашняго праздника и спрашиваю, сидевших со мною: «Что это, свадьба, что ли какая»; мне ответили отрицательно, тут я, услыхав звон, сильно встревожился и горько заплакал о своём заблуждении; мне пришло на память, что Царица Небесная меня всегда милует и покрывает всегда своим // Л. 96 святым покровом, а я что делаю, окаянный; всётаки на вечер приехали, нас с музыкой встретили, начались танцы, а я всё- таки, сев в угол, размышлял о своем прегрешении. Урядник Черкасов, танцевавший, не помню с кем-то, тот час изломал ногу, и его отправили домой; меня это ужасно поколебало; танцы все продолжаются и никто, кроме меня, этого события не восчувствовали. Другой танцевавший, как в комнате было жарко, хотел выйти на улицу, но оступился на крыльце и вывихнул ногу, и того с криком отправили домой; вышла хозяйка квартиры и давай укорять постояльцев, что — де вы на такой великий праздник и вы завели вечёрку; я же, в этой суматохе, тихонько сейчас убежал домой. Аг(афья) Ив(ановна) не поверила мне, чтобы я был на имянинах, пришёл бледный, встревоженный, лёг спать и назавтра рассказал обо всём; но совесть меня не переставала преследовать за случившееся, и с этих пор стал уклоняться от всех приглашений, на какие бы то ни было увеселения; так как Премилосердный Господь желает нам исправиться и // «живым быти не хотяй смер- Л. 96 об. ти грешнаго».

В (18)54 г., служа депутатом по следственным делам, я был командирован к свящ(еннику) Покр(овской) цер(кви) о. Григорию Климовскому, для производства следствия над священ(ником) Есаульской церкви Иоанном в неправильном освящании свадьбы какого-то мещанина; здесь мы на лодке переплыли за Енисей, а там сели в тарантас, запряжённый тройкою; ямщик, как неопыт-

ный крестьянин, в косогоре круто поворотил лошадей, тарантас наш набок, я свалился, а на меня священник и его письмоводитель, но только я открыл глаза, вижу, что у носу моего задния ноги пристяжки и подкованные; тут я давай читать псалом и просить душу на покаяние; отец же Григорий, видя опасность, сейчас вынул нож, шёпотом передал ямщику, чтобы отрезать пристяжную, по опыту зная, что деревенския лошади дикия, которые, однако ж, стояли как вкопанные, неподвижно; когда ямщик отрезал постромку и отвёл лошадь, то я только в это мгновение вздохнул свободно. Отец Гр(игорий) видя, что я исперепугался, сейчас вынул фляжку из кармана с водкой и налив мне серебряный стаканчик, я выпил и успокоился, // *Л. 97* и тут же священ(ник) наказал на всякий случай иметь с собою водку. Подобное же сему, осенью того же года, случилось со мною в деревне Терёхиной, где я описывал в Сиротский суд фабрику купца Комарова; мужики там зажиточныя, все меня полюбили, и гостеприимные; у них заведено в обычае, что, когда сплавляют в Енисейск на барке хлеб, получают барыши, то всегда заводят праздник; приезжают человек 5 ко мне на фабрику и просят к себе погостить; сколько я не отговаривался, опасаясь, что это дойдёт до сведения городских властей, но устоять не мог, поехал на праздник; а главная цель их была, как я тут узнал, чтобы не теснить их выбором в понятые при описи, а заменить бы их стариками, которые сидят дома; я так и сделал, но на ужине у них с аппетитом поел похлёбки из свинины; мне сделалось дурно, и хотя я выпивал водки, но давление под ложечкой облегчить не мог; мужики меня отвезли на фабрику, отстоящую от села версты за 3-ри, но я уснуть не мог; управляющий фабрикою и жена его принимали все меры, чтобы облегчить меня, огуречным и капустным рассолом — ничего не помогает, // *Л. 97 об.* а вина у нас нет; принуждены были посылать по разлитию реки, что выходило взад и вперёд вёрст 12, и только мне помогло несколько купание в холодной речке Есауловке; как выйду из воды — давит смерть на носу, а в воде сижу, не чувствую боли. Не будь бы водки ещё с полчаса, не знаю, что бы было со мною, а когда привезена была водка, то управляющий, налив чашку и намешав круто соли, подал мне это выпить. Через 1/4 часа всё это, смешавшись с рассолом, так подействовало на желудок, что я совершенно освежел и, закусив из свежей рыбы пирога, отправился в деревню Кубекову на следствие к заседателю Чаговцу, производившемуся об утонувших 6-ти евреях, отколе возвратился с доктором Ал(ександром) Ив(ановичем) Скворцовым, который при разговорах тоже подтвердил, что пьёте ли, не пьёте ли вы, а водку всегда обязательно нужно иметь при себе на всякий случай.

В (18)55 году *(18 февраля (2 марта)),* когда получено было здесь печальное известие о кончине импер(атора) Николая Павловича, я ничего не знал, и будучи командирован в военносудную следственную комиссию для присутствия при допросе арестантов-мещан, обвинявшихся в краже золота, и там только мне, // *Л. 98* аудитор Иван Петрович (фамилию запамятовал) сказал, что сегодня никаких допросов не будет; был сам уже выпивши, а между тем, говорит: «Помяните добраго отца нашего», распорядился о водке и закуске; не знаю, долго ли бы мы с ним пропоминали, но явившийся унтер-офицер, с приглашением его пожаловать в баталион к присяге, а за мною тоже посланный из думы, что губ(ернато)р приказал для той же надобности явиться в собор. Мы и разошлись всякий по своим обязанностям и там, т.е., в соборе, встретились с моим приятелем Влад(имиром) Фёдоров(ичем) Плотниковым, присягали в числе протчих; губ(ернато)р Падалко, стоявший тут же у аналоя, наблюдал за каждым и, подписав присяжный лист, из храма разошлись. Мы с В(ладимиром) Ф(ёдоровичем) отправились ко мне и пропоминали до сумерек, причём к нам явился какой-то за сбором монах, и того ввели во искушение, так что его насилу и выпроводили, и он было забыл и книгу, и коробку с деньгами. Более выдающихся в (18)55 г. случаев не припомню, кроме ещё нижеследующаго: так как я жалование // *Л. 98 об.* получал в Городовом суде, а базарные дни были по воскресным дням, то я в субботу в октябре, после уже Казанской, пошёл к заседателю Брюкнеру домой вечером, попросить к базару 5 руб(лей), он отозвался, что денег из шкатулки на этот случай взять с собою позабыл, то «назавтра утром, — говорит, — занесу или пошлю». Между тем, человек он был гостеприимный, хотя рюмку водки да выпей у него, а ребятишкам не упустит без того, чтобы не дать, хотя 1/2 ф(унта) конфет; он был кондитер, вынес маленький графинчик водки и, как сейчас помню, мы с ним выпили по три рюмочки, и распростившись, я пошёл домой.

И вот тут-то чуть опять было не погиб окончательно. Выходя из ворот, повстречался мне по пути знакомый Вас(илий) Як(овлевич) Ростовых. Идём и говорим с ним, у меня стали уже ноги замерзать, будучи в холодных калошах, так как я имел привычку как прежде, так и доныне помянуть имя Господне «О, Господи Иисусе, помилуй мя, грешнаго», то сказав эти слова, я очутился на горе, у часовенки, не верю сам себе, как я попал туда, Вас(илия) Як(овлевича) не не стало, осмотрелся: // *Л. 99* тёмная ночь, буря со снегом и дождём; вижу — в городе мелькают ещё кое-где огоньки; полагаю, что была уже полночь, но не потерял присутствие духа; видя явную погибель, надел ватное пальто в рукава, сел на приступочек часовни, ощупав предварительно, внутри часовни нет ли кого, я стал обдумывать, куда мне идти; если направиться к Троицкой церкви, то я там более испугаюсь, да и меня трапезники ночью не пустят, а если идти направо от часовни, логом, в город к знакомому мне хорошему гражданину Петру Никитичу Ростовцеву, то в логу бывают ночами волки; избрал последний путь и, набрав с собою во все карманы камней, творя молитвы, псалом, прося ангела хранителя Св. Николая, Св. Иннокентия, направился к Никитичу, но по темноте ночи к нему не попал, а прошедши колокольный завод, по мосткам, через Качу, тогда ещё не ставшую, и, увидав огонёк, направился на него; вхожу в караулку, стоявшую у винных подвалов под Всехсвятскою церковью; казаки на часах были базайские, мне знакомые; топилась печка; я просил указать // *Л. 99 об.* мне дорогу и проводить до дому, но так как им на 10 шагов от своего поста отойти нельзя, то они упрашивали меня уснуть у них до рассвету, но я не послушался; ночь хоть в глаз уколи — ничего не видать; направился по подгорью под Всехсвятской, и к счастию моему, путеводимый ангелом-хранителем, и став сильно замерзать, я постучался в окно однаго неизвестного мне дома; услыхав мой голос. «Хозяйка, вставай, будем встречать дорогого нам гостя, Ив(ана) Фёд(оровича)», — меня узнали по голосу, вижу: старик отпёр ворота и приглашает, я спрашиваю, кто он такой; «Да, ты не узнал что ли, —

говорит, — казака Фёдора Павлова». Я обрадовался и хотел только войти в крыльцо, но при свете из окна увидал стоящую у крыльца кровать и, думая, что это одр, на котором носят покойников, испугался и хотел идти назад, но Павлов меня остановил и разъяснил, что это кровать, вынесенная из дому, в котором недавно белили и мыли. Вошёл в комнату, радушно приветствуемый хозяевами, старуха уже приготовляла самовар, но я всё-таки не верю, действительно ли это был Павлов и, когда *Л. 100* уже // он сбегал за водкой, я выпил две рюмки, благославясь, и отогрелся чаем, тогда только поверил, что я нахожусь у добрых людей, приглашавших меня на Базаихе к себе в гости несколько уже раз, но я у них никогда не бывал и даже не знал, где они живут. Старик приглашал меня уснуть, но я, напуганный, спать не мог, всё разговаривали, и только утром, когда отворили ставни, я сообразил, где путешествовал. Старик, пойдя на базар, проводил меня до дому и, так как денег мне ещё казначей не посылал, то, по бедному положению казака, я написал с ним записку к Ив(ану) Яков(овлевичу) Р(остовых), просил дать ему рубль, обсказав о случившимся со мною, но он отказал; с казаком я рассчитался уже впоследствии, и с тех пор ночами ходить без проводника боялся.

В том же (18)55 году предъявлен был на меня в полиц(ейское) управ(ление) иск по векселю Шипилина — 450 руб(лей). Сумма для меня в то время значительная и даже к платежу невозможная. Полицейские же порядки при Столбовском были строгие; взыскание было поручено кварт(альному) надзир(ателю) А(лексею) Д(митриевичу) Ермолаеву, который пригласил меня к себе для предъявления векселя; он знал моё горькое положение и сам предложил, // *Л. 100 об.* на всякий случай, что лишнее ценное припрятать; кстати заметить, что и полиция в то время меня потрухивала, чтобы я, ревизируя дела, поступавшие в суд, не обращал их без особенной надобности в полицию, чего Столбовский терпеть не мог. Он даже и сам-то меня, как видно, струсил; при производстве следствия о покраже дела, когда я потребовал с предписания губ(ернато)ра о производстве строжайшаго следствия копию, а это выражение равносильно было притязанию и пристрастию; всё-таки я, на всякий случай, копии этой добился, при всех отказах полиц(мейсте)ра, на тот конец, что если сильно меня будут притеснять, то я её представлю к высшему начальству и даже до Сенату, отчего, однако ж, Бог помиловал; я вспомнил, что у меня в полиции производится года три уже дело о взыскании мною по векселю с купеческаго сына Александра Курскаго почти той же суммы, какую с меня искал Шипилин, и именно 440 р(ублей), по векселю за поручительством жены его Анфусы Ивановны; на основании известнаго закона обеспечил означенный иск своим иском, как равносильным данному обязательству, и хотя при // *Л. 101* таких случаях, Столбовский, как осторожный чиновник, требовал всегда обеспечения имением, но, к счастию моему, и тут обошлось без хлопот. Столбовский был куда — то командирован губ(ернатор)ом, а вместо его вступил добрейший Пётр Иван(ович) Красиков[121], человек тихаго нрава, богобоязненный; секретарем же в то время в полиции служил родственник его Пётр Иван(ович) Иноземцев[122], служащий в настоящее время секретарём Духовной консистории, которых я даже лично не просил о помощи, но Ермолаев, Царство ему небесное, при своём рапорте объяснил о стеснительном моём положении; убедясь его довода ли, дело отослали на заключение Городового суда, а здесь секретарь Чепорноусов, благоволивший мне, дело передал мне же, чтобы написать проэкт решения, но только тогда, когда Мих(аил) Ив(анович) Нацвалов, бывший судьёю, в мае уедет в Москву, что было так и сделано; когда же Шипилин, как бывший в то время всемогущим и впоследствии умерший почти в бедности, явился к слушанию решения, то Чеп(орноус)ов, на спрос Шип(или)на: «Как решено дело?», ответил: «Взыскать с Пар(фентье)ва из имения его». Шип(или)н, не читая решения подписал удовольствие, // *Л. 101 об.* а впоследствии, когда узнал противное, то не один раз пенял секретарю и даже жаловался на него губернатору; получил ли из имения Курск(ого) Шипилин его деньги, я так справиться и позабыл, но зато во время переписки об этом я пожертвовал (простил) Шипилину упавший на мою долю с Шипилина (по делу его с братьями о наследстве отца их) штраф более 300 руб(ей), во время служения моего в Город(довом) суде заседателем с (18)59 по (18)65 год.

По странному стечению обстоятельств, в начале (18)70-х годов я отблагодарил Ермолаева за его великодушие следующим образом: заезжает однажды ко мне выше уже известный Гр(игорий) Ив(анович) Худ(оног)ов утром пить чай, и на приглашение моё посидеть ещё, говорит, что «тороплюсь описывать Ермолаева, по какому — то казённому начёту» Мне сейчас пала мысль, что у меня был переданный от Сокольникова вексель без оборота, на какого — то казанского мещан(ина), протестованный, который я, хотя и подавал в казанскую полицию ко взысканию, но она его мне обратила, потому что за смертию этого должника и ни его имения, ни наследников в Казани не оказалось; я хотел документ возвратить Сокольникову; вот этот — то вексель я передал Худякову с тем, чтобы спасти от описи // *Л. 102* дом Ермолаева, а представить его в обеспечение искомой суммы более чем втрое (вексель на 800 руб(лей). Так было и сделано; Ермолаев по моему проэкту написал отзыв, дом от описи был спасён, а вексель принят. Однажды, в какой — то праздник Ермолаев заезжает утром ко мне и, после обедни, приглашает к себе на чай. «Имянинников, — говорит, — у меня в этот день нет, и сторонних никого не будет». После обедни заезжаю, меня приглашают вверх; смотрю: Ермолаев выводит из нижнего этажа человек 5 малолетних детей, чистенько и прилично одетых, зажигает у икон свечи и, при всей грубости его характера, горько заплакал и, указывая на меня: «Молитесь, — говорит, — за своего благодетеля, он спас ваш дом, и вы не на улице». При этом зрелище я даже прослезился, положив дети по пяти поклонов, и сам он молился, и, уводив детей в нижний этаж, нам подала хозяйка чаю, я сказал ему: «Алексей Дмитр(иевич), долг платежом красен», а он на это: «Нашёлся ещё добрый человек помянуть меня добром, котораго я, по отзыву всех, и не делывал».

Во время празднования здесь, помнится, 13 октября[123] (18)56 г., коронования императора Александра 2-го, Городской думы гласный Степ(ан) Матвеевич // *Л. 102 об.*

Тетрадь 9

Кузьмин делал обед, к которому, по выходе из собору и по окончании церемонии, все думские, в том числе и я, собрались, и так как меня пьяным видали редко, если никогда, потому что я ел исправно, то гости и пожелали видеть меня пьяным. После обеда упросили выпить, как и сами пили несколько рюмок лучшей мадеры, которой я до этого времени никогда не пивал, и хотя я с ног не валился и всё происходившее помню, но чувствовал, что я значительно опьянел; с хозяином распростились, и поехали прогуляться с бухгалт(ером) думы Васильевым, и он, был не тем помянут, тоже пьян; я его сдал жене, которая, видя меня в хмельном виде, уговаривала пробыть у них хотя до сумерек, я не послушал; приказала кучеру отвезти в пролётке меня домой; у дома из пролётки я слез, но ворот найти не мог, пошатываясь, упал у ворот, чего со мной никогда не бывало; ползая по улице, всё помню: как проходившие и проезжавшие на меня смотрели с любопытством, но встать никаких сил нет; по счастию увидала в окно посто-
Л. 103 ялка Параск(овья) // Иван(овна) Щепетунина, сказала об этом жене, меня общими силами подняли и увели во двор; по двору и по лестнице я прошёл, нисколько не шатаясь, лёг спать, и как ни в чём не бывало. Приезжает ко мне старик майор Францев и, как моряк, выпив флотский стакан пуншу, пошли с ним и с Аг(афьей) Ив(ановной) и сёстрами смотреть иллюминацию и вензеля; намёрзнувшись, зашли к Ростовых, напились чаю — и домой. Через несколько лет, а пожалуй, что в (18)75-(18)77 годах, когда я служил уже у Ив(ана) Ив(ановича) Токарева, прилучившийся тут Никол(ай) Петров(ич) Токарев, когда поставили водку и закуску, и по приглашению хозяина все бывшие тут выпивали; Ив(ан) Ив(анович), хотя и знал, что я не пью водки, но для чести пригласил и меня, а Ник(олай) Петр(ович), смеясь, сказал, указывая на меня, что он — де «напивается только в коронацию»; конечно, так и обошлось смехом; но мне запало в сердце, что это за слово такое. Иду к Н(иколаю) Петр(овичу) вскоре домой и, между протчим, спрашиваю о говорённом им; он мне и сказал, что, проезжая с обеду от Кузнецова, он меня заметил ползающим по земле, // Л. 103 об.
и, доехав до своего дому, послал тотчас же кучера, чтобы меня отвести домой, но кучер меня за воротами уже не застал: «Вот тебе, — говорит, — коронация, впредь не советую на водку пить мадеру». И как раз в это время подъехал к Токареву и П(ётр) Ив(анович) Кузнецов, между протчим, спросил меня: «Не помните ли, — говорит, — Вы что — либо о завещании Надежды Петровны Гавриловой?»; «Как не помнить, оно, — я говорю, — осталось в деле о взыскании с ея, Гавриловой, купц(ом) Крутовым по векселю 500 р(ублей) асс(игнациями). Дело в архиве Г(ородового) суда (18)42 г., связка 4-я» и дал об этом я записку П(етру) Ив(анови)чу. Оба удивились моей памяти.

(18)57-й год особенно замечателен тем, что я ни водки, ни вина не пил до 14-го июля (18)58 г., в которое число Бог даровал мне дочь, по крещении Алевтину; денег не было ни копейки, как и ранее сего, жалование получал ограниченное. А при стеснении меня судебным персоналом, иногда получал даже и 2 рубля; от службы не отказывали и не отпускали, как необходимаго на случай справок, из вышеречанного, громаднаго Комаровского дела[124], и хотя приглашали меня золотопромышленники на службу, сопряжённую с отлучками, но, будучи под секверстом[125], отлучаться было нельзя. Много
Л. 104 и премного переносил я безвинно за // грехи мои и, так как роды у жены были тяжёлыя, то я три дня в суд не ходил. Члены, по негодованию своему, не зная о случившемся у меня, написали в полицию, чтобы меня освидетельствовать, что присуще одним только чиновникам; и только я, по окончании родов, лёг немножко уснуть, как слышу, в дверь стукаются; отворил и вижу: входит доктор Вильямовский[126], кварт(альный) надз(иратель) Дыбовский, депутат от суда Попов и двое понятых. Я спрашиваю: «Для какой надобности?», мне показывают бумагу суда и извиняются, что они тут не при чём; я тотчас же пошёл в соседнюю комнату и выпил чашку водки: «Если хотите, — говорю я, — то для эффекту пишите, что я пьян» и, открыв дверь, «прошу освидетельствовать больную и младенца мне Богом дарованнаго, сейчас же, перед вашим приездом». Пришедшая комиссия видя, что она попала невпопад и, сейчас же, бегом скрылась; а я успел удержать однаго депутата, объяснил ему все последствия такого ужаснаго со мною поступка, но горячась более и более, и, выпивая водки, я
Л. 104 об. сам пришёл в опасное положение, // и только что хотел бежать с жалобой к губернатору Падалке, как остановила меня от этого хлынувшая из гортани и из носу кровь; я впал в беспамятство; младенца окрестили наскоро без моего присутствия; с женой — отваживались; и только благодаря практическим познаниям крестившаго священника о. Иоанна Рачковскаго, положили мне под голову конскую подкову, и кровь утихла, и я опомнился только вечером; а в это время, под предлогом навестить больных, явился и доктор Вильямовский и утвердительно сказал, что последствия могли быть для младенца и для нас с женой самыя трагическия, и успокаивая меня, чтобы я не волновался, и что он об опрометчивости суда сам доложит губ(ернато)ру. Денег у меня нет, жить положительно стало нечем, в суд не хожу; на 17-е июля, по рекомендации однаго из граждан, приходит ко мне женщина-крестьянка Нижнеуд(инского) окр(уга) дер(евни) Баероновки *(Барановки?)*, Екатерина, кажется, Антоновна, Непомнящая, просит о помощи в деле о наследстве, оставшемся после ея мужа, и предлагает мне доверенность; я говорю, что у меня денег нет; «Сколько Вам угодно — я Вам дам, я наслышена об Вас с весьма хорошей стороны» и тот час же дала мне 50 руб(лей), да на бумагу и // на пошлины 10 рублей; дело это, 27 Л. 105
VIII, я сразу поставил в желаемое просительницей положение так, что оно зимою того же года было решено с преданием даже ответчиков суду уголовному за захват, как за воровство чужих вещей; дело это окончено в интересах просительницы мировою, с отобранием от меня подписки, что я жаловаться более никуда не буду. Получив за это от Ек(атерины) Андр(еевны) ещё 150 руб(лей), я хозяйством своим заправился довольно исправно, занимаясь по просьбе секретаря судебными делами у себя дома, но опять без меня обойтись, было невозможно; однажды, в (18)58 г., по приглашению членов судьи Нацвалова и заседателя П(етра) И(вановича) Ерофеева, я в суд явился; просят меня разрешить возникший между ними по судебному вексельному делу спор; Нацвалов, указывая мне на икону Божией Матери в присутствии, убеждает, как по долгу присяги разрешить, не наровя ни на ту, ни на другую сторону, одним словом, беспристрастно. Я, взяв дело и закон в канцелярии суда, тотчас же составил записку, по которой все

убеждения мои склонились, к несчастию, на сторону Ерофеева. Боже мой, как запылал Нацвалов,
Л. 105 об. // так, что не простясь, схватив фуражку, выбежал из присутствия, а Ерофеев торжествовал. Дело это было решено и Губ(ернским) судом, как я и говорил, членам ранее.

Некто, торговавший здесь, богатый человек-раскольник, Дмитр(ий) Ефим(ович) Ваганов, как записавший меня в своё общество трезвости, до того был добродетелен и ко мне расположен, чтобы в память того, чтоб не пить вина, 23 декабря (18)58 г., подарил мне серебряныя под золотом часы, хранящиеся в память его у меня и теперь, что я исполнил свято, а он радовался моему, так сказать, возрождению. Я занимался у него письменными делами, и был так же щедро награждаем; а однажды молодёжь, чиновники, в то время как здесь проезжал ген(ерал) — губ(ернатор) Муравьёв, подпоили старика, отца Ваганова, угощал и он их взаимно шампанским, но, когда он заснул, склонясь на столе, они возьми, да и припечатай его бороду к столу сургучом, а он, как для раскольников лишение бороды равносильно лишению головы, то он пробудясь, в квартире однаго из чиновников, бороды отодрать не мог. И сидел до тех пор, пока по его приглашению не прибыла полиция и стряпчий в удовольствие его постановили протокол, для чего к Ваганову приглашён был и я;
Л. 106 бороду отрезали, Ваганова я // взял домой, чтобы сочинять к Муравьёву тотчас же просьбу. Все испугались, прибежали ко мне, я долго убеждал Ваганова, а так как у него голова трещала с похмелья, то по требованию его была подана водка. Нарочито приглашён был и стряпчий, по просьбе чиновников уверивший, что Муравьёв проживёт здесь трое суток; когда подпил порядочно пострадавший, то и чиновники вышли к нему; он их давай ругать, несмотря на их просьбы о прощении, а те засвидетельствовали о словах, что они взяточники, мошейники и грабители — вот только это обстоятельство и помогло к заключению мира; зато, проводивши генерала в тот же день, все на радостях пьянствовали чуть не двое суток на счёт Ваганова.

По запамятованию пропустил я сказать о наводнении (18)48 года. Поход Енисея был поздний, и именно мая 6 числа Енисей внизу спёрло, вода поднялась, под собором затопило все дома; но так как накануне для рыболовья отправились купцы Рижсков *(Рыжков)*, Попов и ещё кое-кто; остров Телячий, на котором они находились, был завален льдом и затоплен, несчастным угрожала погибель;
утром собрался на берег весь // город: помочь никак *Л. 106 об.*
невозможно; вызвались трое смельчаков, спрашивая разрешение Падалки, но он, видя явную опасность, сказал, как им угодно; и только лишь стали перебрасывать тёс и отойдя от берега сажень на 50, как весь народ закричал, что Енисей пошёл; спасатели не струсили, стали перекладывать доски назад, что было и удобно, потому что масса льда была густая, сплочена; наконец, ими за собором, уже в протоке, брошены были веревки и багры – все трое спасены, а находившихся на осторову сняли уже вечером, когда лёд стал редеть. Удивлению достойно то, что Енисей тронулся во время молебствия в соборе о спасении погибающих.

Во время неурожая с (18)38[127] по (18)43 год была страшная засуха, а размножившаяся масса кобылки не то что все посевы истребляла, но даже сожрала всю крапиву и дикую траву, а во время молебствия на поле облепляла народ и истригала платье, но Господь и тут помиловал; после молебствия в один жаркий день из тучи поднялась ужасная буря, всю кобылку из поля и из города
Л. 107 // снесло в Енисей и волнами прибивало на берег, которую начальство распорядилось на берегу сжигать громадными кучами; вся эта масса, когда летела в воду, то положительно заслонила солнце, и был мрак. Купаться было невозможно.

В (18)59 году городское общество, желало меня выбрать в городск(ую) службу, это было в мае, но Нацвалов, переговорив с тузами, воспрепятствовал, а когда он уехал в Москву, то гор(одской) гол(ова) Алексей Мих(айлович) Кабаков всё-таки настоял меня выбрать, и когда Нацвалов возвратился, то удивился и вознегодовал, что я буду сидеть с ним рядом заседателем, но я ему и тут, где требовалась справедливая защита, не уступал, зная, что он меня изгнать не может, а большая часть общества была против него. Во время служения с ним разбирался один уголовный процесс о рождении одной девушкой младенца и брошении его при помощи родной ея бабушки в отхожее место. Сколько у нас было споров по этому делу, пыль до потолка; я насколько возможно, защищал, а Мих(аил) Ив(анович) обвинял. Я говорю, что у вас дети, и у меня дети,
Л. 107 об. // всё может быть и с нами; за девушку он согласился со мной, а старуху в тюрьму да и только; и благодаря только помощи губернаторши Ел(ены) В(ильгельмовны) Падалко, Нацва(лов) согласился произнести оправдательный приговор и, однажды, приходя от губернаторши, заметил мне: «Это всё Ваши проделки». Я спокойно перенёс и это, поддержать меня было некому, секретарь не смел ему слова сказать, и другой заседатель — тоже.

Другой процесс, много наделавший шуму, был такого роду: городской голова, миллионер Щ(еголе)в на пожаре обругал и грозил отколотить палкою одного казачьяго офицера; я защищал, а Н(ацвало)в обвинял и упёрся на одном: чтобы Щ(еголе)ва оставить в сильном и явном подозрении; дело по большинству голосов членами Окружнаго суда было решено по моему мнению. Н(ацвало)в долго на меня за это сердился.

В (18)60-м году я где-то покушал паюсной икры, со мною сделалось сильное воспаление лёгких и я, через великую силу, по приглашению пристава согласился обыскать один дом еврейки по подозрению в сохранности краденых вещей. В доме ничего не нашли, в амбаре не обыскивали, потому что он
был запечатан на еврейскую // Пасху[128] раввином, *Л. 108*
так что обыск в амбаре отложили до после Пасхи. Назавтра, чувствуя себя довольно худо, я пригласил доктора Жилкина; пристав заявился с протоколом обыска и, поверив словам пристава (я протокола читать был не в силах), подписал его, как равно подписали ещё до меня и понятые, но спустя года через два, чиновник особых поручений Лаврентьев требует меня повесткой в качестве подсудимаго (в этой болезни я пролежал около 2-х м(есяц)ев), а когда я, не читавши, подписывал протокол, был у меня в то время навестить почёт(ный) гражд(анин) Алекс(ей) Ефим(ович) Яковлев[129] Лаврентьев первеее всего спрашивает меня: «Вы, — говорит, — были при обыске в амбаре и что нашли?», я сказал отрицательно, «А это, — показывает протокол, — вы подписывали?», я сказал утвердительно; «Но ведь в протоколе, — говорит, — прочитайте, написано, что по обыску в амбаре ничего подозрительнаго не оказалось, между тем, краденный, на лисьем меху, солоп ока-

зался перешитым уже на жене пристава»; я сильно испугался, да и было чего бояться, потому что подлог в судебном акте, подписанным должностным лицом, мною. Понятые, спрошенные порозь, Л. 108 об. вслед за // мною, показали так же, как и я, Яковлев ссылку мою подтвердил под присягой, Лав(рент)ев меня успокоил, что если бы — де вы сказали, что обыск был при вас и ничего не оказалось, ну тогда уж извините, а то я сказал всё откровенно с самого начала, как что было; пристава осудили в Якутскую область, а обо мне Сенат не только ничего не сказал, но даже показание моё рассматривал как показание свидетеля, а не должностнаго лица, и в этом случае милость Божия ко мне не оскудела, и Господь отвратил злая от врагов моих.

Ещё замечательный случай моей мнимой подсудности. Купцам Комаровым из Иркутска чиновница Зубовская везла с собою 50 кирпичей чаю, но их дорогой растратила, и по доброте Комаровых дала им расписку в платеже денег с чем-то 60 руб(лей). Я, как постоянно бывавший в доме Комаровых и ими ранее облагодетельствованный, подписал росписку, что был свидетелем при даче ея, а купеческий сын Василий Суриков, по безграмотству Зуб(овск)ой и личной ея просьбе, роспи-Л. 109 ску подписал; когда же по платежу денег // они расписку представили ко взысканию, то Зубовская подала от себя отзыв и, подписав его якобы собственноручно, отозвалась, что расписка поэтому фальшивая. Губ(ернское) правление, в виду такого отзыва, поручило полиции произвести уголовное следствие; частный пристав Волкович, человек честный и справедливый, требует от меня ответа, и меня Бог вразумил сказать так, что подписанный Зубовскою отзыв тоже фальшив, слова «Парасковья Зубовская» написаны по карандашу, а это может сделать неграмотный 6-ти — лет ребенок, поэтому я просил, пригласив стряпчаго, депутатов с моей и с Зубовской стороны и самоё её, чтобы она в присутствии всех подписала, по крайней мере, своё имя и фамилию; но она, сколько ей не внушали писать, хотя по буквам и отдельно, наконец, при всех усилиях своих подписать не могла, и, даже по трясению руки, не могла подписать букв по карандашу, нарочно их приготовленных. Наконец, во лжи созналась, что подписал отзыв муж // Л. 109 об. ея и в этом случае, по слову Свящ(енного) писания «восстающие на мя до постыдятся, раб же Твой возвеселится», Зубовская на коленях упрашивала при нашем и Комаровых на то согласие покончить дело миром, но пристав не согласился, и я же убедил его только в том, чтобы переслать дело в Городовой суд, обещаясь там его направить и, в самом деле, когда закон в уставе торговом гласит, что безнадежныя долги купцов может скащивать, исключая из торговых книг, я так и настроил Комаровых в этом смысле подать в суд прошение; таким порядком дело и закончено, и «волки сыты, и овцы остались целы».

В (18)61 г. я, по распоряжению и(сполняющего) д(олжность), губ(ернато)ра Ив(ана) Гр(игорьевича) Родюкова[130] был назначен депутатом при следствиях: 1) об убийстве в дер(евне) Ибрюльской мужа и жены поселенцев Ольги и Леонтия Авчуговых и 2) о скрытии товаров умершаго купца К. Крутова и о злоупотреблениях по этому делу заседателя Бор(щ)ева. По первому следствию преступники открыты благодаря практическим познаниям исправника Анд(рея) Ив(ановича) Зыбина, // заседателя Л. 110 Вещинского, жандармского Борщева, которые все, очевидно, изумились знанию мною порядка и законов, которым я содействовал следователям при открытии преступников, а когда их заковали в ручныя и ножные, то я, зная закон, что в подобных случаях подкладывается сукно, то было так и сделано; много было в этом деле и моей помощи, но я теперь всех не упомню; и чтобы за всё это меня возблагодарить, следователи уговорились ехать в поле; это было в мае, хотя я и отнекивался, сидя в своей квартире, но комиссия во главе исправника вся пришла ко мне, упросили; я с ними поехал и, выпив три рюмки, кажется, хересу или мадеры, увеселял их и их семейства, пел песни, но больше не пил «хоть зарежьте, я больше, — говорю, — не буду» и, по милости А. Н. Кречетовой, которая сама уже упросила ямщика, уехал в дер(евню) Заледееву в квартиру и лёг спать; но утром часу в 5-м, вся комиссия заявляется ко мне со стряпчим Александровым, у меня угощать было нечем, и я послал находившагося со Л. 110 об. // мной старосту занять у заседателя бут(ылку) мадеры, которую и распотчивал, выпроводил гостей с тем, что «Господа, — говорю, — утром в 9 ч(асов) присутствие наше надо открывать, потому что востребовано для допросу из деревни человек до 100 разнаго народу, а теперь время рабочее». Они посмеялись и ушли, а я, напившись чаю, в 9 ч(асов) являюсь в камеру заседателя, нахожу одних писцов. Заседателя по моему настоянию разбудили, исправника — ни голова, ни члены волостные, собравшиеся тут, будить боялись; пошёл я сам, постучал в дверь, спрашивает: «Кто тут?»; и сейчас отворил, извиняясь, что он долго заспался. К жандармскому же пошёл я сам тоже лично и, действительно, все члены поняли, что я имею какое-то будто бы на них влияние. Комиссия собралась около 10 часов, и засим всё вошло во свою колею. Помнятся мне при сём случае слова главного преступника Ломакина: «Вы, господа, думаете меня наказать кнутом, но этому никогда не бывать». И действительно, когда дело это поступило в Губ(ернский) суд в (18)62 г., то вышел манифест об освобождении от телеснаго наказания. Приговор был заменён каторжной работой, // но как частно впоследствии мне было извест- Л. 111 но, Ломакин из каторжной работы бежал в ночное время, одному моему знакомому торговцу И.Н.Т. попался со своими товарищами навстречу, вывели его на дорогу, кажется, за 3 кирп(ича) чаю, причём Ломакин сказал, что он пробирается в Россию, а на пути — де у него в Сибири схоронено самовар с золотыми полуимпериалами, ограбленными при убийстве Авчуговых.

По другому же следствию, генерал — губ(ернатором) Муравьёвым-Амурским для производства назначен был Модест Никол(аевич) Мысловский, стар(ший) чинов(ник) особ(ых) поруч(ений); мы следствие с ним производили что-то почти до году; много было с ним пререканий и споров, как в отношении заключения подсудимых в тюрьму, так и в отношении их допросов; причём помнится мне один выдающийся случай: следователь собрал свидетелей, желая их привести к присяге в квартире своей; я запротестовал, что где есть вблизи церковь, то по закону свидетели приводятся к присяге в церкви, при сём, по важности следствия, присутствовал жандармский полковник Борк[131], // и он тоже Л. 111 об. настаивал, чтобы в квартире. «Как угодно, — я говорю, — я предъявляю своё мнение», и этим очень задел их самолюбие. Во время разговоров докладывает человек, что впрашивается г(осподин) исправник Зыбин, когда он вышел в залу и поздоровавшись со всеми, в том числе и со мною, Мысловский

спрашивает: «Да, Вы знакомы с депутатом, разрешите, пожалуйста, Андр(ей) Ив(анович) наш спор» И обсказал ему о вышеизложенном; исправник взял 15 т(ом) св(ода) законов, открыл статью и показывает Мысловскому, а сей, последний, обращается ко мне: «Вы, депутат, выиграли, что же Вы не показали нам раньше закон?» Я отвечаю, что вы больше меня должны знать, я человек маленький; и с тех пор, то ли уж по рекомендации Зыбина, то ли по другому какому случаю, Мысловский стал обращаться со мною, как с другом: почти постоянно я у него пил чай и закусывал; так что когда он здесь женился и венчался в Торгашиной, духовное начальство его запротестовало, что священ(ник) венчал без достаточных документов, и я тут помог ему советом, чтобы не сильно трусить, потому что ожидаемый сюда ген(ерал) Муравьёв, по просьбе Мысловского, может дать сколько угодно оправдательных // документов. Л. 112 Благосклонность Мысловского ко мне я вижу из того, что он искренне желал ходатайствовать перед графом Амурским об определении меня в коронную службу, говоря, что «у Вас дети, которым Вы сделаете этим большое благодеяние», но я и это ходатайство отклонил под тем предлогом, что родился — де мужиком и умру таковым же. Да и пресса утверждает, что мы все скоро будем гражданами, чиновничества не будет. Захохотав, Мысловский сказал: «Когда это ещё будет! А Вы всё-таки, будете чиновником и умрёте таковым»; и когда приехал сюда ожидавшийся граф Амурский, то Мысловский, намереваясь пойти к нему, ещё надпомнил мне: «Давайте, — говорит, — руку мне о Вашем согласии»; я наотрез отказался, и при сём заметил ему, что он идёт к графу не в мундире, а в простом пиджаке; он на это говорит: «Граф на нас не гневается». Когда ушёл М(ысловск)ий, я, прождав его до 3-х ч(асов) дня, пошёл обедать. В 7 ч(асов) вечера прихожу, его ещё нет, он обедал у графа, когда возвратился, то ещё попенял мне: «Граф, — говорит, — был в весёлом расположении, и только бы скажи ему об Вас одно слово, он велел // бы тотчас принять надлежащия Л. 112 об. меры». Кажется, М(ысловс)кий благоволил мне более за то, что я присоветовал ему просить графа при проезде через Томск, просить архиерея случай о свадьбе и о преследовании священника оставить без последствий, что, по ходу дела, должно предполагать, так и состоялось. Когда же следствие нами было кончено, то М(ысловск)ий дал мне такой похвальный аттестат, что я и не думал. А Зыбин обещал дать мне богатую Яловскую[132] волость и быть в ней писарем, я отказался, что писарем быть неспособен ни по характеру, ни по повадкам моим*. А узнав я впоследствии, что М(ысловск)ий из Иркутска проезжает в Россию, хотя и заходил в гостиницу, но уже его не застал, он переменил лошадей и тотчас ускакал.

В (18)59 году у меня померла тетушка, Дарья Андреевна июля 30 числа; она была добродетельная старушка и много помогала Аг(афье) Ив(ановне) в воспитании малолетних детей, одним словом, при всём горестном нашем в то время положении, она, Царство ей небесное, была постоянная и непритворная наша сопутница и наставница; как старушка практичная, прожившая почти весь свой век в бедном, но честном состоянии, просила меня // поминать её в молитвах, что я испол- Л. 113 няю и по сей день. На похороны она оставила три

* Предшествующее предложение вымарано автором, а над строками вписано со слов «А Зыбин»

золотых, скопленные тяжёлым трудом, во время страды, наймовавшись для уборки хлеба.

Марта 23, (18)51 года померла крёстная моя и тётушка, девица Мария Фёдоровна, тоже богобоязненная и начитанная старушка, отемневшая ещё в (18)45 году от горячки, от которой и я тогда чуть не помер, но перед кончиною своею за 1/4 часа она прозрела и сказала Аг(афье) Ив(ановне) ей тотчас подать детей, увидать их и благословить их в последний раз; я же в то время спал, и жена, второпях, меня разбудить не успела; после кончины тетушки Дарьи, через неделю, похоронил я сына Николая 3-х лет, умершаго от скарлатины.

В (18)61 году лишился сына Александра 10-ти лет, умершаго накануне дня своего ангела, т. е. 13 марта и приготовившаго себе платье, во что его положить; он помер от тяжких страданий внутренней болезни, полагать должно, что ещё маленьким чем-либо надсадился.

В (18)62 г. лишился дочери Алефтины 4-х лет, умершей от скарлатины, а в (18)63 г. Богу угод- Л. 113 об. но было лишить // меня сына и Василия 6 лет; думаю, Господи, всё это за грехи мои, а может, и испытание: не поколеблюсь ли я в вере; при кончине же Линочки, я, действительно, измышлял дерзкия выражения, в которых слёзно и раскаялся духовнику своему. Почему в (18)73 г., жена моя, А(гафья) И(вановна) и дала обет Богу съездить на поклонение Св. Иннокентию в Иркутск, что и исполнила при помощи Божией

В (18)62 году, а может быть и ранее, я познакомился с одним почтеннейшим одесским почётным гражданином Ильёю Яковлевичем Новиковым, годов 30, молодым человеком, холостым, но примерной нравственности; он по добровольной резолюции отца за грубости сослан был им на Сахалин; отец, как богатый человек, выслал ему на содержание небольшие деньги; потом переведён он был в Иркутск, а наконец, и в Красноярск, где отец, снисходя по положению, окончательно простил его и поручил торговлю чаями; хаживали мы друг к другу часто; в воскресные и праздничные дни он — постоянный посетитель церкви, враг вина, начитанный, словом, вполне образованный господин. Однажды на Маслянице, в пятницу, 8 числа февраля 1862 года, // я пригласил вечером (о, чудо! Л. 114 Воспоминание об этом 9 февраля 1897 г.)* его пить чай; человек пяток гостей ко мне уже собралось, благовест ко всенощной. Приходит Илья Яковлевич и, не снимая в прихожей пальто: «Слышите, — говорит, — ведь уже зовут, а вы пустословно празднуете Масляницу», я приглашаю на чай, а он своё; я говорю ему: «У меня головокружение, не могу стоять в церкви»; «Вздор, — говорит, — Святитель поможет, стыдитесь, — говорит, — Вы семьянин, забываете величие праздника, за что Вас Святитель накажет ещё больше». Я волей-неволей должен оставить чай и с ним идти в церковь; признаюсь, едва отстоял. Ил(ья) Як(овлевич) утверждает, что это смущает меня враг, так как я забыл наставления о. Петра; назавтра приказывает быть готовым к началу благовеста — я подчинился и этому, взяв с собою детей, и только выхожу из ворот, а И(лья) Я(ковлевич) уже тут; и, таким образом, память его велика для меня тем, что я по наставлению его и до сих пор во все праздничные дни

* Предложение в скобках вписано на правом поле.

говею и отправляюсь к обедни ранее, дабы во время Св. Проскомидии помянуть за упокой и за здравие как усопших отца и братий наших, так и находя- *Л. 114 об.* щихся в живности детей и сродников. // Ил(ья) Я(ковлевич) возвратился отсюда к отцу в (18)65 году, и хотя ему в том же году я писал письмо, но оно за смертию его мне возвращено. Остается теперь мне поминать его как истиннаго христианина и доброжелателя семейнаго счастия. Помнится мне ещё один случай: он хотел спасти от погибели одну падшую девицу, ныне уже покойную, и для слушания ея назидательных поучений пригласил и меня, выпросив для этого у отца кафедрального Касьянова «Четии-минеи — жития Св. Отцов» Читая жития, напр(имер), великомуч(енниц) Евдокии, Марии Египетской) и других св(ятых) жён, женщина эта повиновалась и являлась аккуратно в назначенное время; сперва мы слушали, признаться, едва удерживаясь от смеха, но потом, местами, слушали уже со вниманием, и что же, всё это на неё так подействовало, что хотя года через два она порок свой оставила, но вышла замуж за умнаго и высокообразованаго господина, бывшаго безбожником, но и того направила на путь истинный, так что и он, бывало, не пропустит ни одного *Л. 115* воскреснаго // и праздничнаго дня, чтобы не быть у обедни. Впоследствии она по христ(итанскому) напутствовании померла, но при посещении моём во время ея болезни искренне раскаивалась в своих прегрешениях, и даже всенародно в острожной церкви, будучи ещё здоровой, обличала себя громогласно так, что многия арестанты, собравшиеся для исповеди же, вышли, чтобы не слушать громкаго исповедования грехов кающейся. Завещала мне за Илью Як(овлевича) всегда молиться Богу. По инициативе его же, Ильи Як(овлеви)ча, у нас составилось общество трезвости из 12 человек, с обязательством наблюдать друг за другом и добровольно штрафовать в пользу церкви до 10 рублей. Занятием же нашим были карты, играли в так называемые «полетайки» или польския «дурачки», конечно, без денег, а в наказание, кто проиграет 13 раз, то представлено было всем и каждому обличать виновнаго во всех известных его поступках, который должен переносить всё это молчаливо, под опасением изгнания из членов общества, что беспрекословно исполнялось. И если какой член не бывал почему — либо на картах, то посылали // об двух или трёх из своих же удостоверяться. *Л. 115 об.* В настоящее время из членов этого общества осталось только три: я, Ив(ан) Як(овлевич) Ростовых и Макс(им) Алексеев(ич) Новоселов, остальные* все примерли. Из сверстников же моих, с коими я учился, находятся в живности только по сие время (30 августа 1890 г.) Иван Петрович Делеткевич, Гаврило Фёдорович Колегов (он помер 30 января 1897 г.), Пётр Иванович Суханов и Дмитрий Михайлович Гаврилов — всё ещё бодрыя старики; а как нас в училище били и драли, это была сущая инквизиция, доказательством чего представляю одного слабаго по арифметике Павла Петровича Гармакова, который со мною учился с 1830 года, котораго так забили, что он в 1840 г. помешался и был слабоумен, почерк его был весьма красив, но ошибки на всяком почти слове; сначала он будто бы был рассеян и не помнил, что писал, а впоследствии всё страдал головными // припадками, *Л. 116* и ни к какому занятию был неспособен и, не дожив до старости, помер в 1850 годах; добрыми и гуманными учителями были только два: Андрей Власье-

* Далее идёт текст рукой автора воспоминаний.

вич Безрядов и Антон Климович Мошкин, Царство им небесное; они только двое направляли и меня духом кротости, и высшею мерою наказания было только поставлять на колени на 1/2 часа*.

В 1862 г, осенью, в сентябре м(еся)це, но котораго числа не упомню, я видел сон: икону Св. Николая, ту самую, которая в Покровской церкви у левого алтаря, но в грозном виде; что-то сей Святитель мне надпоминал, но слов теперь не упомню; проснувшись со страхом и трепетом, и вспомнил, что во время производства дела о выкраденном у меня деле Токаревых, помнится мне, что я обещан был, за спасение меня, отслужить молебен, но в суетах своих так и забыл. И, помятуя страшное наказание за неисполнение обетов, я в 6 ч(асов) утра, не пивши чаю, отправился в Покровскую церковь *Л. 116 об.* и с радостию отслужил Святителю // по окончании заутрени благодарственный молебен, причём, о. Григорий Климовский дал мне обязательное наставление, чтобы подобных обетов не забывать; а в (18)63 году 9 мая в день Св. Николая совершилось чудо его над несчастною девушкою — сиротой, кажется, Песеговой, квартировавшей в Качинской слободе, которая, идя по мосткам через Качу, упала в воду и перенята была у Красного яра уже бездыханною; дали знать полиции, а между тем, жители слободки, собравшись во многом числе, стали её на войлоках качать, но труды были безуспешны, и хотя доктор и полиция приказывали положить её на землю, но народ не послушался, и стали продолжать своё дело, говоря, что Св. Николай поможет умершую воскресить; спустя некоторое время у девушки из носу пошла кровь, а самоё — стало рвать. Жизнь ея воскресла, оставалось только успокоить её; домашние обрадовались и с рыданиями благодарили Святителя.

Имея непреодолимое желание в Акафистах Божией Матери «Утоли моя печали», Св. Николая и Иннокентия и Великомуч(еника) Пантелеймона // и Успения Божией Матери, а равно желал *Л. 117* иметь и Св. иконы великомученика Пантелеймона и Св. Варвары, которых здесь во всём городе не было, а писать о присылке их я не знал, куда, но которыя получил следующим чудесным образом. Сидя, однажды, в лавке у Стахеевых, доверенный которых Николай Ипполитович Ворожцов при мне же сейчас получил с почты посылку и стал раскупоривать, оказалось — священныя книги. Я спрашиваю «Нет ли тут таких-то Акафистов?»; «Есть» — отвечает; и отобрал Акафист Божией Матери, Св. Николая, а Скорбящей Бож(ией) Мат(ери) дал свой; я чрезвычайно обрадовался этому, и, заплатив деньги, дал себе твёрдое обещание каждонедельно в назначенные дни заниматься их чтением, что и исполнял до дня пожара 17 апреля (18)81 г., в который от жару, и дыму, и слёз зрение стало слабее, и я намерение своё отложил; желаемые иконы Великому(ченика) Пантелеймона, Великому(ченицы) Варвары, я получил таким же чудесным образом. Однажды приходит богоугодная вдовица Феврония // Александ(ровна) Брюшкова *Л. 117 об.* и предлагает купить принесённую ею, как будто бы по заказу, икону Св. Пантелеймона; я с радостию, не говоря о цене, выдал ей деньги — три рубля; икону же Св. Варвары привёз мне из Киева, ездивший из Сибири на родину чиновник, Леон Михайлович Савицкий (римско-католич(еского) исповедания). Он привёз несколько разных икон резных по ки-

* Далее идёт текст рукой переписчика.

парису слепым 80-летним Киево-Печёрской лавры старцем; «Вот, — говорит, — выбирайте себе, какую Вам угодно». Я как увидал желанную икону, он сейчас же мне её и выдал, не взяв нисколько денег; «А я, — говорит, — дарю её Вам на память обо мне». Икона эта, весьма изящной и мелкой работы, сохранилась у меня от пожара, и, как святыня, находится и в настоящее время, а желанный Акафист получен был мною так: однажды сидел я у одного верующаго господина и вижу: на полу разбросано несколько священ(ных) книг, оставшихся после смерти богобоязненной матери его, при сём я ужаснулся, «Что Вы, — я говорю, это делаете? Продайте мне их»; «Возьмите их, я хотел же их выбросить», обдало меня ужасом; и отобрал простреляннные // дробью или истыканныя большим гвоздем, отобранныя мною Акафисты Св. Великомуч(енницы) Варвары и Успение Бож(ией) Матери. В грешных молитвах своих имя жертвователя этих книг я поминаю за упокой и до сего дня; но вера моя в чудеса и скорыя искупления, происходящие от иконы Св. Великомучен(ика) Пантелеймона, сильно усовершенствовалась с ноября 1870 г. по следующему случаю: прихожу раз ко всеношной в старый собор до благовесту, народу никого не было, один только староста, да два трапезника, да горят у икон неугасимыя лампады, при свете коих я заметил новую икону. Староста сейчас зажёг свечку и показывает, что вот — де мы сегодня получили икону Великомученика Пантелеймона и его страданий, которая и сейчас находится на левой руке Димитриевскаго предела; она подарена боголюбивой страдалицею купчихой Феоктистой Никифоровной Ошаровой; икона эта отличной живописи; я, присмотревшись, вспомнил, что назад тому года три, я брал у одной боголюбивой старушки читать Акафист и о чудесах

Л. 118

Св. Пантелеймона; Акафист — то в то время прочитал, // а книгу о чудесах и исцелениях только до половины и возвратил эти книги старушке, отъезжавшей из городу на житьё в деревню; при этом пожелал во чтобы то ни стало выписать сии книги и прочитать их; каково же было моё удивление, когда я возвратился от всеношной и, рассказывая о виденном мною домашним, то они сказали, что старушка какие то книги без меня привезла вечером; вижу — в кабинете лежат эти книги на столе, я обрадовался и испугался такой скорой заботливости угодника Божия, в чудеса и исцеления котораго с тех пор верую уже непреложно. Много было Его чудес и исцелений ко мне, чадам и домочадцам: как, например, теперь припоминаю, в (18)79 году в генваре, Анюта, дочь, заболела опасно дифферитом и, хотя доктор успокаивал, что, если пройдет нарыв в горле, то будет жива; однако ж больная сильно мучилась, возложена была на неё икона, а между тем священ(ник) исповедовал и приобщил Св. тайне; больная вскоре заснула и, проснувшись, чувствовала себя совершенно здоровой, ибо нарыв прорвало нечувствительно во время сна больной; когда же я в 1874 году // сильно страдал болезнью в ногах, лёжа на кровати несколько месяцев, и никакая медицинская помощь не помогала, то читал каждую среду Акафист Св. Угоднику, возложа икону на подушку в коленях и получил, хотя нескорое, исцеление; много и премного было над нами иссуплений по молитвам Праведнаго, и хотя я вёл всему этому перечень, сообщив даже об нём и на Св. Афоне, но этот перечень сгорел; однако ж, во всех болезнях и скорбях я и поныне прибегаю, прежде всего, с молитвою к Угоднику Божию, и желаемое всегда получаем.

Л. 118 об.

Л. 119

С 17 на 18 июля 1862 года, в самое жаркое время, ночью во дворе дома Щеголева вспыхнул пожар, угрожавший от распространившагося пламени всему городу; сгорело, однако ж, 15 строений и, как только отслужили молебен перед вынесенною к месту пожара иконою Иверской Божией Матери, то вдруг из маленькой тучи пролил сильный и обильный дождь, которым // хотя пламя и не залило, но зато окружавшиеся постройки были спасены. Пожар залит окончательно назавтра, 18 июля, в память чего постоянно до (18)82 г. в Покровской церкви совершалась торжественно служба всеношной и литургии, а мы с Аг(афьей) Ив(ановной) дали перед Богом обет за спасение от погибели пожаром, какие бы недосуги не были, бывать у всеношной и у обедни и 18 июля вкушать постную пищу. Во время этого пожару произошёл странный случай. Некто самостоятельный гражданин Власьевский, о котором мы писали выше, на террасе, у лавки дома — ныне Гусева, коленопреклонно молился, но идёт какой-то господин, куря папиросу; он сейчас вырвал у него из рук папиросу: «Вас, — говорит, — поджигателей, в огонь нужно живьём бросать»; к счастию, что этот господин скоро скрылся, наделав много дерзостей, а то народная чернь оттузила бы его, чтобы он впредь, в подобных случаях, несчастным зрелищем не развлекался. Аще же Господь сохранит град всуе бде стрегии. С верою приемлем, что вся суть от Бога*.
// Забыл я ещё написать о землятрясении, бывшем 30 мая (18)58 г, дни стояли жаркие, а так как накануне я был имянинник и пропировал с гостями до утра, то проспав до 2-го часу дня на полу в кабинете, только слышу, что в стоявшем около меня

Л. 119 об.

Л. 120

* Обе выдержки из псалмов вписаны в текст автором.

шкафе посуда вся шевелится и брякает; я думал, что кто-то пошёл в шкаф за посудой, но никого не было, будучи объят страхом, я встал и понял, что это значит, посуда поколебалась минуты три, и всё затихло. Какая была после этого температура, не припомню, но после слышно было, что землятрясение происходило только в этом краю, было и в той половине города, но моментальное, так что я в совете слышал, что губ(ернато)р Падалко, занимаясь в присутствии, вдруг соскочил с кресел, спрашивая: «Что это такое?»; но, помнится, что было оно и в (18)68 г,, коим повредило у Казённой палаты каменныя колонны.

26 июля (18)65 года Аг(афья) Ив(ановна) по неимению в то время у меня лошади ходила на новый базар пешком *(на Новобазарную площадь);* день был жаркий, базар // в то время уже существовал на новой площади; набрав, что нужно, мелочи, шла обратно пешком же. День был воскресный, я с детьми отправился к обедни, а от обедни зашёл к Ростовых пить чай, но прибегает стряпка и говорит, что с Аг(афьей) Ив(ановной) худо; мы бросились тотчас же домой, находим малых детей плачущих, а мать лежала на диване едва дышущая; с ней отваживался пришедший ко мне на чай от обедни наш член общества трезвости Иван Фёдоров(ич) Ложников; без сюртука, с засученными рукавами сорочки, и рассказывает, что когда стряпуха, в испуге, отворила дверь ему, то он, видя умирающую, сейчас же потребовал щётки и нет ли, говорит, «микс капель», которых я, по какому то предчувствию, купил накануне у Кабакова в лавке и, уже не до приличия, давай оттирать подошвы и грудь, а стряпке велел к голове приложить холодную примочку; за доктором послать было неко-

Л. 120 об.

го, а когда я прибежал, то ту же минуту обратился к квартировавшему недалеко докт(ору) Можарову, *Л. 121* // который дал успокоительное, говоря, что это был припадок от солнечнаго удара, и если бы не случился на этот раз посланный Богом Ив(ан) Фёд(орович), то она могла помереть; при докторе она стала дышать свободнее, а к вечеру рассказала слабо, что помнит только то, когда на обратный путь с базару поверсталась с домом Куркутова, что ныне Емельянова и, подав шедшим двум арестантам с гауптвахты за водою сколько-то денег, как шла и дошла домой — ничего не помнит; по этой новой милости Божией служили мы Царице Небесной молебен.

В том же (18)65 г., осенью, пропало у меня портмоне с деньгами 45 руб(лей) и векселями на 4500 р(ублей), да расписка на 90 р(ублей), данных моим доверителем разным лицам, к счастию, что документы были без бланковых надписей, должники векселя мне переписали, а по расписке 90 р(ублей) пробирьер Вершинин запёрся, которую требовал и, «тогда, — говорит, — заплачу деньги»; но в каком опасном положении была жизнь моя, видно из следующаго: бумажник я имел обыкновение, *Л. 121 об.* когда ложился днём отдыхать, класть // на диване за кочму, и, лишь только проснулся, то выдал три рубля занимавшемуся у меня письмоводством В(асилию) Я(ковлевичу) Ростовых; портмоне положил опять туда же, и с ним пошли в другую комнату пить вечерний чай; после чаю стал одеваться и, желая положить портмоне в карман сюртука — его не стало; дверь была не закрючена; со мной чуть не сделался удар, хорошо, что жена догадалась тотчас же дать мне глоток водки, поставив к шее горчишник, а к голове — холодную примочку; между тем, все успокаивали меня, что будто бы «отняли, — говорят, — во дворе у бежавшаго вора, все цело», а в сущности ничего не было.

Часа через два, когда я успокоился, послал за приставом, он был хороший сыщик, но только просил сто руб(лей). Я бы ему и дал, но так как при дознании должны были замешаться такия личности, которых мне не хотелось вводить в дело, а девочка горничная жила без паспорта, то я это дело и представил воле Божией и выдал векселедателям от себя особыя росписки // в том, что деньги *Л. 122* по краденым векселям с них получил, а они, давая векселя, заём учинили якобы вновь. Вершинин вскоре помер. Главное подозрение было на домашних моих, о которых я упоминать не буду, и на портнаго, которому я, за два дня до покражи, на виду его выдавал деньги за работу и при нём же портмоне клал в известное место, а он мне заметил, что как вы свободно держите деньги. Что-то ещё нужно было сработать для детей; я ему велел прийти после, вечером, в тот же день, когда учинена покража; может быть, он и был, не слыхали, потому что звонка у дверей не было, да, если бы его и встретили с покражей, то он, как хорошо знакомый, мог сказать, что пошутил. И с тех пор, как постоянно работавший ранее на меня, никогда уже не приходил.

В мае (18)68 г. проезжал через Красноярск камчатский архиепис(коп) Иннокентий[133], определённый в Москву митрополитом; народу встречало множество; остановился // в архиерейском *Л. 122 об.* доме у епископа Никодима. А до какой же степени преосвященный Никодим был самостоятелен и свободословен, видно из прилагаемой при сём проповеди его 29 марта 1863 г., да к тому же, говорили, из консисторских, что, бывало, рапорт в Синод перемарает, и снова напишет на поле своё. Ему докладывают: «Что переписать прикажите?» «Нет, — говорит, — батинька (его поговорка), не надо переписывать; где рука тут, — говорит, — и голова, пускай идёт бумага так, как она исправлена». За что его, конечно, в Синоде недолюбливали и обходили наградами. Он велел один раз протодьякон(ше), чтоб она отошла подальше (была одета в соблазнительном виде), что и было исполнено. Он велел заложить окна в храмах, которыя на восток: «Ходят, — говорит, — соблазнительския люди, смеются, курят в ограде во время совершения таинства». Никодим помер в Москве на покое; велел себя положить в священническия одежды, но митрополит Филарет велел переодеть его в архиерейское облачение, что и было исполнено. Всё при жизни раздавал бедной братии, и доходило до того, что с келейником у них не было ни чаю, ни сахару*.

Кротость и милосердие Иннокентия видно из следующаго: у меня в(о) флигеле квартировал сват его из священников Благовещенской церкви г. Иркутска Иван Иван(ович) Петелин с женою его Ан(ной) Иван(овной), он, как слышно было, судился за сокрытие под престолом дорогих краденых вещей, принимавшихся женою его от мошейников и не объявивший полиции из расположения к жене. Лишён был прав состояния, а здесь уже из поселенцев, причислившийся в мещане и занимавшийся у мещанскаго старосты, а в церкви Благовещения иногда и за причётника; старик был хороший; когда митрополит, благословив и отпустив народ и духовенство, обратился к полиц(мейсте)ру с просьбою, не знает ли он здесь означеннаго Ив(ана) Ив(ановича), то попросить его побывать к нему, митрополиту. Ив(ан) Ив(анови)ч, сперва было, упирался, что ему идти и стыдно, и страшно, но я уговорил его; трогательная была сцена свидания старцев. Ив(ан) Ив(анович) поклонился владыке до // земли, стоя на коленях, горько за- *Л. 123* плакал о своём прегрешении, прося прощения; владыко сам заплакал, поднял его, благословив, обласкал, просил садиться, а, между тем, келейнику приказал никого к себе не принимать; говорили много о прошедшем и, просидев около часа времени, владыка наградил Ив(ана) Ив(ановича) щедро, благословив, отпустил с миром, убеждая, чтобы он не сокрушался, а надеялся на Божие милосердие; родство же их состояло в том, что за сыном Ив(ана) Ив(анови)ча была дочь бывшаго священника Иоанна Попова, а впоследствии митрополита; сын находился где-то в Камчатке же священником и аттестовался владыкою с отличной стороны.

В (18)68 году ноября 13 я ездил в Енисейск к хозяину Баландину А(лексею) С(афроновичу)[134], отвозил деньги, полученныя мною здесь — 76 тыс(яч); я поступил к Баландину в (18)63 году, и он меня облёк таким доверием, не зная меня лично, по слуху; когда я привёз деньги, то у Баландина было несколько человек гостей, и я не знал, к кому обратиться, кто из них хозяин, которому, // по ука- *Л. 123 об.* занию, отрекомендовавшись; хозяин был в восхищении и, обращаясь к гостям, сказал, что служим около 5лет, а друг друга до сего времени не знали. Я бы у Баландина служил до настоящаго времени,

* Со слов «А до какой же степени преосвященный Никодим» текст вписан на левом поле.

если бы меня не сбила И. С. Токарева, говоря, что это же жалование — 500 руб(лей), будет платить и она, так как по делам Ив(ана) Ив(ановича) Токарева я занимался уже с (18)59 года, прослужив 25 лет, да в то же время у Бал(анди)на — 23 года. Будучи с тем вместе и доверенным по делам городскаго общества с мая (18)68 года, прослужил 18 лет, но и от этой должности сбила она же ,Токарева, говоря, что она мне будет платить 1200 р(ублей) в год, а, прозанимавшись у ней 4 года, она мне, по наущению злых для меня людей, отказала, якобы по ограниченному её состоянию.

На пути в Енисейск с деньгами была за мною погоня, но хорошо, что со мною были двое дюжих спутников — Худяков и Панаев. Выстрелами из револьверов напугали мошейников, и они отстали. Будучи же в Ен(исейс)ке, я не позабыл и отслужил панихиду по старцу Даниле[135], во вре- *Л. 124* мя // службы спутники мои, бывшие тут же, сами не знали, об чём хохотали так, что свящ(енник) даже обратился и дал понять, что такия поступки при священнодействии непростительны. В бытность в Ен(исейс)ке, я посетил стараго учителя моего с (18)35 года, Андрея Власьевича Безрядова, увидавшись с ним через 30 с лишком лет. Он был учителем народнаго училища в Ен(исейс)ке, и когда узнал меня, то горько заплакал от радости, что Бог привёл видеться с таким дорогим учеником, а все прочие, хотя бы Хилков, бывавший каждогодно в Е(нисейск)е, не посетил ни разу. Я, взяв у Бал(анди)на 3 ф(унта) чаю, в память пожертвовал Андр(ею) Вл(асьевичу). Супруга его Аграф(ена) Ив(ановна) приняла меня тоже любезно, угощали чаем и закуской, чего Бог послал. Енисейцы все уважали Андрея Вл(асьеви)ча и, впоследствии по слабости его зрения, от города платили ему пенсию 100 руб(лей) в год. Помер он в глубокой старости в 1884 году. Память его для меня и сейчас священна, как добраго наставника.

И больше Енисейска, да Красноярскаго округа // по делам службы, я в жизнь свою никуда *Л. 124 об.* не выезжал, и даже на приглашение чиновника Мысловского ехать с ним в Каргино для производства следствия о товарах Крутова, отказался.

25 сентября (18)66 г. день был прекраснейший тихой; мы с А(гафьей) Ив(ановной) вздумали ехать к родным в Базаиху и погостить до завтра, желая переплыть на Базайском перевозе, но, не доезжая до саду, это было в часу 1-м дня, лошадь наша остановилась, чего с ней никогда не бывало, и при всём искусстве кучера, вперед — не идёт, а воротит назад домой; пробовали, отъехавши назад куртину, поворотить на Песочную улицу, а там мимо сада продолжать путь вперёд, но только сад проехали — опять встала, и хотя её встретившиеся мужички за узду подводили, но она уперлась, даже давай задними ногами лягать. Принуждены были, волей-неволей, возвратиться домой, и лошадь бежала спокойно, и только не успели дома выпречь её, как поднялась ужасная буря, бывшая // трое суток. *Л. 125* По расчёту времени эта буря нас настигла бы как раз на Енисее, но Господь и тут сохранил нас от всякой погибели.

Имея обыкновение вечерами прогуливаться, я 1 генваря (18)71 г., проходя дом отца Георгия Климовского, близ Покровской церкви, был внезапно остановлен из-за угла криком и шумом ехавших на паре лошадей в кошёвке, но, по счастию моему, попавших на тротуарный столбик, сломанный экипажем: дуга лопнула пополам; я сильно испугался и стремглав бросился в лавку свояка Туркина, от испугу упал на прилавок, вымолвив только «дайте, водки», выпив которой глоток, отошёл, и сказываю о случившемся; и успели только притворить двери лавки, как оглоблями лошади хватили так, что потряслось всё здание, но, если бы не задержал лошадей столбик, мне бы спасения не было — тут же бы меня измяли. С тех пор, проходя переулки, всегда наперёд прислушиваюсь и осмотрюсь, и тут Господь спас меня от погибели.

Ранее, забыл я сказать, о предшествовавших *Л. 125 об.* обстоятельствах, сопровождавших // несчастную судьбу сестёр моих — Елизаветы, выходившей замуж в (18)48 г за Чебакова, и Феоктисты, выходившей замуж за Залогу.

Первой, когда привезли приданое, туалет с зеркалом, то батюшка Мержевич, ехавший с зеркалом, дорогой разбил последнее по неосторожности, а когда сестру повезли к венцу, то впереди перед нею понесли на кладбище покойника. Феоктисты же, сестры, когда я взял ведро вина для свадьбы, то посланный, привезя его, в воротах разбил всё. Когда приехали от венца, то разбили банку с вареньем. Все гости как в том, так и в другом случае, ахнули, говоря, что дело неладно, но я этому ничему не верил, но впоследствии уже убедился, что жизнь их была разбита и злосчастна.

У сестры Елизаветы я весело пировал, будучи ещё холостяком, да и парень был по мне, хотя небогатый, но честный и трудолюбивый; но у сестры Феоктисты на свадьбе не был из-за опасения, чтобы меня не отравили, но иконою благословил, что чуть после, действительно, не сбылось*.

Еще несколько слов о епископе Никодиме. Когда мы с депутатом Яковлевым подавали ему лично просьбу о разрешении всенощных в старом соборе, то он, между протчим, заметил, что находящийся в соборной ограде памятник // адмиралу Рязанову *Л. 126* *(Резанову)*[136] неуместен, так как во время священнодействия любопытные зрители, стоя в шапках как раз перед окном, курят табак, разговаривают и громко хохочут; мы на это ответили преосвященному, что памятник по высочайшему повелению убрать нельзя, и не удобнее ли будет окно против престола заложить наглухо, что впоследствии преосвящённым и разрешено было. Во всех церквях окна, выходящие на восток, заложены кирпичом, так как свету от боковых окон достаточно. О покойном же Рязанове сохранилось следующее предание, что он помер в доме Родюкова и теперь находящемся на том же месте[137]. Земле не был предан в течение двух недель, потому что живописцы снимали с него портреты для отправки в Петербург, но тело усопшаго в продолжении этих 2-х недель никакому разложению не предавалось — лежал, как живой, и что в конце 20-х годов богобоязненная старушка просвирня Анна Васильевна Рачковская, жившая в соборном флигеле, неоднократно // видала и рас- *Л. 126 об.* сказывала о горевшей наверху памятника свече, что, по свидетельству старожилов, и доказывало о благочестивой жизни усопшаго. На этот памятник от американской компании, я слыхал, ассигновано было в начале (18)30-х годов 100 тыс(яч) руб(лей) ассигнациями[138], в память незабываемых

* Со слов «У сестры Елизаветы» текст вписан на левом поле.

заслуг адмирала, оказанных Отечеству, и что деньги сии поступили в распоряжение председателя Губ(ернского) правл(ения) Ив(ана) Ив(ановича) Галкина; стоит ли этой ценности памятник, я судить не могу, представляя это потомству.

Самостоятельность же епископа Никона была редкою чертою его характера. Бывало, говаривали его сослуживцы, поднесёшь ему набело переписанный рапорт в святейший Синод, он в нескольких местах то зачертит, то поправит, то напишет на полях и закрепит своею рукой, спросят: «Прикажете переписать», «Нет, — говорит — так и отправьте, чего может быть крепче моей руки и подписи»;
Л. 127 и ни одной бумаги // из Синода, зная его характер, не возвращали, но зато его обходили в повышении; или, бывало, по какому-нибудь бракоразводному делу он требует его для прочтения в подлиннике, секретарь докладывает, что это не будет ли соответствовать его сану, но владыко стоит на своём, говоря, что если архиерею нельзя, то судье можно, а судья и всякий не должен быть строптивым, а более милостивым. Дневник мой о его выдающихся событиях тоже сгорел. Никодим помер в Москве в синодальном доме, в бедности, завещав положить себя в священническия ризы, но митрополит Иннокентий, приехав служить заупокойную всенощную, распорядился переодеть его в архиерейское облачение. Тело было гибко, как у живаго, не испускало никакого запаху, похоронен с подобающею архиерейскою почестию.

А как меня научил покойный Ник(олай) Пет(рович) Токарев считать деньги и не ручаться
Л. 127 об. ни за кого, не имея своих // свободных средств, видно из следующаго; в (18)50-м году, когда он служил городским головой[139], а родственник мой, Лысков, займовая в Сиротском суде 300 р(ублей) до октября, попросил меня поручиться на срок; видя, что этот вексель уже подписали купцы Каратанов и Песегов, подмахнул и я; а когда наступил срок, то Токарев распорядился отправить его ко взысканию в полицию, последняя же тотчас обратилась к нам, поручителям; должника мы ожидали с часу на час, но он, служа по приискам в К^0 Горчакова, остановился на некоторое время в Енисейске; в этом ожидании и остальным поручителям платить не хотелось, а мне даже было и нечем; я и пошёл к Ток(аре)ву, как получавши от него 300 руб(лей) в год жалованья, но он такого нагнал на меня морозу, говоря, что отец оставил мне дом не для мотовства, и чтобы я не рассчитывал и на жалование его; «Пускай, — говорит, — полиция описывает дом, я знать ничего не хочу»; // одно только обстоя- Л. 128
тельство спасло меня от скандала, это именно, что я сказал приставу Гутовскому, что если он приступит к описи, то я, ревизуя поступающие в суд из полиции следственныя дела, буду возвращать их из-за каких-нибудь пустяков. Пристав приостановился, а между тем и должник, в половине октября приехав, начисто рассчитался; но Ток(аре)в всё-таки месяца два или три денег мне не платил, чтобы после, как я слышал, меня проучить; каковое время я и был, положительно, на пище Св. Антония.

Однажды приношу я из суда следовавшие Ток(арев)у по доверенности купца Нерпина, 100 или 150 полуимпериал(ов) — не упомню; он спрашивает «считал ли я их», и, получив отрицательный отзыв, стал пересчитывать, но как-то незаметно скрыл под листом бумаги один полуимпериал; обращает мне деньги и говорит: «Не все». Я испугался, возвращаюсь к казначею суда, тот
Л. 128 об. уверяет, что деньги были все, потому, что // более в шкатулке полуимпериалов не было. Выпросив в жалованье 5 руб(лей) 15 к(опеек) — стоимость полуимпериала, я иду к Токареву; он убедился моим положением, видя, что я чуть не плачу, вынул из-под листа полуимпер(иал) и, пересчитав, «теперь, — говорит, — всё». Но впредь, приказал, даже от отца роднаго денег без счёту не принимать, а в особенности, не передавать их в другую комнату без счёту. «Можно, — говорит, — безвинно пропасть и навсегда, при этих оплошностях. Года за два до кончины Ник(олая) Пет(ровича), я при случае ему об этом напоминал — это почти через 30 лет; посмеялся Ник(олай) Пет(рович) и заказал, чтобы впредь пользоваться опытностью стариков.

Однажды, и именно 14 июня (18)61 г, в воскресный день, посылает за мною сосед, купец Кабаков, которому я часто послуживал перепиской, и труд мой хорошо вознаграждался, вижу, у него сидит какой-то господин; К(абако)в рекомендует, что это минусинский купец Мих(аил) Ив(анович) Попов, дело у него с мачихой по наследству; самому ему проживаться здесь некогда, а нужно довереннаго в Гу-
Л. 129 бернский // суд; я изъявил согласие, «Нужно, — говорит, — Вам доверенность»; притворился, будто ничего не знающий и безграмотный, стали рассчитывать, сколько нужно мне денег. «Например, — говорит, — на лист, на доверенность — 2 руб(ля)». Я говорю, что рубль. «Извините, — говорит, — мы живём в лесу, ничего не понимаем. На подарки чиновникам, — говорит, — столько-то». «Нет, я — говорю, — много, у меня есть в суде один хороший господин, я, рассчитывая на него, надеюсь на успех дела в Вашу пользу». «А так же, — говорит, — князю Кострову[140] должны же ведь что-нибудь дать»; я говорю, что я князя не знаю лично, да и это дело не по его отделению; «Да ведь он, — говорит, — будет же слушать дело»; я возражаю, что подпишет, как в суде и заведено; советники в правильности решения друг на друга надеются. Каб(ако)в не выдержал этого разговору, из кабинета ушёл, и много мы ещё с мнимым Поповым поговорили об откровенности, как вдруг входят две дамы, откуда-то приехавшие, одна из них жена Каб(акова), а другая мне неизвестная, // последняя и говорит: «Князь, да ты Л. 129 об.
ещё здесь?» А он, едва удерживаясь от смеха, рекомендует мне: «Это, — говорит, — жена моя, ишь как превозносит меня высоко князем»; но не мог удержаться, и с хохотом ушли все в залу, оставив меня однаго в кабинете; я понял, в чём дело и, войдя в зал, стал упрекать Ка(баков)а, что он со мной делает; а они все животики надорвали, хохочут; когда уже успокоились, мнимый Попов рекомендуется мне уже князем Костровым и благодарит за откровенность, однако ж, шуточно дал мне заметить, чтобы не зная личности человека, не вдаваться ни в какия откровения, а то « Можете, — говорит, — встретить большую неприятность». Но чтобы я не сердился, все поехали к князю пить вечерний чай, и утащили меня с собой. Вообще К(абако)в любил подтрунить, в особенности надо мною, как заинтересованному им; оказалось, князь с супругой обедали у Кабакова, дамы после обеда поехали в сад, мужики от скуки или от // нечего делать и вздумали устроить со мною Л. 130
такой фокус, но князь дал мне честное слово, что это и останется между нами, и он никому из своих сослуживцев тайны этой не поведает. После этого, когда Ка(бако)в, бывало, пошлёт за мной, я всегда камердинера спрашивал, кто у них сидит, откуда и зачем; или как-то случилось тоже у Каб(аков)а:

был обед для всей аристократии, после обеда, только выехал губ(ернато)р, Каб(ако)в посылает за мной, вижу военных, статских и купцов, поздоровался, спрашиваю: «Что Вам от меня угодно?»; «А, вот, — говорит, — подожди, нужно поговорить об делах Прейна с компанионом его купцом Акуловым»; подали чай, я между тем, стал приводить на память обстоятельства этого дела; Каб(ако)в же, уловив момент моих размышлений, окружённый гостями, вдруг спрашивает меня: «А как зовут Вашу жену?»; я сей час и опешил, не могу вспомнить, как зовут, да и шабаш; привожу на память Аграфену, Авдотью, Агафью, а Каб(аков)у только и нужно было,
Л. 130 об. чтобы моими шутками // развеселить компанию; рассеянность мою он достигал до того, что однажды вышел я из дому без фуражки и почти дошёл до дому Высокова, Каб(ако)в из окна лавки кричит: «Здорово, сосед, куда пошёл?»; я схватился за козырек поклониться, тут только понял, что на мне фуражки нет, возвратился назад; то же проделывал со мною и духовник наш, покойный о. Иоанн Рачковский, к которому прихожу один раз просить крестить новорожден(ного); у него сидели учителя и, только не успел я поздороваться, как отец Иоанн внезапно спрашивает меня: «Ты, опять, братец, говорят, что-то нагрезил?»; я и стал в тупик — что я нагрезил; да уж он же меня и вразумил: «Верно, опять крестить». Прихожу я к нему ещё раз как-то по такому случаю: мне Илья Яков(левич) Новиков привёз из Иркутска просфору, бывшую возложенную на ране Св. Иннокентия; просфору эту я с благоговением поставил на угольный столик в зале, но назавтра утром увидал боковую часть, обгрызенную или мышами, или кошкою; объятый страхом, спра-
Л. 131 шиваю о. Иоанна: // «Что мне делать?»; он говорит: «Аще совесть не зазрит, съешь её», что я и сделал.

Ещё одно воспоминание о Каб(ако)ве: иду раз я по обыкновению гулять в вечернее время летом, а он едет с секретарем Романовским; «Куда, — говорит, — садись, подвезем»; сколько я не отказывался, зная, что он опять проведёт какую — нибудь каверзу, и стал рассказывать, что мне нужно зайти к столоначальнику Земскаго суда Попову; «Мы, — говорит, — знаем, где он живёт» и подвезли меня к такому дому, из окон котораго выглядывало несколько головок камелий; «Вот, — говорит, — тут живёт Попов»; смекнул, что у него одна жена, да и та больная, и насилу я вырвался от них.

6 августа (18)68 г. мы с Аг(афьей) Ив(ановной) ездили в Базаиху, чтобы проститься и получить благословение от тяжело больной матушки ея Татьяны Семёновны; погостив там часа три и получив искреннейшее благословление, и простившись с доброю старушкой, мы поехали // обратно; матушка Л. 131 об.
действительно 7 августа скончалась; а жена, почувствовав себя дурно, на это число, ночью, послала сейчас меня за акушеркой, Евдокией Савельевной Семчевской, которую я нашёл уже в гостях. Ночь не спавши, провели мы в хлопотах и заботах о болящей, причём, надобно заметить, что я за две недели до этого события видел во сне, что кто-то мне сказал, что скоро должен родиться у меня сын, которому повелел нарекчи имя Иннокентия, в память иркутскому Святителю. Утром я сказал об этом акушерке, а она, как бойкая и образованная женщина, не поверила; я ей показал дневник, в котором это событие было тогда же записано; по её разрешению и по совету ея подручной вольнопрактикующей опытной бабки Параск(овьи) Ив(ановны), пошёл первее всего в Покровскую церковь и поставил свечу иконе Знамения Божией Матери, оттоль отправился в церковь Благовещения попросил священ(ника) первее всего за здравие болящей отворить царския
Л. 132 // двери, как сие подобает в тяжёлых случаях, установлено практикою; после обедни отслужил Иверской Божией Матери молебен, по окончании котораго мне стало отрадно и на душе легко, что я, хотя сутки и не спавший, да, признаться, и впроголодь, домой мчался, как на крыльях, памятуя о сказанном сновидении[*]; грешная горячая и слёзная моя молитва, ночью, в потаённом месте пред иконою Божией матере, «Утоли моя печали», услышана; а Св. Иннокентий, как скорый помощник в деторождении матерям, Св. молитвами своими помог: только вхожу во двор, как матушка моя (Царствие ей небесное) поздравила меня с дарованным сейчас сыном. Нет! Иннокентий не оправдал своим поведением имя Угодника Божиего; будучи уже за 30 лет, впрочем, может быть, исправится; мы с матерью плачем и сокрушаемся об его поведении. 22 февраля 1897 г. (см. л. 219 на обороте скорбныя воспоминания и ещё л. 221)[**].

В настоящее время Кеша вошёл уже в меру возраста совершенно. В жизни его были три опасных случая. В детстве он, играя, проглотил кругленькую пуговку, к счастию, что это ту же минуту за-
Л. 132 об. метили, мать ударила его в // загорбок, и пуговка выскочила; во 2-й раз он упал в западню — с лестницы скатился и Бог его сохранил от всяких повреждений; в сих случаях он отделывался только испугом, но уже учась в гимназии, был опасно болен: от происшедшей рвоты последовал переворот в кишках; но и тут, по молитвам к Святителю он, хотя не скоро, но получил исцеление при помощи доктора Сысоева[141]; вообще заметно, что в этом молодом человеке есть вера заступничества в его ангела-хранителя — Св. Иннокентия, и если впредь будет поступать так, то будет сохраняем до старости и престарения: «Аще, — сказал Господь через апостола своего Павла, — молящеся просите и веру приемлите, да будет вам»

Теперь скажем несколько слов о ген(ерал)-губ(ернаторе) Синельникове, ещё задолго до приезда котораго пронёсся слух, что он богатырскаго сложения, а, главное, — справедлив, словом, один из лучших администраторов. В Красноярск он приехал в Великий пост 17 марта 1871 г., день был воскресный, тёплый и ясный, квартира назначена в доме П(етра) И(вановича) Кузнецова. Народ по обеим сторонам Воскресенской улицы, почти от Новобазарной площади и до дому Кузнецова; // — все Л. 133
стремились увидать дорогаго гостя. В 5 ч(асов) вечера ожидаемый гость приехал, был встречен почётным караулом с музыкой, но он ей тотчас же велел остановиться, приняв рапорт от командующаго батальоном; в зале был встречен губернатор(ом) Замятиным *(Замятниным)* со всем чиноначалием; на приглашение гор(одского) гол(овы) к обеду на собранные деньги отказался, говоря, что мы ещё друг друга пока не знаем, а вот «как покороче познакомимся, тогда не прочь откушать хлеба и соли». Собранныя на обед деньги приказал раздать бедным; хотя это был и справедливый начальник, но и ему находились служащие представлять дела не в том виде, как они есть в сущности. У меня было дело по доверенности И(вана) И(вановича) Токарева, по которому я подавал три прошения, но надлежащаго удовлетворения не получал, а потому, в ви-

[*] Далее идёт текст рукой автора.

[**] Со слов «Нет! Иннокентий» вписано на правом поле. Далее идёт текст переписчика с многочисленными мелкими правками автора.

дах интересов доверителя и сохранения его добраго Л. 133 об. имени (дело было уголовное), посылал // три телеграммы, кажется, в том смысле, чтобы истребовать откуда-то к оправданию Токарева какия-то сведения, ручаясь честию своею в справедливости своего требования и, даже, предавая себя за противное сему ответственности по закону как за лжесвидетельство, и только по такому-то смыслу телеграммы, генерал распорядился, чтобы сведения эти собрать; я бы и сам мог их истребовать откуда следует и представить их в суд, но по тогдашним правилам, достойны были вероятия только те сведения, которые требовал сам суд, а он их не требовал по моему понятию, чтобы скорее обвинить моего клиента в преступлении мошейничества. Вот это-то обстоятельство послужило мне поводом неотступно просить генерала, зная по опыту, что, если жаловаться Сенату, то может пройти времени, по крайней мере, 1/2 года, а, между тем, дело могло решиться по произволу. Когда же в самом деле были вытре- Л. 134 бованы судом сии сведения, то дело оказалось // не стоящим, как говорится, и «выеденнаго яйца». Токарев совершенно был оправдан, а враги его обратились вспять. После того был ещё случай обращения моего к генералу с просьбой по делу известнаго Бабушкина. Помниться мне, что некто Трахтенберг поручил мне с кого — то взыскать по векселю деньги, которыя я исходатайствовал посредством энергичнаго распоряжения генерала. Трахтенберг этот здесь некогда бывал зубным врачом, а впоследствии в П(етер)бурге, через громадныя связи и кумовство с высшими особами, имел и в Сибири большое значение.

Вообще благоразумныя распоряжения Синельникова о народном благосостоянии начали энергично достигать желанной генералом цели. Будь Сибирь под его управлением хотя бы 10 лет, можно было надеяться, что если бы он вовсе не искоренил порочныя свойства, то во всяком случае, многое бы исправил. С благоразумных его распоряжений, напечатанных в циркулярах, у меня списаны и есть копии; в иркутских жителях он оставил // по себе Л. 134 об. неизгладимое воспоминание, за что удостоен звания почётнаго гражданина гор(ода) Иркутска, и был в числе депутатов при поднесении в день свящ(енного) коронования 15 мая (18)83 года хлеба-соли коронованным особам. Слышно, что в настоящее время жив (1890 г.) генер(ал) Синельников*.

После продолжительной переписки об устройстве здесь гимназии, наконец, заветная мысль губ(ернато)ра Замятина *(Замятнина)* осуществилась, гимназия открыта 1-го июля 1868 года. Хотя генерал и присутствовал при открытии ея, но он уже был уволен и при тостах за его здоровье, горько плакал, что он не мог послужить на пользу молодаго поколения; в это время исправлял его должность председатель Губ(ернского) прав(ления) Алексей Николаев(ич) Лаврентьев.

Лишь только заслышали в Красноярске о путешествии через Красноярск великаго князя Алексия Александровича[142], город стал устраиваться, подкрашиваться; Береговая улица, где кузнечные ряды и кладбищенская церковь, были обставлены молодым сосняком так искусно, // что Л. 135 похоже было на настоящие сады; мы думали, что это устройство или возобновление города делает на свой счёт городской голова П(ётр) И(ванович) Кузнецов, но впоследствии оказалось, что расходы сии до 6-ти т(ысяч) руб(лей) производились из гостинодворскаго капитала; и хотя я состоял гласным думы с (18)70 по (18)77 год и со мною человека два-три отстаивали, что этот капитал по происхождению своему должен быть неприкосновенным, за который долго ли, коротко ли, город будет ответствовать, но большая половина гласных, как люди слабохарактерные и находившиеся под влиянием Кузнецова, с нашим мнением не согласились, так что, помнится, нам не удалось и заявить своего особаго мнения, потому что, когда по этому предмету было формальное заседание думы, нас в присутствие ея не пригласили. Таким образом, капитал впоследствии и учтён был насчёт города. Мы хотя Л. 135 об. с П(етром) Ив(ановичем), по-видимому, и // друзья были, но я, состоя гласным, во многом с его мнением не соглашался. Так, наприм(ер), в (18)74 г., во время болезни моей, я был почти без движения рук и ног, а мне и купцу Гарину поручили ревизовать отчёт; найдя в нём статью о покупке членом управы Вороновым лошадей для пожарной команды, мы нашли, что двух лошадей в натуре не было, а деньги выписаны, и при этом случае я настоял, чтобы деньги, кажется, 180 р(ублей), были записаны на приход, за что, как слышно было, Кузнецов на меня и посерживался. Губ(ернато)р же Лохвицкий[143] отговаривал Кузнецова, чтобы деньги понапрасну на украшение города не тратились, а как — де застанет великий князь, то и ладно, но его К(узнецо)в не послушался, из нежелания, чтобы не расходовать своих денег.

Великий князь осчастливил наш Красноярск приездом, кажется, 21 или 22 июня (18)73 г(ода) из Иркутска. Утром, день хотя был и ветряный, так что опасались переправы через Енисей, но к 11 час(ам) буря стала стихать. Великий князь со свитою, встреченный начальством и гор(одским) гол(овой) с хлебом — солью, в особо устроенной лодке, // изволил прибыть благополучно прямо Л. 136 в Кафедральный собор, на паперти котораго при колокольном во всех церквях звоне, и встречен был преосвященным Павлом со всем духовенством. По выслушании краткаго молебствия, с народищем едва ли не более 10 т(ысяч) человек, с криками «ура!», отправился в квартиру против собора в д(ом) купца Данилова, и в 23 ч(исло) июня из Красноярска отправился в дальний путь. Лодкою при переправе через Енисей управляли выборные из купцов и мещан — 10 человек; ребята были дюжие, здоровые, кровь с молоком, а кормою правил патриархальный старец Ник(олай) Петр(ович) Токарев[144], делавши ранее сего несколько рейсов для практики. Провожали князя из Красноярска эти же личности верхом, все в одинаковых русских костюмах; да, провожала ещё 12-я какая-то амазонка. Князю очень понравилось, и за всё про всё благодарил. Делал какия-то подарки и пожертвования для города, подробностей чего не знаю, а проводив до Дрокинской горы, все там обедали и довольно погуляли. Меня, хотя и приглашали депутатом в числе // других для поднесения хлеба-соли, но я Л. 136 об. по болезни отказался, и признаться, ни при никаких увеселениях, приготовленных для дорогаго гостя, я не присутствовал, кроме как был в соборе при встрече в(еликого) князя, но днём путешествовал на гору до часовенки, смотрел на город, вид котораго был действительно восхитителен. Лодка же, в которой переплывал князь, хранится и сейчас при городской управе в особо устроенном футляре.

* Карандашом приписка на левом поле: «Нет. Он помер, кажется, в 1896».

В феврале ещё (18)74 г(ода) в Городской думе
было получено письмо преосвящённаго Антония
о пожертвовании от города для монастырской оби-
тели места земли на плотбище; я и тут был против:
во-1-х, потому что нынешние монастыри не достига-
ют той цели, как монастыри древние и, 2-х, потому
что я заявил формальное своё мнение в следующих
словах: «...вполне сочувствуя священному учрежде-
нию здесь Св. монастыря, но отдачу под устройство
оного плотбища нахожу не в интересах общества,
так как такия участки городския, как плотбище
имеют по закону 43 ст(атьи) XII т(ома) «Устава о го-
Л. 137 родовом хозяйстве» особыя назначения». // Боже
мой, каким я тогда пересудам не подвергался: и без-
божник то я, и развратник, и т. п., но всё это с сто-
ическим самоотвержением перенёс. Привязаться
ко мне ни в чём не могли, да и не было к тому ни-
каких поводов, и хотя со мною соглашался один
и тот же Гарин, человек начитанный, но как не бы-
вавший на исповеди и Св. причастия, что-то около
10 лет, то и тот, из опасения долговременной епити-
мии, от меня отступился. Вот уже около 20 лет, как
устроен монастырь, но мы из него полезнаго и ду-
шеспасительнаго ничего не видим, да и самому ему
существовать, по неимению средств, в тягость; а так
как я 9 апреля того же года ужасно заболел ногами,
простудясь ещё на Пасхе в Кафедральном соборе,
то и пошли в городе толки, что это мне Бог послал
наказание за сопротивление против монастыря;
и в самом деле, хотя совесть моя была и спокойна,
я сопротивлялся не из своих интересов, а в видах
пользы общества или города, но всё-таки поведал
этот грех, если считать это грехом; во время болез-
Л. 137 об. ни моей духовнику, но и сей // последний, не то
что грехом, но и поводу к греху никакого не нашёл.
А каким образом сопровождалась закладка капита-
ла на эту обитель, то видно из следующаго: иеромо-
нах Зосима первее всего устроил где-то обед, собрав
на него всех влиятельных тузов общества и чинона-
чалия и, конечно, под влиянием угощения за обе-
дом собрано до 7 т(ысяч) рублей, а назавтра обеда
мне довелось быть у Петра Ив(ановича) Кузнецова
за утренним чаем, у котораго Александра Фёдо-
ровна, супруга его, повела следующий разговор:
«Подпоили наших глупцов, накормили обедом,
обласкали мёдоточивыми устами и давай околпа-
чивать; успели в том, и собрали несколько тысяч»;
а, указывая на П(етра) И(ванови)ча: «Вот, — гово-
рит, — и сей муж подписал 1000 рублей», который
ничего не возражал при этом разговоре, только
лишь вздохнул; Александра Фёд(оровна) продол-
жает: «Пустите, — говорит, — козла в огород, то
увидите, что будет». П(ётр) Ив(анович) сильно её
боялся и уважал, а поэтому и не возражал ничего.
Денег же на монастырь собрано было Зосимой, ка-
жется, около 100 т(ысяч) рублей, но во всяком разе
// более 60 т(ысяч), о чём опубликовано было в ведо- *Л. 138*
мостях, а равно в каких-то газетах напечатана ста-
тья, помнится, на эту тему, какую помощь и пользу
нам ожидать от монастыря. И, действительно, сло-
ва А(лександры) Ф(ёдоровны) оправдались; немно-
го прошло времени, как преосвященный Антоний,
под влиянием Зосимы, стал просить от думы самое
лучшее место земли на Ново-базарной площади
под устройство то ли семинарии, то ли духовнаго
училища; много было споров, но, наконец, думцы
и додумались, вместе отказали, но духовенство,
для довершения своей попытки это постановление
обжаловали Губ(ернскому) присутствию, которое
почему-то его и отменило; думцы же, не останав-
ливаясь на этом, обжаловали 1-му д(епартамен)ту
Сената и, действительно, духовенство разочарова-
лось, постановление присутствия было отменено
и в просимом месте архиерею было отказано, одна-
ко ж, духовенство начало с другого конца: подбив-
шись к пред(седателю) Казен(ной) пал(аты) Лав-
рентьеву, стали ходатайствовать о вознаграждении
Л. 138 об. 4-мя тыс(ячами) //

Тетрадь 12

десятин земли по Мане, в местах самых рыбо-
ловных и изобилующих лесами, и в этом не оши-
бись; по представлению Казённой палаты и по раз-
ным ходатайствам в С(анкт)-П(етербур)ге, просимое
место правительствующим Сенатом велено было от-
резать в пользу монастыря. Несмотря даже и на то,
что сему, последнему, было уже отведено несколь-
ко тысяч десятин в деревне Кардачиной или Тете-
риной, настоящее не помню, тогда как по закону
IX т(ома) о состояниях и по межевым законам, вос-
прещается делать монастырям вторичные земель-
ные наделы и, не обращая внимание даже на то,
что лесами и рыбными ловлями обеспечивались
несколько тысяч крестьян разных прибрежных де-
ревень, таковаго довольствия они лишены и через
то в материальном своём положении оскудевают;
вот при этом-то случае мне пришли на память слова
преосвященнаго Павла, что «человек стоит по горло
в воде, а всё жаждет», — это он намекал при разго-
Л. 139 воре со мною о том, // что, пожалуй, при устройстве
епархии понадобится и монастырь. Признаюсь, что
я к отцу Зосиме со своей стороны, да и многие ста-
рики, доверием не располагались, сколько по его
светскому обращению, а не менее и при роскошной
обстановке его монастырской квартиры, обладав-
шей богатою мебелью, мягкими, как пух, коврами,
а на стенах женскими карточками; он более всех
угощал женский пол, а сам и дома, и в гостях упо-
треблял только дорогое вино: мускат, люнель *(му-
скат)* ценою в 6 р(ублей), а из-за этого о. Зосима об-
ходил правило премудрость Сираха[145], где сказано,
не только для монашествующих, но и для мирских:
«не смотри на лица красныя, ниже завидуй чуж-
дыя доброты»; а в первый день Пасхи, как-то после
вечерни, он остановил бывших у вечерни молодых
базайских женщин и девиц под предлогом угожде-
ния Богу, — потрудиться вымыть в храме полы.
Конечно, они упорно от этого предложения отка-
зались до другаго времени. Между тем, монастырь
наполнялся беглыми и ссыльнокаторжными, спо-
собными для полевых работ, но все эти шайки
рассеяны были // жандармским полковником Ба- *Л. 139 об.*
ниным; и когда был отсюда переведён в Пензу вла-
дыко Антоний, и вместо его, назначен Исаакий[146],
то с сим-то, самостоятельным архипастырем, Зо-
сима и не сошёлся, уехав к Антонию. После слухи
были, что Антоний по неприятностям через Зоси-
му, полученным от высшаго начальства, будучи
обойдён в высочайших наградах, вскоре скончался.
Зосима же был удалён в Соловецкий монастырь,
а что у него был денежный капитал, то он через од-
ного известнаго мне чиновника под векселя давал
одному золотопромышленнику — еврею, кажется,
15 т(ысяч) р(ублей). Векселя писаны были на сего
чиновника, и он, по им, из золота еврея получил,
а через сие поколебались несколько и дела послед-
няго.

В 1876 году, в феврале, со мной случился тако-
го рода казус: получаю я из Енисейска от доверите-
ля своего заказное письмо, и по моей заботливости

и энергичности к делу, я ту же минуту это письмо надрезал ножом, а по вынутии письма и приложеннаго при оном векселя на 3 т(ысячи) руб(лей), для
Л. 140 получения денег с однаго еврея, оказывается, // и письмо, и вексель перерезал по полам. Зная последствия такой неумышленной ошибки, от которой, хотя вексель действительности своей и не теряет, но при споре должника всё-таки обстоятельство это подлежало рассмотрению суда в апелляционном порядке; а такая волокита могла продолжаться и несколько лет, и, зная, что с евреем иметь дело опасно, я тот час же заявил об этом соседям, а письмо, вексель и конверт заявил полицмейстеру, который несколько меня и успокоил, что и доверитель мой не был прав, влагая в заказное письмо такой ценный документ, за что должен подлежать штрафу. Из полиции бросаюсь к должнику, но дома его не застаю, почему и постарался быть у него до заката солнца, потому что это была суббота; и, увидавшись с должником, я получил предложение его или получить чек, или, в следующий понедельник, кредитными билетами. От перваго я отказался в тех видах, что если ещё на текущем счету у должника такая сумма, ибо слыхал, что подобныя промахи
Л. 140 об. бывали; // я уговорился в 12 ч(асов) дня в понедельник получить от должника деньги, что он действительно исполнил, а когда я, возвращая ему вексель, объяснил причину со мною случившагося, то еврей: «Я, — говорит, — слышал об этом, но зная — де Вашу аккуратность, честность, я деньги плачу беспрепятственно. Случись же бы это обстоятельство с Вашим доверителем, как человеком неблаговиднаго свойства, я бы его протянул несколько лет.»; и в самом деле, бывали несколько расчётов с подобными евреями, и они вверяли мне документы на моих доверителей для предварительнаго расчёта, или, когда у меня не случалось в наличности денег, в ожидании скорых переводов. Я говорю, что ведь я могу их из интересов хозяина и своих уничтожить: «Нет, этого Вы не сделаете, мы честность Вашу знаем не один десяток лет». Однако ж с тех пор я вскрываю заказные письма со всевозможною осторожностию.

Осенью (18)76 года, в ноябре, я посылал к одному из доверителей моих в Енисейск эстафету
с письмом, // содержание котораго ни в каком слу- Л. 141
чае не подлежало огласке; но в ту же ночь, в часу во втором, слышу необыкновенный стук у ворот, спрашиваю: «Кто, откуда и зачем?», «Почтмейстер просит Вас к себе сейчас же пожаловать по весьма важному делу» Я изумился, что такое, но волей-неволей должен был в глухую полночь ехать; и что же почтмейстер мне объяснил, что он получил сейчас донесение от какого-то станционного смотрителя, что эстафета моя везшим ея ямщиком разграблена, в чаянии его, что в ней вложены деньги, а письмо и конверт брошены в пруд и, что он сейчас же послал чиновника для производства следствия. Почтмейстер, добрейший для меня человек, Царство ему небесное, Юлий Францевич Барщевский, насколько возможно, старался успокоить меня, я говорю, что: «Не важна эстафета или время, но важно письмо, содержание котораго не должно быть никому из-
вестно». Будучи настолько любезен ко мне, // почт- Л. 141 об.
мейстер при мне же послал нарочнаго к следователю, чтобы копию с письма оставить при следствии, а подлинное прислать сюда. Назавтра, в полдень являюсь, он предъявляет мне письмо, в котором, к величайшему моему счастию, самоё содержание письма до того было размыто водой, что разобрать ничего невозможно. Пробовали читать его и в микроскопическое стекло, но и то не помогло, слова все расплылись, но всё-таки я, когда следствие это поступило в Губ(ернский) суд, в качестве заинтересованнаго лица подавал прошение дозволить мне читать выписку из дела, и хотя насколько-нибудь, старался облегчить участь несчастнаго арестанта, но ничего сделать не мог, потому что он сам, при священнике, раскаялся, что он по наивности своей думал: в конверте деньги, да их не нашёл, письмо и конверт бросил в пруд, а сам отправился в кабак и заявил об этом сидельцу. Всё-таки несчастному
Л. 142 сделано снисхождение: он сослан в Якутскую // область. Следущия же мне в возврат за эстафету деньги я пожертвовал семейству его.

13 ноября (18)79 года, во время моей тяжёлой болезни в лихорадке вечером, в самый параксизм, является ко мне доверенный по магазину г(осподина) Баландина, фамилию его забыл, в это время пришёл навестить меня достопочтенный друг мой Алексей Фадеев(ич) Станкеев, подтвердивший, что этот человек сейчас служит в маг(азине) Б(аланди) на, который и объяснил мне, что он, купив в магазине Воронова листоваго железа для винокуреннаго завода, и нуждается в деньгах — 175 руб(лях); на спрос же мой о разрешении выдачи, сказал, что он поехал наскоро, и управляющий — де ему сказал, что такую ничтожную сумму я могу выдать без разрешения. Чтобы отвязаться от него, я такую сумму велел выдать, взяв с получавшаго, впрочем, расписку, которую он, под разными предлогами, давать отнекивался; назавтра утром в 10 часов является он же и просит ещё 100 руб(лей), и это ему выдали тоже с распискою, говоря, что он по поручению хо-
Л. 142 об. зяина едет в Томск; // но в часу 1-м дня прибегает наскоро и Алексей Фадеевич, говоря, что он сейчас разговаривал с приехавшим из Енисейска Востротиным, к счастию, остановившимся на той же квартире, где и А(лексей) Фад(еевич), и при разговоре с ним узнал, что означенный служащий из магазина прогнан за кражу бриллиантовых супиров. Мне тогда ничего об этом не сказали по жестокости моей болезни, но, однако ж, по совету А(лексея) Фад(еевича), тотчас же приняли меры о разыскании в городе означеннаго приказчика и напали на след; в одной гостинице ответили, что он по подорожной с одним чиновником сей же час выехали в Томск, написали объявление, подписанное доверенным моим Ивановым, и, благодаря энергичным действиям полиц(мейстера) Воронцова, мошейника отыскали в Томске, где он успел уже в магазине под имя Баландина закупить два чёрнобурых лисьих меха. Его в партии препроводили сюда, обвиняя в разных мошейничествах и в ложном наименовании доверенным Баландина; и, лишь только я стал поправлять-
ся, // как получил из Енисейска предупредительное Л. 143
письмо, чтобы названному приказчику ничего не доверять. Деньги, конечно, мои пропали, я записал было их на приход, но по доброте хозяина Ба(ланди) на, он мне их возвратил, потому что и я был не совсем виноват, так как из магазина мне дали знать поздно, да и А(лексей) Фад(еевич) все подробности лично объяснил хозяину. Подсудимый, кажется, присуждён был в Якутскую область. Да и это едва ли состоялось, потому что в (18)81 году дело его сгорело, а он, между тем, все похвалялся мне отмстить, но Бог миловал. Твёрдо верую в помощь Божию, ибо в Св. псалтыри сказано: «Проклянут тии и ты благословиши, восстающие же на мя, да постыдятся».

В 1864 году ушёл я с семьёю к Христовской заутрени, оставалась в доме с малолетними детьми одна

Аг(афья) Ив(ановна), а стряпка внизу и приготовляясь ко встрече такого великаго праздника; известно, что уже все суетятся за неделю ещё до торжества; мать, между тем, зажгла свечи у Св. иконы и, помолясь, то и дело бегала то в кухню, то в подвал, *Л. 143 об.* и, придя в дом, слышит запах горящей // бумажки, но понять не может: где и что горит; перебрала все бумаги на столе, под иконами находящимися, но ничего не замечала, а, на всякий случай, приготовила уже ведро воды; я с детьми возвращаюсь от заутрени, обедню же по тайному предчувствию не стоял, слышу запах дыма и спрашиваю, мать отозвалась незнанием, бумаги по — моему осмотру все целы; между тем, свечи уже были погашены; обратил внимание на икону Св. Иннокентия, над которою лежал Акафист и служба сему Святителю, поставил стул и снял горящий Акафист, воспламенившийся от горевшей свечи; выгорело примерно уже с ладонь и так как Акафист, от продолжительнаго его употребления, был почти весь замаслен, что не давало скоро воспламениться огню, а выгорал он по краям постепенно; удивляясь такому заступничеству Святителя и возблагодарив Его в грешных своих молитвах, я стал рассуждать, что бы было, если бы я простоял обедню, Акафист мог упасть на стол, *Л. 144* на котором бумаги, дела и книги; // мать же могла отлучиться или к ребёнку или в кухню и в хлопотах своих забыть о происходящем. Кроме того, Господь сохранил в том же году от погибели дом наш. Осенью (18)64 г. я вздумал переклась в доме печи, устроенныя ещё покойным отцом моим едва ли не в конце (18)20-х годов; в то время кирпич делался ручным способом, крепкий и огнеупорный; печи, не так как ныне, исправлялись разве в продолжение 10 л(ет) раз; когда же разломали печь в передней комнате, то оказалось, что половина балки кругообразно уже выгорела; недаром зимою (18)63 г. при топке печей, слышен был смолистый запах, и я за правило себе поставил следующею осенью все печи перебрать; в кухонной же печи, внизу, оказался под почти весь обуглившимся и при сём случае вспомнил я и досейчас чудотворный псалом «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудищеся зиждущие»

Забыл я ещё ранее упомянуть, что в самом начале сенаторской ревизии сильно пострадал начальник 3-го // отделения совета Пав(ел) Самой(лович) *Л. 144 об.* Фомич, который — то из чиновников, чуть ли только не Безобразов, в квартире своей, ревизуя дела этого отделения и, заметив большия неисправности, настращал и кричал на Фомича; это было зимою в морозное время. Несчастный до того испугался, что вместо своей квартиры попал на Татышев остров, где и отморозил ноги, и если бы не рабочие, возившие сено, то он погиб бы окончательно, и хотя дана была тотчас же медицинская помощь, но обе ноги были отняты. В (18)30-х же годах некто проживал здесь из административно сосланных чиновников Флеровский, обучавший танцеванию, как сейчас помню, учителя нашего училища Эрна, П(етра) И(вановича) Кузнецова и А(лександра) Мих(айловича) Кабакова, у которых он вверху в холодном мезонине и квартировал, нагревая его железною печкою. Это был большой руки чудак, как он сам рассказывал мне в (18)60-х уже годах, приехав сюда из Томска не для чего ради, а только погостить и повидаться с молодяжником; ему // уже *Л. 145* и тогда было более 80 лет; «Прихожу, — говорит, — к Эрну, который был уже в то время генералом или к Кузнецову, спрашиваю лакеев: «Коля или Петя, дома?», требую доложить»; лакеи изумились, считая его за помешанного, что нашего де барина величают «его пр(евосходительство)м», или Кузнецова Пет(ром) И(ванычем); «Знать ничего не хочу, докладывай да и только скажи, что чудак Флеровский, может быть, его и помнят»; названные господа встретили старика с восторгом и любезностями; приглашали обедать; «Прийти-то приду, — говорит, — Коля или Петя, но отобедаю на кухне, в высших салонах, сами знаете, бывать не привык», и пошёл танцевать мазурку или кадриль, как 20-летний юноша, конечно, всех уморил. Я встретил Флеровскаго в доме Комаровых, которых-то, как земляков по Томску, он также навестил. Рассказывает, что (он) для потехи, женился в 70 лет, и взял актрису, на вид ему и тогда более 50-ти лет положить было *Л. 145 об.* нельзя: свеж, вёрткий, // даже и в голосе его старческаго заметно не было; «Пошёл, — говорит, — с молодухой раз гулять в поле», и её почти из глаз у него украл офицер. Завязал процесс, да такой, что ему не только что не рады были томское начальство, но и в П(етер)бурге он надоел всем, потому что был, по тогдашнему, сам писака и юрист, что мне и доказал на самом деле, написав какую-то дельную бумагу для однаго из моих доверителей. И так как Флеровский искусно резал по бересту кокошники и табакерки, из которых что-то на память оставил и Эрну, и Кузнецову, то он и послал императрице Александре Фёдоровне вырезанный в лучшем виде и живописно кокошник и, по ходатайству ея величества, был прощён с чином коллежскаго регистратора, а на выставке за это изобретение получил, не помню, какую-то медаль. Надобно заметить, что он за свои проказы и сатиры был по суду вторично лишён чиновнаго звания и, кажется, в бозе почившим императором, Александром II-м, был вторич- *Л. 146* но // прощён с возвращением прежняго чина. Рассказывал, что один из томских богачей просил его вырезать на память подарок; «Вырезать-то вырежу, парень, — говорит, — во всём вкусе, да ведь ты не возмёшь и даже прогонишь меня с ним»; и, через некоторое время, месяца два или три спустя, магнат уже об этом подарке и позабыл, но Флеровский, в свою очередь, неусыпно действовал, и в одно прекрасное утро, в какой-то большой праздник, когда парадныя двери крыльца были отпёрты, Флеровский, наняв двух глухонемых и, передавая им сделанный изящной работы гроб большой величины, велел передать магнату и от имени его, Флеровскаго, кланяться; который, конечно, их прогнал; Сколько тут было испугу и хохоту; Флеровский оправдывался тем, что ведь ты сам же с меня просил без оговорки, какой тебе нужен подарок. Гроб этот Флеровский спрятал к себе в чулан и, когда он уже сильно надоел томскому начальству своими ябедами // об жене, то находившейся у него старухе-кухарке *Л. 146 об.* приказал объявить полиц(мейсте)ру, что Флеровский помер, а сам, между тем, лёг в гроб на столе и, обставив известными принадлежностями, зажёг свечи. П(олицмейсте)р обрадовался этому случаю, славя Бога о смерти Флер(овс)каго. В то же утро доложил об этом и губернатору, наперёд удовлетворившись в квартире Фле(ровс)каго о мнимой его смерти, и губернатор обрадовался, что теперь будет спокойнее, и не будет запросов из П(етер)бурга на жалобы Фле(ровско)го. Каково же было удивление губ(ернато)ра, когда Флеровский в день похорон своих подаёт губ(ернато)ру лично просьбу опять об жене; побалагурив, что называется, здесь с месяц, Флер(овск)ий возвратился в Томск, и больше об нём я не слыхивал.

Довольно замечательную помощь встретил я в августе (18)72 года от иконы Св(ятого) В(елико)

м(у)ч(енника) *(далее Вмч)* и целителя Пантелеймона. Хозяин мой, И(ван) И(ванович) Токарев, отъезжая из Красноярска, поручил мне взнести в акциз с чем-то 6 т(ысяч) рублей не далее, как через два дня, под опасением, в противном случае, штрафа. «Деньги на этот // *Л. 147* предмет, — говорит, — получите с Родственной», следующие ему в количестве 7 т(ысяч) рублей, по переписанному уже документу, зная, что дела Родственной[147] начали колебаться, я к ней ходил, по нескольку раз в день, и о содействии обращался к влиятельному ея родственнику, но получал одни уверения и обещания.

Обратился я о помощи к иконе Св. Вмч Пантелеймона, прочитал Акафист; в назначенные три часа дня опять иду; почтенная старушка просит меня обождать, отзываясь заканчиванием почты, а, между тем, выносит из кабинета с полным доверием ко мне большую кучу денег, тысяч, должно быть, десять: «Вот, — говорит, — отсчитайте сами, сколько Вам следует», я отсчитал 7 т(ысяч), да присовокупил к тому за лист обязательства, кажется, 7 руб(лей); остальныя деньги возвращаю ей, она заспорила, наконец, уговорилась: за лист расход пополам; с радостию побежал я домой, а меня уже из акцизу ждал доверенный, и рассчитались благополучно. Впоследствии оказалось, // *Л. 147 об.* что я был только один счастливец, получив сполна деньги, все же прочие кредиты удовольствовались только 20 копейками; почему во многих затруднительных случаях поставил за правило обращаться, прежде всего, с молитвою к угоднику Божию.

Когда в мае (18)74 года отправлялся в Россию доверитель мой Ив(ан) Ив(анович) Токарев, а я, как выше уже известно, страдал тяжким ревматизмом, то Ив(ан) Ив(анович) облёк меня полною неограниченною доверенностию получать деньги и ассигновки и покупать последния от других лиц; денег по отъезде его, кажется, в августе, у меня скопилось до 150 т(ысяч) руб(лей), и когда я сделался тяжко уже больным и, чувствуя приближение смерти, то писал Ив(ану) Ив(ановичу) о своём положении с тем, что в случае смерти моей ассигновки и капитал будут в сохранности, они могут получать их от жены моей. Письмом этим, как после он сказывал, я поставил его в довольно печальное положение, и когда он возвратился из П(етер)бурга, а я сдал ему всё до копеечки, то он в // *Л. 148* благодарность за мои тяжкоболезненные труды подарил мне два выигрышных билета.

Достойно удивления, как я только мог в таком состоянии, при громадности дел и денежных операций, поручаемых от Баландина и Матонина, состоя при том доверенным от городскаго общества, мог, лёжа в постели, при помощи однаго только письмоводителя, управлять таким, выше сил моих, громадным делом, всё, по молитвам Св. Угодников и заступничеству Царицы небесной, обошлось благополучно; и, в том же (18)74 году, найдя меня в таком положении, ташкентский почётный гражданин, Александр Петрович Колесников, и просил принять ходатайство и защиту за него в деле по иску с московским богачом Поземщиковым[148], что-то о векселях в 235 т(ысяч) руб(лей), если не больше; это дело Алекс(андра) Петр(овича) желательно было начать в Сибири, а не по месту жительства Поземщикова, в Москве; хотя от ведения этаго дела я и отказался, по неимению больше сил, но желаемое направление ему я // *Л. 148 об.* сделал с тем, чтобы он дал кому-нибудь в Енисейске доверенность, а я бы подаваемые бумаги предварительно просматривал и исправлял. Много было жалоб от противной стороны о неподсудности здесь иска сего, но силою энергии мы все это побороли, а когда дело по апелляции поступило в Губерн(ский) суд, то я, по доверенности Колесникова, принялся за него ходатайствовать лично здесь, но перед решением дела получаю известие, что из Москвы приехал от противной стороны присяжный поверенный, забыл теперь только, чей; сообразив весь натиск его и сильное ходатайство, я, помолясь Богу, придумал дать ему на первый случай полный ход и свободу в действиях. Дело это, после слышал, стоило ему здесь по разным обстановкам, и угощениям и разъездам, до 10 т(ысяч) руб(лей); который, будучи уверен в полном успехе своего предприятия, вознамеривался уже из Красноярска выехать, потому что решение состоялось, безусловно, в его пользу, и записано было уже в журнал, хотя я слыхал от многих лиц о своём, // *Л. 149* якобы, молчании, но я, в сущности, не дремал и даже в своих соображениях проводил многие ночи без сна, от меня не укрывались и самыя малейшия желания противника и даже то, что когда он намерен был выехать из Красноярска, конечно, заручившись, как я убеждён, и даже самой копией с состоявшагося решения; рассчитав время, что он выехал уже за пределы Сибири и памятуя то, что лучше остаться на время побеждённым, а впоследствии быть полным победителем, я подал в Губернский суд прошение о дополнении дела теми сведениями, которыя находились в производстве суда гораздо ранее и которыя составляли существенную пользу для моего доверителя. Так, чисто военная тактика или манёвр произвели полнейший оборот дела на мою сторону, и когда противник мой торжествовал в Москве, то здесь, на основании известнаго закона, перерешено было дело в мою пользу, потому что члены суда при составлении ранее решения вновь выясненных обстоятельств в виду не имели; когда же отсюда кто-то телеграфировал // *Л. 149 об.* в Москву, то там не поверили, а посылали, как я слышал, в суд телеграмму, что и было подтверждено. Многое множество моих хлопот по этому делу, которыя при содействии ген(ерал)-майора Альфонса Леоновича Шанявского и супруги его Лидии Алексеевны, пришло-таки к желанному окончанию в главных его, однако ж, только частях в (18)89 году; а с какою благодарностию и сочувствием относился ко мне Ал(ександр) Петр(ович) за это дело, то видно из письма его ко мне 12 ноября 1877 года, из котораго, между протчим, видно (то письмо в сумке вместе с духовным моим завещанием и другими документами)*: «Пишу к Вам редко, но благодарность к Вам самую задушевную чувствую непрестанно! Вижу с каким усердием, с какою заботливостию Вы следите за каждым шагом моего дела. Молю Господа, чтобы он сохранил Ваше здоровье и продлил до глубокой старости многополезную жизнь Вашу. Настрадался я сам, да и Вам немало доставил страданий, потому что Вы, как я вижу, не просто адвокат, ходатай по делам, а человек с истинно добрым, сострадательным сердцем. Такие люди не механически относятся к делу, а // *Л. 150* всей душою страдают или радуются вместе с тем, за кого действуют».

В августе (18)79 года, генерал *(Шанявский)*, проезжая через Сибирь, посетил и меня, а так как я обедал, он оставил карточку; и я вечером отправился к нему на квартиру, в дом гостиницы Шлях-

* Текст в скобках вписан на левом поле.

тина, но и его не застал дома. Лидия Алексеевна приняла меня любезно, угощала чаем, говоря, что Ал(ьфонс) Леон(ович) уехал в телеграфную контору и скоро возвратится; прогостив у него до 11 ч(асов) вечера и переговорив о деле Алекс(андра) Петр(овича), мы распрощались; а в ноябре того ж (18)79 или (18)80 года генерал опять посетил меня и предъявил прискорбное известие, что А(лександр) Петр(ович) 8 ноября в Москве внезапно скончался, последним словом котораго было: «Не забудьте Ивана Фёдоровича в расчёте, у нас условия не было». И, если бы до конца дела был жив А(лександр) П(етрович), то я, по всей вероятности, был бы им вполне осчасливлен. Однако же от генерала, управляющаго опекою Колесникова, я благодарностями не обойдён, так что он, видя во мне практические познания в делах, уполномочил доверенностию и по заведываемым им делам // Л. 150 об. г(оспод) Родственных, по которым состою и в настоящее время, т. е. сентябрь 1890 г.

Готовый всегда, по природному своему характеру, к услугам и узнав лично от генерала, что Лид(ия) Алекс(еевна), возвращаясь в Россию, где-то около Тобольска, сильно захворала оспою, я и этот случай не оставил без внимания, предложив выбранный мною из домашняго лечебника, рецепт, предупредив, чтобы она, больная, предварительно посоветовалась с лечившими её докторами. Генерал здесь скорбел и томился ожиданиями, тревожась о здоровье дорогой своей супруги; и в один день приезжает ко мне в весёлом расположении духа, показывая телеграмму о выздоровлении и благодарность от докторов за содействие моё; и, действительно, когда в следующий год приехала сюда генеральша, то никаких знаков на лице не оказалось, а генерал, бывши здесь же, рекомендовал меня ей такими словами, что я «доктор прав» и, вместе с тем, «доктор медицины».

В (18)78 году в видах предприимчивости, // Л. 151 я пожелал сыну своему Александру заняться золотопромышленностью, так как он, служа по этим делам с (18)70 года, по-видимому, в сей профессии достаточно опрактиковался; я, посоветовавшись с добрыми золотопромышленниками, благословил сына своего на это дело и дал ему пособие в разное время до 8 т(ысяч) руб(лей), скопленныя моими почти полувековыми, трудами, но, к несчастию, горько ошибся. Сперва дело было и пошло порядочно, но впоследствии Александр до того запутался в своих делах, что остался многотысячным должником, и это в продолжение каких-нибудь пяти лет. Верили ему, зная мой честный характер, а из-за него, впоследствии, я лишён был того беспредельнаго доверия, которым пользовался ранее. Трудно и прискорбно описывать мне все подробности падения дела, которыя могут усугубить болезнь и без того расстроенных у меня нервов. Этот крест для меня тяжёл, как золотой крест, который, помоги, Господи, мне покойно донести до моей могилы. // Л. 151 об. Некоторыя злые люди распускают слухи, что я будто бы воспользовался капиталом, окредитовавших его некоторых неблагонамеренных людей. Скажу только одно, что я буду умирать со спокойной совестью, так как ни одним чужим рублём не воспользовался при упадке дел моего сына и, если бы не генерал Шанявский, помогающий мне не заслуживаемым мною жалованьем; мне 68 лет, я не могу уже работать с прежней энергией, но совесть моя при мне осталась та же, то я должен бы был проживать последния мои средства.

Не оправдывая действий сына по этому производству, я не могу умолчать и том, что к разорению его, по природной его простоте, много способствовал и разными способами фигурировал известный богач Авериан Матонин[149]. Не буду описывать подробностей, скажу только одно: в (18)81 г., т. е. в год пожара, на одном прииске дело пошло довольно хорошее, так что по тогдашнему исчислению можно было рассчитывать на полпуда, по крайней мере, Л. 152 барыша, но этот богач // сумел подставить ногу, и сын мой пал. Прискорбных последствий описывать не стану, чтобы не потревожить трагическим воспоминанием прах умершаго, ибо «мёртвые сраму не имут».

На последней неделе Великаго поста, (18)81 года, были постоянные бури, ужасая своими последствиями. В первый день Пасхи, мы встретили с каким-то унынием, как будто бы что-то потеряли; после вечерни я заехал на чай к И(вану) Як(овлевичу) Росто(вых); буря бьётся, предчувствие пожара ужасает, а при разговоре с Ив(аном) Як(овлевичем), что храни Бог, а у меня на хранении хозяйских билетов на 26 т(ысяч), которые я, получив в среду, не успел положить в банк. Во все последующая три дня во всех лицах заметно было нерадостное приветствие с праздником, как это обыкновенно бывает, а вообще, печальное настроение духа. В четверг от вечерни заехала к нам гостья, лошадь, ожидая её, выбила копытом яму больше 1/4 ар(шина), а это, я слыхал, дурное предзнаменование; а буря все бьёт.[*] // Л. 152 об.

[*] Далее подшито письмо в редакцию «Сибирской газеты», которое прерывает повествование о пожаре. Текст редактировался, сохранились карандашные правки И. Ф. Парфентьева, которые указываются в квадратных скобках.

Господину редактору «Сибирской газеты» в Томске. Г. Красноярск. Июля 23 дня 1881 года.

Милостивый государь!

В № 15 «Сибирской газеты» помещена корреспонденция, в которой неизвестный автор (напечатанной статьи), сообщая о безуспешности подписки, предложенной Енисейским городским головою К. в пользу погорельцев г. Красноярска, между прочим объяснил, что когда голова обратился с подписным листом «к богачу Д. ***(Возможно, кто-то из купцов Дементьевых)****, тот обещал подписать потом, когда увидит. сколько пожертвуют другие». Г.*[150] *отказался от пожертвования потому, что у него самого в Красноярске есть дома и что он едет в Красноярск и проч(ее); а «экс городской голова Енисейска Б.* ***(Баландин А.С.)****» по словам корреспондента, «не только не счёл нужным дать какие-либо оправдания*[**] *своего нежелания жертвовать в пользу несчастных», но выразил будто бы своё удивление «как и другие-то способны на такую глупость».*

Мне неизвестно, да и нет надобности знать, кого именно автор статьи рисует под буквами // Л. 153 *«Д» и «Г»; не знаю и того, справедливо ли высказался он о равнодушии, с которым отнеслись эти лица (Д. и Г.) к делу благотворительности в пользу пострадавших, так как всякая помощь ближнему есть священная тайна сердца, а не пустой звук молвы; но я особенно отношусь к третьему лицу, означенному буквой Б., которому, с каким-то злорадством [неудовольствием] предпосылая титул [звание] «экс городскаго головы Енисейска», автор статьи довольно прозрачно дал понять «о ком*

[**] Слова «дать» и «оправдание» подчёркнуты.

он речь ведёт». Вот именно по этому поводу, в интересах справедливости, я считаю себя обязанным сказать здесь несколько слов не в защиту Б(аландина), в чём он и не нуждается, а в доказательство неверности выводов автора, позволившаго себе, кроме злой [едкой] неправды, так неделикатно коснуться самых заветных побуждений человеческаго сердца к несчастию ближних — состраданию, судить о которых нет никому дела.

Красноярский пожар есть такое несчастие, что не поддается никакому описанию; довольно сказать, что очень многие лишились крова, всего имущества, остались без приюта, без средств к жизни и теперь ещё не знают, куда приклонить голову, где приютить семью. Богатый, хотя и потерпел, но Л. 153 об. *// ещё найдёт средства построиться и обзавестись; а бедняк, у котораго всё погибло, — где он их возьмёт? Таким-то и нужна помощь. Не отрицаю того факта, что подписка в пользу несчастных, есть один из способов, вызывающих общественную помощь; в этом способе сбора пожертвований нередко встретишь живой образец Евангельской вдовицы; но этот же способ сбора по подписке, сказать по правде, не для всякаго удобен: тут вмешивается и контроль, не для каждаго желанный, тут же встречается и своя доля тщеславия!... Тот же, кто желает помочь бедным, но не хочет рисоваться в подписке — разве он не вправе делать доброе дело без огласки? Кроме того, сбор по подписке, представляет [быть может], ещё и то неудобство: пока-то он составится, а потом дойдёт до назначения; а бедняк, у котораго всё погибло, сиди и смотри на слёзы детей, на стон и отчаяние раздетой и голодной семьи! Между тем голод и нужда не ждут и не рассуждают... Вот в такую-то тяжкую минуту нуждающимся погорельцам и явилась помощь со стороны Б(аландина), который, как только узнал о несчастии, постигшем жителей Красноярска, тотчас же прислал мне своё уполномочие — взять из банка известную сумму денег и оказать в назначенной цифре помощь некоторым пострадавшим. Распоряжение Б(аландина) в точности исполнено. Может быть, в чём я совершенно // уверен, разъ*Л. 154 *яснение этого обстоятельства сделается крайнее нежелательным для Б(аландина), так как это до сих пор составляло его тайну; но неизвестный автор статьи вызвал меня на эту нескромность; он идёт далее, он заявляет свою претензию даже на то, почему Б(аландин) не счёл нужным подписаться на листе или принести «оправдание» (кому, как не автору) своего нежелания жертвовать в пользу несчастных». Хотя я не уполномочен г(осподино)м Б(аландиным) отвечать за него на этот вопрос, но считаю долгом и тут сказать, что, по моему мнению, Б(аландин) поступил так, а не иначе: во 1-х, потому, что имел полное право сделать и без подписки то, что требовал от него долг человека к страждущим ближним и, во 2-х, потому, чтобы «не трубить перед собою» о том, что составляет обязанность человека своему ближнему, но сделать возможно так, чтобы «левая рука не знала, что творит правая».*

Заканчивая это письмо словами того же неизвестного автора: «Полюбуйтесь же на нас, добрые люди» как мы «любодеи печатнаго слова», вместо того, чтобы внести в печать продукт разумной мысли, стараемся лишь доказать [уверять], что умеем злословить [на добрых людей неудовольствия] и совать свой нос туда, куда «не подобает».*

* Абзац перечёркнут.

Вас, г(осподин) редактор, покорнейше прошу дать место этому моему заявлению на столбцах уважаемой «Сибирской газеты» и вместе с тем принять сведетельство искренняго к Вам уважения, с которым имею честь остаться,

Вашим, милостивый государь, покорным слу- Л. 154 об. *гою И(ван) П(арфентьев) //*

и нисколько не утихает. Закусив вечером 17 числа, я в 10-м часу лёг спать, предупредив жену в случае опасности тотчас же меня разбудить, и только заснул, как слышу: она идёт в зальную дверь и на спрос мой о причине, сказала только, что «дело неладно»; я взглянул в кабинетное окно и вижу: на северо-западе пламя, казавшееся небольшим, потому что бурею его склоняло книзу; ту же минуту стал одеваться, распорядясь запрягать в экипажи лошадей. Надобно заметить, что ещё накануне уговаривались, чтобы первее всего спасать иконы; и, хотя ко мне прибежали двое для помощи, которым и можно было, по крайней мере, спасти иконы, но я отказал им в помощи, видя усиливающийся огонь, кое-что стаскали в подвал, но и там было небезопасно, потому что сквозь своды поставлен был деревянный столб, поддерживающий наверху печь; что попало под руку, склали в подвал и замкнули. Будь бы квартировавшие в переднем доме постояльцы дома, можно бы было многое спасти; но прибегает один из них и говорит, Л. 155 // что с дома Потехина, с котораго начался пожар, огонь перебросило на гимназию, на Прейнский дом и на полицию; всё ещё было не так страшно, потому что буря била с юго-запада на север, но когда внезапно потянула она с сильною яростию с севера на юг, почти параллельно и когда увидали уже в разных местах воспламенившиеся дома, то мы потеряли всякую энергию к спасению*, и кое-как собрали, что попало под руку, на воза, выехали за Качу; взяли только Св. иконы Св. Иннокентия. «Утоли моя печали» и «Не рыдай мене, мати», остальныя все старинныя и многие с окладами, кажется, 12 икон, оставили в доме; я несколько раз беспрестанно читал псалом «Господь пасёт мя» и, признаться, верил, что огонь меня не коснется; но, когда уже загорелись Божковския постройки, то семью отправил в за Качу, а сам с сыном Иваном остались ещё в доме; многое бы из мелочей или серебра можно было мимоходом спрятать по карманам // пальто, но какое-то тупоумие или Л. 155 об. рассеянность препятствовали; правду говаривали предки, что, кого Господь восхочет наказать, у того отнимет ум; даже приготовленных в ящике папирос не взяли, думая возвратиться в дом; вина и закуски тоже не взяли, а между тем, всё это, как в праздник, оставалось в ночь на столе: сребряныя ножи и вилки, чайныя ложки и столовыя сребряныя *(приборы?)* — всё оставалось, как будто бы ничего нам впоследствии и не нужно было; дорогия карточки: покойнаго государя Александра II-го с семейством как драгоценный подарок из С(анкт)-Петербурга; губернаторов — Падалки с семейством и Лохвицкаго, П(етра) И(вановича) Кузнецова, А(лександра) М(ихайловича) Кабакова, И(вана) Я(ковлевича) Новикова (того, который, выше сказано, направил меня на путь истинный), и прочих родственников, ныне многих уже умерших; и дорогой поясной портрет незабвеннаго моего родителя. Одним словом, // сохранилась часть зимняго пла- Л. 156 тья, сложеннаго ещё до Пасхи в сундуки и приготовленнаго к отвозке в каменную кладовую после

* Далее текст написан рукой автора.

праздника; но вышло иначе: «человек предполагает, а Бог располагает»; лошадей и рогатаго скота с великим трудом вывели со двора, а любимый мой кот, большой, китайской породы, ходивший всё за мною во время суеты в доме, и старая преданная собака, зашедшая в котух, из коего не могли её и вывести — остались жертвою огня вместе с имуществом; от сильной холодной с снегом бури; дорогая моя лошадь «Великан, за которою мне давали 300 руб(лей), простудилась и того же года совершенно обезножела от паралича и отдана татарам на съедение; много было годоваго запасу хлеба, пшеничнаго, ржанаго и овса более 600 пуд(ов), дров и сена — всего было довольно; дом был, как
Л. 156 об. говорится, «полная чаша»: // большия зеркала, мебель политурная, картины, из коих одна — портрет Екатерины, древней работы на стекле; библиотека из нескольких сот томов, в том числе и древния рукописи и манускрипты за 200 и 400 лет тому назад; за портрет Екатерины мне П(ётр) И(ванович) Кузнецов давал 100 рубл(ей), но я, как редкость, не отдал. Когда же, видя опасность для города от сильнаго севернаго ветра, поскакали по городу верховыя казаки с командою слов «Спасайтесь!», тогда возвратились все постояльцы; из передняго дома, и с помощью молодяжника можно бы спасти и сохранить кое-что в подвале, но он был уже замкнут и ключ увезён за Качу, я только догадался и припёр железный ставень своею такою же палкою, но около ставня стояла пустая бочка, которая сгорела дотла, а равно и деревянной лиственной столб посредине подвала, но их затушило дымом, и ничего существеннаго не утратилось. // Акафи- Л. 157
сты все сгорели, но чудом спасена икона на тафте Св. Великомученика Пантейлемона, найденная впоследствии на каменной ступеньке подвала.

Все погибшия от огня иконы, я имел тогда ещё излишние средства, хотел возобновить, хотя в малых размерах, и писал об этом на Св. Афон, но мне отказали, отвечая, что в малых размерах, 4 и 6 вершков, там икон не пишут; итак, заперев дом замком и возложив печаль свою о предстоящей гибели на Господа, и мы с сыном Иваном, выпив рюмочки по три винца и помолившись Господу Вседержителю и всем Св. иконам, вышли из дома последними; но какое было ужасающее, грозное и, вместе, величественно торжественное, зрелище: сильная буря, звон колоколов во всех церквах, гром барабанов; но ни стона народнаго, ни криков, — всё тихо, безропотно, как бы // готовящееся к вос- Л. 157 об.
приятию чего-то высокаго, таинственнаго!... Все жители с покорностию только спешили, захватив свои по силам пожитки, куда-то, только лишь бы укрыться от гнева Божия. В книге Левит[151] 26, 15, 16, сказано: «Если презрите Мои постановления, то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа».

Точно так и мы тихо и безропотно оставили на произвол судьбы родимое наше гнёздышко; а как было всё устроено, какия были роскошныя три сада во дворе, даже многие приезжия любовались чисто европейским вкусом. Квартируя за Качей у гостеприимнаго и набожнаго христианина Тарасевича (нас он приютил семей пять в одном доме) и чувствуя страшную жажду, я в ту ночь и следующея утро выпил чаю стаканов 30; // все Л. 158
комнаты и двор хозяина загромождены были разным принесённым и привезённым имуществом; но не обошлось и без ущерба; наприм(ер), у нас была украдена шёлковая фуражка и ещё кое-

что. Но моею главнейшею заботою было сохранить в кармане хозяйския билеты на 26 т(ысяч) руб(лей). При таком испытании и самоотвержении, я из-за них-то потерял и большую половину своего достояния, лишившись, по крайней мере, на десять тысяч рублей; но во всё время был спокоен и только надсадил глаза от дыму, бури и пролитых слёз о лишившемся имуществе, да недели две кашлял, простудив грудь.

Извещаясь из-за Качи о своём доме, я сперва получал утешительныя отзывы, что дома наши загорали раз 10 и тотчас снегом погашались, но уже часу в 9 утра 18 апреля чиновник Словцов сказал,
Л. 158 об. что // «всё кончено». Расстроенныя нервы требовали спокоя, хотел выпить вина, в питейных, уцелевших от пожара, воспрещено отпускать, и только благодаря сочувствию почтеннаго Александра Михайловича Егорова[152], дай Бог ему здоровья, он дал мне 1/2 бутылки мадеры, и я несколько освежился: «В терпении вашем, — сказал Господь, — стяжите души ваши»; чрез хранение у себя в кармане чужих билетов на 26 т(ысяч) руб(лей), я потерял своё почти всё, только и заботы было, что о чужих билетах...

В утешение всего этаго, чего я лишился, судьба наградила меня только «петушком», (этот петушок в сумке вместе с другими документами)* вылившимся в пламени из разных металлов, ну, настоящий петушок, да и только; я сделал на нём, в память пожара, вырезанную надпись и храню его как завет святыни, да на месте пожарища нашёл впоследствии чугунное ядро Севастопольской битвы,

* Текст в скобках вписан на левом поле.

принесённое мне в дар героем-кавалером, которое находилось у меня на столе // в кабинете. Всё это Л. 159
печальное событие пишу не пером, а кровью, так мне тяжело даже и сейчас воспоминание дорогих мне Св. иконах и портрет родителя моего.

По тесноте у Тарасевича, я 18 апреля с семьёй перебрался после обеда к служившему у меня Иванову за Качей же, под Всехсвятскою церковью; у него переночевали, но сон, я до того расстроился, что всю ночь на голову клали компрессы, уснул с час; я пошёл проветриться на Качу и, сидя у мельницы, вздумал псалом «На реках Вавилонских тамо седохом и плакахом и проч(ее)», как раз подходящий к нашему горькому положению, и я горько плакал. Да, по грехам нашим взыскал нас Господь; неуважение, если не пренебрежение к религии, к правительству, к родителям, гражданския браки, пьянство и разврат, кругом хаос — всё это по справедливости вызвало праведный гнев Божий; // щедр и милостив Господь, долготерпе- Л. 159 об.
лив и многомилостив, не по беззакониям нашим, сотворил есть нам, и иже по грехам нашим воздал есть нам. Много единовременно постигла людей смерть от болезней лютых после пожара; но наказание Господь смерти всё-таки не предал, ибо я с верою и терпением восприял сие Божие посещения. Сказано в пророчестве Св. Давида: «И отдалит от тебя Господь Бог твой всякую немощь, и никаких лютых болезней не наведёт на тебя. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится. Не приключится тебе зло и язва не приблизится к жилищу твоему (пс(алом) 90,6,7, 10). Помилуй мя, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены» (пс(алом) 6, 8).

Предание гласит, что пожар начался с того самого места, от котораго назад тому сто лет с лишком Л. 160 // истреблён огнём был весь город; а город, как я слыхал от своей матушки, был только до Покровской церкви, а затем поля и леса; на том же самом месте, где началось пожарище с дома Потехина; от неосторожности его — ночью ходил в подвал со свечою, без фонаря, за мясом и там заронили в рогожу, а при сильной буре всё это скоро и воспламенилось, а когда прибежала пожарная команда, не могли достукаться, хозяева спали мёртвым сном; пока ломали ворота, объято всё уже было пламенем; недаром говорят, что и Москва сгорела от копеечной свечи; на том же месте в 1848 г. летом сгорели дом и постройки торгующаго Абросимова, подожжённыя злодеем-сыном его, за что, как я слыхал, пострадавший проклял трижды и сына, и несчастное место. Храни только, Господи, Л. 160 об. нынѣшняго // владельца Е(гора) И(вановича) Потехина, виновником же пожара был брат его Александр.

Переехав, как выше видно, к Иванову из-за Качи, посетил нас незабвенный вечной и блаженной памяти Иван Иванович Токарев, предложил переехать к нему во флигель, и 20 апреля, мы, с Божиею помощью, переехали; благодеяние Ивана Ивановича и супруги его Иулиты Сидоровны не забудутся по гроб нашей жизни; они с самого начала обеспечили нас всем продовольствием, дровами, сеном, одним словом, заботились, чтобы мы жили так как, и ранее — без всяких недостатков; между тем, родственница наша из д(еревни) Базаихи Раида Матвеевна, пришедшая навестить в нашем горе, предложила купить продающийся у них в деревне дер(евянный) дом на 4 саж(ени), новой, неотстроенной; подумали и купили за 400 р(ублей); приплавили и, с Божиею помощью, // сделали Л. 161 окладку в 21 мая (празднество Чуд(отворной) иконы Влад(имирской) Божия Матере); прибавили ещё на две саж(ени), лес был дорог, платили по 2 руб(ля) за лесину, потому что богачи, как на грех, скупали лес для своих построек, а при всём том, за городом стали в одно время устраивать заводы: Кузнецов — чугунно-плавильный, а Плотников — кирпичный; 1-й в 1883 г. сгорел, а последний — разорился, по пословице «отозвались волку коровьи слёзы». Баня у меня была выстроена на месте, не постигнутом пожаром, и первее всего её перевезли и поставили здесь. Отслужили со слезами молебен Царице Небесной, мы начали строиться. За прежния дома получили страховой премии 1900 руб(лей), да помогли г(оспода) Токаревы; однако ж, за всем тем и за помощью г(осподина) Баландина — 400 рублей, да выручили за проданную пролётку московской работы, стоившую с провозом до 700 руб(лей) — 400 рублей, всего было далеко недостаточно, в остальном // подспорила сбережённая на чёрный день копейка, нажитая трудами почти 70 лет покойнаго Л. 161 об. родителя моего и собственными моими, причём, не излишне заметить, что в данное время в банке на моё имя по неограниченному доверию хозяина, было записано 74 т(ысячи) рублей; вот чрез этот-то капитал прозгласили слух, что я богач и что я ханжа и не заслуживаю никакого сочувствия, хотя управляющий банком, добрейший и справедливейший, Иван Николаевич Голубин*, и уверял, что собственных моих денег на текущем счету было только 1700 руб(лей), а остальныя — хозяина моего, но никто, кроме Ив(ана) Ив(анови)ча Токарева, не поверил; Баландин же, заботясь о капитале и билетах, и о том — жив ли я, насилуй, чрез телеграммы нашёл меня в Красноярске и успокоился только тогда, когда я написал ему письмо. А так как Анюты и матери книжки сберегательной кассы у нас сгорели, к счастию, сохранились // в па- Л. 162 мятной в портмоне, находившиеся постоянно при мне № этих книжек, а в банке эти документы также сгорели, и сохранились одна касса, и книги-то от банка писали в С(анкт)-П(етер)бургский банк, и оттоль № № наши подтверждены, а то бы мы и здесь лишились капиталу, кажется, до 500 рублей.

* Со слов «добрейший» вписано на правом поле.

Назавтра пожара, т.е. 18 апреля, когда всё уже очистило пламенем, я послал удостовериться, целой ли замок у подвала, а тут уже стоял на карауле доброй и незабвенной наш друг Алексей Петрович Шаров и говорил, что, когда он пришёл, то жиганы уже собирались сломать замок, но он воспретил, говоря, что пошлёт за полицией, и жиганы разбежались; буря после того была ещё 4 дня, в подвале почти всё сохранилось, но от дыма по- Л. 162 об. темнели и дела и лопоть; перетаскивая // оттоль сохранившееся, служащий Иванов с моим постояльцом разбили несколько банок с вареньем, будучи пьяными. К распространению пламени много способствовал большой недостаток воды; берега ото льда очищены не были, все завалены льдом, даже, как жаловались, пострадавшия утоляли жажду свою только льдинками, а многия, не имея крова, более суток проживали на льду, нагромождённом по берегу и, поэтому легко судить сколько было страдальцов больных; между тем, как слухи носились, что на очищения от берегов льда управою одному члену управы было на последней ещё неделе В(еликого поста), пред Пасхою, отпущено 500 руб(лей). Куда же потрачены эти деньги?...

Покровская церковь, бывшая со всех сторон в пламени, за малыми повреждениями сохранена помощью Божиею, при собравшихся прихожанах; а священник о. Симеон Троицкий, всю *(ночь)* ночую, // при редком своём самоотвержении, оставив Л. 163 на погибель все своё: дом и имущество, молился и служил молебны, запершись в храме и, в память сохранения храма, установлено молебствие каждогодно, в 17 апреля, и крестный ход вокруг церкви.

Храм Благовещения по молитвам Царицы Небесной тоже сохранился, обгорела только решётка ограды и, точно так же за церковью, дома остались невредимы, и по Большой улице дома Кузнецовых, деревянные же постройки уничтожены; дом Куркутовых мало обгорел, а за ним всё уничтожено. В Гостинском дворе под сводами не сгорело ничего, а вверху помещалась архив, также погибла, своды накалились так, что несколько дней не могли охладиться.

А какия были грабежи, описать трудно; под предлогом спасения в глазах хозяев мошейники накладывали // на воза товары и имущество и уво- Л. 163 об. зили на Енисейский и Московский тракты, благо караула поставить на тракты начальство не распорядилось; отряженныя 800 человек баталионных солдат тоже не дремали, кому, что только попадало под руку — всё пряталось по карманам; при необыкновенной северной буре огонь работал както зигзагами: например, в банке садовая решётка

и голдарейка уцелели и нисколько от огня не пострадали, наши постройки загорелись уже с задов от Шахаданова; буря была до того сильна, что горевшия дела архивныя уносило за город, каковыя иногда и находили в Коркиной и Песчаной деревнях.

Будучи, как выше сказано, призрены Токаревыми, мы мало — помалу стали успокаиваться и надеяться на помощь Божию; между тем, для *Л. 164* пособия погорельцам учреждён был Комитет // под председательством губернатора Лохвицкаго, (который, кажется, не разу и не посетил такого скорбнаго собрания) и преосвященнаго Антония, епископа Красн(оярского) и Енис(ейского)[153].

Членов же от разных сословий избрано было, кажется, до 70 челов(ек). Августейшая фамилия, вся почти Россия и Сибирь, отозвались к нашему несчастию сочувственно, отовсюду полились пожертвования, даже тысячныя, но расходование денег производилось, по меньшей мере, небеспристрастно...

В то время был городовым главою некто П(рей)н, в его личное распоряжение поступило от разных лиц несколько тысяч, и он, до утверждения ещё Комитета, распоряжался приближённым к нему выдавать по тысяче и даже более рублей, и небогатаго сословия гражданам, достойным поистине пособия — Маямсиму и М(ихаилу) Н(иколаеви)чу Нашивошникову, купил даже дома, кажется по 400 руб(лей), дабы этим при- *Л. 164 об.* крыть //

своё мнимое бескорыстие и беспристрастие, и хотя Комитет требовал от П(рей)на отчёта, но он так-таки и не дал; а, между тем, вскоре после пожара, воздвиг каменныя палаты, стоящие несколько десятков тысяч рублей; положим, что он имел состояние, переведённое на жену в тех видах, чтобы его не могли преследовать за произвольныя распоряжения несчастными деньгами; но всё осталось, что называется, «шито и крыто», несмотря на обнаруженную фактическую его ложь, мною в Комитете заявленную и обнаруженную, она состоит в том же, что я читаю в «Губ(ернских) ведомостях» напечатанное думы постановление о выдаче члену управы Засухину пособие в 1 т(ысячу) рублей, а состоя в ряду членов Комитета, я знал, что Засухин, не только не состоял членом управы, но и не получал 1 т(ысячи) руб(лей), о чём и он объявил при всём присутствии. Но П(рей)н и тут вывернулся, // *Л. 165* сославшись на какую-то неумышленную ошибку; видя такие позорныя и угнетательныя действия, граждане в числе 16-ти человек расположились послать г(осподину) министру внутренних дел Лорис-Меликову[154], как особе беспристрастной, телеграмму, но пред отсылкою ея, в мае (18)81 г., получаем известие, что он уволен. Многое бы можно описать о подобной своекорыстной деятельности купца П(рей)на, но это история будущаго... Он не пощадил даже родную свою тётку, старуху 80 лет, запёрся в полученных от нея на сохранение, кажется, 1 т(ысячи) руб(лей), которыя она выходила себе уже судом, или одна женщина, приходившая ко мне за советом, рассказывала, что после пожара, она отдала ему на сохранение полученное пособие 100 руб(лей), и он так же запёрся; я ей присоветовал

обратиться во Слов(есный) суд и просить дать обидчику присягу; чем дело кончилось, не знаю. Да! *Л. 165 об.* П(рей)н не только не оправдал // слов Святого писания (исх(од). XVIII-21): «Изберите убо себе от всех людей мужи сильны, Бога боящияся, мужи праведны, ненавидящия корысти», но даже сам служил с любовию корысти; в чём и даст ответ на Страшном Суде в будущей и сей временной жизни.

Я ходатайствовал во внимание, по крайней мере, к моей сорокалетней службе (моей) городу, одолжить меня под вексель и под обеспечение строящагося дома тысяча пятьсот рублей, но мне, по инициативе П(рей)на, отказано, и даже после пожара стесняли выдачею жалования, следовавшаго мне из управы за январскую треть 100 руб(лей), которыя выдали в мае, да и то вследствие угроз моих и жалоб. Да, верю, что Господь испытует и праведнаго и несчастнаго, а за несчастие моё испытываю и я скорби, лишения и угнетения, ради Господа моего. Да! И воистину: моё несчастие велико, я шёл погибельным путем; но, помяни меня, *Л. 166* Владыко, в Небесном царствии Твоём. // Будь в эту несчастную годину жив П(ётр) И(ванович) Кузнецов, он бы не пожалел для бедных пожертвовать и 10 т(ысяч) руб(лей), его благодеяния незабвенны; это истинный патриот, исполнявший слова Святого писания и не прилагавший сердца своего к текущему ему богатству.

С каким недоверием относились жертвователи к городскому управлению, видно из следующаго примера [случая]. Некто заводчик, богач Ю(дин)[155] пожертвовал 1 т(ысячу) руб(лей) с таким условием, чтобы выдать двум бедным семействам по 500 руб(лей), по жребию, вытянутому сиротами, девочками малолетними, воспитывавшимися на счёт Влад(имирского) приюта в присутствии всего Комитета; я, с своей стороны, заявил о бедном и честном соседе своем М. Н. Нашивошникове, лишившагося крова и не имеющаго ни 1-го рубля денег; другия члены так же заявили о известных им бедных семействах; и что же? Девочка, вынувшая из урны жребий, подала его // пре- *Л. 166 об.* освящённому, а сей последний, развернув, сказал: «500 рублей М. Нашивошникову»; я возблагодарил Господа за такое благодеяние бедному семейству, а ему, М. Н. Нашивошникову, присоветовал, взяв малых детей, сходить к Ю(ди)ну и слёзно благодарить. Другия же 500 рублей выпали на долю бедной женщины, кажется, Саватеевой, живущей на берегу. Вот если бы с такою предусмотрительностию выдавались жертвованные деньги, тогда бы устранилась всякая попытка к произволу, а то выдавали по 10 коп(еек) с оценочнаго рубля по городской оценке, которая в 10 раз ниже номинальной и никак не более, приходилось на руки не больше ста рублей и то в редких случаях, а большая половина — от 10 до 50 руб(лей), на которыя можно было устроить какой-нибудь земляной или берестяной шалаш.

Наобум ходили тогда по городу стихи, припоминается мною, в таком смысле: // *Л. 167*

Как-де в 17 апреля,
Разорил наш город П(рей)н
и т. д., больше не упомню.

Сосед на вырешенныя деньги в том же 1881 г. и поставил домишко, а как на кровлю денег не хватило, то я ещё выхлопотал ему из Комитета 25 рублей.

Между тем, Бог да добрые люди и мне помогли в том же (18)81 году поставить дом и надворныя службы; в 18 сентября (празднование иконы Божия Матери-Целительницы); день самый ненастный, дождь и снег; мы, взяв из соборнаго храма Св. иконы: Влад(имирской) Божия Матери и Великомученика и Целителя Пантелеймона, принесли в дом. Протоиерей о. Иннокентий Нарцисов и дьякон Гавриил Лавров отслужили входной молебен и, окропив постройки Святою водою; мы, с благословения пастыря, вступили в новый дом; а какое было трогательное прощание с И(ваном) И(вановичем) и И(улитой) С(идоровной) Токаревыми; мы за их *Л. 167 об.* гостеприимство // и приют нас, поклонясь в ноги, благодарили со слезами так трогательно, что они и сами-то заплакали, расставаясь с нами.

Опасно было жить в новом доме, заплотами ещё не огороженном; к сентябрю только и было устроено ещё во всей нашей части домов 5, не более — совершенная пустыня; в доме, подвале Высокова, жили разныя жиганы, я им подавал денег и хлеба, и они благодарили, говоря, что пока-де мы живём в соседях, то ни в какую обиду не дадим; и, действительно: при просушке на дворе белья ничего не терялось, словом, жили безопасно; когда же стали рыть яму для погреба, на расстоянии глубины 4 арш(ина), вырыли горелое бревно и угли, полагать, должно в минувшем столетии была на этом месте кузница, и во время перваго пожара, в 1777 году[156], сгорела; грунт был, сперва, наземный, а книзу — песчаной, так до гальки *Л. 168* и не докопались. Забыл я ещё упомянуть, // что когда после пожара, я, 19 апреля (18)81 г. приехал взглянуть на место родное своё, то не мог найти его, всё, вплоть до набережной было как подметено метлой: ни обгорелых пней и ни угля — всё бурею было унесено. Мёртвая долина, да и только!...

Перед постройкою дома было рассуждение о том, что расположение его и размер постройки приходился как раз на месте сгоревших ворот; кто-то мне советовал дом подать к Высоковской[157] стороне, а ворота поставить на прежнем месте, но я не послушал, и получил только в ответ, что если так — то дело неладно будет; и, действительно, в следующем 1882 году, на Пасхе, в среду, 20 апреля, случилось в доме несчастие: устроили без моего разрешения за сараем качели, день был прекраснейший, у нас жила горничная, годов 15-ти, дочь поселенца Параскева, поведения примернаго, честная, трудолюбивая; пошла после чаю, часу в 12-м покачаться с мальчиком // Константином *Л. 168 об.* Ивановым и минут чрез пять, слышу во дворе крик «убилась, убилась», бегу во двор и глазам представилась кровавая драма: козла качели и доски упали; доскою убило в голову девочку, кровь лилась, и убитую, в предсмертной агонии, лишь дергало всеми членами; но была еще в чувствах; тотчас, стремглав, по извещению, приехал на паре лошадей доктор Пекок[158], спросил, есть ли паспорт, сказали, что есть, то он и велел отвести умирающую в больницу, и хотя подана ей была скорая помощь, но она в 22 ч(аса) померла; я хоронил на свой счёт, похороны и лекарства обошлись до 30 рублей.

Признаться она была сперва принята от матери без паспорта, но я, по какому-то предчувствию, настоял, чтобы мать исхлопотала паспорт, что она на мои деньги и исполнила; но не будь // бы вида, *Л. 169* тогда без следствия не обошлось бы, и я должен отвечать штрафом за безписьменность; а домашния ещё сетовали, что я ко всему придираюсь; люди же держат прислугу сплошь и рядом без всяких видов; вот какия иногда бывают печальныя последствия непослушания, недаром где-то сказано: «Уважай старость, внимай ея советам и пользуйся ея опытностью». Но, к несчастию, это правило в общежитии, в особенности, в нынешнее молодое поколение, не всегда или и почти во всё не исполняется, а поэтому и выходит вправду: «что имеем не храним, а потерявши, плачем...».

Устроил вновь всё опять тоже «ласточьё гнёздышко», не знаю, сумеют ли дети мои поддерживать по смерти моей всё заведённое или по пословице «к горящему костру только подбрасывай щепки, костёр всё будет гореть», не доведут ли *Л. 169 об.* всё до разрушения, // страшусь и ужасаюсь за будущея. Век нынче — век забвения, произвола, семейной вражды — этих рассадников зла; но да сохранит Господь близких моих от этих пагубных страстей мира сего.

Ах! Как бы да у меня не обрезаны были орлиныя мои крылья, а, между тем, на отращение этих крыльев израсходованы были тысячи!... То я не так бы и жил. Верно, что на свете ничего постояннаго нет! Разлетелись все мои заветныя золотыя мечты! И, пожалуй, не возвратятся. Впрочем, что об этом философствовать, ведь только по — крыловскому предсказанию «гусей дразнить».

В одно прекрасное майское утро 1886 г., именно 15 числа, я вздумал проехаться по лагерям за город, но при выезде из солдатской слободки передняя ось под дрожками подломилась, кучер упал *Л. 170* к задним ногам лошади, а я — назад себя // затылком треснулся на землю и пролежал минуты две; опомнившись, встал, голова как будто бы в угаре, возблагодарив Господа Бога за спасение от погибели, потому, что проехав с сажень от положеннаго леса, если бы упасть головою об лес, то мог и голову проломить; лошадь стояла, как вкопанная в землю, не шевельнулась, и кучер вылез из — под копыт безвредно; приехав домой на извозчике, я тотчас поехал за доктором, по освидетельствовании которым меня, я получил, оказалось, лёгкий удар и небольшое сотрясение, но доктор заметил, что я скоро лишусь памяти; и, действительно, в настоящее время той памяти, какую я имел за 10–20 лет, не имею, а, может, этот удар пагубно повлиял и на моё без того слабое зрение; но доктор об этом умолчал и я, только по милости Божией, отделался головокружением, продолжавшимся с неделю*. // *Л. 170 об.*

В 1881 г. провидению угодно было посетить всю Россию небывалым в летописях российских, тяжким скорбным событием: это 1 марта лишились мы добраго, кроткаго и сострадательнаго монарха нашего Александра Николаевича, погибшаго от вероломной руки злодея. Жгучею болью отозвалась в сердцах наших страдальческая кончина царя-мученика. Умер отец наш! Какую сердечную муку принесло неожиданно это печальное известие! Пишу и плачу! Но не замрут ни во мне, ни в потомстве звуки царскаго голоса и воспоминания об его добродетельной жизни, напечатанныя в истории достопамятной Восточной войны 1877 и 1878 годов[159], не поддаётся перу в глубокой, искренней скорби воспоминание о его отеческих

* Между листами 170 об и 171 вшита брошюра из семи страниц «Иркутск, 2-го марта» о трагической гибели императора Александра II.

заботах к сынам своим; словом, он так радовался радостям народа и страдал его страданиями! Ум Л. 171 мой скуден описывать скорбное событие, // запечатлённое в памяти из исторических известий; скажу одно, как гласит Св. писание пророка Иеремии, гл(ава) V-я: «Рассыпася радость сердец наших, обратился в плач лик наш, спаде венец с главы нашей, горе нам, яко согрешивших».

После этаго и да сохранит Господь Бог и продлит дорогую для нас жизнь преемника престола, возлюбленнаго монарха нашего Александра Александровича на многия и многия годы.

Когда получено было здесь известие о дне, назначенном для священейшаго коронования их императорских величеств Александра Александровича и супруги его, Марии Феодоровны, то красноярское общество избрало для поднесения хлеба-соли городскаго голову, Ивана Ивановича Токарева, и двух с ним из граждан — депутатов; Л. 171 об. Иван Иванович стал собираться в путь, чтобы[*] // успеть прибыть в С(анкт)-П(етер)бург к 15 мая 1883 г., по крайней мере, за неделю; и отправился отсюда 5 апреля с супругою своею Иулитою Сидоровною; была сильная распутица, опасались даже за жизнь их и здоровье, однако ж, И(ван) И(ванови)ч, как от природы смелый, с величайшим самоотвержением, при помощи Божией, доехал благополучно, на перевозах его, где были плохия льды, перевозили народом по доскам, и все удивлялись его смелости. Между тем, как в то время ему было уже с лишком за 60 лет.

Иван Иванович взыскан милостями монарха, и за верноподданнические чувства награждён Анною 2 ст(епени) на шее; блюдо для поднесения хлеба-соли и солонку — серебряныя, золочёныя под чернью, стоящие, кажется, 900 рублей, И(ван) И(ванови)ч принял на свой счёт, а общество, не в укор будет сказано, и не поблагодарило его за это, путевыя издержки // он принял также Л. 172 на себя, и этот-то патриот, в следующем, 1884 году июня в 27 день, от кратковременной болезни отошёл в вечность.

Иван Иванович кроме вышеозначенной награды, за различныя ценныя, и значительныя пожертвования в пользу церквей, благотворительных и учебных заведений, был награждён серебряною на Аннинской и золотою на Владимирской лентах орденом Св. Анны 3 ст(епени) и Св. Станислава на шее 2 ст(епени) и много благодарностей от начальства и от Св. Синода[**].

Кстати, сказать об нём несколько ещё прочувствованных слов. С сердечною болью отзвалась некоторым из граждан смерть, отнявшая у нас честнаго труженика и доброй души человека, который носил в сердце своём тяготы алчущих, жаждущих, угнетённых, униженных и оскорблённых, который любил свою родину истинною и непритворною любовью. Жалка нам была потеря общаго друга и отца, который имел такое любвеобильное сердце, и обличал всех и всюду, за что и ненавидим был многими льстецами; больно и горько нам было видеть смерть истиннаго русскаго человека и благодетеля. «Почивай, о Бозе, любимец наш.

[*] Между листами 171 об. и 172 вложен некролог И. И. Токарева на двух страницах с пометой: Ивану Федоровичу г. Порфентьевичу.

[**] Абзац вписан на левом поле

Мир праху твоему, честный гражданин! Да будет Л. 172 об. к тебе, добрый // человек, любовь Божия на небесах наградой за любовь твою к братьям о Христе. И буди удостоин вечнаго покоя, иде же есть всех веселящихся жилище.»

С глубокою, искреннею скорбию, с горьким сокрушением ко всему тяжкому, удручающему мою жизнь, прибавилось ещё одно незаменимое, нежданное горе! Невелико наше нравственное состояние, не балует нас счастие, а тут ещё новый жестокий удар — новая утрата! Впрочем, я слыхал, что человек, привыкший переносить страдания, не может быть несчастлив. В самом деле, здесь, во временной жизни, все скоротечныя радости сопровождаются неизбежными горестями и утратами, кажется, к этому можно бы было уже и привыкнуть.

Смерть искупает честное имя, поэтому и желаю оставить воспоминания о сыне моём Фёдоре, умершем на 25 году, 20 апреля 1887 года. Да! Действительно, Л. 173 // этот юный труженик «не расцветши, отцвёл»; подробности следующия: Федя родился 6 февраля 1862 года; в младенчестве своём был всё больной; будучи 3-х лет, он был уже при смерти. Доктор о жизни его отозвался сомнительно; оставалась одна надежда на помощь и заступничество Св. Иннокентия, и как раз в это время отъезжал в Иркутск мой хороший знакомый, вышереченный Илья Яковлевич Новиков; я попросил его у Св. мощей Угодника Божия отслужить молебен о здравии болящаго младенца Феодора; и, в одно утро, когда Феодор стал уже кончаться, и в ручку его дана была матерью пасхальная свеча, а я читал Святителю Акафист, прося Его слезами об излечении больнаго малютки, вскоре, думали, что он уже и кончился, но прислушались хорошенько — он спал, и спал несколько часов; проснулся, требует // мать, ему стало лучше, и начал Л. 173 об. Федя поправляться. Детскими забавами его были коньки, бабки, сани, телеги, покос и пашня; к чтению у него охоты не было, и большаго труда стоило нам уговорить его учиться грамоте; между тем, как-то раз летом, мы поехали в Собакину[160] и взяли с собою Федю; напившись чаю, пошли гулять, Федя не пошёл, а сказал, что остаётся делать дуги и гнуть полозья к дровням (детская забава); надобно заметить, что Феде было тогда годов 7-м, весна была ранняя, это было в 20-х апреля; р(ечк)а Собакина, хотя сверху и покрылась водою, но на дне ея был нерастаявший лёд; возвращаемся и видим: Федя по колено в воде сплавляет лодочки вниз по течению речки; мы ужаснулись, увидя его в таком бродячем в речке положении; приехав домой, Федя опять захворал, и приглашённый доктор сказал, что теперь будет с ним много // работы и забо- Л. 174 ты. Когда же Илья Яковлевич возвратился из Иркутска и показал свою памятную, то оказалось, что он молебен Святителю Иннокентию служил в тот именно час, когда, как выше видно, Федя был уже почти в предсмертной агонии, а я в то время читал Акафист, прославив Угодника Божия, за оказанную по Св. молитвам Его помощь излечения болящаго; мы с матерью пришли вновь к убеждению, что при возобновившейся болезни Феди, Святитель его исцелит, однако ж, он страдал долго, боль спустилась в грудь, стала прекращать дыхание; и лишь поправился, начал учиться грамоте, хотя только бы читать и писать, но болезнь его всё-таки преследовала; принуждены были обратиться к знаменитому в то время доктору Бартенёву, человеку характера грубаго; я привёз больнаго к нему, и он,

только взглянул, то тут же и выпалил: «Что Вы, —
Л. 174 об. говорит, — ведёте ко мне, // он скоро помрёт». Пар-
нишко испужался, но на мои убеждения доктор
всё-таки обратил милостивое внимание. Больнаго
тщательно осмотрел, ослушал и спросил ещё: «Что
у него нет зубов?» Я ответил, что какой-то доктор
лечил его и как–то дал такого лекарства, что у него
выкрошились все зубы; а он в ответ: «Начто коно-
вала приглашаете. Я, — говорит, — знаю его, он
сотни людей отравил». Долго думал Бартенёв, на-
конец, прописал пилюли по три в день, а чрез три
дня велел опять привести его; от пилюль этих ста-
ло Феде лучше и лучше; рассчитавшись с доктором
и получив от него совет: что, так как у Феди от пре-
жде принятаго лекарства образовался уже сильный
порок сердца, то чтобы грамоте его много не учить.
И действительно, Федя кое-как прошёл первый
класс гимназии; начал похварывать, по совету до-
Л. 175 ктора Бургера[161], чтобы его // занять полевыми ра-
ботами, мы Федю из гимназии взяли, и как у него
сызмала была страсть к полевым работам, то ста-
ли подыскивать пашню; а до этаго он отправился
к брату Александру в 1880 г. на прииски смотреть
за лошадьми, и вообще управлять экономической
частию; и правда, свежий воздух и постоянное
движение его поправило — парень стал крепнуть,
занимаясь неусыпно и с любовью своим делом. До-
ктора советовали: пищу есть умеренно, не курить
табаку и вина не пить и, главное, быть всегда спо-
койным, не горячиться, а годов 30-ть будет, можно
и жениться ему. Все это Федя исполнял, но в 1882
году, в октябре, проводя с прииска лошадей на кор-
мёжку в д(еревню) Бузим, сильно простудился;
и мать его кое-как из Бузима 2 января (18)83 г. при-
Л. 175 об. везла домой. И в это время помощь Божия для нас
не оскудела. // Бургер и опять помог ему, но, к не-
счастию, бартенёвский рецепт в пожар (18)81 года
сгорел, и Федя, нет-нет, да и прихворнёт. Между
тем, я ему, в (18)83 г. купил пашню за триста ру-
блей; полевой воздух, правильная жизнь и любовь
к работе его так поправили, что он стал, что назы-
вается молодцом; все старики-пахари его любили
за его простодушной и весёлой характер и удивля-
лись его познаниям и практике в хлебопашестве;
при помощи моей, всем обзавёлся, и стал ходить
в дорогу и возить товары в Иркутск и в Томск. Мы
с матерью не могли нарадоваться его деятельности
и трудолюбию и, желая упрочить его независимое
благосостояние, мы купили для него в соседях дом,
чтобы Федя жил отдельно; и, однажды, в (18)85 г.,
Федя, возвращаясь из Канска, попал под телегу
с возом и каким-то чудом был от погибели спасён.
Мы и бывшия при том ямщики не могли надивить-
ся; // и это спасение его приписывали избавление Л. 176
Св. Иннокентия, а когда Феде минул 21 год, то он
был и у призыва, но, по болезненному состоянию,
он признан к военной службе негодным: грудь впа-
лая, не по росту и комплекции его; будучи на ис-
пытании в больнице в холодное время, он опять
почувствовал себя хуже, а за день до катастрофы,
20 апреля 1887 г., он с заимки приехал домой,
и как это было воскресенье, то я с ним поговорил
в последний уже раз, обещая покупать у него на на-
личныя деньги всю годовую провизию, а равно
и сена, хлеба, овса и дров; он очень обрадовался,
хлеб у него всегда родился хороший, под сев было
каждогодно до 20-ти десятин; в воскресенье же мы
все вместе пообедали; я после обеда лёг отдыхать,
а мать, и братья, и Анюта остались разговаривать
с Федею и на вопрос брата Ивана «Что, вы Федю
больше всех любите», мать сказала: «Кто знает, мо-
жет быть, Федя и помрёт прежде вас». // Л. 176 об.

«Слово не стрела, а пуще убивает» — гласит по-
словица. Но такой, по-видимому, пустой разговор,
принёс трагическую развязку: запрягая в тележку
лошадку, Федя после обеда, в 4 часу дня, отправил-
ся на пашню; день был хороший, ясной и теплой, —
все вышли его провожать во двор, чего прежде ни-
когда не бывало. Федя был необыкновенно весел,
шутил со старухою Ионовною, живущею у нас уже
20 лет, «Смотри же — говорит старуха, — живи,
не кути (шуточно), а то я не привезу тебе из Томс-
ка и подарка — пряников»; два раза прощался, го-
воря: «До свидания, до свидания», а сам, снимая
шапку, то и дело кланяется; вышли ещё за воро-
та, мать благословила его последний раз, и Федя,
ещё сняв шапку и сказав «до свидания», улетел
наш голубчик. Назавтра, в понедельник, день был
пасмурной, дождливой и снежной, перемежаясь
бурею; «Федя, — как говорила после прислуга, —
Л. 177 на пашню утром ездил, сам боронил, напевал // ка-
кия-то заунывныя песни», чего стряпка, Анисья,
прежде от него и не слыхивала; вообще, был весь
день в весёлом расположении духа; в вечерни при-
готовила ему чай, и он, разлив чашку в блюдечко
и взглянув в окно, увидал разгородивших поско-
тину чужих чьих-то соседских быков; выбежал,
разгорячась, схватил железную лопатку и погнал
быков из поскотины, что-то ворча на них, и не воз-
вращался; мужики приехали с поля, буря снежная,
Феди нет; посылают парнишка к соседу Иванову
(саженях в 50 его заимка от нашей) — не зашёл ли
он к хохлу, с которым любил иногда мимоходом
побалагурить — и там нет; мужики, напившись
чаю, пошли искать на гумно и к зароду сена, и са-
женях в 30-ти от избушки, Федю нашли упавшим
на грудь, и в руках у него черен от переломленной
железной лопатки; все исперепугались, конечно;
как после говорил доктор, свидетельствовавший
// покойнаго, если бы вскоре заметили падение Л. 177 об.
его, можно бы отлить его холодною водою, если бы
не прошло минут 20-ть, но он помер от разрыва сер-
дца в разгорячённом состоянии; часов должно, по-
лагать, в 5-ть вечера, послали в город сказать о слу-
чившемся происшествии.

Весь этот день, с самого утра, я был в унылом
состоянии: какое-то тайное предчувствие щеми-
ло моё сердце; погода стояла несносная — дождь,
буря и снег; Я, по обыкновению, в 5 ч(асов) вече-
ра, напившись чаю, пошел по двору гулять, но не
могу найти себе нигде покою, и только хотел в 6 ча-
сов идти домой и опять пить чай, как слышу, что
к воротам наскоро кто-то в телеге подъехал; я и по-
лагал, что Федя; «Зачем же, — думаю, — на ночь
глядя?»; но увидал работника с заимки и он мне
тотчас же оповестил, что случилось несчастие;
я говорю, что, верно, заимка сгорела, а он в ответ:
«Фёдор Иванович, // говорит, — кончился». Как Л. 178
громовым ураганом поразило меня это горестное
известие, и хорошо, что мне успели подать в ту же
минуту водки — немного от сердца отлегло, и хотя
от матери скрывали, говоря, что Федя только за-
хворал, но она поняла и — Боже мой! Какой в доме
поднялся хаос: слёзы, рыдания, стон — головушка
кругом пошла. Невольно при этом вспомнил сло-
ва Св. писания: «Глас в Раме слышан бысть плач
и рыдание и вопль мног. Рахиль, плачущася чад
своих и не хотяше утешиться, яко не суть»

К счастию, что это известие не попало тотчас
на мать, а то бы она тут же внезапно упала, и труд-

но бы было с ней отводиться. Она горячо любила сына — труженика.

Оправившись немножко, я распорядился послать сына Ивана за доктором и полицеею, и, в 8 *Л. 178 об.* часов вечера, они уехали на место // несчастия; между тем, доктор успокоил мать, дав ей лекарство. Прибыл туда в 1/2 десятаго и, найдя покойнаго в распростёртом положении, доктор сказал: «ну, богатырь»; полиция постановила протокол, и умершаго распорядились перевезти домой.

Кучер, везший Федю, рассказывал, что луна, пробивавшаяся сквозь снеговыя тучи, озаряла лицо покойнаго, а порывистый ветер колыхал покрывавшее его одеяло и развивал его золотистыя кудри по голове; «Взгляну, — говорит, — в лицо, и оно как будто бы улыбается, и покойный казался спящим»; но, подымаясь в гору, кучер напугался, что лошади было не под силу, и она стала пятиться назад; подпрёгся сам к ней, парень был сильной и здоровой, кое-как поднялись на гору, сделалась опять темнота ночи, луна скрылась, дорогою никого не встретилось — глухая полночь: только где- *Л. 179* то вдали // слышен был звон колокольчика. Кучер боялся. как кто встретит и спросит, и он скажет, что везёт мертвое тело, тогда обоих бы, и мертвеца и живаго, взяли в полицию; Федю привёз в 1/2 второго часа ночи, внесли в дом, стали обмывать, но улыбка с лица его не сходила — похоже было, что он притворяется спящим, но был ещё не совсем остывшим; но назавтра сильно переменился в лице и в 21 число апреля — похоронили; день был чисто майский, тёплой, тихой. Утрата Феди сильно отозвалась на наших и без того скорбных сердцах. Вот и поверишь, что я в ноябре ещё (18)86 г. видал сон, что у меня выпал коренной больной зуб; но да будет на всё Его Святая воля! Мир праху твоему, добрый, кроткий, послушный наш кормилец и труженик, любезный сын; память об тебе не изгладится из родительских сердец наших до последняго дня живота нашего. Благая и злая, живот и смерть, нищета и богатство от Господа суть.

Все, знавшие покойнаго Федю, личныя качества и его кроткое сердце, сознавали всю горечь настоящей // дорогой, незаменимой потери его. *Л. 179 об.* Смерть искупает честное имя. Все скоротечныя наши радости сопровождаются неизбежными горестями и утратами.

А как Федя с моего благословения пристроил к домику на заимке летнюю комнату, для нашего же летом приезда; а от стариков я слыхивал, что пристроек к домам делать не нужно, от этаго бывают несчастия, но я это считал вздором, а теперь верю, что и нас посетило это несчастие вследствие пристройки в том же году; это я испытал ещё и в 1859 году, когда пристроил к старому дому вместо ветхаго крыльца новое, глухое. И что же? В том же году померла старушка тётушка, и помер сын Николай 5-ти лет. Значит надобно верить тому, что испытывали старые люди.

Беды по пятам.

Забыл ещё, что на 1 января 1870 года я едва не погиб внезапно по следующему случаю: тяжёлыя семейныя обстоятельства, возникшия и напрасныя на меня жалобы по настройству *Л. 180* покойнаго зятя Залоги, до того отуманили // и расстроили мою больную, и без того, голову, что я стал задумываться и сидеть по целым часам в безмолвном состоянии; разве добрая моя жена иногда спросит что-нибудь, то очнусь и скажу — часто невпопад, да и сторонния стали замечать во мне большую рассеянность и советовали обратиться к доктору за помощью. Накануне новаго года, поужинав, по обыкновению, я был особенно в состоянии задумчивости, и с вечера предупредил жену, чтобы она спала некрепко и, как только заснул, то, сонный, слышу, что голова сильно тяжелеет, как будто бы к ней привешивается постепенно тяжёлая гиря, но в час ночи вдруг голова моя от подушки отскочила, и я, проснувшись сию же минуту, почувствовал, что умираю; жена немедля привязала к шее горчишник, а между тем послала за цирюльником, по счастию, недалеко жившем; поставили 6 банок на затылок *Л. 180 об.* и на грудь — отлегло, // и тем способом избавили от смертельнаго удара, но только стало сильно клонить ко сну, чего и надобно было остерегаться, а то мог удар повториться, и назавтра, в новой год, я чувствовал в голове и во всём теле большую слабость. И в этом случае Господь, по молитвам Царицы Небесной, ожидая душу мою греховную на покаяние, даровал мне жизнь, потрясённую как то так и после большими несчастиями, переносимыми безропотно. Но да будет на всё воля Божия.

И только успели перейти в сентябре 1881 г. в новый дом, как в декабре того же года чуть дотла не сгорел дом, стоящий в задах, Алексея Петровича Шарова. Случилось это так: жившия в нём постояльцы, утром истопив печь, хозяйка, ветряная женщина, залила углей, но не в глиняном горшке, как это обыкновенно делается, а в деревянную кадку; муж ушёл к занятию, а молодая // ветре- *Л. 181* ница или, как её называли, «корабельная мачта», принялась за утренний свой туалет; как в 12 часу дня слышим набатный призыв, бежим, спрашиваем: «Где горит?», «Дом Парфентьева» — было ответом; я тут и присел, как поражённый громом; оказалось, что угли в кадке разгорелись, и от того загорело крыльцо, в котором кадка была поставлена; самую «мачту» вытащили уже в окно, пожарныя и народ разломали крышу и окна; убытку до 150 рублей, а если б это случилось ночью, то и весь домишко бы не уцелел. Помянув «Многи скорби», я и в данном случае успокоился, но ненадолго; в 1882 г., как выше видно — убилась на качели девочка, и в том же году последовало падение дел сына Александра, коснувшееся и моих материальных средств, но мало этаго, неумолимый рок судьбы повлиял и на нравственное моё состояние; дело заключается в том, что я, служа у Баландина 23 года, аттестовался им наилучшим образом; // бывало, когда прихворнётся, с каким тёплым *Л. 181 об.* сочувствием приветствовал меня Алексей Сафронович и семья его; они знали мои добрыя качества, и, поистине, я для дел их был дорог, но судьбе угодно поворотить по-своему. Матонин, за то, что я вступился за сына Александра, на котораго стали немилосердно нападать*, нажаловался на меня,

* Со слов «за то, что я вступился» вписано на левом поле л. 182.

что я злоумышленно помогал сыну в сокрытии кредита Матонина, и много других неблаговидных качеств было насказано на меня ложно; Баландин, убедившись этим зловещим поступком, не вдруг меня уволил от службы и под одним предлогом, как-то придрался к отчёту моему, что к Рождеству и Пасхе, по заведённому порядку, израсходовано чересчур денег на подписныя листы полицейских чинов, что-то, помнится мне, рублей 18 или двадцать. Это меня взорвало, и я пишу оправдания свои, обязуюсь даже подать ему расписки получателей, причём, упомянул о своих крупных заслугах ему по делам и даже, // Л. 182 пред сим время, ловкий и удачный мой маневр по одному делу, в силу котораго г(осподин) Баландин был избавлен от наложеннаго на него громаднаго штрафа, помниться, семьдесят пять тысяч рублей, и мне все эти хлопоты обошлись только до ста пятидесяти рублей, ничего не восчувствовал он и, по моей просьбе, меня уволил и, хотя признаться, за мною осталось забору сто рублей, но я, на требование довереннаго Баландина их не отдал, говоря, что чрез мои руки в 23 года перешло более, чем пяти миллионов, но я не покорыстовался ни одним рублем; таким образом, мы и разошлись, и вот, из-за сына своего я в общественном мнении стал другим, зачернённым и замаранным человеком, и только лишь благодаря самостоятельному характеру генерала Шанявскаго, я уцелел по делам на его службе, он оценил меня истинным достоинством и определил кассиром // Л. 182 об. из 1500 руб(лей) оклада в год. Этот истинный патриот, горячо сочувствуя моему угнетённому положению, даже говаривал, что весьма жалеет, что я у таких людей, как Баландин и Матонин даже и служил, утратив понапрасну в 23 года свои молодыя силы и зрение. К тому же, т. е. к оставлению дел Баландина много меня подстрекала и И(улита) С(идоров)на Токарева, прося меня со слезами остаться по делам ея, с платою жалованья 1200 руб(лей) в год, — вот чему я и поддался, полагая, что с генеральским жалованием составит до 3000 руб(лей), и я хотя этим трудовым способом упрочу своё разорённое состояние; но и в этом горько ошибся, и прослужил по делам Токаревой только три года, по настройству ея неблагонадёжных ко мне людей со ссорой уволился.

Все подобныя незаслуженныя неприятности и огорчения жгучею болью отозвались на мне и на моём наболевшем, истерзанном сердце, измученном жизнию, требующею вечнаго покоя; одна только благая мысль утешала // Л. 183 меня, что все эти испытания ниспосылаются на меня за грехи мои ещё не искупленныя пятидесятилетним моим душевными и телесными страданиями. После падения моего с драг в мае 1886 г., память стала истощаться, так что в декабре (18)88 г. пред Рождеством денежный саквояж с своими и хозяйскими документами я запрятал в одно потаённое место и позабыл, пообедавши, как обыкновенно, ложась отдыхать, я эту сумку хранил около себя, хватился её искать в шкафах, за кроватью, в изголовьи под подушками — но нигде нет; кровь, от испугу, стала приливать к голове, глаза помутились, и я уже огласил это пред семейством своим; хотели посылать за доктором, но один счастливой случай спас меня: я нечаянно схватился за пальто, висевшее на ширме около моей кровати, и ощупал под ним запрятанную сумму, и сейчас отошёл; вправду, тогда доктор сказал, что от ушиба память будет постоянно исчезать. Но твори, Господи, волю Свою, тако буду и поступать, помятуя час смертный. // Л. 183 об.

Нельзя умолчать о чудесном спасении дочери моей Анюты от погибели; она в июле 1887 г. отправилась с живущею у нас в прислугах женщиною Апраксиею на Базаиху по ягоды, переправлялись чрез Енисей на «самолёте»[162], народу было много, погода хорошая, но управление переправы было чересчур худое; на середине реки «самолёт» стал тонуть, поднялся ужасный крик о спасении, да, не успели бы подать и помощи, если бы не потерял присутствия духа некто случившийся тут учитель, некто г(осподин) Кудрявцов[163] с семьёю; он нашёлся, что сделать: случившимся при нём ножом мгновенно перерезал канат, и «самолёт», клонясь на один бок, поплыл с народом по течению реки на произвол судьбы и, к счастию, что сел на косу, и тут утопающим подана была помощь. Анюта, перепуганная, только и рассчитывала на спасение от погибели, зная наши родительския молитвы и искренней благословления, всегда и всюду напутствующие при Л. 184 отправлении куда-либо // детей наших в отлучку, поэтому обещалась каждогодно чтить Ильинскую пятницу и говеть, и вкушать всегда постную пищу. От чистаго сердца благодарим Бога и искренно благословляем того добраго человека г(осподина) Кудрявцава, который оказал смелым и энергичным своим действием помощь от гибели и себя и множеству народа, бывшаго на «самолёте».

То же самое случилось и в 1889 году с сыном Иваном, который на обратном пути из Бореи чуть было не утонул; он так же перезжал бичевую лодки, читая псалом «Господь пасёт мя»; чудодейственное влияние этой молитвы, как относящейся к особенному Божию покровительству верующим, всегда испытывалось нами с невредимым успехом и сопровождалось горячим благодарением Господа Бога и во всех предстоящих бедах и напастях. Близ Господа призывающим имя Его Святое во истинние. // Л. 184 об.

В достопамятный день исполнившагося 25-летия нашего супружества, 5 мая 1875 года, мы и вся наличная семья, поговели, отправились к Божественной литургии в Благовещенскую церковь, после чего, с утешением и радостию, приняли чудотворную Св. икону Иверския Божия Матере; в доме отслужил благодарственный молебен священник о. Иоанн Попов и читал пред Св. иконою Акафист, после сего Св. икону отнесли в часовню на прежнее место; вечером мы, часу в 6-м, ездили на Бугач с чаем, и возвратились домой в 9 часов вечера.

5 мая 1885 года в память того же события и исполнившагося 35-ти-летия нашего супружества, говели, слушали Божественную литургию в Воскресенском соборе, а после обедни о. протоиереем Иннокентием Александровичем Нарциссовым отслужен был Господу Вседержителю благодарственный молебен, точно так же и в память // исполнившагося 5 мая 1890 г. 40-летия нашего Л. 185 бракосочетания, «благодарни сущи недостойнии рабы Твои Господи от Твоих великих благодеяниях на нас бывших», тем же о. Иннокентием после обедни отслужен был в Воскресенском соборе благодарственный Господу Богу молебен, а по возвращении домой угощали о. Иннокентия чаем и беседовали о всяких благодеяниях, ниспосланных нам свыше в продолжительный 40-летний период, много было перечувствовано бед, скорбей, напастей, но, по заступничеству Царицы Небесной, мы были здравы и невредимы; из бывших же на свадьбе 5 мая 1850 г., остались к этому времени только человек пять в живых, а именно: И. Я. и А. И. Ро-

стовых, сестра Елизавета, на Базаихе женщина А. Белянинна или по уличному, Демидова. Благословение родителей наших всегда и всюду сопутствовало нам во всех делах наших и начинаниях; а милосердие Божие да не отломится и до скончаЛ. 185 об. ния дней живота // нашего.

В память же этаго события нами разосланы всем родным фотографическия карточки, а равно переданы и всем детям нашим; за дюжину заплачено 15 рублей. Из того платья, в котором я венчался, уцелел один только гарусной материи жилет, по белой земле с голубыми полосками, и вот этот-то самый жилет, я чрез 40 лет, в 5 мая 1890 г., я надевал и ходил к обедне. О. Иннокентий обратил внимание на оригинальный жилет и много дивился, каким образом или чудом, сохранился от апрельскаго пожара в 1881 г. Он находился на самом дне сундука, с частию меховаго платья, бывшаго в нём.

На 9 марта 1890 года, во всю ночь до самого утра, свирепствовала страшная буря; и вот в эту-то несчастную ночь, должно полагать, часа в три утра, во время самаго крепкаго сна, злоумышленники заЛ. 186 брались ко мне во двор // и, разломав у завозни и каменнаго подвала, а равно и у ворот — пять крепких замков, выкрали разных вещей, варенья и сиропов на 150 руб(лей), если только не более; но это ещё не так удивительно, потому что грабежи и кражи — это считается вещью уже обыденною и обыкновенною, а мошейников и украденнаго отыскивается очень редко, да и то случайно; но, удивительно то, я-то проспал, и собаки молчали. Я имею обыкновение ночью каждый почти час звонить в колоколец, проведённый из кабинета во двор; но только звенел, помню, в 3 часа утра, и этим сигналом, вероятно, испугал мошейников от дальнейшаго расхищения; полагать должно, они хотели вывести и лошадей, полагать должно, их было человек до пяти, ибо, входя внутрь подвала и перерывая даже картошки, вероятно, были у них и внутри двора; может быть, к счастию нашему, что мы и не // слыхали, ибо я, Л. 186 об. в противном случае, не вытерпел бы и вышел с кучером во двор, не страшась ничего, так как я, в подобных случаях, выходя ночью, читаю про себя из псалма: «Аще бо и пойду посреди сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною, еси», и Господь меня оставил невредимым; вследствие то этаго происшествия, я принял меры к самосохранению, как то: набил на заплот гвозди, прошив ими же и верхния звенья заплотов, и устроил прочия предосторожности; до этаго времени Бог миловал, а может, и это испытание по грехам нашим. «Не умолчим никогда Богородице силы Твоя глаголати недостойнии»

Позабыл я ещё, в 1846 г., во время похорон батальоннаго командира подполковника Тюшкова, происходивших в ноябре, кажется, месяцу 12–15 числами, у меня в это время отстраивался верхний этаж над флигелем.; батюшко мой, Царство ему небесное, будучи уже довольно слаб, попросился, чтобы // сводили его посмотреть на постройку; я Л. 187 был на похоронах; матушка с помощию прислуги исполнила его желание; он, как мне после передавали, порадовался и «когда, — говорит, — Бог даст, отстроимся Ивана (т.е. меня), будем женить»; и, когда вошёл в кабинет, долго смотрел, сидя на стуле, в окно, из котораго видно было на кладбище движение и множество народа, гремела полковая музыка и слышно было залп из ружей 1000 человек солдат; в то время можно было из окна смотреть на кладбищенскую церковь, потому что не было высоких строений, как теперь, загораживавших вид на гору. Батюшка, смотрев, горько заплакал, говоря, что и его скоро унесут на гору и, чувствуя слабость, велел вести домой, а 19-го ч(исла) ноября (18)46 г. и он отошёл в вечность, оставя мне память кроткаго и добродетельнаго родителя и сострадательнаго к страждущим меньшим своим братиям; кстати, о похоронах Л. 187 об. Тюшкова, сказать, что // после смерти его временное командование баталионом принял майор Трошков, человек характера суроваго и строгаго. Этот майор был из даточных рекрутов[164], ушедший в солдаты по найму, был в сражениях в Польскую и Турецкую кампании, имел за отличие четыре креста и дослужился до штаб-офицерскаго чина; несмотря на 20^0 мороз, командовал в одном мундире, точно так же все офицеры и солдаты были без шинелей и, понятно, многия из них отморозили руки и ноги, а во время стрельбы несколько человек в залп не попали и выстрелили после, Трошков взбесился, по его распоряжению поставили виновникам на спинах мелом кресты, и когда похоронили командира и возвратились в казармы, то Трошков приказал дуть виновных палками, и только благодаря распорядителю похорон, родственнику Тюшкова Ивану Кирилловичу КузнеЛ. 188 цову (родственнику умершаго), // упросившагo командира в такой скорбный час и во время поминовения усопшаго, остановить секцию солдат, но зато после поминок Трошков, с бешеною яростию выполнит ещё жесточее наказание; Бог не попустил ему этаго злодеяния, Трошков вскоре попал под уголовный суд за растрату казённых сумм и, по конфирмации военно-уголовнаго суда, разжалован был в рядовые в этот же самый баталион, и столько натерпелся горя, что не дай Бог никому; и по просьбе несчастнаго он был переведён в Томск, и там в бедности скончался. Вот как судьба карает беспощадно за невинно угнетаемых.

Ещё об одном ужасном происшествии в старину. Это было в 1840 году: жил-был в Красноярске из старожилов красн(оярский) мещ(анин) Матфей Харлампьев Старцов; он имел свой собственный дом по Узенькой улице // Л. 188 об.

Тетрадь 16

в два этажа, небольшой старинной постройки, сгоревшей в пожаре (18)81 г. Теперь на том месте дом Светлаковой, повыше банка. У Старцева детей не было, жена была; оба они были не старые и имели годов под 40; люди они были трезвыя и честныя; сам Старцев занимался приказчиком при продаже казённой соли, а на эту обязанность избирались люди, аттестованные обществом. Магазин состоял на берегу реки Енисея, где, вблизи устроенной лавки, Старцев и торговал несколько лет; мы, т.е., я, товарищи Кабаков и Чуринов, будучи в молодых летах, когда ходили на Енисей купаться, всегда заходили в лавочку к Старцеву покурить и поболтать что-нибудь; а в Святки, т. е в крещенские вечера, постоянно посещали маскированными дом Старцевых, и были принимаемы и угощаемы самым радушным образом; Угощение состояло из чаю и табаку, вина Старцевы не пили, да и нам, по молодости // лет наших, строго-настрого воспрещалось Л. 189 под страхом телеснаго наказания пить, хотя бы слатинькое винцо; чистота в комнатах Старцевых была безукоризненная; на полу белые, как снег,

половики, одним словом, везде и всюду замечался порядок и хорошее хозяйство. Не в дальнем времени, пред кровавым происшествием, Старцевы, будучи вовлечены недалеко квартировавшим семейством какого-то горнаго унтершихтмейстера[165] (фамилию коего я позабыл) в сугубое пьянство; от должности соляного вахтёра Старцев был уволен, и держал постояльцов — нахлебников, людей, в (18)40-х годах пользовавшихся большою популярностью и славившихся большими денежными средствами; и вот, когда остался один нахлебник, приказчик золотопромышленника Ездакова[166], некто Нейман, крещёный из евреев человек годов был 40 или слишком (я был с ним хорошо знаком:
Л. 189 об. он был щеголь, ходил во фраках, // был прост и доверчив, несмотря на свое национальное происхождение, поэтому и молодёжь его, как стараго холостяка, любили и уважали, тем более, что он был к тому же религиозный; хозяин квартиры Неймана Старцев, будучи наслышан от подстрекателя его горнаго, что Нейман получил от хозяина Ездакова денег 7 т(ысяч) рублей на наёмку рабочих на промысла; недели за две до происшествия задумал лишить его жизни и, конечно, с целию грабежа денег. Эти две недели все они, т. е. Старцевы и горной с женою своею, беспросыпно пили; и вот, 1 октября 1840 г., в день Покрова Пресвятыя Богородицы, в доме Старцевых произошла кровавая драма; дело происходило так (я читал подлинное дело во время слушения в Кр(асноярском) город(овом) суде). Но прежде всего, считаю нужным сказать, что в ночь на 2 ч(исло) октября мы с товарищами были на вечёрке в доме мещанина Егора Александровича Парфентьева, на Береговой улице (дом этот и те-
Л. 190 перь каменный, // стоит разрушенным от пожара 1881 г.); вечёрка была для молодых людей, по случаю женитьбы сына Парфентьева Петра Егоровича на мещанской дочери Наталье Алексеевне Бардахоевой; и когда мы возвращались с вечёрки уже на свету домой, то попалась навстречу нам телега, запряжённая в белую лошадь, нагруженная назьмом, который в то время вываливался на песках, не застраивавшихся ещё никем; подле телеги шёл старик, должно полагать, чей-либо работник; мы, идя, издивились, что так рано утром хозяин распорядился вывозить со двора назём, тем и кончано. 2-ва октября разнёсся по городу слух, что Нейман потерялся; между тем, хозяин его квартиры Старцев утром того числа заявлялся к приставу Николаю Антоновичу Добринскому, который был хоть и стараго закала, но человек был честный и дальновидный; пристав, как хорошо знавший Старцева, на заявление его, что постоялец не ночевал дома,
// отзывался, что не стоит заботиться, потому что *Л. 190 об.*
«Нейман где-нибудь играет в карты», что с ним случалось нередко, в особенности в праздничныя дни; но часа через два Старцев, в величайшем волнении, опять заявился к приставу с тем же заявлением. Пристав заметил, что Старцев был довольно выпивши, весь трясся и мешался в речах, но принял с своей стороны меры, заподозрив Старцева; отпустил его домой, а к воротам поставил секретный караул. Вечером, того же 2 октября, малолетния дети какого-то беднаго сапожника, выбирая на песках из назьмов щепы, вырыли заброшеннаго назьмом труп мёртваго человека; дали знать отцу, а сей, последний — полиции; тот час же обнаружилось, что это Нейман, на шее котораго была удавка из ременной перетяги и, кроме того, веревка из-под векши с несколькими, туго завязанными узлами, а под покойным холщовой половик с лит(ерами)
// М.С. *(Матв(ей) Старц(ев))*; а потому, не под- *Л. 191*
лежало никакому сомнению, что убийца был Старцев. По осмотру же в доме оказалось: половика в комнате нет, посредине комнаты большой круг, залитый чернилами, но заметка было: из под чернил выступавшая кровь; векша оказалась перерезанною и по сличении концов с веревкою на трупе они оказались тождественными, и многия другия данныя, свидетельствовавшие о насильственной смерти Неймана.

Старцев и жена его упорно от всего отпирались. Следствие продолжалось при священничевском увещании о. Петра (что впоследствии епископ Павел), жандармском полковнике и депутате от граждан А(лександре) Г(ригорьеви)че Худоногове, который впоследствии и сказывал мне, что, однажды, уже в декабре (18)40 г., ночью, требуют его в полицию, где он узнал, что преступник Старцев, содержась в остроге, ночью потребовал следователей и объявил им чистосердечное рас-
Л. 191 об. каяние в содеянном им преступлении, говоря, // что покойный Нейман не давал ему покоя ни днём ни ночью и, как только хочет заснуть, он тут как тут и требует, чтобы Старцев его добил до смерти; чрез это Старцев лишился сна и решился во всем раскаяться, а когда раскаялся, и с него сняли допрос, то стал спать спокойно, и покойный ему уже не представлялся; жена же Старцева так и осталась нераскаявшаяся, а равно и горной и жена его, да против последних и улик не было, обличались они только одним ихним графином, оказавшимся в доме Старцевых.

Когда же оконченное следствие поступило на рассмотрение Городоваго суда, где я занимался, и когда Старцевы вызваны были в суд для подтвердительных допросов, то мы с Кабаковым, как старые знакомые угощали Старцева трубкою, и хотя конвой, состоящий из десяти человек вооружённых ружьями солдат не дозволял этаго делать, то мы,
из сострадания, и не, // пренебрегая несчастным *Л. 192*
положением Старцева, под предлогом допроса, вызвали его в другую комнату, и там он покурил свободно и рассказал нам, слёзно рыдая, о мученической кончине постояльца. «Дело, — говорил Старцев, — было так: с ранняго утра в Покров, все они, т. е., его жена и горной с женою пили вино из принесённаго последними графина, по выпитии — посылали несколько раз старика-работника за водкою; Нейман, напившись чаю утром, ушёл к обедне, а когда возвратился во 2 часу дня и, сняв с себя фрак, в западке попросил: «Хозяюшка, чего-нибудь закусить»; все сговорившияся перепирались друг с другом, кому первому начать; вместо подания закуски М(атвей) Старцев, взяв с собою ременную перетягу, поднялся в верхний этаж по лестнице. Поздравивши друг друга с праздником, Нейман, не подозревая ничего, спросил: «Это для чего ремень?» Старцев ответил: «Для Вас» и начал приготовлять петлю.
Нейман же, // испугавшись, только взволнован- *Л. 192 об.*
ным голосом и проговорил: «Что ты, что ты, хозяин, разве шутить так можно», и, в этот момент, Старцев, накинув на него петлю, крепко-накрепко задавил так, что у покойнаго вышли из орбит глаза и вытянулся язык; в то же время вышли из низу жена Старцева и горной с женою и стали помогать затягивать узлы, но им показалось всё, что удавленный просит о пощаде и шевелится, тогда они все четверо придумали перерезать векшу, и этим способом ещё навязали на покойного узлов 20; затем бросили его вниз, в западню, где он и лежал почти до утра, а сами стали искать деньги, но, кроме не-

скольких руб(лей) ничего не нашли; потом стали делить вещи как-то: манишка, запонки и т. п. И всё это время продолжали пьянствовать; перед светом, завернув труп в половик и накрыв назьмом, велели работнику вывести под навоз; деньги же все оказались израсходованными покойным по назначению
Л. 193 // хозяина.

Как нас всех, окружавших несчастнаго Старцева молодых людей, он со слезами упрашивал, чтобы не связываться с худыми товарищами, а важнее всякого — не пить вино, от котораго порождается всякое злодеяние; говоря про себя, Старцев сознавался, что если бы он не злоупотреблял спиртными напитками, то никакия убеждения не поколебали бы твёрдости его характера; он решился на преступление ради просьбы своей жены, склонённой к тому чрез предварительное пьянство горным и его женою.

В марте 1841 г. исполнен был на Старобазарной площади приговор уголовнаго суда; стечение народа было со всего города; Старцева наказали 25 ударами кнутом со ссылкою в каторжныя работы, жену его — 10 ударами кнута и так же со ссылкою в работы; работника — старика, более 70 лет от роду, наказали плетьми 20 удар(ами) со ссылкою на поселение далее в Сибирь: горной — по неполно-
Л. 193 об. му доказательству, оставлен в сильном и явном // подозрении, а жена его оставлена свободною.

Когда исполнен был приговор над главным преступником Старцевым, и, когда ему палачами наложены были клемма на лбу и на гусках *(скулы?)*, то он от этаго окровавленный, в жестоких мучениях, спросил жену свою, когда её палачи повели на эшафот: «Узнала ли ты, — говорил Старцев, — душа моя меня?». Она, слёзно рыдая, только махнула рукой; палачи разорвали её рубаху со спины и начали исполнение. Весь народ был объят ужасом и страданием к несчастным. Старцевы, после я слыхал, прожили до глубокой старости, пробыв сколько-то лет в работах, а после — на поселенческом пропитании.

О! Как надобно бояться и страшиться «сумы и тюрьмы», врага рода человеческаго; на каждом шагу нашей жизни ищет и «рыкает как лев, кого погубити». Кто мог думать и предполагать, чтобы такой степенный человек, как М(атвей) Х(арлампьевич) Старцев мог заслужить такой печальный // и горький исход; недаром он пред Л. 194
исполнением приговора помолился на соборной храм и, поклонясь народу, на все стороны, слёзно рыдая, горько оплакивал судьбу свою.

Родитель мой служил в Городовом суде 35 лет, и во всё время служения его лишены были прав состояния только Старцевы, 1 мещанин за лишение чести 7-ми-летней девочки и один за кражу дров. Какая была чистота нравов и богобоязненность, а теперь страдают в один год несколько десятков человек, а ещё учёныя люди говорят, что в старину преступлений было более, а народ, якобы. был безнравственный; нет! Мы, старики, ни за что не решимся променять прежнюю жизнь на настоящую; забыл я ещё упомянуть, что горного, обвинявшагося в соучастии же Старцевым, постигло небесное правосудие: он от тяжкой болезни был обезображен так, что страшно было на него взглянуть, и вскоре
помер. // Л. 194 об.

Скажу ещё несколько строк о чудном исцелении страждущих душевными недугами по молитвам Св. Иннокентия. Вот эти случаи: 1-е,. зять мой, П..Е. Чебаков, страдал в высшей степени умопомешательством, и никакия медицинския пособия помочь не могли, оставалось одно верное и последнее средство — это обратиться с молитвою к Святителю Иннокентию, так как, по словам Акафиста «радуйся, яко лишённых смысла здравым умом снабжаеши»; Святитель исцеляет от недугов безумия; почему, когда страждущаго Чебакова поместили в смирительный дом, сестра моя, подобрав себе товарок в количестве, кажется, 5 человек, будучи лишённая движения руки и ноги от испугу ея во время горячки больным ея мужем, пошла с верою на помощь Святителя, в Иркутск пешком, кажется, в 1853 году; помолилась несколько дней, отслужила Святителю молебен; много бо может
Л. 195 молитва Праведнаго // — больному стало ставать лучше, бешенство прошло, и, наконец, он совсем поправился; ко мне стал похаживать; но так как мать его, старуха стараго закала, стала ему надоедать, что он без места проживётся совсем; а парень был послушный, пошёл в думу, где он и раньше занимался, просить места; все его окружили как старого служаку, и кто-то из окружающих сказал: «Ну, как Вы теперь себя чувствуете, в рассудке?» Он стал задумываться и, наконец, чрез несколько времени, впал в прежнее положение. Вот оно: слово — не стрела, а скорее убивает. Больной так и не поправился до 1862 года, а в марте этаго года пред кончиною пришёл в разум, попросил приобщиться к Св. тайне и тихо скончался.

Сестра на пути в Иркутск и обратно встречала немало опасностей как больная, от подруг своих отставала на станок и более; однажды, рассказывала, памятуя о Святителе, она видит // выходящаго Л. 195 об.
из лесу с криком страшнаго медведя и, считая себя погибшею, обратилась с слёзною молитвою к Святителю, как вдруг слышит звон колокольчиков: и как раз в этот момент едут навстречу несколько троек повозок почты. Медведь, испугавшись, крикнул ещё раз, и ушёл обратно в лес и больше не показывался. «В другой раз, — рассказывает сестра, — вышел опять медведь, но прогнат был старичком, гнавшим стадо овец»; этот старичок, по словам сестры, был некто иной, как Святитель, потому что лишь только он прогнал зверя, то было не видно ни старичка, ни овечек. Захотелось ей ужасно пить, подходит к ручейку, но наклониться не может, потому что этаго не давала ей больная нога; но вдруг видит: плывет по течению берестяная чашечка, она её с помощию бывшей в руках палки подогнала к себе, // почерпнула водицы Л. 196
и напилась, возблагодарив за оказанную помощь Святителя Иннокентия, святыми молитвами котораго сестра возвратилась в Красноярск благополучно и всю дорогу шла пешком.

2-й случай исцеления по молитвам Святителя страждущаго душевнобольнаго: это был молодой человек, но мать его поступила с больным благоразумнее, чем мать покойнаго Чебакова; она, не говоря никому, даже из своих родных, взяла сына с собою в Иркутск на поклонение Св. мощам; долго ли, коротко ли, они подвизались в молитве; но после, слышно было, что больной скоро исцелел и, возвратясь в Красноярск, никому долго не показывался, поступил на прииски и безвыездно прожил там несколько лет, а после приехал и, в настоящее время, в 1890 году, по милости Божией

здравствует, не чувствуя никаких болезненных *Л. 196 об.* припадков. //

3-й случай: у мещанина И. совершеннолетняя дочь А. сперва стала задумываться, а впоследствии стало у ней уже и умопомешательство в лёгкой степени. Доктора помочь не могли. Старик отец и мачиха болящей в отчаянии; я был с ними хорошо знаком и, обсказывая многия случаи исцеления по молитвам Святителя, присоветовал последнюю помощь, и именно: это матери взять с собою больную дочь и отправиться в Иркутск на поклонение Св. мощам; так несчастный старик и сделал, и болящая, по молитвам Угодника Божия, возвратилась от душевных недугов исцелившаяся; вскоре выдана была в замужество за чиновника Р., имеет детей и теперь находится в здравом состоянии, но после родов возобновляются психическое расстройство в лёгком его виде, однако же непродолжительно.

И у нас в доме есть святая икона Св. Иннокентия, в 1830 г. привезённая батюшке моему Н. И. Тюрепиным в сребряной позлащённой ризе и в киоте, уцелевшая от пожара; прибегая с верою, мы получали много исцелений от Святителя, а матушка, будучи больною, видела во сне Св. Иннокентия и Митрофания, поднимавшихся будто бы на крыльцо в присутствии Божией Матери, и, в память этаго, была писана со слов ея Св. икона, которою матушка благословила дочь свою Феоктисту*.

В конце (18)30-х годов, кажется, в 1839 г., я имел обыкновение посещать на несколько времени, // городское кладбище, бывшее в то время при *Л. 197* Всехсвятской церкви, в той мысли, что это общий удел: когда-нибудь и на мою долю перепадёт саженный уголок земли для вечнаго обитания и упокоения; и ныне всегда, хотя и не так часто по болезни своей, бываю в летнее время на кладбище и думаю о своих бренных останках; и вот, однажды летом, вижу на кладбище около одной могилы порядочную кучку народа; спрашиваю окружающих, что они любопытствуют. И получаю в ответ, что подымается могила; подошед ближе к могиле, вижу: деревянный обруб в два звена, но весь от времени обветшавший, в котором и насыпи раньше заметно не было — она сравнялась с полотном земли, будучи покрыта травою и обросшая мохом; вследствие чего, и пошла по городу молва, что в этой могиле покоится праведное тело; я стал ходить чуть не каждый день // и наблюдать за повышением *Л. 197 об.* могилы (я молодой был очень любопытен, никакая погода летом не удержит меня дома, чтобы я не полюбопытствовал: смотр ли на плац-параде, похороны ли какого офицера или генерала, свадьба ли значительная, пожар или наводнение — я тут как тут во всякое время года и в лютый мороз). Точно оказалось, что, и на мой взгляд, могила возвышается от полотна земли; не знаю, уже кто-то распорядился сделать новой обрубчак, и могила, без всяких надписей и плиты, бывшая в возвышении, остановилась; многие из зевак стали тыкать палками и обращаться с насмешливыми словами; а верующия брали от могилы земли и прикладывали к болящим, чему доказательством служит, что матушка моя, лежавшая на одре болезни несколько месяцев, стала прикладывать землицы и получила облегчение, которую, впрочем, // пользовал акушер Акишев, и она пила парёную дорогую траву. *Л. 198*

* Абзац вписан на левом поле.

Любопытство моё было так велико, что я обходил всех стариков, спрашивая: «Не помнят ли они, чья это могила?» И 90-то -летний старец С. Ф. Каратанов мне не положительно, однако ж, объяснил, что он предполагает, что тут была похоронена набожная старушка, но наверное не знает. Так эта могила приметна и теперь (1890 год). Она находится почти посреди бывшаго и теперь уже заросшаго кладбища, ближе к востоку, все признаки её существования стираются рукою времени.

Другая могила с чугунною на ней плитою, кажется, 1780-х годов, на ней надпись: «Здесь покоится тот, котораго и малыя дети знают», но ни имени, ни отчества неизвестно; об этом памятнике мне тот же старец объяснил, что под этою плитою похоронен был всеобщий красноярский учитель, звание его неизвестно, но человек был безукоризненной *Л. 198 об.* нравственности // и религиозный. Хранит Господь вся кости их и не едина от них не сокрушится. Судьбы Божии неисповедимы, быть может, не в далёком будущем Господь просветит и наш богоспасаемый град; прежние люди были преисполнены благодати Божией, и я слыхал от старых людей, что ни один град не может стояти без Святых мощей.

В октябре 1889 года я видел сон, что я получил орден Св. Анны 3 ст(епени) и, идучи по городу, старался нарочито распахнуть шинель, чтобы встречавшияся со мною видели о высокой для меня монаршей награде; пробудившись, рассудил, да и близкия мои знакомыя предсказывали, что на мою несчастную долю выпадет и ещё жребий Господен и труд для несения креста; так и вышло: не далее, как чрез м(еся)ц после этаго сновидения, я получил прискорбное известие, что сын мой Иван, служивший нотариусом, покорыствовался якобы чужими вверенными // ему по службе деньгами — 2300 руб(лей). *Л. 199* Мне невольно пала в голову мысль, что не на эти-то ли деньги он собрался путешествовать кругом света; это намерение его я узнал впоследствии; он от меня всё таил, и при благословении моём на поездку в такой дальний край, как Владивосток, только сказал мне, что едет на службу; видя настоятельное требование от кредитора с меня тех денег, я телеграфировал Ивану, что угрожают даже уголовным судом, и получил пока утешительный ответ, что всё ложь, деньги эти заплачены и что «пусть подают жалобу, я -де не боюсь». Жалоба прокурорскому надзору была подана и не разрешалась до приезда Ивана в Красноярск, т. е. до июня 1890 г. Это ужасное событие ужасно и отозвалось на моём здоровье, без того хилом и надломленном от неприятностей с сыновьями в течение почти 20 лет, т. е., с того времени, как они занялись золотопромышленностию. // Всё это время я проводил с сыновьями, *Л. 199 об.* надеясь на их показываемую благоразумную распорядительность по делам, в самом тревожном состоянии; и, в конце концов, лишился большей части капитала, удручённый к тому же несчастием пожара 1881 г. Если бы сын мой, Иван, сочувствовал моему горькому и безвыходному, по старости моей, положению, то он, по крайней мере, воспользовался бы моими благоразумными в таком гибельном для него деле, советами, то и правосудие не отнеслось бы к нему с строгостию закона; но он, вместо того, на все мои расспросы о причине возникшаго с ним дела, отвечал одним упорным молчанием; и раз как-то, вызванный моим резким выговором ему, ответил: «Я погибаю из-за вас»; доискиваясь в этом выражении правды, я пришёл

Л. 200 к одному // убеждению, что я не заплатил потерпевшему за сына 2300-и руб(лей), но если бы он мне с простою откровенностию объяснил, что всё это как происходило и что событие это произошло от его ошибки и запамятованию, потребовать обратно сохранную росписку от получателя денег, то, конечно, убедившись невинностью несчастнаго сына, я, при всей своей крайности, пошёл бы с потерпевшим на сделку; хотя я при старости лет и не имел тех заработков, какия получал за 10–20 лет тому назад; но вместо личных просьб меня о помощи, сын мой упросил довереннаго истца, чтобы он переговорил со мною о помощи сыну (Боже мой! Такое упорное молчание против отца, и неискренность при глубоко гордом и самолюбивом характере сына — до бесконечности волнует меня и убивает). Доверенный заявился ко мне с предложением
Л. 200 об. моего поручительства по векселям на 3 года. // Находя такия обязательства при моих летах и ограниченном состоянии, а тем более, не имея от сына своего никакой о том просьбы, я, конечно, отказал в поручительстве; да признаться, по сердоболию своему, всё-таки предполагал, что сын мой может и в самом деле не виноват, а за «безвинно страждущих сам Господь карает враги их». Началось уголовное следствие, сын подлежал к заключению, но, по ходатайству добрых людей, отдан мне же на поруки. Чем вся эта горькая для меня история кончится — Богу весть! Но для меня эта новая нравственная пытка истомила всё сердце и сокрушила все мои надежды. Однако же, за всеми горькими испытаниями «Не имамы иныя помощи, не искамы иныя надежды, разве, Тебе, Пречистая Дева, Ты нам помози одолеть и в правом, может
Л. 201 статься, деле врагов и заступи за неповиннаго // страдальца. Царица Небесная, Многомилостивая Мать, утри мою греховную слезу, смой клеймо позора, омрачившее весь мой дом до отчаяния, да не умалим никогда силы Твоя глаголате недостойнии рабы Твои».

Есть в жизни (сказал кто-то и когда-то), есть в жизни торжественныя минуты, когда сердце, самое испорченное, бывает способно к возвышенным движениям, когда оно просыпается и сбрасывает с себя цепи порочных наклонностей, наложенных на него неудачами жизни, обманутыми надеждами или предательством коварных людей, точно так же и в данном случае, кто знает, может статься и с сыном Иваном; не было ли чего подобнаго в жизни; остаюсь с горьким сожалением, что он был ко мне всё-таки неискренен, так что я по совести скажу, положа руку на сердце, не могу определить по его ко мне упорному молчанию: прав он, или виноват? Будем ожидать // благополучнаго или позорнаго Л. 201 об. результату. По хорошим сыновьям и отцы уважаются, а по худым и хорошаго отца мир презирает; такой несчастной судьбы, как видно, преисполнен и я, грешный, но покажет будущее. Милость и всегдашнее неусыпное заступление Царицы Небесной ублажать последствия счастливыми событиями жизни, «не вкусить горькаго, — сказано где-то, — не насладишься и сладким!» Если бы дети мои во всём исполняли заповеди мои, то это было верх всякаго блаженства, словом, у нас в доме был бы земной рай. Умирая с чистою совестью, я спокойных дней не обретал и не обрящу: «Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни». Так я полонил ниву свою, и в надежде испытания произойдёт впоследствии обильной плод христианскаго наставления; «Слово Божие да не идёт мимо». // Если Господь Л. 202 в устах пр(орока) Иеремии изрёк, что (пс(алом) Иер(емия) 5, 7) «Отцы наши грешили: их уже нет, а мы несём наказание за беззакония их», то весьма естественно, что дети не избавлены от ответственности за родителей, которых один Господь ведает за что их наказует; быть легко может, что дети мои страдают за грехи мои, но нигде я не нахожу, чтобы за грехи наши отвечали и наказывались другия посторонния, всякий отвечает сам за себя, а потому не следовало бы нам и презирать, и ненавидеть друг друга, а, напротив, сочувствовать потерпевшему по силам и возможности. Но нет! Увы, у нас не то, увидят в глазах брата «сучец»[167] и затрубят во всеуслышание о беззакониях его, «яки кимвал бредащий» *(в случае пустых речей)*, злорадствуя, что такой-то или такая-то учинили такой-то скандал, а у себя бревна в глазу не видят; а я, между тем, без их указаний страдаю нравственно и сожжён
Л. 202 об. своею совестию из-за сынов своих. // Так братие, не презирайте же меня, вы за грехи мои не ответчики. Твёрдо уповаю, что не един грех, слёзными раскаяниями омытый, не будет по беспредельному Божью же милосердию непрощённым, ибо нет греха, побеждающаго же милосердие Божие! Пусть люди презирают меня за грехи мои — это земное воздаяние надеюсь перенести с покорным и непоколебимым терпением, дабы, памятуя Слово Божие (пс(алом) 36, 28), не навлечь на себя тяжкаго в будущей жизни изречения: «Беззакония будут извержены, и потомство нечестивых истребится», «Ты являеши милость тысячам, и за беззаконие отцов воздаёшь в недра детям их после них. Розга и обличение также мудрость, но отрок, оставленный в небрежении, даёт стыд своей матери (пр(итч) 29, 15). К исправлению детей своих, положим, я этих мер не принимал и в жизнь свою, по кротости и смирению своему, но и не подавал детям никаких дурных примеров, исправляя их духом кротости. // Л. 203

Оставляю благословение детям, ибо, «блажен муж — бояйся Господа. Сильно будет на земле семя его; род правых благословится» (пс(алом) 111). Научал добру от юности их, наставлял при начале пути их, а потому они не уклонятся от него, когда и состарятся» (притч 22). Непрестанно воспоминая о детях в молитвах моих днём и ночью, ибо они будут благословенны и положат слова мои в сердца их и в души их, и да научат они чад своих, дабы столько же много было дней их и для детей их, сколько дней будет небо над землею.

И аз грешный предлагаю вам, дети мои, благословение, если послушаете заповедей Господа Бога вашего» (второзак(оние)11 и 21) Кто любит сына, тот с детства наказывает его, наказывай сына своего, доколе есть надежда; наказывай сына своего, и он даст тебе покой и доставит радость душе твоей. Если какой сын, котораго бы не наказывал отец? (притч 19, 29). // Сожалеть о детях: Л. 203 об. как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его (пс(алом) 102).

Глупый сын пренебрегает наставлениям отца своего, мудрый сын радует отца, а глупый сын пренебрегает мать свою, разоряющий отца и выгоняющий мать — есть сын срамной и бесчестный (пр(итч) 19).

Глупый сын сокрушение отца своего и огорчение для его матери. Родил кто глупаго себе на горе, и отец глупаго не порадуется (пр(итч) 17), наконец:

Увещание к детям:

Дети мои! Если сердце ваше будет мудро, то порадуется и наше родительское сердце, и внутренности наши будут радоваться, когда уста ваши будут говорить правое. Да не завидуют сердца ваши грешникам, но да пребудут они (сердца) во все дни в страхе Господнем, потому что есть будущность, и надежда ваша не потеряна. Слушайте, дети мои! *Л. 204* И будьте мудры, // и направляйте сердца ваши на прямой путь. Не будьте между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом, потому что пьяница и пресыщающийся — обеднеют, сонливость оденет в рубище.

Купите истину, и не продавайте мудрости, и учения и разума: да веселиться отец ваш о вас, и да торжествует мать ваша, родившая вас. Дети мои! Отдайте сердца ваши мне, и глаза ваши да наблюдают пути мои, потому что блудница — глубокая пропасть, и чужая жена — тесный колодец, она как разбойник сидит в засаде и умножает между людьми законопреступников (притч 23). Чем сильнейшую христианин перенесёт брань, тем славнейшую, за победу в оной, получит награду, ибо сказано в писании: «блажен муж иже претерпит искушение: за неискусен быв приимет венец жизни, его же обеща Бог любящим его» (Иак(ов) *Л. 204 об.* 1–12). //

На пепелище после пожара города Красноярска 17 апреля (18)81 г., мы сидели плакали и рыдали, как во оно время «на реках Вавилонских», вот подражание:

На реках Вавилонских сидели
Мы в глубокой печали, слезах,
Наши звучныя арфы висели
На раскидистой ивы ветвях.
О Сионе в горячей печали
Предавались мы горьким слезам
Нам пленители с смехом сказали:
«Пойте песни сионския нам»
Как нам петь тебя, песня родная,
Под ударами вражьих бичей?
Пусть отсохнет десница, когда я
Об Отчизне забуду своей.
Пусть присохнет язык мой к гортани,
Если я позабуду Сион,
Вспомни, Боже, неистовство брани,
Наш глубокий молитвенный стон.
Вспомни, Боже, тот день разрушенья,
Когда пал наш молитвенный храм
И кричали враги в иссупленьи
«Предадим всё огню и мечам» // *Л. 205*
О, блажен, кто бесстрашно отмщенье
Вавилону за нас принесёт,
Принесёт ему меч, разрушенье,
И о камень детей разобьёт...

(Извлеч(ение) из «Душеполезнаго собеседника» 1891 г.) Жгучею болью отозвалась в сердце моём телеграфная весть 1 мая 1891 г. следующаго содержания: «29 апреля во время проезда наследника цесаревича чрез город Отсу *(Оцу)* в Японии, его императорское высочество был ранен в голову саблей полицейским низшим чином. Злоумышленник хотел броситься вторично на великаго князя, но был сбит с ног ударом палки принца Георга Греческаго. Благодаря Бога, рана цесаревича легка, и опасности нет. Присланная лично его императорским высочеством телеграмма свидетельствует о хорошем состоянии его здоровья; наследник не слёг, и предполагает продолжать путешествие без изменения маршрута. По сему случаю, 1 мая в 4 часа дня совершено благодарственное Господу Богу молебствие в Красноярском Кафедральном соборе преосвященным Епископом Енисейским и Красноярским Тихоном. // *Л. 205 об.*

По мере нашего отступления от законов Божеских и человеческих поражали нас и не перестают поражать за грехи наши испытания Божии; то огонь испепеляет города и сёла наши, то чума истребляет стада наши, то эпидемия уносит из среды нас преждевременно тысячи жизней; там саранча или жук, или муха ничтожная опустошает поля наши, а местами зной и засуха такия, что небо над головами нашими представляется медным, а земля наша железною; то, наконец, враги наши посягают и злоумышльствуют на Божиих помазанников. Но ещё не до конца отринул нас Господь, ещё ждет он нашего покояния, дабы по гневе своём, грядущем на нас, снова изливать на нас Свои милости и Свою благодать. Блюдите же, чада моя, всемилостивейшаго монарха нашего Александра Александровича и наследника его престола любвеобильнаго путешественника Николая Александровича, блюдите как зеницу ока, как дыхание жизни своей. Будьте верны в любви к монарху и к преемнику его навеки! Да возлюбит и вас Господь; Он, один Бог, видит глубину падения нашего и все наше нравственное без- *Л. 206* образие. Если бы // нам дано было видеть Его, как видит Он, мы бы умерли от ужаса; но и в падении нашем Он говорит нам: «Обратитеся ко Мне и аз обращуся». Обратимся же к нему с воплем крепким и слезами: «Господи, едине в долготерпении неизреченный! Помилуй нас по веждей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих — очисти беззаконие наше. Ибо беззаконие наше сознаём и грех наш пред нами непрестанно. Исповедуем его и пред Тобою, Господи. Тяжко, безмерно тяжко, согрешили мы пред помазанником Твоим и пред Тобою. Не смеем умолять Тебя о невмещении нам грех сих. Молим Тебя о том, да сотвориши с нами несоразмерно грехам нашим, но соразмерно нашей немощи. Когда восстанешь на суд с нами, накажи нас, Господи, обаче в суде, а не в ярости Твоей, да не умаленных нас сотвориши (Иер(емия) 10, 24). Не уклони сердце моё в словеса лукавствия непщевати (придумывать) вины (извинения) о грехе (псал(ом) 140, 4). Вот первая, но особенно теперь, обязательная для всех вас, любезныя мои дети и для каждого из вас коленопреклоненная молитва к Богу. // *Л. 206 об.*

3 мая 1891 год. Енисейским губернатором получена из С(анкт)-П(етербурга) телеграмма, распубликованная в городе, которая следующаго содержания: «Цесаревич совершенно здоров, чувствует себя отлично и после двух дней, проведённых в Киото (в Японии), вернулся вчера на «Память Азова». Император японский в сопровождении принцев и высших сановников посетил вчера утром цесаревича в Киото и сопутствовал его высочеству до пристани в Кобе. Все власти и японский народ в высшей степени возмущены и опечалены посягательством на жизнь наследника российскаго престола. Слава, Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава тебе, Боже! Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасении своём возрадуется зело! Как рука неосвященных отнюдь, да не касается одушевлённаго живота Божия, тако и рука злоумышленника да не посягнёт на державнаго нашего помазанника Божия. Сохрани, его, Господи, во всех путях его.

Вострубите трубою в благознаменательный день праздника нашего: лишь только получена была у нас весть, что цесаревич уже во Владивостоке, как Красноярск начал обновляться, дабы радостно встретить высокаго посетителя: храмы
Л. 207 // Божии, все здания каменныя и деревянныя, присутственных мест и должностных и частных лиц, учебных и ремесленных заведений, одним словом — всё обновлено и подкрашено; у пристани устроен павильон, триумфальныя ворота при въезде и выходе из города, всё это было убрано зеленью и цветами; и вот настает давно желанный и назначенный по маршруту, день 1-го июля — счастливый для нас день; накануне ненастье, а 1-е июля, кажется, сама природа ликовала с нами; утро тихое, тёплое и ясное; в 1/2 11-го часа утра, при колокольном во всех церквах звоне и громадной толпе народа из нескольких десятков тысяч, (потому что из окружных деревень и сёл и из городов Енисейска и Минусинска прибыло несколько тысяч), хором полковой музыки, городским обществом и гражданскими и военными чиновниками, с почётным караулом, встречен был наш Красное солнышко с свитою его высочества; приняв от городскаго головы И(ннокентия) А(лексеевича) Матвеева на сребряном вызолоченном блюде хлеб-соль
Л. 207 об. и, отблагодарив, отправился в Кафедральный // собор, где преосвященнейшим Тихоном в сослужении всего красноярскаго духовенства отслужен был благодарственный Господу Богу молебен; по окончании молебна его высочество изволил отправиться в квартиру Н(иколая) Г(ерасимовича) Гадалова, где, отзавтракав, отправился посещать учебныя заведения, преосвященнаго владыку, военный лагерь, а после всего этаго, на обед в 6 часов, приготовленный в особо устроенном в городском саду здании, неумолкаемое и повсюду оглашаемое «Ура»; по окончании обеда вызвали распоряжение генерал-губернатора Горемыкина, по прибытии его высочества в квартиру, что, по случаю отдохновения его высочества, чтобы в 10 часов вечера всё было тихо и спокойно, и народ смолк, но почти всю ночь гулял по улицам, иллюминованным и украшенным цветами и коврами; поистине зрелище было восхитительное! Но с 1 часа ночи погода стала изменяться, тучи покрывали небосклон, и пошёл проливной дождь! Вместо обещаннаго отъезда его высочества из Красноярска в 11 часу дня, он изволил отправиться в 6 часов утра; большая половина народа — проспали и сожалели, что не могли проводить // нашу радость, впрочем, говорили, что его Л. 208
высочество обещал, по проведении железной дороги, посетить ещё Сибирь. При выезде из города, неизвестно уже по какому случаю, не изволили проехать чрез триумфальныя ворота, а проехал другим путём, и тут ещё какая-то барыня внезапно бросила в экипаж букет цветов, так что его высочество, говорят, сильно был взволнован испугом, а г(енерал)-г(убернато)р выбросил этот букет из экипажа, и он сделался жертвою конвоировавших казаков, растоптавших его копытами лошадей.

Как было, я полагаю, торжественно зрелище и ликование при входе Господа в Иерусалим, когда иудеи встретили его как Царя Израильскаго, обетованнаго Мессию, и как еврейския дети, сретавшия Господа и воспевавшие славу Сыну Давыдову и разбрасывавшие по пути шествия одежды и древесныя ветви — тако было велико и наше ликование, не поддающееся перу, при встрече царя земнаго в стране, доселе не осчастливленной посещением помазанника Божия.

При сём случае заслуживает внимания занести в сия воспоминания следующий случай: ког-
Л. 208 об. да приготовлялись // ко встрече высокаго гостя, то в избежание всяких неприятностей от неблагонамеренных людей, какими-то благоразумными распоряжениями, не знаю, вызвано было то обстоятельство, чтобы в собор и в сад пускать публику по билетам; в соборе выдавали билеты тамошнее высшее духовенство, а в сад — городской голова. При этом был ужаснейший произвол и лицеприятие. Туда и сюда были выдаваемы билеты разным, и даже тёмным личностям: например, ссыльным, подсудимым и опороченным по суду людям; но меня ни из собору, ни из думы не оповещали, и билетами обошли, несмотря на мою безукоризненную и похвальную мою службу городу 50 лет (с 1835–1885 год) и несмотря на вспомоществование моё юридическими познаниями к освобождению из — под следствия и суда некоторых высших лиц духовной иерархии, замешанных в дело по случаю растраты в конце (18)70-х годов денежных сумм по Консистории.

Совершенно верно, что правда осталась на терновом венце, за мою правду и меня презрели, потому что я был, как выше видно, против устройства монастыря, а когда был поверенным от города 18 лет
Л. 209 (шесть лет служил без жалованья), // то ведённыя мною дела основывал, как указывал закон и моя совесть, несмотря ни на какие просьбы и убедительныя ходатайства, склонявшие меня к действиям, противным закону и общественному интересу; вверенное мне чужое добро я охранял пуще и наипаче своего; после этаго неудивительно, что я нажил себе и моему потомству множество врагов; а чтобы иныя не так то злобствовали на меня понапрасну, я за многих поручался в платежах в прежнюю думу по векселям денег; но ни за кого из врагов своих денег не платил, кроме как за одну барыню, г(оспожу) Хейн — заплатил 15 руб(лей), и с нея, по бедности ея, в возврат не получил. А кафедральное духовенство ещё более на меня вознегодовало за то, что я не умолкал обличать их в любви к деньгам, так, наприм(ер): когда помер благодетель наш, Иван Иванович Токарев, и не успели его положить ещё на стол, как в 4 ч(аса) утра 27 июня 1884 г. ключарь и протоиерей А(лексей) Угрюмов заявился к вдове и требовал от нея назначения, кажется, 15 тыс(яч) руб(лей) по приказанию якобы преосвященнаго Исаакия за то, чтобы Ивана Ивановича похоронить // в ограде Кафедральнаго собора и, кажется, Л. 209 об.
Иулита Сидоровна заплатила 10 т(ысяч) руб(лей), я при том не был, но она сама сказывала мне о том впоследствии; между тем, как я с своей стороны возражал, что это и не дело кафедральных отцов, а дело Городской управы; как распорядительницы города и санитарнаго персонала, конечно, все подобныя разговоры разглашались и доходили до духовенства, а равно и о том, что я изъявлял желание исхлопотать о причислении кладбищенской Троицкой церкви в распоряжение Воскресенскаго собора, прихода беднаго, для поддержания его духовенства доходами с могил и с Троицкой церкви, так как за могилы собирают бесконтрольно и с беднаго, и с богатаго; и управа наша смотрит на это дело из-под руки. Как же после всего этаго не отзываться ко мне враждебно, хотя бы и кафедральным отцам. Но да простит им Бог, как представителям церковнаго алтаря. Сказано в Писании «Правда праведнаго на нём будет», ибо ищущие блаженства, должны быть готовы переносить различнаго рода скорби, лишения, оскорбления и гонения за свою

добродетельную жизнь. Блажени изгнании правды ради. Я не умалён в своём // достоинстве чрез *Л. 210* это; опять, по правде сказать, что по смерти Ив(ана) Ив(анови)ча, я, по праву довереннаго, нашёл в бумагах его назначения на все городския и некоторые сельския церкви, поколику то возможно было, а на Каф(едральный) собор только 5 т(ысяч) руб(лей), и отдал это назначение Иулите Сидоровне, но раболепством некоторых, весьма приближённых к ней духовных лиц, все это устранено и безошибочно, можно сказать, что по завещанию ея всё движимое и недвижимое и капиталом слишком в 200 т(ысяч) руб(лей) перейдут в руки духовенства этаго, несмотря на то, что у ней есть усыновлённая воспитанница. замужняя женщина Мышьякова, и другия ближайшия наследники.

Угодно ли будет это стяжание Господу Богу, — вот по каким проискам и я устранён от дел, служа И(вану) И(ванови)чу целых 25 лет, чтобы я, значит, не мешал ихним свободным действиям и произволу к преобладанию чужою собственностию, что под предлогом «на помин души», положим, что ничего бы этаго для меня не было, если бы я имел нравственную поддержку от сынов своих, а теперь, поминаючи дедушка Крылова, и «ленивый осёл бьёт копытами своими умирающаго льва», как не со- *Л. 210 об.* грешишь, не скажешь, что // при хороших детях и худой отец в почёте, и наоборот. Но да будет на всё воля Божия, может, и сыновья впоследствии поддержат столетнюю фамилию Парфентьевых.

Произволу в раздаче пригласительных билетов в храм не было пределов. Так, наприм(ер), одному высокопоставленному духовному отцу, пользующемуся своею самостоятельностию, всеобщим уважением и беспристрастностию и не имевшему по этому свободнаго состояния, кроме получаемого по службе жалования; этому представителю церкви, не хотевшему навязываться просьбами о выдаче его семейству билета для входа в храм, билета выдано не было, по случаю, якобы, запамятования, а семейство его исхлопотало билет чрез других уже лиц. За правду этаго св. отца и ненавидят его товарищи-сослуживцы и такия же представители церкви, как и он, но стоящие выше его по положению, и он всё хладнокровно переносит. Вот какие примеры они подают своей пастве! Бог им судия... При сём припоминаю слова преосвященнаго Павла: «Человек, — говорит, — стоит в воде по горло, а всё мало и пить хочет»*.

К деятельности же нашей Городской управы по устройству города нельзя не отнести следующий замечательный случай: 25 июня (18)91 г. разосланы были по городу объявления, что // на время *Л. 211* проезда его высочества городским управлением для удобнаго размещения публики и во избежание давки от многочисленной толпы, устроены против пароходной пристани Сибирякова платные места, цена которым, по стоимости постройки, комиссиею по благоустройству города определена от 30 коп(еек) до 3-х рублей; а потому управа и приглашает лиц, желающих иметь билеты, пожаловать за получением их в управу заблаговременно; но надобно заметить, что, прежде чем состоялось это распоряжение, устройство мест отдано было управою одной еврейке за известную плату на праве аренды. Когда же по городу распространился слух, что публика жидовке платить денег не будет, ибо царя за деньги не показывают, то управа, дабы поправить свою ошибку, и опубликовала вышеозначенный вызов, приняв на себя, что будто бы городским управлением устроены места, а не с отдачи их в аренду еврейкою; и в самом деле, не успели ещё жители купить места, как с ранняго утра в 1ч(исло) июля эти все места самопроизвольно заняты были народом бесплатно; когда же произошёл об этом спор, могущий дойти до крупнаго скандала, то полицмейстер, чтобы прекратить эти споры пред самым приездом его высочества, распределил, чтобы кто где занял ме- *Л. 211 об.* сто, тот там бы // и оставался, следовательно, арендаторша осталась без получения гонорара, затратив на устройство мест более 1 т(ысячи) руб(лей) и теперь, как слышно, с управою заводит процесс. Управа сваливает на комиссию, но ведь этот довод не может оправдать действия управы, так как по силе 2020 и 2021 ст(атей) 2 т(ома) 1 ч(асти) Общественнаго губернскаго управления (изд(ания) 1876 г.) Город(ово)го полож(ения), названная комиссия действует по инструкции управою же составленной и думою утверждённой. Бог им судия! Не ведят бо, что творят, и интересы города не блюдут по той программе, которая преподана Городовым положением, а нас, стариков, обегают и нами пренебрегают; но, когда-нибудь, да будет же и контроль над такими действиями самоуправления!...

16 августа 1891 г.

Как в болезнях, так и вообще в несчастиях, никакие средства и пособия недостаточны без религии. Одна религия и, при том, откровенная, примиряет ум со зрелищем бедствий, которое его возмущает. Религия приносит полное утешение бедствующим. Религия подаёт решительныя врачества против болезней. Так, на это число жена моя, Агафья Ивановна, сильно заболела внутренним воспалением, покушав накануне, т.е. 14 ч(исла), картошек, думая, что болезнь сама собою пройдёт при домашних пособиях; 15 ч(исла) вечером посла- ли // за доктором, который в помощи до того усум- *Л. 212* нился, что послали за другим, наконец, явился и 3-й и акушерка, больная, видим, стала помирать, члены стали холодеть; пригласили священника, который страждущую исповедовал и приобщил Св. Тайне; наконец, один из докторов, видя крайность положения, хотя и сам больной, побежал в аптеку за лекарством; ночь была тёмная, хотя глаза выколи, и шёл проливной дождь; полученное из аптеки лекарство помощи оказывало мало; больная простилась уже со всеми и благословила меня и детей; все окружающия плакали и рыдали, отчаиваясь в излечении. Доктора признали эту болезнь «за холерику», но кто-то из предстоящих у одра умирающей вспомнил о помощи в подобных случаях Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, как тот час же возложена была на болящую сия Св. икона, а больной, между тем, по совету докторов была подана рюмка хересу, и она стала дремать; наконец, в 3 часа утра заснула и проспала до 6 часов утра. Доктора разъехались в пятом часу, а мы все всю ночь не спали; проснувшись, больная ощутила только слабость, а когда её совершенно прославило, то она и стала // приходить в силу; «Дивны дела *Л. 212 об.* Твои, Господи! Терпя, потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою» (пс(алом). 39–2) — говорит Св. пророк Давид же, так и я, во дни моей скорби, возлагаю всю надежду, всю печаль мою на Господа, Спасителя нашего и Его Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, подающаго скорое исцеление страждущим, притекающим к Нему с верою. И Св. Угодник Христов благодатию Господа нашего

* Последнее предложение вписано на левом поле.

Иисуса Христа, скоро послал свою Небесную помощь. В возблагодарение за это исцеление мы отслужили молебен Св. Великомученику и Царице Небесной; и желательно впредь совершать сие молебствие во все дни живота нашего.

Точно также по молитвам сего Св. Угодника Божия и при помощи докторов получили исцеление сын Иннокентий в Иркутске, дочь Мария в Благовещенске и дочь Анюта, страдающия тяжкими болезнями; получаемыя о состоянии их здоровья телеграммы мало успокаивали душевное наше впечатление; я, грешный, стал уже отчаиваться в Милосердии Божием, за тяжкия, верно, мои грехи, наказания ниспосылаемыя, но успокоенный советами моего духовнаго отца, ибо нет греха, побеждающаго Божие Милосердие, обра-
Л. 213 тился с слёзною молитвою к Царице // Небесной,
к Великомученику Пантелеймону, читал со слезами Акафист сему Угоднику Святому, а равно 8 и 9 декабря 1891 г. отслужили молебны и, вместе с тем, Заступнице нашей Скорбящей Божия Матере, ибо дочь Анюта на 8 декабря видела во сне, что она будто бы служила молебен Заступнице нашей*, и получаем утешительныя телеграммы, что дочери Марии и сыну Иннокентию получше. А Анюта, страдавшая дома от дифтерита, скорою и разумною помощью опытнаго врача от недугов исцелела; однако же, по замечанию доктора, если бы пропустили ещё день, не приглашая его, было бы очень опасно; обливаясь слезами, упал я пред иконою Святаго Страстотерпца, и просил Целителя подать помощь и исцеление страждущим, вопль и слёзы матери около одра болящей дочери надрывали ещё более моё сердце. Но какой-то тайный внутренняй голос утешал меня и давал надежду, что все трое страждущия будут исцелены.

Мы же, с страдащею душевно матерью, получивши великую радость и помощь от Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, славим Великаго небеснаго благодетеля, поклоняясь Святому Его образу, со слезами молимся и благодарим. Слава тебе, Страстотерпче, Святый Великомученик и Целитель Пантелеймон. 15 декабря
1891 года. // *Л. 213 об.*

Замечательное таинственное сновидение.

На 23 октября 1891 г. мать и сын Иван видели во сне: первая, что старший сын наш Александр, проживающий уже 8 год в Владивостоке, будто бы, отправляясь куда-то из дому на дальнее время, стоя на коленях пред кроватью матери, просил у неё благословения на этот путь; мать, пристав с постели, со слезами благословила его, спрашивая: «Куда же ты, Саша, отъезжаешь; был далёко из дому, а теперь едешь ещё дальше?»; он ей повторил тоже, что едет далеко, и больше мать ничего не помнит; а сын Иван рассказывал, что Сашу видел во сне, так же собиравшимся куда-то в дальний путь, и ему оставил сюртук свой; утром 23 они, т. е. мать и сын, рассказывали эти сны, и придумали так, что от Саши давно не было письма, так на днях должны получить это письмо; как вечером, в 8-м часу того же 23 октября, получаем телеграмму из Благовещенска от зятя Н. И. Григоровскаго; со страхом и трепетом эту телеграмму приняли, думая, что Маша, как страдавшая тяжкою болезнию, уже не жива;
Л. 214 распечатали это скорбное // известие и прочитали,
что Саша с 22 на 23 октября 1891 г. ночью скоропостижно скончался. Не могу уже и описать, как внезапно это поразило всех нас, а в особенности многострадальную несчастную мать, лишившуюся 38-лет(него) сына. Что мне делать? Как не покоряться воле Божией, ибо «скорби сердца моего умножаются» Утром 23 ч(исла) окт(ября) заказали заупокойную литургию, помянули, поплакали горько, послали телеграмму во Владивосток узнать о причине смерти и получили ответ, что Саша страдал сильным ревматизмом, и от этаго будто бы получил скорую смерть, что подтвердил и здесь доктор, говоря, что последствия ревматизма бывают почти всегда такия несчастныя. Заказали по Саше сорокоусты на год и чтение псалтыря неусыпаемое в продолжение 40 дней, во все урочныя дни служили по усопшем панихиды, заказывали обеды для нищей братии; стали несколько забывать это горе, в надежде на помощь Божию, ибо не тот несчастлив, кто действительно несчастлив, а тот несчастлив, кто ропщет на свои несчастия. «Скоро услыши мя Господи; дух мой изнемогает, не сокрой лица Твоего от мене (пс(алом) 142–7) Не во гневе Твоём накажи мя, помилуй мя, яко немощен (пс(алом) 6, 2, 3).

Но впереди ожидало ещё горшее несчастие,
Л. 214 об. а имянно: на 1 января (18)92 г. в ночи // заболели
одновременно мать и сын Иван этой новой злокачественной болезнью «инфлеенцией» *(инфлюэнца);* назавтра приглашён был опытный доктор, но Иван, будучи от природы упорнаго характера, лечиться отказался, что продолжалось до 7 ч(исла) января; видя, что болезнь усиливается, по его желанию был приглашён другой доктор, который и продолжал до 25 янв(аря), уверяя, что опасности нет, ибо воспалено одно лёгкое, больному всё хуже, 21 ч(исла) пригласили священника, который исповедовал больнаго и приобщил к Св(ятой) Тайне; пригласили другаго доктора, который, будучи добросовестнее перваго, сказал, что надежды мало, у больнаго образовалась скоротечная чахотка, но всё-таки по нашей просьбе продолжал лечить; хотя мать чрез две недели и поправилась, но нам готовился новой удар; сын Иван, будучи в здравом уме, 11 ч(исла) февр(аля) пригласил меня и всех окружающих проститься, и со слезами все простились, но умирая, он мне сказал, что «Вас де потянут по делу татарина о 2300 руб(лей) (о чём говориться выше), яко говоря, что милостив Бог, я не устрашуся зла, и Ваня в 10 часов вечера тихо, на руках матери, горячо его любившей и неусыпно ходившей за больным день и ночь, скончался... Это новое испытание поразило нас, и я находился в отчаянии, но, будучи успокоен нравственно и духовно своим отцом духовным, стал продолжать молиться о прощении своих тяжких согрешений,
// памятуя слова многострадальнаго Праведнаго *Л. 215*
Иова: «Господь дае, Господь и отья — буди имя Господне благословенное отныне и до века». Об одном только горько скорблю и плачу, что Ваня, умирая, не сказал мне историю дела с татарином, а лишь только намекнул, что меня де «потянут». Бог с ним, мне не впервые страдать и мучиться от врагов, но Господь по молитвам Царицы Небесной отвращает злая врагам моим. Ваню похоронили с подобающею честью 14 ч(исла) февр(аля) и тоже во все урочныя дни были заказываемы обеды для нищей братии и сорокоусты; похороны

* Со слов «ибо дочь Анюта» вписано на левом поле.

стали мне с леченьем без малого — 200 руб(лей); несмотря на мороз до 20^0, собрались проводить усопшаго все его знакомыя, а обедало на горших поминках до 50 человек. Умирая, говорил матери: «Не плачьте, умирать не страшно, у вас остаётся ещё один мальчик (Кешу они все так называли) и будет, — говорит, — с вас», а за 2 часа до смерти, оставив чтение газет, говорил: «Мамочка, встречайте гостей поскорее, Саша и Федя приехали. Придёшь, — говорит, — мамочка, в мою комнату и заплачешь, скажешь, где-то теперь мой Ваня». Тихо отошёл в вечность, как будто бы заснул. Упокой, Господи, его душу.

После похорон Вани, Анюта опять заболела «инфленцией», и при медицинской помощи действия всемогущей силы Божией, побеждающей законы естества, больная стала поправляться, однако же эта страшная болезнь, оставлявшая по себе всегда какие-нибудь последствия: у больной стала болеть грудь, она продолжает *(всё-таки)* пользоваться (услугами врача —?), но я напуган уже, боюсь за последствия и только надеюсь на милость Царицы Небесной, что она своими всесильными мольбами пощадит от новых несчастий...

Будучи в расстроенном состоянии здоровья
Л. 215 об. и имея твердую веру во всемогущество Божие // и Милосердие Его беспредельное, что за всё время моих нравственных и физических страданий в продолжении почти 50 лет, Господь пошлёт мне тихую и христианскую кончину; я, для успокоения себя в сердце, вздумал на 1-й неделе В(еликого) П(оста) поговеть, к тому же по неисповедимым судьбам Божиим, не раньше, не после, получил из Св. Афона брошюрку «О перенесении скорбей», где о чудодейственной силе таинства причастия нашёл писание Филарета, митроп(олита) Московскаго о том, что «ощутительный плод вкушения трапезы Господней является верующим то неизреченною радостию в сердце, то сладкою тишиною в душе, то светлостию в уме, то глубоким миром в совести, то утешением обуреваемых искушений, то прекращением страданий душевных и телесных, а, иногда, и совершенным исцелением». Я и Аг(афья) Ив(ановна) сподобились приобщиться Св. Т(айне), и получили в душе и сердце обещанное сим Св. мужем утешение, скорбей как будто бы и не бывало; повели покойную и мирную жизнь; всё вступило, как называется, в обыкновенную колею жизни. А так как со смертию сыновей пошёл в городе разговор и сплетни, разбирая причины, за что это Бог наказывает меня? Я торжественно и всенародно на похоронах сына Ивана объявил, что Бог наказывает меня за тяжкия, лютыя и неизлечимыя грехи мои и горько заплакал!... Но кто-то из предстоящей толпы, выразил: «Что Вы, — говорит, — кроме добра ничего не делали», а я повторял: «Грешник, грешник!» и чистосердечно всё пройденное, греховное в жизни, со слезами рассказал отцу своему духовному пред Святым Евангелием и Животворящим Крестом Господним. Успокоенный дивным изречением Господа Спасителя: «Се здрав еси впредь не согрешай», подтверждённым мне отцом духовным, я стал меньше заботиться о земном и более стремился к возвышенным чувствам Евангельским. Что же? Как Господь направит, так и надо поступать...
// И да будет на всё Его Святая воля!... Впереди ещё *Л. 216*
много, предчувствую, страданий, но уже как подготовленный к ним, я утешение имею одно — это христианскую кончину.

На новый 1892 год

Новый год,
А горе старо
Принесло много забот
От былаго не отстало —
Перешло на Новый год.
Нет отрады горемычным!
Нет привета от людей,
Вспоминать было б излишне
Красоту минувших дней.
Все исчезло, отлетело
С непонятной быстротой
И проститься мне велело
С счастьем жизни дорогой!...
Ив(ан) Фед(орович) Парфентьев 1 янв(аря) 1892.

Эта тема постоянно продолжается и в 1896 (году). Я страдаю тяжко*.

Сын наш, Иннокентий, служивший в иркутской аптеке помощником аптекаря, по нашему с матерью благословению и разрешению, вздумал перейти на такую службу в Благовещенск, где и Маша; я писал ему, чтоб он прежде поездки отслужил молебен Св. Иннокентию и без Его бы благословения не ездил, что Кеша и исполнил; и только открылся зимний путь чрез Байкал, отправились с попутчиком в мороз 6 января (18)92 г. Хотя со страхом, переехали благополучно, но зато Кеша чуть не погиб; ямщик с очевидно злонамеренною целью завёл их в такую глушь, что и подумать страшно; между тем, они стали замерзать и бросили всё, экипаж и пожитки, побежали пешком, ямщик отпряг лошадей, тоже бежал, — к счастию, что товарищ Кеши был ещё пободрее, а Кеша обессилел, упал и только помнит, что просил Святителя сохранить жизнь его; и стал замерзать; товарищ побежал до близ лежащей деревни, отстоящей версты за 3; взбунтовал народ, и Кешу без памяти нашли, оттирали, и увезли и привели в чувства! Письмо его об этом происшествии от 2 фев(раля) получили 3 марта. Столько навело нас на новую скорбь и заботу, что описать
невозможно; но, возблагодарив // Святителя за спа- *Л. 216 об.*
сение погибавшаго, мы надпомнили Кеше ещё, чтобы он и впредь веровал в помощь Святителя, «да не идет», — как сказано в Акафисте, — в дальнюю страну, не приняв от Него путеваго напутствия». После того, в долг деяния Кеши, обозначены ниже и наши страдания и терпение в (18)96–(18)97 г.

У терпеливаго человека много разума. Долготерпеливый лучше храбраго, и владеющий собою лучше завоевателя города. Конец дела лучше начала его, терпеливый лучше высокомернаго. (притч 14, 29).

Неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить. Неужели навсегда престала милость Его. (пс(алом) 76–8, 9).

Не от уст ли Всевышняго происходит бедствие и благополучие? Зачем сетуем мы? Должно по учению (пс(алом) Иеремия) сетовать на грехи свои, как источника гнева Божия на нас ниспосылаемаго праведно, ибо Господь весть все наши тайныя помышления, а не токмо явныя дела худыя...

Замечательныя стихи, найденныя в старых бумагах, сочинения г(осподина). Соколовскаго[168], бывшаго при губернаторе Степанове в 1824 году:

* Преложение вписано позднее на левом поле.

Смерть бессмертнаго.
Живых избранных воевода,
Господь небес и Царь земной,
Когда роскошная природа
Среди семьи твоей родной
Тебя, бессмертнаго на древе
Узрела мёртвым, то она
Как бы подвигнутая в гневе,
И стала смуты вся полна.
В раю притихли ликованья,
Светил затускнула краса,
И ужаснулись небеса,
И вздрогли мира основанья!..

Но убедившимся теперь,
Что смертью Ты отпёр дверь
В чертог Отца — всему созданья.
Я оставляю мрак и тьму,
И поклоняюсь Твоему
Л. 217 Безмерно кроткому страданью. //
Одной с разбойником мольбой
Молюся, дивный, пред Тобой:
Моё несчастье велико,
Я шёл погибельным путём,
Но помяни меня, Владыка,
В небесном царствии Твоём.

(Переписано 19 октября 1892 г.)

В 1893 г. весна самая ранняя, чего не помнят старики: в марте пошла трава, а к 5 апреля зацвела уже черёмуха — что-то, Бог даст, Его святая воля! А зима была тоже выходящая из ряду обыкновенных — морозы были продолжительные и простирались до 46⁰, погибло много птицы и в Минусинском округе скота, пасущагося на подножном корму; положим, что бывало в 186(8?) г., что травы пошли в марте и урожай хлеба был необыкновенный, но зато осень наступила ранняя с 1/2 августа пошли уже снега с дождём, и к Покрову была отличная зимняя дорога.

Смертный Ах! вянет навеки
старец весною,
чувствует хладную зиму
в тихия жизни. (Карамзин в 1786 г.)
Мечами бед, скорбей иссеченный,
Я остался в забытьи,
Я остался незамеченный
И в кругу своей семьи.

Особенно замечательно в нашей жизни — что?*

В день Ангела моего, 29 мая, празднество иконы Мерликийской Божией Матере.

В день Ангела Агафии Ивановны, 5 февраля, празднество иконам Божия Матере Елецкой, Сицилийской, Черниговской и взыскание погибших.

Накануне свадьбы нашей, 5 мая 1850 г., празднество иконе Старорусския Божие Матере.

В день перехода нашего в новый дом после пожара, 18 сентября 1881 г. празднество иконе Божией Матере Целительнице. // Л. 217 об.

В день рождения моего, 28 мая 1823 г., празднество иконе Божией Матере Антиохейской и Никейской.

Благословенная икона Агафьи Ивановны Божия Матерь «Утоли моя печали». С приданным — икона Скорбящей Божией Матере.

В школу я отдан был 16 августа 1830 года, и в этот день празднество иконы Божия Матере Феодоровской и Костромской.

* Предложение подчёркнуто автором.

Вышел из школы 28 июня 1838 года с похвалою в день праздника Божией Матере «Троеручицы».

Сгорели на 17 апреля 1881 г. в 16 ч(асов) — празднество икон Божия Матере Ильинской и Тамбовской.

Окладка новаго дома в 21 мая 1881 г. — празднество Владимирской иконе Божия Матере.

Словом, во всех житейских событиях нашего временнаго жития здесь всегда и всюду напутствовала нас своим благословением Царица Небесная, и «предстани нам при исходе души в час нашея кончины. О сём коленопреклонно молим и просим со слезами Тебя, Царица Небесная и Заступница наша, да буди наша молитвенница зде и тамо — на Страшном Судище, Сына Твоего, Христа Бога нашего, о прощении лютых грехов наших. Аминь».

Л. 218 11 апреля 1894 г. в Великий понедельник. //
В особенности же прошу наследников эту книгу никому из посторонних любопытствующих мою жизнь под страхом нарушения благословения моего, не выдавать, несмотря ни на каких лиц.

24 августа 1894 года Ив(ан) Парфентьев.

Ещё одно горе. Это неизвестность Иннокентия: где он живет и как? А потому, пока он не исправится, книгу эту ему ни за что не выдавать; он может потерять оную и всё с нею сделать, разве только можно о. Иннокентию дать почитать — на него я надеюсь, вот и это горе и другия невыносимыя; я заношу в сию летопись 24 августа 1896, так я, и мать тоже, постоянно и готовимся к вечной жизни.

Иван Парфентьев.

Слава Богу, возвратился 3 марта 1897 года *(сын Иннокентий)*, что Бог даст, впредь видно будет, надеюсь на Св. Его волю*.

Последнее своё слово заношу в сию летопись, чтобы эту книгу в старшем роде Маше сохранить, за что и сие мое благословение, а в событиях ранее бывших не могу ни пером описать, а только слезами.

Тот же Парфентьев, сентября 1896 г.

Пожалуйста, никому, по возможности, не передавайте эту книгу, а если дадите, то надпоминайте почаще. Записки эти впоследствии будут оценены, а теперь прошу о том ж. И в 20 октября Кеша *(два слова не разобраны)* уехал в Иркутск в аптеку. Бог с ним, кто Богу не виноват, все мы начали исправляться, сердце радуется; в противном случае — печаль и горе на нас, стариков, (писано во время тяжкой душевной и телесной моей болезни, в 1896 году) // Л. 218 об.

Кто не пройдёт чрез чистилище бессознательнаго душевнаго состояния, тот, по Белинскому, не будет совершенным человеком в полном значении этаго слова, тот никогда не поймет прелести истины в самой ея простоте. «Бывает порыв в жизни человека (говорит Белинский), когда душу его наполняют безотчётныя стремления, представляются мертвяще холодным, когда всякое удовлетворение его целей выражается разочарованием, или когда кажется, что мы достигли совсем не того, к чему стремились — невозможнаго и необъятнаго, а мизернаго и чувственно грубаго... А кто из нас

* Текст вписан на левом поле.

не пройдёт чрез чистилище этаго бессознательнаго душевнаго состояния. «Блажен, кто верует! Тепло ему на свете». Сказал кто-то.

Молю Бога, чтобы поколение наше исполнило свои признания с такою же верою и энергиею, как я исполнял завет своих родителей, и чтобы смерть их замечена была настолько, насколько замечена будет наша земная кончина (кончина христианская).

Если хочешь от злых преступлений
Павших братьев сердца отвратить,
Не пытайся их страхом мучений
Иль печальною речью смягчить...
Майков

Со смерти родителя моего (Царство ему небесное) 19 ноября 1846 г. прошло уже слишком 50 лет, но я долгу, как говорится, не уронил, а только возобновил и поддерживал. Постарайтесь же, дети мои, дом мой не уронить, чтоб так же и вас потомство помянуло добром чрез 50 лет. 18 июня 1897 г. Ив(ан) Парфентьев. Празд(ник) иконе Боголюб-
Л. 219 ской Божие Матере. //

Помниться, душа, как былинка от зноя,
Стремится в то вечное царство покоя,
На светлый таинственный пир;
Но грустно к земле отпускаются вежды, *(глазные веки — Т.К.)*
Лежат на мне цепи, нет светлой одежды,
Меня заковал обольстительный мир.
Как узник свои простираю я руки,
С молитвою к Богу, исполненный муки:
«Сними с меня цепи грехов!».
И сбросив тяжелыя мира оковы,
Войду я в одежде, блистающей новой,
В блаженное царство духов...» Стран...
(Странник?)

Воскресение Христово*
Христос воскрес! Спаситель мира!
Да воспоём его в сердцах,
Прославим Бога среди пира,
Благословим Его в делах.
Христос воскрес, ликуй природа!
Возвеселись, христианин!
Христос опять среди народа,
Христос над смертью властелин.
В Его деснице наше счастье,
Он полон жизни и чудес,
Он наше солнце в дни ненастья.
Он жив, Он с нами, Он воскрес!
А. Боткина

Ныне мы, грешныя, стали слабы: мало постимся, мало молимся, единственная и самая верная надежда спасения остаётся нам — это добрыя дела; итак, любезныя чада мои, поспешим на помощь бедствующим собратиям нашим и обрадуем воскресшаго Спасителя нашего, вменяющаго себе самому всякое оказанное нам ближним благотво-
рение, чрез что // да сподобимся вечной на небесах *Л. 219 об.*
радости, в сравнении с которою все наши земныя радости, как тьма ночная против пресветлаго солнечнаго сияния.

Размышления в 1-й день Пасхи 13 апр(еля) 1897 г.**

В какой бы кто, любезныя чада мои, великий или во многия великия грехи не впал, но не должен падать духом и отчаиваться, но припасть ко Мно-

* Заголовок подчёркнут.
** Преложение подчёркнуто.

гомилостивому Господу, пришедшему призвать неправедных, но грешных на покаяние (Лук(а). 5,32) в полной надежде, что Господь с радостию и объятиями примет, возвеселится и облечёт кающихся в первую одежду невинности.

Жизнь моя в последнее время далеко не представляет собою, так сказать, приюта утехи и радости; а потому проглядывают такие томныя течения, которыя казались просто невозможными и невыносимыми в мои лета, но я, при помощи Божией, перенёс терпеливо и равнодушно. (5 июля 1897 г,)

Что же делать? Пришлось мириться с печальною действительностию и с душевною скорбию оставить прошедшие печали и в надежде на настоящее; верую, что Господь и направит к тихому пристанищу от житейскаго моря, воздвизаемаго зря напастей бурями житейскаго моего волнения.

Как раз попало под руку стихотворение в день открытия Сибирских судебных установлений (посвящённое г(осподину) министру юстиции Николаю Валерьяновичу Муравьёву), напечатанное
Л. 220 в № 79 6 июля 1897 г. //

В день торжества судебной эры,
Так чудно озарившей свет,
Являсь в Сибирь, вы с чувством веры,
Царя исполнили завет.
России кто даёт ученье
Высоких нравственных начал,
Тот, словом царскаго веленья,
Дать новый суд вам завещал.
Ныне радостно встречая
Дня наступившаго рассвет,
Мы вам, всех благ земных желая,
Шлём свой восторженный привет.
В сей день, отрадный для России
И знаменательный для нас,
Мы шлём мольбы свои святые
К престолу Господа за вас.
Да увенчает провиденье
Царя заботы все о нас,
И дней грядущих поколенья –
За труд, да не забудут вас.
Москва. Евг(ений) Боранцевич.

При этом мне невольно пали на память старинныя стихи, памятуемые мною и теперь, вот они:

В судах благодарствуй
И взятки давай...
Дашь взятку, так здравствуй,
А нет — так прощай...

Да избавит нас Господь от подобных зловредных явлений и теперь! Сохрани, Господи, новыя суды от такого вреда и разорения нас. Да, дело сие важное, и потому что ныне по воле монарха пола-
гается начало // Новому Суду, а с оным будет со- *Л. 220 об.*
зидаться новая и лучшая общественная жизнь[169]. Дай Бог, чтобы новыя судьи могли немощи немощных лечить, а не себе угождать; таких судей, которыя бы могли вспомоществовать бедным, силою знатности своей ходатайствовать за низших, силою своей чести защищать угнетённую невинность, силою своего слова ободрять и поощрять истину и добродетель и, облекшись в сие оружие законов Божеских и человеческих, могли бы безбоязненно вступить на брань с сынами неправды, лжи и коварства. Насколько судьи должны быть сильны умом для немощей других, настолько же богобоязненны

сердцем противу немощей собственных, ибо страх Господен — есть начало всякой мудрости, без сей премудрости страха Божия, яко судий, даже проницательнаго, не дальновидно и тёмно, хотя бы озарено было многоразличными научными знаниями, неверием в промысел Божий, вездесущий и вся исполняющий. О! Дай, Господи, ещё повторяю, чтобы новыя деятели могли достаточно соответствовать их призванию и мудрой воле монарха и ожиданиям нашим. Ты же, Господи, укрепи их в духе истины и правды, ибо сила истины может всё сразить. Недаром в Пруссии адвокаты пользуются всеобщей популярностью и уважением. Подай, Господи, таковых бы и у нас; а теперь адвокатура хромает

Л. 221 на обе ноги… // Причём, к слову о просвещённости Николая Валерьяновича Муравьёва: надобно сказать, что он в 1881 г., состоя ещё исполняющим обязанность прокурора при особом присутствии пр(авительствующе)го Сената и товарищем прокурора С(анкт)-Петербургской судебной палаты, призван был обвинителем величайшаго из злодеяний, когда-либо совершившихся на русской земле, подавленный скорбным величием, лежащей на нём задачи, обвинял цареубийц 1 марта 1881 г., и здесь-то, он высказал так ясно, так отчётливо все доказательства в этой обстановке преступления, которую убийцы в своем циническом самомнении приписывали лишь своему мужеству и адской злобе, и 3 апреля 1881 г., в пятницу, в 9 час(ов) утра на Семёновскому плацу получили казнь повешением 5 человек. Но этаго, мне кажется, мало: надо бы их, в пример прочим, по древним законам — колесовать. Но этих законов у нас нет. Вот, кабы, слова Николая Валериановича, он здесь проехал скоро и отказался от всяких для него приготовленных обеда и увеселений[*], сказанные здесь в новом суде новым членам, при проезде его чрез Красноярск из Иркутска 8 июля 1897 года, были свято исполнены, можно бы надеяться, что был бы «суд милостивый, скорой и праведной», в ожидании котораго, читаем такого рода утешение, напечатанное в газете «Енисей» в июне 1897 г., вот оно от слова до слова: «Один из приехавших по железной дороге из Канска сообщает нам о дикой выходке одного комиссара, следовавшаго по направлению к Иркутску. Пассажир этот, сопровождаемый своим письмоводителем, ехал из России на должность мироваго судьи[**] и, на одной из станций, упившись зелена вина, до того разбушевался в вагоне, что сидевшия с ним дамы вынуждены были просить кондуктора о переводе их в другой вагон, хотя бы низшаго класса. // Л. 221 об.
При вмешательстве железнодорожной администрации, буйный судья грозил побить всем морды, так что вынудил составить протокол, который и будет, вероятно, фигурировать в качестве «перваго дела» в камере одного из мировых судей. Кстати, о железнодорожниках в той же газете «Сибирь» прописываются такия вещи, которыя, по степени их образования, не могли бы быть вероятными; наприм(ер), одна дама, жена личнаго почётнаго гражданина, заявила, что кондуктор хотел её (стыдно сказать), изнасиловать, но она закричала и бросилась из вагона; могла убиться, только тем и спаслась; значит — она желала лучше умереть мученически, чем лишиться чести; да и мало ли подобных творится происшествий, и всё это пока проходит безнаказанно. Читатель, не суди же меня за прописанное, я писал с фактов, хотя и был встревожен так же небывалым у нас в Сибири от образованных людей, событиями; но что же сделать, ведь только посреди мира, спокойствия и тишины слог и мысль спокойны, сдержаны; но, если обстоятельства тревожны, то слог более или менее горячий, мысль более или менее резка, то и прошу не вменять мне этаго в преступление. Намёк сам по себе не составляет преступления и в законе не предусмотрен.

[*] Со слов «Он здесь проехал» текст вписан по левому полю.

[**] Два слова подчёркнуты.

Терпи и смело до могилы
Неси крест свой.
Пока в груди ещё есть силы,
Л. 222 Борись с судьбой //
Туманна даль… венец терновый
Тяжёл для всех.
И вызывает путь суровой
Всех заслуженных утех.

Так вот, где боец, утомлённый борьбою,
Последний приют ты нашёл.
Отдохни же, закрытый землёю,
От забот и волненья,
Ты в труде и терпенье
Своей отчизны родной
Счастливый несчастливец…

Ещё воспоминание[*]:

Как Спаситель, спаси от гиены — огня,
И как врач моих ран не гнушайся,
Излечи мою бедную душу скорей,
Прими во грехах покаянье,
О, услыши, мой Боже, я здесь, у дверей,
Твоей милости жду — подаянья!
Иисусе, сладчайший, помилуй меня!
Как творец над творением сжалься.

И ещё

И годы промчались, и мои старанья,
Разбившись одно за другим,
Оставив в сердце лишь горечь сознанья,
Что мы на пути не стоим.
И больно мне было, с минуты паденья,
Сознаться в ошибках былых
И чувствовать грозное имя сомненья
И в праве прегрешений своих.
Озабоченный.

Много пережито радости, много пережито и горя, которое (т. е. горе-то) время только усиливает и закрепляет во мне чувства озабоченнаго отца и закрепляет их… // Л. 222 об.

«Не до конца Господь прогневался нимя, по грехам моим воздал есть сии». В жизни нашей всё зависит от стечения обстоятельств, от случая, который называется счастием. В каком наряде оно щеголяет, этаго, начиная с праотца Адама и посейчас, никто из смертных не видел и не будет знать, что такое счастие. Но судьбы Божии неисповедимы: всё зависит от Его Святой воли. Предчувствие бывает источниками последствий; вот, например, какой было случился со мною несчастный случай для всей семьи. Меня несколько раз приглашала мать, Агафья Ивановна, съездить за груздями на бывшую нашу заимку в 10 верстах от города, под Сопкою; но я почему — то откладывал под разными предлогами и, наконец, 4 сентября 1897 года. 4 сентября, праздниство иконе Божией Матере «Неопалимая купина» и ещё Царица Небесная оглянулася на меня и своею нетленною ризою меня сохранила

[*] Заголовок выделен, как и ниже.

от погибели[*]. Из воспоминания: к устройству заимки покойным Федею и трудам его решили ехать: я, мать, Кеша и кучер; запрягли пару лошадей и в 1/2 8-го утра отправились. Я всегда при отлучках читал псалом: «Господь пасёт мя» и проч(ие), «Горе ходит над всеми, беда сторожит каждаго, и только в единении сила, и только в братской любви защита от них». Приехали в1/2 10 часа, отаборились. Мать говорит, что хочет сходить в знакомый нам листвячок, поискать рыжиков; я говорю: «Иди с Богом», и она ушла; я же, распорядившись кучеру приготовить чай, Л. 223 // и как не могу быть без дела, пошёл вслед матери; её тут не нашёл, полюбовался заимкою Кузнецовых (бывшей Ошарова Ивана Михайловича, пользовавшагося землёю 80 лет потомственно) и тем же следом пошёл обратно; нашёл хороший груздь — вот он-то меня и завлёк, дальше, дальше, груздей нет, перехожу увал, по которому шёл, надеясь найти нашу стоянку: не тут-то было, опять гора и опять гора, я уже стал призадумываться, однако ж всё дальше и дальше, с горы вижу постройки внизу; стал спускаться, ничего не было, спустился в речку, а тут пало на ум, что накануне, как сказывали, чрез нашу заимку прошёл медведь: я уже стал изнемогать, сясть на землю боюсь, что не встану; а ищу уже наклонившееся дерево; нашёл, посидел, подумал, покурил (хоть с собою эту забаву взял), слышу собачий лай, пошёл на него, нет, ничего не слышу, где-то рубят дрова и колокольный звон; подумал — кучер рубит для чаю; шёл, шёл — не могу достигнуть, сделалось сильное сердцебиение, боюсь, чтоб не помереть от разрыва сердца; опять посидел и стал читать уже псалом «Господь пасёт мя», молитвы: «Заступись Усердная» и проч(ие), Св. Николаю, Св. Иннокентию, Ангелу — Хранителю, Великомученику Пантелеймону; несколько ободрился, опять посидел и с надеждою отправился опять в лог. Главное уже не о себе, а о матери крепко думал, // что она обо мне сильно Л. 223 об. заботится и горюет; начал уже сильно ослабевать; вижу вдали по логу лошадей, хвостами машут, подошёл — один обман; опять пошёл на гору; попались три дороги: одна — прямо, а те — вправо и влево, подумал: «Благослови, Господи по которой идти»; и Господь направил, пошёл по левой; но и она исчезла, остались одни тропинки, протоптанные груздениками; пошёл по одной из них влево — опять гора и опять мнимыя лошади; остановился, слышу крик — это думаю, уже меня ищут; к счастию, что я взял с собою свисток, который, было и позабыл; свищу то и дело; не могу опять свистеть, задыхаюсь, а тут вздумал, что это не тропинки ли медведя, потому что он обитается в речках — вижу, что я погиб, но не теряю надежду на помощь Божию; вдруг, вижу, что кто-то с горы едет на лошади верхом; я уже сел на траву, простился со всеми и приготовляюсь к смерти; верховой подъезжает ко мне, оказывается, Франц (кучер), как я неизреченно обрадовался; он мне предложил ехать верхом, я отказался по слабости, повёл он меня пешком; едва уже передвигаю ноги, понёс он меня на себе, как малаго ребёнка, дорогой кричит Кешу, а мать, услыхав, испугалась, думала, что уже я неживой; пришёл Кеша, повели меня оба к матери, я пока от радости не мог слова вымолвить, и так вот три часа я прогулял, истощал, голос прервался. // Л. 224 Привели на место уже в час дня, и вот с каким аппетитом я, отдохнувши, пил чай, наперёд выпив глоток рябины для ободрения и съел два пирожка с вареньем и всё случившееся рассказал; кучер — парень

* Предложение вписано по левому полю.

здоровой, молодой, сильной, и тот испугался, что если я бы потерялся — ему бы беда; что он поселенец, я его уговорил, что, что бы не случилось, к нему бы никакой привязки не было, потому что его могли оправдать мать и сын, другаго рода дело, если б я с ним был один; он сказал, что теперь вас, т. е. меня, одного никуда не отпустит; кое-как доехали домой; я ослаб до того, что едва слез с дрог. За спасение меня от явной погибели мать обещалась отслужить молебен Св. Великомученику и целителю Пантелеймону; я спал хорошо до 10 часов утра, и всё виделось вышеписанное. При этом надобно иметь в виду, что 4 сентября — день празднества Божией Матери Неопалимой купины, значит и здесь Царица Небесная не отринула меня в покаянии и сохранила, как было и прежде, несколько раз[*]. Живя на земле, мы никогда не живём, а только лишь надеемся жить; мы ждём жизнию. Течение жизни — есть лабиринт, в который мы из утробы матери входим и из котораго выходим чрез врата смерти. Справедлива, опытом жизни каждаго подтверждаемая, народная пословица: «Жизнь пережить — не поле перейти». Я сколько полей и лугов перешёл, но к тихому пристанищу ещё и не доступился. Седыя волосы, которыя я имею, — цена, покрывающая море после бури. Но жизнь всё-таки надобно измерять не количеством лет, а качеством добрых дел. Прошедшее есть добрый советник настоящему и будущему, если мы умеем хорошо понимать оное, то — то и есть, что прошедшаго — то ныне ни в какой доброй совет не берут, а только пре- Л. 224 об. небрегают // и даже презирают, я и так не упадаю по милости Божией в прискорбных случаях, так как и в радостных не возвышался; настоящую жизнь невозможно преплыть без искушений, а кто не умеет страдать, тот не умеет и жить; между тем, как истинная-то доблесть и проявляется в несчастиях. Что прискорбнее и пагубнее, напр(имер), пьянства — порока, всё губящаго, в особенности, в родной семье; я испытал это, и поражён был неистовством пьянаго… Крик, стук, ругань, в особенности, когда его свои унимают и уговаривают, чтобы он замолчал; нет — ничего не помогает, пока сам он в бесчувствии и бессилии не затихнет, а если тут вступиться старшему, тогда что может быть? Невыносимо. Это хуже бессловеснаго животнаго, ибо скоты не требуют более того, что им нужно, они знают предел довольства и не простираются далее нужды, и хотя бы принуждали их никогда, не дадут себе дойти до неумеренности. Не только в тот день, когда он пьян, страдает от пьянства, но и после этаго дня. Подобно, как и после того, когда пройдет горячка, остаются ещё следы пагубнаго влияния ея. Вино дано только для увеселения, а не для того, чтобы безобразить; дано для того, чтобы быть весёлым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для подкрепления здоровья, а не для расстройства его, для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром; для чего же ты неумеренным употреблением бесчестишь себя? «Мало вина приемлю стомаха ради твоего и частых твоих недугов». // Ох! Л. 225 Как горько и невыносимо прискорбно видеть такого нераскаяннаго не только назавтра, но и впоследствии; да и ещё отнекивающагося, что это на него напрасная клевета и сплетни. Бог с ним, Бог разберёт, а я всё-таки опять скажу приготовлять к тихому пристанищу в особой дом, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Всего неприятнаго не перечислишь, оно остается в душе и подмывает

* Со слов «При этом» текст вписан на левом поле.

мой старый корабль. Будет об этом, теперь поговорим о другом, об опасностях жизни, коим я подвергся вот в 1847 г (я ещё был холостым). Несчастныя дети бывают от воспитания бабушками, дедушками, маменьками, питающими и лакомящими детей как орехами и пряниками и разными лакомствами. Я об себе скажу правду: воспитывался я больше у дедушки и у бабушки; и так как они религиозны были, то и я в настоящее даже время, перенявши от них страх Божий, не ленив, можно, по правде сказать, этого дара Божия; а лакомства и чай пить, как и родичи мои любители были, так и я посейчас охотник большой, а молодой был, хотя и водку грешной человек употреблял, а чай пил запоем утром и вечером по шести больших чашек; детям же моим никаких пороков, кажется, привиться бы нельзя, кроме лакомства и удовольствия в чае, но нет вот, напротив; но я всё-таки не отчаиваюсь, что Бог направит когда-нибудь и на чай и на страх Божий, если только жизнь продолжится. Вино сокращает дни, опять повторяю; но так *Л. 225 об.* как после // тяжкаго и продолжительнаго горя наступает тихая благотворная радость, забываются пережитые дни тревог и невзгод, сердце радостно бьётся в груди, и верится измученному человеку и в счастье на бедной земле; то и я в любви Христовой буду скорбеть и сокрушаться о недостатках своих ближних и радоваться преуспеванию; не велено равнодушно смотреть на таких согрешающих или умалчивать о них. Обличаемый должен принимать сие охотно, признавая, что в исправлении состоит его польза. Не должно отлагать времени своего исправления, потому что утренний день не верен для нас: многия, замыслив иное, не доживали до утренняго дня. Я, как исполнял 5-ю Божию заповедь, так Господь меня и довёл до преклонных лет. Усопших родителей моих поминаю в грешных моих молитвах каждодневно; и вот после смерти дорогаго моего родителя прошло 50 лет, а после смерти родительницы 27 лет; я, по милости Божией, живу безбедно, дом не уронил, впред — как Богу угодно будет. Тайна жизни моя не разгадана.

Поговорим теперь об опасностях жизни, коим я подвергался в 1847 году (был тогда холостым). 15 ч(исла) августа, я, бухгалтер Городской думы Григорий Васильевич с женою, квартировавший у меня старичок Иван Иванович Петелин (о котором выше говорится в переплёте), застриженный из благочинных священников Ирку(тской) епархии, родственник // покойнаго Московскаго митрополита *Л. 226* Иннокентия, поехали за Сопку за груздями к заимке Соломина на ночевую; всё было благополучно, ночевали; утром 15 ч(исла) набрали груздей и брусницы, поехали под вечер домой; а я шёл пешком и завлёкся груздями, от них отстал и заблудился; ходил, ходил всё и приду на старо место — как раз над Енисеем; а они кричали, кричали, искали меня по лесу, отчаивались и шагом поехали; а уже солнышко закатилось, наступили сумерки; мне попалась копна сена, я её зажег, чтобы им дать знать о себе; они, хотя издали и видели дым, но не знали, что это мой знак; поехали поскорее домой, чтобы распорядиться и послать за мною искать верховых; а я в лесу увидел трёх идущих, попросил их указать мне дорогу (из разговоров эти люди оказались беглыми бродягами); я молодой был, смелой, но их струсил; они меня спрашивают, пью ли я водку. Я сказал утвердительно; из спрятанной у одного под одеждою фляги налили мне чашку, я выпил половину и стал посмелее; они разложили огонь, приготовили чай; я выпил чашки две и убеждаясь, что сильный бессильного не бьёт — опять повторяю об указании мне дороги; они же себе и в ус, что называются, не дуют, а сами выпивают то и дело; а уже стало темно, наконец, один говорит: «Товарищ, укажи дорогу молодцу»; и я пошёл с ним в город, *Л. 226 об.* как он говорил; наконец, к счастию, что луна // показалась, бродяга дошедши до ныне Синявинских кирпичных сараев, «...дальше, — говорит, — идти в город боюсь... видишь, — говорит, — вон белеет пороховой каменной амбар (прежде он был на краю у берега); «вижу», — говорю; «ну на него прямо и иди». Я, отблагодарив бродягу, по указанию и пошёл, спрашиваю часового, он ещё с грубостию наперёд ответил: «Не ходи близко к погребу, а то убью», но на мольбу мою смягчился и сказал, что иди прямо и дойдешь до городу; я же по пути ещё подмостился посмотреть театр (тогда играли кантонисты, и как сейчас помню казака-стихотворца — «Ехал казак за Дунай» и проч(ее)), возвратился домой, а там уже матушка, Царство ей Небесное, распорядилась нанять трёх верховых меня искать; назавтра только и было разговору об этом; а Иван Иванович испугался больше меня, говоря, что в случае моей потери, ему беда, так как он поселенец.

Вот ещё в моей жизни событие: в 1853 г. я, уже будучи женатым и служил городскую службу, командирован был в Кекур для присутствования при производстве следствия над купцом Матониным; отправился я в часу в 5 дня 5 сентября; в Куваршиной переменил лошадей и, напившись чаю у знакомой Александры Фёдоровны, бывшей подруги жены, в сумерки поехал далее; ночь тёмная, куда ямщик везёт — и сам не знаю, потому что ранее никуда не ездил; привёз он меня, кажется в дер(евню) Иркутскую; тут в сборной собралось ночью общество, меня заподозрили за бесписьменность данной мне из суда бумаге, // не верят, *Л. 227* принуждён был, по намёкам, писаря послать за 1/4 водки и хотел переночевать, но когда они напились, то из них человек 6 запрягли в тележку пару лошадей (тележку-то я взял в городе напрокат, боялся, чтобы не переломали колёса), волей-неволей поехал и все мужики со мною; то ли они боялись отпустить одного с ямщиком или была какая другая цель — не знаю, приехали в Кекур благополучно на дворянскую квартиру. Старшина встретил любезно, а я тележку из опасения просил поставить во дворе пред окнами; комната не топлена, холод, и я, как сейчас помню, лёг во всем на полу, в углу на валеной тут мяте; спалось — не спалось, мягко и тепло, утром, по обыкновению проснулся в 6 часов, а старушка-хозяйка меня уже с самоваром ожидала. Пришёл и старшина, напились чаю с пирожками; я его попросил сходить к заседателю — не приехал ли? Но ответ был отрицательный: и что бумага получена, что он будет ещё чрез неделю; между тем жена Матонина, Ольга Диомидовна, за отсутствием его в городе просила меня к себе понаведаться — какое это дело? Но я в видах угощения не пошёл, а попросил у старшины лошадей, поблагодарив его за угощения; нужно было лошадей сменить в Седельниковой, в которой я остановился. Приём меня старшиною и его матерью был чересчур гостеприимен: дом зажиточной, новой — 5 окон; писарь старшины было покапризился насчёт лошадей, потому что бланка нет; я всё-таки поехал чрез Бузим, где нужно было переменять лошадей. Меня натакали идти в волост(ное) правл(ение), // где в то время свиреп- *Л. 227 об.* ствовал писарь Нартов, человек, по тогдашнему времени самовластный; на требование моё лоша-

дей и при неимении на них бланка, решительно отказал; «а коли так, — я сказал, — что пойду, куда глаза глядят: в город дороги не знаю; и за потерю мою, — сказал, — будете отвечать»; и, взяв подушку свою и трубку (тогда ещё паперос не знали), пошёл; и только отойдя шагов 50, слышу: голова бежит за мною «Ваше благородие! — говорит, — помилуйте, воротитесь в волость», где писарь уже другим тоном и несвысока обошёлся за мною, просит садиться, приказал подать набитую жуковским табаком с длинным черешневым чубуком трубку (вот какое имели в то время начальство писаря), разговорились о том, о сём, смотрю: голова уже докладывает ему, что лошади готовы; я, поблагодарив обоих, сел в экипаж и поехал, голова вышел провожать даже на крыльцо, извиняясь, что они не так поняли меня; я поехал, и по пути 8 сентября 1853 г. заехал в Погорелку к знакомому мне писарю Мартыну Кондратьевичу Бурмакову (?); он принял меня радушно, а пока я пил чай, лошади уже были готовы часу в 8 вечера; тёмная ночь, куда еду, и сам не знаю; по дороге попался мне солдатик, идущий
Л. 228 со страды (?), я его посадил и довёз до мясных // лавок; здесь он соскочил, поблагодарив меня, пошёл в казармы; едучи, я увидал квартиру губернатора Падалки, освящённую плошками, вспомнил, что 8 ч(исла) был табель, кажется, рождение покойнаго Александра Ал(ександрови)ча, домой возвратился благополучно, а назавтра, донеся о случившемся в дороге со мною, я в 12 часов дня явился к губернатору; обо всём не умолчав, доложил откровенно (он откровенность любил), и с тех пор приказал на отъезд по делам службы выдавать за его подписью бланки, что исполнялось до упразднения звания депутатов. Бланки выдавались на пару обывательских лошадей.

А сколько я терпел и терплю над собою преступных деяний, то видно из следующих горьких обстоятельств, постоянно почти меня гнетущих: 23, 30 сентября и 14 октября 1897 г. только лёг, усталый и болезненный спать, как ночью, в глухую полночь, слышу в доме стук, крик, похабную ругань и богохульство; приоделся и выхожу, но встретил такое против себя остервенение, что не поддаётся никакому описанию. Этот богохулец (да простит его Господь) любимую мою палку, которую я хранил, изломал от остервенения, в щепки, остался один на память черешок; палку эту, как опору моей старости, я сохранил с 1874 г. и даже
от пожару, // потеряв почти всё, палку не забывал, *Л. 228 об.*
чем бы вытаскиваться, а я только о палке и заботился, но да тогда почти все были вне ума от угрожающей опасности. Мало этаго, теперь я уже откровенно скажу, что этот человек был сын мой, Иннокентий, если только можно назвать такого буяна сыном; он опять 24 октября напился и всех нас сделал полнаго отчаяния и горя; он кричал, ругал всех скверно матерными словами, бил кулаками по столу, а, надобно заметить, что все уже приготовились к такой трагедии: говорили, убеждали все кротко, но нет; он скрылся из комнаты, и по розыскам оказался на сарае будто бы спящим; из боязни, чтобы не замёрз, взяв с собою спички, упросили кучера караулить; в 9 часу вечера пришёл поспокойнее, но с 10-ти часов опять повторилось то же; мать от таких необъясняемых ужасов заболела, все засуетились: то ли посылать за духовным, то ли за доктором; к 5 часам утра успокоилось; дай Бог здоровья Маше — она неустанно ухаживала то за мною, то за матерью; назавтра продрыхнулся в 10 часов утра и, как ни в чём не бывало, пил чай, но на меня озирался озлобленный, хоть бы он прощение ис-

просил, всё бы было легче, но о раскаянии у него и тени нет. Маша предлагает ехать с нею в Благовещенск, там Николай поступил к г(осподину) Ша-
Л. 229 вявскому, // из 2 т(ысяч) оклада на всём готовом; но мать не соглашается, да и мне-то почти невозможно ехать от шума и свиста чугунки *(железная дорога)*, впрочем, подумаем до лета, если только будем оба живы, но едва ли; мы с матерью прожили почти 47 лет неразлучно, оба и должны померереть один за другим, в чём меня убеждает Св. Писание «благолепии в животе своём и по смерти не разлучишася». В такой страшной опале находясь, боюсь, не произнести бы над несчастным последняго слова, тогда мы оба, т. е. отец и сын, погибаем. У Ноя три были сына, Сим и Иафет — хорошие, а Хама он проклял за обозвание отца, он упился от виноградных лоз. Вот Хамово отродье пошло и до сих пор. У нас не в кого быть буйным, наверно, так Богу угодно посетить и испытать нас таким несчастием. Только по молитве Св. Макария Великаго, просим и молим Бога избавить нас от всех искушений и зол, которыя предлежат нам в грядущий день. Ищущия блаженства должны быть готовы переносить, по слову императора Юстиниана, различнага рода скорби, лишения, оскорбления и гонения за свою благочестивую ли или порочную жизнь. Это одному Господу известно. Во время такой буйной жиз-
Л. 229 об. ни я всегда читаю и ночью и днём Св. молитвы, // и будто успокойчивее на время и уснёшь. Я обул несчастнаго и одел с ног до головы, и вот не споя, не скормя, врага не наживёшь, денег выдал ему более 600 руб(лей), да на обучение (на свою голову); вот и горе ходит над всеми, и беда страшит каждаго. Царь и пророк Давид не только впал в прелюбодеяние, но и учинил убийство. Тяжко согрешив пред Богом, он не отложил своего покаяния до старости, но тотчас, облачившись во вретище, посыпал главу перстию, пал на землю, пролил слёзы сокрушения, наполнил воздух стонами и воплями, и принёс Богу чистое покаяние; самим делом, собственным своим примером исполнил то, что сказал в книге псалмов: «Измыю на всяку ночь ложе моё, слезами моими постелю мою омочу» (псал(мы) 6, 7); и в другом месте — «Пепел яко хлеб ядях и питие моё с плачем растворях» (пс(алмы) 101, 10). И кой не то, хотя бы и сын мой говорит: грехи мои столь велики, столь тяжки, что он чувствует себя во всём недостойным милосердия Божия, но на возражение его в этом смысле, ругани и буйстве, учинённом опять в 12 ноября 1879 г. *(ошибка: 1897 г.)*; в этот день уехала домой в Благовещенск незабвенная наша дочь Маша, гостившая у нас с 13 марта; я прочитал Акафист «Утоли мои печа-
ли», // она плакала горько о брате и скорбела об его *Л. 230*
поведении, а нас успокаивала, что Бог милостив, он один скорый в заступлении и окажет своё скорое посещение страждущему рабу своему Иннокентию, и избавит от недугов и горькой болезни, восставит страждущаго к воспеванию и непрестанному словословью своему по молитвам Пресвятыя Богородицы. При таком сердечном пожелании Маши советы её, кажется, подействовали, до 24 ноября всё обстояло благополучно, но в это число и последующее затем 26 (день празднества Святителю Иннокентию и день имянин несчастнаго), говорить и писать страшно, что происходило: от содому прислуга стала отказываться из боязни попасть в свидетели, я принял крайнюю и последнюю меру: это убеждал со слезами Святителем и ангелом — хранителем и читал Акафист. Что же, вечером, в 7 час(ов), страдающий несколько восчувствовал день величия Святителя и пообыкал, что называется, выз-

вался мне почитать из «Историческаго вестника»; и, хотя бормовато, но понятно; читал до 9 час(ов), а после стал пред мною на колени и умолял простить его, я простил и благословил его, но присовокупил, чтоб он раскаялся чрез духовнаго отца Богу; легли спать, ночь прошла спокойно. 26 ч(исла) мы
Л. 230 об. с матерью отправились к обедне // и молебну Святителю, а больной оставался дома; 27, поправившись, пошёл по нашему совету в Благовещенскую церковь и отслужил, как уверял, Святителю молебен; а между тем, от Маши телеграммы из Иркутска, Читы и ещё отколь-то, спрашиваемы о здоровье его; мы на них отвечали утвердительно. А как велика молитва Праведнаго, видно из следующаго: 2-го декабря я был по случаю у доктора Порфирия Дмитриевича Сысоева, он спрашивал, что такое сделалось с моим сыном. «Был он, — говорит, — такой добрый, симпатичный и скромный, как служил в аптеке у Смирнова[170]. «Скажите, — говорит, — ему, что его и сейчас примут помощником с жалованием 60 руб(лей) в месяц, из коих чтобы он платил матери 15 руб(лей), а остальныя подкапливались бы, да женился». Я не ожидал такой похвалы, приехав домой, обрадовал сына, но Сысоев присовокупил, чтоб передать, что если он изменит своё поведение теми поступками, то уже будет уволен; о чём я и передал ему с новыми наставлениями моими и матери, как должно вести себя благочестно. Вероятно, это приглашение на службу разгласилось, как назавтра из аптеки Смирнова приглашает управляющий и с тем же окладом 60 р(ублей) в м(еся)ц, но сам аптекарь сказал, что 40 руб(лей)
Л. 231 в м(еся)ц. //

Как-то вот праздник Рождества Христова? Страшусь за последствия, но милостив Бог.

Неужель до срока, до могилы —
Живой душой придётся мне заснуть,
Погаснет факел дум, будивших силы,
И я во мрак кану, грустный путь?
Нет, лучше пусть живут со мной печали,
Пусть тянуться как змеи дни скорбей,
Но только б струны сердца зазвучали
Отчетливостью чуткой прежних дней.
Чтоб я мог стяжать и верить снова,
И за комфорт и лень не отдавать
Святыню правых дел, святыню слова
И с злом в борьбе за них свой мир сыскать...
22 декабря 1897 г.

Праздник Рождества Христова, хотя и прошёл благополучно, сын в аптеке без смены дежурит днём и ночью, но 28 ч(исла) дек(абря), ночью, в 11 часу, я уже спал, как вдруг он ворвался ко мне, кричит, ругается, требует от меня 10 руб(лей) и угрожает, что если не дам, то горько раскаюсь; у меня только и денег-то было 4 руб(ля), как бы ими пробиться до 1 ч(исла); ругая меня матерными словами, присовокупил, что иначе я заплачу какой-то наследственный долг 25 т(ысяч) руб(лей); не мог я вытерпеть и произнёс страшное слово, // которое уже не пре- Л. 231 об.
будет во мне и прогнал его; он, как сказывала прислуга, уехал, ругаясь, на извозчике, мать пристаёт за него, теперь уже я определил выйти на квартиру, что б хоть помереть спокойнее; трепет в сердце, дрожь в руках, кружиться голова; повсюду трепетно ожидает меня какая-то незримая таинственная пропасть, горе: этот внутренний человек проснулся, выплыл наружу, мне тяжело расставаться с домом и семьёю, которых я так горячо любил в сердце, которым был предан и которых оставляю с глубоким и горьким сожалением, только в сознании невозможности продолжать здесь жительство с прежнею заботою и неусыпным старанием о всех. Но утешаю себя сознанием, что в течении почти 70-ти — летних трудов моих, я сделал, что мог, не принимаю на себя права судить, насколько достигнуты дела, к которым я стремился, но сердце моё преисполнено благодарностию за труды и попечения обо мне, заботящейся обо мне семье, чем я сердечно и невыразимо тронут, и унесу эти чувства в могилу. Любезной читатель, умоляю тебя, отнесись ко мне с возможно правдивым снисхождением во внимание моих престарелых лет и заслуг обществу и церкви Божия. Ведь только посреди мира, спокойствия, тишины, слагается мысль спокойно сдержанная. Но если обстоятельства тревожны, как и вышепи-
Л. 232 санные, то слог более или менее // горячий, мысль более или менее резка, не могут быть, естественно, вменены мне в преступление и в предосуждение.

Борьба души с духами злобы пред смертию велика; чтобы брань смертная не застигла нас неготовыми, необходимо бороться мужественно во время данной нам Богом жизни. Проведший свою жизнь в мужественной борьбе по навыку и опытности в духовной брани легко одерживает победу и в последний час смерти. Для чего требуется также частое и внимательное размышление о смерти: делающий это — страшную для не готовых смерть встречают с меньшим страхом; ум его, занятый сторонними предметами, будет свободен в избрании мер для успешнаго окончания предсмертной борьбы. При этом постарайся простирать сердце устремлённым к Распятому за нас и взывай к Нему: «Боже мой, Творче и Небеси, Учитель мой, помози мне в час сей и не попусти удалиться от истины Св. веры или поколебаться в ней, но благоволи мне в истине сей Благодатию Твоею, рождённому и наставленному окончить жизнь мою к славе Пресвятого Твоего имени. Не преставай взывать: поистине, Боже мой, я достоин того, чтобы Ты отверг меня за грехи мои, но всётаки дерзаю уповать на Твоё благоутробие и надеяться, что Ты простишь меня. Почему и умоляю, не лиши спасения создание Твоё, достойное осуждения за злыя свои дела, однако ж, искупленныя ценою Святейшей Твоей Крови. Если ты и умертвишь меня, // и тогда буду я иметь в Тебе животворя- Л. 232 об.
щую свою надежду. Дающий смиренным благодать не отнимает своей благодати за дела, совершаемыя по чувству смирения. Непременно должно прежде наступления смертнаго часа при Божией помощи, вооружиться против тех страстей, которыя особенно обладают нами и бороться с ними мужественно, чтобы легче победить нам диавола и тогда, в последния минуты жизни. Вот тогда-то приедут сродники и знакомыя мя и возглаголют:

Тиха, мой бедный брат, твоя могила,
Последнее жилище в юдоли земной.
Спи смирно! Над тобой небес светила
Горят и днём, горят и в час ночной.
В прекрасный день весны кусты сирени
Вокруг могилы весело цветут.
Спи смирно! Там, в могиле, нет волнений
Ни скорбь, ни зло в приют твой не войдут!
Зимой холодной ветер, грустно воя,

С пушным снегом быстро полетит,
Но в тихой смерти сени и покоя
Стон бурь морозных сон твой не смутит.
Спи мирно! Стоит вечное забвенье
И непробудный вечный сон гробов —
Земнаго бытия, тревоги и мученья,
Сомнений горьких, ложных счастья снов.

При всем моём терпении и страдании душевном, глазная болезнь меня ужасает — что тогда я буду? Или Бог в испытании меня посетит, и этою скорбною, тяжкою болезнию — воля Его Святая. Но я среди семьи, как будто бы забытый, безответный; тогда произнесут слова: «Несчастней всех был он, слепец!

Л. 233 О, исцели нас, Всесильный! //
И наши мысли и сердца,
Направь на путь, добром обильный,
И им веди нас до конца!

Не отчаиваюсь:

Надейся, веруй и терпи,
И знай, что на твоём пути
Ты встретишь скорбь и наслажденье!

Да, трудовая почти неусыпная, моя 50-ти-летняя служба городу и добрым гражданам приносит такия неутешительныя физическия страдания, что вспоминаю и испытываю слышанное ещё в молодости моей от старых людей: «Трудно привыкать к труду, но невыносимо труднее расставаться с трудовою жизнью». Так и я тоскую, страдаю, мечтаю, но преодолеть не могу, разделяю время дня по часам, наприм(ер): 1/2 часа почитаю, что покрупнее, 1/2 часа попишу, 1/2 часа погуляю по саду, а летом, так и более — часа на два, езжу по городу 1/2 часа или более; в людях редко бываю, и то только на час, и в светлыя вечера, ночь и днём читаю про себя молитвы и Акафисты. Но неугомонный наш бес — Арабский (Бессарабский — сравнение) смущает разными зловредными для души помыслами; в молитвах, грешной человек, и засыпаю ночью и вижу пред утром то утешительныя, то скорбныя сновидения.

Ещё работы в жизни много,
Работы честной и святой!
Ещё тернистая дорога
Не залегла предо мной...
Мне грустно! В сердце тяжело,
И мысль печальная тревожит
Мой ум! Уж счастие прошло // Л. 233 об.
И не воротится, быть может...
Что ж пользы жить? Но жить хочу,
Хочу продлить свои страданья.
Быть может, то, о чём грущу —
Но дни — напрасныя страданья.

Кстати, и вспомнишь слово Наполеона об Талейране *(министр иностранных дел при Наполеоне I — Т.К.)*, он говаривал про него: «Как бы, — говорит Наполеон, — он не упал, всегда упадёт на ноги, как кошка», а потому как бы и мы не упали, то непременно упадём сперва — на самообладание! Но при том в памяти старинное русское правило: «Без Бога ни до порога». Правда, что и один из почтенных граждан мне под дружеский час беседы говаривал: «Я, — говорит, — главее четырёх тысяч граждан». Но я не отвечал безумному по безумию его, а намекнул только: «Каковы-де у такой головы уши?» Ой, да много в моей жизни случаев, но, к сожалению, писать не могу, а мог бы написать три таких тома, как настоящий. Теперь поговорим о предстоящих праздниках — Св. Благовещения и Св. Пасхи в 1898 г. Может, я и не доживу до них, но слова мои останутся; у «имеющих уши, да слышати. Глас 4. Днесь спасения нашего главизно и еже таинства явление. Сын Божий, Сын Девы бывает; и Гавриил благодать благовествует тем же, и мы с ним Богородице возопим: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою». Сколько в этих таинственных словах смысла и радостей духовных, сколько неизглаголенной милости Царицы Небесной, недоумевает бо ум мой и возглаголати: «Премудрости наставниче и смы-
Л. 234 сла Подателю утверди и вразуми сердце моё». //

Повсюду трепетно ждём Великаго Святаго часу, когда воскреснет великая любовь всего мира.

В глубине сердец наших раскрывается тогда незримая, таинственная дверь, и скрытый внутренний человек, который чувствует кровное, близкое родство со всеми другими своими братьями, тот, который понимает, что их недостатки — его недостатки, что их радости и горе — его радости и горе. Этот внутренний человек проснулся, выплыл наружу и, удивлённый и тронутый, смотрит на весь Божий мир. В каждом доме, в каждой семье, без различия богатых и бедных, знатных и незнатных, в богатых палатах и в тесной каморке у нищеты, — повсюду трепетно людям великая Святая неделя Воскресения Христова. Да! Трепет в сердце, дрожь в руках, кружение в голове, а между тем торжественно и величаво звучат радостныя звуки: «Христос Воскресе! Христос Воскресе!» Из-за чего должна бы, кажется, воскреснуть человечность в сердцах наших, на миг, самый краткий, вспыхнуть любовь, и все люди встрепенутся в дружном братском порыве; забыть гнев и злобу, невзгоды и лишения, счёты и дрязги но, к несчастию, нет! Вскоре же забываются великия таинственныя слова, возвещённые братским человеком «Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!» — и внутренний человек остаётся в первобытном положении до Втораго Христова пришествия. Боже, отдав и милости Твоея, сотворивший вся словом Твоим и премудростию Твоею устроившей человека, даждь мне, престому, преседящую премудрость и не отринь мене от о трона Твоего, яко аз раб Твой, человек немощен и маловременен и умалён в разуме! // Л. 234 об.

Настало время покаянья,
Прости, Христианин!
Припомни все свои деянья,
В ответе ты один.
Благодари, плач и кайся,
В грехах пред Творцом,
И быть послушным обещайся,
Как сын перед отцом.

Эти священныя слова должны вразумить всякаго благомыслящаго сына, в особенности такаго сына, который подаст уже к тому близкую надежду.

Иди и не бойся, как блуднаго сына,
Тебя я в объятья приму.
Пусть все твои раны мне будут открыты,
Я дам тебе место в дому!...
Иди, мой возлюбленный, чадо родное,
Иди, по тебе я скорблю.
Родила тебя мать своей собственной кровью,
Тебя, как отец, я люблю.
А вот, и ко времени слово Распятаго:
«Иисусе, сладчайший, помилуй меня!
Как Творец, над творением сжалься,
Как Спаситель, спаси от гиены огня

И как враг, моих ран не гнушайся.
Ничтожен слабый стон средь стона мироваго,
Единая слеза средь океана слёз...

В твердой надежде на заступничество и помощь Царицы Небесной, что сын мой, Иннокентий, исправится от душевных и телесных своих недугов и примет деятельныя меры к духовному исправле-

нию нравственных своих качеств; призрит наши
Л. 235 с матерью страдания, // обзаведётся доброю честною подругою жизни и будет самостоятельным гражданином на пользу общественную, в память предков своих, как я и покойный мой родитель, служили и приобрели себе доброе имя, тогда всё прошедшее забудется. Так мы с матерью скорбим, плачем и молимся о спасении его от пагубнаго пьянства. Лютое орудие проходит сердца наши, так мы страдаем душевно и телесно. Что же поделаешь? Ведь и Царица Небесная, смотря на страдания единороднаго сына своего Христа Бога нашего, страдала, как человек, слыша Его святыя слова: «Не рыдай мене, мати» и проч(ие), провозглашаемые в Великую Субботу пред Пасхою; а у нас в доме есть икона этой чудотворной Божией Матери, пред которою с прадедовских времён и доныне нами, грешными совершается после заутрени молебствие; надеемся, что и потомство наше будет продолжать сие во все дни живота своего.

Правда, человек во всех своих действиях зависит от окружающих его обстоятельств, изменение характера возможно, следовательно, только при перемене той общественной обстановки, в которой он жил. Эта последняя перемена должна быть совершена посредством улучшения материальнаго быта на совершенно иных, честных и трезвых, началах. Так говаривали старики, так и мы должны подражать этому мудрому указанию, а из-за этаго дурныя развития ума или воли должны, без сомнения, исправиться и направиться на обычную нормальную дорогу ума и добродетели, и сам будет обрадован более удовлетворительным путём. Кто же Богу не грешен, царю не виноват; один исход: правда и истина.

Жизнь — комедия для того, кто мыслит; и трагедия для того, кто чувствует. Всё на свете здесь скоропреходяще и тленно! Старость и без того с своими обычными спутниками, физическою и умственною слабостию, приносят мне неотложное желание к будущей вечной жизни. Аминь![*] // Л. 235 об.

Воспоминания Ивана Фёдоровича Парфентьева о Михаиле Константиновиче Сидорове. Переписывал Иннокентий Ив(анович) Парфентьев. Г. Красноярск. Ноября 30 дня 1897 года[**].

В историческом очерке нет правила без исключения. Вот:[***] в № 125 «Сибирск(ой) газ(еты)» за 1897 год напечатано воспоминание о добром Михаиле Константиновиче Сидорове: «Более 40 лет тому назад, русский человек, известный М(ихаил) К(онстантинович) Сидоров, был твёрдо убеждён в реальной возможности ныне осуществлённаго события — открытия Севернаго морскаго сообщения, и вполне осознавал его значение для Сибири». Сколько материальных средств, сколько умственнаго труда, сколько нравственных сил затрачено было этим, безусловно, талантливым и умным человеком в щетных усилиях провести свою идею. Последний раз я (говорит писатель) видел М(ихаила) К(онстантиновича) в (18)83 году, и в это свидание я слышал, из уст его то, что ныне сбылось. Вот его слова: «Мне, вероятно, не дожить, но Вам, быть может, доведётся увидеть, что иностранцы проложат себе северный морской путь, и тогда мы, русские, опомнимся и начнём ругать иностранцев

[*] Весь абзац вписан на левом поле.

[**] Заглавие и дальнейший текст переписан И. И. Парфентьевым с мелкими дополнениями и правками автора.

[***] Строка вписана автором на верхнем поле.

и хлопотать об их изгнании». Действительно, так и я, современник М(ихаила) К(онстантиновича), удостоверяю, что этот незабвенный человек есть чисто исторический; он много бы просветил Сибирь, если бы не бывший губернатор Замятнин его гнал. М(ихаил) К(онстантинович), кажется, с 1862 года плавал в Туруханский край, разыскал там каменный уголь, графит, из котораго уже приготовляли карандаши. Я бывал у него, и он мне рассказывал о трудностях, какие он там перенёс; когда, бывало, приду к нему под вечер, он тотчас же прикажет запереть ставни в улицу, «...а то, — говорит, — уви-
Л. 236 дят Вас у меня, и Вам будут неприятности, // потому что везде и всюду у губ(ернатора) агенты»; потом пьём чай, а при прощании всегда спрашивал меня покойной головушка (царство ему Небесное): «Не нуждаетесь ли Вы в деньгах?»; он знал, что семья у меня большая, жалованья недостаточно; бывало рублей 50–100 и силком мне ввернет. Я с ним знаком с 1846 года, он был в то время ещё домашним учителем у золотопром(ышленника) Латкина[171] и занимался деловыми бумагами под моим руководством, так как я был опытен в знании законов; бывало, каждый почти день и завернёт ко мне что-нибудь спросить, или показать деловую бумагу и исправить её. Я тогда ещё был холостой; однажды М(ихаил) К(онстантинович) приглашает меня и постояльца, моего нахлебника, поч(ётного) г(ражданина) Павла Григорьевича Колесова, это было в декабре (18)47 года, к себе вечером пить чай; мы пришли часу в 8-м, чаю напились, после этаго угощал нас горячим глинтвейном, и сам выпивал; я тогда в первый раз пил такой весёлый, но не пьяный напиток, и хотели было идти часу в 10-м, но М(ихаил) К(онстантинович) остановил нас на минутку, а сам что-то хлопочет, перебегая из комнаты в комнату (он квартировал в доме А(лександра) И(вановича) Новикова[172] у стараго базара); и вдруг приглашает в другую комнату — посмотреть устроенныя им живыя картины; мы заинтересовались этим, и увидали что же? Приказчик М(ихаила) К(онстантиновича) Иван Матвеевич, как сейчас помню, // по открытии занавески в комнату, Л. 236 об.
занимается со стряпкою (непечатным делом). Иван Матв(еевич), такой краснощёкий парень, и кухарка — тоже здоровая девка. Мы, взглянув, охнули, а М(ихаил) К(онстантинович) и Иван Матв(еевич) нам возглашали: «Не мешайте, не мешайте!», — вот ведь какой был чудак, покойна головушка. Мы от души посмеялись и, оставивши делавших живыя картины, распрощались с М(ихаилом) К(онстантиновичем) и ушли. Или, бывало, он один раз, на маслянице, вздумал утешить красноярскую публику: приказал соединить две большие лодки и прикрепить их на сани; на лодках наслан был тёс, и огорожены перилами, как есть — карбас с мачтою; на площадке музыканты от баталиона и перевозчики будто бы гребут вёслами, музыка кончит, начинают песенники «Вниз по матушке, да по Волге», и так попеременно; на мачте устроена была площадка, и на ней нищая Ф(ёкла) Ф(ёдоровна) Ядрихинская с дудочкою; а музыкантами и песенниками распоряжался некто С(тепан) П(етрович) Логинов (когда-то бывший первым здесь торговцем, а впоследствии разорившийся и от этого впал в слабость)[173], так вот его-то и вылаживал добрый М(ихаил) К(онстантинович) от запою; чрез час приказали ему тут же, из устроеннаго буфета, подавать по рюмочке и закусить. Ст(епан) Петр(ович) одет был в хорошем сюртуке, одним словом, как джелтмен, а Фёкла Фёд(оровна) в канфенном чёрном матери М(ихаила) К(онстантиновича), платье. Ма-

тушка его, как я слыхал, была в монастыре Архангельской епархии, там молилась Богу, // *Л. 237* там и представилась от жития сего. Она бывала имянинница 21 мая, в день матери Елены и царя Константина.

Один раз, тоже в (18)48 году, М(ихаил) К(онстантинович) сделал. Некто был здесь по делам еврей, I гильдии купец, Хаймович из Томска. М(ихаил) К(онстантинович) послал к нему пригласительную карточку на обед в 21 мая, наказав лакею, не сказывать от кого это приглашение и, по счастию, лакей, не застав дома еврея, оставил её на квартире его; на карточке не было поименовано, кто его приглашает, а сказано только, что «прошу Вас пожаловать ко мне на обед в 2 часа». Между тем, М(ихаил) К(онстантинович) постарался увидать утром же еврея и передать ему, что его приглашает на обед губернатор Падалко, по случаю имянин супруги его Елены Вильгельмовны, что я-де сам, слышал этот разговор от губернатора. Что же? Еврей, приехавши домой, переоделся и отправился к губернатору пораньше, до народу; приехав к губернатору, поздравляет его с дорогою имянинницей, тот изумился, но не сказал ему ни слова: сидит жид да и только; начали набираться гости — всё знать, а он ожидает обеду. Вот уже и три часа, стали накрывать на стол, а жид всё посиживает; наконец, и его губернатор приглашает, как и всех, к обеду; уселись, пили шампанское, и жид тоже, как гость пил; после обеда гости стали разъезжаться, тоже и Хаймович, // *Л. 237 об.* но губернатор приостановил его; а когда он был последний из гостей, губернатор обратился к нему с вопросом, кто его приглашал? Он показывает карточку, губернатор смекнул, чьи это шутки. Не сказал ему ничего, а между тем полицмейстеру Соколовскому приказал тотчас сделать по сему предмету удостоверение. Полицмейстер в вечернем рапорте в 10-м часу доложил его превосходительству, что: у Сидорова своя литография без разрешения начальства; что карточка пригласительная была в оной отпечатана по приказанию Сидорова; и что лакей его показал, как выше видно, что он карточку оставил в квартире Хаймовича, а как она очутилась пригласительной от губернатора, не знает. Губернатор, рассердившись на все эти штуки, без производства следствия, приказал взять Сидорова на гауптвахту и продержать на хлебе и воде 3 дня, что было и исполнено. Мих(аил) Конст(антинович), как невинный, всё это перенёс хладнокровно; М(ихаил) К(онстантинович) имел для смеху такого служащего (у него была канцелярия из 6-ти и более человек, все писали и переписывали — у него так много было дела компанейскаго, жалованья не менее 600 руб(лей)), служащий этот заикался; вот его-то он и посылал всюду подавать бумаги; в первый раз он послал его к губернатору Замятнину, кажется, в 1868 году. Этот спрашивает у него, о чём просьба? А податель, сробевший ещё более грознаго начальника, в продолжении некотараго молчания, отвечал только «Ппп... о-о-о» и проч(ее). Губернатор взбесился, признав это за насмешку, и выгнал его, а Сидоров чему рад. Пошли жалобы в Сенат и к м(инист)ру в(нутренних) д(ел); *Л. 238* // после этаго заику свидетельствовали во Врачебной управе и нашли действительно косноязычным; кончилось смехом, и в Петербурге знали, что это всё проказит шут Сидоров. Во время проезда чрез Красноярск генерал-губернатора Корсакова в С(анкт)-Петербург[174] была подписка на обед. Пристав заявился к М(ихаилу) К(онстантиновичу) — этот притворился казанским сиротой и хотел подписать один рубль, но в уважение просьбы пристава подписал 5 рубл(ей) и, конечно, на обеде не был. Но приставу за хлопоты и по малому его жалованию дал 50 рублей. Конечно, полиция была всегда на руке его. Между тем, выписал он из С(анкт)-Петербурга довереннаго правоведа с платою большаго жалованья, который и доказал на деле своё правоведство, а именно: однажды ему предъявляют бумагу г(осподи)на генерала Корсакова, а правовед что же в подписке сказал: «Сию бумагу читал, и так как у какого-нибудь генерала голова соломою набита, то он ей подчиняться не намерен, а будет жаловаться». Генерал, получивши подписку, рассвирепел и нарядил строжайшее следствие, по которому правовед подтвердил свои слова с тем, что тут обиднаго ничего нет; во 1-х — солома есть хлеб, а хлеб даёт здоровье и жизнь питающемуся им, во 2-х — эти слова в подписке отнюдь не относились к начальнику края, и если им обидится, то должно от тысячей генералов поступить жалобы, однако ж, ни от кого ничего нет. В конце концов, по решению Сената, правовед задержан при полиции 6 недель и так как освобождение его пригождалось в среду на Пасхе, *Л. 238 об.* то губернатор // Замятнин приказал освободить его на 7-й неделе поста. Правовед не согласился, а своё время высидел, но за то на губернатора полетели жалобы за намеренное нарушение указа Сената; чем уж они кончились — не помню. Потом тот же адвокат, выслушав какой-то журнал Г(убернского) совета, в подписке написал, «что сие неосновательное распоряжение слышал и нахожу, что это какой-то дивертисмент».

И опять предан был суду, за что приговорен к 6-ти — месячному заключению в тюрьме, и высидел спокойно. Так как Мих(аил) Кон(стантинович) был благодетель для всех, кроме высших, то красноярское городское общество, рассчитывая, что он много поможет городу, то в 3-летие 1863-(18)65 годов хотело его избрать городским головою; из собрания отправилась к нему в дом депутация человек в 30; в том числе был и я, но купцов было только двое или 3-е: Никита Матвеевич Воронов, братья Парамоновы Иван и Михайло Петровичи, Юрьев Иван Васильевич, прочие не пошли из боязни губернатора; Сидоров принял всех приветливо, благодарил за сделанную честь; и после сильных просьб его, попотчивавши всех чаем с разными лакомствами, согласился ехать в собрание для баллотирования; я ехал с ним в его паровых *(парой лошадей)* санях, только подъехали к зданию Думы, как толпа мещан нас в комнату не пустили, а прямо на руках внесли в приёмную комнату и там сняли с нас шубы. В общем собрании все единогласно, кроме человек 30 купцов, закричали, что баллотировать Мих(аила) Конст(антиновича) и, конечно, поставили по-своему — избирательных было до 100-а шаров, 30 неизбирательных. М(ихаил) К(онстантинович), раскланивался всем и благодарил за такую // *Л. 239* высокую для него честь. Приговор был предоставлен на утверждение губернатору Замятнину, который его не утвердил, потому будто бы, что Сидоров по качествам его неблагонадёжен, что он был под судом и выдержан бывшим губернатором на гауптвахте, и что звание домашнего учителя носит ложно; конечно, пошли жалобы и от обиженнаго, и от довереннаго общества Андрея Петровича Комарова, человека, хотя и неучёнаго, но владевшаго даром хорошего слова; конечно, жалобы составлял вышеречённый же доверенный Сидорова, Семён Иванович Розинг, поэтому было ровно семь собраний, равнявшихся 7-ми вселенским соборам; наконец, Сенат вырешил, что уже если Сидоров не желает служить, то его насильно утверждать нельзя; гу-

бернатору же замечено неправильное обвинение Сидорова, не подтвердившееся по произведённому следствию.

Однажды я был как-то в Великий пост на последней неделе у Мих(аила) К(онстантинови)ча по его приглашению; пили чай, и он мне по секрету сказал, что уезжает в Петербург, проживаться здесь боится, потому что могут в сад подбросить мёртвое тело — вот де меня и цап-царап. Распростились, и он, отдав мне какой-то вымышленный им должок — 200 рублей, как раз к Св. Пасхе, и в ту же ночь выехал.

В С(анкт)-Петербурге у него были сильные связи, и даже с великими князьями, как слышно было, он был знаком. Он устраивал в своей родине, в Ар-
Л. 239 об. хангельске, кажется, // пароходство; здесь об нём уже и забыли, только и то некоторые в 9-е число ноября помянем о добром М(ихаиле) К(онстантинови)че в день его Св(ятого) ангела. В 1877 году летом, М(ихаил) К(онстантинович) приезжает сюда — и ко мне с визитом; это было в субботу, меня не было дома; я сидел у соседа А(лексея).М(ихайловича) Кабакова, за мной послали, когда я возвратился, с М(ихаилом) К(онстантиновичем) расцеловались; говорили о былом, посмеялись; он ещё старухе моей заметил, чтобы меня отправить в Петербург, там де подкрасят, седины не будет, и я буду как годов в 25; от меня он поехал к Кабакову. Назавтра я вздумал отдать визит и, так как М(ихаил) К(онстантинович) принимал в 7-мь час(ов) утра, день был жаркий. Квартировал он в гостинице Шлау, подле почтамта; вхожу в комнату — полна народу, другая тоже полна; я прошу лакея доложить об себе; вхожу, думая, что М(ихаил) К(онстантинович) занят делами по-прежнему и вижу, что он угощает чаем некую старушку, толстую-претолстую, Марью Яковлевну; она уже закрыла стаканчик, а М(ихаил) К(онстантинович) ещё просит выкушать хотя один; старуха отвечает, что этакая жара, уже не до чаю и что она промокла вся; М(ихаил) К(онстантинович) ей в ответ: «Так разденься». Старуха: «Что ты, — говорит, — не с ума ли сошёл?» А он в ответ, распахнул халат: «Вот эдак бы, — говорит, — и ты ходила», старуха ахнула, потому что М(ихаил) К(онстантинович) был в адамовом костюме. Посмеявшись довольно, приказал лакею подать к подъезду экипаж, сам проводил и усадил старуху; я же, погодя, ушёл; // толпа Л. 240
всё ожидает, конечно, ушла уже не с пустыми руками. Мы с Кабаковым придумали угостить М(ихаила) К(онстантиновича) обедом; собрали с преданных М(ихаилу) К(онстантиновичу) лиц по подписке рублей около 100. Он не побрезговал, явился, обедал, но ничего кроме бокалу шампанского «за друзей его» не пил; он даже ничего и не курил, курить мы ходили на крыльцо. С тех пор уже М(ихаила) К(онстантиновича) не видали; он устраивал какие-то прииски, которых у него было 20, отдавал их в аренду; но и в Петербурге он тоже чудил; раз, как я слышал, в собрании у высших вышел о чёмто спор: «Да вот, — говорит один из них, — распоряжение это напечатано в «Правительственн(ом) Вестнике»[175] за (18)75 год № такой-то; послать к Сидорову, у него все эти узаконения в подборе»; послали, принесли тот же номер газеты, какая требовалась; ищут, ищут в ней распоряжение, какое им нужно, его нет как нет, и взглянут на № на число — то же самое, а желаемого циркуляра нет; послали за Сидоровым, который сейчас же явился, смотрит и сперва удивился, как же, де требуемый № послал, а в нём нет, наконец-то, с восторгом и извинением обратился к г(осподам) ожидающим, что он № послал не за (18)75, а за (18)65 г; в котором, конечно, нет того, чего желали: «Сейчас, — говорит, — пошлю» и послал настоящий; г(оспода) же, зная такие ошибки его, посмеялись, зато горячо поспорили между собою, чего М(ихаил) К(онстантинович) и желал.

Забыл ещё одну штуку М(ихаила) К(онстан-
Л. 240 об. тинови)ча // со мною: это было в (18)51 или (18)52 году, я в это время ещё пил водку; посылает он за мною, будто бы в чём-то посоветоваться; он квартировал в это время в доме Суханова[176], где ныне ремесленное училище. По выходе из суда он извинился, что меня побеспокоил, приказал лакею подать водку и закуску; исполнено всё, теперь во рту: сёмга, икра, балык, словом, всё; я по приглашению выпил одну, другую и третью рюмочки (сам он ничего не пил) и вдруг куда-то скрылся; я жду, вот 3, вот и 4-й час, а его нет; что же — я стал выпивать без приглашения; лакей заглянет, да и скроется; я думал, что я дома, не раздеваясь, лёг на диван и крепко заснул. Возвратился М(ихаил) К(онстантинович) часу в 7-м вечера (это было зимою, кажется, в ноябре); я при нём пробудился, водка и закуска убраны; я извиняюсь, он улыбается; как и обыкновенно подали чай, я выпил несколько стаканов и прощаюсь с ним; «Я, — говорит, — Вас до дома провожу» и сейчас же поехал со мною и проводил меня, сказав шутками Агафье Ивановне, что уж «мы и накутились». Вообще М(ихаил) К(онстантинович) был большой шутник, и со старушками моими что-нибудь да и отморозит, которые его за это любили. Да! Я забыл ещё упомянуть, что у М(ихаила) К(онстантинови)ча был служащий, вроде лакея, он занимался и в конторе его — это был Кусков Николай Михайлович, получавший жалованья 600 рублей, большой руки щеголь; он был научен М(ихаилом) К(онстантиновиче)м, чтобы кто его и о чём бы то ни было спросит, то он отвечал бы: «Не знаю-с», да и только. Я однажды прихожу в известное время (6 часов вечера), он отворил дверь, спрашиваю: «Дома М(ихаил) К(онстантинович)?» «Не знаю-с»; да я повторяю: // «Он просил бывать меня у него в 6 Л. 241
ч(асов) вечера». «Не знаю-с». Хотя 10 раз спрашивай — один и тот же ответ: «Не знаю-с». Я пошёл в контору во флигеле, спрашиваю служащих, там смеются: «Спросите, — говорят, — Кускова, он знает». Хорошо, что М(ихаил) К(онстантинович) пришёл в контору; я ему обсказал об этом, «Да ведь он, — говорит, — за это получает жалование»; спросят его, где бы ни было и о чём бы ни было, например, «как его зовут или какой день сегодня?» «Не знаю-с» — один ответ; «затвердила сорока Якова». М(ихаил) К(онстантинович) не один раз возил его в Петербург как уже опытнаго в молчании, и там было то же — потешались высокопоставленные лица. Наконец, когда совсем М(ихаил) К(онстантинович) оставил Красноярск, Кусков занялся своим делом — стал мыло варить и свечи делать, но, как привыкший уже к «не знаю –с», по простоте своей проторговался, хозяину моему, Ивану Ивановичу Токареву, задолжал за сало 800 рубл(ей), тот взял с него вексель и передал мне для взыскания; я получал частями годов 5, помнится, только 300 р(ублей), а остальныя пропали, да вексель у меня в числе других документов сгорел; Токарев же на всё по доброте его души махнул рукой, а вскоре слышно было, что и Николай Михайлович при пособии в содержании опять-таки М(ихаила) К(онстантинови)ча, помер в бедности. Забыл я ещё, что когда М(ихаил) К(онстантинович) обучался у меня законоведению,

то в 1846 году за это дал мне расписку на гербовой бумаге, что будто бы он мне должен за проданный ему мною тарантас 150 рублей. Прошло несколько
Л. 241 об. // лет, да и М(ихаила) К(онстантиновича) здесь не было, к тому же и расписку я где-то в бумагах затерял. Узнав, что М(ихаил) К(онстантинович) приехал, я, будучи обременён семьёю, нуждался в деньгах, вспомнил об этом долге и решился написать ему письмо, объяснив моё критическое положение; послал это письмо с верным у меня в канцелярии служившим Иваном Егоровичем Тропиным; М(ихаил) К(онстантинович) ему ответил, чтобы принести расписку; нужда на выдумки богата — я и расписку нашедши, отослал. М(ихаил) К(онстантинович), получив её, сказал посланному, что деньги мне завезёт сам; потом забыл то ли с какою целью, то ли задумал не заплатить, так и уехал, и долго не возвращался. Через долгое время правовед Семён Иванович Розинг извещает меня в 1862 году, что эти деньги М(ихаил) К(онстантинович) велел выдавать мне с % по частям из кортому[177], какой он получал за компанейский дом Малевинскаго и Базилевского[178] и других. Так и вышло, что я, по милости Семёна Ивановича, года в 2 получил 300 рублей, и ещё к тому счастливый случай меня навёл на новые расчёты с М(ихаилом) К(онстантиновичем), вот как. Здешний купец Николай Фёдорович Водовозов, у котораго я был тоже доверенным по делам, разбирая при мне старые, ненадёжные к получению долговые документы, из них хотел изорвать расписку какого-то золотопромышленника, кажется Червикина, или вроде этаго, не упомню, как безнадёжную к получению на 100 рублей: этой расписке было уже более 8 лет от ея выдачи; а я сказал: «Отдайте мне её с надписью, может быть, я не получу ли?» Он мне её передал // с условием — деньги пополам. Я всегда старался дело облечь в законную форму и непреодолимо *Л. 242*
поставить по желанию своему. Обратился сперва к другу своему и куму Алексею Фаддеевичу Станкееву: «Не знает ли он этаго должника?» Хотя и получил неутешительный ответ, что должник давно помер, имение его описано и продано, однако же Алексей Фаддеевич навёл меня на мысль, что должник был в К° с крупными золотопромышленниками Молевинским *(Малевинским)*, Базилевским, Ив(аном) Федот(овичем) Прейным и другими, и в этой же К° состоял и М(ихаил) К(онстантинови)ч. По закону должно было мне обратиться к каждому из них с требованием платежа, сумма же долга пустая, на каждаго из К° упадала по расчёту малая часть: овчинка не стоила выделки; я обратился опять с просьбою к одному М(ихаилу) К(онстантинови)чу. Не было долго от него ответа, а между тем расписке прошла 10-ти-летняя давность. Что же? Получается здесь распоряжение, чтобы меня из первой сдачи золота удовлетворить с% за всё время издержками, и за всё про всё я получил. Вот какой милостивой человек М(ихаил) Константинович! Ещё один известный мне случай из его жизни. У золотопромышленников братье Ковалевских в (18)47 году завязалась тяжба о промыслах; от Тимофея Ковалевскаго был доверенный некто таганрогский мещанин Василий Александрович Сергеев, человек, что называется, с пером; а Василий Ковалевский избрал здесь поверенным // М(ихаи) *Л. 242 об.*
ла К(онстантинови)ча, вот-то «нашла коса на камень». Перваго держал руку судья П(авел) П(етрович) Шипилин, а втораго — кандидат его Порф(ирий) Мих(айлович) Орешников, человек по письму практический. Нужно было на золото с приисков В. Ковалевскаго наложить арест по количеству

иска, кажется, рублей 30 т(ысяч) с чем-то, у Павла Шипилина был домашний ещё секретарь, служивший в Казанском магистрате секретарём, тоже с юридическими, как уверял Павел Петрович, познаниями — Александр Петрович Егоров; но не будь тем помянут, временно и подолгу попивавший водочку и за это исключённый из коронной службы; а Городоваго суда секретарь, тоже чиновник, некто Бурнов, так же державший руку Сидорова, тоже человек был часто нетрезвый; я же, как занимавший должность столоначальника и, за болезнью Бурнова, должность секретаря, был, что называется, между двух огней: один судья приказывает делать то, другой, в отсутствии его, приказывает делать другое; по нескольку вечеров Егоров приглашал меня и помощника моего А. И. Потылицина к себе в квартиру, и диктует, диктует, бывало, и всё выходит ерунда. Сидоров же, пользуясь этими беспорядками, не дремал. Наконец, по приказанию Шипилина, чтобы наложить арест на золото В. Ковалевскаго, добываемое со всех его промыслов в южной тайге и в Бирюсинской системе Канскаго
Л. 243 округа, а не по[*] // количеству иска, как я и другия уверяли, но он не послушал этих советов и, пользуясь таковыми одного Егорова, наложил арест на все приիска; всю ночь на 21 ноября 1847 г. мы прозанимались в суде, и когда был постановлен журнал, ночью же его по домам и подписали члены и пропустил стряпчий, и назавтра же экстренно послано было исполнение в Горный деп(артамен)т Губ(ернского) правления и горное правление, а мне было уже не до того: померла сестра Анисия, нужно было хлопотать о похоронах; кончив это в 23 ноября (18)47 г., я захворал, а дело о наложении ареста, как исполненное, забыли; как в марте (18)48 г. Шипилин в испуге заявил присутствию: «Что, — говорит, — мы наделали, арестом на все промысла причинили Ковалевскому громадныя убытки»; конечно, я и все знавшие это дело обновили в памяти П(авла) П(етрови)ча, что мы были противнаго мнения, а М(ихаил) К(онстантинови)ч чему был и рад; пошли жалобы на суд, все власти обвиняли, принуждён был П(авел) П(етрови)ч мириться с Ковалевским на несколько тысяч руб(лей) и на векселях; при сём надо бы заметить, что П(авел) П(етрови)ч славился богатым; отец его, Пётр Васильевич, сперва бывший в бедности и разорённый откупным, бывшим в то время произволом: у него описали и продали всё; семья большая, четыре дочери и три сына, из коих Павла он пристроил к Резанову[179] // *Л. 243 об.*
на золотыя промысла; Павел Петрович узнал хорошо приисковое дело и получал хорошее жалованье; старший сын Иван был больше дома, вне занятия, а младший Фёдор был в то время малолеток; сам же старик, Пётр Васильевич, как привыкший к труду, поступил в приисковую партию Ивана Кирилловича Кузнецова, и по указанию беднаго и честнаго рабочего Алексея Ивановича, открыл богатый золотосодержащий прииск, названный Кресто-Воздвиженским, в южной части Енис(ейского) округа, за что Иван Кириллович назначил Петру Васильевичу 13-й пай; и так как намывалось золота каждогодно сотни пудов, то, понятно, что и открыватель и владелец обогатились, только один несчастный Алексей Иванович, отемневший впоследствии, и ко мне хаживавший из богадельни с проводником, жаловался на скудность содержания в богадельне, ибо К° Кузнецова и Щеголева платили за него в возмездие открытаго им богатства только 25 руб(лей) в месяц ассигнац(иями). Но старик не-

[*] Далее идёт текст рукой автора.

долго зажился, помер. Иван Кириллович был справедливой человек, и при жизни его Алексей Иванович был доволен, а когда Иван Кириллович помер в сентябре 1847 г., то компанейская контора повели дело по-своему, да извинит меня почтенный читатель за отступления от порядка речи, мы, старики, много глаголевы. Пётр Васильевич зажил широко, купил свой каменный дом на берегу р(еки) Енисея[180], что ныне Иннокентия Алексеевича Матвеева, Л. 244 // бывший Петра Васильевича Шипилина, ибо, когда он был жив, всё шло хорошо, и проживал по 12 т(ысяч) ассиг(наций) в год; Павел Петрович, служа судьёю, вёл жизнь, что называется, аристократическую; женился ещё при отце, взял в Минусинске богатую дочь купца 1 гильдии Прокопия Фёдоровича Белова из вязниковцев, кажется, Александра Прокопьевна её звали, а когда она померла в 1862 году, то Павел Петрович при постоянном его игрании в Собрании[181] в карты, состояние стало, видимо, исчезать; бывало, видишь иногда часов 9–10 утра, он только едет на своей лошади домой; очевидно, при таком положении дел и при громадной тяжбе с наследниками его умершей сестры Ольги Петровны, по мужу Смирновой, обеднел и помер в 1872 или (18)73 г(оду), малолетних сына и дочь, воспитывавшихся сперва в гимназиях, а потом, сын, в университете, теперь (в декабре 1897 г.), где он, я не знаю; Иван же Петрович Шипилин помер в старости в 1880-х годах, бездетен; остаётся ещё в живых Фёдор Петрович: у него дом на берегу Енисея деревянной, держит он постоялой двор, вообще он хороший и добросовестный человек; сёстры его: Анна Петровна, бывшая замужем за енисейским купцом Иваном Фёдоровичем Дудкинским; Ольга Петровна Смирнова померла и Августа Петровна, бывшая замужем, померла, в бедности, ко мне хаживала за подаянием. Вот какая жизнь пошла — из богатства в бедность, ух, как тяжело! // Л. 244 об.

И позабыл ещё, что у Петра Васильевича был ещё сын Василий, служивший тоже на промыслах; я с ним был хорошо знаком; но он впоследствии попал под суд за утопленное, как слышно было, золото, которое он вёз для сдачи в Барнаул; чем дело кончилось — не знаю, но слыхал, что Василий Петрович проживал в Томске. Пётр Васильевич, когда служил Павел Петрович городовым судьёю 1847-(18)49 г., бывало, поедет утром кататься по городу, а я служил в суде столоначальником, и уходил к занятию рано — в 7 час(ов) утра, заедет под окно и долго толкует о делах и относится об моём усердии с похвалою; и после хворать, хворать и помер в 1850-х годах. После же смерти его всё пошло у нас в убыток, как вода с плота скатилась. Он принуждён был продать, нуждаясь в деньгах, место земли, смежное с домом Ивана Ивановича Токарева, что на Новособорной площади; правду говорит пословица, что «судьба — злодейка». Забыл я ещё упомянуть, что Пётр Васильевич купил на берегу каменной дом, бывший подрядчика по казне мещанина Степана Прокопьевича Тропина или, по уличному, Лисицына, на котором месте прежде была городская больница, значился деревянный 2-х-этажный дом, сгоревший в 1828 г., я тогда ещё был малолетком и воспитывался у дедушки, // Л. 245 и в первый в жизни раз увидел такой громадный огонь, но дедушко мне разъяснил, что «...это не печь, — как я говорил, — топится, а горит дом». Это было ночью, мы с ним вышли на крыльцо и сожалели о больных, которых, как он же мне после говорил, вынесли куда-то; на этом пожаре, как я от дедушка же слышал, отличался распоряжениями сын губернатора Александра Петровича Степанова, ездившаго в то время по ревизии; здание это обгорелое, нижний этаж существовал до приезда губернатора Ивана Гавриловича Ковалёва (вместо г(убернатора) Степанова), значит, оно было годов 15, и на нём, внутри обгорелаго здания, поросли маленькия берёзки, проросшие на обгорелом пеплу. Что у меня осталось в памяти, как бы это случилось на днях, Павлу Петровичу главное способствовало разорению — это его опекунство над малолетним племянником его Владимиром Орешкиным, уголовщина и иск, кажется, до 40 т(ысяч) руб(лей). Губернатор Замятнин сильно исполнял букву закона, чтобы П(авла) П(етрови)ча судить прямо уголовным судом и арестовать; а я в то время служил в Городовом суде заседателем, заявлял, как из черновых моих видно в ноябре 1864 г., особое мнение, чтобы первее всего начать дело гражданским судом, это дошло до стряпчаго, до слуха губернатора, он посылает Л. 245 об. за секретарём, // думал, что это выдумка, а секретарь Конс(тантин) Николаевич Жуков на крик губернатора объяснил, что в суде делают заседатели Парфентьев и Зубов и что ему прикажут, то он и исполняет; начальник рассвирепел и дал предписание, чтобы дело о Шипилине, как о размотании капитала малолетняго, производить уголовным судом; мы призадумались, но направились, жаль Павла Петровича, я подал мнение, чтобы производить дело гражданским судом, Зубов со мною согласился. Это мнение наше основано было на высочайше утверждённом мнении Государственнаго Совета по делу опекуна помещика Калантоева, напечатанное в журнале Министерства юстиции за август м(еся)ц 1860 г. для руководства; Жуков подал особое мнение, боясь губернатора, как после сказывал, чтоб не прогнал его со службы, а мнение его было в угоду губернатора, чтобы судить уголовно. Судья же подал (Иван Матвеевич Козмин) мнение, что он, по родству с Шипилиным, участвовать не может; губернатор волей-неволей должен был назначить члена из другаго производственнаго места, и назначил из Земскаго суда заседателя, а этот, последний, // согласился с моим и Зубовским мнением, но зато Л. 246 недолго и прослужил, губернатор его со службы отказал; дело своим чередом пошло на разрешение Губернскаго суда, но и сей, последний, убеждаясь доводами нашими, дело возвратил для перерешения вновь в законном порядке; конечно, Павел Петрович как хлебосол, для него последовала и долговременная в Губ(ернском) суде оттяжка, в конце концов присудили с П(авла) П(етровича) большую в пользу Орешкина сумму с %, что утверждено было и Пр(авительствую)щим Сенатом, а уголовное преступление за растрату рассматривалось уже после смерти П(авла) П(етрови)ча и, само собою разумеется, наказание за смертью его прекращено. У П(авла) П(етровича) был поверенной, отставной коллежский советник Иосиф Григорьевич Черепанов, который впоследствии о моём стойком характере и о знании законов относился везде с похвалою. Забыл я ещё привести следующий случай Михаила Константиновича *(Сидорова)*: он был в Петербурге, как здесь, почётный степенный гражданин. Николай Петрович Токарев, человек умной, старик 70 лет, самостоятельный и уважаемый всеми с мала до велика; получает из почтовой конторы // Л. 246 об. объявление на получение посылки, ценностью, кажется в 100 рублей; удивился, что неоткуда ему быть такой посылке; однако ж довереннаго своего Вас(илия) Гавр(иловича) Чуркина послал получить и там не раскупоривать тотчас же; тот требование это исполнил, приносит посылку, сам

Н(иколай) П(етрови)ч её раскупорил и, оказалось, что же? Венчик дорогой, каковой кладётся на голову покойников и рукописание, влагаемое в руки их! Старик горячий, рассердился, бросил всё на пол, посланнаго обругал за получение, тот, зная горячий характер хозяина, уже молчал; догадывался Н(иколай) П(етрови)ч, что это шутка такого-сякого — Сидорова, больше не от кого получать таких дорогих подарков. Куда он девал их, я не слыхал, но надобно заметить, что старик боялся смерти, так что, где бывал покойник, он не поедет по той улице. Догадка эта, как я слыхал, подтверждалась тем, что у них, т. е., Токарева и Сидорова, производилось какое — то дело о золотых промыслах, в которое М(ихаил) К(онстантинови)ч и ввернул в объяснение слова Свящ. писания — «нищие духом», т. е., в переводе на русский язык: «имеющие сердечное убеждение, что мы своего ничего не имеем, а имеем только то, что дарует Бог и вменять себя за ничто»; кратко: по изъясненью Св. Златоуста «нищета духовная есть смиренномудрие» (Правосл(авный) катехизис). Прочитав такое нравоучение Н(иколай) П(етрович) ужасно оскорбился, и в ответных бумагах за насмешливое религиозное намерение Сидоровым этих слов, просил предать его уголовному суду. Чем это кончилось, не знаю, но М(ихаил) К(онстантинови)ч постоянно проживал в столице и вот в 1877 г. приехал сюда, ездил с визитом ко всем знакомым и беседовал долго у Николая Петровича,
Л. 247 помирились, // облобызались, простились искренно и душевно, чтобы ничего стараго не возобновлять; в ту же бытность здесь М(ихаила) К(онстантинови)ча он отслужил панихиду по умершей Фёкле Фёдоровне, могилу которой трудно было найти. Это та Фёкла Фёдоровна, которая исполняла масляницу с дудочкою на карбазе. Вот ещё забавный случай из жизни М(ихаила) К(онстантинови)ча. Когда он, проживая в столице, узнал, что здешний губернатор Замятнин высочайше награждён орденом Св. Станислава I степени и лентою, то дал об этом извещение по телеграфу награждённому; конечно, не от себя телеграмма. Губернатор возрадовался, ждёт — пождёт, нет награды, а в случавшийся табель *(значимая дата по календарю)* занял уже орден и ленту у дей(ствительного) ст(атского) сов(етника) Ивана Григорьевича Родюкова; в последующия табельныя дни уже не займывал, а, (или) уезжал в округ, или отзывался больным; слухи были, что М(ихаил) К(онстантинови)ч попросил там кого-то, чтобы подольше не посылать, и г(убернатор) Замятнин совсем уже отчаивался, как, к счастию его, получает с восторгом ожидавшееся, но Сидорова при первом удобном случае хотел стереть в порошок. Этот начальник, при всей доброй душе его, был большой чудак, что видно из следующаго. Как-то на Масляницу, да и всю зиму снегу было мало, ездили на колёсах, а как Масляницу, по его мнению, не приличествует провожать на летних экипажах, то он в среду, на Масляницу, чтобы полиция, где хочешь, бери снег и усыпай им Большую *(Воскресенскую)* улицу; полиция вся на ногах, просит обывателей где-нибудь в огородах или садах или с крыш соскребать снег и усыпать улицы; // но *Л. 247 об.*
Господь услышал молитвы бедных страждущих, в ту же ночь, на четверток, послал обильной снег, выпавший в колено, и губернатор удовольствовался: Масляницу проводили на санях. Да, честный и добродетельный человек, как и Михаил Константинович, всегда подвергается испытаниям со стороны пронырства и хитрости, а осуждение невиннаго преждевременно всегда возбуждает обсуды и глубокую горесть, — так испытал и покойной Павел Пет-

рович Шипилин. Куда не обернитесь, всегда путаница понятий и постоянная разладица между мыслию и словом, между словом и делом.

Мир праху твоему, добрый М(ихаил) К(онстантинович), не зарастёт тропа потомства к воспоминанию твоих добродетельных подвигов. Моя признательность тебе, моё беспредельное уважение, искренния чувства будут хранимы в душе моей, пока я жив; уметь ценить и уважать такого человека, как М(ихаил) К(онстантинови)ч, — есть достоинство, а заслужить от его внимание — верх всего; строки сии не суть следствие лести, нет — это излияние души тронутой, сердца, исполненнаго благодарности, чувства мои неподдельны — они чисты и благородны, как мысль о том, кому они посвящаются. В заключение скажу, что М(ихаил) К(онстантинови)ч, при всей его выдержанной жизни, хворал какою-то внутреннею болезнию, лечился в С-П(етер)бурге, ездил за границу и почил в мир в Ницце в 1885 году *(в 1887 году)*. А когда приезжал сюда в (18)77, М(ихаил) К(онстантинови)ч позаботился о поминовении Фёклы Фёдоровны и уважавшейся им женщины А(гнессы) П(етровны), отыскал их на кладбище могилы и отслужил пани-
Л. 248 хиды; да и ему будет вечная за то память. //

И ещё вспомнил о М(ихаиле) К(онстантинови)че следующия его выдумки. Здесь проживала вдова-чиновница, старая исправница Агнесса Петровна Засульская. Он с нею хорошо был знаком, однажды, как я слыхал, она и говорит ему (баба была бой), что хоть бы ты, М(ихаил) К(онстантинови)ч, мне в имянины что-нибудь подарил на память, а он в ответ ей: «Ведь не возьмёте от меня, мадам, подарок, как бы он ценен не был», но она настаивает по — своему, он дал честное слово, что исполнит своё обещание и напишет в Петербург к своему комиссионеру — что же? К имянинам как раз Агнессы Петровны, получает она с почты объявление, что-то, кажется, на 100 руб(лей); она обрадовалась и получила, раскупорила посылку — оказывается, изящно отделанная коробочка краснаго дерева, дужечка серебряная под золотым замочком и ключик; отомкнула бережно — и что же увидала? На бархатной стежёной подкладке и белом атласе, помещён (неприлично мне сказать, но читатель сам догадается), длиною в одну четверть, гутаперчивой, изящно отделанный, как бы натуральной жизненной инструмент — как бросит А(гнесса) П(етров)на всё это на пол, и переругала и М(ихаила) К(онстантинови)ча и прислугу свою, а при свидании с ним он отпёрся, а ответил, что «я, — говорит, — писал комиссионеру своему, чтобы он, как ювелир, послал Вам браслет, и он, вероятно, как немец, не понял, а заготовлял щегольския материалы, что же, ведь и это игрушечка, Вы вдова, этим можете утешаться»; так дело смехом и кончилось. Второй случай был здесь: некто, // уполномоченный по делам золотопро- *Л. 248 об.*
мышленности К° Малевинскаго и Базилевскаго, в которой участвовал и М(ихаил) К(онстантинови)ч, I гильдии купец Карл Иванович Шпейер, человек вдовой, а его родственник, не помню уже, чей и кто такой, вздумал жениться под руководством Карла Ивановича. Когда же М(ихаил) К(онстантинови)ч узнал о дне свадьбы, то назавтра утром посылает того же любимца своего, который отвечал: «Не знаю-с» и корову тельную с огромными рогами, где-то купил её за дорогую цену, украсив её лентами атласными и бубенчиками серебряными на шее, и, научив поздравить Карла Ивановича с законным браком, попросить коровушку с украшени-

ями приказать принять. Карл Иванович как всё это выслушал, как немец строгий и самолюбивый, прогнал посланнаго и его коровою, говоря, что это насмешка над стариком, и досталось же М(ихаилу) К(онстантинови)чу и заочно и лично; а он и тут отпёрся, объясняя, что он дурака посланнаго послал не к нему, Карлу Ивановичу, а к новобрачным молодым, его родственникам; конечно, все посмеялись, кому пришлось слышать об этом. А Карл Иванович долго сердился, проговаривая, что зачем М(ихаил) К(онстантинови)ч держит дураков служащих, а между тем, в городе распространился слух, что будто бы женился Карл Иванович, что для его самолюбия было обидно.

Наконец, последняя доброта М(ихаила) К(онстантинови)ча высказалась ко мне в том, что когда покойной сын мой, Иван, в 1875 ездил в Россию лечиться от глазной болезни, то М(ихаил) К(онстантинови)ч помогал ему деньгами и, в (18)76 г., привёз его сюда, не взяв ничего по содержанию в дороге и за прогоны.

А когда сгорел в 1881 г. Красноярск, а в том
Л. 249 числе // и дом, принадлежавший К° г(оспо)д Молевинскаго *(Малевинского)* и Базилевскаго, в которой имел участие М(ихаил) К(онстантинови)ч, проживая в нём на правах хозяина; дом состоял на Благовещ(енской) улице, где прежде проживали губернаторы Падалко и Лохвицкий; после сгорения этаго дома осталось большое пустопорожнее место, в соседстве с местами Прейна; вот он-то, Прейн, о котором говорится выше, это место захватил и в тот же несчастной для нас год построил на нём огромной каменной дом и все службы, не имея на это никаких на владение местом данных; когда же получил об этом сведения М(ихаил) К(онстантинови)ч, то я слыхал его обыкновенный спокойной ответ, что пусть-де строится на здоровье и поживёт на новоселье, а там компанионы-де, не пропуская 10-тилетней давности, как владельцы, законом отберут; конечно, М(ихаил) К(онстантинови)ч был бы и ходатаем, но Бог не привёл осуществиться такому благому намерению; занявшись и усилившись более другими важными делами, он или забыл или уже стал прихварывать — не до того было, а компанионы Молевинский *(Малевинский)* и Базилевский или их наследники, как люди богатыя, проживавшия более за границей об этом и не думали; или не упросил ли их Прейн, как способный на такия вещи ханжить и плакать, и притвориться «киевскою» сиротою и, проживая в новом доме более 10-ти лет, стал вполне независимым хозяином; однако ж, сперва продал его будто бы жене своей Сусанне Ивановне, потом, в 1884 г., // заложил золотопромыш- *Л. 249 об.*
леннику Переплётчикову в 15000 рублях и, наконец, будто бы жена его, Прейна, продала в 1896 г. наследнику Переплётчикова — Яковлеву. Может быть, мнимое владение Прейном этаго дома, а может быть, и по служению его городским головою с 1894 г. и не отзывающемуся начальством с похвалою, способствовали к переукреплению этаго дома. Он, головушка, между тем, в бытность в С-П(етер)бурге, купил у сенатора Княжевича несколько тысяч десятин земли в Канском округе (это бывшая усадьба дяди его Ивана Федотовича Прейна), в которой заявил несколько золотых промыслов на себя, на жену, на сыновей и на зятя; имеются и соляныя озёра; вот только угомонится молва о службе, счастливец раскошелится разными неудобовозможными богатствами, а теперь он — сирота!... Ещё обращаю внимание читателя, что в 1881 г. прошли по городу стихи неизвестнаго автора, как сейчас припоминаю: «Как в 17 апреля, разорил наш город Прейн», дальше не упомню; а о М(ихаиле) К(онстантинови)че, деятельности его на пользу государственную об удобопроходности Оби и Енисея для морских судов предусмотрели в экспедицию (1862–1864). Такия были его неисчислимыя стремления и между делами нравоучительныя шуточки!

Погас, как факел, дум будивших силы,
И он во мраке кончил грустный путь!

Теперь ещё к слову недомолвленному о П(авле) П(етрови)че Шипилине я скажу, что батюшко его, как стали поправляться дела, купил дом на
Л. 250 // Большой улице, бывший инспектора Врачебной управы Василия Ивановича Виноградскаго *(Вангродского)*, ездившаго, как сейчас помню, в престарелых летах летом в жаре в лисьей хребтовой шубе, крытой синим сукном, и в лисьем же малахае; на этом месте теперь дом, принадлежащий Воскресенскому собору, выстроенный для протоиереев Александрою Фёдоровною Кузнецовой; в нём живёт теперь настоятель, протоиерей Иннокентий Александрович Нарциссов; у Виноградскаго *(Вангродского)* был сын Александр Васильевич, с высшим образованием, впоследствии бывший в Тобольске губернатором, и дочь пожилых уже лет, но тоже воспитанная; а ранее дом этот был купца Якова Прокопьевича Кондиева, который в 1820–х годах служил в Городовом суде судьёю, а после него поступил уже мой родитель Фёдор Фёдорович; у судьи Кондиева была растрата денежных сумм, и он был предан суду с оставлением на его ответственности 900 руб(лей) ассиг(нациями); но ранее этот Кондиев жил открыто, имел в Закачинской слободе дом с мезонином и в половодье (тогда ещё землянаго моста не было) катался с аристократиею и с музыкою на лодках. Это я слыхал от своего родителя, а впоследствии, в 1838 г., этот Кондиев там же и помер и похоронен на старом Всехсвятском кладбище, жена его Анна (отчества не помню), бывавшая у родителя моего по делам, тоже, как заметно было по ея разговору, грамотная и начитанная. Да вот этот-то дом, уже обветшавший, // обитый тальником, и снаружи *Л. 250 об.*
и внутри оштукатуренный, и два раза, как видно, к нему ещё пристроенный; дом был тёплой, я в нём бывал; и купил Пётр Васильевич Шипилин, а как семья его стала новая расти и дочери невесты, то он и купил на берегу каменный дом у казённаго бывшаго подрядчика Степана Прокопьевича Тропина (по уличному Лисицына), потому что дела его, Тропина, пали, три сына — Пётр, Александр и Иван труда старика разорили, и вот, как судьба определила этот каменной дом: наследником Петра Васильевича был заложен Петру Ивановичу Кузнецову, и в срок не выкуплен; то Павел Петрович по доброте Петра Ивановича проживал в нём до самой смерти, а после сего, дом этот стал принадлежностью супруги Петра Ивановича Александры Фёдоровны, а она подарила его дочери своей Юлии Петровне, выданной замуж за ветеринарного врача Иннокентия Петровича Матвеева; когда Александра Фёдоровна была ещё в девушках, то на углу, на построенном и сгоревшем больничном месте, несколько лет квартировала до замужества.

В отношении губернатора Замятнина курьёзны следующия его, как я слыхал, случаи; однажды он в летнее время, идя по большой аллее с равными себе почти чиновниками, встретил идущаго с па-

пиросою чиновника Василя Егоровича Глебова, и, вырвав у него из рук курящую папиросу, бросил на траву, вскричал: « Как Вы смеете в присутствии моём курить и тем оказывать неуважение ко мне».
Л. 251 // Глебов был не из трусливых, объяснил будто бы, «что здесь все равны, и все курят, да и Вы сами, Ваше превосходительство, изволите курить», после этаго он недолго послужил в Окружном суде заседателем, и был по какому — то делу уволен; однако ж обо всём этом подал жалобу министру, но она осталась без ответа, и хотя г(енерал) Замятнин вскоре был уволен от должности, но не по одной жалобе Глебова, а по многим; второй же слышанной мною генерала Замятнина следующий случай: жил — был здесь 2 гильдии купец Петр Фёдорович Дудкинский, бывавший почти всегда в невменяемом состоянии от употребления алкоголя, но остряк в высшей степени, так что политически и намёком обругать или посмеяться над кем бы то ни было, ему ничего не стоило; один раз в табельный день в таком виде он явился в сад и, накупив у стоявших торговцев здесь всяких лакомств, угощал бегавших за ним ребятишек, но только вдруг идёт по аллее генерал Замятнин, Дудкинский ему поклонился, а генерал, ответивши ему под козырек, остановился и что-то сказал ему, дав руку, Дудкинский же давая свою руку и крепко пожал генеральскую сказав: «Ух, какой садило-мужичок», генерал засмеялся и подойдя немного с ним, присовокупился к аристократии, все близкия здесь слышали эти двухсмысленныя слова. Но Дудкинский при этой своей напасти был безбожник, и однажды, я это сам слышал, бывши на чаю у купца Николая Фёдоровича Водовозова; сидим мы это с супругою
Л. 251 об. // вечером на 13 октября 1862 г. за чаем, вдруг слышим, что в приёмной шевелится Дудкинский, снимая шубу, что-то ворчит про себя; пришёл, поздоровался, на предложение хозяйки ему чаю, отказался. «Лучше, — говорит, — водки прикажите подать», но Аграфена Семёновна это предложение отвергла с прилежным замечанием о воздержании; между этим Дуд(кинск)ий спрашивает: «Что это завтра за праздник?», ему ответили, что завтра праздник у Благовещения иконе Иверской Божие Матери; он и пошёл такие болтать выражения, что страшно подумать, а не то что написать; я не возражая ему ничего, стал поскорее собираться идти. Но Агр(афена) Сем(ёнов)на сей час позвонила в кухню, и по этому зову явились кучер и дворник; она приказала гостя выпроводить, чему он повиновался, бормоча что-то под нос. Меня однажды в лавке Стахеева начал ругать или поносить язвительными словами, я смолчал, но сказав, что я могу всякую ругань перенести только 3 раза, а после этаго знаю, куда обратиться и добьюсь взыскания по закону; в другой раз тоже видимся у Стахеева (я там был доверенным по делам) и тоже надсмехался над мною, я повторил только: «Смотри Дудкинский, уже 2 раза, а в третий берегись»; и действительно, в 3 раз не повторял, а лишь надпомнил, что уже 2 раза прошло. Кончина его была трагическая: он жил как-то летом в деревне, и стал переходить маленькую речушку, но только посередине ея упал в воду и захлебнулся, или с ним сделался удар; разно говорили тогда; ждут — пождут домой — нет, пошли искать и нашли его в речке умершим; // вот как милостива бывает к нам, грешным, Царица Небесная, Л. 252
так взыскательна, ибо в Св. Акафисте «Утоли моя печали» сказано: «Радуйся испочитающим иконы Твоея святыя, яко прах от лица земли развевающая».

Парфентьев Иван Федорович. 1880-1890-е

Страницы рукописи «Воспоминаний И.Ф. Парфентьева»

ПЛАНЪ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ
ГУБЕРНСКАГО ГОРОДА
КРАСНОЯРСКА

Разлив Качи в районе Стрелки. 1900-е

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Кон. XIX в.

Неизвестный художник.
А.П. Степанов, первый губернатор Енисейской губернии. 1820-е

Д.А. Фонвизин
С рис. Н.А. Бестужева. 1834

М.Ф. Митьков
С рис. Н.А. Бестужева. 1836

В.Л. Давыдов
С рис. Н.А. Бестужева.
1839

П.С. Бобрищев-Пушкин
С рис. К. Мазера. 1850-е

Могила В.Л. Давыдова на Троицком кладбище в Красноярске

*Красноярские чиновники и городские деятели. Сидят (слева направо):
А.К. Шепетковский, В.К. Падалко, В.Г. Политковский.
Стоят: П.П. Шипилин, П.И. Кузнецов, К.И. Баженов. 1850-е*

*Граф Н.Н. Муравьев-Амурский,
генерал-губернатор Восточной Сибири
(1847-1861). 1850-е*

*Неизвестный художник. В.Я. Руперт,
генерал-губернатор Восточной Сибири
(1837-1847). 1840-е*

*В.И. Суриков. П.К. Замятнин,
губернатор Енисейской губернии
(1861-1868). Акварель. 1868*

*А.Д. Лохвицкий,
губернатор Енисейской губернии
(1868-1882). 1870-е*

Вид Красноярска. Из альбома Жан-Пьера Алибера. 1844. ГИМ

А.Н. Пономарев. Вид горы Красный Яр в г. Красноярске 1849 г. Из издания «Живописные путешевствия по Иркутской губернии XVIII-XIX вв.» Автор-составитель Е.А. Добрынина. Иркутск. 2007

А.Н. Пономарев. Вид вниз по реке Енисею от г. Красноярска, 1849 г. Из издания «Живописные путешевствия по Иркутской губернии XVIII-XIX вв.» Автор-составитель Е.А. Добрынина. Иркутск. 2007

Вид Красноярска с Караульной горы. 1880-е

Император Всероссийский Александр II

Император Всероссийский Александр III

Цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II)

Угол Благовещенской улицы и Почтамского переулка. 1880-е

Воскресенская улица,
Здание Казенной палаты и казначейства. 1880-е

П.И. Кузнецов, купец 1-й гильдии,
золотопромышленник, меценат. 1870-е

А.Ф. Кузнецова,
жена П.И. Кузнецова. 1870-е

Митрофановский прииск Кузнецовых
на реке Кызас Минусинского уезда. 1887

Кафедральный Богородице-Рождественский собор. 1880-е

С.Г. Щеголев, купец 1-й гильдии, золотопромышленник, меценат. 1860-е

Супруги Т.И. и С.Г. Щеголевы. 1850-1860-е

Никодим (в миру – Никита Иванович Казанцев), первый епископ Енисейский и Красноярский (1862-1870). 1869

Архиерейский дом. 1900-е

Неизвестный художник. Камергер Н.П. Резанов. Нач. XIX в. ГИМ

Памятник на могиле Н.П. Резанова в ограде Воскресенского собора. 1900-е

Воскресенский собор. 1900-е

Новобазарная площадь. 1900-е

Гостиный двор на Старобазарной площади. 1900-е

Старобазарная площадь. Кон. XIX в.

Владимирский детский приют в Красноярске. 1890-е

Правление и воспитанники Владимирского детского приюта. 1890-е

Занятие по рукоделию во Владимирском детском приюте. 1890-е

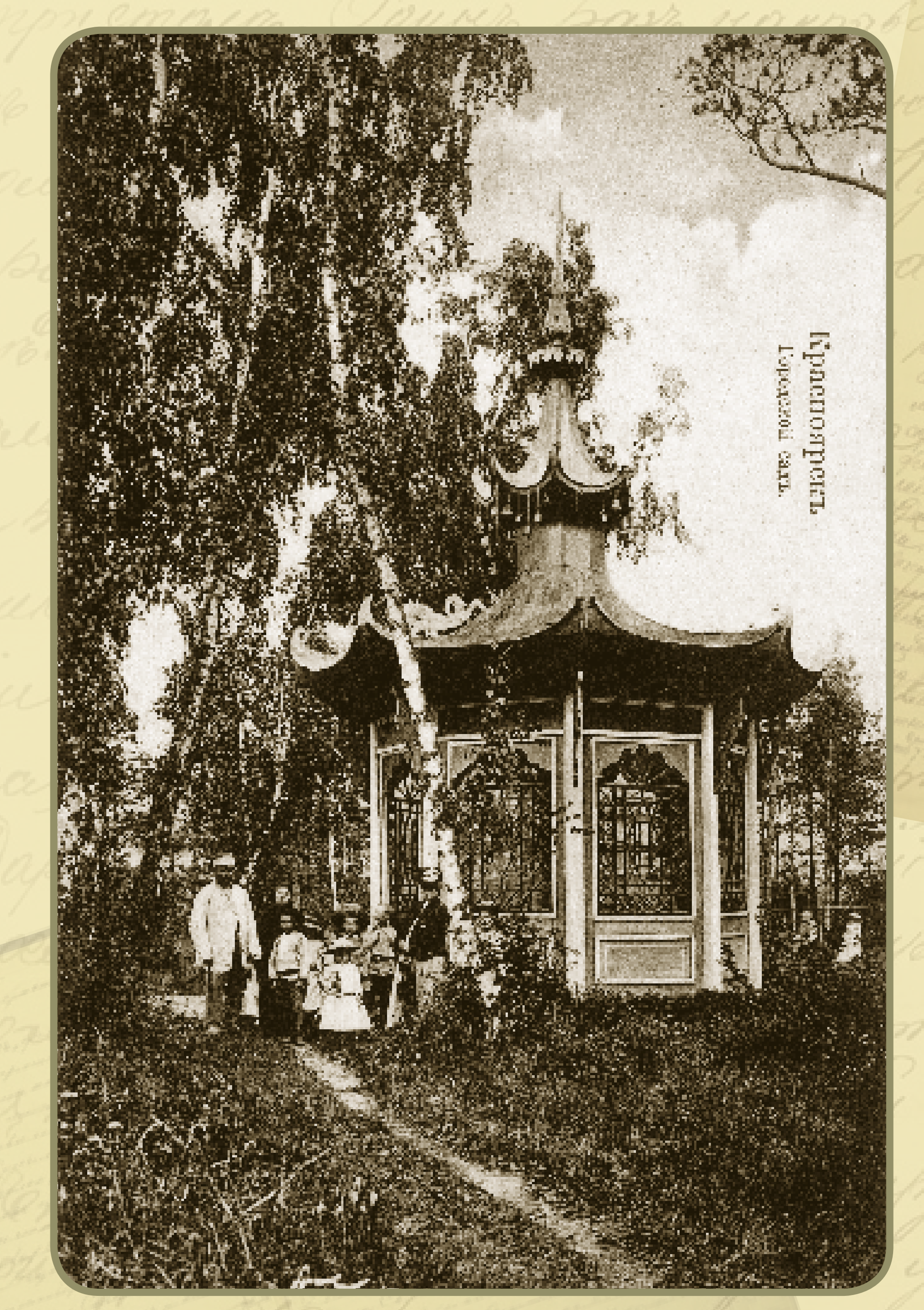
Г.В. Юдин, купец 2-й гильдии, золотопромышленник; библиофил. 1883

Правление Владимирского детского приюта. В центре сидит попечительница приюта Е.П. Кузнецова. 1890-е

Красноярская Мужская гимназия. 1890-е

*Китайская беседка
в городском саду.
Открытка нач. XX в.*

*Главная аллея
в городском саду.
1900-е*

*Веранда в городском саду.
1900-е*

Красноярский плашкоут. 1890-е

Пароход «Св. Николай» на пристани в селе Березовском
в день приезда Цесаревича Николая Александровича. 1891

Деревня Базаиха в 7 верстах от Красноярска. 1903

Неизвестный художник. И.К. Кузнецов, купец 1-й гильдии, золотопромышленник, дважды избирался главой г. Красноярска. 1820-1830-е

К.И. Корсалин. Н.Ф. Мясников, купец 1-й гильдии, золотопромышленник. 1845. ИОХМ

И.Г. Родюков, председатель Губернского суда, а затем Енисейского губернского правления. 1860-е

Н.П. Токарев, купец 2-й гильдии, глава г. Красноярска (1850-1852). 1850-е

А.Н. Лопатин, судебный чиновник, золотопромышленник. 1860-е

М.К. Сидоров, золотопромышленник, меценат, исследователь сибирского Севера. 1879

А.С. Баландин, купец 1-й гильдии, дважды избирался главой г. Енисейска. 1876-1879

А.П. Шаров, столоначальник Енисейского губернского правления. 1890-е

Прибытие паровозов для испытания Красноярского железнодорожного моста. 27 марта 1899

Теперь у меня последуют воспоминания о гражданах г(орода) Красноярска, первее всего, Кузнецовых: был — жил в г(ороде) Тобольске мещанин Кирилл Кириллович Кузнецов; чем он занимался, не слыхал; у него был сын Иван, котораго он в малолетстве отдал мальчиком в услужение откупщицу Шестакову, которой проживал в Красноярске (прежде по винным откупам было первое место). Этот-то Иван, как я слыхал от бабушки моей Федосьи Ивановны Нашивошниковой, матери моей матушки, и бывал, как малолеток, на побегушках, и когда бабушка бывала в гостях с дочерью у откупщицы, то последняя приказывала, называя «Ванюшка»: «Отнеси, — говорит, — Сашиньку домой, она захотела спать, а Федосья Ивановна, — говорит, — посидит ещё, её проводим особо». Ванюшка, исполняя приказание, берёт Сашиньку на руки и относит, исполнив это, докладывает хозяйке, «что Сашиньку отнёс». Этот Ванюшка, как шустрый черноглазый мальчик, впоследствии у хозяев стал называться уже «Иваном», и когда был уже взрослым, хозяин, видя его проворность и хорошее поведение, обучив грамоте, дал ему должность повереннаго: ходить по кабакам и проверять питья; тут уже он стал называться Иваном Кирилловичем; проходя эту
Л. 252 об. должность, нажил себе врагов, // но всех он умел силою своего характера побеждать; приобрёл он порядочное состояние, и когда откупа кончились, он завёл на Воскресенской улице деревянной дом, впоследствии на этом месте воздвигнул каменной дом, занимаемый ныне внучатами Ивана Кирилловича, который смежно с этим домом купил ещё с левой стороны у статскаго советника Ивана Ивановича Галкина каменной дом, а с левой, где было училище, в котором и я с 1830 г. обучался; а далее — к Благовещенской церкви, у протоиерея о. Фортуната Петухова деревянный дом; за церковью же куплены наследником Ивана Кирилловича Петром Ивановичем у мещан Худоноговых все надворныя постройки, так что образовалась громадная площадка, застроенная впоследствии Петром Ивановичем, который там же купил рядом с Галкинским домом у провизора Наттерера деревянный дом, снаружи оштукатуренный. Иван Кириллович был неусыпен в делах и предприимчивой: завёл с Кяхтою торговыя дела чаем и пышниной: соболями, песцами, лисицами; но впоследствии их прекратил, потому что, как я слыхал и помню, Пётр Иванович по смирению своему и доверчивости не способен был исполнять в точности поручения Ивана Кирилловича, который, между тем обдуманно заранее, занялся золотопромышленностию, и когда состояние его стало истощаться, приобрёл в компанию себе Щеголева; и вот, чрез некоторое время открыли им Крестовоздвиженский прииск, найденный Шипилиным и Ивановым; с этаго времени, приобретая
каждогодно сотнями пудов // золота, и стал назы- *Л. 253*
ваться миллионером. У Ивана Кирилловича была ещё дочь Анна Ивановна, одна из красавиц г(орода) Красноярска, вся в отца; красоту ея ни пером описать, ни в словах обсказать не могу; она обучалась грамоте дома в то время, т.е. в (18)30-х годах; всё образование состояло: в чтении, чистописании, арифметике, рисовании, грамматике, закону Божию; наставником ея был прекраснейший человек, учитель отделения кантонистов Михаил Иванович Загуменский, унтер-офицер, а впоследствии дослуживший до коллежскаго асессора; а рукоделию и вообще хозяйству обучала Анну Ивановну сестра Ивана Кирилловича — Марфа Кирилловна; впоследствии Анну Ивановну выдали в замужество за адъютанта генерал-губернатора Вильгельма

Яковлевича Руперта — Дараган[182], с хорошим приданным, на несколько сот тысяч руб(лей). Пётр Иванович курс кончил во 2 классе училища, а я в 3-м. Иван Кириллович отца своего уважал; бывало, придёт к обедне или сидит у ворот на лавочке в бельей *(беличьей)* хребтовой суконной шубе, подпоясанной пекинским кушаком, в бобровой старинной шапке. Иван Кириллович лицом на отца не походил; это был красавец в полном смысле, лицом бел; глаза, брови, волосы чёрныя, как смоль, походка, разговор, словом, всё — аристократическое; жену его Аксинью Ивановну из рода Коростелевых я не знал, она померла в молодых летах, и детей, т. е., Петра Ивановича и Анну Ивановну, воспитывала тётушка — вдова Марфа Кирилловна, которой
Л. 253 об. память была 1 июля; Иван Кириллович // имянины свои праздновал 7 января, а Пётр Иванович 20 июня; у обоих в гостях вся красноярская аристократия, но оба вина много не пили и в карты играть не любили; Пётр Иванович учился, признаться, лениво, бывало, когда его оставят в училище без обеда, я и мои товарищи, все его любившия, нанесём ему всяких лакомств, кто что только мог, несмотря, что ему через заплот подадут прислуга лучшаго печенья; ну, нам за эту добродетель и доставалось от смотрителя Василия Алексеевича Климовскаго, жившаго тут же в училище; но зато, когда и нас кого оставят без обеда, Пётр Иванович нанесёт нам разнаго лучшаго против нашего печенья. Иван Кириллович по объёму дел его и по тесноте деревяннаго здания выстроил каменный 2-х — этажный флигель, а когда рыли фундамент, много отрыли гробов — тут было прежде кладбище. Это я и сам видел, но куда девались эти гробы — не знаю; мы из класса или при учителе в окно глазели, и с любопытством рассказывали дома. Верхний этаж флигеля занимал сам Иван Кириллович, а внизу была контора в одной половине, а в другой, в небольшой каморке, проживал Пётр Иванович, его отец, как видно, недолюбливал за его угловатость; спросит, бывало, Петра ехать в собрание или куда-нибудь на вечер — а его уже след простыл; в верхнем этаже расположение комнат было так: передняя небольшая, в которой находился постоянно лакей — юркой, проворной, небольшаго роста человечек, лысый, звали его Афанасий Петрович Петров, // впоследствии он, по смерти Ивана Кирилловича, поступил к губернатору Ивану Гавриловичу Ковалёву; потом входите в зал; направо, из приёмной, небольшая комната, из нея вход в спальню; перед приёмной небольшая комната —лакейская — Иван Кириллович одевался щегольски: утром, например, он в белье и на коренном халате, а зимою он идёт к сестре в дом, что в улицу, и к дочери здороваться и пить чай; я Петра Ивановича редко видал тут за чаем; табакерка у И(вана) К(ирилловичa) была сребряная, большая, под золотом и под чернью, на шее шёлковой белой платок; а зимою этот халат был на беличьем хребтовом меху; напившись чаю, Ив(ан) Кир(иллови)ч возвращался в флигель, переодевался во фрак или сюртук; обстановка была щегольская, вся политурная, нигде на столах и стульях ни пылинки, обивка на мебели и диване шёлковая с белыми чехлами. Экипажи: кареты, пролётки, сани — всё это щегольское; кучер у Ивана Кирилловича — Павел, бравый, а у Марфы Кирилловны — Дормидонт, старик; у Ивана Кирилловича пара рысаков саврасых, идёт скоро, и пролётки стуку не слыхать — всё московской работы; у Ивана Кирилловича зимою энотовая *(енотовая)* шуба крыта оливковым сукном (таких шуб было только в Красноярске три: у него, да Степана Яковлевича *Л. 254*

Кузнецова же, о котором речь будет ниже в своём месте, но он не был родственником Ивану Кирилловичу, а только однофамилец, да у Власьевскаго Василия Никифоровича); летом же Иван Кириллович в ненастье носил шинель синяго сукна; бывало, летит орлом, шляпа или шапка немного набок; както, я помню, мы с батюшкою приехали посмотреть
Л. 254 об. // на катушку около мясных рядов — круглую и с горы. Это было под вечер, я в то время был годов 8-ми; видим: народу много, на круглой катушке посередине ея на возвышенном месте сидит со скрипкою Масляница в маске — мещанин пожилых лет по фамилии Хайлов и играет «бараню»; как видно, выпивши, разными жестами и движениями потешает хохочущий народ; как вдруг подъезжает к этому месту увеселения на своих саврасых рысаках Иван Кириллович с батюшкою, и со мною поздоровался, а Хайлов ту же минуту, поклонившись ему, запел под звуки скрипки охриплым голосом, как сейчас помню, песню, вероятно, раньше подготовленную, «Головушка-голова, (а Иван Кириллович в то время градским головою) Красноярску похвала, затем поём и молим, горе с плеч своих отгоним; ты насущный дал нам хлеб, и тебя добрее нет; ты нам Маслену дозволил, и сам приездом удостоил; старика, меня, прости и чаркой водки угости, дозволь скрипку завести». В этих словах, хотя и нелогичных, но высказано много правды о том, как Ивана Кир(иллови)ча любили и уважали мещане, я маленькой, как был любопытной, эти слова Хайлова тотчас же записал на память, но эта записка утерялась, память же за прежнее время ещё по милости Божией не оскудела; дал ли Иван Кир(иллови)ч скрипачу на водку или на чай, не видал, но он, хотя и не любил, кто пьёт вино, однако ж, как я заметил, за песню не прогневался, и тотчас же уехал с катушки, и мы с батюшкою тоже оставили это место увеселения и поехали домой; батюшка тогда был в медвежьей шубе, // а я в мерлущетой, подаренной мне *Л. 255* дедушком Иваном. Иван Кириллович, когда служил головою, кажется, 3-х-летие; бывало, когда ожидают его в думу, караульной десятник уже стоит за воротами и караулит приезд, и когда только увидит рысаков, бежит оповещать канцелярию, говорит: «Кот едет», почему его звали «котом», — не знаю и не слыхал; и канцелярия по этому извещению ту же минуту принимается за дело; при входе Ивана Кирилловича встают все и почитают его поклонами, а он всем так же приветствует и начинает просматривать и подписывать бумаги. Секретаря тогда не было, а управлял всеми делами, с разрешения, однако ж, Ивана Кирилловича, красн(оярский) мещ(анин) Егор Михайлович Высоков (впоследствии 3-й гильдии купец); а, бывало, когда в 1 час дня Иван Кир(иллови)ч, когда закрывается присутствие, зайдёт нередко чрез канцелярию Городоваго суда к присутствию его, поздоровавшись с канцеляриею, и меня называл всегда «Ванюшкою», остановится у присутственной двери, приоткроет её, скажет моему родителю, служившему судьёю: «Праведной, заморил канцелярию, пора обедать». Отец сей час встаёт с кресел, приветствует его: «Пожаловать в присутствие», — и садится, Иван Кириллович редко заходил, и, поздоровавшись и понюхав из табакерки его табаку, отец тоже выходил, иногда пойдут вместе на галдарейку за собором и что-то говорят, а потом расходятся. Канцелярию думы тогда составляли мещане, все молодые, нестарые, кажется, 30-ти лет: Пестряков, Ушаков, Худоногов, Ермолаев, Пайвин; бывало, и летними вечерами заезжал Иван Кириллович в думу, и так же его караулили, потому что // кан- *Л. 255 об.*

целярия во главе Высокова играла за думою в городки, мало этаго, собирались для того же развлечения и золотопромышленники, которыя не попали на прииски, на места; наприм(ер), помню, купеческий сын г(орода) Омска Иван Иванович Чечуров, и как-то сей, последний произнёс: «Бей попа!» (так есть в правиле этой игры), а между тем из собору вышел священник, кажется, о. Сергий, хорошо, что он был человек смирной, промолчал; Чечуров же был человек, что называется, «свободы слова», может быть, так выразился и с целью; когда заслышали Ивана Кирилловича, все разбегались по своим местам; во дворе думы не однажды жаловался ему служивший десятником старик почтенных лет, одевавшийся по тогдашней поре, можно сказать, щегольски, брившимся почти каждодневно, звали его Гаврило Петрович; как сейчас помню, когда мы с родителем моим в Великий пост говели на первой неделе, приобщался и Гаврило Петрович, в сером суконном сюртуке, панталоны за голяшку, сапоги, как ныне называют, «бутылками», смазныя; вот этот-то старичок, сождав Ивана Кирилловича у крыльца, без шапки, жалуется ему: «Уйми, — говорит, — этих сорванцов-мальчишек, без тебя, — говорит, — не пишут, все только и играют в городки, а надо мною насмехаются, в особенности мальчишка Высоков, распоряжается поливать меня из машины лысину мою водою (машина тогда была при думе, всегда наготове, а так же и машинщик, помещалась она в особо устроенной при думе избе, здание это теперь цело — подле задних ворот думских). Иван Кириллович, выслушав старика, будто рассердившись, отвечает ему: // «Я, — говорит, — их, таких-сяких, проучу, впредь они не смеют над тобою насмехаться, а за Высокова особо проучу», а сам Ив(ан) Кир(иллови)ч, зная молодую

Л. 256

жизнь ребят, в душе только улыбался и им всё-таки выговаривал назавтра, на послезавтра опять та же история, те же жалобы и то же разбирательство, пока время позволяло играть в городки; когда Гав(рил) Петр(ови)ч помер, не знаю, а должно быть, в (18)30-х годах. Ив(ан) Кир(иллови)ч был голова редкий и умный, хотя в думу приезжал раз или два в неделю, но дело чрез Высокова по его приказу всё шло исправно, да и мой родитель ему помогал в советах. Однажды, помню, молодёжь наскандалила, разбили обход, сабли жандармов побросали на крышу, ребята все были сильныя и трезвыя, за что, по тогдашним законам, угрожали наказание и ссылка; к кому прибегнуть; родители их сперва пришли посоветоваться к моему отцу, он молодёжь со своей стороны погонял порядочно, но присоветовал им идти с повинною к Ивану Кирилловичу; когда они пришли к последнему, он, как я слышал от отца, сперва спросил их: «Пьяны были или нет?» Отвечали откровенно, что были трезвы, поэтому Иван Кир(иллови)ч их тошнее моего родителя нагонял и напужал, они и родители их пали на колени, со слезами умоляли их защитить; между тем, в дело за жандармов вступился полковник Каверин, а Иван Кир(иллови)ч пишет отцу моему записку: «Наша молодёжь наделала депош, заверни ко мне, как пойдешь в коллегию, нужно об ребятах потолковать общими силами»; отец заходил, что они толковали, не знаю; началось следствие при полковнике строго, и когда оно окончилось и прислано было в Городовой суд, // полковник почти каждодневно Л. 256 об.
требовал, чтоб решить его скорее; между тем, подсудимыя подали в суд прошение о дополнении дела спросами свидетелей, которыя могли бы подтвердить, что обходныя жандармы были виновники начала этаго скандала, и вследствии — то этаго ребята

вынуждены были вооружиться против их, насколько могли; свидетели эти были иногородния, так что суд и хотел было отказать в спросе их, но стряпчий, как блюститель порядка, настоял, и суд волей-неволей должен был послать требования в разныя места о спросе их; вот, пользуясь этим-то случаем, покойной родитель мой при всём его терпеливом характере объяснил полковнику, что он дела без дополнения не решит и что у суда есть блюститель — стряпчий, а не полковник жандармский, поэтому, чтоб сей, последний, не беспокоил бесполезными требованиями о скорейшем решении дела; полковник на эти слова раскричался, угрожая, что он сей час же доложит шефу жандармов графу Бенкендорфу (я полковника этаго помню: он был высокаго роста, плотный, с грозным видом лица, в усах; тогда военные бород не носили). Дальнейшая переписка показала, что свидетелей на местах их жительства не оказалось, и опять пошло: переписка, где они проживают. Полковник перестал уже настаивать, оказалось — что же? Однажды Иван Кир(иллови)ч зовёт отца моего к себе, и просил его поотянуть ещё дело продлением, так как он получил
Л. 257 из С.-П(етер)бурга // сведение о том, что скоро будет высочайший Манифест, кажется, о совершеннолетии покойнаго наследника, в бозе почившаго Александра Николаевича — мученика, царя, убиеннаго зверскою рукою 1 марта 1881 г., или о бракосочетании его, не помню; так в этом Манифесте не будет ли милости и для несчастных ребят — шалунов; и, действительно, когда был получен в суде ожидаемый Манифест, им их и прикрыли. Сколько было благодарственных слёз от родителей и от шалунов Ивану Кир(иллови)чу и покойному моему родителю за предусмотрительность в продлении дела — описать не могу; я слышал это от родителя своего. Словом, эти два лица заслужили себе вечную память за их добрыя дела; но, к общему несчастию, родитель мой скончался в ноябре 1846 г., Иван Кир(иллови)ч и тут после него принял участие в судных делах; я, похоронивши родителя, прихожу к Ив(ану) Кир(иллови)чу вечером 28 ноября, и как сейчас помню: он был во фраке, куда-то хотел ехать; он меня обласкал, но садиться не предлагал; я ему объяснялся об делах, стоя на ногах, а он прохаживался по комнате и раза два нюхал табак из золотой табакерки, и вот его были достопамятные для меня слова: «Поторопился, — говорит, — ты похоронить своего старика», а я в ответ на это сказал: «Что я и так похоронил его в 6 день по смерти, так как были табельные дни, в которыя тогда хоронить умерших не дозволялось». Он на это ничего не сказал, потом я объяснил об оставшихся ответственных делах, в особенности об деле о несостоятельности Ф.М. Комарова[183], которое впоследствии, тянувшись более 10 лет, выросло на 7 томов, в несколько тысяч листов (ростом, как тогда смеялись, // выше меня — Л. 257 об.
столоначальника), да о деле золотопромышленников: Яковлева с почтмейстером Лобковским[184] и Рязановы с генерал-губернатором Рупертом, об оскорблении на бумаге последняго; надобно заметить, что только с 1845 г. дела в суде стали умножаться, а раньше было дел 10–12 гражданских и уголовных. Иван Кир(иллови)ч приказал мне из этих дел доставить ему краткия записки и обещал помочь в направлении их; правду сказать, в этих делах было много упущений, угрожавших и имущественною ответственностию членов и моего родителя; я сидел дни и ночи за этими записками, потому что тогда уже понимал и законы, и положение дел; доставил эти записки Ивану Кир(иллови)чу дня чрез 3, и он в защиту мою и членов дал слово

поговорить об этом с губернатором В. К. Падалко; в Николин день прихожу к Ив(ану) Кир(иллови)чу, Афанасий Петрович отвечал, что болен и никого не принимает, об Рождестве прихожу — тоже; пошёл к Марфе Кирилловне поздравить с праздником весны, она грустная, и говорит: «Братец сильно хворает»; да забыл ещё, когда с Ив(ано)м Кир(иллови)че)м говорил и просил его с будущаго 3-х-летия, т.е 1847–1849 гг., выбрать хорошаго и грамотнаго судью, а то я один молодой, не надеюсь на себя, Иван Кир(иллови)ч дал слово и, действительно, выбрали Порфирия Михайловича Орешникова, о котором я писал выше и который много мне сопутствовал в направлении дел; между тем, и от губернатора начало оказываться в делах некоторое благоволение, значит, Ив(ан) Кир(иллови)ч его просил, когда был
Л. 258 здоровым. // В мае 1847 г. я был у Ив(ана) Кир(иллови)ча в последний раз, он уже лежал в постели и слабым, дрожащим голосом просил меня помочь в одном важном деле, в котором могла пострадать его честь и достояние[185], и спрашивал меня, не нуждаюсь ли я в деньгах, так как тогда у меня была постройка флигеля (сгоревшаго в (18)81 году), я ответил отрицательно, он, однако ж, несмотря на мою отговорку, вынял из — под подушки десять золотых полуимпериалов, выдал мне; об этом он раньше и, помнится, в 1844 г., просил отца моего попросить меня, и в то время передал отцу для передачи мне сторублёвую бумажку; в то время нельзя было исполнить просьбу Ивана Кир(иллови)ча по независимым от меня обстоятельствам; я принялся за дела и в мае же (18)47 года, вечером, часов в 10, приезжает за мною кучер город(ского) судьи Павла Петровича Шипилина, (а Орешников Порфирий Мих(айлови)ч был кандидатом по нём), и просит в их дом, я, удивившись такому позднему требованию, приехал и слышу от П(авла) П(етрови)ча ту же просьбу Ивана Кир(иллови)ча; я сказал, что дело готово; но не знаю, по болезни Ив(ана) Кир(иллови)ча, когда к нему побывать; он сказал: «Поезжайте к нему сейчас и требуйте, чтоб немедленно о приезде Вашем доложили Ив(а)ну Кир(иллови)чу, несмотря ни на какие препятствия. Приезжаю уже часу в 12-м ночи, и в зале застаю толпу докторов, но Афанасий Петрович (камердинер) опрометью бросился, // и по Л. 258 об. докладу его я мгновенно впущен был к больному; при слабом освещении заметил сильно опасное положение страждущаго, я передал ему приготовленное мною дело, он принял его дрожащими руками, сказал: «Ты для меня сделал доброе дело, за которое я тебя, как поправлюсь, осчастливлю», я поклонился, а он бумаги мои положил под подушку; о старом же долге, о котором было писано выше, я надпомнить даже не смел думать; я, простившись в последний раз, уехал домой. Иван Кир(иллович) таял, как свеча, и помнится, 25 сентября 1847 г., волею Божиею, помер; я проводить его не мог к отпеву, потому что сильно захворал, хотя меня с матушкою приглашали к литии и к обеденному столу; вечером после похорон приехал навестить меня судья П(ётр) П(етрови)ч Шипилин и предлагал своего доктора, но я, как не привыкший лечиться, отказался; а когда поправился, то и обратился к бывшему при Ив(а)не Кир(иллови)че любимцу, его родственнику, служившему у него экономом — Алексею Николаевичу Матвееву: «Где эти бумаги, какие я передал покойному?» Он ответил, что он их нашёл за кроватью Ив(а)на Кир(иллови)ча и передал тогда же Петру Ивановичу. Похороны были торжественныя: всё духовенство, начальство, общество, певчия, 6 конных жандармов на лошадях во всей форме; день был пасмурной, осенний.

Забыл я упамянуть, что Иван Кир(иллови)ч, кажется, в (18)43 г. ездил в Петербург с тем же Алек(сеем) Ник(олаеви)чем (и возил подарки), как он впоследствии рассказывал, и за эти подарки, со-
Л. 259 стоявшие из 2-х собольих, чернобурных мехов, // представлялся к великой княгине Марии Николаевне, и на серебряном золочёном подносе поднёс их ея высочеству, которая в лестных словах милостиво благодарила Ивана Кир(иллови)ча за верноподданнические чувства и хотела представить Ивана Кир(иллови)ча государю императору Николаю Павловичу, но Иван Кир(илов)ич, как он ни был красноречив и умён, не посмел представиться и отклонил это до следующаго разу, когда он приедет в Петербург; великая княгиня, угостив его, пожелала ему добраго пути[186]. Иван Кир(иллови)ч имел 3 золотых медали на Станиславской, Аннинской и Владимирской лентах за пожертвования на разныя учреждения с надписью «За полезное». Да будет ему вечная память; он похоронен на старом Всехсвятском кладбище подле жены его, умершей раньше, Ксении Ивановны, урождённой Коростелёвой. Памятник над могилами их и теперь находится в целости, окружённый чугунною решеткою. Я всегда, когда бываю там, поклоняюсь их праху.

После смерти Ивана Кирилловича остались наследниками Пётр Иванович и Анна Ивановна, бывшая замужем за Дараган; Пётр Иванович повёл дело после отца хорошо, окружив себя старыми служащими и новыми рекомендованными; старых было, я помню, — Александр Николаевич Оконишников, Пётр Иванович Щуров, Иван Васильевич Оконишников, Алексей Николаевич Матвеев, Иван Фёдорович Чуринов, Николай Степанович Защихин. Сколько раз я надпоминал Петру Ивановичу, как товарищу моему, // о долге Ивана Кир(иллови) Л. 259 об. ча отцу моему, о чём писал выше и о обещании меня вознаградить за дело; он всегда прерывал меня другими разговорами, а возобновлять разговор о долге считал неуместным; сколько раз матушка моя хаживала к нему: бывало, даст, как пособие, несколько рублей; он ко всем вообще был добродетелен, и только, а как терпение есть мать благоразумия, то я и терпел и ждал. Ожидания мои оправдались: однажды, П(ётр) И(ванови)ч, зная мою честность и слыша похвальныя обо мне отзывы, поручил мне взыскать с одного золотопромышленника по векселю 5 000 р(ублей) и дал доверенность; вот из этаго — то источника я и получил все даванные отцом моим Ив(ану) Кир(иллови)чу 2000 рублей в 1830 г. с процентами, кажется, до 1864 года; и когда я ему сказал об этом, то он только вздохнул и не сказал ни слова, пересчитал остальныя деньги и положил в карман халата. Между тем, у Петра Ив(анови)ча состояние стало подрываться; он, кажется, сестре отделил по завещанию отца 500.000 рублей, детям некоей Сухановой 300 тыс(яч) руб(лей), да Амурское дело по приглашению графа Муравьёва стоило ему более 100 т(ысяч) руб(лей)[187], дожил, наконец, в 1863 г. до того, что нечем было рассчитывать рабочих на промыслах; здесь заимствовали деньги: у кого 100, у кого как можно было, но в этот же год или 1864 г. состояние его поправил открытый в Минус(инском округе) по Кызылу богатейший прииск, давший ему опять миллионное состояние. Это Бог его за простоту и добродетель. // Пётр Ива- Л. 260 нович служил городским головою 4-ре 3-х — летия; в 1853 году он женился на мещанской девице Александре Фёдоровне, урождённой Киндяковой; венчались они в Заледеевой, поезжанами *(посажёнными)* были действительный статский совет-

ник Николай Касперович Эрн, Виктор Игнатьевич Рязанов и Павел Петрович Шипилин; свадьба была после Петрова дня, и здесь отпразновали весело, и много было оказано помощи бедным; Александру Фёдоровну тогда называли счастливицей, «в сорочке — де родилась». За отличия П(ётр) И(ванови)ч был награждён двумя золотыми медалями, орденами: Св. Станислава 2 степени, Анны 2 ст(епени) и ранее 3 ст(епени); ордена он надевал только при мундире в табельныя дни, да и то при явке только к высшим лицам, а к другим, равным себе, ордена снимал и клал в карман; одним словом, он был не честолюбив и обходителен со всеми, даже с простыми мещанами; бывало, ко мне приедет на Пасхе иль на Рождество с визитом, а я спрошу, где у него ордена, он ответит, что забыл их дома и всегда уже, когда попросим выпить чего-нибудь и закусить, не отказывался; постоянно выпивал рюмку чистой водки; а пред смертию своею был у меня в последний раз на Пасхе, выпил 2 рюмки и закусил и колбасы, и яиц, и окороку; мы даже издивились, чего прежде никогда по 2 рюмки не пивал и столько не ел (он любил кушать жирное); приезжал в собольей новой шинели, и снял её не в прихожей, а у меня в кабинете, «стоит она, — говорит, — 5 т(ысяч) р(ублей)». Помер накануне Рождества Христова в 1878 г., внезапно; и как я слыхал, накануне он Л. 260 об. // в С(анкт)-П(етер)бурге ездил накупать к празднику и к ёлке, приготовляемое в 1 день Рождества, и тогда же хотел подписать завещание; он смерти и покойников боялся, был на диэте, при нём находился постоянно фельшар, взятый отсюда в дорогу; здесь П(ётр) Ив(анови)ч сильно хворал одышкой, и здешния доктора присоветовали ехать ему в сопровождении Александры Фёдоровны на воды за границу, но отсюда до слёз ему не хотелось ехать, и то уже он уступил просьбам уважаемой им супруги Ал(ександры) Фёд(оров)ны, и в ночь на 25-е декабря фельшар уложил его в постелю и сам заснул, только в 3 ч(аса) ночи слышит необычновый храп и шорох, подбежал, а П(ётр) И(ванович) уже отошёл в обитель вечную; сейчас рабудил всех, наехали доктора, но — увы! Воскресить не могли; весною 1879 г. тело Петра Ивановича перевезено сюда, в Старом соборе *(Воскресенском)* он лежал с неделю, ожидал приезду Ал(ександры) Ф(ёдоров)ны, каждодневно служили родныя, знакомыя и я литии и читали псалтырь дьякона денно и нощно; похоронен при огромном стечении народа и духовенства в соборной ограде, где поставлен памятник из камня, на котором П(ётр) И(ванови)ч на приисках любил сидеть и отдыхать; много трудов стоило его по тяжести проплавить по Енисею; на памятнике сделана надпись: «Блажени Милостивиешии помилованы будут», где вместе похоронена и Александ(ра) Фёд(оров)на, и в ограде летом цветы; я часто хожу на могилу и молюсь об упокоении усопших, чувствуя и свою скорую кончину. Верно, П(етру) Ив(анови)чу ускорило смерть — он скоро любил бегать на крыльцо, // Л. 261 как молодой, болезнь его распространилась главное от того, что он не любил ходить пешком, а ездил на рысаке скоро, часто бывал в Петербурге и всегда старался подыскать эстафету или курьеров казённых, с ними летел стрелою; в карты он не любил играть, разве по приглашению дам или влиятельных лиц и по маленькой, что называется, курил редко, и то сигары, и, как-то я слыхал, ехавши осенью с приисков с своим близким служащим, закурил сигару, а окурок ея бросили в сухую траву; был ветер; вдруг у деревни загорелись гумна, а потом и самая деревня, они в испуге промчались, но на душе его легло разорение бедных; побывши в городе, он поехал с тем же служащим на пепелище и одарил всех деньгами, хлебом и вещами; от каковой помощи они скоро и поправились, и хотя спрашивали о причине пожара, но крестьяне, как и обыкновенно, отзывались, что от воли Божией; и вот тогда-то П(ётр) И(ванови)ч успокоился, что о причине пожара об нём не упоминают, да и признаться он чиновников сильно боялся. В 1860 или 1862 г. сгорела Торгашина, была сильная буря, это было на последней неделе Вел(икого) поста, Енисей был уже слаб. П(ётр) Ив(анови)ч и тут оказал помощь: тотчас поехал к несчастным и всем помог деньгами, каковую помощь оказал также и крестьянам ст(аницы) Зеледеевой и де(ревни) Дрокино — всех не перечтёшь. Любил помощь давать учащейся молодёжи, многия воспитывались в С. — П(етер)бурге на его счёт; как-то он, покойна головушка, говаривал, хотя он не любил и ни про кого говорить: «Воспитал, говорит, некоего сироту Астанкина, кончившаго курс университета, он вышел, чем бы поступить на службу, он требует Л. 261 об. // помощь от Петра Ив(анови)ча»; последний раз не отказывает, два не отказывает, наконец, отказал; что же, вместо благодарности образованный человек написал Петру Ив(анови)чу оскорбительное письмо за то, что он не даёт ему денег, и, вероятно, П(ётр) И(ванович) обиделся этим так, что мне рассказывал: «Вот, — говорит, — и делай благодеяния». Когда у меня ребята обучались здесь в гимназии, он и мне хотел помочь на обучение в университете, но Бог не привёл, несчастныя сыновья померли раньше сего.

Воспитывал на свой счёт Егора Алекс(ееви)ча Ларионова, который с матерью своею проживали в С.-П(етер)бурге; а равно двух сыновей служившаго у П(етра) И(ванови)ча Алексея Николаевича Матвеева и уволеннаго по причинам, известным Петру Ивановичу, из которых, Александр Алексеевич, кончивши курс, вскоре от чахотки помер, а Иннокентий Алексеевич[188] и теперь здравствует, за котораго и выдали дочь свою Юлию Петровну, богатое приданое и каменный дом на берегу Енисея, бывший Шипилинский, о котором писано уже выше; а сколько было воспитанниц на счёт П(етра) И(ванови)ча в здешнем Владимирском приюте, выданных с приданым замуж, я уже и перечесть не могу; в монастырь также были богатыя жертвы его, в особенности, в здешний Успенский, кажется, до 5 тыс(яч) р(ублей). Пётр И(ванови)ч любил вообще тихую и мирную жизнь; ссор терпеть не мог; табачок понюхивал, но своей табакерки не имел, а всегда, куда приедет, спрашивает: «Нет ли понюхать?» Когда у меня бывал, я уже сейчас сбегаю к своей матушке и предлагаю понюхать; любил от табаку почихать, а в думе сторож дедушко Горшаков // Л. 262 как только увидит П(етра) И(ванови)ча, тотчас уже подчивает его из своей берестяной тавлинки. В Великодённую Субботу П(ётр) И(ванов)ич постоянно, когда был в Красноярске, был у заутрени; и когда вынесут плащаницу кругом церкви, П(ётр) И(ванови)ч сопутствовал в одном лёгоньком пиджачке, какой бы не был холод; шубу оставлял в церкви, в ризнице, и на замечания мои или когонибудь из знакомых, что ведь можно легко простудиться, он отвечал, что привычен к холоду; бывало, присовокупляет в розысках зимою в устроенном рабочими пихтовом шалаше, на разгребённом снегу, при маленьком огоньке — ничего; тепло, и аппетит, и сон хороший; да П(етру) И(ванови)чу всегда было жарко, и всегда он любил пить хорошо приготовленный квас; когда у меня бывал, первее всего уж просит холоднаго квасу, а Агафья Ивановна всегда

приготовляла, как и для себя, хороший шипучий квас. П(ётр) И(ванови)ч любил грубую жирную пищу, а когда бывал у татар, которыя его за простоту его любили, то я слыхал, кушал у них и конину, и говорил: вкусная и хорошая пища; любил так же П(ётр) И(ванови)ч грузди и рыбу хайруза в пироге. Однажды я с Машей и кучером были в Собакиной (груздное тогда было место), набрались, поднялась гроза и ливень, дождь; один удар был так силён, что у нас лошадь упала на колена; я только и читал молитвы и пел псалмы и псалтыри, падавшия на память, и только едем, за садом, попадается П(ётр) *Л. 262 об.* И(ванович), // ехавший прогуляться в лагеря; я кланяюсь, он остановился, подошёл к телеге и посмотрел грузди, понюхал и заметил мне, что мы в такую сырую погоду ездили, а, при моём-де плохом здоровье, легко можно простудиться; я ему так же ответил, что я привыкший к этому сызмала, простились и разъехались. Любил П(ётр) И(ванови)ч посещать маскерады и любил маски угощать чаем, конфектами и шампанским; однажды Александра Фёдоровна и вздумала испытать его, закостюмировалась и приехала в маскерад, а он угощает масок, наконец, привязался к ней, как к новой маске, потребовал шампанскаго, но она не пила, была никем не узнаваема, и кучер был также другой, спрашивали его, он только ответил, что какая-то приезжая; а назавтра она ему всё выговорила, он ея боялся и уважал. И вот слышу, что П(ётр) И(ванович) стал похварывать; я однажды зашёл к нему проведать и не узнал его, до того он исхудал; предлагает мне курить, и сам добыл спичкою огня, жалуется, что посадили его на диэту; а я ему: «Пейте, — я говорю, — по рюмочке баушкину травку», которую он всегда любил; я говорю: «Что я только тем и поддерживаюсь»; П(ётр) И(ванови)ч изумился: «Неужели, — говорит, — Вы пьёте?» «Да, — я отвечал, — пью и чувствую облегчение, в людях нигде и никакого вина не пью»; он и распорядился своему камердинеру, // своему Андрею, *Л. 263* подавать ему по рюмочке настойки из баушкиной травки, и стал было поправляться, но как домашния узнали, что П(ётр) И(ванови)ч попивает перед столом, а доктора воспретили это: «ни капли», то стали строго преследовать и не давали уже ничего; стало хуже; приставили к больному фельшера по фамилии Каплан и отправили на вольной воздух на остров Татышев, где у П(етра) И(ванови)ча много косили сена; сделана была палатка, и он в ней проживал, но как человек, привыкший смолоду к простой пище и выпиванью перед столом и будучи лишён всего этаго, стал, видимо, слабеть, вот тогда-то доктора и присоветовали везти его за границу; да к тому же как-то П(ётр) И(ванови)ч поехал прогуляться по городу без фельдшера, заехал в гостиницу, наелся по-прежнему пельменей, а это ещё более усугубило его болезнь; тогда как излечиться бы ему очень легко, чем и я поправился, — это ходить и ходить, а доктор Мажаров, славившийся практикою и получавший от больнаго по 300 р(ублей) в месяц, этаго ему не присоветовал; взял бы его с собою, да и ходить; впрочем, от езды и сам он от сильнаго аппетита отяжелел; пара лошадей возила его в упор; я вот так же в начале (18)60-х годов страдал одышкою и отсутствием винопития; по совету одного простаго доктора, стал выпивать пред столом // *Л. 263 об.* и ходить пред обедом или вечером сперва в куртину, а после уже взялось в привычку, и до новаго базару, несмотря ни на какую погоду: дождь ли, снег ли, буря ли, мороз или жара — я всё иду; да стал брать с собою Агафью Ивановну, и она тоже поправилась, а как в 1874 г. заболел ногами и пролежал

8 м(еся)цев, стал ездить с костылями в лес в Собакину за груздями и за ягодами, стал, видимо, поправляться, и теперь (в 1898 г.), хотя слабо, но хожу в саду до часу, и чувствуется легче. Да ещё позабыл было сказать: П(ётр) И(ванови)ч, когда бывал у меня, и всё рассматривал портрет первой супруги Петра Великаго — Евдокии Феодоровны Лопухиной, писанный масляными красками на стекле; я эту редкость предлагал ему и просил только один рубль; за год приходилось всего до 200 руб(лей), но П(ётр) И(ванови)ч возражал, что ужасно дорого, да он бы и купил, если б поправился, а то эта редкость в числе других сгорела же в общий пожар (18)81 года; пред смертию, когда П(ётр) И(ванови)ч был ещё дома, я, хотя сам не видел, но слышал: сидя под окном в улицу в нижнем этаже каменнаго дома, бросал в окно рублёвыя деньги, говоря, что счастливый, а, может быть, и бедный, найдёт, да Богу помолится за неизвестнаго благодетеля. Добр был и милостив покойна головушка, его добротой пользовались и употребляли её во зло, например: один его эконом ухитрился в подвале, где хранились разныя вина, в слуховое окошечко про- *Л. 264* пустить веревочку // и привязал к ней в подвале несколько бутылок дорогаго вина с целию вытащить их из окна через решётку, П(ётр) И(ванович), будучи ещё здоровым, имел обыкновение каждое утро ходить по всем дворам, в конюховскую к лошадям, заметил это, произвёл домашнее следствие, и этаго эконома от должности уволил, не высказав даже ему и причины увольнения, а после, чрез некоторое время, ему же благоволил, но не только ему, а даже и по смерти его семье его. Редкий человек был П(ётр) И(ванови)ч. Любил он собирать редкости; однажды, сам мне рассказывал, узнал он, что у соседа его Ив(ана) Ник(ити)ча Нашивошникова есть какия-то дедушкины бумаги, тот ему и отдал памятнуя книжку дедушки, в которой значился каждодневной домашний расход; все было дёшево, наприм(ер), говядина — 40 коп(еек) ассиг(нациями) — пуд! Он с бедными людьми, мещанами любил побеседовать о старине; на берегу, за старым собором, жил мещанин Мих(аил) Вас(ильевич) Мельников — человек семейной; вот с ним-то он, когда едет по Береговой улице, остановится, сядет с ним на лавочку и толкует до тех пор, пока не встретится с ним какое-нибудь важное лицо; распростится с Мельниковым, даст ему руку, а, может быть, и денег, так как Мельников постояннаго занятия не имел; всё это П(ётр) И(ванови)ч делал без огласки. Сосед мой, Ал(ексей) Мих(айлови)ч Кабаков, наживший состояние от покойнаго ещё Ивана Кирилловича, бывший в 1-й гильдии, впоследствии разорился и упал до того, что нуждался в поддержке дома, П(ётр) И(ванови)ч и его, как товарища, не забыл, // заезжал к нему каждую неделю, а Ка- *Л. 264 об.* баков приготовит и баушкину травку, и пирожок из стерляди, но, как видно, мало для него было поддержки П(етра) И(ванови)ча, он и ухитрился: приготовил счёт, сколько за столько-то лет выпито П(етром) И(ванови)чем рюмок и сколько пирогов и на какую сумму. П(ётр) И(ванови)ч и от этаго пособия не отказал; подъезжает однажды к окну летом, а уже Кабаков караулил, в комнату он по приглашению не пошёл, а в бумажке сунул ему что-то, и был таков; после этаго П(ётр) И(ванови)ч уже перестал ездить, кроме праздников, Рождества и Пасхи. Кабаков же мне сказывал, что в бумажке оказалась сторублёвая сер(ебром) ассигнация, впятеро больше суммы, обозначавшейся в счёте Кабакова; таку же штуку проделал последний и с Ив(аном) Ив(анови)чем Токаревым, и тоже помог ему, ка-

жется, столько же. П(ётр) И(ванови)ч до того был силён, что на всём скаку останавливал сразу дикую татарскую лошадь, или накинет на неё аркан метко и скоро, и лошадь повиновалась.

У меня за П(етром) И(ванови)чем так и застряли два суконных прадедовских сюртука, даванныя для маскераду на Святках; они (теперь) дороги мне, потому что, как я слыхал от стариков, может, из верблюжьяго сукна, первой фабрики, усовершенствованной ещё Петром Великим, как я слыхал, что они и теперь в музее Кузнецовых; но я на всё рукой махнул, прошло несколько десятков лет, да и наследники меня не хотят по богатству
Л. 265 своему и по происхожденью знать. //

Первым любимцем П(етра) И(ванови)ча был некто Афанасий Григорьевич по фамилии Рижсков, потому что он был уроженец из Риги, приехал сюда по воле, и в 1830-х годах занимался витьём верёвок, нажил состояние; человек он хотя и был честной, но любил П(етру) И(ванови)чу всё слышанное и виденное с прибавкой своего мнения передавать; дом его был на Большой улице, теперь на этом месте каменной, проданный купцу С(епану) П(етрови)чу Токареву.

До какой же степени был П(ётр) И(ванови)ч мнителен и боялся смерти, видно из того, что когда он ещё разхварывался, сидел в кабинете под окном, это было в мае, идёт телеграфный рассыльный, и подал ему телеграмму из С. — П(етербур)гу; чем бы послать его в контору, там бы и расписались в получении ея, но нет, сам расписавшись, мгновенно её распечатал и что же читает: уведомляют, что доверенный его в Пет(ербур)ге Богданов, на имя котораго лежало в банке 140 т(ысяч) за проданное за золото ассигновки, внезапно помер. Это обстоятельство сильно подействовало на здоровье П(етра) И(ванови)ча; он стал задумываться о том, что такой капитал пропадёт; у Богданова была одна мать — и та старуха; тотчас же начали хлопотать в Петербурге, доказывая, что капитал этот есть не Богданова, и мать его тоже по совести отперлась и подтвердила, что капитал есть П(етра) И(ванови)ча, наконец-то, после смерти уже его, капитал присуждён наследникам П(етра) И(ванови)ча; он боялся, чтобы не помереть внезапно, // а о капитале Л. 265 об.
сильно и не заботился. «Бог, — говорил, — дал, Бог и взял». Хотя П(ётр) И(ванови)ч при жизни был любопытен и интересовался всеми событиями, газет выписывал много, а читал их так: раздерёт, бывало, оклейку и торопится будто бы читать, это при мне не раз бывало, в одну минуту уже прочитал, отдаёт газету детям; они уже того и ждали, берёт другую, третью и также только пробежит, спросишь: «Что новаго?» «Да ничего, — ответит, — всё по-прежнему».

П(ётр) И(ванови)ч был доверчив и, кого полюбит, того готов, что называется, озолотить; с ним по думе служил один молодой человек гласным; человек коммерческий, оборотной, небогатой, честный — одним словом, человек заслуживал уважения, а при помощи П(етра) И(ванови)ча он усилил своё состояние, но когда стал попивать, П(ётр) И(ванови)ч стал смотреть на него иначе, а тут, к несчастию, открылся какой-то привилегированный кабак под имением «Мещанскаго клуба»; тут-то этот молодой человек в числе других окончательно расстроился и погиб.

Когда привезено было сюда из С.-П(етер)бурга тело П(етра) И(ванови)ча, тогда я искал своего сочинения стихи, припоминаемые теперь:

Жестокий жребий совершился,
Угас великий патриот.
На нас создатель прогневился,
Но память будет в род и род.
Был он тихоправен, кроток и смирён,
Отеческой любовью свыше одарён.
Л. 266 Избегал он в жизни, чтоб кому вредить, //
Но питал лишь чувство ближняго любить.

И ещё что-то в добрую память П(етра) И(ванови)ча было писано, теперь не упомню. Черновая у меня сгорела. Стихи эти от неизвестнаго были возложены на гроб, и Александра Фёдоровна, вдова Петра Ивановича, была довольна такой памяти усопшаго.

После смерти и Александры Фёдоровны остались наследники, потомст(венные) поч(ётные) граждане: Александр, Иван Петровичи, Евдокия, Александра Петровны, жена коллежского советника Юлия Петровна Матвеева и опекун над имением и малолетнею дочерью умершаго пот(омственного) поч(ётного) гражд(анина) Льва Петровича Кузнецова — Еленою Львовною Кузнецовой — коллежский секретарь Иннокентий Алексеевич Матвеев. Во исполнение духовнаго завещания Александры Фёдоровны, засвидетельствованнаго в Ени(сейском) губ(ернском) правлении 5 марта 1884 г. № 118., составил товарищеский акт на вере о разделе всех на паи 19 приисков; о способе их управления и удовлетворении дивидентами учреждена была привилегированная золотопромышленная контора; конторщиком вызван был какой-то им известной вольнодумец, который старых всех служащих поразогнал, обстановку сделал, что называется, министерскую, жалованье увеличил своим приближённым; а из старых остался один труженик и то по расположению к нему Александры Фёдоровны — Василий Тимофеевич Григорьев, который вскоре, получив чахотку, помер в бедности, оставив малолетнюю семью; а бывший кассир Великосельцев, // бывший у П(етра) И(ванови)ча в большом Л. 266 об.
уважении, да он и стоил того по его образованности, солидности и знанию счётнаго дела, вывезенный П(етром) И(ванови)чем из России. Этот Великосельцев, не поддававшийся указаниям конторщика, по проискам последняго был уволен с каким-то, кажется, двухтысячным награждением, а как после этаго конторщику некому было мешать, хозяева его красноречию верили, то он контору довёл до пудоваго, как я слыхал, содержания золота (40 т(ысяч) руб(лей)). После уже вдолги, по какой-то предусмотрительности хозяев он был уволен, уехал в Россию и там вскоре помер. Я слыхал, что прииск по р(ечк)е Дытыну до того был с богатым содержанием, что, как говаривал мне и П(ётр) И(ванови)ч, не прожить его и внучатам его. Этот прииск по проискам некоего золотопромышленника Переплётчикова, человека, хотя и остроумнаго, о коем, если успею, то напишу особую биографию, но воспользовавшагося простотою наследников П(етра) И(ванови)ча Кузнецова, чуть было не отошёл к нему в арендное содержание 300 руб(лей) с пуда, впредь до выработки; оно бы и состоялось, но я, услыхавши об этом и хорошо зная этаго арендатора, да, к счастию Кузнецовых, не было здесь Евдокии Петровны; я говорил, будучи не вхож к ним и как будто бы я презираемый за мои и родителя моего благодеяния прежние к ним, передал одному ей хорошо знакомому, ува-

жаемому в городе всеми лицу о том, что мне гова-
ривал об этом прииске П(ётр) И(ванови)ч. Это лицо,
ожидав Евд(окию) Пет(ров)ну, передал ей это, и она
Л. 267 остановила дело. А то бы арендатор, // по дально-
видности его к делу, в два–три года постарался вы-
работать весь прииск, и без того он после смерти
своей оставил миллионное состояние. Да ещё забыл
я к числу благодеяний Петра Ивановича и Алек-
сандры Фёдоровны присовокупить, что первый,
видя у соседа Кабакова старинную картину «Шут
Балакирев», покупал её, но Кабаков просил что-то
дорого, так она и сгорела в общий пожар. Я помню
её, живопись старинная, возобновлённая Кабако-
вым, когда он был ещё в состоянии, в лучшем виде,
и рамы золочёные по периметру; а последняя, т. е.
А(лександ)ра Фёд(оров)на, когда Кабаков стал бе-
ден, наделила его много белья и платья, оставших-
ся от П(ет)ра Ив(анови)ча.

Она обещала в соборной Воскресенский храм,
в тёплую церковь, построить весь бронзовый ико-
ностас; даже снимал архитектор и план, но так
и осталось обещанием, а наследники даже и забыли
об этом; но, впрочем, Александра Фёдоровна для
протоиереев этаго собора востроила на свой счёт
новой деревянной настоятельский дом по Воскре-
сенской улице, сгоревшаго бывшаго Шипилинско-
го аббатства, и в настоящее время проживает в нём
бесплатно протоиерей Иннокентий Александрович
Нарциссов; но ремонтирует на свой счёт, вероятно,
наследники этаго расхода на себя не приняли. К чи-
слу предрассудков умершаго Петра Ивановича мож-
но причислить: когда он задумал строить на углу
(тут теперь деревянной дом Авдотьи Петровны),
большой семейной 3-х — этажный каменной дом,
стали уже возить на фундамент камень, который
и был расположен от угла почти до Благовещенской
ограды, то П(ётр) И(ванович), // получивши сведе- Л. 267 об.
ние, что из числа возивших рабочих однаго на месте
ломки его задавило упавшими каменьями до смер-
ти, П(ётр) И(ванови)ч задумался, что это не к добру,
потом получает от уехавшаго в С.-П(етербур)г архи-
тектора Хейна с планом на дом для показания его
лучшим столицы специалистам, потому что в доме
предположены были фонтаны и зимний сад; полу-
чено было сведение, что этот архитектор дорогою
помер, тогда уже П(ётр) И(ванови)ч окончательно
отложил заботы о постройке; камень у него разво-
зили, зная простоту Петра Ив(анови)ча и доверие:
кто взаймы, кто в долг, конечно, без отдачи, а рав-
но и извёстку; а сколько П(ётр) И(ванови)ч сделал
для нашей соборной церкви пожертвований, вы-
писанных из столицы: хоругви, ковшички сребря-
ныя под золотом, подсвечники, и т. п. Это известно
из инвентаря храма; 1 000 — пуд(овый) колокол, я
слыхал, его же иждивение. П(ётр) И(ванови)ч слу-
жил старостою, кажется, 3-х — летие, за что и удо-
стоен похоронения его с супругою в ограде собора; я
не пройду мимо, что б не поклониться праху его, по-
мятуя добро перваго. При жизни же Ивана Кирил-
ловича, Марфа Кирилловна, как я сам видал, когда
прихаживал от отца к И(вану) К(ириллови)чу с за-
писками, что у нея в прихожей комнате стояло ме-
сто с байховым чаем, и из него она черпала горстями
чай и передавала к стоявшим бедным женщинам,
приходящим за помощью; а половики, как сейчас
помню, были холстовыя, как белаго снегу; вообще
Иван Кириллович и Марфа Кирилловна любили
безукоризненную чистоту во всём; // но наследники Л. 268
совсем уже другое — жертвуют там, где расточают-
ся похвалы; однако же, служившему у всех их около
50 лет А. Н. Оконишникову воздрузили на могиле

памятник из мрамору, привезённый из Петербурга,
да вдове платят по 300 руб(лей) ежегодной пенсии.
Больше о роде Кузнецовых не припомню, а что если
ещё вспомню, то добавлю; да простит меня читатель
за непоследовательность. Да об себе, к примеру,
скажу: что же пользы жить? «Но жить хочу. Хочу
продлить свои страданья, быть может, то, о чём гру-
щу — одни напрасныя мечтанья». Трудно, нечего
сказать, привыкать к труду с малых лет, но невыно-
симо трудно расставаться с трудовою жизнью. 50 —
летний труд мой тяготит меня, скучаю, мало сплю
без труда, а трудиться по-прежнему не в силах. Чи-
тал я где-то и припоминаю священныя слова:

Теперь, когда преклонны будут лета,
Душевных бурь прокатится волна,
покинешь ты все книги, только эта —
с тобой навек останется одна.
И в ней найдёшь, чего нигде дотоле
не обретал в пространном мире сём,
И ничего просить не станешь боле, —
Тут полнота всех благ — тут всё во всём.

Эта-то книга и есть та, о которой говорится
в молитве Св. Иоанна Златоуста по числу часов
дня: «Господи Иисусе Христе, напиши мя раба
Твоего в книзе животней и даруй мне конец бла-
Л. 268 об. гий. // С мужем неповинным неповинен будеши,
а со строптивым сказано — развратишся»; тако
и мы грешнии, переиспытавшие в жизни много
разных приключений, должны обмывать слезами
покаяния, ибо слёзы есть чистая вода, смывающая
в душе чёрныя пятна.

Пишу для назидания потомства, а не для цен-
зуры, поэтому и за откровенность, где она выска-
зывается, меня да не судить, хотя по слову писания
«да не возлагают уста моя дел человеческих» и вос-
прещено судить о других; я пишу мне известное
и слыханное от стариков, почему и присовокупляю
биографии об гражданах г(орода) Красноярска,
служивших градскими главами (с 1850 г. первой
голова начал подписывать бумаги — Н(иколай)
П(етрови)ч Токарев, — о коем будет речь ниже). Го-
родским головою с 1840 года выбран был на 3-х ле-
тие красноярской 3 гильдии купец Стефан (разноч-
тения, во всех других случаях — Степан) Яковлевич
Кузнецов, дом котораго и ныне существует по Боль-
шой Воск(ресенской) улице, принадлежащий ныне
еврейке Саре Мильштейн; у Стефана Яковлевича
детей не было, была жена Мария Гермогевна, да сво-
яченицы; жили они в нижнем этаже дома, торговал
он виноградным вином: красным и белым и уксу-
сом; когда я хаживал за этими напитками по при-
казанию родительницы, // то они наделяли меня Л. 269
пряниками и конфектами, как роднаго сына, люби-
ли; чистота в комнате безукоризненная, половики
из белаго холста, как снег, белыя; так и сами они
одевались чисто, например, Ст(епан) Як(овлеви)ч
постоянно в белом галстуке с вышитыми концами,
в белом из пике жилете, халат разноцветной мате-
рии; а Мария Ерм(олаев)на *(Разночтение у автора
в написании отчества, см. выше)* прихаживала
вместе с мужем к нам в гости, одевалась в шёлковое
платье и косынку, и всегда принесёт мне и сёстрам
конфект, за что её мы с нетерпением всегда ожи-
дали, но только не любили за то, что они любили
выпивать и долго сидеть, всегда уходили или уез-
жали за полночь. Ст(епан) Як(овлеви)ч под песни,
поёмыя его супругою, всегда сильно свистал, как
свищут емщики, а Мария Ерм(олаев)на, бывало,
приплясывая с другими гостями, как сейчас пом-

ню: «Во поле берёзонька стояла, во поле кудрявая стояла» и т. д. Когда уже они охмеляют, кучер их, долго живший у них Мирон, их усадит в дрожки или в сани и увезёт домой.

Вот этот-то Ст(епан) Як(овлеви)ч был своего рода орешком; он, бывало, ходил в думу и ночью проведать, чтоб десятники не спали, разбудит их и заведёт разговор о житье-бытье, а утром рано опять идёт в думу, беседует в канцелярии, в особенности он любил поговорить с Степаном Замятниным, называя его «Стёнькою», как он женился, как
Л. 269 об. спал, и проч(ий) домашний скарб; // а сей, последний, и отвечает грубым осиплым голосом: «Да ты сам знаешь, как спать, чего ж меня спрашиваешь? Отвяжись, без тебя дела много». Писал парень действительно бойко, и на него много наваливали для переписки бумаг. Или, бывало, обратится Ст(епан) Як(овлеви)ч к бухгалтеру Ивану Сем(ёнови)чу Трапезникову (из духовных), какия он выучивал песни, играемыя им на гуслях, и о проч(ем), а о деле никогда не спросит. Полицмейстер, в то время надв(орный) сов(етни)к Александр Ильич Попов, человек грубаго воспитания, ругательник; бывало, приедет в думу, кричит во всю глотку на нашего главу Ст(епа)на Як(овлеви)ча насчёт ночнаго освещения или насчёт полицейских десятников, а тот отвечает что-то подобострастно, тихо, так что один раз отцу моему, бывшему в то время город(ски)м судьёю, жаль стало Ст(епа)на Як(овлеви)ча, и хотел вступиться за него, но Попов, заметив это, тотчас убежал из думы; отец спрашивает: «Чего это он на тебя кричал?», а Ст(епа)н Як(овлеви)ч: «Да так, — говорит, — хайло да хайло и будет, хочет — де меня в ссылку сослать».

Наступила сенаторская ревизия, со страхом и трепетом ожидавшаяся. Сенатор, тайной советник Иван Николаевич Толстой и многочисленная его свита наехали в мае 1841 года [189], дошла очередь ревизии до думы. Ст(епан) Як(овлеви)ч и гласныя сшили мундиры с вышитым золотом воротниками, // словом, сделались людьми чиновными. Сенатор *Л. 270*
в думе сам не был, а командировал чиновника старшаго по II-му отделению собственной его величества канцелярии, Михаила (отчества не помню) *(Александровича)*, статскаго советника Безобразова, человека суровой наружности, внушавшей к нему страх и уважение; главное — ещё потому, что он был беспристрастным и во всём, слышно было, справедливым; вошедшему ревизору глава и члены, вставши со своих кресел, поклонились; он и хотел было тотчас же сесть на председательское место, но глава, Степан Як(овлеви)ч, по какому — то неизвестному предубеждению: «Позвольте, — говорит, — это моё место», а предлагает с правой руки стола кресло гласнаго Долгова. Ревизор, ничего не сказав, сел, потребовал книги и документы денежныя, долго рассматривал, проверял и нашёл всё в порядке, заметив только маленькия какия-то несообразности с законом; записал себе всё в памятную, раскланялся и ушёл. Глава и члены все остались довольны, а в особенности Ст(епан) Як(овлеви)ч; вскоре после этаго, как-то вечером, является в думу коллежский ассесор и кавалер 3 ст(епени) Анны Рыжков и подаёт главе контракт с кем –то по золотопромышленности; он взял и будто бы просмотрел, говорит: «Долгов, // покажи Трапездникову (бухгалтеру), *Л. 270 об.*
ладно ли написано». Возвратившись из канцелярии, Долгов ответил, что Трапездников нашёл, что не на установленной бумаге контракт написан, так и голова Рыжкову ответил, что по сей причине засвидетельствовать контракт нельзя, Рыжков что-то стал, в свою очередь, заметно было разгорячась, объяснял, но Ст(епан) Як(овлеви)ч возразил: «Хоть сердись, не сердись на меня даром, что у тебя горб нос, а я не переменю своего слова»; обиженный Рыжков рассердился и убежал из думы жаловаться к прокурору Ивану Григорьевичу Родюкову, недалеко от думы имевшему свой дом; а когда мы вышли из думы, то видно было, что по террасе ходили Иван Гр(игорьеви)ч и Рыжков, разговаривали, что-то хохотали, по всей вероятности, жалоба была смешна.

Степан Як(овлев)ич ходил, как помню, всегда в синяго сукна сюртуке и в белье *(так у автора, вероятно, в белом)*; однажды он помогал солдатам тащить карбас, а Иван Кир(иллови)ч, идя с отцом моим по берегу: «Смотри-ко, — говорит, смотрико, как наш головушка трудится сам»; вообще был Ст(епан) Як(овлеви)ч оригинальный человек, имел, помню, шубу енотовую, выношенную, кры-
Л. 271 тую оливковым // сукном; таких шуб было в городе только три: у Ив(ана) Кир(иллови)ча Кузнецова, да у Вас(илия) Никифор(овича) Власьевского, я всё это замечал и твёрдо помню. И где это Ст(епан) Як(овлеви)ч изучил архитектуру, не слыхал, а ближее по его необразованию был самоучка, он под своим наблюдением строил свои каменныя палаты, строил общественное здание для помещения думы, которое и теперь на том же месте, хотя ремонтировалось с тех пор два раза, в 1853 и 1885 годах, он же строил каменныя богадельню, что на Большой улице, дома для помещения умалишенных и для помещения незаконнорожденных детей; отколь он был урожденцем, не слыхивал, а как занимался продажею виноградных вин, то, вероятно, был из российских. За постройки от казны тех домов губернатор Степанов представил Ст(епа)на Яко(вле)вича к награде, за что ему всемилостивейше пожалована золотая медаль с надписью «За полезное». Гу(ернатор) Ст(епано)в любил его за его простоту; однажды, как я слыхал от родителя, потребовал его губ(ернато)р к себе, а он в то время служил градским главою и, возвратясь, рассказывал отцу, что губернатор так на него рассердился, что приказал готовиться в ссылку; а Ст(епа)н Як(овлеви)ч это рассказывал хладнокровно, будто бы это так и должно было быть, может быть, губернатор потешался только над наивностию его. // Ст(епа)н Як(овлевич) у себя выстроил *Л. 271 об.*
такой лабиринт — флигель во дворе, 3-х-этажный каменный, и только отпразновал в нём новоселье, а после он и сколько лет стоял пустой; после смерти уже его пущена была казённая архив; а сам Ст(епа)н Як(овлеви)ч проживал с женою и свояченицею, пожилою девушкою, в доме в улицу в нижнем этаже, в котором была устроена и каменная кладовая на случай пожара; верхний же этаж так же стоял необитаемым, и впоследствии уже отдан был, по какому особенному уважению, председателю Ени(сейской) каз(ённой) палаты, действительному статскому советнику Ивану Кирилловичу Высоцкому, человеку одинокому; у него только была одна взаперти, словно пташка, некоторая Аннушка; когда он уходил куда-либо, то её замыкал на замок, и ключ брал с собою. Это рассказывал ея дядя, котораго только одного и допускал с нею видеться под своим надзором, а мы, как молодёжь, бывало, ходили каждодневно мимо квартиры генерала, Аннушка без него сиживала под окном и смотрела в обе стороны: не идёт ли генерал? А с нами любезно раскланивалась, зная, что мы не смеем сказать об этом генералу, который был из военных и переименован из полковников гвардии в действит(ельного)

ст(атского) сов(етни)ка; был груб, суровой, даже с визитами никого к себе в праздники не принимал, а занимался и дома чтением русских и иностранных книг; он и уходил прогуляться только за старой *Л. 272* собор, // где была устроена, кажется, Ив(ано)м Кир(иллови)чем Кузнецовым, деревянная беседка; вот в ней-то генерал, развалясь на бурку из непромокаемой материи, и я видал, читал газеты или книги, которыя, как он идёт гулять, всегда в руке; однажды, и я заметил разговор генерала с хозяином квартиры Ст(епано)м Яковлевичем Кузнецовым: «Да ведь, — говорит последний, — девка-то ничего себе, пухленькая, на что ты от меня, Ваше превосходительство, переманил её к себе?» А генерал едва слышно отвечал, да на что она тебе нужна, а больше я не мог расслушать; это был разговор двух интеллигентных лиц, однаго исправлявшаго должность за выездом губернатора Падалки в округ, а другаго — красноярскаго городскаго головы. Генерал до того был честолюбив и строг; за малым количеством канцелярии палаты, он выписал из Барнаула кантонистов[190], коим тогда по закону до перваго чина нужно было прослужить в гражданском ведомстве 20 лет беспорочно; однажды я сам видел: он выстроил их всех в ряд во дворе палаты и осматривал, все ли у них пуговицы на мундирах и, заметя на ком-то неформенныя панталоны и у однаго нет пуговицы, давай их лупить палкою, всегда ему при уходе его сопутствуемой; сильно они его боялись, да и грезили *(слово употребляется в значении шкодить, проказить)* же: однажды некто из них, отчаянная головушка, с каким-то посторонним товарищем подгуляли; а у последняго была лошадь *Л. 272 об.* // в телеге; поехали куда-то, наперёд, переоделись; товарищ надел мундир горнаго *(чиновника)*, а горной надел его пальто; только это было в 3 часа дня; поверстались против первой биржи, как вдруг видят: идёт мерным шагом генерал и смотрит внимательно (он всегда носил очки); а они, заметив его, постегали лошадь и во весь опор пронеслись мимо генерала; и если бы ехали мирно, то он бы приказал остановиться и разделался бы с обоими по-своему, генерал заметил однако ж, что сидевший в телеге в мундире был средняго роста, а настоящий, горный, был высокий; вечером того же дня призывает экзекутора палаты из военных Шумскаго и приказывает отыскать всех горных и поставить во дворе палаты, что и было тотчас исполнено; по приходе генерала все вытянулись в струнку, он осматривал, и не нашёл подходящаго к виденному им в телеге — в мундире, рассердился и ушёл в квартиру свою; а сколько этот экзекутор Шумский испытал на себе приказаний генерала, можно видеть из того, что каждое утро, в жар ли, в мороз ли, он обязан с 10-ти часов утра стоять у ворот палаты, поджидать пришествия генерала, когда же завидит сего последняго, в мундире со шпагою и в шляпе, подаст на улице рапорт о благополучии палаты и том, кто из служащих налицо, // кого нет и почему и, выслушивая *Л. 273* тут же приказание, что если болен, то взять служащаго в больницу; одним словом, генерал держал своих служащих на военной ноге.

Когда же генерал получил Станиславскую ленту и звезду и, прослужив немного, получил отставку с мундиром и пенсией и уехал в Россию, оставив вышеписанную память и то, что Казённая палата была старой работы (этот дом клался на иждивение откупщика князя Голицына перед 1820 годом, внизу ещё со сводами, как в церкви) и как он не соответствовал помещению палаты, то генерал устраивал под непосредственным наблюдением экзекутора Шумскаго, распространил её в 1850 году более, с колоннами, расшатанными в 1853 году от бывшаго в 30 мая землетрясения. Зерцало генерал в палате выписал мраморное с надписью, кто именно в это время присутствовал, а над зданием палаты помещён был черный 2-х — главый орёл. Аннушку генерал выдал замуж за горнаго же служащаго и наградил её, как слышно было, с избытком. Степан же Яковлевич, лишившись своей супруги, повёл одинокую жизнь; и по увещанию его соседом Власьевским, было составлено завещание, которое я и переписывал и которым к Воскресенскому собору, священно-церковно служителям, назначено было на поминовение, кажется, 500 р(ублей) асс(игнациями), но дошли ли эти деньги *Л. 273 об.* до них, не знаю, ибо, при // отсутствии нисходящих наследников, вступила в это имение племянница Ст(епана) Як(овлеви)ча Аграфена Петровна Скорнякова, дочь брата Ст(епа)на Як(овлеви)ча — Петра Як(овлеви)ча, при жизни брата даже никем не знаемаго. Скорняков этот, Илья Семёнович, был шустрой малой; когда ещё лежал на одре болезни Ст(епа)н Як(овлеви)ч, из каменной кладовой, в которой были, как у торговаго человека, деньги, незаметно истощались, так что, когда, по смерти Ст(епа)на Яковлевича, в опеку только описался каменной дом со службами, да движимое кое — что; однако ж, заведённая Скорняковою тяжба, доходившая до Сената, увенчалась полным успехом; наследница продала этот дом Н(иколаю) П(етрови)чу Токареву за 3 т(ысячи) руб(лей) сперва, а когда последний и за выданным задатком отказался, то продан был нынешнему владельцу Мильштейну[191]. Сколько было у Ст(епан) Як(овлеви)ча капитала, я не слыхивал, но он займывал у родителя моего по 500 и 1000 руб(лей) асс(игнаций) из 6 % годовых, и платил аккуратно; а пред смертию, года за 3, он опустился совсем: стал неглижером; наприм(ер), летом он хаживал в одном нижнем белье — чёрном — и в халате; а зимою, в той же енотовой шубе; после смерти Марии Гермогевны всё пошло к упадку и разорению.

Теперь речь и воспоминания поведу о так называвшемся «ключе общества» — Василии // Ники- *Л. 274* форовиче Власьевском, как человеке замечательнаго ума; он урожденец, как я слыхал, г(орода) Верхотурья (Пермской губ(ернии)); чем он там занимался, не слыхал, а здесь занимался сплавом сверху хлеба в барках; закупал его в Минусинском округе десятки тысяч пудов, продавал в Енисейске золотопромышленникам, предпринявшим работы свои с 1830-х годов; а когда у него здесь в 1850 годах сгорел баркас с хлебом, стоявший против города у ост(рова) Телячьяго, а сплавщик, боясь ответственности, удавился, то Вас(илий) Ник(ифорович) бросил это занятие; имел, как видно было, деньги, ибо в 1829–1830 гг. выстроил каменный дом, теперь принадлежащий Волковой; строил сам, без всякаго надзора архитектора, который и вздумал было, заметив какие-то неправильности в кладке, заметить это Вас(илию) Ник(ифорови)чу, а сей, последний, до того рассердился, что чуть не бросил архитектора с лесов, поставленных около строившагося дома; по жалобе архитектора началось следствие, рабочие жалобу его подтвердили, однако же В(силий) Н(икифорови)ч уговорил его помириться, на чём они помирились, не знаю, но следствие сам читал, и когда, служа в Гор(одовом) суде столоначальником, по приказанию губернатора Падалки составлял список всех подсудимых с открытия губернии (т. е. с 1822 г.), то поместил под бук(ву)

Л. 274 об. В и об нём, Власьевском, и что // же? Получил от него за это выговор, когда он в думе узнал об этом, никакия мои оправдания, что я делал по приказанию губернатора, меня пред В(асилие)м Н(икифорови)чем не оправдали; долго он на меня за это сердился и часто выговаривал; а когда я ещё учился в училище, он как-то пришёл ко мне на имянины, спрашивал об успехах, потребовал тетрадь, отмечаемую только учителями; сделал, как сейчас помню, на ней надпись: « радуюсь и веселюсь за хорошее учение, и желаю не ослабевать, а ещё более преуспевать в чистописании». Это было в 1835 году, жаль, что тетрадь эта в (18)81 г. в пожаре уничтожилась. Вообще характер В(асилия) Н(икифорови)ча был самостоятелен и непреклонен. Училище было как раз против дома его, где теперь сад Кузнецовых, и он видал из окна выходящих учеников и балующихся по пути; однажды и мне сказал, что у него есть в вышке на кухне старик о 6-ти ногах, который замечает шалящих и шестом ловит и запихивает в трубу. Я и прочия мои сверстники этому поверили, и при выходе из училища обедать однажды заметили трубочиста; более старались быть скромными, чтобы он нас не захватил шестом и не упехал в трубу (поверят нынче дети этому, как мы?). Когда же он служил старостою в Воскр(есенском) соборе, много сделал для церкви замечательнаго и поучительнаго: он, наприм(ер), // *Л. 275* однажды заподозрил диаконов (прежде было их в соборе по 2) в краже из кассы церковной 500 руб(лей): никакия оправдания их не помогли, жаловался архиерею Порфирию (тогда ещё была здесь Томская епархия), а владыко только и сказал на это: «Язык твой, В(асилий) Н(икифорови)ч, бритва». Вообще диаконам, когда служил он старостою, не было спокоя от его укоризн; по церкви у него был замечательной порядок: облачения, какия он выдаст священно-церковно- служителям, в тех и служи, а не в тех, какие они захотят надеть. Ребятишки баловать ни в церкви, ни в ограде не смели, сейчас выскочит В(асилий) Н(икифорови)ч и даст теребачку. Он служил по выбору общества городовым судьёю в (18)26, (18)27, (18)28 гг., а в 1832–34 гг. — градским главою, тогда городскими головами, как ныне, не именовались, и за 3-х-летие получил звание степеннаго гражданина, имел три золотых медали на шее на Аннинской, Владимирской и Александровской лентах за служение городу и церкви; когда в 1862 г. июля 17 ч(исла) был в ночи сильной пожар и сгорело до 15 строений на Большой и Благовещенской улицах, была засуха, то Вас(илий) Ник(ифорович), выйдя из своего дома, поместился на прилавке дома Терсковой, что ныне Гусевой; стал на колени и молился об утушении огня; то в это время какой-то господин шёл мимо его с курящею сигарою, В(асилий) Н(икифорович) встал на ноги, оставил молитву // *Л. 275 об.* и вскричал: «Постой-ко, постой-ко, господин!», тот остановился, всё куря сигару, а В(асилий) Н(икифорови)ч как вырвет у него из роту сигару, бросил на землю, растоптал тут же ногою, говоря с сердцем: «У меня дом, у другаго дом, а ты к пожару ещё сожгёшь нас»; что же, г(осподи)н ведь ничего не сказал, а только ворчал себе под нос что-то. Служивши главою, недоимщиков податей драл розгами, как ребят, и ему не один раз говаривал Иван Кир(иллови)ч и мой родитель, что когда-нибудь он за это попадёт под уголовщину, но он не унимался, отвечая, что ведь деньги требуются не для себя, а на нужды царския, и действительно, в его 3-х-летие подати взносились исправно к назначенному сроку; а как В(асилий) Н(икифорови)ч не терпел пьяных; то иной мещанин хотя и погуляет, да и головой, что называется в солому, опасаясь, что мать или жена как пойдут нажалуются голове, то неизбежно будут палки или метлу в руки, да мести площадь. В(асилий) Н(икифорови)ч был роста средняго, но кренаст, всегда брился, здоров, и всегда уже в Благовещенье, какой бы холод не был, снимает енотовую шубу и вплоть до Покрова ходит в сераго сукна сюртуке, а в ненастье — с зонтиком, а нам, молодым людям, увидя на Пасхе в шубе, выговаривает, что мы неженки, испотачены. Он был вообще по — тогдашнему времени письменной человек, повитийствовать любил, наприм(ер), когда последовало от губернатора распоряжение о перемене торговой базарной площади на Новобазарную около Кафедральнаго // *Л. 276* собора, тогда по настоянию В(асилия) Н(икифорови)ча, стоявшаго за старую плащадь, собрано было всё городское население, и разделились на голоса; большинство оказались за новую, тогда В(асилий) Н(икифорови)ч вспомнил предписание министра внутренних дел, по силе котораго без разрешения его общество не могло переменять торговых площадей; подали просьбу министру Валуеву[192], долго времени не было разрешения; а так как за новую площадь сильно стоял строитель новаго собора миллионер Исидор Григорьевич Щеголев, предполагавший на восточную сторону ограды устроить торговыя лавки, чего однако ж, по нежеланию преосвященнаго Порфирия, не состоялось, то разрешение от министра и вышло, чтобы немедленно площадь открыть у новаго собора. Вас(илий) Н(икифорови)ч был уже на старости лет своих на спокое, а я ходил к занятию в суд рано утром в 7 часов, он уже и сидел у окна, ожидая меня; остановлюсь по его желанию; он интересовался новостями дня, а я много тогда читал, говорил и видал добрых людей; по его расположению ко мне и по любви, я всё ему и рассказываю, устану даже стоять; а в комнату не пригласит; рад не рад, дождусь холодов; рамы зимния вставят, и тогда я уже без задержки иду; однажды как-то В(асилий) Н(икифорови)ч и задал мне вопрос: «Кого же вы на будущее трехлетие, кажется, 1864-(18)67 гг., думаете выбрать главою?» Я отвечаю, что желают Петра Ивановича Кузнецова; В(асилий) Н(икифорови)ч с негодованием отозвался, стуча // *Л. 276 об.* кулаком об косяк окна: «Этаго, — говорит, — всё равно вот как это окно безмолвно, так ваш и П(ётр) И(ванови)ч ничего не сделает для города хорошаго; вот таво бы, — говорит, — парня выбрать, как его, забыл...», я надпомнил — Сидорова; «Да, да», — отвечает. «Этот парень умной и для города лучше желать нельзя головы», заметно было, что В(асилий) Н(икифорови)ч недоволен был П(етр)ом Ив(анови)чем за то, что когда ещё Ив(ан) Кир(иллови)ч нуждался в деньгах при открытии Крестовоздвиженского прииска, то будто бы он ссужал Ив(а)на Кир(иллови)ча 10-ю тысячами рублей с тем, чтобы и он, В(асил)ий Н(икифорови)ч, был компанионом, но негласным; а после смерти И(вана) К(ириллови)ча В(асилий) Н(икифорови)ч выморшил-таки у П(етра) И(ванови)ча, слышно было, отступнаго 30 т(ысяч) руб(лей), вот и недоволен был старик на П(етра) И(ванови)ча, что он нескоро поддался на его уверения. А как велико было его любопытство, видно из разговора его со мною; он меня спрашивал не один раз, много ли осталось после смерти отца моего денег; я отвечал откровенно, что в долгах много пропало, наприм(ер), за Коростылёвым, за Пьяненковым и за другими тысяч до 5-ти асс(игнациями), а Власьевский: «Ведь у отца твоего должен быть большой капитал, тысяч до 100; не спрятал ли он куда-нибудь, посмотри, — говорит, — хорошенько; я займывал, говорит, —

тысячи по 2 за 6% годовых и платил исправно:
не последния же он отдавал мне деньги?» Однажды
как-то, когда ещё В(асилий) Н(икифорови)ч слу-
жил старостою в соборе, он, после обедни на Пасхе,
остановил отца моего, Ивана К(ириллови)ча, и дру-
Л. 277 гих граждан: «Послушайте-ко, // — говорит, я
пойду на колокольню и позвоню». «И действитель-
но, заслушались звону колокольнаго и с перерывом
и отдельно, — сказывал родитель мой, пришедши
домой, — чистая гармония, звонил, как по нотам»;
а пение В(асилия) Н(икифорови)ча в церкви, это я
слыхал, это было в Великодённую субботу, когда
причт запели причастную: «Не рыдай мене, мати»,
В(асилий) Н(икифорови)ч остановил их. «Не так, —
говорил, — поёте, следуйте за мною»; начал тихо,
плавно альта, а за ним причт: «Не рыдай мене, мати,
зряще во гробе, его же во чреве без семени зачала
еси сына, восстану бо и вознесусь со славою, непре-
станно яко Бог, верою и любовию те величающе».
Такого пения я больше и не слыхивал, важность
и особенность дня пробудила благочестивых соста-
вителей церковной службы в Вел(икую) субботу
дать ей тот особенный, трогательный и вместе вели-
чественный вид, который поражает нас и теперь
в православных храмах. Вместо ароматов и плаща-
ницы, коими благочестивыя Иосидор и Никодим
послужили усопшему Господу, церковь приносит
теперь ко гробу Его трогательную надгробную песнь
«Не рыдай мене, мати», которая поётся сонмом свя-
щеннослужителей, пред лежащею среди церкви
плащаницею. «Воскресни, Боже, суда земли, яко
ты наследише во всех языцех. Да молчит всяка
Л. 277 об. плоть человече, // и да стоит со страхом и трепетом
и ничто ли великое в себе да помышляет!» Не хвата-
ет духу глаголати о величии сего таинства. Я загово-
рился и позабыл ещё дополнить воспоминания мои
о В(асилии) Н(икифорови)че; по его настоянию пре-
кращена порубка берёзок к Троицину дню, которых
уничтожилось десятки тысяч деревцев. Где он учил-
ся архитектуре — не слыхивал. Это был саморо-
док — человек, по его настоянию, когда он служил
эдитором *(в совр. значении — редактор, здесь м. б. в
значении наблюдатель)*, перестроен Воск(ресен-
ский) собор, сделан Никитинский вверху придел;
на пожертвованные по его настоянию вдовою
поч(ётного) гражд(анина) Никиты Фёдоровича
Мясникова, Анною Васильевною, 5 т(ысяч)
руб(лей), заведены колокола — один в 1000 пу(дов),
другой — в 500 пуд(ов); а сколько трудов было
В(асилием) Н(икифорович)ем по собиранию камня,
меди, серебра и проч(его); заведён в холодной церк-
ви новой иконостас, на всех иконах позлащены
оклады, новыя паникадила, подсвечники под сере-
бром, новой чугунной пол, а до него был, в старину,
пол из плитняка, который он положил кругом церк-
ви на время, когда обносят Св. плащаницу кругом,
теперь он уже занесён и едва заметен, хоругви, всего
не припомню*. В(асилий) Н(икифорови)ч был неу-
сыпный. Когда надобно было весить на колокольне
означенныя два тяжёлыя колокола, вступились ар-
хитекторы, что колокольня 2-х — тысячнаго звона
не выдержит и должна разрушиться; а В(асилий)
Н(икифорови)ч спорил, что выдержит и ещё более
тяжести, потому что фундамент и связи были креп-
кия, ранее предусмотренныя; наконец, дошло
до того, что архитекторы донесли об этом упорстве
генерал-губернатору Корсакову, а В(асилий)
Н(икифорови)ч в свою очередь, заявил ему же
о прочности и просил // на счёт виновнаго команди- Л. 278

* Со слов «А до него» и до «едва заметен» предложение вписано на левом поле.

ровать для освидетельствования прочности коло-
кольни главнаго архитектора из Иркутска, вследст-
вие чего и назначен был главный инженер генерал
Шац, который по приезде сюда и по освидетельство-
вании здания и по выслушании доводов с обеих сто-
рон, нашёл здание соответствующим тяжести коло-
колов; тогда В(асилий) Н(икифорови)ч, по остроте
его слова, сказал прямо архитекторам: «Чему вы
учитесь? Мальчишки, ничего не знаете», но его
унял уже генерал, и подчиненныя ему архитекторы
не смели вступиться за свою обиду. В храме поража-
ет своею величественностию икона нерукотворнаго
образа Спасителя, она теперь поставлена в алтарь
холодной церкви, и в особенности, когда на Пасхе
при входе во храм и царския врата отперты, чувст-
вуется какой-то страх и уважение*. Колокола, с Бо-
жиею помощью, на колокольню помещены с осени
1862 г. с помощию баталионных солдат и вызван-
ных из окружных деревень крестьян — всего до 5
т(ысяч) человек; когда же стали 1000 пудовый ко-
локол подымать, и тут нашлись злыя языки пропу-
стить молву, что канат лопнул и держится на одном
только конце; народ из самоохранения и ослабил
тягу, намереваясь бежать, но В(асилий) Н(икифо-
рови)ч и тут бегал и кричал во всеуслышание, что
это вздор, народ убедился, и колокола подняты
были благополучно. Точно так же В(асилий) Н(ики-
форови)ч выказал свою самостоятельность и в отно-
шении перевода торговой площади; он также писал
к г(енерал)-г(убернато)ру о командировании из
Главнаго управления члена для убеждения споря-
щих, почему и командирован был член Главного
управления действительный статский советник
Гаупт *(архитектор)*, впоследствии здесь председа-
тель Енис(ейского) губ(ернского) правления, кото-
рый, по настоянию В(асилия) Н(икифорови)ча, что-
бы не было тягостно для обеих сторон, исхлопотал
у г(енерал)-г(убернато)ра на здешней // площади Л. 278 об.
установить так называемое подторжьё, которое
и назначено в пятницу, а новой площади базар —
в субботу; а ранее здесь был базар по воскресеньям,
по ходатайству архиерея Никодима уничтожен-
ный. Во время служения В(асилия) Н(икифорови)
ча ктитором (*жертвователь на храм*), не помню,
в котором году, на 3-й неделе В(еликого) поста, но-
чью, вдруг услыхали мы набат в колокол, тотчас
из под горы набрался народ, и поймали мошейника:
некто по фамилии Абросимов, выломавший у се-
вернаго алтаря железную решётку и, не помню, что-
то с престола похитившаго. В(асилий) Н(икифоро-
ви)ч, прибежал уже при народе и, по указанию на
мошейника, как схватит его за волосы и давай его
по-русски бить; заступился уже жандармский пол-
ковник; тогда только он свои утешения над грабите-
лями оставил, проговаривая, что таких разбойни-
ков надобно вешать, а не только бить; этот же
Абросимов, сын торгующаго мещанина, поджёг
дом отца своего в 1858 г.; горело сильно летом сало
и масло; за что и сослан он был в каторжную работу,
а оттуда впоследствии бежал и ограбил собор;
на этом же самом месте начался и всеобщий пожар
в апреле 1881 г., истребивший почти полгорода;
дом Абросимова, по смерти его, куплен был меща-
нином Евстигнеем Ивановичем Потехиным. Ещё
помню из жизни В(асилия) Н(икифорови)ча любо-
пытный анекдот; это было в 1857 г. 30 августа (день
тезоименитства государя); по проекту губерна-
торши Елены Вильгельмовны Падалко устроено
было гулянье // на горе, на левой руке Троицкой Л. 279
кладбищенской церкви; ночь была тёмная, а пото-

* Со слов «В храме поражает...» текст вписан на левому поле.

му весь город был иллюминован; бедныя здания — на счёт управы, весь взвоз тоже был освещён, а на горе, у часовни, горели смоляныя бочки; народ любопытствовал всю эту весёлость; надобно заметить, что Елена Вильгельмовна была на этот случай редкой изобретательницею, в косогоре у рвов были поставлены парусинныя палатки, в коих и помещались вся городская интелигенция, кроме губернатора, он почему- то не был, а губернаторша проезжала с семейством в карете только один раз за весь вечер; вот в числе этих гостей находился и В(асилий) Н(икифорови)ч как лицо почётное; порядочно погуляли, часу уже в 11-м вечера слышим голос диакона нашего собора Гавриила Милякова, который имел голос громовой, сильный, он раньше служил в Тоб(ольском) губ(ернском) суде столоначальником, а под конец, овдовевши, поступил в монахи в Ирк(утский) монастырь под именем Германа; вот этот-то диакон, бывший всегда развесёлая головушка, чуть невояжный, попросил музыкантов для В(асилия) Н(икифорови)ча играть похоронной марш, а сам провозгласил во всё горло, так что в городе было слышно: «Новопредставленному ст(атско)му гр(аждани)ну и разных медалей кавалеру В(асилию) Н(икифорови)чу вечная память». Старик услыхал такое привествие, не говоря ни слова, и вцепился диакону в голову и, убавив бороды, стал *Л. 279 об.* ругаться, // насилуй уже их интеллигенция розняла, и старика, уговорив кто-то из купцов, увёз домой спать. В(асилий) Н(икифорови)ч до редкой степени был предусмотрителен: осенью 1849 г. я из любопытства взобрался по лесам посмотреть устройство новаго собора, и нахожу там же В(асилия) Н(икифорови)ча, он со мною был всегда разговорчив, вот и говорит: «Так строители? Где же это видано, чтобы при громадности такаго здания, как устраиваемый собор, был такой мелкой фундамент; а связи –то, связи, — говорит, — посмотри-ко, в два пальца, вот и посмотри, что собор упадёт». Долго ли, коротко ли, и действительно, чрез и несколько после этаго разговора дней, в 12 часов дня октября, слышим глухой стук, как из пушек; и подтвердилось, что собор упал, уцелела только колокольня. Его уже возобновил С(идор) Г(ригорьевич) Щеголев чрез долгое время. Это заметно было из таго, что на развалинах собора стали расти уже маленькия берёзки. Произведённое по случаю падения собора следствие удостоверяло, что собор упал не от мелкоты фундамента и не от тонкости связей, а от маловеснаго кирпича, котораго глина не имела жестковатости. Я говаривал об этом и с В(асилием) Н(икифоровиче)м, но он утверждал своё, что этим способом прикрыли строившаго собор архитектора, «что они, — говорит, — мальчишки, знают? Как ещё Бог нас сохранил, что собор не упал в то время, как мы были». // В(асилий) же Н(икифорови)ч *Л. 280* предвещал, что если город и около стараго собора не сделать обруба, то от постепенной, год от году, обвалки гальки собору будет угрожать опасность, чего, Боже сохрани, падения; а городское управление на это не смотрит, оно занято другими нововведениями, не обещающими нам ничего хорошаго; ну да об этом после, если буду жив, в дневнике своем разоблачу всю горькую истину, пусть судит потомство.

Ещё забыл один случай столкновения с В(асилием) Н(икифоровиче)м. Это было в 1830 или 1831 год, я с товарищами шли летом из училища, бывшаго против дома его; было лето, окно у В(асилия) Н(икифорови)ча отворено; мы засмотрелись и увидали в комнате портрет во весь рост императора Николая I-го от нас на правой стороне, а на левой — пастух, отгоняющий овец на левую и правую стороны; изображала картина страшный суд; мы, чтобы внимательнее изучить сущность картин, а, в особенности, государя, котораго мы не видывали и не слыхивали, поднялись на подоконье; в комнате же никаго не было, и рассуждаем; вдруг показался В(асилий) Н(икифорови)ч и ласково нас спросил (мы было бросились бежать, но он остановил), что мы рассматриваем; мы отвечали, что картины, которых не видывали; он нам сказал, что в окно рассматривать нехорошо, могут хозяева подумать про *Л. 280 об.* нас что-нибудь недоброе, а пригласил по воротам // прийти в комнату; мы в робости вошли, и он нам рассказал значение картин, а, вместе с тем, преподал наставление о благоговении к государю и о памятовании о страшном суде Божием, который должен быть в прощёный день на Маслянице. Всё это мы, пришедши домой, рассказали родителям; а раньше, когда я ещё не учился, мне памятливо, что вверху дома В(асилия) Н(икифорови)ча, как отец, пришедши из суда домой, сказывал, что остановился бригадный генерал, тоже доселе лицо невиданное и неслыханное, а тоже, пользуясь любопытством, матушка и крёснинька вздумали проехать мимо дома и увидать «бригаднаго генерала». После вечерни поехали на дрожках, взяли меня с собой, а было ненастье: переулок полон сплошной воды (тогда улицы не осушались, а представлялось самой природе упитывать воду в недра земли, устроены канавы уже в бытность вечная памяти губернатора В(асилия) К(ириллови)ча Падалко в 1845 году, на счёт казны, а не на счёт города, как ныне разоряется город разными прихотливыми налогами*; и спуск воды был сосредоточен общею канавою в Качу, что против Иверской часовни у Благовещения); вот как, не доезжая ещё до квартиры бригаднаго, так тогда его именовали, дрожки наши погрузли в воде, меня, упавшаго в воду, едва вытащил кучер; а матушка и крёсненька, как бывшия уже выше меня, побрела к сухой площадке на углу дома И(вана) Мих(айлови)ча Соловьёва, что ныне доктора Кускова; кучер же, посадив меня на дрожки, остановился // и, по приказанию матушки, поехали *Л. 281* к родственникам, по — уличному Петуховым, а настояща — Парфентьевым же, ибо Павел Петрович был сродной брат родителю моему; дом их находился, где ныне построен новой дом Татьяною Ивановною Панаевою, урождённою Ростовых, чтобы там обсушиться, а домой возвратиться боялись батюшки, что он осердится; мне было тогда годов 5 от роду, а всё помню теперь, но как во сне; помню и то, что у матушки и крёсниньки было желание посмотреть бригаднаго, заехать к Петуховым; оне обе взяли с собою вязанье чулок; в то время, если желали погостить или посидеть где-либо, всегда бывали с делом, т.е. с вязаньем или шитьём. Заканчивая биографию В(асилия) Н(икифорови)ча, что я только мог помнить, присовокупляю, что у него жена была Авдотья Ивановна, из роду Коростелёвых, о которых будет сказание ниже; В(асилий) Н(икифорови)ч с братом ея Михаилом Ивановичем не сходился, они чуть было в 20-х годах на общественном собрании не разодрались: кого-то и куда-то выбирали, начали укорять друг друга, как я слыхал от батюшки, было по протесту стряпчего Морозова произведено следствие, но помирились; так всё и закончилось, но тайныя неудовольствия были общия у них, кажется, до смерти; у В(асилия) Н(икифорови)ча сыновей не было, дочери были —

* Со слов «На счёт казны» текст вписан на левом поле.

Анна Васильевна и Агнесса Васильевна, выданная замуж за надворнаго советника из казачьих детей, впоследствии дейст(вительного) статс(кого) советника, *Л. 281 об.* Петра Матвеевича // Куртутова, а другая дочь, Агнесса Васильевна *(у автора ошибочно — Петровна)*, за кр(асноярско)го почтмейстера Джунковскаго; о которых известный красноярский поэт, золотопромышленник, отставной флота капитан Бутаков, богатый и сильный по связям, ещё в 1855 г., между прочим, в статье под названием «Г(орода) Красноярска «Панорама»», написал следующее: «А вот Агнесса Куртутова, здоровьем под нас всех курит, и, как тирольская корова, своим дородством взор дарит; сестра ея совсем другая, её Аннетою зовут. Созданье право, недурное и, право, слухи о ней врут; Аннета милое созданье, умна, собою недурна; жаль, не дано ей воспитанья, но виновата ль в том она? Заботы о себе не знала она с младенческих годов, и с малолетства испытала, что значит мачихи любовь. Не дай Бог сироте-малютке в науку к мачихе попасть, плясать по мачихиной дудке — ведь это сущая напасть. Добра и мачиха иная, хоть мать так может заменить, а эта мачиха такая, что с ней и чёрт не станет жить. И ведь какая богомолка, готова жить в монастыре, да жаль в мужском, там больше толку она находит в псалтыре. Однако же пора оставить мать эту, кроткую змею, и вот позвольте вам представить из Вязников *Л. 282* одну семью. // Был в Вязниках когда-то щеголь, из всероссийских мужиков, толков про них писать был Гоголь, а я, признаться, бестолков. Ну, щеголь был, Сидоркой звали его и малый и велик, подчас Сидорку и «бивали»[193] (об этом щеголе будет речь интересная ниже; если буду жив, то не забуду), а теперь продолжаю о вышереченной мачихе: её брал Пётр Матвеевич уже вторым браком, а первая его жена была из роду статскаго советника, занимавшаго должность кр(асноярско)го окружнаго судьи Петра Ивановича Кузнецова, её звали Анфиса Петровна; дом его был на углу против больницы, где ныне новой дом Ивана Семёновича Степанова; Анфиса Петровна оставила в 1840 г. малолетнюю дочь; вот её-то и воспитывала мачиха Анна Васильевна, за ней выдано было денежное хорошее приданое, да П(ётр) М(атвееви)ч, как видно по образу его жизни, и не любил безденежных невест, и сам, в чине надворнаго советника, занимал в Губ(ернском) совете должность начальника III отделения, в котором сосредотачивались все хозяйственные дела губернии, а главное, откупныя имел хорошие, как слышно было; состояние, свой дом подле думы продал и перешёл к тестю В(асилию) Н(икифорови)чу. Когда же П(ётр) М(атвееви)ч со вступлением на должность губернатора В(асилия) К(ириллови)ча Падалко в 1844 г., оставив должность в Совете, поступил советником в Енисейскую казённую палату, опять таки по вино-соляному отделению; будучи весьма кроток и смирён, тогда Анна В(асильев)на, можно сказать, // всё скопидомничество приняла *Л. 282 об.* на себя, например, вместо горничной она заняла падчерицу, об этом и об разных истязаниях несчастной по доносу опекуна ея было уголовное следствие в присутствии жандармского полковника, донос признан доказательным, следствие поступило на решение в Ен(исейский) губ(ернский) суд, но, к счастию Анны В(асильев)ны, в общий пожар в 1881 г. сгорело; падчерицу же, между тем, отобрали чрез полицию и отправили для обучения в Россию, теперь об ея участи неизвестно. Вместо экономов по дому Анна В(асильев)на задолжала чиновников палаты, когда же сделался П(ётр) М(атвееви)ч председателем, и, побывав в Петербурге, получил чин д(ествительного) с(татского) с(оветни)ка, ожидая ленточку чрез плечо, но ея не дождался, и на 83 году своей труднической жизни помер 30 марта 1883 года, оставив, как слышно было, 80-титысячное состояние, которое было пополам завещано жене и дочери, но всё оно в бывшем Скопинском банке пропало в числе других миллионов; оставался у наследниц один каменной дом, но и тот в (18)81 г. полуобгорел. Анна Васильевна, по званию «генеральша», (так она и трудно уживавшейся прислуге всегда приказывала называть себя «Вашим пр(евосходительст)вом»); ранее мать с дочерью выезд имели всегда в карете, запряжённой в дышло[194], лошади — рысаки лихия; когда же, до пожара ещё, за дочерь сватались военные и гражданския чины, Анна Вас(ильев)на отказывала, *Л. 283* потому // что они были не в равных ей чинах; Пётр же Мат(вееви)ч, по скромности своей, в это дело не ввязывался; между тем, после уже его смерти, дочка по своему благоизволению вышла замуж за бывшаго подполковника, а впоследствии попавшаго, по несчастию, в Сибирь, Ивана Александровича Эмили-Македок, человека высокообразованнаго. Хотя Анна Вас(ильев)на и препятствовала, как мать, этаму неравному браку, жаловалась архиерею, но никакия препятствия воспрепятствовать не могли, дочь была совершеннолетняя, а после и Анна Вас(ильев)на за его мёдоточивыя уста возлюбила, и обе вверили ему всё остальное богатство, исчезнувшее неизвестно куда; вина же этот человек не пил, в карты не играл, и, в конце концов, вышло то, что всё остальное движимое и недвижимое продано было с молотка; Анна Вас(ильев)на осталась в нищете и на одной ограниченной пенсии, да и ту сперва кредиторы арестовали, а дочь, при неудачах своего мужа, натерпелась страдания: она сама мыла полы, стирала бельё и проч(ие) тяжёлыя работы; Анна Вас(ильев)на, многострадальная, как отзывались об ней и теперь (в 1898 г.) в живности, ей должно быть уже 80 лет. Здесь, я припоминаю басню дедушки Крылова: «Расчётлива невеста искала жениха», и вышла за калеку — вот // какова *Л. 283 об.* наша жизнь; да ещё я позабыл, что Пётр Мат(вееви)ч не один раз исправлял должность губернатора, но всё такой же был, без изменения в характере; бывало, придёшь в Совет с просьбою по хозяйским делам, он всегда подаст руку в присутствии; я бывал не один раз у него и дома, а в церкви, хотя он приезжал и редко, но всегда меня приветствовал, и однажды, на Пасхе, сам подошёл ко мне похристосоваться. Доброй был человек. Вечная ему память. Василий Никифорович помер 22 июля 1864 г., а Авдотья Ивановна 5 сентября 1864 г. в престарелых летах, и похоронены в ограде старого собора, где похоронен и Пётр Мат(вееви)ч. Вас(илий) Ник(ифорови)ч в табельныя дни всегда надевал на шею все 3 медали, хотя ему и говорили, что следует одну надевать, только старшую, но он не хотел и слышать; похоронен был в мундире или кафтане по должности градскаго главы за 3 — трёхлетие беспорочной службы. Ва(силий) Ник(ифорови)ч и Авдотья Ивановна похоронены в стараго собора ограде и провожаемы были переосвященным Никодимом и всем красноярским духовенством. У В(асилия) Н(икифорови)ча была ещё сестра (забыл, как её звали), которую он выдал в замужество за здешняго мещанина Сафрона Николаича Худоногова, человека хотя небогатаго, но в обществе имевшаго голос; вот он — то мне и рассказывал, что В(асилий) Н(икифорови)ч как-то при разговоре с ним хотел пожертвовать в общество // своей родины, г(ород) *Л. 284* Верхотурье, 1000 руб(лей) с тем, чтобы проценты

с них после 100 лет были выдаваемы на нужды бедным мещанам, но Саф(рон) Ник(олаеви)ч возражал на это, что чрез 100 лет тебя не будут помнить и родныя, и общество, лучше, короче, назначь время, да на здешнее и на тамошнее общество; но В(асилий) Н(икифорови)ч ни того, ни другаго не исполнил; потомство его почти всё исчезает, а в Верхотурье, пожалуй, что и действительно никто теперь его не знает и не помнит. Да, я забыл ещё о Петре М(атвееви)че упомянуть, что он любитель был кошек, производивших при входе в его кабинет неприятной запах, к нему, бывало не скоро достучишься; когда жена его и дочь летом жили на даче, а он при отставке находился постоянно дома, надобно было сперва зайти в кухню и доложиться лакею; он расспросит, кто я, зачем и знает ли меня генерал; когда отрекомендуешься таким образом, лакей передаст это пожилой горничной, а последняя с старым дворником идут в дом; у горничной был в стене из кладовой секретной звонок, барин чрез дверь спрашивает: «Кто и зачем?», на ответ ея, он свою дверь отмыкает ключом и, взглянув на пришедших, допускает к себе и замыкается опять на ключ. Вероятно, он боялся, чтоб его злыя люди не ограбили; одевался по отставке его весьма грязно, но нищим, когда бывал в церкви, всегда раздавал копеечки. При старости его лет он не имел седого волоса, Л. 284 об. казался как будто бы 40-летним, а это // есть доказательство его тихаго характера.

Теперь речь пойдёт также о «ключе общественном» (как говаривали в время то) красноярском 2 гильдии купце Михаиле Ивановиче Коростелеве. Это был человек годов 60-ти, имел тип азиатский-калмыцкий, отколь он прибыл, я не слыхивал, но слыхал, что он по рекам Западной Сибири занимался доставкою казённых подрядов; здесь имел собственной дом на Большой Воскресенской улице, на месте этом теперь дом, выстроенный после пожара 1881 г. наследником М(ихаила) Ив(анови)ча, внуком его, Георгием Александровичем Ларионовым, ныне проданный, кажется, Гудкову[195], отдавшему в кортом *(наём)* под полиц(ейское) управление. Мих(аил) Ив(анови)ч имел брата Лаврентия, жена М(ихаила) И(ванови)ча — Агафья Фёдоровна — была бездетна, а у Лаврентия жену именовали Екатерина Георгиевна, умершая в конце 1830-х годов на Маслянице; я, как сейчас, её помню: женщина она была красивая, дети у них были, сыновья — Анатолий и Михаил, а дочери — Таисия, Елизавета и Анфуса Лаврентьевны, коих под своё призрение и взял М(ихаил) Ив(анови)ч, а вскоре помер и Лавр(ентий) Ив(анови)ч; девицы помещены были в мезонин стараго дома, М(ихаил) Ив(анови)ч до того был наблюдателен, что приказал им выходить во двор ли, в город ли чрез его кабинет, и при всех его громадных делах, всегда каждую опрашивал: «Куда идёт, зачем? Ходи скорея»; а когда он из дома выезжал, // поручал строгий надзор жене Агаф(ье) Л. 285 Ф(ёдоров)не: «Смотри, — говорит, — над девками». Характер имел горячий, а Аг(афья) Ф(ёдоров)на — смиренная женщина, М(ихаил) И(ванови)ч тем главно замечателен, что он первой в Красноярске рискнул заняться золотопромышленностию, сперва имел хотя незначительное состояние, но его закапал; после того завёл компанию с богачами — томским 1 гильдии купцом, потомст(венным) поч(ётным) гр(ажданин)ом г(осподином), кавалером Степаном Ивановичем Поповым и канским 1 гильдии купцом Гаврилом Фёдоровичем Машаровым, (известным по своей специальности); за брата последняго — Виссариона — М(ихаил) И(ванови)ч и выдал свою племянницу, сироту Таисию Лаврентьевну; а посему и образована была компания под названием «Заангарской золотопромышленной К» под управлением М(ихаила) И(ванович)а, но дела ея всё-таки не распространялись. М(ихаил) И(ванови)ч, наприм(ер), когда надобно нанимать на приска рабочих и служащих и закупать для дела хлеб и материалы, по своей горячности любил несколько дел делать в один раз: занимается тотчас с кончившим курс семинарии, подыскивает ему невесту; хлопочет у томскаго архиерея, чтоб дать ему на владение место священника, а если он бездомовен, то Л. 285 об. // подыскивает для священника подходящий ближе к церкви дом; а буде в деревне, то заботится опять о приюте священника в селе, а своё золотопромышленное дело оттягивает; или около Всехсвятской бывшей кладбищенской церкви устраивает на свой счёт каменную богадельню, в которой, чтобы в одной половине содержалось шесть престарелых женщин, а в другой — то же количество мужчин; дом этот неизвестно какими судьбами перевёл за себя священник той церкви о. Василий Хавов; я слыхал, не утверждаю, правда ли, что он на перестройку его чрез какого-то архитектора составил план и для утверждения представил в 1870 г, в бытность городским головою П(етра) И(вановича) Кузнецова, в Городскую думу, ещё до утверждения «Городоваго положения», а Пётр Иванович по простоте своей и доверию к служащим в думе, двум, лишённым духовнаго звания, одного — бывшаго священника, а другого — дьякона, служивших в России, план утвердил своею собственною подписью; куда же помещены были престарелыя жители богадельни, не знаю. Я, будучи малолетним, с бабушкою своею хаживал в богадельню и видал старушек за вязанием чулок или молящихся пред иконами, а старичков или моловших табак нюхальной, или делавших корзины; когда же поступил другой голова и существовало уже городовое, // вновь из- Л. 286 данное положение, тогда возбуждался вопрос о незаконном приобретении богадельни, но пришли к окончательному заключению, что чрез это надобно будет привлечь к ответственности Петра Ивановича, утверждавшаго план чрез обман его служащими в думе; а между тем, П(ётр) И(ванови)ч много делал добра для города и для церкви; так и по сие время означенный домик, жертвованный Михаилом Ивановичем для благотворительной цели, на котором владелец устроил деревянной верхний этаж, и в бывшей церковной ограде надворныя постройки, и в задней линии каменный флигель, будто бы для жительства притча; я, состоя доверенным от красноярскаго общества сперва, а впоследствии и от всего города брался с охотою за ведение этаго дела, пока не прошла ещё 10-ти-летняя давность, и не задевая Петра Ивановича, но дума тоже, по проискам служащих, на это не согласилась. А я в выигрыше многих дел для города, бывавших даже в общем собрании пр(авительствующе)го Сената, не колебался и в этом деле. Я состоял доверенным с 1868 г. по 1886 год, и имел от думы похвальной лист; отдалился я от описания действий М(ихаи)ла Ив(анови)ча, и теперь продолжаю. Когда он служил городским главою ещё при губернаторе Степанове в (18)20-х годах, то губернатор его любил и все представления его для пользы города утверждал; я слыхал от родителя, // что как-то под весёлой час Л. 286 об. М(ихаил) Ив(анови)ч поднёс губернатору кусок выписанный из Кяхты чёрной канфы[196], и он, хотя не терпел взяток, но взял с благодарностию и рассказывал, что от лысаго головы получил ни за что взятку, он так его постоянно и лично звал, да и в са-

мом деле М(ихаил) И(ванови)ч был так плешив, что я от роду подобных ему не видывал, только по краям висков несколько торчало прядей, а то всё голо, и плешь светила. Если губернатор не в духе, о чём М(ихаи)лу Ив(анови)чу сообщит камердинер губернатора Мартын, то он уже и не будет, какой бы важной случай не был, являться, а приедёт несколько раз и всё- таки застанет губернатора в желаемом характере; М(ихаи)л И(ванови)ч ездил всегда парою тощих клячей, едва двигавших ноги, но всегда кучеру приказывал словом: «Погоняй их». Он всегда кричал громко и свысока; зимою ездил, помню, в лисьей, так называемой «огнёвке», шубе, крытой синим сукном; одевал всегда в один рукав и нарастопашку, несмотря ни на какую погоду; бывало, к родителю моему приезжал каждую субботу вечером посоветоваться по делам золотопромышленным и по делам городским; сперва спросит внизу, у окна не отдыхает ли судья после бани; старик был предусмотрительный, если ответят — да, он уезжает и опять чрез час приезжает, увидя в кабинете *Л. 287* отца огонёк. // Летом М(ихаил) И(ванови)ч всегда уезжал в тайгу на поиски золота, а при свидании с отцом извинялся словами: «Прости, отец, я всё тебе докучаю», а отец после бани всегда имел обыкновение, по своему крепкому сложению, пить холодной квас прямо из так называемаго жбану, в котором ещё была положена льдинка; предложит М(ихаилу) И(ванович)у со словами: «Не угодно, ли?»; но М(ихаил) И(ванови)ч всегда отзывался намёком, что «лучше бы чайку»; я, стоя у дверей, получаю приказ от родителя о подаче чаю (в старину пили не из стаканов, как нынче, а из чашечек). М(ихаил И(ванович) сидит, бывало, за чашкою час или два, всё разговаривает, и то и дело нюхает из табакерки табак, сыпавшийся на высунувшуюся из под брюк белую рубаху; он подтяжек не носил, а брюки запускал за голяшку длиннаго сапога, но сюртук имел и жилет городской. Ему как — то отец и советовал на Канский земский суд, что ныне Окружное полиц(ейское) управление, в неотводе площади М(ихаи)лу И(ванови)чу — жаловаться Губернскому правлению, и он будто бы, поспоря, согласился; по мнению М(ихаила) И(ванови)ча, нужно было министру, как лицу правдивому, но отец уверил, что надобно соблюдать постепенной порядок: когда правление откажет, тогда уже без министра не обойдётся; прошло, может быть 1/2 года, и М(ихаил) И(ванови)ч заявляется опять как-то в субботу, с грустным видом, и при входе прямо говорит: «Прости, отец, я не послушал // тебя, а жалобу министру послал, он мне её возвратил с надписью, что *Л. 287 об.* нужно обратиться в Губернское правление; «Меня, — говорит, — сбил к подаче этой Арбеков (единственный в то время адвокат в Красноярске), и так за 100 руб(лей) асс(игнациями) написал красноречиво, что я и думал, что министр со мною согласится жалобу мою удовлетворить»; а отец на то только и сказал, что министр удовлетворяет или отказывает в просьбах не по собственному желанию, а на основании закона. Принуждён был М(ихаил) И(ванови)ч опять писать жалобу, куда следует, но время прошло, и площадь заявил уже другой, вот такими порядками своими М(ихаил) И(ванови)ч расстроил всё дело, а прииска существуют и теперь в Канском округе. У него был переписчиком бумаг и писем Ал(ексей) Мих(айлович) Кабаков, его родственник; сам М(ихаил) И(ванови)ч писал скоро и неразборчиво, а Кабаков к его почерку уже применился, поэтому, как он у него занимался, М(ихаил) И(ванови) ч то и дело наблюдал, чтобы он не завёл каких-либо разговоров с девицами, а как да услышит, то их тотчас же прогонит наверх, в мезонин; тоже наблюдал и над прочими служащими, которыя были все, человек с десяток, молодыя; однажды все эти наблюдения так вскружили голову М(ихаила) И(ванови)ча, что он, время было уже к обеду, закричал: «Агафья (так он жену всегда называл), запрегай, обедать»; а как-то хотел ехать куда-то на своих паре кляч, уже сел на дрожки, кучер ему (кучер был И. И. Токарев, мальчишка, а впоследствии 1 гиль- *Л. 288* дии купец, // пот(омственный) п(очётный) гр(аждани)н и 3-х орденов кавалер, о коем писано уже выше). Этот кучер ему и говорит: «Михайло Иванович, шапка-то где? Вы ведь без шапки». М(ихаил) И(ванови)ч хватил за голову и закричал: «Агафья, подай шапку!», а она уже бежит и подала шапку, которую надев, приказал кучеру: «Пошёл к Кузнецову»; вот как крутил делами М(ихаил) И(ванови) ч, но меня он любил или уже по отце уважал, называл всегда Ванюшей; когда же он просватал племянницу Анфусу Лаврентьевну за купеческаго 3 гильдии брата Александра Петровича Ларионова (о котором буду речь вести ниже), а нужно было везти с приданым хлеб-соль и икону, то М(ихаил) И(ванови)ч, как распоряжавшийся всем до мелочи, приказал (Агафья не смей была ни во что вмешиваться): «Пошлите за Ванюшею (т. е. за мною)». Это было в (18)39 и (18)40 году после Пасхи. Я тотчас приехал и увидал М(ихаила) И(ванови)ча в крыльце, что-то кучерам приказывавшаго; я снял шапку (надо бы заметить, что в старину пред почётным купечеством или стариками — мещанами всегда снимались шапки, хотя бы то было и в 30^0 мороз; М(ихаил) И(ванови)ч мне приказал ехать по назначению; а в комнатах такая суматоха: все снуют, бегают и что-то хлопочут; при таком важном событии М(ихаил) И(ванови)ч всех сбил, что называется, с толку, а когда я с приданницею, родственницею М(ихаила) И(ванови)ча Маремьяною Алексеевною Новиковою приехали и сделали всё порученное, нас усадили, подали чай; // я принимаю чашку, не могу *Л. 288 об.* её взять, руки дрожат; кое-как выпил чашку, подарили меня полушёлковым платком и отвезли, но руки у меня долго дрожали, как после мне разъяснил доктор — от надсады и, действительно, хлеб-соль была на подносе серебряном, надобно её держать, что называется, наперевес и икону, которая была в серебряном окладе верхов 6 длины и поперечину столько же; как сейчас помню: стал я расписываться в книге в получении из думы жалованья — не могу, рука трясётся, кое-как с отдохновением расписался, а бухгалтер Трапездников с насмешку мне и сказал: «Как будто бы с похмелья». Больше 1/2 года я страдал этим недугом, а после поправился и стал скоро и чётко писать. Вот ещё случай из жизни М(ихаила) И(ванови)ча. Когда он был градским главою, и, как взыскательной начальник к оплате мещанами податей, докладывают ему, что один мещанин податей за половину года не заплатил, мать жалуется, что сын ея пьянствует; городской глава приказывает десятникам привести его и посадить в чижовку на хлеб и воду, а потом отпороть; что как приказано, так и сделано; но мещанин объясняет, что он порок не боится, ибо не пьянствует; мать уверяет его в противном, но он голове доложил, что пьяницей тот называется, // *Л. 289* кто больше дней в году пьян; «Посмотрите, — говорит, — есть закон», а он только бывает в году пьян 360 дней, год же имеет 365 дней, следовательно, он не пьяница. Глава приказывает столоначальнику Думы Фёдору Ивановичу Токареву справиться, есть ли такой закон, что и оказалась правда, в каком-то наказе сказано, М(ихаил) И(ванови)ч, при

всей его серьёзности, захохотал и порку оставил; между тем мещанин этот исправился, бросил вино и стал первым плательщиком. Устраивая быт священников, М(ихаил) И(ванови)ч облагодетельствовал таким образом и новопосвященнаго о. Козьму в с(еле) Берёзовском, и, однажды, сговорил отца моего в праздник Веденья 21 ноября съездить в Берёзовку, я был тут же с матушкою, долго ли гостили у о. Козьмы — не помню, а помню только, что испугался, когда заехали в поланью, впереди нас М(ихаил) И(ванови)ч с Агафьею Фёдоровною в кошеве на тройке, закричал, что тонем, к счастью, что ночь была лунная, кое-как вытащились и доехали домой благополучно. Да, я ещё забыл, что М(ихаил) И(ванови)ч в (18)35 году был избран строителем Троицкой кладбищенской церкви, и тоже много хлопотал, но не докончил, а после него был строителем Александр Андриянович Нивин; я помню, мы с матушкою, по обещанию ея, носили кирпичи безвозмездно, наравне с прочими подёнщиками. //

Л. 289 об.

Ивана Кирилловича Кузнецова М(ихаил) И(ванови)ч уважал и даже боялся его справедливых замечаний несмотря на то, что за Ив(ано)м К(ириллови)чем была замужем сестра его Ксения Ивановна и, как у нея, так и у М(ихаил)а И(ванови)ча был отец киргизский-азиатский, в мать был лицом и Пётр Иванович, а сестра его Анна Ивановна вся в отца — красавица; у М(ихаи)ла И(вановича) были ещё братья: Иван Иванович — недоумок, он читал всё псалтырь по покойным и читал над дедушком моим Иваном Фёдоровичем псалтырь, промолвился, что у брата Михайла потерялись ножки, предстоящия, и я, грешной, несмотря на скорбь и уныние, — захохотали, а после уже разъяснения поняли, что у брата Михайла не ножки потерялись, а ложки. Иван Иванович помер старым холостяком, а из старинных бумаг родителя моего видно, что Пётр Иванович *(другой брат)* 29 января 1823 г. служил в Городовом суде заседателем, и помер также бездетен. Общественныя бумаги М(ихаил) И(ванови)ч подписывал всегда после Кузнецова словами: «Михайло Иванович Коростелёв 2-й», но почему 2-й — не знаю. Вот так-то М(ихаи)л И(ванови)ч в хлопотах своих проводил жизнь: то устраивал духовенство, то терял очки, а они были, между тем, у него на носу, то терял шапку, и, раздав племянниц за хороших женихов, на приисках Канскаго округа простудился, выпив ключевой воды с жару, покончил жизнь свою в 1843 г., а Агафья Фёдоровна кончилась // в (18)45 году, потомство же от М(ихаила) *Л. 290* И(ванови)ча осталось в племянниках — Анатолии и Михаиле Лаврентьевых-Коростелевых, но и они померли в молодых летах; из них Михаил и завещал имение и приисков сыну сестры своей Анфисы Лаврентьевны — Георгию Александровичу Ларионову, а долги, числившияся за Михаилом Ивановичем — в Городскую думу, в купеческий капитал; несколько десятков тысяч так и пропали, да и удивляться этому много нечего, потому что Георгий Алек(сандрови)ч был в думе секретарём, капитал за золото М(ихаила) И(ванови)ча получал, а о долгах и помину не было; между тем, дело это, как будто бы для смеху, поручили мне, доверенному общества, но я ничего не мог сделать за заимскою давностью, и из-за этаго нажил себе врагов, но, Господь их прости, потому что и у родителя моего за М(ихаилом) И(ванович)ем пропало 2000 р(ублей) ассигнац(иями). Вся компания разорилась, в Томске Степан Ив(анови)ч Попов от роскошной жизни, в Канске — Мошаров от неумеренной, даже можно сказать, беснословой жизни — тоже.

Когда же в России прошли слухи от открытия в Сибири золота, то с 1839 г. из Ярославля двинули сюда два брата потомс(твенные) поч(ётные) граждане Никита и Николай Фёдоровичи Мясниковы, из коих 1-й был ещё откупщиком в Сибири; приехал он зимою, у Никиты была жена Анна Васильевна, детей не было; а у Николая // *Л. 290 об.* был сын Николай и дочь (не помню, как её звали), жену же его звали Екатерина *(по метрическим книгам — Агриппина)* Алексеевна, заняли в кортом *(наём)* дом Суханова, что на Большой *(Воскресенской)* улице, где ныне ремесленное училище Т. И. Щеголевой и флигеля; в верхнем этаже поместился Никита Фёдорович, а во среднем — Николай с семьёю, в нижнем же были конторы откупныя: Никиты (он золотопромышленностью не занимался) и золотопромышленная Николая, управляющими их были: 1-й — Яковлев Алексей Ефимович, дом котораго был подле, а ныне после пожара выстроен новый дом, место под коим продано было наследникам Яковлева; а 2-й — Кантор Тетюцкий. Лошадей у Мясниковых было много: у Николая постоянно карета, запряжённая парою белых жеребцов, и коляска тоже парная, Никита же, не любивший пышности, ездил парою, и Анна Васильевна; несмотря на то, что она была из дворян; Николай любил ездить скоро, кучер у него был несколько лет по имени Ераст, здоровенной мужичина, получавший жалованья 600 руб(лей) асс(игнациями) в год, и сам Николай Ф(ёдорови)ч был высокаго роста, богатырскаго сложения, также жена его и дети; служащих у него было подобрано 12 человек, таких же богатырей, ничего не делавших, а только в 9 часов утра являвшихся к хозяину спросить, не будет ли от него каких приказаний, получавших по 800 р(ублей) *Л. 291* асс(игнациям) // и по 1200 р(ублей) в год; из них я только знал Начапинскаго, Новикова и Полетаева, из коих первой и последний на квартире своей боролись, и такая сила была — упёрлись в стену, перегороженную плахами, и выломили её; я был свидетелем этаго, бывши в гостях квартировавшаго тут же статскаго чиновника П. С. Назарова; при докладе Н(иколаю) Ф(ёдорови)чу, что хотя Полетаев и хром, но силач, он велел его на службу принять, и однажды он его и Начапинскаго послал с рабочими в тайгу на разведку золота, снабдив их достаточным количеством, между прочим, спиртом, ромом, коньяком и другими напитками, чтобы молодцы не захворали от простуды; конечно, они возвратились чрез 2 м(еся)ца с пустыми знаками золота и уже без всяких, уничтоженных в своё время материальных потребностей, ожидая опять новых приказаний. Н(иколай) Ф(ёдорови)ч любил поохотиться за зайцами, и каждую осень в октябре приказывал снаряжать подводы под прислугу, всякия вина, яства и т. п.; а ранее приглашал всех высокопоставленных лиц на охоту и на обеды, которыя, кроме губернатора Василия Ивановича Копылова, по окончании занятий и отправлялись на остров Татышев в тарантасах и на тройках; а ранее, я сам видал, Ник(олай) Ф(ёдорови)ч верхом на лошади часу в 10-ть утра и 10 с ним молодцов верховых, да полковая музыка, ехали на место назначения; // там *Л. 291 об.* устраивались походныя палатки и, по собрании гостей, женскаго полу не было, люди отправлялись по острову с трещотками, выгоняли зайцев, а охотники, бывало, убив однаго зайца, спорили между собою, кому принадлежал заяц, котораго и отдавали на съедение пригнатым стаду гончих собак, а сии, так же поспорив между собою, разделяя несчастнаго по кускам, отправлялись по острову за розыском других. Господа же с хозяином принима-

лись за яства и пития, продолжая при музыке эту весёлость до утра. И вправду кто-то из поэтов сказал: «Друзья любят яству, друзей угощай; поишь их — так здравствуй, а нет — так прощай!». Проказы Н(иколая) Ф(ёдорови)ча видны ещё из следующих описаний; проживая в год до 25 т(ысяч) руб(лей), или почти все деньги, какия получал за выработанное на приисках золото; когда служащия возвращались осенью с приисков, и если у хозяина денег ещё не получалось, он разрешил некоему, здесь содержавшему вроде гостиницы, Илье Семёновичу Скорнякову, делавшему из ягод напиток «шипучку» (в то время ни гостиниц, ни портёрных, ни пивных не было), а Скорнякову дозволили этот откуп за известную, однако же, плату, дозволил служащим кредитоваться на его хозяйский счёт до получения ими денег, что с радостию и исполнялось. А Илья С(емёнови)ч, как был человек хитрый, *Л. 292* пронырливый, угождал им // во всём, к тому он был хороший виртуоз на скрипке и, таким образом, как-то получив от служащих же сведения, что хозяин получил с монетнаго двора деньги за золото, составил счётик тысяч, кажется, на пять; и заявился к Н(иколаю) Ф(ёдорович)у, а он от осаждавших его неумолимых заимодавцев был в сильном гневе; человек, мещанин Пётр Яковлевич Яковлев из воспитанников Воспитательнаго дома, получавший жалованье 600 р(ублей) в год, неотступно следовал за Н(иколаем) Ф(ёдорович)ем с стаканом холодной ледяной воды, и подавал её то и дело, и хотя отговаривали лакеи пришедшаго Илью Семёновича, чтобы он не являлся, но на неотступную его просьбу доложили. Н(иколай) Ф(ёдорови)чу закричал громовым голосом: «Подайте мне его», когда тот явился, низко кланяясь, подал счёт; а надобно сказать, что Илья Сем(ёнови)ч был плешив и носил парик; а Н(иколай) Фё(дорови)ч, как взглянул на цифру, и тог(д)а так и рассвирепел ещё более, и на объяснение И(льи) С(тепанови)ча, как ловкаго кабатчика, что «шипучку» он отпускал служащим почти по своей цене (из шипичнаго цвета — по 2 р(убля) 50 к(опек), а из смородины настоянной — по 3 р(убля) асс(игнациями) за бутылку), Н(иколай) Ф(ёдорови)ч вскочил с кресел, как хватит И(лью) С(емёнови)ча за волосы, парик остался у него в руке, а обиженный бежал и, на требование возратиться, не послушал. Николай же Ф(ёдорови)ч думал, что оторвал от него голову, сам исперепугался, и в тот же день все деньги послал ему вместе с париком и больше не велел // с ним связываться. *Л. 292 об.* Или вот ещё характеричной случай, бывший с Н(иколаем) Ф(ёдорови)чем. Надсмотрщик Е(нисейского) г(убернского) правления Фольц, человек молодой, образованный, щеголь, один из первых вызванный председателем Николаем Степановичем Турчаниновым из России, кажется, из Польши; как-то утром в известный час заявился к Н(иколаю) Ф(ёдорови)чу с книгою, чтобы ему расписаться в получении даванной им кому-то доверенности, чтобы не беспокоить его, лично является. Н(иколай) Ф(ёдорови)ч был не в духе, как вырвет книгу, доверенность изорвал, а на Фольца бросился с кулаками; он бежал стремглав, и принёс жалобу председателю; только когда ещё говорили об этом, Н(иколай) Фё(дорови)ч одумался, и посылает своего доверённаго с 1000 рублями и листом гербовой бумаги; т. е., чтобы, если не возмёт Фольц за обиду деньгами, то подавал бы на прилагаемой бумаге прошение; председатель уговорил Фольца принять деньги, а лист возвратить, что так он и сделал, и чрез неделю, сдав дела, уехал безвозвратно в Россию. А когда Н(иколай) Ф(ёдорови)ч выдавал дочь свою замуж за адъютанта г(енерал)-г(убернатора) капи-

тана Якова Степановича Безносикова, то была небывалая свадьба: Н(иколай) Ф(ёдорови)ч имел уже купленный на имя жены деревянный дом по Большой улице, где теперь дом Ляпунова у новой площади; от ворот до крыльца было устлано красное сукно, полковая музыка в комнате бальная; экипажи от церкви (стараго собора) провожали конные жандармы, словом, была свадьба — «Пей, жид и веселися». // *Л. 293* Большая улица иллюминирована по обе стороны на счёт Н(иколая) Ф(ёдорови)ча от дому до собора; полиция вся на ногах всю ночь. Это было, кажется, в ноябре, словом, везде — блеск, причём, кстати, также воспоминается стих: «Друзья любят яству, друзей угощай, поишь их — так здравствуй, а нет — так прощай» При богатстве Н(иколая) Ф(ёдорови)ча общество хотело его выбрать даже в городския головы, но старики уперлись и предсказывали, что всё городское состояние промотает; на всё это и на кредит был пройдоха, доверенной Н(иколая) Ф(ёдорови)ча, помещичий крестьянин Д. Ю. Васнин, получавший вместо жалованья с Н(иколая) Ф(ёдорови)ча векселя и переписывавший их за большия %. Бывший камердинер Н(иколая) Ф(ёдорови)ча Евстафий служил у него, и, по поведению, приобрёл любовь и доверие хозяина, подкопил деньжонки и пожелал купить дом, а как на него нельзя было по закону совершить акт (он был из поселенцев), то и куплен был от имени Н(иколая) Ф(ёдорови)ча дом на Песочной улице в задах нашего дома, у мещанина Семёна Терентьева, впоследствии, по упадке дел, проданный с молотка и купленной евреем Шмулевичем, а мне уже продажею — новою владелицею еврейкою Аранович. Пока Н(иколай) Ф(ёдорови)ч держался чрез связи, но так не прошло: в 1843 году стали поступать в полицию обязательства на него ко взысканию, и когда цифра долгов дошла до 1/2 миллиона, Н(иколай) Ф(ёдорови)ч всё отписывался, что у него богатство в промыслах; // *Л. 293 об.* пока описывали и оценяли их, переписка шла чрез земское и горное начальство; здешния кредиторы стали доказывать, что Н(иколай) Ф(ёдорови)ч с братом своим Никитою Фё(дорови)чем нераздельны и что у них родовой капитал, то и ходатайствовали о взыскании с последняго; а он только что выстроил каменный дом на Большой улице, что ныне занимает городская больница, купленная уже от жены Н(икиты) Ф(ёдорови)ча Анны Васильевны; я в этом доме бывал, как только он был роскошно уже меблирован: полы — паркет, двери ореховаго и краснаго дерева, даже плевательности с позолоченными ободками; мебель, покрытая штофом и бархатом, зеркала от полу до верху и т.п; одной мебели было на 15 т(ысяч) руб(лей), которую Анна Вас(ильевна) и продала впоследствии разным людям*; но Никите Ф(ёдорови)чу Бог не привёл пожить в новом доме; он, как раньше ещё разошедшийся с братом, как-то ночью с Анною В(асильевно)ю уехал тайно в Россию[197]. В Ярославле был ещё брат Иван Фёдорович, тоже богач, но к нему со взысканиями за брата Николая не приступали. А когда на Н(икиту) Ф(ёдорови)ча поступило уже в С-П(етербургский) коммерч(еский) суд долгов за Николая, то и он как-то ночью бежал в Россию, не успев перевести дома на Астафью *(ошибка автора —? М.б — Агриппину?)*; здесь остался один сын Никол(ай) Николаевич, о коем скажу ниже, почему полиция всё дело и векселя, здесь поступившия, и переслала в Кр(аснярский) гор(одской) суд для объявления Николая несостоятельным, но власти присоветовали отправить всё это в ком(мерческий) суд, что и ис-

* Со слов «Одной мебели» вписано на левом поле.

Л. 294 полнено. Я с заседателем Александром // Ивановичем Новиковым (я служил в то время в Гор(одском) суде столо(начальнико)м) отвозили на почту векселей на 500 т(ысяч) и всё дело, и сдали благополучно почтмейстеру Мих(аилу) И(ванови)чу Лобковскому (из евреев, крещёной), коему Н(иколай) Ф(ёдорови)ч также задолжал до 20 т(ысяч) руб(лей), и был ему кумом, воспринимая у него детей; в Петербурге же объявили его несостоятельным и, как слышно было, он помещён был в каземат, и вскоре помер. Именно человек, аки трава, вскоре отцветет; сын же Ник(олай) Ник(олаеви)ч по средствам матери занялся было здесь золотопромышленностию, вскоре попал под суд по какому-то фальшивому документу, и также, не расцветши, отцвёл, содержался в здешнем остроге и сослан был по лишению прав в Томс(кую) губернию; какая его впоследствии постигла участь — неизвестно; а он был к молодым людям, как и ко мне услужлив, я бирал у него святочныя костюмы и интриговал ими всех, кто смотрит.

Теперь скажу об откупщике, бывшем до Мясникова, кунгурском 1 гильдии купце Павле Егоровиче Кузнецове, человеке также интересном, я слыхал об нём от своей родительницы, которая с ним принимала у купеческаго сына Александра Степановича Каратанова сына Ивана.

Павел Егор(ови)ч жил временно по городам Красноярску, Енисейску и Кунгуру; здесь он имел каменной дом, ныне владеемой почтовою конторою, // а уступивши его, занимал во всю бытность Л. 294 об. квартиру по Благовещенской улице у священника Иоанна Потылицина — каменной дом, после апрельскаго пожара (18)81 г. проданный наследниками в за Качу кожевнику Александру Афанасьевичу Толщину. Пав(ел) Его(ови)ч был безбожник, волосы и ногти у рук не стриг, за что и называли его «еретиком», он здесь, в квартире, никогда не велел хозяйке дома ни белить, ни мыть, ни стирать пыль с столов и мебели, за что и платил большую цену; у него служил кассиром родственник мой, Пётр Васильевич Юсупов, и когда выезжал П(авел) Е(горови)ч из Красноярска, наблюдал за его приказаниями; в деньгах П(авел) Е(горович) счёту не знал, а получит, бывало, откупную сумму, без счёта бросит ассигнации под стол, там они и лежат; появились мыши, и П(ётр) В(асильеви)ч заметил, что они таскают бумажки и обгаживают их; доложил об этом хозяину; а последний приказал, зная верность П(етра) В(асильеви)ча, сжечь их в печи, который и побросал их несколько пачек в несколько тысяч; женскаго полу П(авел) Е(горови)ч не любил и смотреть на их не мог. А когда, бывало, в Новой год губернатор пошлёт ординарца, казачьяго урядника поздравить П(авла) Е(горови)ча с Новым годом, казак, как бравой, одет, хотя бы и в мороз, в куртку из синяго сукна, // с блестящею гремучею саблею, пикою, пистолетом, в кивере на правой бок, является и поздравляет по приказанию его пр(евосходительст)ва, П(авел) Е(горови)ч спросит его: «Чей ты?» «Сипкин», — отвечает. «Повернись-ко, какой ты бравой!» Он исполняет бойко, проворно, саблею гремит (и, действительно, я Сипкина помню, это был один из всего полка, и к приезжающим генералам всегда он назначался ординарцом). П(авел) Е(горови)ч осмотрит его кругом, ощупает, как ребёнок, любопытствует, и уходит в кабинет, вынося поздравителю или 50 или 100 рублёвую ассигнацию; «Это, — говорит, — тебе «на орехи»; получатель ещё лучше извернётся и сдела- Л. 295

ет на караул! А поедет, П(авел) Е(горови)ч его провожает, смотрит в окно и любуется. Хотя П(авел) Е(горови)ч и не любил мыть полы, но приказывал П(етру) В(асильеви)чу пригласить пять или шесть баб, выйдет к ним и опять уйдёт в кабинет, и вынесет им по 10 руб(лей) асс(игнациями) тоже «на орехи», и увольняет без мытья. Когда, бывало, П(авел) Е(горови)ч пойдёт в баню, то, сопровождая его, П(ётр) В(асильеви)ч надевает на него, по приказанию, 5-т(ыся)чную соболью шубу, а в город, например, он едет к губернатору (больше П(авел) Е(горови)ч никого знать не хотел); или идёт с губернатором по улице гулять, надевает изношенную, почти голую песцовую шубёнку, как нищий. Впоследствии П(авел) Е(горови)ч имел свой собственной каменной дом, существующий и ныне, где помещена почт(овая) контора, устроил сад; дом, одним словом, был устроен на помещичий фасон, кругом флигеля каменныя, но долго ли он жил в нём, Л. 295 об. не слыхивал; однако же // напротив (где теперь дом Общ(ественного) собрания); П(авел) Е(горови)ч, хотя как называли его еретиком, был или раскольник, или старовер, как я слыхал от П(етра) В(асильеви)ча, хотел строить церковь напротив себя, но Бог этаго ему не привёл; он уехал в Кунгур и там помер, оставив миллионное состояние брату своему Николаю Егоровичу Кузнецову, без того человеку богатому и впоследствии получившему также огромное наследство от какого — то сибирскаго богача; но Н(иколай) Е(горови)ч, как слышно, был человек совсем иного склада, как брат его. П(авел) Е(горови)ч, который, я и забыл было упомянуть, имел в Енисейске 12 жеребцов и столько же конюхов, и когда приедет хозяин туда, то лошадей выводят ему на смотр; лошади жирныя и сытыя, никуда в работу не употреблялись, бича и не видывали, чего П(авел) Е(горови)ч терпеть не мог; осмотрит их, погладит, полюбуется и опять оставит в том же положении, наказывая конюхам, чтобы лошадей не то что бичом, но и пальцем не тронуть. Вот какой был чудак П(авел) Е(горови)ч.

Теперь поведу речь ещё об откупщике, бывшем в (18)20-х годах князе Голицине, о котором я слыхал, что он жил в каменном доме, ныне занимаемом Енисейскою казённою палатою и казначейством; прежде он был гораздо менее, построен на старинной манер, внизу со сводом, как в церквях, над окнами, и впоследствии значительно распространённый председателями Высоцким, Лаврентьевым и Гирсом, с устройством председателем Абдриным[198] // внутри двора сада, окружённаго железною решёткою; князь в то время, как Л. 296 сиятельная особа, имел единственный в то время самовар, а у родственницы моей Марии Козьмовны (чья — не помню), выходившей замуж, таковаго не было, вот и придумали, чтобы угостить гостей, попросить у камердинера княжескаго самовара; желание это исполнилось, взяли самовар и ждали уже из церкви новобрачных, а с самоваром не могут ничего сладить — наливают воду в трубу, которая, конечно, вытекала вниз; думали-гадали, должны были бежать к камердинеру и сказать, что с самоваром ничего не могут сделать; а между тем, молодыя уже возвратились из церкви; комердинер разъяснил, как управиться с самоваром, и тогда только получили желаемое, довольно посмеясь над своею неумелостью. Прежде чаю и в глаза не видывали, а пили цикорию или сбитень, варив его в медных котелках; прежде и рабочий люд, и крестьяне, отправляясь на работу утром рано, только завтракали: ели вчерашния разогретыя

щи, и не знали никакой горловой простуды, шарфов тёплых шерстяных не носили; зимою в морозы шея голая и красная, как кумач, а надевали в морозы дохи козлиныя или собачьи. Про князя были написаны стихи каким-то здешним поэтом самоучкой: «Твой, говорят, прадед выводил на брань полки, а ты, что делаешь? Ты строишь

Л. 296 об. кабаки». // До князя дошли эти стихи. Он рассердился, собрался, продав всё и дом под Каз(ённую) палату, уехал в Россию, оставив здесь управляющаго и питейную контору; прежде кабаков было в городе, как помнится, только восемь, и над каждым кабаком была поставлена ёлка (дерево), чтобы этим привлекать покупателей; я когда был ещё годов 8–9, а недалеко от нашего дому, пониже, был кабак с ёлкою и надписью на железной листовой доске — «здесь питейной дом»; то я, идя к дедушке, или в училище, и, помолясь, выйдя за ворота на Соборную церковь (наша Воскресенская), переходил на ту сторону, боясь встретить пьяных и ругательств их и бочки, стоявшей у кабака, в которую будто бы, как сказывали старики наши, жиды ловили шалунов-ребятишек — и в бочку, наколотую будто бы гвоздями, туда их бросали, качали и пили ихнюю кровь из бочки. Так были напужаны тогда кабаком, да и пьяных, я помню, были двое, выгнанныя из чиновников; они и ругали всех прохожих, но уже с (18)60-х годов устроились вольныя те же кабаки, коих было сначало более 250 заведений, а после стали уменьшаться. Естественно, как же народ, в особенности в деревнях, даже женщины и дети с юных лет врезались в вино, которое должно идти в поколения и выкуриться десятками лет; хотя правительство и заботится об трезвости нашей, но меры эти гуманныя

Л. 297 не каждым понимаются: //

О, исцели и нас, Всесильный,
И наши мысли и сердца
Направь на путь, добром обильный,
И им веди нас до конца!
Придёт весна, ярко засияет
Над нами блеск полуденных лучей,
Тогда и тот, кто тяжело страдает,
Почувствует себя бодрей и веселей;
Покроются луга зелёною травою,
И защебечет ласточка под крышей у гнезда.
А спать в земле, покрытою травою,
Спокойно будет до пробуждения от вечнаго сна!..
Моя весна прошла, не жду я впереди
Былого счастия — оно ушло далёко.
О лучших днях я погасил свои мечты,
В борьбе с судьбой моей истратил я все силы.
И я молю тебя, не пой так нежно ты,
Ты не вернёшь меня намеченной могилы.
А кто-то мне на это и сказал,
Кто сии стихи писал,
Тот едва ли не устал,
Брось, поэт, сии рассказы,
А возьмись лишь за проказы,
Ведь проказы веселей
Сей прихоти твоей!

А я на это возражал: «Радость родителям — добрый, мудрый сын; торжествует отец праведника и родивший мудраго, радуется о нём. Да, веселится отец твой, и да торжествует мать твоя, родившая тебя» (притч. 23, 24–25). Отец глупаго не станет веселиться: родил кто глупаго — себе на горе, и отец глупаго не порадуется» (притч. 17–21). // Л. 297 об.

18 июня 1865 г., в благодарность избавления меня милостию Царицы Небесной от нападения лжесвидетелей, а в сие число праздноство Боголюбенной Божией Матери, я в это число в (18)65 г., по особенному Божию благоволению, удостоился отслужить молебен пред Св. иконою Иверския Божия Матери, приняв её в дом, тогда ещё существовавший, родительское благословение, и сгоревшей в апрельский пожар в (18)81 г. 18 чис(ла) июня 1893 г. я, по сновидению, был в Всехсвятской церкви, прежде называвшейся Загородною, она же была и кладбищенскою, и, действительно, она было загородною, потому что, как я слыхал от дедушки, город только был до тех граней, где теперь Покровская церковь, а до ея существовал тут монастырь, уничтоженный в (1)700-мисотых годах в числе других императрицею Екатериною; а где теперь Всехсвятская, то, в середине ограды ея, находилась деревянная церковь, сгоревшая, как я слыхал, в конце (1)700-х годов, где жертвою огня сделался трапездник, и ещё, как я слышал, что будто бы от него только не сгорела брюшная полость, которая будто бы огню не поддаётся (не знаю, правда ли это сказание), а где была деревянная церковь, то и теперь на месте ея находится высокий памятник мраморный; однако ж, без всякой на нём надписи, да ещё, как сказывалось в проповеди, говоренной в Николин день 6 декабря священником о. Василием Хавовым, на месте пожарища найдена в пепле уцелевшая Св. икона Св. Николая, и доныне чтимая народом и церковию; она и теперь находится в особо устроенной часовне, ныне возобновлённой и украшенной стараниями того же отца Василия, поэтому по просьбе моей им же и 18 июня (18)98 г. отслужен молебен пред Св. иконою Божия Матери «Утоли мои печали» и Св. Николаю; икона эта чудотворная, я помню её годов назад тому 70; будучи ещё маленьким, // слышал от покойной моей Л. 298
крёстной Марии Фёдоровны (сестра моего родителя), она видела эту икону во сне, но как снилась она — этаго рассказа её не помню, только и помню, что икона эта виделась ей мрачною; ныне эта икона в том же виде, на которую по распоряжению отца Василья назад тому годов 20 для ризы собиралось серебро — лом, и я, грешной человек, тогда отдал корпус от старых часов серебряных, но, вероятно, или по недостатку средств, или по каким другим, неизвестным мне причинам, ризы не сделано, а как ныне я увидал только венец сребряный-позлащённый. Но икона так же мрачная, как я видал её и будучи малолетним.

Впечатления детства и ранней юности оставляют всегда неизгладимыя следы в сердце человека. От этих впечатлений зависит всё будущее формирование характера: силы воли, верования и убеждений; я в них и окреп до старости. Обращаясь опять к сказанию о Св. иконе «Утоли моя печали», присоединяю и то, что эта икона, благословлённая родителями Агафии Ивановны при выходе ея в замужество за меня 5 мая 1850 г. Праздноство этой Св. иконе совершается 25 января, поэтому, видя много от нея исцелений и избавлений от бед, скорбей и напастей, я с 1867 г. установил во все дни живота моего, накануне, т. е. 24 ч(исла) января совершать Всенощную, Акафист и молебен с водосвятием, что и выполняется моими духовными отцами: сперва о. протоиереем Иоанном Матвеевичем Рачковским, а по смерти его 7 марта (18)79 г., преемником его протоиереем Иннокентием Александровичем Нарциссовым с причтом. На Св. икону сделана мною // Л. 298 об.
сребряная, под золотом, риза и украшена цветами.

После молебна, отслуженнаго о. Василием очень скоро, куда-то, как видно, торопившимся, я, Аг(афья) Ив(анов)на и внук пошли пройтись по бывшему кладбищу, оно почти всё сравнялось, кое-где стоят развалившиеся каменныя или мраморныя памятники, и нашёл только: над могилою Ксении Ивановны, бывшей Коростылёвой, а по замужестве Кузнецовой (жене Ивана Кирилловича Кузнецова, о котором упоминается выше), она померла в 1828 г. октября 28 ч(исла), 38 лет, подле памятник Ивану Кирилловичу, из надписи, на которой едва можно разобрать, что он родился 7января 1793 г., кончился 27 сентября 1847 г., и в одном же полисаднике, заросшем травою и крапивою, похоронены семейство родственников их Коростелёвых: купеческая жена Татьяна Ивановна Коростелёва (не помню уж, сестра или жена Михаила Ивановича Коростелёва), скончавшаяся на 41 году 16 октября 1796 г., Василий Иванович Коростелёв (брат М(ихаила) И(ванови)ча), помер на 29 г(оду) 1817 г. 23 марта, и Иван Иванович Коростелёв на 48 г(оду) помер 5 июня 1803 г., но Михаила Ивановича, этаго незабвеннаго деятеля для города и могилы крестнаго моего отца Ивана Петровича Нашивошникова, умершаго в 1828 или 1829 гг., не помню, и родителя его — Петра Ивановича Нашивошникова, о которых упоминается выше, на могилах которых были так же, как и на Коростелёвых, чугунныя плиты с надписями, не нашёл, они, как я слыхал, сняты кем-то под печныя плиты. А также нет памятника достойночтимаго и уважаемаго моим по-
Л. 299 койным родителем // и мною председателя Енисейскаго губернскаго правления, дейст(вительного) ст(атского) советника Ивана Григорьевича Родюкова, исправлявшаго должность и гражданскаго губернатора (память котораго совершается 24 июня), умершаго внезапно на 1870 год ночью, он был человек холостой, годов 60 с лишним, но был здоровой, крепкий мужчина, красив, похож он был, как я слыхал от стариков, на покойнаго императора Александра I-го, лысый, волоса сзади зачёсывал наперёд и ими закладывал всю плешь; он был кавалер Св. Станислава I ст(епени) и других меньших орденов; дом его был наследственный на Старособорной площади, на углу, против Казённой палаты, доставшийся наследнице его, кажется, племstriннице по роду Клавдии Егоровне, вышедшей впоследствии за доктора Можарова и заложенный ею отст(авному) канц(елярскому) служителю Ив(ану) Як(овлеви)чу Волкову в 800 руб(лей), а им проданный же новому владельцу; Ив(ан) Григорьевич оставил, как слышно было, состояние 60 т(ысяч) сереб(ром), но его наследники прожили и даже не поставили покойному и памятника, он был честной человек и добродетельный; имел поместье, состоявшее в дер(евне) Тягиной *(Тигиной)* Кр(асноярского) округа, кажется, 300 душ обоего пола; сперва им владел брат Ивана Григ(орьеви)ча — Николай Григорьевич, но его, по жестокости обращения с крестьянами, бывшему в то время в обыкновении, как я слыхал, убили; поместье это было в хорошем месте, в лесу; я в 1869 г. проезжал мимо его в Енисейск и обратно и заметил заколоченный одноэтажный барский дом в саду; Иван Гр(игорьеви)ч ездил туда с // гостями в свои имянины, гости же Л. 299 об.
были приближенные к нему: дейст(вительный) ст(атский) сов(етни)к Николай Касперович Эрн (председатель Енис(ейского) губ(ернского) суда), надворный советник Конст(антин) Ив(анови)ч Баженов (советник II отд(еления) Енис(ейского) губ(ернского) правления, в котором был председателем Иван Григорьевич, и так как он был человек доверчивой, а Баженов — знаток своего дела, то и прозвали это управление «династией К. И. Баженова», он всем и каждому готов был угодить, а Иван Гр(игорьеви)ч подписывал; отставной тит(улярный) сов(етник) Дмитрий Фёдорович Ездаков[199], служивший в частной службе у какого-то крупнаго золотопромышленника, кажется, Малевинскаго или Базилевскаго; человек, любивший попить и поесть и у себя угостить[200], он был старой холостяк, занимал, несмотря на большое жалованиe, маленькую квартиру, имел хорошаго повара и лакея из киргизов; он по доброте своей и доверию всё жалованье своё раздавал нуждающимся; и мне, как-то по службе моей профессии, в имянина мои подарил сторублёвую бумажку, помнится, в 1848 г.; он был человек примерной честности, его бывший губернатор Василий Кириллович Падалка полюбил и взял кумом своих детей. Похоронен Дмитрий Фёдорович на Троицком кладбище, на левой стороне идучи в церковь, положена на нем маленькая плита, заросшая теперь уже крапивой и травой и занесённая землею; теперь я её не могу отыскать, но всегда Дмитрия Фёд(орови)ча поминаю за упокой в день его имянин — 20 октября.

Ещё гости были Ивана Гр(игорьеви)ча — Рязановы — громкия золотопромышленники: Иван
Л. 300 и Виктор // Игнатьевичи, дом которых по Благовещенской улице, недалеко от мужской гимназии; дом этот был так называемый «игорный дом», в нём на каждую субботу по уговору собирались игроки в карты и проводили это занятие до утра или даже до вечера следующаго дня, и назывались «субботники», а после все разорились и примерли; в улицу около этаго же дому построен был флигель, который и ныне существует, в нем помещалась контора Рязановых, а внизу дома проживал доверенный Рязановых Александр Петрович Егоров, отставной коллежский секретарь Казанскаго городоваго магистрата; в числе гостей же Ивана Григорьевича состоял и председатель Енисейской казённой палаты Всеволод Гаврилович Политковский, любивший гавайския сигары и с ними, кажется, не растававшийся тогда только, когда спал, да и Иван Гр(игорьеви)ч любил сигары; и когда идёт или едет по улице, всегда уже с сигарою во рту, но когда был сильный пожар в июле 17 ч(исла) 1862 г., тогда, по благоразумному внушению городскаго головы, что неосторожно обыватели обращаются с огнем — курят и бросают окурки на улицу, не загасив их, — бросили дорогою курить и Иван Гр(игорьеви)ч, и Политковский. В числе домашних посетителей Ивана Гр(игорьеви)ча был и губернатор Василий Кириллович Падалко, и жандармский полковник Николай Игнатьевич Борк[201], заслуженный воин-ветеран; из купечества только был Пётр Иванович Кузнецов; как-то в 1844 г. родитель // мой пришел Л. 300 об.
поздравить Ивана Гр(игорьеви)ча с днём ангела его, и, выпив чашку чаю, стал собираться, Ив(ан) Гр(игорьеви)ч спрашивает: «Куда ты торопишься?» и, получив в ответ, что в коллегию, а Иван Гр(игорьеви)ч на это сказал: «Какая тебе коллегия, когда прокурор (он в то время был прокурором) имянинник, сегодня табель», посмеялись и попрощались.

Ив(ан) Гр(игорьеви)ч был человек характера добраго и уступчиваго; когда Вас(илий) К(ирилло)ч уезжал с ревизией по губернии, а Иван Гр(игорьеви)ч оставался исправляясь его должность, то вопреки распоряжений нач(альника) губернии никаких таковых с своей стороны не делал, чиновников не увольнял и не определял по службе

до возвращения В(асилия) К(ирилловп)ча; разве какия экстренныя меры требовались, да и тогда, при отсутствии телеграфа, бывало, пошлёт курьера испросить, а В(асилий) К(ириллови)ч такую подчинённость любил и Ив(ана) Гр(игорьева)ча уважал за ум и за что называется: «чин чина почитай». Однажды, в 1847 г., попал под уголовный суд один здешний купец за истязание 2-х своих приказчиков и держание на цепи в первый день Рождества Христова; кто-то об этом дал знать жандармскому полковнику, губернатору и полицмейстеру; тот, час же налетело всё чиноначалие, и действительно, обвинение обнаружилось; поручено было строжайшее следствие беспристрастному чиновнику казённых дел стряпчему Николаю Касперовичу Эрну, который следствие это вёл по закону, а когда купцу кто-то сказал, как бы Эрн не посадил его в острог, купец, недолго думая, берёт с собою 2 т(ысячи) кредитками — сотенками и отправляется к следователю, который, как и всегда и со всеми, обращался ласково; просил купца садиться и задал вопрос: «Какую Вы надобность до меня имеете?» Купец замялся и полез в карман, доставая оттуда 1 т(ысячу), завёрнутую в бумажке, и подаёт ему. Н(иколай) *Л. 301* К(асперови)ч повертел отданное, // а купец, подумав, что мало-де, полез в другой карман, вынимает другую 1 т(ысячу), тоже завёрнутую в бумажке, и подаёт, говоря: «За Ваши, — говорит, — труды Ваше выс(окоблагоро)дие», вот теперь-то уже рассвирепел Н(иколай) К(асперович) и закричал: «Что, Вы меня вздумали покупать? Сейчас же я Вас отправлю в острог», а купец пал в ноги, заплакал и просил прощения. Н(иколай) К(асперови)ч, как немец, погорячился, покричал и дал ему нотацию такую, что купец до смерти её не забыл, как он после вдолги мне об этом сказывал. Купец успокоился и с трепетом спросил: «Можно ли с потерпевшими помириться?» Н(иколай) К(асперови)ч сказал, что это самой лучший исход дела, но что это желание может удовлетворить один только суд. И как сейчас помню, когда ходили с Св. иконами кругом города, как это и каждогодно бывает, и хорошо, что я не пошёл, а канцелярию отпустил помолиться, как часу в 12-и дня заявляется ко мне Н(иколай) К(асперови)ч с портфелем, и, вынимая оттуда большое дело, подаёт мне и требует в получении его росписку, я, пересчитав листы, коих, помнится, было до 200, проверив их с описью и просмотрев шнур и печать, хотя и боялся, но всё дал расписку, да ещё приложена была и собачья толстая цепь, как вещественное доказательство, с сильным предупреждением мне, сделанным Н(иколаем) К(асперови)чем, что купец человек хитрой, как бы он не подкупил кого из служащих похитить дело; я его запер в сундук в присутствии находившагося, замкнул вместе с цепью и запечатал. Назавтра всё это сдал членам суда, а вскоре и получилось от обеих сторон мировое прошение. Суд отобрал в подтверждение его мировыя допросы о доброй их воле к миру; слышно было, что за мировую — 12 т(ысяч) рублей — // Бовин *Л. 301 об.* и Жебелев, разбогатев таким образом неожиданно (половину купец дал товаром, а другую деньгами и векселями), наняли особую квартиру, прислугу и музыкантов; сии последния в числе 5 человек обязаны были приходить утром в 9 и вечером в 7 часов; пьянство, разгул были даже возмутительны, полиция была на их руке, и как только купец идёт, бывало, каждодневно в лавки, в старом ещё гостином дворе, на месте котораго на Старобазарной площади ныне существует каменной, но в нём теперь торговли нет, а корпус занят складом военных вещей; у купца было 4 лавки, торговали 2 сына и 2 приказчика; то музыканты, по приказанию гуляк, заиграют встречный марш; бросил ходить купец мимо их квартиры, а стал ходить навещать торговлю уже по Большой улице; в течении лета и осени всё промотали, и как было нечем жить, поступили лакеями: Жебелев в *(Благородное)* собрание, а Бовин к П. П. Шипилину; а купец, проторговавши до сентября 1860 г., скоропостижно на 15 ч(исло) сентября помер; а сыновья его тоже немного посуществовали, дела расстроили заведёнными тяжбами, а теперь и имени покойнаго не осталось; дело о прикащиках стоило купцу до 5 т(ысяч) руб(лей). Милость Ивана Григорьевича к нему видно из следующаго: когда суд постановил приговор, что мировою такия истязания не прекращаются, а виновной всё-таки должен быть наказан, и приговорил его, кажется, к арестантским ротам; я, случайно узнав об этом, прихожу к купцу, ибо почти все здешния, даже и много иногородних граждан бывали у меня *Л. 302* за советами, // и рассказываю ему по секрету о слышанном мною; и присоветовал ему сходить к Ивану Григорьевичу, который исполнял в то время должность губернатора[202], и попросить его вытребовать это дело, в которое вошли ещё вопросы, касающиеся гражданскаго права, а по закону такия вопросы рассматриваются предварительно, не полагая уголовнаго наказания, ибо сие последнее полагается уже по совершенном окончании гражданскаго судопроизводства; так и вышло, я не ошибся; Иван Григорьевич вытребовал дело и найдя, жалобу купца справедливою, под собственною своею ответственностию, как начальник губернии, предписал остановиться произнесением уголовнаго приговора (к счастию купца, что журнал его только ещё был подписан членами и стряпчим не просмотрен, а приговор писать ещё и не начали, на что полагался по закону месячной срок). Каково же было изумление присутствующих об узнании Иваном Грrорьевичем существа замышлявшагося ими над купцом приговора? Нечего было делать, надобно было подчиняться власти. Постановили гражданский приговор, купец взял на него апелляцию и, таким образом, в конце концов, высшая инстанция постановила окончательный безапелляционный приговор, не касаясь в нём вопросов уголовных и не упоминая, чтобы их рассматривать по совершенном окончании гражданскаго судопроизводства, истратив на адвокатов или в то время доверенных ходатаев и проч(его) расхода до 5 т(ысяч) руб(лей). Купец успокоился, но не надолго — вскоре опять попал под уголовщину: был-жил у него приказчик, какой-то екатеринбургский, и, в месть за своих товарищей, подаёт // жандармскому полковнику *Л. 302 об.* донос о том, что хозяин его, отъезжая на ярмарку, поручил ему, когда придут товары, принадлежащия несостоятельному должнику Ф.К., то чтобы он, не допуская до дому К., в котором могут принять их за несостоятельностию хозяина члены конкурса, сказал бы, что товары эти принадлежат его хозяину, которому К. был должен по векселям несколько тысяч, чему доказательством будто бы служит на ящиках буква К., ибо под этой буквою обозначался фабрикант их Корольков, казанский купец, торговавший кожевенным товаром; то, полагая, что принять чужия товары, значит, принять краденое и утаить от конкурса. Полковник этот донос передал по принадлежности для производства следствия, которое, как беспристрастному чиновнику, передано было вышеозначенному же Эрну, который вытребовал купца из ярмонки чуть не под конвоем; под надзором полиции произведено следствие, купец обличён собственноручным письмом

его к своему приказчику о скрытии чужих товаров; но только оправдывался, что К. ему должен по векселям; здешние суда, следуя первому указанию высшей инстанции, рассмотрев обстоятельства гражданскаго права, т.е., присудив несколько тысяч с% в удовлетворение конкурса, а товары оставив во владении виновнаго; обстоятельства же уголовныя, заключающия не более, не менее, как воровство, чтобы рассмотреть по совершенном окончании гражданскаго взыскания. Это подействовало на купца, и он вскоре помер.

Бывало, придёшь к Ивану Григорьевичу за каким-либо советом или по его требованию // (Л.303) об каком-нибудь деле справки; у меня была память большая, я о положении всякаго дела помнил; И(ван) Г(ригорьеви)ч первее всего, поздоровавшись, просит садиться; я в первой раз, когда был у него (родитель мой в то время уже помер), на приглашение это не согласился; он во второй раз повторяет и, наконец, в 3 раз уже повелительно; я тогда только сел и объяснял об делах, присовокупя, что мне совестно пред начальством объясняться сидя, а он на то: «Если, — говорит, — не приглашают — де садиться, то это непростительно, а приглашают, так надобно молодому человеку слушаться». А когда он, будучи уже председателем, получил чин д(ействительного) с(татского) с(оветни)ка, то и тогда я бывал у него дважды, но вашим пр(евосходительство)м он себя титуловать воспрещал; «У меня, — говаривал, — есть имя и отчество, а титул только уместен в официальных бумагах». До чего был добр и спокоен И(ван) Г(ригорьеви)ч, видно из того, что однажды камердинер его, дворовой человек, был выпивши, и, одевая барина, крест Св. Анны 2 ст(епени) надел на шею его на левую сторону, а когда И(ван) Г(ригорьеви)ч взглянул в зеркало и заметил это, то сказал ему, что дурак, не знаешь, что делаешь.

И(ван) Г(ригорьеви)ч жил не роскошно, но и не скупо; он имел карету, дышловых лошадей, браваго кучера, провизия вся доставлялась ему только из его поместья, как-то: хлеб, дрова, сено, овёс и проч(ее); по дому у него распоряжалась сестра — старушка, вдова, кажется, Каменьщикова, муж которой убит был в (18)12 г. на войне с французами; она получала пенсию 600 р(ублей) сер(ебром), да ещё родственница Анна Алексеевна Налабардина, старушка-девица, // (Л. 303 об.) впоследствии лишившаяся зрения и умершая в бедности. В настоящее время только и утешаюсь добрым воспоминанием об И(ване) Г(ригорьеви)че, когда проезжаю мимо его бывшаго дома. Да будет ему вечная память за добро его к меньшей братии.

Не лишним считаю сказать и о красноярском 3 гильдии (а может, ранее бывшим в высших гильдиях) купце Иване Яковлевиче Суханове.

Он был высокаго роста, крепкаго сложения, жена его — Парасковья Ивановна, сыновья: Михаил, Симеон, Анатолий и Пётр Ивановичи (последний и теперь в (1)898 году в живности); дочери — Ольга Ивановна, а другую как звали, позабыл (Агния Ивановна)[*]; дом имел каменной 3-х-этажный, о котором упоминается выше в сказаниях о Мясниковых; ездил постоянно в бричке, в одиночку; годов был он 60-ти; зимою была у него лисья огнёвка- шуба, крытая синим сукном; дочери по тогдашнему времени одевались щегольски; сын Анатолий в 1837 г., окончив здесь в училище курс, поступил в Иркутскую гимназию, и там, кончив курс с чином 14 класса, поступил куда-то учителем, и там помер; воспоминания об И(ване) Я(ковлеви)че написаны мною на 34 листах сих записок, но в дополнениях ещё привожу на память следующее: он был характера крутого, имел тоговлю пышниной, одних приказчиков у него было, как я слыхал, до 70 человек, славился богатством; И(вана) К(ириллови)ча Кузнецова не любил, а этот его и поготову (?); И(ван) Я(ковлеви)ч, заручившись расположением генерал-губернатора Александра Степановича Лавинского, всегда у него останавливавшагося в проезде чрез Красноярск, делал, что хотел, и начальство его боялось, как пожалуется И(ван) Я(ковлеви)ч г(енерал)-г(убернатору), то (Л. 304) и вон из службы // или под суд; И(ван) Я(ковлеви)ч считал всегда себя правым, чуть, бывало приказчик провинится, сейчас на него просьбу, и его без всяких объяснений обвиняют, взыскивают за упущение деньги; по слову И(вана) Я(ковлеви)ча, и удовлетворяют его или описывают и продают с молотка его движимое и недвижимое; один только не поддавался, как я слыхал, приказчик Капитон Михайлович Сафьянов, кр(асноярский) мещ(анин), который был сам письмяной человек и законник, его потомство славится и теперь в Минусинском крае; но в конце концов и его разорили, недвижимое его продали и истца удовлетворили, но после грабежа Светловым и Ив(ан) Я(ковлеви)ч стал в кредите ослабевать; а как родитель мой служил в Городовом суде секретарём, то и он не ушёл от жалоб Ив(ана) Я(ковлеви)ча, как я слыхал от родителя, что если бы, как писал И(ван) Я(ковлевич) к ген(ерал) губ(ернатору) в просьбе, не секретарь Парфентьев, ему вредящий, то он, И(ван) Я(ковлеви)ч, был бы по всем делам прав; действительно, всем судом орудовал секретарь, а члены, люди малограмотныя и в законах не сведующия, то при объяснении пред г(енерал)-г(убернаторо)м о положении дела, по которому жаловался И(ван) Я(ковлеви)ч и писано было, что секретарь в суждении не участвует и что члены находили Ив(ана) Я(ковлеви)ча виноватым, а обвиняемых приказчиков оправдывали; поэтому г(енерал)-г(убенато)р, видя кляузы Ив(ана) Я(ковлеви)ча неправильными, стал ему в ходатайствах его отказывать; волей-неволей И(ван) Я(ковлеви)ч должен был примириться со своим положением, и стал похаживать к родителю моему советоваться, и стал его уважать; а как И(ван) Я(ковлеви)ч имел заводы — конской и кожечий, то однажды посылает к отцу моему // (Л. 304 об.) в подарок молодинькаго жеребчика гнедой масти, зная, что отец мой охотник и любитель лошадей; но он в подарок его не принял, а послал тогда же деньги, и, обучив лошадку, продал бывшим в то время здесь комедиантам, которыя, когда бывало представление с повесткою жителей, ездили верхами в разных костюмах и трубили в трубы, особых оповещений тогда не делали, как ныне в витринах и на заплотах; и когда мимо дому нашего идут, то гнедко отворачивает к нашим воротам, ржёт, копытит и просится во двор, и только когда отец выйдет за ворота, погладит, потреплет его, только этим способом и можно было отучить от приворачиванья; а раз, когда мы были в театре (балаган, устроенный против сада), а гнедко уже выучился и скакать и перескакивать, одним словом, понял ему науку, то, увидевши отца, мы сидели в первом ряду, то заржал и хотел перескочить к нам чрез барьер, но по словам комедианта, ходившаго с плетью, остановился и более его уже при нас не выводили на сцену; между тем, со-

[*] Имя и отчество вписано на левом поле.

стояние Ив(ана) Я(ковлеви)ча стало истощаться,
а когда в 50-х годах разбойники истиранили и уби-
ли любимаго его сына Петра, приговаривая, как
слышно было, к истязаниям: «Это за твоего отца,
он был для нас лиходеем»; он был где-то по пору-
чению отца и возвращался уже в Красноярск, то
И(ван) Я(ковлеви)ч и вовсе уже тронулся умом;
тело мученика Петра привезли из — под Ачинска
сюда, и здесь на кладбище похоронили; разбой-
ников же поймали, наказали и сослали в каторгу.
Ив(ан) Я(ковлеви)ч, отдав каменной дом в кор-
том, перешёл в деревянной дом подле почтамта,
где ныне, кажется, гостиница «Чижик», а когда
Л. 305 стали поступать на И(вана) Я(ковлеви)ча // вексе-
ля и он уже был в упадке, то городничий в то вре-
мя бывший, А. И. Попов, до такой степени был зол
на Ив(ана) Я(ковлеви)ча, а квартировал он в доме,
принадлежащем городу, как раз против Сухано-
ва же; то из окна своей квартиры кричал приста-
ву Николаю Антоновичу Добринскому, который,
хотя и в дореформенное время, но был чиновник
честной и взяток не брал, чтобы он описывал у ба-
рышней (дочерей Суханова) шляпки и юбки. Это
в насмешку, вероятно, за жалобы Ив(ана) Я(ковле-
ви)ча генерал-губ(ернато)ру; а вскоре и сам Попов
попал по участии с мошейниками в разграблении
магазина Логиновых, где он в ночное время сам от-
бирал для себя дорогия сребряныя и золотыя вещи
и бриллианты, но осуждения не дождался, помер
в 40-х годах; имение покойнаго подлежало опекун-
скому управлению до вызова наследников (детей
у Попова не было) и, действительно, как я слыхал
от производившаго опись этаго имения заседателя
Сиротскаго суда А. А. Сколкова, что много дорогих
вещей: стаканов, ложек, часов и проч(его) положи-
ли на опись (Попов дворянства не имел, а таковыя
имения подлежали в то время ведению Сиротскаго
суда, а не Дворянской опеки). Деньги же, не пом-
ню, сколько-то тысяч, Попов при жизни своей
отдал какому-то золотопромышленнику из боль-
ших%, за несостоятельностию его все пропали.
Легко нажитое, легко и пропадает. Когда же Ив(ан)
Я(ковлеви)ч помер, и каменной дом его остался без
надзора; не имевших возможности наследников
содержать такой большой дом, то в (18)70-х годах,
при накоплении в остроге арестантов, приусловлен
был под тюремныя помещения; // по распоряже- *Л. 305 об.*
нию губернатора Замятнина вставлены были в окна
железныя решётки и, таким образом, из аристо-
кратическаго дома, образовалось несчастное поме-
щение, обставленное военным конвоем; арестанты
в нём помещались года три, а после дом нанял теле-
граф; и в 1869 *(или в 1865)* году был со мною такой
случай: это было зимою, мороз, я служил в то время
уже кассиром у Ал(ексея) Сафроновича Баландина,
ночью получаю по эстафете из Енисейска от него те-
леграмму, которую он просил тотчас же отправить
по адресу в Москву; в два часа ночи я отправился
в телеграф, зная, что он помещается в доме Сухано-
ва; ночь была лунная, вхожу на крыльцо, занесён-
ное снегом, вхожу по лестнице во второй этаж;
вижу- пустота, только от отворяемых мною дверей
раздаётся эхо; понял: что тут телеграфа нет и, по-
лагая, что он перемещён в верхний 3-й этаж; сби-
раюсь туда по узкой, едва проходимой, занесённой
снегом лестнице; лунное освещение мне сопутству-
ет, а там и двери отперты настеж; тут-то я и понял,
что здание вовсе необитаемое; едва-едва спустился;
боязнь меня одолела, выходя из ворот, заметил со-
седскаго дворника, метущаго улицу, спрашиваю:
«Где телеграф?», и получил в ответ, что телеграф
уже с неделю как перешёл в дом против городскаго

саду (который ныне принадлежит Кафедр(альному
собору), а в старой квартире, в доме Суханова; вхо-
дя на крыльцо я заметил, что дощечка с надписью
«Телеграф», ещё не снята, вот поэтому-то я и отпра-
Л. 306 вился в необитаемую квартиру. //

В настоящее время (в июле 1898 г.) от роду Су-
хановых только и остался один сын Анатолий Ива-
нович Суханов, мне почти современник, потому
что мы вместе учились в уездном училище и кон-
чили курс в 1838 г. Пётр Иванович, хотя и не имел
достаточнаго состояния, но мог воспитать сына,
который, кончив курс университета, теперь докто-
ром, а старик всё ещё служит по промыслам, как
человек, заслуживший доверие, а ныне таких лю-
дей мало.

Теперь скажу о купце Иване Петровиче Сы-
тине. Он был из приезжих, занимался торговлею
мануф(актурных) товар(ов), он был высокаго роста,
ходил летом в синем суконном сюртуке; мне памят-
ливо, я был годов 5–6. И(ван) Пе(трови)ч носил сапо-
ги, вычищенныя подобно зеркалу, каких не виды-
вал ни до ни после; торговал он в старом деревянном
гостином домишке, где теперь по Большой улице
дом доктора Сысоева; а когда обстоятельства тор-
говыя его изменились, то по протесту кредиторов,
его всё движимое и недвижимое описала полиция;
даже, как я слыхал от родителя своего, описали ико-
ну Спасителя в окладе, благословленную его родите-
лями; Иван Петрович вскоре помер вдовым, оставив
малолетнюю дочь Елизавету, впоследствии выдан-
ную опекунами в замужество, не помню, за какого-
то приискателя; в наследство ей осталась одна лавка
для торговли в старом гостином дворе, отданная ещё
покойным в кортом купцу Н. Н. Иноземцеву, о коем
я писал выше; он, пропользовавшись ею больше 10
лет, завёл с опекунами тяжбу, присваивая лавку
себе во владение по случаю 10-ти-летней давности,
// но по решению уже пр(авительствующего) Сената *Л. 306 об.*
лавка присуждена Елизавете Сытиной, а о кортоме
за несколько лет с Иноземцевым было опять дело
(покойной любил потягаться), и кортом присуждён
был опять с недобросовестнаго владельца. Хорошо,
что опекуном был добросовестной 90-летний старец,
С. Ф. Коротанов, тоже был самостоятельнаго харак-
тера, а доведись до другого слабохарактернаго опе-
куна, ему бы лавки при письменности арендатора
в глаза не видать. Потомства И(вана) П(етрови)ча
Сытина никаго по сие время нет.

Из стариков-купцов помню ещё Ивана Ивано-
вича Тюрепина[203]; дом его был против дома купца
Суханова на Большой улице, впоследствии продан-
ной протоиерею Воскр(есенского) собора о. Алек-
сандру Иноземцову; об Тюрепине я слыхал, что он
в 20-х годах служил городским головою; за городом
ныне существующий городской сад, устроил там
аллеи и скамейки. Сад был самородной, а не поса-
женный, отделил от онаго пространство, ныне зани-
маемое Духовною консисториею, а позади ея часть
сада купил от города Ив(ан) Кир(иллови)ч Кузне-
цов; ныне в этом саду всё запущено, одна дикая тра-
ва и поломанныя кое-где деревья, это будет в задах
дома наследников А(ександра) К(ирилловича) Ше-
петковскаго. Ив(ан) Ив(анови)ч Тюрепин был ещё
музыкант на скрипке, и когда в последний раз жиз-
ни своей, при бывших у него в какой-то праздник
гостях, под скрипку запел «Св. Боже и проч(ие)»,
как в ту же минуту повалился и Богу душу отдал
скоропостижно. Вот кощунство это и довело не-
счастнаго до погибели.

Крас(ноярский) купец Иван Яковлевич Фаб-
Л. 307 ришнов по уличному, // а по фамилии Яковлев[204] вероятно, прозывался Фабришновым потому, что он приехал из России и, полагать должно, был там фабришным на фабрике; он был в (18)20-х годах, построил каменной дом 2-х -этажный — это по Большой Воскресенской улице, подле дома, занимаемого Казённою палатою. Жена у него Марфа Степановна, детей не было *(жена — Прасковья Степановна; воспитывали мальчика Ефима)*; я в этом доме бывал, когда женился, и перешёл на квартиру к ним родственник наш, мне по родству приходившийся сродным братом, бывший в соборе у нас диаконом о. Арсений Коновалов, только что женившийся; а я был в (18)29 или в (18)30 году, а может быть, и ещё ранее, потому что едва-едва помню — от этой квартиры я бегал на угол у палаты и смотрел, как прошёл к собору баталион солдат, и у собора, не знаю, по какому случаю, все солдаты встали на колени, без киверов, присягу ли они принимали или по какому другому случаю — не помню; солдаты были в белых брюках за голяшку в сапогах; оставив это зрелище, я убежал к дедушке и по всей справедливости как был любопытной мальчик, спрашивал об этом, но не помню, что мне сказали; Иван Як(овлеви)ч был тем замечателен, что он в конце (18)20-х годов первый их Красноярска ездил в С(анкт)-П(етер)бург посмотреть на батюшку — царя вечной и блаженной памяти Николая Павловича и его августейшее семейство, чего и удостоился и, как я слыхал от родителя своего, что государь принял его благосклонно, любезно расспрашивая о Сибири; повелел ему отвести комнаты во дворце же, представлял его августейшей своей супруге Александре Фёдоровне, наследнику Александру Николаевичу и всему семейству; все его
Л. 307 об. удостаивали разговором // о житье-бытье сибиряков; прожив Ив(ан) Я(ковлеви)ч таким образом две недели, соскучился о доме, как привыкший к домоседству, решился спросить у государя разрешения на выезд из С(анкт) — П(етер)бурга домой; его величество, милостиво выслушав просьбу его, разрешил выезд и наградил его на шею золотою медалью с надписью «За усердие» и многими дорогими подарками за преданность престолу, как-то: серьгами для жены его, стаканами, ложками сребряными и под золотом. Я слыхал ещё от родителя своего, а ему рассказывал Ив(ан) Я(ковлеви)ч, что когда он жил во дворце, то камер-лакеи во фраках и белье *(белом)* подносили ему умываться из серебряных рукомойников, подавали полотенцы, а ему совестно было, как простому мужику, иметь услуги от таких учтивых и нарядных людей. Возвратившись И(ван) Я(ковлеви)ч домой, всё рассказывал любопытствовавшим, а губернатор Степанов, не знаю правду или нет, будто бы сделал для Ив(ана) Я(ковлеви)ча у себя обед, и когда поданы были для питья «кислыя щи», Ив(ан) Я(ковлеви)ч, выпив за обедом несколько стаканов холодных, почувствовал себя дурно и, не окончив обеда, вышел из застолья и только доехал домой, как внезапно скончался, говоря жене, что его отравили будто бы за то, что он ездил к царю с жалобой на губернатора; слухи эти донеслись до губернатора, и он приказал всем докторам вскрыть тело покойнаго, и, по свидетельству, оказалось, что отравы никакой не было, а было воспаление лёгких; когда же несли тело Ив(ана) Як(овлеви)ча в собор для отпевания мимо квартиры Степанова, занимавшейся в доме // Ив(ана) Гр(игорьеви) Л. 308
ча Родюкова, что на Соборной площади, а вдова покойнаго, причитавши, кричала во всеуслышанье, что «Батюшко, Ив(ан) Як(овлеви)ч, ты бы был жив, если бы тебя не отравили у губернатора за обедом» и проч(ее). Губернатор, услыхав такия обидныя выражения, выслал жандармов сказать ей, что если она ещё будет так кричать, то её с перваго же раза, несмотря ни на какия слёзы и мольбы, он приказал взять в острог, поэтому всё и замолкло, а уже слухи распространились, может, и с прибавкою, после уже отъезда губернатора из Сибири; кроме того, я слыхал от старушки моей крёстной, что у Ив(ана) Як(овлеви)ча был усыновлённой сын Ефим Иванович, подкидыш, прижитый какою-то девицею от какого-то грека; от этаго Ефима Ивановича остались два сына: — одного, я знаю, зовут Михаил Ефимович Яковлев, имеющий родовой дом под собором и сыновей. Ефим Иванович несколько лет служил старостою в соборе же, и был в почётном уважении у всех прихожан. После смерти Ивана Яковлевича дела его изменились, дом каменной был им заложен в Енисейском приказе общественнаго призрения в 2-х тысячах асс(игнаций), и по невыкупе наследниками в срок, остался и остаётся по сие время в ведении казны; вот этот-то самый дом в (18)30-х годах и хотел выкупить для отца моего Иван Кириллович Кузнецов, говоря, что в деньгах расчитаешься впоследствии; но родитель мой, не желая показывать за собою состояние в таком дорогом доме, потому что занимал в то время должность городоваго судьи, одним словом, во избежание злоречий, что он, судья, имеет тысячной дом; между тем, этот дом, по его прочности, приносил и теперь приносит кортом не одну тысячу не ассигнациями, а уже се-
Л. 308 об. ребром. //

После этаго поведу разговор о Красноярском 3-й гильдии купце Иване Алексеевиче Сколкове: их было два брата, другой — Александр Алексеевич; женаты они были: Иван Ал(ексееви)ч на Надежде Ивановне, урождённой Суриковой, а Александр Ал(ексееви)ч — на Федосии Петровне Ларионовой, сестре достопочтеннаго Ивана Петровича Ларионова (о чём будет сказано ниже); дом имели деревянный, от нашего повыше, чрез дом, что ныне место после пожара куплено нынешним соседом Кисельман; у Ивана Ал(ексееви)ча детей не было, а у Ал(ександра) Ал(ексееви)ча были три сына: Иван, Павел, Фёдор и дочь Пелагея; сыновья все в ранних летах померли, а дочь вышла замуж за чиновника Арбекова, теперь жива ли — не знаю; дом построили они на большой Воскресенской улице, на углу, теперь он принадлежит Покровской церкви, духовенству, которое отдаёт его в кортом, дом каменный 2-х — этажный; братья Сколковы имели порядочное состояние: ездили за товаром на Ирб(итскую) ярмонку, и у родителя моего Ив(ан) Ал(ексееви)ч займывал к ярмонке деньги рублей по 500 и по 1000 и расплачивался с небольшими% из 6-ти годовых всегда честно; когда бывали у Покрова праздника Св. Николая, Покрова, Св. Апостолов Петра и Павла, родители мои всегда приглашались после обедни на так называвшиеся каноны, хотя это слово и не подходило к данному случаю, ибо канон (с греческаго — «правило или закон», имеющия, во всяком случае, предметом своим назидание христиан), и сиживали после обедни до вечера; у нас поэтому вошло в поговорку, что они там оканонились, да и нынче это слово у простонародья, кто зачем долго ушёл или уехал, все говорят: «ну оканунился». Когда Ив(ан) Ал(ексееви)ч взялся (за) какой-то большой подряд на золотыя промысла золотопромышленника генерала Попова и $К^0$, и всё исполнял в исправности, а генерал и $К^0$ деньги всё тянули и тянули, // то для исходотайствования эта- Л. 309
го в несколько тысяч кредита, Ив(ан) Ал(ексееич

командировал в С(анкт)-П(етер)бург брата Александра в 1847 г., который пред отъездом приезжал к нам проститься и как предчувствовал, по свирепствовавшей в то время там холере, горько плакал и недоволен был распоряжением брата; и, действительно, денег не исхлопотал, он был человек несмелой, столичной жизни и порядков не знал, и помер там же. Это здесь поразило семью и брата, он с горя отемнел, осталась одна вдова Федосья Петровна из рода Ларионовых; женщина она была бойкая и грамотная, принялась хлопотать о долге с Попова, назначен был третейский суд, и хотя чрез несколько лет в 1853–1855 годы получила с% и неустойкою более 25 тыс(яч) руб(лей) сер(ебром), но как у ней сын Иван иногда доходил до невменяемаго состояния, то возобновлённая ею торговля стала упадать, и, к несчастию, одновременно почти вступили в дело негласныя компанионы генерала Попова, лица, сильныя мира сего, как, например, сенатор Танеев и другия, то по их ходатайству, что дело разбиралось судом без их стороны, оно и получило другое назначение, а деньги, выданные Фед(осье) Пет(ров)не и другим — Щеголеву, Иноземцеву, Конопницкому и ещё кому-то до 47 т(ыся)ч руб(лей), велено общим собранием взыскать с получивших обратно и отослать в банк; у Ф(едо)сьи Петровны не оказалось, продали дом, который и купили на церковныя деньги священноцерковники Покровской церкви, и, улучшив его, доныне получают кортом; Федосья же Петровна, не выдержав горя, вскоре, как и все 3 сына, померла; я ещё маленькой был, то мои родители, подгулявши, сватались за меня Палагею Алекс(андров)ну, но желание их не сбылось; выше видно, что братья Сколковы имели у нас в соседях деревянной дом, и продали его мещанам, братьям — 2-м — Ивану и Павлу Андреяновичам Суриковым, которыя занимались ямщиной // и, как сейчас помню, идя из училища в зимний пост, заметил около их дома множество саней, подхожу и спрашиваю карауливших их: «Что это за обоз?», получию ответ, что везут мамонта на всех возах, я, как от природы любопытный и любознательный, пошёл осматривать каждый воз, и вижу большия рога, рёбра, дугообразныя кости, зашитыя в мягкую кошму, заномерованныя каждая штука; воза распространились от угла и за Высоковский дом, так что нашим работникам трудно было выезжать из двора дома; мамонта везли в музей Петербурга, он найден был в Туруханском краю. Да, ещё забыл и обращаюсь назад, братья Сколковы торговали, то я бывало, захаживал в лавку, когда меня пошлют; и, как сейчас помню, в 1844 г., осенью, когда я на своё уже жалование, бывши в суде столоначальником, заводил сераго сукна, бывшаго тогда в моде (отец не воспрещал мне щеголять), сукно я брал в лавке Белова, а под капешон, которыя тогда носили длинныя, так, что шинель, как говаривали, заключалась в 2-х экземплярах, брал пять шёлковых светлых платков; бобровой воротник мне дала матушка с дозволения родителя и, когда сшил первый портной Поляков? *(Здесь и далее, не прочитываются некоторые слова из-за утраты края листа)*, то моею шинелью заинтересовались все. Сукно выбирал с Александр(ом) Григ(орьеви)чем Худоноговым; Серебрянников всё был хороший приказчик, а под конец (потратил?) больше 500 руб(лей) и уволен. Помню, когда я ещё был лет 5-ти, а Сколковы жили уже в каменном доме, мои были приглашены послушать, как у них будет служить католический священник, остановившийся на квартире; в зале было довольно слушателей, и православных и католиков, конечно, русския не Л. 309 об.

Л. 310 понимали то, что возглашал священник; он одет был в (белую...), по-нашему — фартук, и какая-то надета была // (...), и при священнике находился прислужник, что-то ему подавал и принимал обратно; некоторое время стояли все на коленях и по-своему молились, а после молитвы разошлись, а батюшка и матушка мои пошли к Сколковым пить чай; и, что-то помню, рассуждали о вечернем католическом богослужении; ещё припоминаю такой случай: когда Сколковы перешли в новой каменной дом, то праздновали так называемые «влазины», отчего это слово происходит, понять не мог и теперь не понимаю, «влазины» — происходит слово от глагола «влазить», т.е., «влезать», не лучше ли было сказать «вхождение», от глагола «входить», оно бы было и вернее, как происходящее от Св. писания, где сказано: «Господь, да благословит вхождение и исхождение ваше». Приглашены были на эти «влазины» и мои родители, и другия родственники Сколковых, и знакомые гости, и я, как любопытный мальчик, неотвязно поехал с родителями; пировали все весело; надобно заметить, что Ив(ан) Ал(ексееви)ч был характера горячаго, а его свояк, Михаил Петрович Кабаков — ещё горячее; слышу, вышел между ними крупной и громкой о чём-то разговор, а потом вижу: один другому запалили по плюхе, а вслед за сим, оба вцепились в друг друга и упали на пол, валялись, и стремясь схватить один другаго за волосы; у Кабакова их не было — только крайчики по вискам; тут уже гости все принялись пострадавших уговаривать, и в том успели, после этаго пошла мировая; и долго ли праздновали — я не знаю, потому что я захотел спать, и меня отправили домой; назавтра же — опять мировая опять у Кабакова, но я не был из боязни, чтобы опять
Л. 310 об. не было драк, я был // мирной жизни и воспитывался у дедушки и у бабушки в страхе Божием, что продолжалось ко мне и от родителей. Когда Сколковы отделали совсем верхний этаж, то Ив(ан) Ал(ексееви)ч отдал его в кортом под клуб, первое, неслыханное дотоле здесь учреждение, а половину нижняго этажа занял биллиард; в клубе танцы и музыка были по праздникам и табельным дням, а биллиард — каждодневно, в послеобеденное время, а иногда и всю ночь, до утра, чем занимались все чиновныя люди; однажды, я помню, в 1835 или (18)36 г., иду из училища, и с надсмотрщиком крепостных дел Фольц повстречался какой-то господин и на спрос последняго, первый, вышедший только наскоро из биллиарда, ответил: «Николай Касперович страждет!» Это наш бывший учитель арифметики и геометрии, впоследствии по его учёному курсу был уже чиновником особых поручений по особенно важным делам, о котором говорится выше, а после этаго, бывший сперва здесь, а после в Иркутске председателем губернских судов в чине уже действительнаго статскаго советника и умершаго там, кажется, в 1880 г. в незавидном состоянии. Да, забыл ещё упомянуть о Сколковых, что одна невестка, Федосья Петровна, как младшая, с семьёю своею жила как будто бы в стеснении от старшей Надежды Ивановны, или это уже как в то время старшей невестке давали преимущество, и она во всем распоряжалась и конечно, уж младшую стесняла по произволу. Бывало, когда мои родители или дедушко // и баушка праздновали свои Л. 311
имянины, то я всегда и ко всем знакомым ездил с кучером приглашать кушать чаю такими словами: «Тятинька и мамонька, дедушко и баушка просили вас, — называя по имени и отчеству, — кушать чаю», повторяя эти слова по нескольку раз, низко кланяясь.

Замечательная теперь идёт речь о добропамятном здешнем гражданине Николае Петровиче Токареве. Он приехал из Ялуторовска, и вызван сюда для Главнаго управления золотыми приисками К° Голубкова[205] и Кузнецова Платона Васильевича в Красноярске *(Платон Васильевич — это Голубков)*; я был ещё годов 7-ми; *(Токарев)* начал строить для себя деревянной дом по Песочной улице, где до него проживало мало русских, а почти всю улицу занимали жиды; он был хороший хозяин, а в его отсутствии из города смотрел за постройками отец его — высокаго роста, пожилых лет, да так смотрел, что когда дом и вся постройка были закончены и начали конопатить дом, обвитый тальником, обмазанный глиною, и обшивать сверх того тёсом и красить тёмно-синею краскою, отец не отходил от работавших; и как-то я, по своему любопытству, сам был очевидцем, как плотники не по его распоряжению заколотили гвозди, и он приказал их выдернуть, и сам стал забивать их в другое место, но и дом, как стоявший на самом бойком месте, вышел и не знал никаких в то время 40° морозов. Ник(олай) Петр(о)вич был характера угрюмаго, годов 40-ка, женат, с ним жили две сестры его, отец его вскоре помер; ездил на прииска Н(иколай) П(етрови)ч скоро и ругал непечатными словами ямщика, если он чуть приостановится покурить или
Л. 311 об. выйти для другой надобности, // но за ту ругань, приехавши на станок, платил ямщику по 3 р(убля) сер(ебром), а иногда и по золотому, а ямщик, в шутку благодарив, говорил: «Ещё бы, Ваше почтение, ругнули бы меня по нашему, по-русски, я принял за ту же плату»; и когда едет Н(иколай) П(етрови)ч, ямщики старались наперерыв угодить ему, но он вседа любил ездить с одним; у Н(иколая) П(етрови)ча эта ругань обратилась в привычку, он сам говаривал, как будет мировой суд, он первой попадёт под суд, но Бог его от этаго не избавит; любил покушать горячее — кипяток, скоро и так, чтобы делали и другия собеседники; дверь у него была и днём и ночью на замке, во дворе вольныя, злыя собаки; когда кто бы не пришёл, не приехал к нему, хотя бы из начальствующих лиц, наперёд должен по уставу Н(иколая) П(етрови)ча — позвонить в колокольчик у ворот, выбегают ту же минуту два дворника; если посетитель известный и знатный, один из них стережёт рвущихся, озлобленных собак, а другой пропускает посетителя до прохожей комнаты, а когда посетитель уходит, то та же история; а если посетитель неизвестной, хотя бы и хорошо был одет, то дворник чрез ворота спрашивает, кто он и зачем, но прежде этих объяснений не пропустит.

Николай Петрович пришедшаго и известнаго ему лицо угощает трубками с длинными чубуками или чаем, говорил скоро, не запинаясь, а Кузнецов Пётр Иванович, ездивший к Н(иколаю) П(етрови)чу почти каждой день для советов по своим делам, и тот такой обстановки боялся, и собаки к нему не привыкли. Когда сын у Н(иколая) П(етрови)ча вырос, он дал ему воспитание, обучил музыке и иностранным языкам: французкому и немецкому сверх образования: законам Божиим, грамматике, арифметике; поэтому у него домашняго конторщика и не было; сына держал Н(иколай) П(етрови)ч
почти на привязи, // а когда он был в совершенных Л. 312
летах, выстроил для его особое жильё, особой в улицу флигель и дал ему вернаго лакея, но при себе не женил, женскаго полу терпеть не мог, в особенности прислугу у себя: горничных, стряпок, а жила старушка, прислуживала в доме; кучера имел Н(иколай) П(етрови)ч человека вернаго и трезваго; у него вся прислуга жила по нескольку лет за хорошее жалование и подарки к праздникам или к имянинам их; экипажи зимния и летния были в лучшем и прочном виде; лошадь масти серой, до того окормлена овсом и хлебом, что ходила уже не рысью или бегом, а чуть не шагом; бича кучер не смел и в руки брать; трубки Н(иколай) П(етрови)ч сперва курил, а после бросил, а когда я бывал у него, то угощал папиросами, в то время уже бывшими в употреблении; так что, бывало, выкуришь одну — он предлагает курить другую, но чтобы не тратя спичек, а закуривать тотчас от выкуренной, но ещё не погасшей; живших в соседях в своем доме скопцов, как честных и трезвых людей, уважал и им помогал в нуждах их, а когда их перевели в деревню, то купил у них и дом; в поле летом Н(иколай) П(етрови)ч если и отпускал сына прогуляться и поохотиться с ружьём, но вместе с верным родственником — дядькою; у Н(иколая) П(етрови)ча была поговорка: «Ну, ну, ну, и красивое словцо»; сперва у Н(иколая) П(етрови)ча для вернаго исполнения его поручений был вызван из Ялуторовска хорошо известной ему Алексей Фадеич Станкеев в конце 1840-х годов; вот этот-то труженик ни днём, ни ночью спокою не имел, когда Н(иколай) П(етрови)ч, в трёхлетие — 1850–1853 гг. был выбран обществом городским головою, то Ал(ексею) Ф(адеи)чу поручалось ежеднев-
Л. 312 об. но // осматривать лично в бывшей в то время Думе чистоту, порядок и наблюдение о времени прихода канцелярии и обо всём докладывать; на что назначен был 8 час утра, хоть зимою, хоть летом, несмотря ни на какую погоду; всё это Ал(ексей) Ф(адеи)ч делал по пешему хождению; когда же доложит, то тотчас же получает новое приказание — бежать по делам в судебныя места, на почту, да по пути, иногда, из Думы в казармы или к баталионному командиру; Ал(ексей) Фад(еи)ч поэтому не имел никакого спокою, и до престарения своего, всё сгорбясь от сидячей жизни, торопился и бегал запинаясь; он в 1850 г. у меня нанял старый дом в улицу, а в 1851 г. принимал старшаго моего сына Александра и вообще, по недостаточному моему и своему состоянию, помогал мне денежными средствами, и когда он в 23 июля (1)898 года помер от старости христианскою кончиною, то я во утешение вдовствующей Феодосии Семёновны послал стихи такого содержания: «Был он (А(лексей) Ф(адеевич)), тихонравен, кроток и смирён, отческою любовью свыше одарён; избегал он в жизни, чтоб кому вредить, но питал лишь чувство ближняго любить»; и, действительно, таких людей мало, в особенности в настоящее время; мы с ним были друзьями 60 лет, со дня ещё его сюда приезда; он всегда любил курить сигары, и когда, служа уже по делам К° Голубкова и Кузнецова, по рекомендации главноуполномоченнаго той же К° Николая Петровича, проезжая чрез Красноярск в Барнаул с золотом, ко мне всегда и постоянно заезжал проведать меня; закурит, бывало, сигаретку, не более (я сигары всегда приготовлял для него 6-рублёвыя за сотню);
// в последний раз Ал(ексей) Фад(еи)ч был у меня Л. 313
летом 1897 г., отказавшись уже от дел по старости, проездом, когда женил в Рыбной сына своего, которому, как и всем, дал университетское образование и расходовал на них последнюю копейку; все сыновья ведут по отцу отличную жизнь: старший Александр Алексеевич — доктором в Енисейске, а ранее был в округе, и когда он получил новое назначение, крестьяне провожали его со слезами, жалея такого примернаго доктора. Дочь Алексея Фадеича выдана замуж за енисейскаго магната Бородкина. Наговорившись с А(лексеем) Ф(адеичем) в последний

раз, мы расстались, и теперь, пока я жив, буду поминать в грешных своих молитвах добраго Алексея Фадеича.

Отвлёкся этим незабвенным именем, возвращаюсь к воспоминаниям о Николае Петровиче. В Думе он сделал обстановку роскошную: мебель, выкрасил полы, а в присутствии послано было на полу сукно и ковры; к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи канцелярию награждал щедро; и уже, когда Н(иколай) П(етрови)ч начнёт то и дело поправлять свои золотые на себе очки, то уже берегись бури, начнёт со слов: «шиш — голова» и не говори уж ему, что «казалось бы вот то и то...», а Н(иколай) П(етрови)ч и заорёт: «Показалось, показалось. Говори мне правду.», а потому, вызнав его характер, хотя и врали, но говори без запинания, громко. Зимою, когда только поступил Н(иколай) П(етрови)ч головою, стал заниматься до часу ночи, и когда всё привёл в порядок, то вечерами уже ездить в Думу не стал. Но гласные, Крутов Емельян Максимович и Матвей Дмитриевич Яковлев, находились в Думе до 10 часов вечера, Л. 313 об. то же и канцелярия. // Крутова он пробирал сильно за то, что от него иногда попахивало винцом и до того его исправил, что вовсе бросил водку, а Яковлева, хотя и трезваго, но за то, что, приходя в присутствие, он молился и клал большия кресты, да ещё за то, что он, приходя в приёмную, заставлял с себя снимать калоши и шубу или пальто. «Ты, — говорит, — мужик, — я — вахмистр, ветеран 1812 года и кавалер 3-х орденов»; после уже сам стал снимать М(атвей) Я(ковле)в и калоши, и верхнюю одежду. Я в первый раз увидал Н(иколая) П(етрови)ча, приглашённаго в собрание общества 12 декабря 1840 г.; он одет был по-парадному: во фраке, белом жилете и в очках, бритый (в то время бород не носили); я и все граждане удивились такому небывалому у нас франту, говоруну и законнику, а после уже его выбрали чрез 10 лет и градским головою. Голова он был примерный и хороший администратор, и всё, чтоб у него делалось, скоро и справедливо. Однажды, когда он уехал на промысла и место его заступил кандидат Александр Петрович Селетов, купец 2 гильдии; и как-то, подгулявши с полицмейстером, вздумал ночью сделать пожарную тревогу, да и губернатор-то Василий Кириллович Падалко был в округе; жители все исперепугались, но огня нигде не видать; и Ал(ександр) Петр(ови)ч за быстрое распоряжение и конвоирование команды *(пожарной)* наградил её 100 рубл(ями). Это донеслось Ник(олаю) Петр(ови)чу, как он приехал, то кандидату и досталась такая выстойка, что и впредь он делать таких распоряжений не смел, боясь Ник(олая) Пет(рови)ча. Его уважало и высшее начальство и граф Николай Николаевич Муравьёв, бывший генерал-губернатором Вост(очной) Сибири; и за похвальную службу Н(иколай) П(етрови)ч получил золотую медаль на шею на Аннинской ленте и звание степеннаго гражданина, // а за пробытие в 1 гильдии сряду 12 Л. 314 лет — почётнаго гражданина; в приюте (Владимирском) Н(иколай) П(етрови)ч на свой счёт держал несколько воспитанниц и выдавал этих сирот замуж; газеты любил читать, когда уже уволен от дел от старости; и как-то раз я посылал к нему со стряпкою несколько №, он дал ей даже руку и спросил, как она поживает. А стряпка была отлётная, из московских, ответила: «Я ведь, — говорит, — вечером-то красавица». Но впредь Н(иколай) П(етрови)ч просил меня газеты с нею не посылать, как заметно — он оскорбился ея выходкою; всё стал более и более похварывать, и получив болезнь, так называемую «жолтуницу»; в докторов он вообще не верил и понапутствовавшись, в феврале 1881 года помер, а родился он в декабре 1811 г. — 70 лет; но я как-то с ним говаривал о летах, ему, по-моему, было 77 лет, и под конец его жизни бойкости в нём уже не было, ходил тише; однажды как-то сидели мы у Ив(ана) Ив(анови)ча Токарева, который, хотя был и не родственник его, но его Н(иколай) П(етрови)ч любил; последний и предлагает мне быть опекуном над детьми, которых 7 человек малолетних, умершаго его родственника Минаева; я говорю, что я слаб глазами, а тут надобно много писать с взыскании денег с К^0-нии Булычёвой, но Н(иколай) П(етрови)ч мне возразил, что я — де отдам тебе свои золотыя очки, и глаза поправятся: «Ну-ну-ну, не отпирайся и не упрямся!»; я и думал, что это прошло одною шуткою, но не в дальнем времени получаю из Сир(отского) суда указ и книги для принятия опеки, думаю — как мне отпереться от такой обузы: у самого 5 челов(ек) детей, да чужих будет семеро; постой же, надумался я опровергнуть жела-
Л. 314 об. ние // непоколебимаго в былое время, как называли тогда Н(икола)я П(етрови)ча, железнаго канцлера Бисмарка (описание жизни котораго подробно изложено в журн(ал)«Сын Отечества», как припомню, № 309, 1898 г.), что он был самостоятелен, горд и злопамятен, но с семьёю жил дружно), так то и Н(иколай) П(етрови)ч был почти похож на покойнаго Бисмарка, но не злопамятен, а только горяч; я и ответил Сиротскому суду рапортом, что Минаев обывателем города не был, т. е., был ялуторовский, а по закону X т(ома) 1 ч(асти) изд(ания) 1857 г., установлено опеки учреждать только над городскими обывателями, а опекунов избирать первее всего из родственников, а Н(иколай) П(етрович) был родственник Минаеву, то его я намекнул выбрать; Сир(отский) суд уважил мою просьбу и выбрал другого опекуна; но Н(иколай) П(етрови)ч, мне как-то, при свидании с ним, заметил, что я не послушался его, и просил даже оставить моё справедливое замечание в секрете, чтобы другим было подобным ему в причину отказываться. Н(иколай) П(етрови)ч при жизни его много сделал хорошаго и полезнаго для детскаго приюта, и содержал на свой счёт воспитанниц, а в память Платона Вас(ильеви)ча Голубкова, ежегодно, 18 ноября (день Св. Платона), совершалось поминовение; ныне уж не то, забыли и Платона Вас(ильеви)ча и Николая Пет(рови)ча, только, может быть, я один ежегодно и совершаю поныне поминовения, помятуя их добрыя дела; сын Н(иколая) П(етрови)ча — Евгений Николаевич, коему осталось значительное состояние, женился уже после его смерти, но по простоте своей и доверию ко всем и каждому, состояние прожил, // дома свои Л. 315 продал за бесценок, которые тоже и сгорели в (18)81 г., но места от домов проданы были богачу Гадалову только за 500 р(ублей). Главное, ему помог разориться родственник его — А. А. Плотников, взяв у него сперва на некоторое время несколько тысяч взаймы, и возвратил вскоре ему, но чрез некоторое время, как слышно было, опять взял ещё более, без всякаго документа и не возвратил, несмотря на все просьбы Ев(гения) Ник(олаеви)ча, да не только его, но и других состоятельных лиц так же пообирал «на некоторое время», как слышно было, более 100 т(ысяч) руб(лей), и скрылся будто бы в Америку, а впоследствии оказалось, что он жил в Благовещенске и открыл там кирпичные заводы; да и нельзя было не верить такому человеку: он получил воспитание по желанию Н(иколая) П(етрови)ча в коммерч(еском) училище в Москве, служил

здесь городским головою[206], но семейная его жизнь не похвалялась; Евг(ений) же Н(иколаевич) отсюда уехал в Томск и там, слышно было, проживал у родственников в бедности — жена, 5 человек детей; вот так судьба довела несчастнаго до разорения; когда ещё он здесь служил городовым судьёю два 3-х-летия, то, не зная юридической части и боясь ответственности за какия-либо упущения по службе, платил секретарю из своих по 600 р(ублей) ежегодно, но был, повторяю, так же прост и недальновиден,
Л. 315 об. как отец его. Забыл я ещё упомянуть: // писал я стихи надгробныя Ник(олаю) Пет(рови)чу, и сын его был доволен; стихи припоминаю, начинались так: «Жестокий жребий совершился, угас великий патриот, его правдивый род сломился, но память будет в род и в род» и проч(ее), более не помню. После Алексея Фадеевича, перешедшаго на службу по К⁰ Голубкова и Асташева, были поверенными лицами такия же неутомимые деятели: Василий Гаврилович Чуркин и, после него, Николай Степанович Защихин, объяснявшияся с Н(иколаем) П(етрович)ем летом для скорости времени пред открытым у него в кабинете окном, а зимою входили уже в комнату. Алексей Фадеич после квартирования у меня при содействии Н(иколая) П(етрови)ча и с благословения родительницы, умной и доброй старушки, купил дом на Большой улице против Покровской церкви бывшей чиновницы Яковлевой, продал его впоследствии купцу Капитону Ивановичу Назарову, где теперь состоит уже каменный 2-х — этажный дом какого-то богатаго человека; а, по продаже его, купил вновь по Малокач(инской) улице ветхий, обмазанный глиною, уцелевший от пожара, но, боясь городской службы, по совету Н(иколая) П(етрови)ча продал и его, переехав с семейством на житие в Енисейск. Более воспоминаний как о Н(иколае) П(етрови)че, так и об А(лексее) Ф(адееви)че не припомню, что вспомню, то постараюсь добавить.

Теперь же идут воспоминания о добром моём товарище Алексее Михайловиче Кабакове. Отец его, Михаил Петрович, был, как я слыхал, уроженцем г(орода) Иркутска, переехавший сюда в начале 20-х годов; у него была мать — старушка и сестра Евдокия Петровна, а у сей, последней, два сына: Михаил и Пётр и дочь Надежда. // Жил М(ихаил) Л. 316
П(етрови)ч в доме против нас, купленном у купца Покоморицина; дом был по-тогдашнему аристократический: полы крашены, печи фигурныя, на печурках, помню, стояли четыре, китайскаго изделия, фаянсовыя крашеныя куклы, иконы в сребре под позолотою окладах; в передней комнате большая икона с изображением двенадесятых праздников, мебель вся крашеная, а так же и колоды дверныя и оконныя, в углу, в передней, столик шахматной, но рам зимних не было, и несмотря, что внизу в одной половине были кладовыя и в другой подполье, дом был тёплой; двор был мощёной, крыльцо открытое по стороне и точёныя крашеныя по одной из них баляски; было заднее крыльцо, крутое, из лесу выстроенное, наверху мезонин со слюдяными вместо стёкол рамами; был на дворе под крышею колодец, помнится мне, глубиною 12 арш(ин), но из него впоследствии воду не употребляли, по случаю падения в колодец телёнка; сарай, баня, огород, — всё устроено было хорошим хозяином; в улицу флигель в 2 окна двухэтажный, в нём проживала сестра М(ихаила) П(етрови)ча Евдокия Петровна с детьми, а когда сыновей пристроила в Кяхту, то Михаила я видал не один раз у отца своего, приезжавшаго по поручению хозяина для свидания; одевался он прилично, даже имел на беличьем меху шубу, а это в старину — редкость; Пётр же Ив(анович) занимался здесь, кажется, по откупным делам, а Надежда Ивановна, хорошо
Л. 316 об. игравшая на фортепиано и гуслях, // и гитаре, так, что в летния ночи проходящие мимо дому заслушивались её игрою и пением; компанировал ей в этом начальник II отделения Енис(ейского) общ(его) губ(ернского) упр(авления) Иван Иванович Лалетин; Надежда Ивановна была начитанная и воспевала всё пушкинския сочинения; у Мих(аила) Петр(ови)ча были зимния и летния экипажи, а шуба у него была праздничная, песцовых лапок, что в то время было не у многих; на чердаке была устроена голубятня белых голубей, которых было многое множество; работник был Андрей Иванович, старик, родственник М(ихаила) П(етрови)ча, стряпки не было; домом управлялась и за скотом ходила Александра Ивановна, жена его из роду Чуриновых; птицы было много, в особенности индеек; Ал(ександра) Ив(анов)на была неутомимая хозяйка, и удивлялись, как она, при строптивом характере мужа, управлялась с домом; сына своего она звала «Олинька», а старик всегда называл «Алёшка»; он отдан был в училище в (18)29 году, а я в (18)30 г. мы учились и росли; голубей табунили и спускали змейки, но если уж упадёт змейка в пустой их же необитаемый двор или заденет на крыше заколоченнаго дома, то мы боялись перелезть чрез заплот, потому что в доме было убийство мужем жены своей, который о своём преступлении тотчас же объявил сидельцу бывшаго напротив кабака; впоследствии уже М(ихаил) П(етрови)ч продал этот дом в долг, и большой двор был зарощен крапивою и травой; когда Ал(ексей) Мих(айлови)ч выучился в грамоте, то отец его отдал в канцелярию моего отца в Город(овой) суд; писал А(лексей) М(ихайлови)ч скоро и хорошо, так что в (18)37 г. он был определён, // по способностям его, столоначальником; Л. 317
прежде определял сам суд, лишь бы назначенный знал формы и обряды производства; и с товарищами своими по канцелярии Гр(игорием) Ив(ановичем) Токаревым, Гр(игорием) Сем(ёновичем) Терентьевым и Иннокентием Барташовым стал уже погуливать по вечёркам, бывшими тогда в моде в Закачинской слободе; и однажды товарищи его напоили наливкою из присутственнаго колокольчика, он кое-как доплёлся домой, лёг, стало его полоскать; отец соскочил и давай его трепать; мать стала приставать, говоря, что у него головушка болит, но отец ещё больше; досталось и матери; утром прибежал к отцу моему и рассказал; но зато уж с А(лексем) М(ихайлович)ем никогда не повторялось такого поведения, и Алексея Мих(айлови)ча перевёл отец в присутственную комнату, чтобы он не связывался с товарищами, за что они его и возненавидели; служил он до 1843 г., и как парень бойкой и способной, Иван Кириллович принял его на золотыя промысла; в свободное от судебных занятий время мы, т. е. я и Алек(сей) Мих(айлови)ч, занимались перепискою для себя разных стихов, в особенности в то время были в уважении сочинения Пушкина, например «Конёк-горбунок»[207], «Бр(атья) разбойники», «Домик в Коломне», «Капитанская дочка» и проч(ие), коих списано было два полулистовых тома с переплётом в вершок толщины; один из них сгорел, а другой каким-то чудом уцелел и теперь хранится у меня вместе со старинными бумагами; тогда молодыя люди стихи Пушкина выучивали наизусть и прозу Марлинского, например, «Фрегат «Надежда»[208]; // в былое счастливое время наше этими со- Л. 317 об.
чинениями щеголяли где-нибудь пред барышнями, «выкинуть (как говорили) коленцо на вечеринках»,

в особенности в Рождественския праздники и в Святки; я, например, знал «Фрегат «Надежда» наизусть и, бывало, любезной пол просят меня: «Парфентьев, ну скажите, пожалуйста, что-нибудь из Марлинскаго»; я и начну с чувством, с толком, с расстановкой, и заслуживал похвалы и одобрения. Ал(ексей) Мих(айлови)ч у Ивана Кирилловича служил, кажется, до 1850 г., и, приобретя состояние, занялся своим делом: стал торговать пушниной, чаями и открыл лавку с бакалейными товарами; между тем, в 1848 г., женился на дочери коллежскаго ассесора Константина Семёновича Мамина — Ольге Константиновне, молодой девушке, годов 18-ти; как тогда были слухи, что она ещё приходилась родственницею жениху, кажется, племянница или сродная сестра, и что жизнь их будет поэтому несчастная; но этому не верили и оставили в забвении; зажил Ал(ексей) Мих(айлови)ч хорошо, торговля хорошая, губернатор Вас(илий) Кир(иллови)ч Падалко ему благоволил за уступку по казённым подрядам цен; Ал(ексей) Мих(айлови)ч служил в то время и городскую службу — заседателем в Гор(одовом) суде, как опытный уже в судебных делах; на свадьбе пировал и я, старик М(ихаил) П(етрови)ч много заинтересовал своими старинными штуками на свадьбе; в 1855 г. Ал(ексей) Мих(айлови)ч с Ольгою Константиновною ездили на коронацию в Москву, и оттоль возвратились ещё более
Л. 318 любезныя; // в отсутствие его в столицу, управлял домом подотчётный иркутс(кий) мещ(анин) Иван Николаевич Сисин, а старик Мих(аил) Петр(ови)ч, после разбития его во время плавания на барках в Туруханск с казённым хлебом, был уже немощен, и как будто бы помешанный; только ездил в церковь на старом давнишнем сивке и со стариком Андреем Ивановичем; без Алексея Михайловича похоронили и их маленькую дочку, умершую от скарлатины; Александра же Ивановна неусыпно хлопотала об хозяйстве; между тем, когда А(лексей) М(ихайлови)ч служил ещё на приисках, в 1847 г., старый аристократический дом перестроил заново, с прибавкою к нему новых комнат, а внизу из подполья и кладовых сделано тоже жильё, где и обитали старики, а молодыя были вверху; высший круг начальства и духовенство начали помаленьку изменять образ действий Ал(ексея) Мих(айлови)ча; он стал играть в карты и в собрании, и у себя, стал проводить за картами целыя ночи; а молодая жена стала пригорюниваться и тосковать о дочери, ещё принесла 2-х сыновей: Иннокентия и Петра; а когда А(лексея) М(ихайлови)ча выбрали старшиною в детский приют *(Владимирский)*, она ещё более стала задумываться, а Ал(ексей) Мих(айлови)ч, как характерист от роду, и сам стал от нея как бы отвыкать, в особенности же, когда его выбрали кандидатом по городском голове Щеголеве; состоя в 1-й гильдии, тогда ещё более он вырос, но меня и семейство моё никогда не забывал; всегда в имянины и в праздниках, в Рождество и в Св. Пасху, первый сделает визит, поздравит. Имея свободословие, Ал(ексей) Мих(айлови)ч нажил много себе врагов; кто-то, напри(мер), в саду наймёт ребятишек, прокричат за кустами: «Дурак, дурак» или «Взяточник.»; но обидимыя догадывались, что это штуки
его из-за карт. // Поэтому его и прозвали «Пила- *Л. 318 об.*
том», а старика М(ихаила) П(етрови)ча называли, по бойкости его языка «жиголом», но при всём том, он был честной человек, служил в соборе старостою 3-трёх-летия, вёл порядок по церкви, ребят, которыя не молятся или шепчутся между собою, или смеются, прямо берёт за волосы, и после таскания они исправлялись и баловать в церкви или в ограде

не смели; старик был так плешив, что только на висках волос только несколько прядей, и редкой день он не забегал к отцу моему с новостями, и ему, как деловому человеку, этим до крайности надоедал. Ал(ексей) М(ихайлови)ч также был в отца любопытен, бывало, все идёт не по крыльцу, а чрез кухню по закадке наверх в старом доме, матушка моя многократно ему замечала, чтобы ходил по крыльцу, но он отзывался, будто бы забыл, а ему всё нужно было знать от прислуги, что делалось в доме. Когда служил А(лексей) М(ихайлови)ч в суде, то, по бедному положению отца, зимою надевал нагольную, некрытую, овчинную шубу, а уж после, как служил у Кузнецова, стал и лопатью обзаводиться; отец чрез подряды впал в долги, было описано у него всё, но отец мой помог ему, и старик остался вновь *(в)* устроенном сыном доме до своей смерти; но живой он так скоро бегал с палкою в руках, что я, бывало, не мог за ним угнаться; в малолетстве мы с Ал(ексеем) М(ихайлови)чем жили дружно, бегали по крышам и на зады к Старцевым, черпали из колодца воду, да и в огороде не без грешка — горошку, огурчиков, репы не раз таскивали; до голубей он был сильной охотник, и их продавал; но уж когда
Л. 319 он стал в силе, мне помогал. // А когда служил канд(идатом) городс(кого) головы, оказал мещанскому обществу большую услугу. Когда, ещё в 1850 г., служил головою Н(иколай) П(етрович) Токарев, то цены на десятину для покосов и пашен поднял небывалыя и тягостныя для пахарей, а Ал(ексей) М(ихайлов)ич понизил их до половины, и тем не оскудил городских доходов, а ещё более увеличил посредством других источников, чем и заслужил от общества похвалу; с губернатором Замятниным он был сперва хорош, и даже по ходатайству Павла Николаевича получил золотую медаль на шею на Станиславской ленте за пожертвования на приют и другия учреждения; а после они почему-то разошлись, так что губернатор по делам его стал ему вредить; догадывались, будто бы за то, что Ал(ексей) М(ихайлови)ч призрел сосланнаго сюда в 1848 г. Петрошевскаго, приговорённаго по высочайшей конформации к смертной казни, но, пред самым приговором, заменённаго ссылкою в Сибирь, а губернатор был патриот, и таковых безбожников, как Петрошевскаго, равно и жидов, не терпел; однако ж, Петрошевский был высокоучёный, но не практик, а потому Кабаков и указывал на меня, он был у меня с визитом; но я этим пренебрёг, и у него не был [209]; Ал(ексей) М(ихайлови)ч стал упадать со следующаго обстоятельства: когда у него померла Ольга Константиновна, он стал ещё вольнее; на воспитание сыновей не обращал внимания, хотя бы из сына Иннокентия и был бы хороший гражданин; но он, послужа кое-где, по-характеру не услуживался, и, наконец, получив чахотку, помер. Ал(ексей) Мих(айлови)ч как-то летом поехал на покос верхом, лошадь чего-то испугалась, он упал, сломал себе ногу и кое-как дотащился до дому,
// доктора собрались, стали делать компрессы *Л. 319 об.*
и припарки, болезнь усилили, и чрез неделю стали приготовляться отпилить ногу; между тем, простой лекарь Павел Алекс(ееви)ч Харламов, старичок опытный, из сосланных ещё при 1-м Александре, вызвался раздробленную ногу собрать посредством провёденной им же костоправки, и намазывать, ему только одному известному, целительным пластырем, но А(лексей) М(ихайлови)ч на это при всех моих убеждениях, испытанных мною от пластыря, не согласился; когда же приготовлен был день для ампутации, я сходил в церковь, помянул болящаго за здравиее на Св. Проскомидии. и просфору при-

нёс к Ал(ексею) М(ихайлови)чу, лежавшему уже в станке; приняв её, он поцеловал и поблагодарил меня за заботливость об нём; в 5 часу дня, в августе (год забыл) была страшная операция, при открытых окнах у меня был слышен крик больнаго и ругательства докторов; несмотря на подававшиеся ему усыпительныя капли, была сильная и здоровая натура А(лексе)я М(ихайлови)ча; назавтра родная его мать Александра Ивановна, по совету моему также, была в церкви; служила молебен и принесла ему вынятую за здоровье просфору, но он, лёжа в станке, эту святыню бросил ей в глаза; он, признаться, как ранее с детства ещё избалованный матерью конфектами и пряниками, за это добро её ненавидел, и она от отца скрывала все его шалости, послужившия гибельно на жизнь Ал(ексе)я М(ихайлови)ча; когда же он стал без ноги и поправился, вышел в лавку, приказчик Санин, по учёту лавки сделал недостаток на 3 т(ысячи) руб(лей), А(лексей) М(ихайлови)ч ему простил; долги по лавке все пропали, и он стал, видимо, беднеть; я же, как помогавший ему по письменным делам и не получая возмездия, получил от него в память // Ольги *Л. 320* Конст(антинов)ны муфту из горностаев; я хотя и не брал её, но Ал(ексей) М(ихайлови)ч почти насильно мне её втискал; подарок этот, к несчастию, в общий пожар сгорел, и теперь только одни воспоминания о доброте обоих супругов остались у меня и у Аг(афьи) Ив(анов)ны в памяти; когда уже А(лексей) М(ихайлович) лишился жены и сына, то я каждую субботу ходил навещать его, а если мне недосужно (дел было много, каждый час был дорог), то он посылает не раз и не два; прихожу это я однажды, и вижу на полу у стенки наваленными книжки, и повнимательнее рассмотрел, что это книги божественныя, кажется, книжек 7 Акафистов; я испугался ихняго пренебрежения и заметил об этом хозяину, а он мне ответил, что они остались после матери, и он хотел уже их бросить в печку; я их с радостию взял, из коих, как сейчас помню, Акафист «Успения Божия Матери» проткнут гвоздями или прострелен в нескольких раз — кем и когда это кощунство сделано, Ал(ексей) М(ихайлови)ч умолчал; и у меня такия дорогия книги сгорели, но вместо их вновь выписаны из Св. Афону. Сколько не держал А(лексей) М(ихайлов)ч прииска, наконец, по нужде, продал его П(етру) И(ванови)чу Кузнецову за 2 т(ысячи) руб(лей), и посылает за мною; прихожу, и глазам моим представилось нечто невещественное: на полу разбросаны 100-руб(лёвые) бумажки, я заметил, что это нехорошо так делать, ведь можно нечаянно на ноге унести прильнувшую бумажку, собрал их все и передал ему, но дня чрез три опять // А(лексей) М(ихайлови(ч посылает за *Л. 320 об.* мною; я тот же час явился и вижу: он играет в карты с каким-то, мне не известным молодым человеком, и играют, как я заметил, азартно; А(лексей) М(ихайлови)ч уже промахнул ему до меня 1 т(ысячу) руб(лей), и в присутствии моём и на моё счастье он эти деньги воротил; я и советовал играть бросить, но корысть — злодейка опять увлекла А(лексея) М(ихайлови)ча; да и партнёр его упирался оставить, был час 10 утра, а играли всю ночь, партнёр стал побирать проигранныя деньги, наконец, дошёл и до другой тысячи, которая так же подходила к концу — играли по большому кушу в банк, наконец, когда А(лексей) М(ихайлови)ч проиграл и остальную 1 т(ысячу) руб(лей), партнёр схватил с жадностию эти деньги, бросил карты и хотел идти; я и сын А(лексея) М(ихайлови)ча Иннокентий стали упрашивать его взобновить игру, хотя воротить бедному А(лексею) М(ихайлови)чу половину, но он

упёрся, Иннокентий схватил его, чтобы посадить играть, он, наконец, вырвавшись, с деньгами убежал. А(лексей) М(ихайлови)ч остался в горьком положении; но был так же гостеприимен и сострадателен к бедным; зазывал к себе всех знакомых, сидя под окошком (а окошко у него отпиралось с марта); натуры он был крепкой: как не выпивал, но никогда, как и отец его, не опохмелялся; а каждой Божий день с 12 ч(асов) дня начинал пить и есть; когда же сгорел, и вытащили его почти силком из дома, в моей телеге привезли за Качу, где я с семейством уже раположился у Тарасевича, хорошаго и честнаго гражданина, приютившаго нас, несчастных, человек 20 с оставшимся от огня вытащенным имуществом; я пил чай, и А(лексей) М(ихайлови)ч без *Л. 321* спроса моего, видим, на моём // коне с моим кучером Афонасьем Баховым, на дрогах поехали скоро в горящий город, сколько не останавливали их — не слушают; и скрылись их глаз, да и дым, и буря не дозволяли продолжать за ними погоню; чрез час же А(лексей) М(ихайлови)ч возвращается к нам, и, ковыляя на костылях, закричал кучеру принести с дрог: 1/2 ведра вина, окорок, колбасу, орехи и пряники; «Но вот, — говорит, — пей в горе», а так как водки не пил, то он там же, за Качей, послал к Ал(ександ)ру Мих(айлови)чу Егорову попросить бутылку хересу или мадеры для «Парфентьева»; он, дай Бог ему здоровья, не поскупился, дал; я, выпивши во время чаю 2 рюмки, немного забыл своё горе; а водку и закуски расподавали всем почти квартировавшим, а сам довольно нагрузился, лёг спать, а я, с семьёю и оставшимся скарбом, переехал на квартиру к И. И. Токареву. Ох! Эти карты и вино, недаром об этих ядах и вреде поучает нас душеполезной «Собеседник» октября 1898 г., стр(аница) 300, говоря словами: «Как пьяница, готов бросить всякое дело, даже неотложное, для выпивки, так и картёжный игрок для игры в карты. Что же? Разве это свойственно существу разумному? Конечно нет», или ещё разительнее: «Такое ненормальное состояние неизбежно, хотя со временем, не вдруг, расстраивает нервы, подрывается здоровье, а затем самым тяжёлым, самым удручающим, гнётом ложится на весь состав человека, если, по счастью, не подвергнет игрока или пьяницу в какую-либо тяжёлую болезнь. Но бывает, и это даже более бывает, хотя нечасто, что такое // состояние *Л. 321 об.* доводит человека до самоубийства и скропостижной смерти» О! Сохрани, Господи, всякаго, даже и врагов наших. Когда А(лексея) М(ихайлови)ча состояние совсем упало: сгорел, лишился отца, матери и сына, то в заслугу его обществу, управа пожертвовала ему на постройку дома из жертвованных на сгоревших жителей, кажется, 900 р(ублей); он начал строиться на старом месте, а между тем, его призрел в дом за качинским мостом приятель его Матвей Козьмич Салкин, где А(лексей) М(ихайлови)ч после тяжкой болезни и скончался в начале сентября 1882 г.; когда его лечил доктор и каждодневно делал операцию в причинном месте, то А(лексей) М(ихайлови)ч без водки не допускал этаго, и вместе с доктором, как обеспечатся порядком, то начинается и спринцовка… Но, при всей крепкой его натуре, он кричал, что называется, «лихим матом» и, наконец, при всём его неверии, видя, что плохо, потребовал нохью духовника, исповедался и прочитал вслух молитву: «Верую в единаго Бога Отца» и проч(ее), приобщился Св. тайне и тихо почил, а в своём доме пожить и не довелось; я и много знакомых его провожали на кладбищенскую церковь, где и отпевал прежний приятель его о. протоиерей Василий Касьянов с ключарем о. Алексеем

Угрюмовым, и похоронили вместе с родителями и сыном на левой стороне, недалеко от церкви, где поставили мраморной памятник, ныне уже приходящий в разрушение; я всегда, когда бываю на кладбище, зайду и поклонюсь праху его в память за его ко мне добро; оставшийся же в живых сын его Пётр, отстроив дом, продал, и по смирению его и немогуществу заниматься торговлею, живет теперь
Л. 322 на квартире, служит где-то экономом // за незначительное жалованье, а семья — человек пять детей. Словом, как и я, грешной, переживаю беспросветный мрак и холод на всю мою остальную старца жизнь. Счастье улыбалось в молодых и средних моих летах, и то ненадолго, и поток радостных, полных жизни дней истекал, быстро обрывался, сразу или постепенно, оставляя позади только частицы пережитаго довольства, оставляя всё-таки лучи надежды в лучшее будущее. Но:

Пускай весны грядущей даль
Подёрнет грозной тьмой,
Слеза смягчит мою печаль
И сердцу даст покой!...

Я целую жизнь положил за ближняго своего. Кто же положит на гроб мой цветы; я заслуживал это более, чем думал, и остался в признательных сердцах тех, кто умел ценить мои заслуги, конечно, дети должны будут воздать должное по делам моим. Я слыхал об одном несчастном субъекте, молился об исправлении его, и как раз встретил подходящий к сему случаю стих: «Он совсем опустился, встретясь с пошлою жизнью людей, верить в Бога он разучился, благотворных, великих идей. Уведи Бог его от неволи, от позорных оков и цепей, примири его с тяжкою долей павших духом порочных людей». От развлечения пошёл бы и я в маскерад, Увы! Уже, стар, друзья, и доктора говорят, что сядь, волненья для меня, смех и горе, такая уж моя доля*. Да, ещё я позабыл упомянуть, что Ал(ексей) Мих(айлови)ч за служение старшиною в Влад(имирском) детс(ком) приюте, по представлению военнаго губернатора Замятнина, высочайше награждён золотою медалью на Станис(лавской) ленте, но когда упали дела его, редко надевал на шею, куда она по смерти его делась, не знаю.

Теперь поговорим о старых гражданах наших, купцах Александре и Евграфе Петровиче Пороховщиковых; их было только два брата; один жил в своём деревянном доме, что против Казённой палаты, а Евграф на другом углу, где теперь дом Сенявина; // у перваго была жена Парасковья Ивановна, *Л. 322 об.* а у второго — не знаю, потому что он был вдов; у Ал(ександ)ра П(етрови)ча был Никандр Ал(ександрови)ч, дочерей же не было, а у Евграфа Пет(рови)ча был сын Пётр, впоследствии занимавшийся золотопромышленностию в (18)30 годах, но получивший сильнейший в ногах ревматизм; ходил кое-как, на костылях, но жил в своём уже, по Благовещенской улице, доме, впоследствии проданном священнику Воскр(есенского) собора о. Алексею Угрюмову, и вскоре помер, имея от роду не более 40 лет, оставив бездетную вдову. Евграф же Петр(ови)ч, по истощённому его состоянию, помер в бедности, а дом его продан с молотка; и куплен был Петром Петровым, выдавшим дочь свою Анну Петровну за Сенявина, которой достался и дом в приданое; Александр же Петрович до того любил сына своего Никандра, что хотел его женить, и для

* Следующее предложение вписано на левом поле.

того выстроен был в улицу каменный 2-х-этажный дом; а мать его, Прасковья Ивановна, в сыне своём находила как бы ангела-хранителя, так она его горячо любила, а когда он выбран был, кажется, в конце (18)30 годов в Город(овой) суд заседателем и сделал мундир, присвоенный этой должности с золотым шитьём на воротнике и обшлагах, то она даже и в будни заставляла его надеть мундир и, посмотревши на него, от радости плакала; да правду сказать, он только первой и завёл такую форму, а судья, мой родитель, ещё её не имел; являлся к начальству и занимался в присутствии в сюртуке; его уже заставил, кажется, в (18)40 г., в силу закона, сделать обмундировку стряпчий Ал(ександ)р Николаич Лопатин, угрожая в противном случае донести об ослушании прокурору, да и действительно,
Л. 323 трудно тогда было // заводить эти мундиры: надобно было сукно, и шитьё, и гербовыя пуговицы выписывать из Москвы; портных здесь не было; и вот уже в 1843 г. родитель мой всею формою обзавёлся, портной к тому времени Леонтий Соколов откольто приехал, и за всё про всё, т. е. за мундир, брюки, жилет (белый из пике), пару мундирнаго фрака, шинель и форменную фуражку взял только 35 р(ублей) ассиг(нациями); да и для партикулярных *(гражданских)* — то сюртуков пуговиц в привозе не было, а пришивали портныя из береста, обтянутые тою же матерею, из которой шили; недолго пришлось родителям радоваться о милом своём сыне «Ляшиньке», так его мать всегда именовала; он заболел и вскоре помер; сколько было слез и рыданий, и описать невозможно; но судьбы Божии неисповедимы; вскоре и отец его Ал(ександ)р Петр(ови)ч заболел от печали и тоже, приготовив завещание на имя уважаемой им Порасковьи Ивановны, которое я в 1839 г. переписывал, — жизнь свою покончил; Пор(асковь)я Ивановна, как распрядительная хозяйка, пожертвовала в соборную церковь несомыя пред покойным Св. иконы в сребряных окладах под позолотою, из коих одна — Божией Матери, а другая — Собор апостолов, кои и находятся в приделе храма Владимирской Божией Матери вверху, и пожертвовала, не помню сколько, капиталу на устройство на горе кладбищенской церкви тёплаго придела во имя Св. Иннокентия, Иркутскаго чудотворца, и, будучи одинокою, всё своё недвижимоё имение продала золотопромышленнику Никите Фёдоровичу Мясникову, а последний, в деревянный дом, что на углу, поместил домашняго своего доктора Семёна Егоровича Шмелёва, а в каменной — свою контору со служащими; сама же купила невдалеке, на Большой же улице, деревянной дом мещанина // Александра *Л. 323 об.* Парфентьева, как называли его — Селезня, потому что он во всякое время года был на воде и занимался рыболовством, но он нам не родственник, а только однофамилец; первый дом его был на берегу Енисея каменный, сгоревший в 1881 г., и купленный, не знаю от кого, чиновником Гоголевым, умершим также вскоре после покупки, а в настоящее время стоят одни стены — развалины; по какому же случаю продал старик Селезень этот дом и купил на Большой улице, проданный Парасковье Ивановне, неизвестно, тогда как имел двух сыновей — Алексея и Егора, занимавшихся — перваго — торговлей, а последняго — выделкой кож. Парасковья же Ивановна завещала свой дом сестре Марфе Ивановне, вдове Токаревой, и, помнится, я же переписывал завещание с составленнаго начерно братором (?) В. Н. Власьевским; когда же завещание Александра Петровича было представлено к свидетельству в Губернское правление, а сие последнее ото-

слало его в красноярскую полицию; тогда был полицмейстером колл(ежский) асс(есор) Алекс(ей) Ильич Попов, человек стараго закала; потребовали это меня в полицию, помнится, летом в 1839 г.; я спросил своего родителя, которой научил меня, что говорить, и поскорее возвратиться домой: поедем — де на лодке на покос с соседом Высоковым на остров Пашенной. Прихожу в полицию часу во 2 дня; полиц(мейсте)р поручил секретарю Косыгину спросить меня, я ли сочинял и писал завещание Пороховщикову? Я утвердительно ответил, но что сочинял не я, а другой кто-то, и этим ответом навлёк на себя бурю негодований от дурнаго Попова, привязавшагося к этому, что завещание фальшиво, Л. 324 и что я буду отвечать уголовщиной, // и, наконец, меня часа в 3 дня отпустил из полиции, я, не слыхивавши таких угроз и будучи молод, кажется, годов 15-ти, пришёл и обсказал, расплакавшись, всё родителю своему; какие он принимал меры к осуществлению завещания, не знаю, потому что черновое завещание и он исправил, как впоследствии уже, когда завещание было оформировано, я узнал, что Попов старался, елико возможно, сорвать с Пар(фентье)вых контрибуцию, но не удалось, потому что вступились в правду такия магнаты, как Иван Кириллович Кузнецов, Вас(илий) Ник(ифорови)ч Власьевский и мой родитель, доказывая, что в законе нет запрещения завещания переписывать с чернового, и тем дело и закончилось; Попов свирепствовал, однако ж, до 1844 г., а в этом году вступивший губернатор Василий Кириллович Падалко отдал его за разные пакости к суду, но Попов, не дождавшись этаго суда, помер и предстал к нелицеприятному суду Божию. Когда же мы, т. е., я, отец и Егор Михайлович Высоков стали отправляться чрез Енисей, ударила буря, но, благодаря смелости и отважности гребцов, думских десятников, из коих я одного помню, из евреев, и двое других, мы переправились благополучно. Вот такия-то тревожныя состояния в совокупности подействовали на организм мой на всю мою жизнь. Когда же строилась на горе церковь, мы с матушкою моею по обещанию таскали кирпичи, вздымаясь по выстроенным лесам; а Парасковья Ивановна Пороховщикова всё страдала какою-то болезнью, и годов чрез 10, после смерти ея сына и мужа, померла и похоронена на том же кладбище; да, забыл я ещё упомянуть // Л. 324 об. о том, что у Пороховщиковых был верный слуга по имени Николай, купленный у киргиз (в старое время на линии продавали маленьких киргизят по дешёвой цене, кажется, по 10 р(ублей) асс(игнациями) за мальчика, а девочки были и ещё дешевле). Этот Николай, пережив Прасковью Ивановну, помер в глубокой старости, был постоянно трезв и честен, и посещал каждое воскресенье и в каждый праздник Св. Божий храм, подобно ему, и купец Чебаков купил на линии киргизку Аграфену Ефимовну и кузнеца Егора. Аграфена Ефимовна была замечательная женщина; она в молодых летах поступила в услужение к Ивану Ивановичу Коновалову, у котораго был стеклоделательный завод, теперь тут Знаменский девичий монастырь; а когда она доказала о себе, то Ив(ан) И(ванови)ч уполномочил Агр(афену) Еф(имов)ну на управление заводом и золотопромышленными делами, и когда дела его стали упадать, Агр(афе)на Еф(имов)на умела поддержать кредитом: дававшие ей деньги верили без документов, а Ив(а)ну Ив(анови)чу ни за какия документы и % денег не верили, так как он и при хороших-то делах, не тем будь помянут, денег не платил; он был помещик, людей у него крепостных было человек 300; Агр(афена)

Еф(имовна) сумела и их поддержать и нравственно и религиозно, а когда уже она устарела, то, как привыкшая к труду, по смерти Ив(а)на Ив(анови)ча поступила в наш собор старостой, ей разрешено было преосвященным Никодимом входить даже в алтарь, от жалованья она отказалась, и по ея-то мысли основан означенный монастырь[210], часто ею посещаемый; изнемогая от старости лет, Агр(афе)на Еф(имов)на в последний раз, приехав из монастыря, исповедавшись и приобщившись Св. тайне у духовника о. протоиерея Василия Дмитр(иеви)ча Касьянова, просила приехать в монастырь, и там он Л. 325 её, пособоровав, благословил и она // вскоре отошла в вечную жизнь, простившись со всеми и здесь и там; о. Василий её с знаменским священником, по отпетии тела её, похоронили в склепе, где покоятся Иван Иванович, родительница его Анна Гавриловна, супруга Аграфена Петровна и сыновья И(ван) И(ванович) и Яков Иванович.

Я всегда Агр(афе)ну Ефимовну поминаю в 23 ч(исло) июня — день ея ангела, за её доброе ко мне расположение. Служа здесь, в соборе, она восстановила примерной порядок по ея строгой жизни. Она не стеснялась указывать священнослужителям, какие и в какой день возлагать на себя церковныя облачения. Она, по уважению тому, что я приходился к Коноваловым родственник (супруга Ивана Ивановича — Аграфена Петровна, была сестра моему дяде — Павлу Петровичу Парфентьеву, по уличному Петухову), не однажды, после городскаго в 1881 г. пожара, предлагала мне купить у наследников Ивана Ив(анови)ча, проживавших в России, купить каменной, разрушенной дом и возобновить его, на что потребовалось бы по ея расчёту рублей 3 т(ысячи), но я отказался; между тем, мне бы нашлись добрыя люди помочь, а теперь можно бы получать тысячныя доходы, ибо и раньше было под домом устроены четыре торговыя лавки и винные погреба, а где теперь дом В. Т. Гадалова — это место было также И(вана) И(ванови)ча, три тоже лавки каменныя, место громадное, оно простиралось почти до Благовещенской улицы[211]. Теперь сожалею о своём упущении, да и в самом деле — куда всё это? В конце концов, в удел мне должно отойти только сажень земли. Аграфена Еф(имов)на, в утешение и успокоение меня, скорбящаго о лишении после пожара ласточьяго гнезда моего, пожертвовала // Л. 325 об. Акафист Святителя Иннокентия Иркутскому-чудотворцу с ея надписью: «1863 –Аграфены Чебаковой», которой вместо сгоревшаго у меня теперь; по временам читаю пред Св. иконою Чудотворца, поминая с тем вместе и добрую Аг(рафе)ну Еф(имов)ну. Прискорбна душа моя даже до смерти (Мат(фей). 26, 28). Когда я учился ещё в училище, и в 1835 г. был 29 июня торжественный акт экзаменов учащихся в каменном доме Ивана Ив(анови)ча, потому что он был почётным попечителем училища, то Аграфена Еф(имов)на, как сейчас помню, когда мне губернатор В(асилий) И(ванови)ч Копылов подарил книжку с надписью: « За успехи и прилежание ученику Ив(ану) Пар(фентье)ву», она, бывшая в числе публики, подошла ко мне и поздравила, пожелав более и более преуспевать в науках, и тем неограниченную радость произвела во мне и присутствовавшем тут же родителе моём. Аграф(ена) Еф(имов)на вообще была бойкая женщина, грамотная, знала частию законы и частию сама же составляла деловыя бумаги, когда служила у Ив(а)на Ив(анови)ча. Когда же я, поступивши в суд, навык к законоведению, то исправлял её бумаги или советовал что-нибудь; она оставалась благодарною, но я денег от нея,

по предложению ея, не брал, и случилось; однажды была она у меня, я так же от получения отказался она ушла (постоянно ходила пешком, бегала скоро), и я в долги, как-то разбирая на столе бумаги, нашёл в них 3 золотых, положенных никем другим, как ею; вижусь и благодарю её, она же сперва отказывалась, а потом мне ответила, «что трудившийся да яст, а ленивaго — исход известной». Извини, читатель, я отдалился, не докончив речь о Пороховщиковых. Л. 326 Евграф был самолюбив, // вечно угрюмой, волосы всегда всклочены, сидел под открытым на площадь к гостиному двору окном; бывало, когда поклонишься ему, снимая шапку (нас всегда родители научали старшим, кто бы он не был, хотя бы престарелый нищий, снимать шапку, и если он заведёт с тобою, только не нищий, какой разговор, то, отвечая ему, хотя бы и зимою, в морозы, шапку не надевать, одним словом, к старшим быть почтительным, да так и в Св. писании сказано: «пред седыми востани и почти лицо старче», но Евграф Петр(ови)ч грубо ответит молча на поклон и обратит опять взоры свои на гостиный; когда он помер, не помню, но Алекс(ей) Петр(ови)ч был совсем другаго характера: он был человек скромной, тихой, а сын его, Ляшинка, был весь в него; помню ещё: однажды, должно быть в 1829 или в 1830 гг., мой родитель по приглашению Алек(сея) Петр(ови)ча и Парасковьи Ивановны ездили: батюшко, матушка, я и сестра Дунюшка в заведение, где показывалась группа великих людей, наприм(ер): Наполеона, Петра Великаго, Александра 1-го и высших в 1812 г. полководцов, наприм(ер), Блюхера, Коновницина, Суворова, Кутузова и друг(их) во весь рост, в полных мундирах, в эполетах и лентах, словом, как будто бы живыя: одни сидели на креслах, а другия стояли; когда подошли к Петру Великому, он головою как будто бы сделал нам поклон, я испугался и отскочил, но мне разъяснили; мы все были без шапок, несмотря, что это было зимою, осмотревши этих героев, пошли в другой зал; там представлялись Св. предметы, наприм(ер): суд царя Соломона, в полном одеянии, окружённом воинами, он судил 2-х женщин, присваивавших // каждая себе Л. 326 об. ребёнка, но когда царь, не допытавши у матерей истины, приказал воинам рассечь ребёнка пополам и отдать матерям по половине, тогда настоящая мать пала пред царём на колени и умоляла его пощадить жизнь его. Царь умилостивился и, узнав правду, присудил ребёнка настоящей матери. Поистине суд правый; я, хотя маленькой был, но сильно врезалось в моей памяти такое справедливое разбирательство дела[212]. После этаго вошли в зал, где помещалась в лежачем положении, как будто бы спящая, живая «Венера» Показывавший эту статую хозяин что-то шёпотом рассказывал мужчинам, но я при всём моём любопытстве не мог понять и расслушать, что он говорил так тихо, чтобы ни я, ни дедушко не слыхали; но глядя на эту статую, я ужаснулся, увидя на ея обнажённом теле раны, из которых гноилась кровь и после, будучи уже взрослым, понял причину этой ужасной болезни, и всю свою жизнь воздерживался и боялся, чтобы не подвергнуться ей; затем показывали обезьяну в очках, одетую по тогдашней моде в детский костюм; она понимала, что ей прикажет хозяин, например: плакала, плясала, кувыркалась, — всё это помню, как теперь, насмотревшись, и не знаю, сколько заплатил Ал(ексей) П(етрови)ч денег, мы поехали к нам чай пить. Зрелище это представлялось в здании, бывшем отделении контонистов, ныне на этом месте стоит каменный дом Н(иколая) Г(ерасимови)ча Гадалова и женская гимназия и дом

И. Я. Ростовцевых. Это отделение занимало весь квартал и состояло из 3-х деревянных корпусов, построенных при бывшем губернаторе А(лександре) П(етрови)че Степанове в 20-х годах, вскоре по открытии губернии. Ныне на месте А(лексея) П(етровича) Л. 327 Пороховщикова // построены каменныя дома — сперва чиновником Мявцовым, а по уничтожении их в (18)81 г. пожаром, возобновленныя им же и проданы купцу Шарыпову. Ещё я забыл упомянуть о достоинстве Агр(афе)ны Еф(имов)ны, что удостоена была за ея целомудрие входить в малыя (пономарския двери), а под конец она плохо видела, и очки ей не помогали; хочет скоро по обыкновению бежать, но спотыкается; а к церкви была она беспримерно рачительная; однажды я прихожу в собор к обедне и вижу, что она суетится что-то около иконы моего ангела- хранителя Христа ради Устюжскаго чудотворца; подхожу это я к иконе, а Агр(афена) Еф(имов)на ко мне обратилась с вопросом: «Тебя-то, — говорит, — и надобно, вот видишь ли, — продолжает она, — я заказывала сделать на эту икону под стеклом киот, а то икона постоянно от пыли теряла свой вид, и этаго расхода произвела из своих 5 р(ублей), то не можешь ли ты эти деньги возвратить?» Я с удовольствием и с благодарностию эти деньги из находившагося при мне бумажника вынял и передал Аг(рафе)не Еф(имовне), которая, не знаю уж, на чей счёт, на все местныя иконы в теплом храме, коих числом будет более десяти, киоты под стеклом, да и действительно, без стёкол иконы сильно пылились и также потемнели оклады на иконах серебряных под позолотою. Замечательна на обороте иконы моего ангела надпись, что она пожертвована И(ваном) И(вановиче)м Новиковым (о коем будет речь ниже), но году не упомню. Вообще для церкви покойная не жалела ни личных трудов, // ни своего состояния; обо мне же Л. 327 об. Аг(рафена) Ив(анов)на *(Ефимовна)* относилась с похвалою, что мы воспитываем детей в страхе Божием и водим с собою постоянно в церковь. Вообще сказать об азиатцах, принявших христианскую веру подобно Агр(афе)не Еф(имов)не, что они люди умныя, честныя, набожныя и добродетельныя, как здесь было семейство инородцев Юсуповых, двух братьев, Ивана и Василья Осиповичей, потомства от которых не осталось, но одно только доброе воспоминание. Завещание Агр(афе)на Еф(имов)на, как слышно было, оставила Ивану и Петру Ивановичам Ларионовым, но в каком оно содержании, неизвестно.

Теперь поведу разговор и воспоминания о добром и честном гражданине Иване Петровиче Ларионове. Он был красноярским 3 гильдии купцом (в те времена была ещё эта гильдия); он, как я слыхал, иркутской урожденец, у него брат Александр Петрович, родителей их я не знал и не слыхал, были ли они здесь[213]. Ив(ана) Пе(трови)ча я стал помнить с 1829 г., потому что он мне на имянины мои, 29 мая, придя чай пить вечером, подарил мне книжку с картинками, озаглавливающими каждую букву, наприм(ер): А — картинка изображала араба, Б — быка и т. д., а пуще всего интересовала меня буква И, которую разъяснили мне и Ив(ан) П(етрови)ч и родитель мой, что это значит благодать Божия, поэтому и я, пользуясь этою благодатию, должен веровать в Бога, почитать Его и молиться Ему, — эти слова врезались в память мою с ранняго моего детства; а буква П (т. е. фамилия моя) означает правду и ещё что-то, не помню; я в то время учился грамоте; // у Анны Васильевны, по- Л. 328 чтенной пожилой девицы, соборной просфирни,

по фамилии Нашивошниковой, жившей тут же в каменном соборном флигеле, в котором теперь проживают соборныя церковнослужители; я к Феодосье Семёновне, тоже обучавшей детей грамоте — читать, ходил с сестрою Дуняшкою, как нам приходившейся родственницею по Петуховым; в то старое время, хотя и открыто было народное училище, но туда отдавать детей родители стеснялись, говоря, что там задерут, изуродуют, а после Анны Васильевны, обучавшей букварю (Аз, Буки и проч(ее)) и псалтыри, я отдан был в 1830 г. в это училище, и, действительно, при первом входе в класс с родителем и соседом М. П. Кабаковым, — один отец почему — то один со мною стеснялся идти, — я встретил несколько десятков мальчиков громогласно и звучно провозглашавших в один голос: «Бе-а-бя, ве-а-вя; ге-а-га» и прочее. Смотритель Василий Алексеевич Климовский наблюдал и руководил; да тут же у арифметической доски пороли мальчиков с обоих сторон два дюжих сторожа, но когда мы вошли, по мановению руки В(асилия) Ал(ексееви)ча, бросили; такая порка повлияла на всю мою жизнь, и теперь, будучи 76 лет, не могу без содрогания рассказывать о такой инквизиции; как-то я об этом рассказывал учителям в мужской гимназии, так один из них, Богдан Богданович, немец, не мог слушать — вышел в другую комнату. Продолжаю об Иване Петровиче; он занимался кирпичеделанием, завод был у Московскаго тракту, где теперь находится сторожевая будка железнодорожная, // *Л. 328 об.* и, живя с братом, матушкою Катериною Михайловною и сёстрами Федосьею и Александрою Петровными в деревянном доме в переулке подле дома Казённой палаты, своими трудами выстроил каменной дом, сам занимался кладкою кирпичей и по своему плану, он самоучкою так знал архитектуру, что мог поучить учёнаго техника; я помню, что мы с батюшком моим ездили в кирпичныя Ивана Петровича сараи в 1830 году покупать кирпич для строеннаго тогда у нас зимовья (флигеля), когда же Ив(ан) Пет(рови)ч отстроился, то женился на купеческой дочери Аграфене Константиновне Чебаковой, сватался он к ней, как сам мне рассказывал, десять лет, и наконец, в 1830 г. бракосочетался в Соборном храме после Пасхи; я, знавши от родителя о дне свадьбы, и учась тогда уже в училище, вышедши домой к обеду, по любопытству своему побежал в церковь посмотреть обряд венчания, но уже не застал, а только в холодном храме увидел, что молодыя прикладывались после венца к Св. иконам; придя домой, рассказал домашним; пировали, должно быть, весело, потому что мои батюшко и матушка возвратились со свадьбы на свету, и, только улеглись спать, как вскоре сильно к нам застучались в крылешную дверь; батюшко испугался, думая, пожар, вскочил в одном белье, я за ним и видим что же? Иван Кириллович Кузнецов. Это первый из граждан, бывший также на свадьбе, подвыпивши, с музыкантами вступили в переднюю горницу, долго ли и пировали ли у нас, не помню, я лёг спать, заботясь ранее идти в училище. Когда же мы с батюшкою были в кирпичных сараях, я, по своему любопытству, не видавши ранее сараев (это были тогда первыя), замучил отца вопросами: «Почему сараи невысоки, // *Л. 329* как сараи у нас в городе, почему они крыты не драньём или тёсом, а соломою, прикрытой жердями, почему печь в сараях не такая, как у нас, а большие и в земле?», и, получав от отца удовлетворительныя на мои вопросы ответы, я успокоился. Иван Петрович, женившись, выдал сестру Федосью Петровну замуж за купеческаго брата Александра Алексеевича Сколкова; сестру же Александру, не помню, выдавал ли он замуж или умерла она в девушках. Потом в 1839 или в 1840 г. женил брата Александра Петровича на купеческой племяннице Анфусе Лаврентьевне Коростелёвой, у которой я был провожатым с приданым. Иван Петрович, кроме кирпичеделательнаго завода, занимался пчеловодством; пасека у него была в деревне Еловой; когда он её усовершенствовал, завёл делание церковных свеч, а под горою, у себя под домом, устроил мыловаренный завод; одним словом, Иван Петрович был вполне коммерческой деятель и неусыпимый труженик; Александр же Петрович тех качеств уже не имел, он больше всего сидел дома, ходил в церковь, пел на клиросе с дьячками, он имел чистый, редкой дисконт, но дел ему брат не поручал, не то что по недоверию, а просто, что он не мог потрафить Ив(а)ну Пет(рови)чу, у котораго был верный слуга, много лет служивший, пожилой уже; мы его называли всегда «шляпою», потому что он летом всегда носил шляпу, прежнюю крестьянскую, пояркову, высокую, в средине ея с перехватом, и заведённую им чуть ли не с адамовских времён. Иван Петр(ови)ч был до крайности доброжелателен, хотя и жил очень скромно; он, бывало, об Рождестве и Пасхе, приходившим к нему с поздравкою баталионным музыкантам, вонным певчим (тогда не было ещё архиерейских), всегда давал на «чаёк» с избытком. // *Л. 329 об.* Маскированных на Святках Ив(ан) Пе(трови)ч принимал с удовольствием; я, будучи холостым, каждой почти год с семьёю заезжали к нему и, однажды, как сейчас помню, будучи замаскирован стариком в седой большой бороде и в парике, и в старинном, петровских ещё времён, оставшихся от прадеда Ф(ёдора) Ив(ановича) Нашивошникова сераго сукна сюртуке, который я давал для подобной же роли П(етру) И(ванович Кунецову, и эта, в теперешнее время дагоценность, у него с другими моими тоже старинными вещами — сюртук из коричневаго сукна и стряпческаго мундира, — неизвестно куда девались; я пел под музыку куплет из водевиля «Филатка и Мирошка»: «Не смотри, что так мы стары, я подчас, брат молодец, хоть веди меня в гусары, хоть веди и под венец», или «Маша (а у Ив(ана) Пет(рови)ча была дочь Мария Ивановна), милой мой амурчик, уж такая, что пардон, простой свеженькой огурчик, просто, братец, купидон», и всех присутствующих на вечеру гостей заинтересовал; они играли в карты, а Ив(ан) Пе(тров)ич любил, как говаривали тогда, бостонить, играть в карты в бастон; бывало, и у нас на имянинах у батюшки или матушки с товарищами — свояками Иваном Алекс(ееви)чем Сколковым и М(ихаилом) П(етровичем) Кабаковым, а отец мой играть не любил и даже не знал; сидят за полночь, но ведь играли не в деньги, а на какия-то косточки, и тоже, сколько спору и разговору, как и нынче; но Иван Петрович вина пил очень мало, так что в ночь выпьет много-много — 3 рюмки; а товарищи его любили попивать даже и с избытком, но похмелья назавтра до часу дня // *Л. 330* и в помине не было. Иван Пет(рови)ч был необыкновенно аккуратной человек, например, выписывая «Московския ведомости» чуть ли не со дня их издания, едва ль не с самаго их издания 1812 г., и теперь, вероятно, в целостности его сыновей*, хранил и у себя в кладовой; и, однажды, Кабакову Ал(ексею) Мих(айлови)чу, когда он был ещё во времени, понадобился № годов за 40 назад, для справок по его коммерческим делам, обратился он к Ив(ану)

* Со слов «Едва ль» текст вписан на левом поле.

Пе(трови)чу, последний дал только ненадолго, а А(лексей) М(ихайлови)ч продержал его несколько дней, так Ив(ан) П(етрови)ч постановил его о возвращении, посылая вернаго своего слугу «шляпу». Но как бы аккуратен и дальновиден не был Ив(ан) П(етрови)ч, Н(иколай) Ф(ёдорович) Мясников успел-таки и его обвекселить на 5 т(ысяч) р(ублей) сереб(ром) (наличныя деньги), но всё-таки в уплату их И(ван) П(етрови)ч чрез несколько лет получил, только по 10 к(опек) за рубль, и больше никому верить перестал. Первое моё сочинение — просьба было в 1838 г., именно: Алекс(андр) Петр(ови)ч, желая по доверенности Ив(ана) П(етрови)ча вступить в какой-то казённый подряд, обратился ко мне в суд с просьбой сочинить в Казённую палату проэкт, и для соображения передал прежнюю черновую, я с неё почти целиком переписал, переменяя только год и предмет подряда; он остался доволен, и за труды мои даёт пятирублевую ассгнацию; я не взял, не считая это никаким трудом. В 1839 или (18)40 г. случилось в доме Ларионовых несчастие: матушка ихняя Катерина Мих(айлов)на была набожная старушка, но в Рождественский сочельник пожелала до обедни сходить в баню; ушла и не возвращалась; сыновья отправились к обедне, но в продолжение ея прибегает в церковь посланной, что Катерина Мих(айлов)на в бане умерла; мой батюшко спрашивает посланнаго, а сей последний наивно ответил, что всё слава Богу, только К(атерина) М(ихайлов)на померла;
Л. 330 об. хотели // приготовляться к похоронам, получив от доктора свидетельство, что она померла от угару по старости лет, но полиц(иймейсте)р Попов, чтобы не упустить своего гонорара, вступился, чтобы её везти в анатомку; бились-бились, наконец, порешили состоявший подле Казённой палаты деревянной с мезонином дом, все постройки с землёю уступить в подарок ему — чем только и избавились от увезения благочестивой старушки на посмеяние в анатомку; впоследствие же времени, когда Попов за свои деяния подпал под суд и помер, дом этот по покупке у Попова поступил во владение Ларионовых же. Иван Петрович замечательно был тяжкодум: он, бывало, вздумает ехать на пасеку в Елову, велит «шляпе» запрячь лошадь в тележку, но отнюдь, чтобы бичом её не тронуть. «Шляпа» докладывает, что лошадка готова; Ив(ан) Пет(рови)ч выйдет, и только сесть, да поехать, посмотрит это с крыльца во все четыре стороны, «Нет, — говорит, — что-то пасмурно, не будет ли дождика. Выпряги, — говорит, — её» и, таким образом, поездка его продолжается недели две. Деятельность Ивана Петровича была и по городским делам, когда он по выбору общества служил городским головою[214], и когда был здесь голод пять лет, в общественном магазине был зерновой хлеб, накопленный годами по дешёвым ценам. Ив(ан) Пе(трови)ч с разрешения общества распорядился было сначала его продавать бедным жителям по умеренным против базарных цен ценам, но потом остановился, получив сведение, что в Барнауле, на пожертвованный государём императором Николаем Павловичем в 1838 г. капитал, кажется 300 т(ыся) руб(лей) ассигнац(иями), // хлеб уже закуплен и доставляется Л. 331
в Красноярск; продажу хлеба из магазина распорядился приостановить, хотя общество и настаивало о продаже его ввиду того, что когда ещё он будет доставлен сюда; и, действительно, когда его привезли, цены на хлеб стали значительно понижаться, вместо платимых 3 р(ублей) ассиг(нациями) за пуд, стали же продавать по 2 р(убля) 50 к(опек) ассиг(нациями) и ниже, к тому же и благодеятельный урожай радовал всех; общественный же хлеб стал казаться затухнувшим, и его, хотя стали по распоряжению Ив(а)на Петр(ови)ча продавать, их, охотников, было мало, и общество вознегодавало на И(вана) Петр(ови)ча и, при избрании его чрез шесть лет опять в головы, по этой причине забаллотировали его. Однако ж, когда постановили общество вместо стараго деревяннаго гостинаго двора построить каменной, существующий теперь, Ивана Петровича, как известнаго строителя, выбрали строителем. Я помню, что и я при закладке двора, по заведённому в старину порядку, положил в яму серебряную монету; гостиный выстроен окончательно, кажется, в 1870 г.; но Иван Петрович стал уже, видимо, стареть, к тому же, когда невестка его Анфуса Лаврентьевна после смерти мужа своего Александра Петровича, заявила исковое с Ивана Петровича дело, доказывая, что капитал был у братьев наследственный, нераздельный; наняла 2-х адвокатов — доверенных: Николая Дмитриевича Тютрюмова и Никанора Фадеича Пашкевича, людей в то время практичных и опытных в ссудных делах; тогда Ив(ан) Петр(ови)ч, как говорится, «в грязь пал», и, зная мои равноправныя юридическия способности, упросил меня помочь ему от на-
Л. 331 об. тиска врагов, я занялся // и, помятуя, что о родовом происхождении денежных капиталов закон спора не допускает, а как капитал нажит Ив(ано)м Пе(тровиче)м, а брат его Ал(ександ)р Петр(ови)ч мало ему помогал, а только выйдет на бережок Качи посмотреть, покурит трубочку, да и возвратится на спокой, что подтверждено было фактами и показаниями свидетелей, то я уверил Ив(ана) П(етрови)ча, что спор его справедливый, и если по доброй его воле он желает выдать Анфусе Лавр(ентьев)не часть капитала, то свободно может; да и в самом деле, Иван П(етрови)ч был в неусыпных трудах, а Аграфена Капит(онов)на даже и стряпки не имела, всё сама приготовляла и за хозяйством смотрела. А Анфуса Лавр(ентьев)на жила барыней, всё ей приготовлено и принесено горничной в передний дом, который они с Ал(ександром) П(етровиче)м занимали; бывало, Ив(а)н Петр(ови)ч часто, почти каждую неделю, посылал ко мне «шляпу» с записочкою на лоскуточке от конвертов, прежде готовых конвертов для писем не было, а сами их подготовляли; так, на обрезочках, он и писал записочку, до того был аккуратной человек, чтоб пожаловать к нему посоветоваться и уже в назначенное время, больше — вечером, с 6 часов я был, угощает чаем, да приказывает сыну Ивану Ивановичу принести сигарочек (он папиросы называл сигарочками); тот принесёт три-четыре, я хотя и не курил чужих папирос, потому что от другого табаку кашлял, но из уважения выкуришь их, примешься за свои; курил две в час, как и ныне продолжаю годов уже 40; сидишь часа три, наговоришься, успокоишь его; и однажды я заболел в 1866 г.; Ив(ан) Пе(трови)ч ко мне каждый вечер заезжал и всё разговор вели о деле, а надобно было // являться в Енис(ейский) губ(ернский) суд к прочте- Л. 332
нию и зарукоприкладствованию составленной из дела записки, т.е., выразить последнее слово и опровергнуть апелляц(ионную) жалобу Анфусы Лавр(ентьены); наконец, я приготовил, больной, опровержение (первая инстанция, Городовой суд, решил дело в пользу Ив(а)на Петр(ови)ча) и исполнил всё, что требовалось от меня по доверенности Ив(а)на Петр(ови)ча, и Губернский суд, убеждаясь моими доводами, примерами на него также в жур(нале) Мин(истерства) юст(иции) и законами, решил дело так же, как и Гор(одовой) суд; доверен-

ныя Анфусы Лавр(ентьев)ны взяли апелляцию в Сенат, а я, между тем, написал в С(анкт)-П(етер)бург к комиссионеру Ал(ексея) Саф(роновича) Баландина — Александру Алексеевичу — письмо, и дал передоверие хлопотать в Сенате о правом деле; что же? И пр(авительствую)щий Сенат постановил так же окончательное решение и подвергнул Анфусу Лавр(ентьевну) штрафу по 20 коп(еек) с цены иска; я, получив из Петербурга утешительное письмо, бегу к Ив(ану) Петр(ови)чу и не могу выразить, сколько я получил благодарности от него и личными за труды мои 300 руб(лей); между тем, от Анфусы Лавр(ентьев)ны я получил страшное негодование, и, несмотря на это, я не переставал надоедать Ив(ану) Петр(ови)чу о воспомоществовании ей, чтобы она ни на его, ни на меня, как говорится, не намаливала; он согласился и, кажется, удовлетворил её добровольно тремя тысячами; она, похоронив здесь сына и дочь в один день, а с оставшимся Георгием Александровичем уехала сперва в Тюмень для обучения его в гимназии (здесь таковой ещё не было); он обучался примерно и выпущен был оттуда с золотою медалью; а после сего отправилась в С(анкт)-П(етер)бургский университет, где
Л. 332 об. также // Георгий Александрович кончил курс с отличным образованием и поступил на госуд(арственную) службу сперва в Томск стряпчим, а годов чрез 5 приехали сюда, на родину, и поместились в доме Ларионовых, а после — в наследственном доме Коростылевых, и во дворе выстроили деревянный поместительной флигель, но пожили тут немного — все это сделалось жертвою огня в общий апрельский пожар 1881 г. Георг(ий) Ал(ександрови)ч служил здесь в Городской управе по выбору Город(ской) думы секретарём годов пять, женившись на богатой невесте Шарыповой, но в 1883 г. по желанию уволился и поступил в 1892 г. публичным нотариусом, но замечательно главное то, что, будучи высокообразованным, был религиозен, в праздничныя дни постоянно посещал церковь Божию, читал за литургиею часы, внятно и громко, что всем прихожанам очень нравилось, и, похоронив в 1896 г. свою дорогую мать, уехал в Москву; когда же ея соборовали, по приглашению был и я, мы с нею простились, чтобы друг на друга не иметь неудовольствия и всё прошлое забыть. Г(еоргий) А(лександрови)ч за службу в городских делах был представлен к награде и получил орден Св. Станислава 4 ст(епени). Когда же у Анф(усы) Лавр(ентьев)ны, как выше видно, померли сын и дочь в одно время, то она в память этаго горькаго события 24 января, т.е накануне праздника Св. иконе «Утоли моя печали», просила соборное духовенство служить у себя в доме всеношную и молебен; в это же
время и я в память // избавления меня Царицею Л. 333
Небесною от жестокой болезни, угрожавшей смертию, накануне дня этаго праздника, вот уже больше 30 лет, постоянно приглашаю соборнаго протоиерея о. Иоанна Матвеевича Рачковского, а по кончине его в 1879 г., заступившаго его место о. протоиерея Иннокентия Александровича Нарциссова служить молебен с Акафистом и всеношную, что и обещал совершать каждогодно, до моей кончины! Да, ещё позабыл упомянуть о беспримерной честности Ивана Петровича, когда-то он, в 40-х годах займывал под векселя у родителя моего 2000 р(ублей); векселя эти не переписывались каждогодно, как это делается в настоящее время; родитель мой в (18)46 г. помер; я, при ненахождении здесь ещё банка, просил Ив(ана) Пе(трови)ча держать эти деньги по своим делам; он согласился, но упомянул, что % больше 6-ти на сто платить не может, я рад был хотя бы и без всяких %, только бы капитал сохранён был, прошло, кажется, около 20 лет, когда при надобности моей попрошу бывало рублей 10–15, Ив(ан) Пет(рови)ч и подшутит, что ведь прошла уже давность, и он не считает себя должником; однако ж, как стал похварывать, не раз мне предлагал рассчитаться с ним, а я, как был в средствах жалованьем от хозяев обеспечен, то и тянул всё почти до 1867 г.; наконец, Ив(ан) П(етрови)ч написал счёт на нескольких листах, когда и что было у него брано и с процентами на проценты рассчитал, и до 3-х тысяч выдал мне, пригласив для этаго меня к себе в дом с моею матушкою, чтобы разделить их между сёстрами моими Евдокиею и Феоктистою, что мне, тотчас в законных частях, и было исполнено, а я векселя ему обратил. Вот как
Л. 333 об. в старину-то живали, не то что ныне, друг друга // надувают разными фокусами и фальшивыми векселями, да впрок-то эти штуки нейдут; а в наше старое время, в век честности, копеечку сберегали на чёрной день, да детям на помин оставляли, как и Иван Петр(ови)ч приучил сыновей своих Ивана Ивановича и Петра Ивановича к примерному хозяйству, из коих последний даже обручи на бочки и на кадки умел наколачивать сам, а не наймывать; одним словом, они живут так, как бы практиковались в Америке, и ведут всё по — отцовски; даже лес и несколько брёвен около перил и бутовой камень несколько сажень, оставленныя после смерти Ив(а)на Пет(рови)ча, лежат на тех же местах, обросшие травою от времени, да безошибочно можно сказать, что шубы и шинели, какия были у Ив(а)на Пет(рови)ча: одна я помню в начале ещё (18)30-х годов шинель коричневаго сукна с маленькими несколькими капишончиками, а другая в (18)40-х год(ах) — из синяго сукна с одним капишоном и широким полубархатным воротником (подклад уже не помню), а у Ал(ександра) Петр(ови)ча сперва был, так называемой в то время, капот из синяго сукна, я это заметил, когда был маленьким и, стоя о Пасхе на клиросе, подголашивал Ал(ександ)ру Петр(ови)чу вместе с другими петь пасхальныя стихиры, а шинель синяго сукна заведена ему братом, когда уже А(лександр) П(етрович) служил в Город(ской) думе кандидатом по городскому голове Иване Кир(иллови)че Кузнецове; шубы енотовых мехов заведены братьями впоследствии, а раньше ходил он по зимам старой в лисьей, крытой синим сукном, а младший в такой же из песцовых лапок (бывших тогда в моде). Бывало, придём к И(вану) П(етрови)чу, раньше 3-х часов не уйду — всё разговоры о старине и о делах; наприм(ер), я от него слыхал и помню, что в Собакиной, что выше города вёрст на 10–12, плавали плоты с дровами
к устью // Енисея; а в бытность мою в первой раз Л. 334
в Собакиной в 1838 г., чрез нея был мостик для проезда, и воды было глубиной не больше аршина, а в 1874 г. я тоже был там, но воды уже только курице перебрести, а маленькая рыбка — пескари, всё- таки в ней обитали, и как И(ван) П(етрови)ч мне разьяснил, что эта убыль воды последовала от уничтожения лесов пожарами и вырубкою их, и впоследствии эта речка совсем пересохнет; да и по склону гор, около нея пролегающих, видно было, что течение ея было быстрое, глубокое. Сыновья Ивана Петровича: старший Иван Иванович и теперь холостой старичок; и младший Пётр Иванович, ведут жизнь совершенно по- отцовскому, ни в чём не отступая от его распоряжений; обстановка в комнатах, во флигеле так же, как и прежде: иконы, картины, зеркала, всё то же; Бог и благословил их за семейное уважение и память

к усопшим родителям их, Бог сохранил их за добрыя дела и от пожарнаго бедствия в 1881 г.; Иван Иванович служил по одному 3-х-летию городским судьёю и городским головою[215]; а П(ётр) И(ванови)ч одно 3-х-летие — заседателем в бывшем Город(овом) суде и, в последнее время, церковным старостою Воскресенскаго собора 2-х и 3-х летие, и за усердие его к церкви должен будет представлен к награде золотою медалью. Эти люди — одна добродетель, скромность и смирение, да будет благословение Божие отныне и вовеки. Память совершается: Ивану Петровичу, как из записок моего родителя видно — 30 июля, Аграфене Константиновне — 23 июня, Александру Петровичу — 12 августа, Анфусе Лаврентьевне — 22 августа; имянинники бывают: Иван Иванович 11 октября, а Петр Иванович — 3 мая; дай Бог им пожить подольше на творение добрых дел, они, как и родитель их, чужаго не возьмут, и своего всуе не дадут*.

Из стариннаго рода красноярских купцов замечателен род Худоноговых: их было: красноярской 3-й гильдии купец Григорий Иванович и сыновья его — Александр и Николай Григорьевичи; они жили на Большой улице в деревянном 2-х-этажном доме; отец вдовой, а сыновья холостыя; на этом месте теперь каменной дом Спиридона Васильева; занимались они подрядами на доставку в Енисейск
Л. 334 об. хлеба и проч(его), а Николай хлебопашеством. // Григорий Иванович занимался подрядами с построек; он в 1837 г. выстроил каменный гостиной двор на Ново-Соборной *(Новобазарная)* площади, в то время покрытою мелким березняком и сосняком, в этом здании тогда не торговали, а по распространявшейся торговле складывали на хранение разный товар; в середине этаго здания устроена зала, называвшаяся «биржевая зала», а так как в то время не было ещё клуба, то увеселение производилось в этой зале; не было только биллиярда; в 1838 г., когда был здесь генерал-губернатор Вильгельм Яковлевич Рупперт, 1 июля был в высокоторжественный день рождения императрицы Александры Фёдоровны бал; а в 1845 г., по освящении места для постройки Кафедрального собора был обед, на котором присутствовали, как помнится, три генерала и преосвященный Томский и Барнаульский Афонасий; опять отдалился от настоящаго рассказа. Александр Григорьевич, как бывший первой красавец в городе и щеголь по картинкам парижской моды, прилагаемым в журнале «Телескоп», был на завидность многим; невесты по своей красоте найти не мог, был начитан многими, тогда издававшимися лучшими писателями сочинениями; поэтому, не находя себе подходящих, был чрезвычайно горд, и вместе с простыми людьми, в особенности с крестьянами, прост и гостипреимен, поэтому к нему простой люд и был до бесконечности расположен; при всём том он был набожен, ни один праздник или воскр(есный) день не пропустит, чтоб не побывать в церкви; стоял всегда у притвора, где нищия, говел всегда на первой неделе В(еликого) п(оста); имел шубу из черных медведей с опущёнными также медведями, рукавами (я маленькой видал такую шубу на картинке на турецком султане); как он, т. е. А(лександр) Г(ригорьеви)ч, носил такую шубу, будучи среднего роста — удивляюсь; шапка была у него бобровая, по моде, с кисточкою; служил он в 1840 г. депутатом // по следственным делам граждан и до того был самостоятелен, зная закон и защищая граждан, что с полиц(мейсте)ром Поповым Л. 335

* Со слов «Память совершается» текст вписан на левом поле.

сильно крупно поговорил; к несчастию его, был сильно глух; отстаивая личность убийцы кр(асноярско)го мещанина Старцова, котораго полиц(мейс)тер Попов по несознанию хотел пороть и тем пристрастно добиться у него сознания, но А(лександр) Г(ригорьеви)ч, как по тогдашнему образованный и начитанный; ласками, кротостию и убеждениями о силе фактов против его, доказывавших несомненное его преступление, убедил, и преступник сознался, получив по суду телесное наказание; после того Ал(ександр) Гр(игорьеви)ч служил городовым судьёю в 1850 и 1851 гг.; был красноречив, объясняясь ни один раз лично с губернатором В(асилием) К(ирилловичем) Падалко, а с городским головою Н(иколаем) П(етровичем) Токаревым порядочно пошумел из-за здания Городской думы (где помещался и суд), угрожавшаго падением; но только по распоряжению самостоятельнаго и твёрдаго в словах Николая Петр(ови)ча, для безопастности подставили под потолки подпорки, и то в 1853 г.; из-за чего Ал(ександ)р Григ(орьеви)ч, прослужив два года, отказался якобы по болезни продолжать, а в это время (1850 и (18)51 гг) и я подвергся со стороны его неудовольствию (хотя раньше, как праздник, после обедни всегда приходил к нему пить чай и встречал постоянно у него посетителей А(лексея) М(ихайловича) Кабакова и А(лексея) П(етровича) Юшкова, тоже читавших много сочинений и передававших друг другу свои впечатления о читанном); дело было так: в 1849 г., как далеко выше видно, у меня украдено было важное следственное дело с фальшивым духовным завещанием; производилось полиц(мейсте)ром Столбовским по распоряжению губернатора строжайшее
Л. 335 об. следствие; я, из опасности здания, чтоб не подвергнуться смерти, перестал заниматься // делами и намеревался уже поступить на службу в Городскую думу, ибо и городской голова с радостию изъявил на то своё согласие, но так как без меня, по правде сказать, в суде быть не могли, как я старый служака, то Ал(ександр) Гр(игорьеви)ч, получив к тому от следователя бумагу о том, в скольки и каких именно статьях был журнал на 7 августа 1849 г., тоже украденный с делом, в котором будто бы по ссылке секретаря Бурундукова была записана статья о деле Токаревых, — это-то требование без меня исполнить и не могли; и Ал(ександ)р Гр(игорьеви)ч волей-неволей стал просить меня, не припомню ли я этих статей; обладая обширною памятью, я удовлетворил ответом, что этот журнал был из 7 статей, но в них указываемаго доклада о деле Токаревых не было, что подтвердилось разносною картою, посылавшеюся с журналами к стряпчему и сим, последним; я по Божией воле и остался опять в суде и продолжал до 1865 г.; но вскоре опять, в 1850 же году, Ал(ександ)р Гр(игорьеви)ч, просматривая дело о несостоятельности купца Смирнова, заметил, что в описи товаров на несколько тысяч руб(лей) во многих местах в оценке и цифрах сделаны подчистки и поправки, и, надобно заметить, что эту опять я из дела выдавал присланному попечителю С. И. С(мирно)ву, но по записке об этом в журнале присутствия, а когда чрез некоторое время получил эту опись обратно, то, если считать — вина моя и была в том, что я, получая опись, в надежде на ея сохранность у попечителя, не досмотрел сделанных с злым намерением подчисток и поправок, но когда обнаружилось это, тогда Ал(ександр) Гр(игорьеви)ч с неудовольствием и горячностью распорядился нарядить следствие, подозревая безвинно меня; когда же при следствии, производившемся тем же полиц(мейсте)ром Стол-

Л. 336 бовским, я внимательно рассмотрел // опись, то оказалось, что подчистки и поправки сделаны рукою некоего господина Ко-на; наприм(ер), как сейчас помню, написано было 13 цепочек золотых; 1 подчищена, а 3 написано- «три цепочки золотыя», так равно ложек, ковров и много таких предметов с поправками, подчистками и между строк написанных и в конце описи неоговоренных. Сличили чрез всех секретарей почерк, оказалось так, как я и удостоверял; к счастью, что дело прекратили манифестом, а то бы и попечителю и участнику было плохо; после всех таких на меня нападок Ал(ександ)р Гр(игорьеви)ч возлюбил меня ещё больше прежняго, приглашая постоянно вечерами пить у него чай и курить из трубки лучший в то время табак Афакольевский, до котораго он был страшной охотник; с утра и до ужина самовар не сходил со стола; вина Ал(ександр Гр(игорьеви)ч не пил никакого ни капли; канцелярию завёл вместо 5-ти челов(ек) — 18 служащих, тут-то втёрся К-н, но как часто пьяный, А(лександр) Г(ригорьевич) его незлюбил и рассчитал; жалованья всем и секретарю платил от себя тысяч около 2-х в год от форсу — и разорился; отказавшись от службы, продал дом и устроенной на дворе каменной флигель с подвалом ещё отцом его, вдове, дворянке Беклемишевой; уехал в Минусинск, устроил мукомольную мельницу, потом женился; прижил детей человек семь; сюда приезжал летом в 1863 г.; я виделся с ним, и не узнал его: оброс окладистою бородою и не стало следов в нём прежняго ненаглядного красавца; помер Ал(ександр) Гр(игорьеви)ч в 1876 г., 77-и лет, не оставив никакого состояния, кроме сирот — жены и детей, а брат его Николай Григ(орьеви)ч, занимаясь хлебопашеством, помер в молодых летах холостым; как-то при разговоре с Ал(ександром) Гр(игорьеви)чем, что они будут делать, намереваясь запахивать до 100 десятин арендованных в Есауловой, если будет засуха и // не будет дождя; он, как начитан- Л. 336 об. ный разных технических сочинений, с улыбкою мне отозвался, что будем орошать землю чрез искусственныя канавы, но я возразил, что, буде Бог не пошлёт дождя, то не помогут никакия искусственныя орошения; но, в конце концов, успеха в есауловских пашнях не было — принуждены были оставить их; к этому земледелию поощрял братьев Худоноговых зажиточной крестьянин дер(евни) Есауловой Прокопий Климакович, чей, не помню, как человек, что называется, прожжённой, как не придёшь к Ал(ександ)ру Гр(игорьеви)чу в воскресенье пить чай, Пр(окопий Климакович уже у него и рассуждает о пашне, а на дворе много дровней и лошадей, прокормливающихся на счёт Ал(ександ)ра Гр(игорьеви)ча, который подобным крестьянам готов был, что называется, душу отдать; а о деньгах в безвозвратную ссуду на честное слово и говорить нечего.

Когда я вздумал в 1850 г. жениться, то пришёл посоветоваться, как к начальнику своему, Ал(ександ)ру Гр(игорьеви)чу, он мне во время чаепития дал такое наставление, котораго я никогда ни от кого не слыхивал, а только как-то случайно читал в гигиенической книге, о том, что жена не раба, а помощница, и её нужно любить и уважать и снисходить ея недостаткам и слабостям и проч(ее), и проч(ее); я не рад был, что и зашёл; когда же я женился, то назавтра, 6 мая 1850 г. заезжал к А(лександру) Г(ригорьеви)чу, как к своему начальнику, с визитом; но он, как и всегда, у меня не был; до такой степени был самолюбив, что к крёстному своему отцу Ивану Кирилловичу Кузнецову никогда, даже в праздник, не бывал поздравить; «Золотому, — говаривал, — он Л. 337 тельцу поклоняется, не хочу», // но отца своего, Григория Ивановича, уважал и почитал, так что по смерти его летнюю его шинель синяго сукна с большим по старине кроланом (кролик), не перешивая по моде, носил не стесняясь, а сам одевался по парижским картинкам; портной у него был постоянно один годовой Игнатий Васильевич Хилков, и ходил к Ал(ександ)ру Гр(игорьеви)чу каждое воскресенье пить чай, а Ал(ександ)р Гр(игорьеви)ч, одним словом, рисовался собою, имел небольшия усики, маленькую эспаньетку (бороды тогда были не в моде), волосы завивались так называемым «чупом» и по бокам «букли»; но как судьёй-то выбрали, всего этаго украшения Ал(ександр) Гр(игорьеви)ч поневоле должен был лишиться — обрился и остригся; но зато мундир его золотаго шитья 8-го класса, шитаго серебряным и кистями, шляпа 3-х — угольная; его постоянно занимали, каждодневно, кроме субботы, в присутственныя дни он облекался во всю форму, чего и губернатор Василий Кириллович Падалко вменил в обязанность всех и каждаго служащих по выбору; вечерами Ал(ександр) Гр(игорьеви)ч постоянно навещал суд в форменном виц — фраке, а в табельныя дни одевался в новый мундир, потому что будничный обносился, и шитьё на воротнике затускло; оставив по капризам, а главное, по недостатку средств дом продал и уехал в Минусу; повторяю, Ал(ександ)р Гр(игорьеви)ч был красавец, а как я слыхал, похож был на мать свою, умершую в молодых летах; но отец и сыновья жили врозь; отец занимал верхний этаж, а сыновья — нижний, но стол был у них общий.

Теперь займёмся слыханными мною рассказами о купцах Новиковых; предок их был по имени Иван Евстратьевич, сын у него — Иван Иванович, женатой // на дочери здешняго купца Адриана Л. 337 об. Прокопьевича Терскаго — Анне Андреяновне, девице, по тогдашнему времени просвещённой, т.е. — грамотной; дом их был каменной 2-х-этажной на Большой Воскр(есенской) улице, проданный впоследствии, в 1880-х уже годах, сахарозаводчику Ивану Гавриловичу Гусеву после пожара за 4 т(ысячи) рублей сереб(ром), а продала его внучка Адриана Прокопьевича — Авдотья Ивановна Терскова. Иван Иванович служил городскую службу в 1829 г. городовым судьёю после упразднённаго городоваго магистрата, где в это время служил и родитель мой, исправляя должность секретаря и повытчика, т.е., столоначальника*; у Ивана Ивановича было три сына: Александр Иванович, Михаил Иванович и Андреян Иванович; дочери — Екатерина, Александра, а 3-ю не помню; Иван Евстр(атьеви)ч занимался торговлею разными мелочными товарами и съестными припасами из домовой лавки, находившейся под маленьким, в одно окно, деревянным флигелем; место земли и дом находились на Узенькой улице, против дома, ныне владевшаго Екимом Игнатьевичем Селиваном, бывшим прежде Евграфа Петровича Пороховщикова; Узенькая улица, впоследствии переименованная Гостинскою, потому и называлась Узенькою, что имела ширины не более семи сажен, так что можно было соседям между собою разговаривать из окна в окно; а уже после пожара в 1881 г. она распланирована в узаконенное пространство — десять сажен ширины; торговал Иван Евстратьевич, как

* Предложение вписано на левом поле листа.

мне рассказывал дедушко мой Иван Фёдорович Нашивошников, так: в лавку входу не было, а сделано было окно, а на ставень, отпиравшийся сверху вниз и находившийся на подпорках, были разложены мелочи, как-то: сальныя свечи, мыло, орехи кедровыя, в кульке крупа, соль и проч(ие) мелочи; а чего не доставало по требованию покупателя, то опять на окно выкладывалось хозяином; на ночь окно на болт запиралось и затыкалось железным прутом, и хозяин уходил спокойно спать, Господь хранил. «Придет покупатель, — продолжает дедушко, —
Л. 338 к Ивану Евстр(атьеви)чу под окно и спрашивает, // наприм(ер), мыла 1 ф(унт), Ив(ан) Евс(тратьеви)ч отвечает: «Мыльцо — то, — говорит, — есть хорошее, да вот что, почтенный, или почтенная, я то уже поторговал, а иди-ко вот к соседу», указывая на таковую же лавочку дедушке, состоящую также из окна, «он, — говорит, — сидит ещё без почину». Вот как в старое время торговали, а сыты были и деньги имели, оберегая друг друга; когда же помер Ив(ан) Ев(стратьеви)ч, чем занимался сын его Иван Ив(анови)ч, я не слыхивал, но в память его есть икона в соборном храме Иоанна Христа ради юродиваго Устюжскаго чудотворца у левого клироса подле алтаря, и тут же изображение Св. иконы Прокопия праведнаго в сребряный под золотом окладе, празднуема Св. Иоанна 29 мая, в каковое число, вероятно, бывал имянинник и Иван Иванович; каковое празднество совершаю каждогодно и я с читаемым Св. угоднику молебном, тропарь которому (глас 1): « Глас Апостола твого Павла, услышав глаголющь: мы юроди Христа Боже, раб Твой, Христе Боже, Иоанне, юрод бысть на земли Тебя ради; тем же память его почитающе, Тебе молим, Господи, спаси души наши». На обороте этой иконы, вверху, надпись, что она сооружена иждивением раба Божия Иоанна, помнится, в 1808 г. По смерти Ивана Ивановича, Анна Андрияновна пристроила сыновей своих Александра и Михаила по торговым делам, а Андреян отделился и, получив в наследство 9 т(ысяч) р(ублей) ассиг(нациями), выстроил большой деревянной дом в Всех-Святском приходе; этот человек был особенно замечателен тем, что вина он не пил, а употреблял всё лакомства: варенья, пряники, конфекты, и, не ведя никаких дел, всё прожил, оставив, однако ж, жене своей Маремьяне Алексеевне, урождённой г(орода) Ачинска — Хворостовой, женщине умной и начитанной, дом и сыновей, кажется, 2-х, тоже пошедших по матере, // и занимающихся промышленны- Л. 338 об.
ми предприятиями, о коих с хорошей стороны мне отзывался и бывший опекун их Иван Яковлевич Ростовых. Александр Иванович Новиков служил городскому обществу сперва в начале 40-х годов заседателем в Город(овом) суде, а после, с 1853 г., кандидатом по город(скому) судье, занимаясь с тем вместе и по делам золотопромышленника Н. Ф. Мясникова, кассою его; Ал(ександр) Ив(анови)ч вёл жизнь однообразную; женат он был на Авдотье Константиновне Чебаковой, которой сестра Аграфена Конст(антинов)на находилась уже в замужестве за Иваном Петровичем Ларионовым; только и развлечений у Алекс(андра) Ив(анови)ча было — читать и прогуляться одному верхом или в лёгком экипаже за город, да в праздничныя дни посещать храм Божий; а Авдотья Конс(тантинов)на и к сестре своей ходила очень редко; занимаясь всё хозяйством, унаследованным у свекрови своей — Анны Гавриловны, которая имела огород во дворе, в большом пространстве, сажень пять в ширину и сажень 40 в длину, и чего только ею не было посажено: и морковь, капуста, горох, хмель, одним словом, что только требовалось по хозяйству; и сама со стряпкою поливала; дочерей выдала замуж: Екатерину Ивановну за купца Ивана Дмитриевича Попова старшаго, Александру Ив(анов)ну за купеческаго сына Фёдора Фёдоровича Комарова, а третью — не помню. И после смерти Анны Гавр(иловн)ы чего только от нея не осталось: и денег в серебряных старинных монетах, и шелковья, и даже сахару в несколько голов, от времени пожелтевший и отвердевший, — всё это хранилось под замком в кладовой, разделённое, по смерти ея, сыновьями Ал(ександаро)м и Михаилом добровольно, без всяких споров; флигель занимал Михаил, а передний дом Александр, место земли было огромное, квадратом, сажень сто, выходившее на Песочную улицу; в переулок Ал(ександ)р Ив(анови)ч выстроил деревянный 2-х — этажный флигель для постояльцов; и в конце (18)40-х годов, в мае, помер, оставив
Л. 339 всё по завещанию // жене своей Авдотье Константиновне (за Иваном Петровичем Ларионовым была сестра ея Аграфена Константиновна), а когда и она, т. е., Авдотья Конс(тантинов)на, заболела и померла, то всё завещала наследникам Ивана Петровича Ларионова — Ивану и Петру Ивановичам, потому что детей у Александра Ивановича не было; место земли и по настоящее время ими не продаётся; припоминаю ещё, что дом Новиковых я узнал, будучи годов пяти ещё ребенком. В Крещение я пошёл с дедушком своим Васильем Фёдоровичем Нашивошниковым, занимавшимся в Городовом суде; сперва, во время обедни, мы зашли в суд, где я в первый раз увидал присутствие; В(асилий) Фёд(орови)ч мне разъяснял о значении зерцала и о портрете государя Николая Павловича, всё это я рассматривал с любопытством и вниманием, и теперь, в 1899 г., помню всю обстановку: много Св. икон, а в переднем углу большая, как церковная, икона Божией Матере, кажется, Владимирской, с предвечным младенцем в серебряном под позолотою окладе. Эта Святая икона, только без лампады, впоследствии, по упразднении в 1885 г. Городоваго суда, перенесена в присутствие Городской думы, устроенной по новому изданному положению, совместно тут же и Городская управа, где, вероятно, сохраняется и теперь, в новокупленном в 1898 г. у Светлаковой на Береговой Енисейской улице за 40 000 р(ублей) каменном доме; Святая же эта икона устроена тоже, как я слыхал, Ив(аном) Ив(анови)чем Новиковым, служившем в начале 1800-х годов в Магистрате бургомистром или ратманом*. И пред Св. иконою лампад большой, как пред иконами прежде было в церкви; когда же зазвонили во все колокола и пошли народ и духовенство на Иордан, тогда и я с Вас(илием) Ф(ёдорови)чем и другия канцелярские, помню: Григорий Степанович Терентьев, Иннокентий Борташов, и другия; но я как-то загляделся на церемониал, заслушался пения и скакавших конных жандармов, как ничего подобнаго не видавший, я как-то отстал от своих путников, заблудился в народе, заплакав, испужался, но кто-то меня, не помню уж, успокоив, отвёл в дом Новиковых: тут никого не было, все ушли на воду, а между тем, как я отогревался, стряпка поставила самовар (мороз был сильной, должно быть, как я теперь соображаю, градусов 40); возвратилось и семейство Новиковых; напоили меня чаем и почему-то отвели меня не домой, а к Петуховым, подле дома Новиковых (Петухов — это по уличному, // а настояще — Парфентье- Л. 339 об.
вы, это Павел Петрович был сродной брат родителю моему Фёдору Фёдоровичу). Погостив у них, я, при-

* Со слов «Эта святая икона» текст вписан на левом поле.

шедшим с воды к Петуховым моими родителями, был отвезён домой; ещё дополняю об Ал(ександ)ре Ив(анови)че Новикове, что он любил курить трубочку, стамбулистик (?) называемуюся, но не картузной табак[216], а называемый черкасский — крепкий, имевшийся всегда при нём в кисете, перемешивая этот табак с берёзовым, с полена, деревом; сам Ал(ександ)р Ив(анови)ч при мне, бывало, разговаривая, возьмёт берёзовое сухое полено и ножом начнёт и строгать, и перемешивать с табаком, и угощать из другой трубки пришедших к нему посетителей и, я, поняв вкус этаго порошка, в начале (18)40-х годов обзавёлся трубочкою и стал покуривать, что и продолжал до (18)50-х годов, а с этаго времени стал курить уже картузной, сперва фабрики Жукова, а потом уже и другия, что продолжаю и до сей час, но только 2 папиросы в час, а ночами не курю, разве в редких случаях, когда какое-нибудь меня беспокоит тревожное обстоятельство. Помню ещё, как сейчас, что получая в суде жалованье по 20 р(ублей) ас(сигнациями) в м(еся)ц, а Александр Иванович служил в суде по выбору общества заседателем, я купил у него карманныя серебряныя часы за 30 р(ублей), поносив которыя, я попросил моего знакомаго чиновника Ив(ана) Вас(ильеви)ча Киренскаго, имевшаго уста, как говорили «медоточивыя», дал ему их на время поносить, но оне так у него и пропали, несмотря на мои частыя надпоминания; да ещё помню, купил у Ал(ександра) Ив(анови)ча в (18)40-м году два воза сена, заплатив 2 золотых (10 р(ублей)), сено было сильно дорого, и А(лександр) И(ванови)ч уступил мне ради знакомства, но воза были такия своей клади, что в ворота не вошли, а разбирали воза уже на улице[*]. Заканчивая сказание о Новиковых, я ещё присовокупляю, что из окна дома Петуховых я всегда любовался огородом Новиковых, изобиловавшим всеми питательными растениями, насаженными трудами Анны Гавриловны и ея дочерей; кроме того, у них был ещё огород под собором, насаживавшийся каждогодно капустою; в то время много было там таких огородов, как-то: наши, Высокова, Сколкова, Кузнецовых и других; капуста поливалась у нас креснинькою моею Мариею Фёдоровною (сестра родителя), невесткою Дарьею Андреевною (жена дяди Степана) и прислугою; прежде трудов не боялись и не стыдились таскать на себе вёдрами воду и поливать растения. Прежде эти огороды были, как свои, и огораживались тыном или частоколом до 1844 г., а с этаго времени, по распоряжению Енис(ейского) губ(ернского) правления, по неудовольствиям советника III отделения Гончарскаго на городскаго голову Ив(ана) Кир(илловича) Кузнецова, // земля *Л. 340* под собором, как городская, стала отдаваться в аренду, но желающих никого не отыскалось, и до сего времени она пустопорожняя, разве весною помещают на ней дрова, да и те без караула оставлять нельзя; а в наши священныя времена и капуста была цела, и огород даже и не замыкаемый на замок. И так, с кончиною добраго рода Новиковых, не осталось, кроме наследников Андреяна Ивановича, но я с ними не знаком, и их не знаю.

Теперь воспоминаю о незабвенном друге нашего дома, статском советнике и кавалере орденов Св. Анны 3 и 2 степени, Св. Станислава 3 и 2 степени, и последняя награда его, в 28 сентября 1898 г., по докладу кавалерственной думы Ал(ексе)й Петрович всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4 степени за 35-летнюю

[*] Со слов «Помню еще, как сейчас» текст вписан на левом поле.

беспорочную службу в классных чинах; недаром сей императорской орден установили в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы и в воздаяние трудов для пользы общественной по делам оных (1т(ом) учр(еждения) орд(енов, ст(атья) 471, изд(ание) 1857 г.)[*]; и имеющем несколько медалей Алексее Петровиче Шарове. Это человек высокодобросердечный, имеющий золотое сердце, глубокий ум, это ангел и друг людей, словом, имеющий все добрыя, христианския качества, унаследованные от своих благочестивых родителей — Петра Алексеевича и Варвары Михайловны. Начинаю летопись свою с самого начала, когда я ещё был годов семи, я от родителя своего, предполагавшаго выстроить новый дом и надворныя постройки, ездил с кучером к Петру Алексеевичу с запискою, содержавшую просьбу о плане, потому что П(ётр) А(лексееви)ч, по вызову губернатора Александра Петровича Степанова из России, занимал здесь должность губернскаго архитектора; как сейчас помню, Пётр Ал(ексееви)ч жил в своём доме, как тогда называли — за городом; на этом месте и теперь выстроен Ал(ексее)м Петровичем новой дом; какой был результат по плану, не знаю, но у нас только выстроены были новыя амбары, завозни, баня, кладовыя плотником, называвшимся Фомичом, имевшим большую седую бороду; а место, где занимал дом Пётр Ал(ексееви)ч, было окружено самородным густым лесом, так что к дому была прочищена аллейка. Продолжаю речь об Алексее Петровиче; он сперва, в начале (18)40-х годов, поступил на государственную службу в Кр(асноярский) земский *Л. 340 об.* суд, что ныне Окружное управление. //

Красноярск 20 мая 1881 года
В день имянин Алексею Петровичу Шарову

Ура! Тебе, с благоговеньем,
Виват! Тебе на новый год
От нас прими ты поздравленье,
Родной наш добрый Патриот.
Адрес этот преподносим,
Шумно празднуя день твой,
У Царя и Бога просим
Что желаешь — всей душой;
И славу, честь, благословенье
Во дни твои из рода в род.
Отец! Прими в благодаренье,
России сын — тя чтит народ.
Тебе от всех похвально слово,
Его не стрёт времён рука, // *Л. 341*
Потомства луч осветит снова.
Южной май вторит ура!
Есть ещё желаний много,
Счастлив будь на много лет.
Кант поём мы этот новой,
Его прими ты, друг, привет.
Любовь народа беспредельна,
Ангел мира — друг людей,
Готовит чувства неподдельны,
Хранит тебя Бог от бед — скорбей

И. Фёд. Парфентьев[**]. // *Л. 341 об.*

Потом, по воле своей родительницы (Пётр Алексеевич помер в 1846 г.), поступил в Окружной суд и, обратив на себя по усердию к службе внима-

[*] Со слов «И последняя награда» текст вписан на левом поле.

[**] Стихотворение на вложенном развёрнутом листе, вторая половина которого не заполнена. Переписано другой рукой.

ние начальника губ(ернии) Василия Кирилловича Падалко, переведён был в Енисейский губернский суд, где сперва был помощником столоначальника, а после, по распоряжению председателя Фёдора Владимировича Ефимова, столоначальником и секретарём; выстроив в (18)70 гг. новый, в улицу, деревянной дом и отдав его под кортом Окружного суда, но недолго пришлось владеть им; он, по неосторожности служащаго, вечером, в январе (18) 72 г. сгорел до основания; желая спасти хоть чтонибудь, Ал(ексей) Петрович, работая на пожаре, сильно обжёг руки и долго лечился; назначено было следствие, и следователь, советник Губ(ернского) суда, молодой учёной человек, как будто бы заподозрил Ал(ексея) Петровича, привлёк его к следствию, но благодаря вступительству за него губернатора Апполона Давидовича Лохвицскаго, знавшаго с хорошей стороны Алек(сея) Петр(ови)ча, об нём не было никакого следствия; дом был не застрахован, а потому Ал(ексей) Петр(ови)ч потерпел разорение, но с помощью добрых людей обстроился вторично; я с ним познакомился ещё в конце (18)60-х годов на свадьбе родственника его Григория Ивановича Худякова, женившагося на племяннице жены моей Агафьи Ивановны — Ольге Ивановне Ростовых, и с тех пор, пользуясь обширною его практикою и занимаясь по делам хозяйским, я каждую неделю ездил к нему за советом; а когда я в (18)81 г. сгорел, и в ночь пожара, приютившись за Качею, утром, чем свет, послал на место пожарища кучера Афанасья Бахова и служащаго у меня письмоводителем А. И. Иванова к замкнутому каменному подвалу, в котором кое-что было сброшено и замкнуто, но они, возвратившись, обсказали, что Ал(ексе)й Петрович уже там, по утишении пожара караулит, так как жиганы // уже начали уже пробовать из- *Л. 342*

ломать замок; но А(лексей) П(етрови)ч закричал на них «самоуправство» и они, убежав, не возвращались; он не пропустит в праздники ни одной церковной службы, постоянно посещает Св. храм и у всеношной и обедни, а то и к ранней, и к поздней обедне поспеет, он благодетельствует бедным и неимущим; он, когда служил представителем Присутствия по воинским делам, разбирал дела бедных и богатых справедливо и не делал никакого поползновения, чтобы подставить вместо богатаго бедняго новобранца; крестьянам, бывало, по бедности их, напишет сам черновую обстоятельно и законно и отдаст только переписать; я не однажды говарива ему, что из этаго могут выйти от злых людей неприятности, которую могут они представить начальству, так как по закону, не только председателю, но даже канцелярии воспрещено заниматься составлением проектов, прозеб и перепиской их, если просьбы следуют к подаче в то же присутственное место, но А(лексей) П(етрови)ч всегда говорил пословицу, что: «Бог не выдаст, свинья не съест». Я не однажды посылал к нему за советом бедных крестьян и мещан, и однажды вышла смешная история: одной бедной матери единственнаго сына в 1873 г. призвали новобранцем, мать в отчаянии, я её послал к Ал(ексею) П(етрови)чу; возвратясь, она и говорит мне, что А(лексей) П(етрови)ч, справясь в делах, сказал ей, что сын ея назначен «оплаченным»; не мог я добиться от нея, что значит слово «оплаченной»; она своё и своё твердит и смеётся, и от радости плачет; поехал я сам к А(лексею) П(етрови)чу, он мне и разъяснил, достаточно посмеявшись, что не «оплаченный», а «ополчённый»[217]. Много и многим он делал и делает добро; а как всякая способность страданий усвлавливает // *Л. 342 об.* способность блаженства, а не знающия страданий,

не знают и блаженства, не плакавшие не возрадуются, то и Алексей Петр(ов)ич по своей глубокой вере в постоянное совершенствование человеческаго духа, подкрепляющаго его и одобряющаго, поистине заслуживает слов Св. писания: «блажеян милостивия, тии пожалованы будут». Придёт время и ярко воссияет над ним блеск полуденных лучей. За его редкий ум, добродетель, простоту любили и уважали начальники, губернаторы: Аппол(он) Дав(ыдови)ч Лохвицкий и Иван Константинович Педашенко[218], и даже, несмотря на свою самостоятельность и величие, уважал губернатор Леонид Алек(сеевич) Теляховский[219], качества котораго в управлении губерниею обрисованы в № 338 «Сына отечества» (24 декабря 1897 г.); а я в смиренному дрии своём, не зная, чем отблагодарить друга человечества Ал(ексе)я Петр(ови)ча, воспел его в своего сочинения стихах в день его ангела — 20 мая 1881 г. (Акростих (греч(еское) — стихотворение, в котором каждый стих начинается одною из букв, находящихся в имени, на которое делается акростих) и вышло по заглавным буквами «Алексею Петровичу Шарову». Это стихотворение при сём прилагается; недаром во мне предвидели, когда я был ещё годов 6-ти, и, сидя на улице, любил смотреть восход и закат солнца, любил месяц, в особенности в полном его объёме, вообще любил, и до престарения моего люблю наслаждаться природою: горами и лесами, и вообще усвоил себе понятие о силе и власти небеснаго Творца и о Св. писании: «Небеса поведают Слово Божия», — да предвидели во мне дар поэзии декабристы, когда я воспитывался у дедушка и баушки, а они, по возвращении из каторги, размещены были по квартирам здесь, в городе; они (Пушкин, Фон-визин и другия, не упомню уже), говаривали моему родителю дать мне образование

в высших учебных заведениях, // но родителя мое- *Л. 343* го отговорили впоследствии, когда я окончил здесь с похвалою в училище курс учения; Богу так, верно, угодно было, чтобы я не в гордости, а в смирении проводил престарелыя дни свои. Подобные же стихи (акростихи) я писал и к хозяину своему, Алексею Сафроновичу Баландину, в день его имянин 24 мая, у котораго я служил кассиром 23 года и уволился по болезни глаз и слабому зрению. Алексея же Петровича Шарова восхвалили и газеты, так: в № 88 «Енисея» 29-го июля 1898 г. напечатан приказ об увольнении по прошению в отставку помощника красноярскаго инспектора по тюремной части А(лексея) П(етровича) Шарова, состоявшаго на государственной службе 40 лет. Газета говорит: «Не можем не прибавить, что многия пожелают о выходе его в отставку. Этаго одного из деятельных, дельных и честных чиновников, всегда относившагося гуманно к арестантам», а я с своей стороны подтверждая это в свою очередь, сказал об нём несколько отрадных слов. Да! Чарующий, несравненный Ал(ексе)й Петр(ови)ч вливал в душу всех и любовь, и радость, и жалость к падшим и угнетённым, и обиженным; ты внушал своим примером веру в будущее и молитвы. Светел сердцем и лицом. Вера без дел мертва есть (Зап(оведь). 2, 20,26). Любовь настолько велика, что и сам Бог именуется ею: «Бог любы есть, — говорит возлюбленной ученик Христов, — и пребывает в любви, в Боге пребывает и Бог в нём пребывает» (1. Иоан(н). 14 и 16) Помните же это, и любви Божественной наипаче всего держитесь. И всем это и вся. Добрых же, родительницу Ал(ексея) Петр(ови)ча — Варвару Михайловну и супругу Анисию // Виссарионовну, память *Л. 343 об.* почтим во вся дни живота нашего. Мёртвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий. Пусть

к песне, безвыходной муке, и эти печальныя звуки из скорбнаго сердца примкнут. Помните же ея выраженье — и скорбь, и тоску и томленье! Проникнитесь ею, друзья, душою, для блага открытой...От имени голи забитой. К вам песня несется моя... Вот всё тебе, добродушной Ал(ексе)й Петр(ови)ч, да будет наградою и в будущей жизни от сердца, преисполненнаго горестию, душевными и телесными страданиями.

Теперь займусь отношением семейства Адрияна и Семёна Ивановичей Ильиных. Дом их был деревянный одноэтажный, большой, аристократический дом, построенный во вкусе помещичьих домов, он находился на Старобазарной площади против ныне существующаго гостинаго каменного двора; в этом доме, в передней половине, жил Андриян Иванович с семьёю, а в задней половине — Семён Иванович, не имевший детей, а только одну жену. Братья Ильины имели годов по 60-ти; у Андреяна Ивановича были сын Александр Андриянович, женатый на Анне Алексеевне из роду Хворостовых, г(орода) Ачинска, а у них были два сына и дочь, выданная замуж за сахарнаго заводчика Гусева; сыновья, отданные в Московское коммерческое училище в 1850-х годах, померли. Андреян Иванович служил городовую службу в Городовом суде судьёю, а Семён Иванович ещё в 1812 году — ратмоном; занятие их было — нераздельная торговля по верховью Енисея у татар; променивали красной товар на скота, и когда, как я слыхал, оба братца подгуляют, то и начнут делиться в разговорах меж собою так: «Ты, брат, у меня взял кони и коровы, я их торговал», а Андриан Иванович отвечает: «Нет, брат, кони мои и коровы мои; так что тебе я дал, будь тем и доволен; и так, поговоривши между собой крупненько, и улягутся спать; проспятся, — и опять друзьями. // *Л. 344*
После смерти стариков Алекс(андр) Андр(ианович) остался единственным наследником всего их состояния; в 1836 г. служил после умершаго строителя Троицкой кладбищенской церкви, Михаила Ивановича Коростелёва, строителем этого Св. храма, а в 1844 г. — гласным Городской думы; и хотя был начитан и остряк, в карман, как говорится, за словом не полезет, но однако ж не нашёлся сказать* пришедшему в думу за каким-то делом, приехавшему из Москвы 3 гильдии купцу Петру Михайловичу Комарову. «От вас, — говорит Ал(ександр) Андр(ианови)ч, — надобно отобрать сказочку (т.е. подписку). А П(ётр) М(ихайлови)ч в ответ на это и говорит не запинаясь: «Я ходил в лавки и Воронова и Сорокина (афоней, торговавших разными мелочами, в том числе и книжками сказок), но у них нет теперь в продаже ни «Бова-королевича», ни «Ивана-царевича»; но Алек(сандр) Андр(ианови)ч на это ничего не сказал, и Пётр Мих(айлови)ч вышел из думы; но после Ал(ександр) Андр(ианови)ч рассказывал в канцелярии, где и я был: «Ну уж, — говорит, — насмешник, я спрашиваю его вежливо, а он отвечает, будто не понимая слов». А то ещё был такой случай. Служил в канцелярии Думы некто А.И. Мержевич, который умел писать, как старинной крюк, на разныя почерки, и однажды подписал бумагу под руку Ал(ександра) Андр(ианови)ча и подложил к нему в числе прочих подписанных им собственноручно бумаг от имени думы; Ал(ександр) А(ндрианови)ч внимательно, как и всегда, рассматривал и читал бумаги, только заметил в подписанной будто бы им бумаге какую-то бессмыслицу, обратился к А(лександ)ру Ив(анови)чу с вопросом, а тот ему и ответил всю правду, за что хотели уволить Ал(ександ)ра Ив(анови)ча, но как он был

деловой труженик, то посмеялись, оставили его на месте; впрочем, от него никаких злодейственных подписей, кроме шутки, никогда не бывало. А(лександр) Анд(рианови)ч был набожной человек, *Л. 344 об.* вина никакого не пил, // и, как-то служа он в думе гласным, на Новый год пригласил к себе всех служащих и Ал(ександ)ра Ив(анови)ча; в том числе был и я, но кроме чаю и разговоров, продолжавшихся до 1 часа ночи от разных шуток и острот Ал(ександ)ра Ив(анови)ча; винопития не было, а в 12 часов выпили по бокалу шампанскаго, поздравили с Новым годом и были таковы — все разошлись по домам; в доме Ал(ександ)ра Андр(ианови)ча была замечательная икона Иверской Божией Матери, точно такая же, как и находящаяся доныне в церкви Благовещения, в сребряной под золотом ризе; куда она перешла впоследствии, не знаю, но в 1862 г. я видел её в том же передке у квартировавшаго в доме торгующаго Максима Алекс(ееви)ча Новосёлова; когда Ал(ександ)р Андр(ианов)ич переехал с семьёю на жительство в г(ород) Минусинск, и в том краю занялся золотопромышленностию, дом этот был окружён с улицы полисадом, деревья котораго, вероятно, насаженныя ещё в (18)20-х годах по распоряжению губернатора Степанова, разрослись и вышиною были выше крыши дома, под тенью которых и сидели торговавшия ягодами, грибами и проч(ими) произрастениями торговки в базарныя дни; бывшия в то время по воскресениям и я, помню, с матушкою моею мы приехали на базар, а в доме квартировал по отводу генерал Черкасов, так он, сидя под окном, читал газету, а мальчик около него крылом гусиным отгонял мух. Против этаго же дома Ильиных, я, будучи ещё маленьким, с матушкою поехал на базар, а когда она сошла покупать у сидящих под ветвями сада торговок ягоды, я, сидя в телеге на передке с кучером, как-то по нечаянности упал с передка к задним ногам лошади, которая, как татарская дикая, не только не изувечила меня, но даже, как говорили окружавшия, не шевельнулась с // места, и здесь Господь сохранил мою жизнь; между тем, как лошадь эта не только *Л. 345* боялась падения под ноги ея, но даже малейшаго прикосновения к ней, легалась, а батюшко любил диких лошадей, в особенности вороной масти, и сам ходил за ними, не доверяя кучеру. Он был большой охотник до лошадей.

Место земли Ильиных было громадное: в старину отводили места земли сами себе хозяева, сколько желали, на этом месте ныне построено три отдельных дома с надворными постройками разными хозяевами; место это продано наследницею Александра Андр(ианови)ча, кажется, дочерью его. К слову ещё о Комаровых. Когда я ходил к Петру Мих(айлови)чу играть в карты — 6 листов — называемая игра «полеския дурачки», а старушка, жена Петра Мих(айлови)ча, Дарья Осиповна, недолюбливала этой игры и называла бездельем, то не один раз говаривала, чтобы мы, т.е., я, и старичок ея П(ётр) М(ихайлови)ч, были поближе к церкви. Пётр же Мих(айлови)ч, воспользуясь этим словом, меня стал приглашать в квартиру Максима Алекс(ееви)ча Новосёлова, тоже любившаго от безделья поиграть в карты; и как-то в Троицин день Дарья Осиповна шла домой от вечерни, а мы зубимся в карты, и сказали ей в окно, что мы здесь, т.е., поближе к церкви, как она нам советовала; вообще просто и весело без вина проводили время и даже, ездивши в поле пить чай, брали и играли в карты, так пристрастились к этой невинной игре, о чём будет ещё подробнее сказано ниже.

А к сему и идёт речь о красноярском, сперва 3-й, а за упразднением ея, 2-й гильдии купце Иване Яковлевиче Ростовых. Отец его, Яков Иванович, кажется, уроженец г(орода) Енисейска, занимался иконописанием, проживал за Качею в собственном доме, построенном в 1830 г., имел сыновей: Ивана, Алексея, Василья, // *Л. 345 об.* Прокопия, Григория, Иннокентия и дочерей Анну, Марфу и Александру; всех сыновей Яков Иванович поручил пристроить к занятиям старшему сыну Ивану Яковлевичу; а потому, он по смерти родителя своего, как уже занимавшийся сперва в стеклянном коновальском *(Знаменский стеклозавод И.И. Коновалова)* заводе материальным, а потом занимавшийся торговлею, поступив сперва приказчиком к купцу Монахину[220], а после к Пьяненкову[221], пристроил братьев к разным занятиям: кожевне, торговле и письмоводству, пережде ведь только и было у мещан занятие торговать, кожевничать и отдавали малолетков писать в думу и магистрат; сестёр своих Ив(ан) Як(овлеви)ч отдал замуж за хороших мещан: Анну за Петра Николаича Долгова, Марфу за Платона Екимовича Ушакова, занимавшегося сперва в Город(овом) суде, а потом в думе столоначальником, а Александру выдал за торгующаго в с(еле) Казачинском. Подробности буду продолжать об одном Иване Яковлевиче. Он женился в 1843 г. на Анне Ивановне Беляниной из хорошаго семейства дер(евни) Базаихи и, отделившись от отца, купил здесь, по Песочной улице, у мещанина Шарова деревянной с постройками дом; завёл в гостином дворе торговлю разными припасами и товарами, подходящими к производству по 3 гильдии; оба они трудились, можно сказать, неусыпно и день и ночь, чем приобрели капитал тысяч до 20-ти асс(игнациями); в гостином целый день поочередно сидели, а в морозы, доходившия до 40^0, только и отогревались чаем и сбитнем; торговля в (18)40-х годах была замечательно хорошая; бывало, уедет Иван Як(овлеви)ч в Ирбитскую ярманку, Анна Ивановна также продолжала неусыпно торговать, но в кредит Ив(ан) Як(овлеви)ч только отдавал товар только верным, благонадёжным ему покупателям, не брав с них никаких расписок, // *Л. 346* на одно верил честное слово. Этот человек такого был сорту, что чужаго не возьмет и своего не отдаст; он сам был редкой честности, и оставил воспоминание по торговле, производимой им более 50 лет; рубля, как говорится, не ломал; я с Ив(ано)м Яков(леви)чем познакомился в августе 1849 г., когда ездил с матушкою своею на Базаиху по приглашению к празднику Успения Пресвятыя Богородицы, и в это — то время высмотрел себе невесту, как выше писано — Агафью Ивановну. Ив(а)н Як(овлеви)ч оказался премилым и весёлым человеком; и до того времени я слыхал об нём от думских сослуживцев. Когда же я в 1850 г. женился, с того времени у нас завязалась неразрывная дружба сплошь до его смерти, последовавшей в январе 1898 года; во всё это время мы с ним только немножко посердились из-за следующаго обстоятельства. Занимаясь по разным делам и по многим доверенностям и получая хорошее безбедное жалованье от разных лиц, я стал скапливать к оставшемуся от родителя моего капиталу и своё трудовое состояние, в банк я его не отдавал, а отдавал в разное время Ивану Як(овлеви)чу без всяких расписок и, таким же образом, сколотив в течение нескольких лет до 3 т(ысяч) руб(лей) серебр(ом); и однажды мне понадобилось 900 руб(лей), недоставших на покупку по Песочной улице дома; я обратился к нему, он сказал: «хорошо, пошлю с сыном», и что же? Посылает все 3 т(ысячи) руб(лей). Я являюсь к нему в лавку, (Ив(ан) Як(овлеви)ч уже дом свой на Песоч(ной) улице продал, а купил на имя Анны Ивановны по Узенькой у диакона Ардоницкаго и отстроил домашнюю лавку, а в гостином торговал по доверенности брат Анны Ив(анов)ны Иван Иванович) и разъяснил ему, что мне всех денег не надо, а только 900 руб(лей), // *Л. 346 об.* остальные же-де пусть будут продолжать быть у тебя в обороте; покапризничал Иван Як(овлеви)ч и взял, но однако ж предложил мне в обеспечение их вексель по предъявлению и положил 10% годовых; я остался благодарным и, таким образом, мы до его смерти оставались друг к другу во взаимном доверии, и я от него имел много духовной помощи; наприм(ер), в 1860-х годах у меня были несносимыя домашния семейныя неприятности, происходившия на Агафью Ивановну; я решился оставить дом отца своего и выйти на квартиру в дом чиновницы Тарховой, как раз против дома Ивана Яков(леви)ча, и пришёл к нему посоветоваться об этом; он меня успокоил советом, что дом без меня разрушат, и поправлять доведётся после мне же, а как я буду жить, то до разрушения его не доведу; «Недолго, — говорил Ив(а)н Як(овлеви)ч, — по лучшему всё переменится» и, действительно, хотя не скоро, но к 1879 г., всё по милости Божией переменилось — жену мою есть было некому, она оставалась полновластною хозяйкою дома; вообще Ив(а)н Як(овлеви)ч был ко мне лучше, чем родной брат, чем и исполнил заповедь Господню: «Утешьте друг друга и созидайте нужде ближняго» (Солом(он). 5,14). Когда же он в 1854 г. потерял в Ирбитской все деньги, вырученныя торговлею за год или больше, у него их ограбили, то я и в свою очередь помогал ему советами по юридической части, рекомендацией добрым людям и ручательством в кредите, так что ему помогли купцы: Афанасей Григорьевич Григорьев, выдали из купеческаго капитала Димитрий Ефимович Ваганов и проч(ие), и чрез год Ив(а)н Яков(леви)ч оправдал пословицу, что худо без добра не бывает; заторговал ещё лучше прежняго, но уже в ярмарку сам не ездил, а посылал Лялю (Ив(ана) Ив(анови)ча Белянина), и после брата Прокопья, который тоже однажды его купленной в ярмарке товар весь присвоил себе, и Ив(ан) Як(овлеви)ч простил // *Л. 347* ему, не заводя с ним никакой тяжбы; Ив(ан) Як(овлеви)ч вообще не мог терпеть никаких процессов. Это была честная торговая фирма, ею дорожили москвичи, благодаря его лестными письмами, чем он и гордился до смерти; он торговал честно и безукоризненно более 50 лет; и когда только в 1881 г. в общий пожар сгорел, то москвичи ему сами сбавили 50% с рубля, а остальные 50 он заплатил в 1882 году; хотя он был с покупателями и грубоват, но справедлив; он помнил за кем что пропало долгу, и когда этот обманщик являлся к нему за товаром, он выскажет ему всю правду, но уже товару в долг не даст. Все к нему, с мала до велика, относились с уважением. Ив(ан) Яков(леви)ч не выписывал никаких книг и газет, он читал только в свободные дни, в праздники, один Псалтырь, о котором сказано, что «ближе угаснет солнце, а сия Св. книга никогда не угаснет», да святцы. Характер его был хладнокровен из желания добра всякому, а мне в особенности. Он, чтобы не служить городской службы, на 3-х-летие 1862–1864 гг. уговорил меня отслужить за него в 1862 г. депутатом от города (судебных должностей он боялся, а в думе он служить не отказывался гласным, но за него служил, кажется, 3 трёхлетие, Пётр Николаевич Долгов, которому он за службу платил жалованье; не то что, как ныне платят из городских сумм, и то, можно сказать, впятеро против прежняго, и тем и другим

произвольными расходами истощают городскую казну, а старые управители её скапливали и старались получать жалованье (наймывались в службу люди малосостоятельныя, семейныя, но люди честныя), а потому и мне Иван Яков(леви)ч платил в год 300 руб(лей). Аккуратен он был до невероятности, Л. 347 об. но не любил скупиться, а награждал // с избытком; он был верен во всех словах своих, и тем доставлял им твёрдость клятвы. Посещал постоянно во все праздничныя и воскресныя дни Св. Храм Божий, и не преступит с ноги на ногу в архиерейскую службу, продолжавшуюся часа по 3 и более, стоит, молится неподвижно, не оглядываясь, а чрез причащение Св. Тайн Господних обновлял и приготовлял себя к принятию будущих вечных благ.

В 1895 году мы, все родственники, праздновали 50-летню его свадьбу, чего в моей памяти это был единственный случай; празднование сопровождалось следующими увеселениями: к семи часам вечера собрались по приглашению юбиляров гости, человек 30, если не более, и родственники, бальныя музыканты и певчия из Кафедральнаго собора. Все было тихо, и все были в каком-то радостном настроении; в семь часов вечера Анна Ивановна, одевшись во флигеле, вошла в приёмную комнату дома празднества и была встречена мною и Иваном Яковлевичем; я их ввёл в освящённый зал, и при входе певчия грянули концерт «Коль славен наш Господь в Сионе!», а, по окончании певчих, музыканты заиграли встречной «Скобелевский марш»[222], после чего подали бокалы шампанского и, при выпитии их, все поздравляли юбиляров с молодою жизнию, а, по окончании чая, пошли танцы, и вперемешку хор музыкантов с певчими пели разныя песни, а в особенности любимую Иваном Яковлевичем Степанова губернатора сочинения «Злыя люди пусть смеются, клевета готовит яд...» и проч(ее). Повторяли несколько раз; часа в два ночи (в январе) подали аппетитный ужин и в конце шампанское, после этаго я, // Агафья Ивановна и отец Иннокен- Л. 348 тий, распрощавшись с хозяевами, и, поблагодарив их за любезное гостеприимство, отправились домой в 4 часа утра; приехавши домой, я ещё по двору прогуливался час, и после сего, выпив постоянно употребляемое вечерами лекарство, траву «крушину», лёг спать; уснув два часа, я к обедне не пошёл (это было в воскресение), а после обедни отправился к «новобрачным». Иван Яков(леви)ч был уже навеселе, предлагал и мне, но я отказался. Это дорогое воспоминание породило и во мне утешительную мысль, приведёт ли Бог и нам отпраздновать 5 мая 1900 года и отблагодарить Всевышняго Творца хвалебною песнею за великую славу, и чтобы удостоил нас Босподь, остальное время жизни нашей провести без греха и наставить нас Господним Уставом, и чтобы Господь, научил нас поступать по воле Его и продлил милость Его. В заключение ещё привожу, что остальная гости, когда мы уехали домой, пировали на золотой свадьбе до свету, и ещё помню, когда в (18)70-х годах омрачила всех золотая лихорадка найденным вблизи Красноярска золотом за Енисеем, я, Иван Яковлевич, и Иван Иванович Токарев, у котораго я служил кассиром и домашним секретарём 24 года, он имел хорошее 100-тыс(ячное) состояние, вот и мы увлеклись на словах, все трое уговорились, что если по розыскам откроется золото, то Иван Иванович и Ив(ан) Як(овлеви)ч поставят на свой счёт работы, а мне — де выделят за мою обоим им услугу; послали // надёжнаго и знающаго Л. 348 об. разведчика и рабочих, дали им сухарей, мяса, котелков и проч(ее); с неделю они работали, кажется, в Лисвяжной *(Листвяжной)*, за Енисеем, и результатом вышло не золото, а залежи медной руды; Иван Иванович, как знаток горнаго дела присоветовал бросить. «Нам, — говорит, — не медь нужна, а золото». Я поговорил с Ив(ан)ом Яков(леви)чем и, действительно, бросили; расход же на эти розыски, употреблённый рублей до 50-ти, Иван Иванович принял на себя; да и в самом деле, в этой Лисвяженой года три после нас разыскивал золото некто Ливин, и, видя поманку золота, обстроился там и в конце концов израсходовал, как я слышал, 40 т(ысяч) руб(лей), разорился и бросил, вот она, погоня за наживой. Честность Ивана Яковлевича видна ещё из следующаго: в 1865 г., когда вышли билеты 2 займа с выиграшами, я и он уговорились купить в банке 1 билет; тогда они были в цене 102, 105 руб(лей); Иван Як(овлеви)ч дал 52 р(убля), да я столько же прибавил; билет хранился постоянно в банке, прошло 30 лет, выигрышей нет, а здоровье моё и его стало заметно худеть, мы и уговорились, чтобы после смерти нашей не было у наследников споров и тяжеб, билет взять обратно и разделить деньги 105 р(ублей) с% пополам, по жребию, кто должен будет додать деньги по курсу, в то время 270 р(ублей), или по настоящей стоимости только 105 р(ублей). Ив(ан) Як(овлеви)ч на цену по курсу не согласился; «А додай, — говорит, — мне то, что я тебе давал», т. е., 52 р(убля). Я на всё был согласен, но его от настоящей цены отговорили сыновья его; а потому, чрез постороннего мальчика, жребий бросили, и какой-то парадокс: он вынял, и жребий пал на Ивана Яковлевича, билет должен был достаться Л. 349 ему; он же справил о курсовой цене, // тотчас же мне и додал 80 с чем-то рублей, оставив в пользу мою за оказанныя мною ему услуги и % за все года с 1866 г.; да, Иван Яковлевич был, повторяю, редкой честности человек, будучи старшим братом, он пристроил вовремя всех меньших братьев своих к тружевическим делам; он даже обратил внимание на брата Анны Ивановны, Ивана Ивановича, взял его к себе, приучил к торговле и сделал впоследствии самостоятельным торговцем, помог ему жениться на Анне Гавриловне Лазицкой из Бузима, отец которой славился по всему околотку богатством; и долго бы прожил Иван Яковлевич, как уверяли доктора, до 100 лет, если бы не скорбныя обязательства, причиняемые ему от ближних его семейства; он имел чисто золотое сердце, но при отсутствии правильнаго его воспитания был груб, и в сердцах выскажет всегда правду, и, приготовившись совсем представить пред праведным судом Божиим, простившись со всеми и со мною, и даже спросил ещё меня о Кеше, моём сыне, как он и чем занимается, пожелал ему здоровья, на 12 января 1898 г. в ночь кончился. Да будет тебе, доброй человек, за твои добрыя дела вечная память. На меже земли, оставшейся от 1881 г. пожара, дошедшем по наследству к дочери Татьяне Ивановне; она построила дом и пользуется с него кортомом. Это место первее всего было Парфентьевых или, по уличному, Петуховых. Это были братья Пётр и Фёдор Ивановичи, а от сего, последняго, был сын Фёдор Фёдорович, мой родитель, впоследствии построившийся на месте, где теперь и я живу; вот уже этому месту пошёл 116 год, ибо крепость была совершена 28 февраля 1786 г. Это редкое владение, чтобы на одном месте прожить столько лет, никто из красноярцев[*] // Л. 349 об.

[*] Далее рукопись обрывается, на следующем листе оставлено место для продолжения, но не заполнено.

О Средне-сибирской железной дороге.

В № 37 газеты «Енисей» 28 марта 1899 г. напечатано: «Управление по постройке этой дороги извещает, что сего числа, в 2 часа дня, на левом берегу реки Енисея, у вновь сооружённаго моста будет совершён благодарственный молебен по случаю окончания работ и открытия по мосту скораго движения». Таким образом, воскресенье 28 марта будет увековечено* в истории Сибири. В этот день Великая Сибирская дорога будет связана енисейским мостом в своих главных частях: Западно-Сибирская дорога соединилась со Средне-Сибирской в одно непрерывное звено. Но ведь опять в той же газете пишут, что поезд № 303 между станциями Жуковка и Кемчуг сошёл одним вагоном с рельсов; вагон этот по шпалам тащился несколько вёрст до самого Кемчуга, где на стрелке, попав на другую линию, и свалился. Но никто из поездной прислуги не заметил, что вагон идёт по шпалам и как не чувствовали толчком? // *Л. 350* «Или, — продолжает газета, — в 1899 г. потребуется для замены старых шпал новыми на участке «Красная река — Обь» 300000 штук». Хотя и совершилось это мирное завоевание у природы р(еки) Енисей, считавшееся, по мнению красноярцев, неприступной для постройки чрез неё моста. Но он всё-таки построен благодаря науке и искусству техники, отстроен в течении 4-х лет, и по нём прошёл в 2 часа дня 28 марта первый сквозной поезд. Что же строители смотрели, когда чуть ли не в каждом № «Енисея» пишется о крушениях; ведь поэтому, намереваясь ехать по этой дороге, надобно предварительно себя застраховать и по христианскому обряду понапутствоваться. О борьбе с природой покажет ещё будущее, Енисей — не Волга; а что устройство этой дороги нам, незначительнаго состояния, сибирякам принесло? Голод и на всё дороговизну. При неурожае хлеба цены и без того возвышались год от году. Я помню, в начале (18)30 годов хлеб зерном покупал родитель мой по 6–7 коп(еек) асс(гнациями) за пуд, а ныне, пшенич(ный), 1 р(убль) с лишним; несмотря на это хлеб в настоящее время скупается за границу из Сибири миллионами пудов и отвозится по железной дороге, а в России (Каз(анская) и др(угие) губ(ернии) едят какую-то траву, и от этой еды увеличиваются болезни, люди пухнут и умирают; не благоразумнее ли бы было хлеб из Сибири доставлять голодающим, а здесь что? В Нахвальской и Буримской волостях тоже чуть не питаются желудями. Лес: один какой-то сибиряк, Шарыпов[223], обязался доставлять в 1899 г. в Англию морем 70 000 дерев, а здесь лес дорожает, как и дрова, которыя везутся из дальних деревень, чего прежде не бывало. // *Л. 350 об.* Крестьяне ищут работ, а их в городе нет; народ из России хлынул сюда, и в одном нашем городе теперь уже считается 34.000 чел(овек); большая половина снуют взад и вперед, чего-то ищут, но не обрящут. Нищенства тысячами, квартиры дороги, а до дороги (железной) была благодать, недаром в (18)30-х годах Красноярский округ славился по России житницею. Лес был в изобилии; я, помню, любил смотреть из окна дома на гору за Енисей, сплошная масса лесов, а теперь только и видится одна большая сосна, а затем — тощий березняк и ельник; обеднела наша природа от этой дороги, а что ещё будет дальше — радостнаго не предвидится. Народ с отчаяния вдался в пьянство; домашний скот и крестьянский хлеб

* Два последних слова подчёркнуты.

продаётся за подати и повинности, а прежде многия крестьяне имели тысячи и десятки тысяч. Словом, люди как будто бы перешли в иную жизнь — нет в делах душевнаго благоустроения, т. е., «познания себя», нет сопоставления жизни с требованиями закона Божия, нет ни света, чтоб осмотреть свою внутреннюю храмину, и размножился разврат, пьянство, повседневныя грабежи; и не проходит недели, чтобы не было убийств; всё это от нахлынувшаго на работы по железной дороге; даже сибиряки-крестьяне и мещане, причислившиеся из поселенцев и переписавшиеся из других городов, потерявшия нравственность ещё на золотых приисках, постепенно развращаясь с (18)30-х годов, в настоящее время окончательно неисправимы, острог преступниками переполнен и содержать остальных уже негде, а в городе Красноярске кабаков и пивных устроилось на каждой улице и переулке, а особенно в глухих местах и около железной дороги, и даже на горе под Сопкою, куда мы ездили в старое время за груздями, и там два уже кабака*, // *Л. 351* а о детях и говорить нечего; на бумаге у нас устраиваются разныя благотворительныя заведения для воспитания детей, а на деле выходит мыльной пузырь; дети, всматриваясь в жизнь родителей, помаленьку привыкают к разным порокам, а в возрасте они уже делают тоже, что отец и мать их, и ясность из души, всё доброе — их дело; затянут в петлю греховную — их дело, загубить человека — их дело, и с собою увлечь в пропасть адскую, их дело. Ах, вы, родители, родители! Подนимите всю свою семейную жизнь, да посмотрите, как вы обращались и обращаетесь со своими родителями, женою, братьями, детьми, прислугой и перейдите в жизнь церковной и общественной; насколько ты благопокорен духовному своему отцу, начальству, своему хозяину, насколько исправен в отбывании государственных повинностей и т. п. Эта заповедь преширокая, но она, к величайшему несчастию, многими забыта и даже в посмеянии. Если бы воскресли теперь наши родители, деды и прадеды, то ужаснулись бы; или, будь бы прежния градския головы, как например, Кузнецовы, Коростелёвы, Власьевский и др(угие), то ни за какие бы деньги не согласились бы устраивать кабаки; да и ныне городской голова в Томске, богач, проживающий в Москве, устроивший много на свои средства в городе благотворительных заведений, но согласился с тем служить, чтобы в городе не было ни одного питейнаго и тому подобнаго заведения, а человек, между прочим, без образования. Как во многих городах, так и у нас, от кабаков и пивных получают большия доходы, а на нравственность народную не обращают внимания; как будто не их дело. Ах, отцы, благодеятели наши, люди с высшим образованием, а старое исполняют, вспоминая историческия слова князя Владимира «Веселие Руси есть пити и не может без того быти» да и немцы в насмешку сказали в газете, // *Л. 351 об.* помните, «Сын Отечества», что у нас в году 160 дней пьют и 160 дней опохмеляются. Распорядительная голова и Дума, вместо доходу с кабаков и портерных, легко бы могли заменить, наприм(ер), с выходных мест на улицу, имеющихся во всяком торговом заведении и у многих домовладельцев, или лавочек для сидения, устраиваемых у ворот на улицу. Это местечко хоть и небольшое, аршин-два, но оно, как составляющее собственность города, а не владельца; даже обложи хоть бы и меня, единовременно или погодно, я бы безропотно взносил деньги в упра-

* На левом поле вписаны карандашом отдельные замечания: «Все бегут торопятся, а к будущей жизни нет. Дров одних 70 000 саж(ень). Каменной уголь. Дети. Не словами, а кровью пишу. Кабаки. Собаки».

ву; или ещё, к тому же, сколько в городе устраивается новых домов, улицы загромождаются материалами строителей, хозяин — плати, потому что занимает этим складом не своё собственное место, а место, принадлежащее городу; а здесь, даже и на огораживаемое для безопасности место, не обращается внимание; сколько бы можно прибавить доходов из этих и тому подобных источников, дело говорит само за себя. Грошовыми доходами с торговли на базарах за место, людей бедных, неотступно каждую неделю требуются деньги. Ведь смех без сожаления сказать; с собак наших, охранительниц, требуются деньги, 1 р(убль) с собаки, тогда как она не только охранительница, но даже и работница; в Пруссии она возит воду, пашет землю и исполняет все лошадиныя услуги. Сколько в городе устроено столбов для провода телефонных и телеграфных проволок? Сотни, они на городской земле, а не внутри дворов, но с них и помину нет, чтобы взыскивалась какая-нибудь пошлина; здесь же хотят по пословице «Море шилом нагреть», устраивают и водопроводы и электричество, словом, замышляются разные нововведения, как в других старинных больших городах; средств у города не достаёт, волей-неволей, должны будут прибегнуть к стотысячным займам; вот, в Киеве испрашивают заём // *Л. 352* в 1 200 000 рублей, так там и жителей-то до 250 т(ысяч) чел(овек), здесь же придёт то время, хотя и нескоро, что убытки города от широкой жизни разложат на домовладельцев и назначат дома их в продажу; вот наследники-то тогда и попеняют на городское управление, да уже будет поздно! Как в Скопинском банке,[224] тоже пострадали несчастныя жители от продажи домов их*. Если бы хоть один умной человек нашёлся в думе, то не отдали бы столько земли под железную дорогу, занятую почти самовольно; ведь и законом 575 ст(атьи) X т(ома) 1 ч(асти) Гражд(анского) зак(онодательства), изд(ания) 1857 г., подобныя земли велено отдавать за приличное вознаграждение, что и поставлено в обязанность разъяснениями Гражд(анского) каз(ённого) деп(артамен)та 1876 г. № 551 и 1882 г. № 121, чему и было много примеров, наприм(ер), Московская дума, за отведенную под участок для железной дороги 30 десятин взяла, помнится, 600 000 рублей; и здесь бы не меньше затребовать и дать бы безвозмездно только десятин семь — вот город бы и поправился; а теперь уже поздно; сдались раньше на ласковыя, образованныя слова; или вот, хоть бы для дороги, нужны 70 000 саж(ень) дров ежегодно, а самим, скоро будет время, будет топить нечем; просто железнодорожное начальство надсмехается над нами; доведись до меня, когда я был около 20 лет городским доверенным и получил от общества похвальный лист, я бы даже просил подвергнуть уголовному суду за самовольное завладение и постройки на чужой общественной земле, ибо и строительной устав воспрещает строиться безактально на чужой земле. Здесь, где ни почитаешь, употребляется каменной уголь, котораго и здесь в изобилии; я помню, ещё в 1861 г. М(ихаил) К(онстантинови)ч Сидоров указывал на открытие залежей каменнаго угля около дер(евни) Кубеково и около Туруханска, // *Л. 352 об.* но его пламенное желание для Сибири было тогда отклонено бывшим губернатором Замятниным, и сам М(ихаил) К(онстантинови)ч чрез это чуть не попался под суд; насколько скороспешна железная дорога, требующая то и дело исправления, настолько же и народ стал скороспешен, бегут, все бегут, торопятся куда-то и сами

* Предложение вписано на левом поле.

не знают, одним словом, «всуе мятутся», а на берегу, посмотришь, во всякое время народом полон бульвар, занятый ничегонеделанием; даже прислуга — горничныя, кухарки — употребляют всё свое жалованье на платье, одеваются все по последней моде — не узнаешь: барынья ли или прислуга? Теперь уже оне, хотя из деревенских, не наденут простую на вате капотку или пальто, а все шьют чрез нахлынувших сюда по железной дороге модисток и швей, одним словом, всё и вся перенесли и перенимают из-за границы, и об интересах города не заботятся. К сожалению, чего привожу на память, циркулярное предписание бывшаго министра внутренних дел 30 января 1874 г. № 1524, напечатанное к исполнению в «Енис(ейских) губ(ернских) вед(омостя)х» 30 марта в № 13, где сказано: «Что некоторыя из общественных управлений делают из принадлежащих городам сумм разныя пожертвования в пользу учреждений, деятельность коих не имеет прямого отношения к пользам и нуждам даннаго города; между тем, сами терпят недостатки в средствах на удовлетворение самых настоятельных потребностей и даже, нередко, на исполнение обязательно лежащих на городских кассах издержек; обращаются или к установлению сборов, не разрешённым городским положением, или даже прямо к пособиям от представительств. С своей стороны, находя распоряжения подобнаго рода не согласным с законом, ибо в ст(атье) 140 город(ского) полож(ения) выражено со всею положительностию, что лишь за покрытием обязательных...»*.

* Текст обрывается, тот, который в кавычках («Что некоторыя из общественных»...), подчёркнут автором. На левом поле листа карандашом вписаны отдельные слова: «Браки. Курят. Пристань. Пароходы. Кухарки» и т. д., т. е., краткое содержание излагаемого текста. Л. 353. Л. 353 об. не заполнен.

Наставление наследникам. Это не завещание, а только наставление, как им жить, завещание написано особо и хранится в сумке. Иван Парфентьев**.

1888 года сентября 18 дня, мы, нижеподписавшиеся, красноярский мещанин И(ван) Ф(ёдорович) Парфентьев и жена его Агафья Ивановна, на основании 816 и 917 ст(атей) X т(ома) 1 ч(асти), сим домашним актом, соответствующим разъяснению Граж(данского) кас(сационного) деп(артамен)та 1868 г., № 550 для наследников наших, постановили обязательно нижеследующее: по роду занятий сыновей наших Александра и Ивана Ивановичей Парфентьевых, и в виду упадших уже у перваго дел, и, следовательно, неизбежной ответственности пред кредиторами, этим сыновьям нашим из имущества и капитала, если таковой останется после смерти нашей, официально завещать что-либо, кроме искренняго родительскаго, во имя Божие, благословения, мы считаем неудобным, тем более, что им ранее сего дана была полная возможность к приобретении своих // *Л. 354* независимых средств и капиталов (мы от них при жизни своей ничего не требовали и содержали их на своё иждивение); кроме того, Александр был отделён и наделён даже с избытком (в доказательство чего имеется его вексель в 10 т(ысяч) руб(лей), оплаченный только 4-мя тысячами рублями); вексель этот подан был к взысканию в Владив(остокский) окр(ужной) суд, и мы в упла-

** Заголовок вписан на левом поле листа.

ту получили только 46 р(ублей) 19 коп(еек)[*]. Но по сердечной родительской любви и привязанности ко всем вообще детям, мы не желаем оставить и их, Александра и Ивана, без духовнаго и материальнаго вспомоществования, почему благословляем Александра иконою Божией Матери «Не рыдай мене, мати» в сребряном под золотом окладе; эта Св. икона в продолжение целаго столетия переходила из рода в род к старшему первенцу, почему за смертию, чего, Боже, сохрани, Александра безбрачным, она должна перейти к Ивану и т. д.; а при чудодейственной силе этой Св. Иконы в благодарение, // *Л. 354 об.* желательно, нам, если уже не каждый год в Великую Субботу пред Св. Пасхою, то, по крайней мере, в 3 года раз, служить дома пред Св. иконою молебен с водосвятием, как уже в обычае, освящённом столетием; сына Ивана благословляем иконою Св. Николая в сребряном вызолоченном окладе; сына Иннокентия благословляем иконою Св. Иннокентия в сребряном вызолоченом окладе, с тем, чтобы сын Иннокентий, в память его благополучнаго рождения, служил в 26 ноября в церкви молебен о своем здравии и спасении, тем более, что за две недели до его рождения, из нас отец видел во сне предсказание или, так сказать, невидимый тайный голос, что родится сын, и чтобы нарекчи ему имя — Иннокентий. Дочь нашу, Анну, благословляем иконою Божия // *Л. 355* Матери «Утоли мои печали» в сребряном в вызолоченном окладе; празднество ея Св. Церковь памятует 25 января. А так как от этой Св. иконы мы во все дни живота нашего получали и получаем «неисчётныя благодеяния, исцеления от болезней и сохранения от врагов», то, в благодарность, с 1867 г., постановили каждогодно служить в доме всеношную и молебен о здравии и спасении всех живущих в доме сём, а в праздник, т. е., 25 января, поговеть и быть у Св. литургии, то от всей души и сердца своего, желаем, чтобы Анюта, если, однако ж, ей это не будет в тягость[**], это наше обещание пред Св. иконою исполняла каждогодно, или, по крайней мере, в 3 года раз, а то Св. икона вам будет надпоминать во сне или явлениями в жизни[***]; и да сохранит всех вас Царица Небесная от болезней, скорбей, напастей врагов, видимых и невидимых, веруйте, дети, что «вся елика, аще молящеся, просите, // *Л. 355 об.* веруйте, яко приемлите и будет вам» (Марк. Гл(ас) 11, 24) и в глубине сердец ваших раскроется незримая таинственная дверь к познанию целебныя помощи от Св. сея иконы.

Чествуемыя церковью и городом Св. иконы Троицы и Знамения Божия Матере, приносимым каждогодно в город из с(ела) Заледеевского, в дом принимать и служить молебны, приготовив записки о поминовении на ектении за здравие живущих в доме сём.

В родительский день после Св. Пасхи бывать всем детям нашим у Св. литургии и подавать на проскомидию о поминовении усопших родителей, сродников и братий, и на могилах наших служить панихиды каждогодно; затем, во дни упокоения нашего, так же совокупно творить поминовение о упокоении душ наших, // *Л. 356* а равно усопших братей и сестр ваших.

[*] Со слов «Вексель этот подан» вписано на правом поле.

[**] Со слов «Если, однако» вписано на правом поле.

[***] Со слов «Или, по крайней мере» текст вписан по правому полю.

Когда же Господу Богу угодно будет взять души от телес наших, то похоронить нас по обряду христианскому — просто, без всяких пышных обрядов и приготовлений, сообразно нашему званию; самое лучшее и полезное для души нашей поминовение: это излишек от похорон, а его легко можно сэкономить, несколько десятков рублей (обеды в столовой в похороны на 20-ть, в 40-й день — на 40-к, в 20 дн(ей) — на 20 челов(ек), в 9 дн(ей) — на 10 челов(ек))[*], роздать бедным, честным, известным семействам, вроде, наприм(ер) Н. А. Нашивошникова, Коновалова (за Качей) и друг(их).

По кончине нашей, нанять на горе у Троицы или Иисусу в старом соборе (или же, самое лучшее, в Щеголевой богадельне)[**] читать псалтырь 6 недель, а во дни 9, 20 и 6 недель заказывать обедни; панихиду и делать поминовение, приглашая родных, знакомых и бедных к обеду, что Бог послал; для бедных и неимущих можно взять билетов на 30 в столовой // *Л. 356 об.* «Синельниковской»[225], там они и помянут, да не забудьте послать на поминовение что-либо в дом умалишенных, наприм(ер), по пирожку или калачику, чайку и сахарку, раздав каждому особо.

Кроме того, тоже послать на Афон в Св. Великомученика Пантелеймона монастырь на поминовение десять рублей.

Материальное же вознаграждение детям состоит в следущем.

После смерти нашей, если останется капитал, то сыновьям Александру и Ивану выдать на руки с роспискою на сём же по одному выигрышному билету 1-го или 2 займа по жребию, и буде, на билет падёт счастливый выигрыш, то владелец обязан будет выдать своим нуждающимся братьям, наприм(ер): бедным своим тёткам приличное по количеству суммы пособие или безобидное вознаграждение на поминовение душ наших. (Иметь в виду, что Ивану в 1889 г.переведено в Одессу одних моих денег с расходом за перевод 222 руб(ля) 95 к(опек), да Иннокентий ему переводил тогда же 250 руб(лей). Какой же после этаго ему надел? Отмечено 25 октября 1890 г. Иван Парфентьев)[***]. Если же Александр // *Л. 357* и Иван от предлагаемаго дара откажутся, так как последний об этом заявил уже письмом к отцу от 22 июля 1887 г. (письмо, хотя писано карандашом, но оно, по разъяснению решением Гра(жданского) кас(сационного) деп(артамен)та 1877 г. № 87, не может служить причиной его недействительности, за отсутствием закона, отвергающаго подобнаго рода письменныя документы), то должны об своем отказе подписать на сём же, а билеты, с теми обязанностями, должны перейти в распоряжение и пользование, также по жребию, дочерям Анне, Марии и сыну Иннокентию, а Александр и Иван обязаны будут, за себя и их нисходящих наследников, дать подписки о непричастности их в наследовании всего остальнаго движимаго и недвижимаго имущества.

Следуя же словам Св. Писания «Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», и при

[*] Текст в скобках вписан на правом поле.

[**] Текст в скобках вписан на правом поле.

[***] Текст в кавычках вписан на левом поле, почти через два года после составления завещания.

отказе Александра и Ивана от наследства, прожи- *Л. 357 об.* вать[*] // им в доме, пока будут холостыми не воспрещается с тем, что если только они будут участвовать в ремонтировании построек и в платеже поземельнаго налога, в противном же случае, они за содержание, отопление, освещение должны будут платить другим наследникам по взаимному соглашению в качестве постояльцев; буде же дочь наша Мария Ивановна, находящаяся в замужестве за дворянином Григоровским, будет жительствовать в Красноярске постоянно или более или менее продолжительное время, в таком случае предложить и ей при пожелании ея жить в родительском доме, участвовать в издержках по ремонту, застрахованию и в платеже налога, а при отказе от расходов, она должна платить за квартиру[**]. Каковое обязательство распространяется в равной степени и на дочь нашу Анюту в случае выхода ея в замужество, а за выходом в замужество продолжить распоряжения и пользования завещанным имуществом, хотя *Л. 358* и продолжается, но в зависимости уже от брата // Иннокентия; и если при том, она, Анюта, даст брату обязательство, что она за мужа своего ни в каких актовых бумагах ручаться наследственным имением не будет под страхом лишения ея права на распоряжение и пользование оным[***]. Одним словом, все наследники, коим поступит это имение, ни в каком случае не имеют права отягощать оное какими бы то ни было обязательствами, а поддерживать и сохранять его как было при жизни нашей; печи, трубы, боровья[226] осматривать как можно чаще во всех домах, и повреждения, какие бы то ни было в доме, немедленно исправлять, не ссылаясь один на другаго, а кто заметил, тотчас же исправь[****].

При отсутствии положительных законов об обязанностях обоих владельцев поддерживать принадлежащее им строение и о прекращении общаго владения на случай прихода строения в совершенную ветхость, поучительно в сём случае определение общ(его) Собр(ания) П(ете)р(бургско)го Сената, напечатанное в «Жур(нале) Мин(истерства) юстиции» за июнь 1860 г., стр(аница) 428, где сказано: «Если // один из общих владельцев какого — либо *Л. 358 об.* строения желает перестроить или исправить его, а другой противится этому желанию, строение же, между тем, приходит в ветхость и перестаёт давать прежний доход, то последний владелец обязан либо дозволить первому предполагаемую перестройку или поправку, либо заплатить ему за принадлежащую ему часть строения соразмерно с доходом, какой оно давало прежде прихода в ветхость». Дом оставляется вам, как полная чаша, и по пословице: «К готовому костру только подбрасывать щепки», воспользуйтесь же этим преданием, любезныя дети, имение поддержите и не разорите, всего в будущем не предусмотришь, почему вы все, как люди просвящённыя, действуйте по своему уразумлению, согласию и чистой совести, чтобы было для каждаго безобидно; оставьте между собою всякия несогласия и раздоры, и да благословит // вас Го- *Л. 359* сподь Бог и все потомство ваше; вы сами видели, и сохранилось в домашних документах, как я соблюдал отцовское имение и переносил все тягостныя ощущения, чинимыя мне от сродников, и да

[*] На правом поле вписано поперёк листа; «И да будет на всё воля Божия».

[**] Со слов «Буде же дочь» текст перечёркнут, а на левом поле, рядом, вписано: «излишне».

[***] Со слов «И если при том, она, Анюта» текст перечёркнут.

[****] На правом поле вписано: «709 ст(атья) X т(ома), из(дание) 1876 г.».

помилует их Господь; в настоящее время мы оба приходим к тихому безмятежному пристанищу и безукоризненною совестью готовимся предстать на Суд Царя Небеснаго. Годовой сорокоуст и в двунадесятыя праздники поминовения на Св. проскомидии[*].

В числе выигрышных билетов 2 займа есть один за № 1797, купленный с самого начала пополам с Иваном Яковлевичем Ростовым *(Ростовых)*, за который он в то время заплатил половинное количество 54 р(убля) 10 коп(еек), и за который, с 1866 года по 1881 год, в процентах мы с ним рассчитались, а с 1881 года, при расчёте процентов с ним или его наследниками, надобно иметь ввиду: во 1-х, то, что проценты идут на одну номинальную сумму, т.е., 5% годовых на 100 р(ублей), а не на курсовую сумму, которая (надобно, пока живы, вырешать об этом билете; по жребию мне же доставшему, он должен достаться 9 сентября 1894 г., решились это устроить в октябре по получении таблицы. С Ив(ана) Як(овлевича) Ростоваго деньги по курсу билета получены, и весь расчёт покончен. Ив. *Л. 359 об.* Парфентьев)[**], // в настоящее время достигает уже до 250 и более рублей на билет; 2-е, следовательно, на 50 р(ублей) Ивана Яковлевича причитается в год 2 р(убля) 50 копе(ек); 3, из этих 2-х р(ублей) 50 копе(ек) упадает на счёт Ивана Яковлевича, платимые мною: а) за сохранение в банке 17,5 копе(ек), б) за две таблицы для справок о тираже — 10 коп(еек), в) за страхование 2 раза в год 80 коп(еек). и г) налога 5% с процентов в год 12,5 копе(ек); так что всего выходит каждогодно расхода на 1/2 половину билета Ивана Яковлевича — 1 р(убль) 20 коп(еек), а остальныя — 1 р(убль) 30 коп(еек) — ему следует каждогодно додавать с 1881 г. или рассчитываться с ним, как было ранее сего, за все 15 лет до перемены билетов на новыя; но при сём надобно также иметь в виду, что страхование билетов идёт от года в год, выше и выше, и, как сказывал А.И. Бургер, дойдёт и до 10 и более рублей в год; то предварительно спросить Ивана Яковлевича или наследников его, согласны ли они будут в сём случае продолжать страхование; // (С Иваном Яковлевичем Ростовым *Л. 360* расчёт по билету кончен, билет по жребию достался ему, а я дополучил с него по курсу деньги сполна. 4 октября 1894 г. Ив. Парфентьев.)[***] в таком случае дали бы от себя дозволительное письмо, прилагая деньги на застрахование два раза в год; буде же, не изъявят согласия на это, то получили бы за свою часть или половину деньги 54 руб(ля) 10 коп(еек), и тем расчёт закончить; с нашей же стороны становится обязательным для наследников, во чтобы то ни стало, страховать все билеты и по таблицам следить, не выйдет ли которой — либо в тираж. Если же, паче чаяния, выйдет выигрыш на билет за № 1797, то, в каком бы он количестве не был, отделить из онаго половину Ивану Яковлевичу, предварительно рассчитавшись за застрахование, хранение и др(угие) расходы, что и поставляется в священную обязанность того из наших наследников, на долю котораго падёт выигрыш на билет за № 1797; рассчитаться безобидно, дабы не поминали нас лихом; кроме того, есть билет за № 11853 2-го же займа, купленный у Алексея Михайловича Кабакова, // если и на этот билет будет выигрыш, *Л. 360 об.*

[*] Предложение вписано на правом поле.

[**] Текст в скобках вписан на правом поле&

[***] Текст в скобках вписан на левом поле, поперёк листа; приписка сделана позднее.

то из онаго отделить наследнику Кабакову — Петру Алексеевичу по совести, например, в таком размере: если выигрыш будет в 500 рубл(ей), то выдать 25 руб(лей); а если будет выигрыш от 1 т(ысячи) до 75 т(ысяч) руб(лей), то выдать по полупроценту с рубля, т. е., по полукопейке; а свыше 75 т(ысяч) рублей, то по одной четверти коп(ейки) с рубля за вычетом, само собою разумеется, при большом выигрыше, расходов за застраховку, хранение и процентов в казну, начиная с 1881 года, а при меньшем выигрыше, таковому вычету г(осподина) Кабакова не привлекать.

Хотя выигрышный билет 2 займа № 5461 и выдан Маше в сентябре 1888 г., но так как, по тщательной проверке в делах оказалось, что находился в хранении нашем собственный ея билет за № 18343, в хранении котораго и выдана Маше росписка, оставшаяся невозвращённою по случаю ея потери, то билет № 5461 от Маши не требовать,
Л. 361 а оставить // в ея собственность, а по смерти нашей возвратить ей билет № 18343, но без платежа процентов, получавшихся нами, так как мы оба эти билеты хранили в банке, страховали и несли прочия расходы; Господь знает, долга ли, коротка ли будет наша жизнь, ведь может случиться, что старость наша затянется, немощи наши усугубятся; приобретения вновь не будет, сыновья помогать не будут, Анюта выйдет в замужество, Маша будет в отлучке; в таком разе мы при всём сердечном желании нашем оставить что-либо детям, можем всё и прожить, в особенности из движимости и капитала, тогда не посетуйте и не оскорбитесь на нас, любезныя дети, и примите одно искреннее благословение, которое одно, сказано в писании, утверждает и созидает долю их детей; если же и не проживём всего капитала, тогда и Маше, // взамен всего недвижимаго имения, Л. 361 об.
выделить простыми банковыми билетами по крайней мере пятьсот рублей.

Если по смерти нашей останется денежный капитал в деньгах или билетах, или продадутся дома по Песчаной *(Песочной)* улице и в задах с Алексеем Петровичем Шаровым, а равно продастся заимка, то на поминовение наше выдать притчу Воскресенскаго собора сторублёвой билет, предварительно справясь, не вышел ли он в тираж; отослать его при письме настоятелю, протоиерею Иннокентию Александровичу Нарциссову, и за его свидетельством получить с этаго письма копию, объяснив в письме, что этот капитал должен быть неприкосновенен, а% с него идут притчу за поминовение навсегда и панихиды во дни нашей кончины, в которыя Господу Богу угодно будет взять души наши от бренных телес наших. // Л. 362

Старое и поношенное отцовское платье, излишния вещи или экипажи, сбрую и т. п.. продать по вольным ценам, и из вырученных денег выдать сестре Елисавете двадцать пять руб(лей)* по частям на поминовение наше, но кроме того, во всю жизнь ея не оставлять её пособиями, хотя и не такими, коими она пользовалась при нас, наприм(ер), к праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова выдать муки, чайку и сахару, по малу толику, так как у вас тех средств, какия были при отце, ожидать уже нельзя; жизнь ваша будет год от году, а равно и приобретения, тяжёлые и ограниченные. Дом, в котором мы живем, доходу не приносит и приносить не может, кроме как разве только можно будет держать на-

* Первоначально было написано «пятьдесят».

хлебников, да и то только в самом крайнем случае, то нормою оценки его будет служить городская оце-
Л. 362 об. ночная ведомость, // по которой он оценен в (18)88 и (18)89 годах в 650 руб(лей) (ст(атья) 405, т(ом) V, «Устав о пошлинах» изд(ания) 1876 г. и ст(атья) 28 «Положение о пошлинах» в прод(олжении) 1876 г., т(ом) V); с этой оценки должна быть взыскана и пошлина и гербовая бумага; и, буде, оценку дома увеличать в последущее время, то можно обжаловать, потому что дом доходу не приносит (ст(атья) 130-я «Гор(одового) полож(ения)»), и если он оценён был в первые года в 650 руб(лей), то теперь уже, как не новый, год от году ценность свою уменьшает, да и к нему новаго ничего не пристроено. Если вздумаете дом на задах бывший Аронович продать, то имейте в виду, что за него заплачено было 1700 руб(лей), и пошлины взыскали с этой суммы; теперь вам этой цены не дадут. Губернское же правление взыскивает пошлины с первоначальной цены и с вас может взыскать также по купленной цене, т. е., с 1800 р(ублей), но это неправильно: можно сослаться, во 1-х, на оценочную ведомость, по которой он оценен только в 170 (0?) руб(лей); во 2-х, с 1887 г., времени покупки дома, ценность деревян-
Л. 363 наго строения год от году уменьшается, // и в 3-х, на закон 28 ст(атьи)«Положения о пошл(ине)» в прод(олжении) 1876 г., т(ом) V, стр(аница) 124, по которому, п(ункт) 1, цена по акту о продаже имущества признается та, за которую приобретается имущество, т. е., покупается имение, следовательно, с покупной цены, а не с той, за которую оно раньше было куплено, это имение можно продать за 1500 р(ублей) или и менее, потому что я кортому перебрал за него более 400 рублей*; но если эта мера не подействует, то Бог с ними, заплатите пошлины с прежней цены, т. е 1800 р(ублей); точно также поступить после смерти нашей и при оценке остальнаго недвижимаго имения при вводе во владение оным, а именно: дом, в котором живем, куплен по купчей 18 марта 1873 г. за 700 рублей, а дом в задах, Алексея Петровича Шарова, куплен по купчей 1873 г. октября 8-го числа за 325 руб(лей); значит, 1% процентных, за переход имения, должны неизбежно взыскать с вас с суммы 2825 руб(лей) — 28 руб(лей) 25 к(опек); движимое имение оценяется по совести, а потому и можно оценить таковаго в 300 руб(лей), а заимку, тоже как арендованную у города**, принадлежащую по закону к имуществу движимому, можно оценить совсем хотя в 150 рублей; выходит, за движимое и недвижимое, // наследники обя- Л. 363 об.
заны будут платить однопроцентных всего на всё 32 руб(ля) 75 к(опеек); если же наличный капитал, в банке находящийся по книжкам, мы не проживём при жизни нашей, а равно и билеты банковыя, и серии по квитанциям банка не успеем взять пред смертию нашею обратно из банка, или же перевести при жизни один на другаго, то приведётся платить и за всё это по 1 %, а их наберется довольно, так как выигрышныя билеты облагаются пошлиною не по номинальной, а по биржевой цене, поэтому, всевозможно надобно стараться заблаговременно капитал этот получить и хранить пока дома, или тотчас перевести на остающагося в живых.

Паче чаяния, если доведётся платить и за всё про всё, а равно, если доведётся доплатить издержанные мною хозяйские деньги***, по моему рас-

* Со слов «Т.е., покупается имение» текст вписан на правом поле.

** Вписано на правом поле «Уже продана».

*** Вписано на левом поле: «они давно уже пополнены, и за мною ничего не состоит».

чёту не более 300 руб(лей), то для платежа 1%-х, можно занять под вексель у Ивана Яковлевича Ростовых, рублей триста или и более; я в надежде //
Л. 364 на него рассчитываю, что он не откажет одолжить на 1/2 года из 6% годовых, т.е.: до тех пор, пока вы не устроитесь в своем положении, наприм(ер), до тех пор пока засвидетельствуется завещание, пока введетесь по распоряжению Окр(ужного) суда во владение, (суд ныне не вводит, я положил советы в конверте при завещании, в шкатулке, у печки)[*]; пока полиция выдаст вводной акт, а такая процедура протянется и даже более, чем 1/2 года, точно также можно убедительнейшее просить Альфонса Леоновича Шанявского или Ивана Яковлевича Волкова, по доброте души их и во внимание к моей честной службе, отсрочить под вексель платёж недостающих денег, если они не согласятся, заверстать обещанных мне в награду по делу Александра Петровича Колесникова[227], остающихся за Альфонсом Леоновичем пятисот рублей, (исполучены 10 сентября 1894 г. С генерала Шанявскаго деньги все сполна получены, и я от него за дело Александра Петровича награждён. И. Парфентьев)[**], да кроме того, надо мне что-нибудь получить из заведения дел по опеке П.А. Родственнаго — я вел их
Л. 364 об. по просьбе Александры Ивановны // Родственной, Альфонса Леоновича и Ивана Яковлевича Волкова (документы же о следуемых мне 500 руб(лей) с Альфонса Леоновича находятся в конверте на доске крышки шкатулки, которая у печки в кабинете). Я полагаю, Альфонс Леонович, по благородству высокой души его, оценить беспристрастно труды мои по опеке Родственнаго и вознаграждение выдать вам всем по равной части, а равно и 500 руб(лей) по опеке А.П. Колесникова.

После смерти моей или матери, во всем прибегайте к советам и защите добраго, доступнаго и беспристрастнаго гражданина нашего, высокоуважаемаго Алексея Петровича Шарова, он вам что нужно напишет, разъяснит и укажет, как поступить в деле о засвидетельствовании завещания и о вводе во владения; за труды его поблагодарите пятидесятью рублями, а так как он не может по служебному его положению официально действовать, то просите и дайте доверенность известному // уже вам и мне практическими познаниями Л. 365
и пользующагося большою популярностью Николаю Фёдоровичу Селянину, который, по приглашению вашему и по совету Алексея Петровича, так и сделает, а известно, что «сухая ложка рот дерёт», то в вознаграждение выдайте по окончанию дела Николаю Фёдоровичу двадцать пять рублей.

По предмету же оценки или домов или что касается до пашни, советуйтесь с гражданином (городской секретарь) Степаном Ивановичем Потылициным, он человек честной, благонамеренный, и вреднаго я от него ничего не ожидаю, при чём, имейте в виду, что дом, в котором мы ныне проживаем, доходу никакого не приносит, то и оценка его должна быть добросовестная, сообразно 130 ст(атье) «Город(ового) полож(ения)», т.е., со стоимости имущества 650 руб(лей), о чём сказано выше.

Если билеты, находящиеся в хранении банка, или часть их // будут выходить в тираже, то на новыя билеты их не обменивать, а класть в книжку Л. 365 об.
сберегательной кассы на имя 3-х лиц: Иннокентия, Анны Парфентьевых и Марии Григоровской (это говорится о кредитных билетах, а выигрышныя всё-таки надобно обязательно страховать, в ваш век что-нибудь и получите)[*], и когда будет доходить цифра до тысячи рублей, тогда разделить на 3 равныя части, а то деньги, полученныя по вышедшему в тираж билеты, израсходуются незаметно, и в руках их не увидите.

Когда же выйдет срок сериям, остающимся, кажется, с 2-мя только купонами, то, если я и мать будем живы или я помру, а мать будет наследовать после меня, тогда серии переменить на новыя (переменены все)[**], подав предварительно заявление в Городское казначейство, а если сделать этаго не сумеете, тогда капитал получить и лучше положить в сберегательную кассу, хотя это и муторно будет класть по 50 руб(лей) за каждый раз и до 800 руб(лей) подкопить, но всё-таки лучше бу-
Л. 366 дет, // чем оставаться им в руках без всякого приращения.

Как не прискорбно нам положение несчастнаго сына Ивана, и как не прискорбно нам обходить его в формальном завещании, но другаго сделать для спасения имения в руках других наследников, нет исхода; наприм(ер), введи Ивана мы в завещание, тогда ответственное его положение по имуществу неизбежно; наследникам имение будет скупить нечем, часть за него внести они могут быть не в состоянии, тогда волей-неволей имение пойдет в продажу с молотка, а между тем, Иван был бы полезен в делах по смерти нашей оставшихся; взамен этаго прошу всех наследников не поообидеть в делёжке и Ивана, хотя, в частности, а он вам поможет в направлении дел по своему благоразумию и опытности; и точно также мы озабочены и об Александре. И да будет на всё воля Божия[***]. // Если останутся Л. 366 об.
от избытков наших средства, и мы их при жизни не проживём, то Александру уделить что-нибудь из движимаго, да, надо же! Бог с ними, они бы должны быть довольны и прежним нашим пособием, когда были средства, но и теперь помощь во время скудости их неизбежно благодетельна, да и они не помянут нас, яко лиходеев. И да будет вся вышеизложенная воля наша священною и равносильною явочному завещанию нашему. Вверяя управлению Иннокентию, Марии и Анны наше трудовое имение, приобретённое честными, неусыпными трудами, и убеждая ещё раз каждаго из сонаследников оставаться довольным назначаемым вознаграждением, нигде по судам на просить, вести мирную безмятежную жизнь. И да будет воля Божия[****].

При погребении грешных моих останков, древесных ветвей и пихты не губить; этому творенью // Л. 367
Божию надо жить для пользы человеческой, да и я, по грехам своим, не заслуживал этих почестей.

И да не будет дано по смерти моей ни малейшаго вероятия злым языкам или толкам, прекратившимся ещё при жизни моей в «словеса лукавствия», и да не постановится мне в какое-либо обвинение или укоризну, «мёртвые сраму не имут», что я будто бы воспользовался плодами капитала кредитованнаго сына Александра

[*] Текст в скобках вписан на правом поле, спустя какое-то время после составления завещания.

[**] Текст в скобках вписан позднее на правом поле.

[*] Текст в скобках вписан позднее на левом поле.

[**] Текст в скобках вписан по левому полю.

[***] Последнее предложение вписано на правом поле, поперёк листа.

[****] Предложение вписано по левому полю поперёк листа.

от Матониных (они при мне ещё распускали эти слухи)[228]. Я не воспользовался ни одним рублём, Александр разорился от глупости своей, и мне ещё остался должен более 6 т(ысяч) руб(лей); да простит Матониным Господь Бог это против меня ожесточение, в котором я не могу, яко безвинный, и дать ответа на страшном суде Божием, а буде, Еф(им) Матонин начнёт процесс за моё какое-то *Л. 367 об.* вымышленное за Александра поручительство, // то оправдание на это у меня приготовлено, стоит только сократить и утверждать, что я никакой телеграммы по поручительству не посылал, да и пропущен 6-мес(ячный) срок; эти доводы написаны мною и вложены в дело по иску Матонина с Александра, дело в маленьком шкафчике на нижней полке у кровати[*]; просите добраго и незабвеннаго по смерти моей Александра Петровича *(Шарова)* — он вам с программы моей поможет.

О Всемогущей помощи Божией, заступничестве и покровительстве Царицы Небесной, Св. ангела — хранителя, Св. угодников Божиих: Св. Николая, Св. Иннокентия, Св. великомученика и целителя Пантелеймона и Св. великомученицы Варвары, я вам, дети мои, словесно рассказывал не один раз, сколько мы испытали чудес и исцелений; эти рассказы, я полагаю, глубоко запали в сердца ваши, которыя да породят в вас живую веру в неусыпный над верущими Промысел Божий, и твёрдую надежду на скорую помощь всем, ищущим ея у святых Божиих, а самыя обстоятельства всей, по мнению *Л. 368* многих, укоризненной, страдальческой // жизни моей, да послужат вам также уроком и опытом, руководя разумом — что делать и что не делать.

Даруем вам, дети любезныя, наследство, просим долгами, как при жизни нашей, так и по смерти, не обременять под опасением недействительности всяких обязательств за силою 709 ст(атьи), X т(ома). 1 ч(асти), изд(ания) 1876 г., а по изд(анию) 1887 года — ст(атья) 710 — я. Но да будет на всё Его Святая воля[**].

Сокрушают нас и укорачивают дни наши поступки сына Ивана, который поступил бесчестно с вверенными ему казёнными деньгами, за что по уголовному закону и должен получить должное возмездие, и если сохранит его имя Господь Бог от позора, то это будет особенная милость Божия по грешным нашим неусыпным молитвам; фамилия наша будет опозорена, и чрез грехопадение сына, упали и мы, но умрём с чистою и спокойною совестию, что сын Иван // сколько бы нам не делал *Л. 368 об.* в жизнь нашу неприятностей и огорчений, доходивших до скандалов, да простит ему Господь Бог, но мы старались и заботились загладить его вину и спасти от гибели, но сам он при всех желаниях наших на откровение его, молчал, молчал и молчал, и не проронил нам ни единаго слова о помощи. Бог с ним, помогайте ему, дети! И не презирайте его, несчастнаго страдальца. Но позор этот убьёт нас и горько отразится по последствиям своим на нашей, более чем столетней, не запятнанной и законом не заклеймённой фамилии Парфентьевых.

Но да будет на всё воля Божия. Программа же оправданий на случай гражданскаго иска за покойнаго Ивана с нас или с наследников наших — всё приготовлено в подробности и находится в де-

[*] Со слов «эти доводы» текст вписан на левом поле.

[**] Предложение вписано на правом поле, поперёк листа.

лах с переплетённым дневником в особой связке, вместе с делом об имуществе умершаго Александра. Не бойтесь, Царица Небесная заступится за вас и вразумит, как далее поступить в деле[*].

Да и в самом деле, чаша страданий наших по грехам нашим ещё не полна, но надобно терпеть и покоряться безропотно воле Божией, ибо, кто приобрёл терпение, тот приобрел и упование, *Л. 369* он украшен всяким добрым делом. Почему с // дерзновением возопиет ко Господу, говоря: «Терпя, потерпех Господа и внят ми» (псалом 39, 2); Претерпевый до конца той спасен будет (Матф(ей) 10, 22). Что лучше сего обетования? Благ Господь терпящим Его, напротив — злополучен и жалок, кто не приобрёл терпения, таковым Божественное писание угрожает горем. Горе, говорят, погибвшим терпение. И действительно, горе тому, в ком нет терпения. Он возметается, как лист ветром, и не переносит оскорбления, в скорбях впадает в беспечность. Где нужно терпеть, там он и сетует. Поэтому всех вас, чада наши, умоляем приобрести терпение и спастись, будучи щастливы с вашими домочадцами.

Заканчивая наши родительския наставления, мы уповаем, что всё сотворится по нашему глаголу, тихо, мирно, безропотно, и да благословление Божие почиет над вами во веки ненарушимо. А все испытания и превратности судьбы — суть ниспосланная свыше по грехам нашим, и да сохранит нас Господь от всякаго роптания и укрепит духом и верою, перенести с спокойною совестию всё ниспосылаемое на нас. Сподоби, Господи, неосуждённо причаститься Св. Твоих Божественных тайн и встретить с раскаянием и несмутительно страшный час смерти.

Рассуждая о поступке сына Ивана, при отсутствии откровенности его в этом отношении, мы не можем умолчать о его письмах к нам на тот случай, чтобы он после смерти // нашей не посетовал, *Л. 369 об.* не укорял нас за невнимание якобы к нему (эти письма подобраны и подшиты в особой тетрадке). В этих письмах, наприм(ер), от 20 октября 1889 г. из Владивостока, он, между прочим, писал: «но Бог спас, дал время мне покаяться за прежнее неверие», «и ещё хуже чувствовать, что ничего, кроме огорчений, не принёс отцу с матерью». Эти письма и засвид(етельствованные) копии с них в том же деле[**].

В письме от 12 янв(аря) 1890 г., прося о присылке денег — 250 рублей, он присовокуплял, что «наказывает меня Господь, но, кажется, уже не по силам; если бы мне довелось вас увидать хоть и пред смертию, пусть умру, да хотя бы на родной стороне; по крайней мере, увидал бы вас и был бы похоронен по-христиански, прошу вашего страданья и ваших молитв».

В письме от 8 февр(аля) 1890 г., из Одессы, сын пишет: «А как бы я желал помолиться Гробу Господню за себя и за вас, а потом уж пусть, хотя ссылают в Якутку. Неужели Царица Небесная вовсе отступилася от меня. Желаю только мира // *Л. 370* и спокойствия, и христианския кончины».

[*] Абзац вписан на левом пол, спустя время после составления завещания.

[**] Предложение вписано на левом поле.

В письме от 11 марта 1890 г. из Одессы писал: «Переведите мне 200 р(ублей), если же нельзя, то своих денег не посылайте, ибо я не хочу вводить вас в излишния расходы, зная, как на старости лет вам трудно зарабатывать насущный кусок хлеба, не ожидая никакой помощи от таких сыночков, как я»[*].

Вот так сам сын Ив(ан) аттестовал себя!

В письме от 20 октября (18)89 г. из Владивостока Иван, между прочим, писал мне, что деньги 2300 р(ублей) он выдал доверенному Мансурова — Хапрову, и, вероятно, забыл взять обратно сохранную квитанцию. Что же, пусть судят, садят в острог, ссылают в Якутс(кую) область и проч(ее), проч(ее).

Тёмное дело, и с трудом вериться, чтобы, заплатив такой куш, и не взять обратно документа, а между тем, о своей невиновности сын пред мною молчит, и ни слова, как будто бы такаго курьёза
Л. 370 об. и никогда не бывало. Неужели бы // при искреннем, сердечном признании его, я остался равнодушен его откровенности? Нет, здесь кроется что-то таинственное. Да простит его Господь Бог, и да не поставит мне мир в предосуждение об оставлении без помощи несчастнаго сына своего, выше своих трудовых средств я был не в силах, без того уже разорённый, швырять тысячами и оставаться в одной, как говорится, рубахе. Может Господь неповиннаго и оправдать, судьбы Божии неисповедимы, только я, и по возвращении сюда сына, не замечаю в нём возрождения христианскаго настроения; в церковь он не ходит, дома не молится; от Гроба же Господня, если бы он действительно был в Иерусалиме, не принёс никакой святыни. Прости его, Господи, и остави наши прегрешения вольная и невольная. Мы, по родительской обязанности, приложили всё на воспитание благонравных детей, и в противном сему, да не прогневается на нас и Господь. Сказано в писании: «Отцы,
не раздражайте чад своих, // но воспитывайте их Л. 371
в наказании и учении Господнее, но гуманное моё воспитание мне же и детям повредило.

Когда же Господу Богу угодно будет взять душу от бреннаго телеса сего, то, похоронивши меня, положите на могилу камень с надписью: «Здесь похоронен тот, кто служил городу пятьдесят лет 1835–1885 г.»[**], имени же и фамилии не чествуйте[229]. Аминь. К сему домашнему акту красноярский мещанин Иван Фёдоров Парфентьев и за неграмотную жену свою Агафью Ивановну руку приложил. Прощайте...

Кончано 18 января 1891 г.

Пред свежой могилой должны смолкнуть все злобы, и враги и друзья должны бы одинаково преклонить головы и сказать: «мир почившему»; будет ли это со мной так, не знаю, потому что трудов моих никто не ценил, и чрез 50-летние труды свои для города с 1835–1885 г. у меня врагов не 50,
а сотни, но простит им Господь. // Л. 371 об.

* Со слов «то своих денег» текст подчёркнут.

** Эпитафия подчёркнута.

КОММЕНТАРИИ

1 Помимо братьев Н.С. и П.С. Бобрищевых-Пушкиных, в это время в Красноярске находился только декабрист С.Г. Краснокутский.

2 Усадьба С.Н. Худоногова и его братьев находилась по Благовещенской улице, рядом с Благовещенской церковью.

3 Кузнецов И.К., красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник и домовладелец, скупил с сыном П.И. Кузнецовым соседние усадьбы по Воскресенской улице и рядом с Благовещенской церковью, образовав большое подворье, получившее название «Кузнецовское».

4 Коновалов И.И., заводчик, владелец Знаменского стекольного завода, каменный дом его располагался по Воскресенской улице и на углу Дубенского переулка.

5 6 декабря 1839 года братья Н.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины получили разрешение на перевод в Тобольск.

6 Речь идет об одном из двух декабристов, занимавшихся торговлей в Туруханском крае — И.Б. Аврамове или Н.Ф. Лисовском.

7 17 июля 1835 года М.А. Фонвизин получил разрешение на перевод в Красноярск.

8 Жена енисейского губернатора В.К. Падалко, урождённая Руперт.

9 Ошибка: Михаил Александрович.

10 В.Л. Давыдов был обращён на поселение в Красноярск 10 июля 1839 года.

11 В июле 1883 года через Красноярск проехал племянник декабриста — Александр Петрович Давыдов — отправляясь посланником в Японию. Он и привёз мраморный памятник, сделанный по рисунку сына декабриста — Василия. В тот же день в Троицкой церкви была отслужена обедня протоиереем Кафедрального собора В.Д. Касьяновым.

12 Спиридов Михаил Матвеевич в 1839 году был обращён на поселение в Красноярск; чтобы иметь средства к жизни, добился разрешения на получение 15-десятинной порции земли в Заледеевской волости в деревне Дрокино.

13 Митьков Михаил Фотиевич 17 ноября 1836 года получил разрешение на жительство в Красноярске.

14 С 1839 года Митьков снимал квартиру у поселенца-мещанина А.П. Петрова на углу улицы Благовещенской и переулка Лавинского; сейчас это район улицы Ленина, 37.

15 Митьков М.Ф. скончался 23 октября 1849 года и похоронен в Красноярске на Троицком кладбище.

16 Данилевский Г. Каменка: Эпизод из времён Александра I-го. М. 1881.

17 Якоби И.В., генерал-губернатор Иркутского и Колыванского наместничеств с 1783 года.

18 Автор реформ сибирского управления М.М. Сперанский проехал через Красноярск дважды: в июле 1810 и августе 1819 годов.

19 В 1799 году А.П. Степанов участвовал в Итальянском походе А.В. Суворова, некоторое время был ординарцем самого полководца.

20 Матвеева Юлия Петровна, дочь купца 1-й гильдии П.И. Кузнецова. Дом её находился по улице Береговой, сейчас — Дубровинского.

21 Родюков Иван Григорьевич, в середине XIX века председатель Енисейского губернского правления; его дом находился в районе современной Стрелки.

22 Возможно, красноярский 3-й гильдии купец И.П. Сытин.

23 Скорее всего, в Калужской.

24 Степанов А.П. был отстранён от должности в 1831 году.

[25] Степанов А.П. был назначен саратовским губернатором в 1836 году.

[26] Лавинский А.С., генерал-губернатор Восточной Сибири в 1822–1833 годах.

[27] Сейчас — улица Диктатуры пролетариата.

[28] Степанов Н.А. служил некоторое время при отце чиновником в Губернском правлении Красноярска; впоследствии известный художник-карикатурист; генеральского звания не имел.

[29] Обоз с золотом и серебром, который доставлялся по тракту из Восточной Сибири в Санкт-Петербург.

[30] Толкачёв И.А., красноярский купец, впоследствии потомственный почётный гражданин; дом его находился на углу улицы Воскресенской и Дубенского переулка, сейчас Мира, 35.

[31] Праздничный день по календарю.

[32] Помимо историко-этнографических и экономических изысканий, А.П. Степанов был известен и как писатель; его роман «Постоялый двор» (Спб. 1835) и двухтомное сочинение «Енисейская губерния» (Спб. 1835) пользовались значительным успехом.

[33] В 1828 году, к 200-летию Красноярска, по инициативе А.П. Степанова был издан «Енисейский альманах», который составили местные литераторы: И. Варлаков, И. Петров, И. Родюков, А. Кузьмин и сам губернатор; «Альманах» заслужил высокую оценку столичной прессы.

[34] В 1843–1845 годах проводил ревизию Восточной Сибири.

[35] Алибер И.П. (Жан-Пьер), купец 1-й гильдии, разрабатывал месторождение графита в Боготольском крае, некоторое время жил в Красноярске; самодеятельный художник.

[36] 23 июля 1835 года.

[37] Служил с конца 1830-х годов до 1844 года.

[38] Вероятно, речь идёт о красноярском 3-й гильдии купце П.А. Логинове, занимавшемся розничной торговлей.

[39] Свод законов Российской империи — собрание действующих указов из нескольких томов; к 1900 году число их достигло 16.

[40] Распоряжение о назначении В.К. Падалко енисейским губернатором вышло 10 апреля 1845 года.

[41] Максимович В.М., полицмейстер с 1845 — до первой половины 1849 года.

[42] Окружной суд включал несколько уездов, рассматривал мелкие и гражданские дела всех сословий округа, кроме городского.

[43] Ошибка: Черниговской.

[44] Уточнения: в 1837 году назначен председателем Иркутского губернского суда, в 1839 году — председателем Иркутского губернского правления.

[45] Владимирский детский приют для девочек-сирот был открыт в 1848 году по инициативе губернатора.

[46] Приют назван именем князя в 1848 году, по случаю его тезоименитства, посещение им Западной Сибири состоялось летом 1868 года.

[47] Хилков И.В., купец 3-й гильдии, торговавший провиантом.

[48] Мещанин Николай Косов.

[49] Словесные суды разбирали мелкие гражданские тяжбы, судьи основывали свои решения на устных доказательствах истца и ответчика, решение исполнялось незамедлительно.

[50] Мещанин А.И. Токарев.

[51] Лопатин А.Н., губернский секретарь, служил в суде; жертвовал деньги на Владимирский детский приют. Дом его находился по Воскресенской улице.

[52] Сысоев П.Д., красноярский врач, прослужил в Сибири 29 лет.

[53] Оба купцы 2-й гильдии, в 1844–1847 годах — заседатели Городового суда.

[54] Попов Василий Антонович, инспектор врачебной управы до 1861 года.

[55] Беттигер (Карл) Егор Иванович, изучал медицину, но звание врача не получил; тем не менее, в Красноярске пользовался авторитетом, лечил декабриста М.Ф. Митькова.

[56] Служил в Воскресенской церкви.

[57] Уточнение: в 1847–1850 годах Орешников избирался кандидатом в городские судьи; судьёй же был избран купец 1-й гильдии П.П. Шипилин, о чём свидетельствует сам автор в более поздних записях.

[58] Баженов К.И., чиновник Енисейского губернского правления.

[59] Граф Н.Н. Муравьёв, генерал-губернатор и командующий войсками Восточной Сибири в 1847–1861 годах, граф Амурский с 1858 года.

[60] Самоходное гребное судно.

[61] Купцы 3-й гильдии.

[62] Падалко был уволен по собственному желанию от должности 24 июля 1861 года.

[63] Шипилины И.П. и П.П., красноярские купцы и золотопромышленники.

[64] Речь идёт о секретаре Земского суда Г.Р. Чепорноусове.

[65] Архивариус — Н.С. Степанов.

[66] Сидоров Михаил Константинович, купец и золотопромышленник; меценат; впоследствии финансировал экспедиции по освоению Северного морского пути; член 25 научных обществ; своими проделками по молодости не раз будоражил общественное мнение Красноярска.

[67] В 1854–1855 гг., в Красноярске, по проекту декабриста Г.С. Батенькова, строилось здание Благородного собрания.

[68] «Енисейские губернские ведомости» выходили с 1857 года.

[69] Мнение И.Ф. Парфентьева может быть ошибочным, губернатор дружил с П.И. Кузнецовым, который не мог отказать в помощи; к тому же, семья губернатора не бедствовала, как и дочь Мария (в замуж. Горохова).

[70] Точнее, 17 февраля.

[71] Замятнин (Замятин) П.Н., первый военный губернатор Красноярска и гражданский губернатор Енисейской губернии в 1861–1868 годах.

[72] 4 апреля 1866 года на Александра II было совершенно покушение Д. Каракозовым, жизнь императору спас Осип Комиссаров, ударив по руке с пистолетом. Оказалось, что отец спасителя, Иван Комиссаров, проживает в Енисейской губернии.

[73] Городской голова в 1865–1867 годах.

[74] Первый Енисейско-Красноярский епископ (в миру Н.И. Казанцев), 7 января 1862 года открыл Енисейскую епархию.

[75] Бутаков М.А., бывший морской офицер, в 1850 году появился в Енисейской губерни, где занимался золотопромышленностью.

[76] Точнее, в 1868 году.

[77] Данилов А.Д., красноярский купец 1-й гильдии, впоследствии потомственный почётный гражданин.

[78] Енисейск сгорел в 1869 году.

[79] Город выгорел 22 июня 1879 года.

[80] Годы губернаторства — 1882–1889.

[81] Суханов И.Я., красноярский купец 3-й гильдии, занимался розничной торговлей.

[82] Знаменский стекольный завод И.И. Коновалова.

[83] Русская порода крупных собак.

[84] Впоследствии — преосвящённый Павел, епископ Енисейский и Красноярский в 1870–1873 годах.

[85] Красноярский купец 3-й гильдии.

[86] С 1857 года — протоиерей Кафедрального Богородице-Рождественского собора.

[87] Чай самого высокого сорта.

[88] Щеголев С.Г., купец 3-й, а затем 1-й гильдии, золотопромышленник; меценат; потомственный почётный гражданин.

[89] А.Н. Лопатин начинал свою службу чиновником в суде, затем состоял доверенным по золотым приискам, впоследствии сам владел приисками; имел кличку «таёжный авторитет» за знание дела и изобретение песковоза, отводившего пески с приисков.

[90] С 1846 года красноярский 3-й гильдии купец, в 1850 году перечислен в минусинское купечество.

[91] Глен Александр Христианович, фон, штаб-лекарь при лазарете Сибирского 12-го батальона.

[92] Член сенаторской ревизии И.Н. Толстого.

[93] Безобразов М.А., чиновник толстовской ревизии; по свидетельствам современников, претендовал на казённые остатки золотосодержащих площадей в Сибири, что и было главной целью его приезда.

[94] В 1841–1843 годах.

[95] Зерцало — трёхугольная призма, на сторонах которой были наклеены петровские указы о государственных уставах, стояли во всех присутственных местах.

[96] С 1853 года — протоиерей Воскресенской церкви.

[97] Купец 3-й гильдии Красноярска.

[98] Золотопромыщленник и домовладелец, см. о нём дальше.

[99] Гремячая сопка на левом берегу Енисея.

[100] Купец и золотопромышленник, занимал должности городского судьи, городского головы в 1832–1834 годах; принимал активное участие в строительстве Кафедрального Богородице-Рождественского собора.

[101] Строительство Кафедрального собора по проекту архитектора К. Тона обошлось купцу Щеголеву в 560 тысяч рублей.

[102] 7 сентября 1861 года.

[103] 7 января 1862 года.

[104] Епископ Енисейский и Красноярский Никодим (в 1861–1870 годах) оставил в Красноярске значительное рукописное наследие — около 70 книг (дневников), представляющих историческую ценность.

[105] Вероятно, Василий Иванович Вавилов, казначей канцелярии Губернского правления.

[106] Речь идёт об одном из трёх братьев Комаровых, красноярских купцов из мещан.

[107] Купец 2-й гильдии, занимался церковной благотворительностью.

[108] Прейн Павел Маркович, купец 2-й гильдии, степенный гражданин Красноярска, городской голова в 1879–1882 годах.

[109] Каверин А. П., подполковник корпуса жандармов, помимо основных обязанностей сопровождал партии рабочих на золотые прииски.

[110] Красноярский купец 3-й гильдии.

[111] Гремячий ключ на левом берегу Енисея, место городских дач.

[112] Белов С. Ф., купец 1-й гильдии, жертвовал средства на постройку Кафедрального собора.

[113] Губернский секретарь.

[114] Карбас был распространен в Сибири, использовался для перевозки грузов по Енисею (вмещал до 60 пудов). Самое надежное судно в ледоход.

[115] Освящённый хлеб или часть просфоры.

[116] Ефимов Ф. В., председатель Красноярского губернского суда.

[117] Во Владимирском приюте для девочек.

[118] Управляющий I отделением Красноярского губернского суда.

[119] Лаврентьев А. Н., чиновник при Губернском правлении.

[120] Синельников Николай Петрович, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1871–1873 годах.

[121] Исполнял временно должность красноярского полицмейстера.

[122] Секретарь окружного полицейского управления.

[123] 26 августа (7 сентября).

[124] Возможно, речь идёт о Комаровом П. М., на которого было заведено дело о взыскании гильдейских податей.

[125] Под запретом.

[126] Вилямовский (Вильемовский) В. Ф., врач, лекарь красноярских богоугодных заведений.

[127] Неурожаи в России 1837–1843 годов.

[128] Еврейская пасха (Песах), отмечается в память исхода евреев из Египта.

[129] Купец 2-й гильдии, построил на свои средства больницу на 40 коек.

[130] Временно исполнял должность губернатора после отставки В. К. Падалко.

[131] Борк Н. И., штаб-офицер корпуса жандармов в Красноярске в 1850-х-1860-х гг.

[132] Еловскую (Яловскую).

[133] Епископ Американский и Камчатский, 25 апреля прибыл в Красноярск проездом в Москву, где получил митрополичью кафедру.

[134] Енисейский купец 1-й гильдии; с 1863 года потомственный почётный гражданин; дважды избирался городским головой; меценат.

[135] Даниил Ачинский, участник Отечественной войны 1812 года, местный святой.

[136] Камергер Николай Петрович Резанов, неофициальный глава Русско-Американской К° на Аляске, при возвращении из Америки в Петербург скончался в Красноярске 1 марта 1807 года.

[137] На Воскресенской улице, на Старобазарной площади, теперь начало проспекта Мира.

[138] Памятник из гранита был установлен в 1831 году, снесён в 1936 году.

[139] Городской голова в 1850–1852 годах.

[140] Костров Николай Александрович, князь, окружной минусинский начальник, этнограф, писатель.

[141] Сысоев П. Д., старший врач красноярского лазарета.

[142] Романов А.А. посетил Красноярск в июне 1873 года, возвращаясь сухопутным путём из путешествия к берегам Америки и Японии.

[143] Лохвицкий Аполлон Давыдович, губернатор в 1869–1881 годах.

[144] Купец 1-й гильдии и золопромышленник, городской голова в 1850–1853 годах.

[145] Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

[146] Преосвящённый Исаакий (в миру Иван Калиникович Положенский) Енисейский и Красноярский епископ в 1881–1886 годах.

[147] Родственная Лидия Алексеевна, золотопромышленница, жертвовала на женское образование, состояла пожизненным членом Общества для финансирования Высших женских курсов в СПб.

[148] Колесников А. П., иркутский купец, почётный гражданин.

[149] Купец 2-й гильдии Енисейска, золотопромышленник.

[150] Возможно, речь идёт о купце 2-й гильдии Е. А. Грязнове (Грязных).

[151] Третья книга Библии.

[152] Егоров А. М., купец 2-й гильдии, золотопромышленник, купеческий старости, гласный Городской думы.

[153] В 1873–1881 годах.

[154] Лорис-Меликов М. Т., министр в 1880–1881 годах.

[155] Юдин Геннадий Васильевич, купец 3-й гильдии, владелец винокуренного завода и золотых приисков, владелец уникальной домашней библиотеки.

[156] Первый опустошительный пожар в Красноярске произошёл в 1773 году.

[157] Сосед — мещанин Е. М. Высоков (?).

[158] Пикок Р. К., городской врач с 1871 года.

[159] Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

[160] Речка, левый приток Енисея.

[161] Бургер Александр Иванович, инспектор Енисейской врачебной управы, врач больницы в остроге, один из основателей Общества врачей Енисейской губернии.

[162] Плашкоут; состоял из двух лодок, соединённых общей платформой, и двигался по дуге, описанной канатом.

[163] Кудрявцев Емельян Фёдорович, учитель, впоследствии издатель, владелец типографии.

[164] Начиная с Петра I, — люди, собираемые по рекрутской повинности.

[165] Нижний чин горного ведомства.

[166] Ездаков Дмитрий Фёдорович, комиссионер по откупам и золотопромышленник, о котором оставили добрые воспоминания красноярские декабристы.

[167] Сучок, соринка, по поговорке «в чужом глазу сучец видишь, в своём и бревна не видишь».

[168] Соколовский Владимир Игнатьевич, экзекутор Енисейского губернского правления с 1828 года, поэт.

[169] «Учреждение местных судебных установлений» для Сибири было принято в 1892 году, касалось судебной реформы.

[170] Смирнов Павел Степанович, купец 2-й гильдии, аптекарь.

[171] Латкин Василий Николаевич, купец 1-й гильдии и золотопромышленник; в 1840–1841 годах путешествовал по Уралу и Сибири в поисках возможности сообщения Европы с Сибирью через реки Обь и Печору.

[172] Купец 3-й гильдии, служил на частных золотых приисках.

[173] Купец 3-й гильдии, разорившись выбыл в мещанство.

[174] Корсаков М. С., чиновник по особым поручениям; отправился в Петербург в 1850 году, генерал-губернатором Восточной Сибири стал с 1861 года.

[175] Правительственный печатный орган, издававшийся Главным управлением по делам печати с 1869 по 1917 г. Носил преимущественно справочный характер.

[176] Вероятно, речь идёт о купце 3-й гильдии И. Я. Суханове; имел каменный дом по Воскресенской улице.

[177] Сдача в наём дома.

[178] Малевинский Н. И. служил управляющим у золотопромышленника В. Ф. Базилевского, сам имел прииски; указываемый дом находился по Благовещенской улице.

[179] Братья Рязановы И. И. и В. И. — крупнейшие казанские купцы и золотопромышленники в Енисейской губернии, владельцы приисков в северной части Енисейского округа.

[180] Енисейская, или Береговая, улица.

[181] Благородное собрание для привилегированной публики Красноярска.

[182] Дараган К. Я., чиновник особых поручений с 1837 года.

[183] Купец 3-й гильдии, в 1847 году выбыл в мещанство.

[184] Лобковский Михаил Иванович, почтмейстер в Красноярске до середины 1849 года.

[185] Вероятно, речь могла идти о завещании в 300 тысяч рублей в пользу красноярской жительницы Сухановой, от которой И. К. Кузнецов имел незаконных детей.

[186] И наградила бриллиантовым перстнем, конверт от которого хранится в фондах Красноярского краевого музея.

[187] В мае 1854 года генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв, под личным руководством, предпринял первый сплав по Амуру (всего было 4 сплава), доказав, что Амур принадлежит России; а также для защиты Камчатки от англо-французской эскадры (шла Крымская война 1853–1856 годов). Участником сплава стал и П. И. Кузнецов.

[188] Матвеев Иннокентий Алексеевич, в 1882 году закончил Военно-медицинскую академию по ветеринарному отделению, один из основателей в 1889 году городского музея в Красноярске, городской голова в 1891–1894 годах.

[189] Летом и осенью 1843 года комиссия Толстова ревизовала округа Енисейской губернии.

[190] Солдатские дети, обязанные проходить военную службу.

[191] Мильштейны — енисейские и красноярские купцы 3-й гильдии.

[192] Валуев П. А., министр внутренних дел в 1861–1868 годах.

[193] Автор не совсем верно цитирует «Панораму гр(ада) Красноярска» М. А. Бутакова, высмеивавшего местное «высшее общество», что привело к многочисленным ссорам; ответом на «Панораму» стало стихотворение Н. В. Латкина «Ответ читателя», написанное также в сатирическом тоне уже на автора «Панорамы».

[194] Парой запряжённые лошади.

[195] Гудков Павел Козьмич, золотопромышленник, учредитель в конце XIX века Вольно-пожарного общества; общественный деятель, почётный гражданин Красноярска, гласный думы, городской голова в 1906–1908 годах.

[196] Китайский шёлковый атлас.

[197] В 1847–1848 годах Никита Мясников улаживал дела в Петербурге, связанные с его Спасским прииском, которым пытались завладеть столичные претенденты; там в 1848 году и скончался. Его дома в Красноярске перешли брату Николаю. В 1851 году Анна Мясникова по суду вернула эти дома в своё владение.

[198] Лаврентьев А. Н., Гирс Н. А., Абдрин И. П., председатели или управляющие Енисейской казённой палатой в разные годы.

[199] Комиссионер по откупам, компаньон упоминаемого И. И. Рязанова; о нём оставили добрые воспоминания декабристы; близкий друг В. Л. Давыдова.

[200] Имел шутливую кличку «Едаков».

[201] Штаб-офицер корпуса жандармов в Красноярске в 1850–1860-х годах.

[202] За отъездом В. К. Падалки в отпуск.

[203] Вероятно, автор ошибается, и речь идёт о Тюрепине Иване Михайловиче, купце 3-й гильдии, городском голове в 1817–1819 годах, о чём упоминается ниже в тексте.

[204] Ошибка. Яковлев Иван Никитич, купец 3-й гильдии.

[205] Голубков Платон Васильевич, золотопромышленник, владелец богатейшего Платоновского прииска, не считая паёв в других кампаниях.

[206] А. А. Плотников не был городским головой.

[207] Сказка «Конёк-горбунок» П. П. Ершова была написана под впечатлением А. С. Пушкина; по одной из версий, первые строки сказки написаны Пушкиным, который редактировал её, хотя это утверждение считается спорным.

[208] Повесть «Фрегат «Надежда» был написан А. А. Бестужевым-Марлинским в 1832 году, и вошёл в число самой популярной и читаемой прозы 1830–40 годов.

[209] Петрашевский М. В. прибыл в Красноярск в конце 1860 года и проживал в городе до 21 марта 1864 года.

[210] При стеклоделательном заводе И.И. Коноваловым была устроена Знаменская церковь, при которой и находился монастырь

[211] И.И. Коновалов имел дома по Воскресенской и Благовещенской улицам, а также три участка земли в городе

[212] Вероятно, речь идёт о народном театре – райке, который состоял из ящика с увеличительным стеклом спереди; внутри ящика перематывалась лента с разными сюжетами: российские события, портреты государственных особ, религиозная тематика

[213] Отец — Пётр Фёдорович Ларионов, из иркутских купцов, входил в 3-ю гильдию Красноярска, мать - Екатерина Михайловна

[214] В 1838-1840-х годах

[215] Городским головой служил Иван Петрович Ларионов в 1838–1840 годах, отец, а не сын — И.И. Ларионов.

[216] Табак, который хранился в плотной обёрточной бумаге, называемой картузной.

[217] Зачислен в ополчение.

[218] Губернатор в 1882-1889 годах.

[219] Верно, Теляковский Леонид Константинович, губернатор в 1890-1896 годах.

[220] Монахин Иван Тимофеевич, канский, а затем минусинский купец 3-й гильдии.

[221] Пьяненков Фёдор Павлович, красноярский купец 3-й гильдии.

[222] Автор марша К. Франц; написан в честь генерала — героя Русско-турецкой войны 1877-1878 годов – М.Д. Скобелева.

[223] Шарыпов М.Д., енисейский 2-й гильдии купец и золотопромышленник, владелец пароходов на Енисее.

[224] Город Скопино Рязанской губернии, жители которой страдали от малоземелья и высоких арендных ставок на землю; к тому же строительство железной дороги привело к значительному отходничеству населения с мест поселения, пытавшегося найти хоть какой-то заработок.

[225] Столовая Синельниковского общества благотворителей и попечителей сирот, устав которого был утверждён в 1874 году; приют Общества содержал и воспитывал мальчиков – сирот.

[226] Дымовая труба — «боров» — между потолком и крышей.

[227] Колесников А.П., минусинский, а затем иркутский купец 2-й гильдии.

[228] Матонины., красноярские и минусинские купцы 3-й, а затем 2-й гильдии.

[229] На могильной плите надпись: Иван Фёдорович Парфентьев, ск. 3 мая 1899 года на 75 году. Рядом похоронены сыновья Иван и Иннокентий (на Троицком кладбище).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей

ИОХМ — Иркутский областной художественный музей

КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРФЕНТЬЕВА ИВАНА ФЕДОРОВИЧА (1777-1898)

Рукопись из фондов
Красноярского краевого
краеведческого музея

Руководитель проекта В. М. Ярошевская

Редактор Т. С. Комарова

Продюсер проекта Т. В. Зыкова

Обработка текста и комментарии Т. С. Комарова

Подбор и аннотирование фотографий из фондов КККМ Т. С. Комарова, И. В. Куклинский

Составление именного указателя Т. С. Комарова, А. В. Быстрова

Корректор А. В. Быстрова

Компьютерный набор рукописи Л. А. Сысоева

Дизайнер В. В. Ситникова

Верстальщик Г. В. Гладкая

Подписано в печать 22.11.2016. Формат 70х10 /12. Усл. печ. л. 38,89. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Тираж 1200. Заказ № 37748.
Отпечатано: ООО «Полихром», 660049, г. Красноярск, ул. Дубровинского, 58, тел. (391) 227-77-81.